

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОНД ПОДДЕРЖКИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ
ЦЕНТР РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ПРОЕКТОВ**

**Библиотечка Центра развития
социально-гуманитарных проектов**

**Б.Н. БЕССОНОВ
М.В. ВИНИЧЕНКО
И.С. ДАНИЛЕНКО**

**ИМИДЖ РОССИИ
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПРАВДЫ**

правдаистории.рф
truthrussia.ru

Москва
Гуманитарий
2015

УДК 94(47).084.8:355.48(430:47)”1941/1945”

ББК 63.3(2)622-08

Б53

Бессонов, Борис Николаевич.

Имидж России в контексте исторической правды / Б. Н. Бессонов, М. В. Виниченко, И. С. Даниленко. – М. : Гуманитарий, 2015. – 592 с. – (Библиотека Центра развития социально-гуманитарных проектов / Нац. фонд поддержки социал. программ, Центр развития социал.-гуманитар. проектов). – ISBN 978-5-91367-118-9.

И. Виниченко, М. В. И. Даниленко, И. С.

Агентство СІР РГБ.

В нынешнем – 2015 году наш народ, все честные люди торжественно отмечают 70-летие Великой Победы над фашизмом. Эта годовщина Победы побуждает нас с уважением и благодарностью вспомнить всех тех, кто самоотверженно сражался с фашизмом, кто был его мучеником, кто отдал свою жизнь на алтарь великой победы над фашизмом.

Долг перед советским народом, нашими предками, перед памятью тех, кто сражался и победил фашизм, требует выступить против фальсификаторов истории, вернуться к феномену фашизма, чтобы разоблачить его преступное лицо и подчеркнуть величие борьбы и победы над фашизмом нашего великого народа.

Современная Россия имеет колоссальный авторитет в мире. Несмотря на все старания западных средств массовой информации, Российская Федерация в глазах простых жителей стран ближнего и дальнего зарубежья остается миролюбивым, но вместе с тем сильным государством. Для поддержания имиджа и укрепления авторитета необходимо использовать все имеющиеся ресурсы. Одним из главных ресурсов российского государства является наша героическая история.

Извлечение современниками, особенно молодежью, уроков из боевого прошлого, грамотное его использование в своей жизни позволит избежать ошибок, сделает их сильнее, поднимет имидж России в целом.

ББК 63.3(2)622-08

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор А.В. Кириллов
доктор исторических наук, профессор Н.В. Агеев

При реализации проекта использованы средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 25.07.2014 № 243-рп

и на основании конкурса, проведенного Обществом «Знание» России

ISBN 978-5-91367-118-9

© Национальный Фонд

Поддержки Социальных Программ, 2015

© Академия гуманитарных исследований, 2015

© Издательский дом «Гуманитарий», 2015

© Б.Н. Бессонов, 2015

© М.В. Виниченко, 2015

© И.С. Даниленко, 2015

**ИМИДЖ РОССИИ
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПРАВДЫ**

**«Имидж России
в контексте исторической правды» —
комплексная образовательно-
просветительская программа,
необходимая для патриотического
воспитания молодежи**

Нельзя не согласиться, что без правильного понимания истории невозможно понять современное положение государства и, следовательно, с полной убежденностью поддерживать проводимую им внутреннюю и внешнюю политику. Общеизвестно, что история Отечества, своего народа является основой национального самосознания и национальной идентичности, формирования личности и гражданина. Процесс осмысления и интерпретации собственной истории — это одновременно создание и конструирование образа (имиджа) собственной страны. К сожалению, все чаще приходится становиться свидетелями, когда исторические исследования порой перестают быть частью сугубо научной проблематики, исторической объективности, становятся заложниками политической конъюнктуры и, следовательно, не редко используются в качестве инструментов влияния для достижения сиюминутных интересов.

И это особенно важно сегодня, когда многие так называемые партнеры нашей страны, недавние союзники по военно-политическому альянсу, да и бывшие братски республики, прибегают к перетасовке исторических фактов и событий, пытаются заниматься трактовкой истории в угоду своим экономическим и политическим интересам, причем, очень часто — ложно понятым.

Особенную тревогу вызывает распространение представлений об относительности исторической истины, трактуемой как: «нет объективной истины, у каждого своя правда».

Очень важно, что реализация программы проходит в год празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной Войне, в то время когда закрепление исторической справедливости и правды имеет огромное значение в деле воспитания молодежи в духе патриотизма, любви к Родине и гордости за подвиг отцов и дедов, всего народа, за историю отчизны, – за свою историю.

Поэтому, основной целью и задачей комплексной образовательно-просветительской программы «Имидж России в контексте исторической правды» является научить молодое поколение и общество в целом объективно оценивать ход истории, опираться только на исторические факты, правильно понимать, принимать и гордиться историей своей страны, воспитать уважительное отношение и чувство гордости за свою Родину, ее историю, способствовать росту гражданской активности и патриотизма во имя утверждения исторической правды и торжества исторической справедливости.

Уважаемые читатели, дорогие друзья!

Позвольте поздравить вас с 70-ой, юбилейной годовщиной Великой Победы, пожелать вам и всем людям планеты, чтобы ужасы войны никогда не повторялись, мира и добра вам.

*А.Н. Сергеев,
Председатель Правления Национального
фонда поддержки социальных программ*

И.С. Даниленко

**Великая Победа
и современные проблемы
войны и мира**

Со времени победы над европейским фашизмом во главе с гитлеровской Германией, в достижение которой решающий вклад внес Советский Союз, все его народы, прошло 70 лет. За победой над европейским фашизмом последовал военный разгром и безоговорочная капитуляция милитаристской Японии. С того времени на планете произошло множество больших перемен. Более чем в 3 раза возросла численность народонаселения (в 1950 году она составляла 2,5 млрд человек, а в 2015 году будет на уровне 7,5 млрд), существенно изменилась организация мирового сообщества государств и народов, нет уже Советского Союза – основного творца Победы. Но благодаря этой Победе живы его народы. Бывшие союзные республики Советского Союза стали самостоятельными государствами. Не все их правительства считают свои страны наследниками Победы, а в некоторых даже прославляют отщепенцев и предателей, сотрудничавших с нацистами. Российская Федерация твердо стоит на позициях наследника и защитника Великой Победы над силами мирового Зла. Сразу после войны фашизм и милитаризм были осуждены мировым сообществом, казалось, что они никогда не возродятся на арену истории. Но события последних лет говорят о том, что этот вид зла способен реанимироваться, когда о нем забывают, тем более восхваляют за совершенные преступления.

Значение и влияние победного 1945 года на ход истории народами не забыты. Хотя много было сделано и делается, чтобы Победа была затёрта и извращена в памяти новых поколений, кратно уменьшены её роль и значение в национальной и мировой истории. Под личиной «правдолюбов» были оплётаны и представлены уродами её творцы, проявленный ими героизм и принесенные жертвы. Но суровая, подлинная правда истории имеет свойство возрождаться.

Элементарное чувство справедливости требует отдать должное творцам этой Победы, тем, кто погиб во время жестовой войны, кто уцелел в её вихрях и шквалах, но уже умер, и естественно, тем

немногим фронтовикам и труженикам тыла, которые еще живы. Жизнь продолжается благодаря творцам Победы.

Значение Победы для национальной истории народов, входивших в состав СССР, неопределимо. Если бы она не состоялась, а войну выиграли бы европейские фашисты и японские милитаристы, то у них давно уже не было бы своей истории. Против народов Советского Союза фашизм вел геноцидную войну. Планировалось не только захватить территорию, но и очистить её от проживающего народонаселения. И в этом отношении не должно быть заблуждений, что фашисты во время оккупации к кому-то относились хорошо, а к кому-то плохо. Они планировали уничтожить одни народы в первоочередном порядке, другие – в последующее время, по мере отпадания надобности в их использовании на службе избранной фашистами нации. Другая история была бы и у народов других стран, в том числе США и Великобритании, если бы поражение в войне потерпел Советский Союз. Но для завоевания мирового господства фашистам надо было непременно победить вначале Советский Союз.

В ходе войны стратегия и тактика фашистского руководства по отношению к народонаселению СССР менялась в зависимости от обстановки. Не менялась только конечная цель: устранения СССР с арены мировой истории. Пока осуществлялся блицкриг с надеждой разгромить Советский Союз к осени 1941 года, для фашистов было главным как можно больше уничтожить граждан СССР в ходе боевых действий и организации тыла своих войск. Поражение под Москвой, крах молниеносной войны вынудили фашистов перейти к затяжной войне. Для её ведения требовалась увеличить численность войск и военное производство, ввоза миллионов подневольных рабочих в Германию. Одновременно для поддержания порядка в разрастающемся тылу фашистских войск они вынуждены были наряду с репрессиями к тем, кто оказывал сопротивление, применять изоциренные методы принуждения и склонения местного населения к их сотрудничеству. Ставку делали на националистов, сепаратистов, беспринципных шкурников, слабых духом.

На оккупированной территории фашисты наряду с жестоким насилием применяли изоциренные методы вербовки, склонения к предательству и сотрудничеству военнопленных и гражданских лиц,

создания из них диверсионных групп и воинских подразделений по национально-этническому признаку с последующим отправлением на фронт в агитационно-пропагандистских целях. Такие подразделения создавались из представителей всех национальностей Советского Союза. В первые дни и недели войны фашистским армиям удалось окружить и пленить ряд соединений и объединений Красной армии. В распоряжении спецслужб оказались большое число пленных красноармейцев всех национальностей. Но это не была преднамеренная и добровольная массовая сдача в плен, а результат неподготовленности к внезапным рассекающим ударом фашистскими танковыми армиями, потери управления советскими войсками. Последующей массовой сдачи в плен не было, несмотря на все ухищрения фашистов. Но то, что они расширили организационные, идеологические и информационно-психологические средства и методы ведения военной борьбы, не прошло бесследно. Поэтому в этой войне случаи измен, предательств, сотрудничества с врагом были не только результатом человеческих слабостей, трусости, безнравственности, мстительной непримиримости отдельных людей к советскому общественному строю, а в значительной степени результатом широкого применения разработанных фашистскими спецслужбами, по существу, уголовных И всё же большие усилия и ухищрения фашистов разделить граждан СССР по национально-этническому, конфессиональному и другим критериям не дали им ожидаемых результатов. Цели своей они не достигли. Не было массовой поддержки и триумфальных встреч оккупантов на захваченных территориях. Хотя инсценировки имели место. Они до сих пор используются теми, кто прямо или косвенно стремится обелить фашистов, доказать, что единства народов Советского Союза в войне не было, и фашисты не ко всем относились плохо. Особенно стараются в сочинении и распространении такой лжи антисемиты и русофобы, утверждая, что уничтожались только представители этих национальностей.

Подлинная большая правда заключается в том, что в годы войны народы Советского Союза выступили против фашистов как единая политическая нация. Единство народов Советского Союза в войне – главный источник победы над европейским фашизмом. Победа над фашизмом и милитаризмом состоялась благодаря союзу народов великих держав – Советского Союза, Соединенных

Штатов Америки и Великобритании. Руководство этих стран смогло отодвинуть в сторону груз исторических негативных наслоений и претензий, протянуть руку дружбы и помощи во имя низвержения фашистского и милитаристского Зла.

Великая Отечественная война советского народа, вся Вторая мировая война, решающей частью была Великая Отечественная война, была великой битвой народов за длительный и прочный мир. Победа над силами европейского фашизма, а затем и азиатского, конкретно японского милитаризма, навязавшие человечеству Вторую мировую войну, по существу, представляла невиданный удар по силам военной агрессии. В результате победы перед человечеством открылась новая альтернатива исторического развития: перейти от мирно-военного хода истории, от движения национальной, а в XX веке и мировой истории по порочным мирно-военным кругам к её движению только по мирному вектору. Победителями вышли три великие державы того времени: СССР, США и Великобритания. В ходе войны к ним присоединились почти все большие, малые и средние государства того времени, в том числе такие великие державы, как Китай и Франция. Выбор пути послевоенного развития был в руках великих держав-победителей.

Когда шла война, её главной целью великие державы определили длительный и прочный послевоенный мир. Уже в 1943 году они договорились о создании принципиально новой международной организации о поддержании мира – Организации Объединенных Наций. Свои устремления к установлению прочного послевоенного мира они подтвердили и конкретизировали в канун победы над фашистской Германией и её европейскими союзниками в феврале 1945 года на Ялтинской конференции и подтвердили ее неизменность на Потсдамской конференции в июне 1945 года.

Мир нужен был всем народам, особенно остро народам Советского Союза. Он внес наибольший вклад в разгром европейского фашизма и заплатил за это многократно большую цену, чем его союзники вместе взятые. Прежде всего, жертвами человеческих жизней, здоровьем, бедствиями и страданиями своих граждан. СССР понес несравненно большие производственно-экономические и культурные потери. Бытовое обустройство народа после войны оказалось на нищенском уровне. Руководство страны было настроено на мир, помощь и сотрудничество с бывшими союзниками,

прежде всего, с США. Об этом, в частности, ярко свидетельствует Д. Эйзенхауэр – главнокомандующий экспедиционными силами войск союзников в Западной Европе, а в 1945 году – командующий оккупационными войсками США в Германии. В последующие годы он будет (1950 – 1952) главнокомандующим вооруженными силами НАТО, а 1953 – 1961 годах – президентом США. В августе 1945 года генерал Эйзенхауэр был гостем Сталина в Москве, приглашенным на спортивный праздник. Во время праздника Сталин пригласил его на трибуну Мавзолея и в разговоре сказал: «Имеется много направлений, по которым мы нуждаемся в американской помощи. Наша огромная задача заключается в том, чтобы поднять уровень жизни русского народа, серьезно пострадавшего от войны. Мы должны узнать все о ваших научных достижениях в сельском хозяйстве. Мы должны также воспользоваться вашими специалистами, чтобы они помогли решить наши проблемы в области машиностроения и строительства. Мы знаем, что отстаем в этих вопросах, и знаем, что вы можете помочь нам»¹.

Устремленность к миру и сотрудничеству с США были характерны для всех политических и военных деятелей СССР, с которыми общался Д. Эйзенхауэр. Ему запомнилось, что в конфиденциальном разговоре с ним Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков говорил: «Если Соединенные штаты и Россия будут стоять вместе, несмотря ни на какие трудности, успех ООН будет наверняка обеспечен. Если мы будем партнерами, то не найдется такой страны на земле, которая осмелилась бы затеять войну, когда мы наложим на неё запрет»². И сам Эйзенхауэр считал в мемуарах, написанных в 1948 году: «Никакие другие расхождения среди государств не стали бы угрозой всемирному согласию и спокойствию при условии, что между Америкой и Советами будет установлено взаимное доверие»³. Но с движением по карьерной лестнице его позиция будет меняться. Без её изменения не было бы и этого движения. Восхождение в президенты совершается через элиту. А после смерти Рузвельта, случившейся накануне победы над европейским фашизмом, в США менялась элита. К власти приходили те, кто нажил гигантские богатства на войне, кто жаждал не только национального, но и мирового господства. Монополия на ядерное оружие подстегивало эту жажду, желание не упустить исторический момент.

Английская консервативная элита раньше американской заняла враждебную позицию по отношению к СССР, уже в конце войны. Расчет был на то, что из войны он выйдет нищим и бессильным. Но он вышел из неё почти нищим, но с сильными вооруженными силами и сильным духом народом. Серьёзно вырос международный авторитет Советского Союза, особенно у простых людей. Это не устраивало элиту многих государств, особенно английских консерваторов во главе с Черчиллем. Последний в это время отличался бешеной активностью в плане перехода на конфронтацию с Советским Союзом. Черчилль сыграл большую роль в том, что в 1941 году быстро была создана антигитлеровская коалиция, а, следовательно, и в достижении победы над европейским фашизмом и японским милитаризмом. Победа открыла для человечества, всех составляющих его государств и народов реальную альтернативу, если не вечного, то длительного мира. Черчилль не мог не знать, чем станет война в будущем в результате появления ядерного оружия. Опыт и знания авторитетного политика обязывали его стать активным борцом за реализацию мирной альтернативы, открытой в результате разгрома фашизма и милитаризма.

Но Черчилль уже в конце войны встал на позицию, затеняющую его заслуги за победу во Второй мировой войне. Он первым выступил за то, чтобы союзники не пошли по пути создания прочного послевоенного мира. И заниматься этим начал еще в ходе войны. В этом проявилась многовековая мирно-военная логика правящей элиты Британской империи: у Великобритании нет вечных друзей и вечных врагов, вечными являются только её интересы. Эта логика британской элиты формировала многовековую мирно-военную логику европейской и мировой истории. И Черчилль не смог её изменить после Второй мировой войны. Еще война не закончилась, а он начал рассматривать Советский Союз как будущего врага, делая его ответно враждебным. Потом это будет выдаваться за политическое предвидение будущего поведения Советского руководства. О провоцирующей роли Черчилля не будут вспоминать, на неё будет наложено табу. Из имиджа ведущих политиков складывается имидж страны. Правящие круги Англии это давно знают и руководствуются в политике.

Для США война обернулась не только потерями, но и существенным стимулом развития всех областей жизни страны. За годы

войны выросла их экономическая, финансовая, научно-техническая и военная мощь. Они понесли небольшие по сравнению с Советским Союзом потери личного состава вооруженных сил, население страны не подвергалось обстрелу и бомбардировкам, на их территории не было сухопутных и воздушных операций, в которых решалась судьба войны и стороны несли основные людские потери. Существенно вырос финансово-экономический и политический вес страны на мировой арене. За годы войны США еще больше оторвались от других стран по многим показателям производства, занятости и уровню жизни населения. В ходе войны США без большой конкурентной борьбы взяли в свои руки рычаги руководство мировыми финансами. Война не нанесла заметных деформаций в демографическую структуру народонаселения страны. Из войны США вышли с мощной армией и военно-морским флотом, развитым военно-промышленным комплексом, наконец, с ядерным оружием и испытанием его применения по двум японским городам. Короче говоря, США вышли из войны с ощущением своего могущества, превосходства и претензией на мировое лидерство в расчете на его признание мировым сообществом, в том числе союзниками по войне. По вопросу послевоенного сотрудничества с Советским Союзом среди правящих кругов США не было единства в ходе войны. Среди команды президента Рузвельта было много сторонников послевоенного сотрудничества с СССР. Но после смерти Рузвельта в канун Победы пост президента США занял Г. Трумэн. Он никогда не был сторонником сотрудничества с СССР, скорее сторонником партии конфронтации и войны в среде американской элиты. С ним Черчилль нашел полное взаимопонимание по вопросам послевоенных отношений с Советским Союзом. В 1946 году он произнес в присутствии президента США Г. Трумэна свою злую фултоновскую речь, которая закрыла альтернативу мирному послевоенному сотрудничеству между союзниками по войне. Не альтернатива сотрудничеству и прочного мира, открытые Победой, а достижения за годы войны в создании новых средств и методов ведения военной борьбы были поставлены на службу послевоенной истории.

В результате она сразу же пошла по накатанному мирно-военному руслу. Но с учетом результатов войны, уже с ядерным оружием, новыми средствами его доставки, с применением всех других средств и методов военной борьбы, отработанных в ходе

Второй мировой войны или созданных, но не примененных в связи с её окончанием. История 70 лет после этой войны представляет сложный процесс флуктуации мирно-военных отношений между государствами и народами. СССР была навязана борьба за ракетно-ядерный паритет, затем Холодная война, в которой он потерпел поражение и был расчленен не по воле большинства его граждан, а вопреки ей.

В кратком выступлении невозможно рассмотреть даже все узловые события сложного 70-летнего периода мировой и отечественной истории. Отметим только то, к чему она привела в результате того, что не была использована альтернатива мирного развития, созданная победами 1945 года.

Война как средство решения спорных вопросов, реализации амбиций идеологов и политиков не только не была сдана в архив истории, но даже не потеснена. Она ещё больше подчинила себе ход истории народов и всего человечества. На подготовку к войнам были направлены в первоочередном порядке научные, технические и производные достижения. Но объяснялось это интересами национальной безопасности. США, начав производство ядерного оружия и оснащение им армии и флота, надеялись на создание абсолютной, неуязвимой национальной безопасности. Тем самым они создали безответную военную угрозу для всех других государств, возможность проведения против любого из них ограниченной войн и геноцидной войны. Но жизнь под такой угрозой другие государства не устроила даже при заверениях со стороны США, что они никому не угрожают, а только заботятся о демократии и правах человека. Многие приняли вассальную зависимость от США как вынужденную или выгодную. Но не все.

В этих условиях Советскому Союзу оставалось принять диктат США или быть в случае военного столкновения нанести им неприемлемый ущерб и увеличивать свою военную мощь до уровня равной абсолютной безопасности. Руководство страны избрало этот путь. В 60-е годы СССР достиг примерно равной безопасности с США. Равная безопасность двух сверхдержав на базе ракетно-ядерного оружия сделала вероятную войну принципиально новой – **суицидной войной**, т.е. взаимно губительной. И не только для участников войны. Война лишилась всякого человеческого

смысла. Требовался безотлагательный поиск мирной альтернативы для продолжения национальной и мировой истории. Не тут-то было! Начался поиск обходных путей продолжения войны без применения глобального и обычного убийно-разрушительного оружия. Началась активная разработка средств и методов ведения военной борьбы, т.е. борьбы на уничтожение и лишения возможности и воли сопротивляться организационным и информационным оружием. Оказалось, что это оружие можно превратить из подсобного и обеспечивающего традиционную военную борьбу убийно-разрушительным оружием в основное и решающее. При этом не в локальном, а в мировом масштабе. Это показали результаты холодной войны.

Победа США над Советским Союзом в этой войне в принципе не изменила и не могла изменить мирно-военный ход истории, даже если бы им удалось расчленить Российскую Федерацию, к чему, похоже, они стремятся в настоящее время. Сегодня человечество находится в сложнейшей мирно-военной ситуации. Тенденция движения к прочному и длительному миру не доминирует ни в мировом, ни в региональном, ни в локальном масштабе. Над человечеством неизменно висит дамоклов меч суицидной ракетно-ядерной войны. Никто не хочет верить, что она может случиться. Но никто не может дать гарантии, что она не случится ни при каких обстоятельствах и условиях. Освоены средства и методы ведения нетрадиционных войн, т.е. войн без применения убийно-разрушительного оружия. Начались смешанные, или гибридные войны. По своим последствиям они становятся не менее опасными, чем традиционные войны. Они ведут к деградации не только отдельных народов, а всего человечества.

70 лет послевоенной истории говорят об одном, что мирно-военный метод бытия народов ведет их в исторический тупик, из которого их растущему сообществу будет всё труднее выходить. То, что великие державы-победители во Второй мировой войне, не использовали завоёванные ими условия для мирного развития человечества.

70 лет послевоенной истории говорят об одном, что мирно-военный метод бытия народов ведет их в исторический тупик, из которого их растущему сообществу будет всё труднее выходить. То, что великие державы-победители во Второй мировой войне,

не использовали завоёванные ими условия для мирного развития человечества, является историческим преступлением возглавлявших их политиков. Сегодня не имеет большого смысла выяснять, кто из них в какой мере и на каком этапе был виноват. Важнее сегодня осознание необходимости идти человечеству по пути мира, который завоеван и завещан победами в Великой Отечественной войне и Второй мировой войне.

История необратима, к 1945 году нельзя вернуться. Но альтернативу мирной истории народы, составляющие современное человечество, могут и должны вернуть, обязав и вынудив политиков решать внутренние и межгосударственные проблемы исключительно в рамках мира, не готовить и вести межцивилизационные войны, а переходить к невоюющим цивилизациям. Иначе будущее человечества будет определять война, а она бесчеловечна, даже если ведется нелетальным оружием. Победы 1945 года над фашизмом и милитаризмом зажгли путеводную звезду, указывающую движение истории человечества по пути мира. Прошедшие 70 лет показали, что это единственно верный, подлинно человеческий путь бытия.

¹ Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу: Военные мемуары. — М.: Воениздат, 1980. С. 517.

² Там же. С. 523.

³ Там же. С. 512 — 513.

Б.Н. Бессонов

**Советский народ –
спаситель человечества**

ВВЕДЕНИЕ

В 1945 году закончилась небывалая в истории по своему размаху и ожесточенности борьба против наиболее реакционной ударной силы империализма – прежде всего гитлеровского фашизма, ставившего себе цель поработить народы и установить мировое господство.

Фашизм, войны, развязанные фашистами, принесли народам неисчислимые страдания. 56 млн человек было убито, свыше 90 млн ранено, 28 млн осталось инвалидами. От голода и эпидемий умерло 12 млн человек. Были уничтожены огромные материальные ценности.

Годы фашизма были страшными годами насилия и террора. Человечество не может, не вправе забыть зверства фашистов, их чудовищные преступления, совершенные в Советском союзе, Польше, Югославии, Чехословакии, во Франции и других странах Европы. Человечество не может, не вправе забыть лагеря смерти, газовые камеры, костры из живых людей.

«В памяти народов навсегда останутся кошмарные картины гитлеровского ада: дети в одних рубашонках, полуобнаженные женщины, мужчины в нижнем белье, в ужасе застывшие перед длинными ямами – могилами, в которые они падут через мгновенья, скошенные пулеметами эсесовских «особых команд», огромные печи крематориев и мрачные трубы «фабрик смерти», где были превращены в прах миллионы людей; газовые камеры со смотровыми глазками, где людей душили под тщательным научным наблюдением; сложенные как поленья трупы умерших от голода; бараки концлагерей полные одежды и обуви замученных жертв, и среди этой груды – совсем крохотные детские башмачки». (Абуш А. Ложный путь одной нации. – М., 1962. С. 259).

В борьбе с фашистскими захватчиками погибло 27 млн советских людей, среди них 18 миллионов мирных жителей, в том числе дети, женщины, старики. Сотни тысяч советских людей зверски

замучены в фашистских лагерях смерти, свыше 6 млн советских граждан были угнаны в Германию на рабский труд.

Неисчислимы материальный ущерб, нанесенный фашистами советскому народу. В результате агрессии германского фашизма Советский Союз потерял 30% своего национального богатства. Разрушены сотни городов, сожжены тысячи поселков и деревень.

Война фашистской Германии против СССР с самого начала была беспрецедентной, не имеющей аналогов в прошлом. Как отмечает немецкий исследователь фашизма И. Фест, по своей сути и морали эта война «представляла собой нечто совершенно новое – она была как бы третьей мировой войной». Гитлер ставил задачу не просто нанести военное поражение Советскому Союзу; его цель была – ликвидировать Советское государство, истребить, поработить русский, все советские народы.

Фашистские главарь просчитались. Советский Союз одержал великую победу над фашизмом.

В нынешнем – 2015 году наш народ, все честные люди, все человечество торжественно отмечают 70-летие Великой Победы над фашизмом. Эта годовщина победы дает нам законный повод испытать чувство огромного морального удовлетворения в связи с нашей способностью противостоять мощной ударной силе мировой реакции и победить ее, противопоставить всему темному, мрачному, жестокому в человеческой истории чистый и светлый разум, ненависть к рабству и порабощению, любовь к свободе, свободе личной и свободе своей Родины. Эта годовщина Победы побуждает нас с уважением и благодарностью вспомнить всех тех, кто самоотверженно сражался с фашизмом, кто был его мучеником, кто отдал свою жизнь на алтарь великой победы над фашизмом.

Оценивая великий вклад Советского народа в победу над фашизмом, выдающийся государственный деятель Великобритании У. Черчилль заявлял в палате общин в сентябре 1944 года: ...Мы не должны никогда забывать о несоизмеримом вкладе, сделанном в общее дело Россией. На протяжении долгих лет безмерных страданий она выбивает дух из германского военного чудовища... Я считаю себя обязанным подчеркнуть, что Россия сковывает и бьет гораздо более крупные силы, чем те, которые

противостоят союзникам на Западе, и что она на протяжении долгих лет, ценой огромных потерь несла основное бремя борьбы на суше¹. В своём послании И.В. Сталину У. Черчилль подчёркивал: «Именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины и в настоящий момент сдерживает на своём фронте несравнимо большую часть сил противника».

Сегодня существует огромнейшая масса научной и публицистической литературы о фашизме. Советские, российские ученые, исследователи из многих других стран, начиная с 20 – 30-х годов XX в., разоблачали и разоблачают классовую суть фашизма, жестокий характер его господства и диктатуры, направленные против прогрессивных слоев общества и демократии. Ими разоблачаются агрессивные, империалистические устремления фашизма, захватнические, грабительские планы, преступные, бесчеловечные цели – одни народы и государства полностью уничтожить, других полностью поработить.

Прогрессивные и демократически настроенные ученые, политики и публицисты и сегодня предостерегают об опасности фашизма. В условиях мировых кризисов реакционные силы легко «фашизируются», могут снова прибегнуть к фашистским средствам и приемам сохранения своей власти, попытаться установить свою террористическую диктатуру и развязать агрессивную войну за осуществление своих экспансионистских планов.

Но современные поколения извлекли и продолжают извлекать уроки из страшного прошлого, когда фашизм был реальной угрозой миру, когда фашисты убивали миллионы людей, подавляли, поработщали целые страны и народы. Изменилась и Германия, в которой фашизм обрел свои самые отвратительные, самые жестокие черты. В частности, внушает доверие и привносит успокоение тот факт, что большинство немцев, принадлежащих к современным поколениям, все больше обращаются к трезвым и деловым аргументам. Они отказываются от мрачной темноты и жестокостей прошлого, от химерических видений будущего и ориентируются на современные реальности.

Если до недавнего времени многие в Германии отказывались воспринимать 8 мая 1945 года как День Освобождения от фашизма и, напротив, подчеркивали трагизм этой даты – дня поражения Германии, то такие выдающиеся немцы, как бывший президент

ФРГ Р. фон Вайцзеккер, бывший канцлер ФРГ, лидер немецкой и, в сущности мировой, социал-демократии на протяжении трех десятилетий В. Брандт, бывший канцлер ФРГ Г. Шрёдер со всей определенностью заявили, что считают 8 мая 1945 года Днем Освобождения. В. Брандт и Г. Шрёдер, проявив мужество, волю и совесть, преклонили в Варшаве колени перед жертвами фашизма. Ясно, что такие поступки политических деятелей выражают и изменяющиеся настроения в массах населения Германии. Все это, бесспорно, – преграда фашизму.

Тем не менее, и немцам, несмотря на то, что их страна является сегодня, пожалуй, одним из самых демократических и социально ориентированных государств, нельзя обольщаться, нужно быть самокритичными, более бдительными. Одновременно этими качествами должны обладать все народы, ибо в любой стране могут возникать или вновь пробуждаться фашистские и родственные им проявления. Их питают определенные социально-экономические и политические условия, для них имеются также некоторые психологические предпосылки. Ясно, что пока те или иные социальные группы испытывают чувство неуверенности, бесперспективности, агрессивности, будут действовать факторы, благоприятствующие фашизму или неофашизму.

В каждом народе, в каждой стране можно найти немало психологических предпосылок к жестокости и насилию, т. е. в конечном счете, к фашизму: необеспеченность существования, страх, бездумность, неведение, несбывшаяся жизнь. Именно поэтому, как ни горько это признавать, польский писатель К. Брандыс прав, считая, что «фашизм существует на земле повсюду...».

И все же фашизм – исторически обусловленное явление. Должны появиться определенные политико-исторические условия, которые позволили бы откровенному насилию и жестокости проявиться в массовом масштабе, более того утвердиться и закрепиться в государственной форме. В классическом виде эти условия возникли в Германии в 20-е – 30-е годы XX в.; именно поэтому К. Брандыс вышеупомянутое суждение о фашизме обоснованно дополнял следующими словами: «...но немцы были в нем классиками».

70 годовщина Победы над фашизмом является суровым предостережением всем нам, каждому народу: помнить, что фашизм

рожден империализмом, что в условиях кризиса империализм может прибегнуть к самым террористическим методам насилия по отношению как к трудящимся массам своей страны, так и другим народам.

Фашизм, прежде всего «классический» – германский, принес страшные несчастья человечеству. Но поскольку еще «плодоносить способно чрево гада» (Б. Брехт), постольку необходимо последовательно и принципиально разоблачать преступное, бесчеловечное лицо фашизма. Особенно важно вскрывать его социальные предпосылки, показывать его идейно-духовные источники, разоблачать его идеологию и «философию», методы духовного «совращения» людей.

В данной книге автор предпринимает попытку рассмотреть социальные предпосылки, идейные источники фашизма в широком историческом контексте, показать, какие именно реакционные, антигуманистические идеи являются духовными импульсами фашизма. В книге разоблачаются расистские мифы фашистов о мнимом превосходстве «арийской расы», призванные обосновать и оправдать ее право на мировое господство, угнетение и подавление других народов. Разоблачаются фашистские доктрины тоталитарного государства и «диктатуры фюрерства», отвергавшие «пустозвонство» демократии и пропагандировавшие государство, построенное на иерархических принципах подчинения «низших» слоев «высшим», оправдывающие жестокий террор и духовное подавление личности фашистским государством.

Особое внимание обращено на враждебность фашистов великому достоянию духовной культуры человечества, вскрывается их цинизм, заключающийся в том, что они объявляли своими предшественниками многих действительно великих мыслителей всемирной истории. На этой основе раскрывается беззастенчивая социальная демагогия фашистов, анализируются неофашистские тенденции, разоблачается идеология и «философия» неофашизма. Актуальность этому придает существование ряда современных массовых политических движений и выступлений, также имеющих тяготение к фашистским или фашизоидным идеям и методам действий.

Позорным фактом современной действительности является то, что немало западных политиков, историков и публицистов

пытаются принизить величие борьбы народов против фашизма, дискредитируют Ялтинские и Потсдамские соглашения, преуменьшают роль СССР в победе над фашизмом, более того, – бросают обвинения Советскому народу – оккупант, оправдывают предателей, тех, кто с оружием в руках помогал фашистам противостоять Красной Армии, сражающейся за освобождение европейских народов от тирании фашизма.

Пытаются девальвировать победу над фашизмом советского народа и представители так называемой постсоветской псевдодемократической элиты. Они уже не считают нашу борьбу с фашизмом Великой Отечественной войной; это де только Вторая мировая война, в которой наша страна была лишь восточным фронтом. Некоторые из них оправдывают изменников типа генерала Власова и других, восхваляют их как борцов против сталинского «тоталитаризма». Находятся и те, кто сожалеет о нашей победе над фашистской Германией.

Долг перед советским народом, перед памятью тех, кто сражался и победил фашизм, требует выступить против фальсификаторов истории, еще раз вернуться к феномену фашизма, чтобы разоблачить его преступное лицо и подчеркнуть величие борьбы и победы над фашизмом нашего великого народа.

Глава 1. НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ БУРЖУАЗНЫХ ТРАКТОВОК ФАШИЗМА

Понимание сущности фашизма предполагает знание подлинных причин, его порождающих, социально-политических сил, которые направляли и направляют фашистские движения. Каковы основные факторы, породившие фашизм, кто конкретно вращивал его?

Марксисты всегда подчеркивали и подчеркивают решающую роль монополистического капитала в формировании и развитии фашизма. Либерально настроенные ученые (историки, философы, экономисты, политологи и т.д.) отвергают или не в полной мере принимают этот вывод. Так, К. Брахер, западногерманский политолог, считает «наивными» попытки трактовать фашизм как продукт «властолюбивых устремлений тяжелой промышленности», хотя и признает весьма тесную связь «третьего рейха» с концернами Тиссена и Круппа². Если фашизм – агент финансового капитала, то почему банкиры и промышленники не смогли устранить Гитлера, когда увидели, что фашизм ведет страну к тотальному поражению? – спрашивает историк из ФРГ Р. Кюнль, и приходит к выводу, что марксистская оценка сущности фашизма как террористической диктатуры наиболее реакционных кругов монополистической буржуазии односторонняя. «Я определяю фашизм как союз двух партнеров, которые взаимосвязаны и взаимодействуют, – пишет Р. Кюнль. – С одной стороны, это главная фракция промышленного и финансового капитала, а также военных, а с другой – фашистская партия, имеющая в своем распоряжении аппарат государственного террора и подавления»³. Очевидно, согласно Кюнлю, фашизм – это некая надклассовая государственная власть.

Для многих западных исследователей фашизм не был связан с социальными и классовыми силами. Они доказывают, что фашистская идеология была наиболее острой формой упадка, деградации, в которые впадает человечество. Причем, одни ученые рассматривают эти фашистские устремления как закономерность, коренящуюся во всей западной культуре, имеющей свои истоки и в Просвещении, и в Великой Французской буржуазной революции. Так, Г. Раушнинг, один из бывших приверженцев Гитлера, порвавший с ним накануне второй мировой войны, утверждал, что

Гитлер был своеобразным последователем Ж.-Ж. Руссо, и довел до логического конца идею цивилизации как результат «грехопадения человечества», тем самым поставил целью освобождение человека от ложных ценностей цивилизации, превратить его в здоровое животное, руководствующееся инстинктами. В глазах Г. Раушнинга прогресс человечества – мнимый прогресс, ибо он приводит к подрыву традиционных ценностей, норм и мировоззренческой дезориентации людей. Вызванный этим величайший кризис цивилизации неизбежно толкает человечество на путь создания авторитарного, абсолютного и тоталитарного господства⁴.

Американский исследователь фашизма Д. Вейс фактически снимает с фашизма обвинения в антигуманизме и враждебности культуре. В книге «Фашистская традиция» он утверждает, что фашизм – это якобы давняя традиция западной культуры, выступающая в виде правого радикализма⁵. Другие буржуазные теоретики, например, немецкий философ А. Вебер, историки Э. Нольте и Ф. Мейнеке, А. Виндиш, итальянский философ Б. Кроче, французский философ Ж. Фурастье и др.⁶, рассматривают фашизм в качестве отклонения от магистральной линии исторического процесса, как своего рода «наваждение», «безумие», моральную болезнь, которая внезапно завладела здоровым и крепким организмом и привела его к катастрофе.

В русле этой тенденции примечательны рассуждения А. Вебера, который осуждает фашизм, но дает ему совершенно мистическое объяснение. Согласно его схеме, история движется в противоборстве светлых и темных сил. Поскольку эти силы, по А. Веберу, являются воплощением надперсональных духовно-интеллектуальных или биологических устремлений, постольку преобладание одной из них происходит «эпидемически», благодаря вторжению объективных импульсов, исходящих извне, из непостижимого бытия как «жизни». В доказательство А. Вебер ссылается на немецкую действительность 20 – 30-х годов 20 века, метаморфозы, происшедшие в эти годы со средним немцем. «То, что мы определяли как ужасные превращения характера среднего немецкого типа, который господствовал у нас в последнее время благодаря вторжению темно-демонических сил – это произошло извне, – разъясняет А. Вебер. – Бывшие рецессивными, эти подспудные силы стали доминирующими и охватили, преобразовав и

жестоко исказив, большую часть немецкого народа. Мы должны защитить себя от их нового вторжения и одновременно оживить и сделать доминирующими те глубинные силы, которые уже умерли в среднем немце». Но сейчас это должно произойти не извне, а из внутреннего содержания немецкого духа, через воспитание и духовную дисциплину путем усмирения в человеке инстинктивных, темно-демонических сил⁷.

Как отмечает советский исследователь С.Ф. Одуев, «подобные концепции по их объективному смыслу, независимо от субъективных намерений их авторов, являются теоретическим основанием мистификации действительных (социально-экономических, политических и идейных) корней фашизма. Здесь нет и намека на то, что фашизм есть порождение немецкой империалистической буржуазии, что его истоки уходят в закономерные тенденции монополистического капитализма. Фашизм – это, с точки зрения А. Вебера, есть не что иное, как взрыв таинственных, необъяснимых сил человеческого бытия, во власть которых попал немецкий народ в тот драматический момент своей истории, когда вдруг нарушилось равновесие в борьбе темных и светлых сторон жизни»⁸.

Б. Кроче в книге «История Италии с 1871 по 1915 г.» оценивает фашизм как остановку в развитии Италии на пути к свободе. По его мнению, именно нравственная воля, понимаемая как сознание и воля к свободе, является пружиной исторического прогресса. Именно в свободе обнаруживает себя вечный морально-этический идеал, к которому стремится человечество. Фашизм, прервавший это движение исторического процесса по направлению к свободе, есть результат моральных заблуждений, вспышка распущенности и грубости, злополучный период безвременья, не имеющий действительной связи с прошлым итальянской нации. Поэтому Б. Кроче после краха фашизма вполне обоснованно заявлял: «Мы точно пробуждаемся от кошмара» – и призывал годы фашистской диктатуры «заклЮчить в скобки»⁹.

Ряд теоретиков рассматривают фашизм как один из наиболее драматических моментов «национальной жизни» конкретной страны, прежде всего Германии и Италии. Так, западногерманский историк Ф. Мейнеке, ссылаясь на участие в фашистском движении широких слоев немецкого народа, доказывает, что немцам якобы был

присущ «макиавеллизм» и, что будто бы все граждане Германии были настроены в пользу установления фашистского режима¹⁰. И. Фест также ищет причины фашизма в особых качествах немцев, в их неправильном самомнении. «Немец боится анархии, — пишет он, — анархизм — это его идея-фикс. Страх перед анархией рождает культ вождя, послушания, беспрекословное подчинение сильной власти и т. д. Одним словом, фашизм — болезнь «германского духа»¹¹.

Подобным образом английский историк А. Тойнби определяет фашизм, особенно его агрессивность, как результат расистских, националистических «настроений немецкого народа», потерявшего голову после трех победоносных войн, которые он вел под руководством Пруссии. Иллюзия, что война приносит дивиденды, настолько укоренилась в умах немцев, что потребовалась не только одна ужасная война, но и вторая, еще более ужасная, чтобы их образумить¹². Американский социолог Т. Парсонс также считает, что в основе установления фашистской диктатуры в Германии лежит якобы особый «национальный дух» немцев, их «моральный и психологический склад». Поэтому главной проблемой предотвращения возможного повторения фашизма в Германии Т. Парсонс считает проблему изменения психологии и морали немецкой нации.

В сущности, рассуждения о «коллективной вине» немцев объективно направлены на сокрытие истинной причины установления фашистских режимов, продиктованной классовыми интересами господствующих в обществе империалистических сил. Антифашисты, лучшие люди Германии никогда не уходили от морально-политической ответственности за происшедшее с Германией и в Германии. А. Абуш отмечает, что «немецкие антифашисты, как часть немецкого народа, также несут свою долю исторической ответственности за то, что такой момент наступил для немецкой нации в январе 1933 года (приход Гитлера к власти. — *Б. Б.*) и что Гитлер впоследствии смог беспрепятственно подготовить свой разбойничий поход против народов Европы».

Как в годы антифашистской борьбы, демократически настроенные ученые и сегодня решительно отклоняют тезис о «коллективной вине» немецкого либо другого народа. Тезис о «коллективной вине» немцев широко использовали сами фа-

шисты. Они заведомо лгали своему народу, будто СССР и другие страны антигитлеровской коалиции отождествляют фашистскую верхушку и немецкий народ, приписывают ему коллективную национальную вину, с тем, чтобы связать всех немцев «круговой порукой», побудить их сражаться «до последнего патрона и последнего человека» во имя человеконенавистнических целей фашизма. Следует отметить, что в этом отношении гитлеровской пропаганде в немалой степени помогали заявления некоторых деятелей Англии и США, которые утверждали, что Германия должна быть превращена в «картофельное поле» и ликвидирована как государство. Нацисты немедленно воспользовались этими высказываниями и из их уст зазвучали заклинания сражаться «до последней капли крови», ибо в ином случае немецкому народу грозит истребление.

Перед своим закономерным концом гитлеровцы назойливо твердили, что их гибель – поражение всего немецкого народа, это гибель Германии. «Если война будет проиграна, – цинично говорил Гитлер, – немецкая нация должна исчезнуть. Этого хочет судьба. Бессмысленно пытаться обеспечить народ средствами к существованию, даже самыми элементарными, если в результате войны будет установлено, что наша нация слабее и будущее принадлежит нации Востока – России. Кроме того, в живых останутся только низшие существа, поскольку цвет немецкой нации погибнет»¹³.

Коммунисты, социалисты, представители других политических партий и движений, передовые деятели науки и культуры – даже в период самого дикого разгула фашизма – решительно выступали против отождествления фашистского режима и немецкого народа.

Советский Союз ни в тяжелейшие годы войны, ни впоследствии никогда не обвинял немецкий народ в кровавых преступлениях фашизма. И.В. Сталин подчеркивал, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский остается. Никогда не ставил Советский Союз и вопроса о наказании немецкого народа, никогда не жаждал какой-либо мести населению Германии. За недостаточную бдительность, за недостаточный отпор реакционным силам, разумеется, расплачивается вся нация, весь народ. Но было бы абсолютной несправедливостью объяснять приход фашистских авантюристов к власти, их разбойничье насилие характером народа. Тем более,

что дух сопротивления фашизму жил в немецком народе, на немецкой земле. Тысячи немцев вели самоотверженную борьбу против фашистских убийц во имя освобождения немецкого народа, во имя подлинного будущего Германии. Поэтому, в конечном счете, дело вовсе не в особом складе немецкого характера, не в свойствах немецкой психики, но в тех исторических условиях, в которых складывался в Германии монополистический капитализм, предопределивший приход к власти фашистов – этой, по выражению В.Рёпке, «клоаки немецкого общества»¹⁴.

Особенно много западные идеологи спекулируют по поводу мнимого мелкобуржуазного, плебейского характера фашизма, утверждают, будто фашисты не только не пользовались поддержкой крупного капитала, а пришли к власти благодаря радикализованной мелкой буржуазии, деклассированным элементам, всякого рода авантюристам и даже уголовникам. Так, один из теоретиков социал-реформизма Тальгеймер характеризовал фашизм лишь как массовое движение, рекрутирующее своих участников из всех классов общества, и прежде всего из мелкобуржуазных слоев. Р. Левенталь (Пауль Серинг) усматривает социальную базу фашизма в деклассированных элементах и особенно чиновниках, служащих и военных. Рост непродуктивных общественных сфер аппарата управления и армии, по его мнению, был тем симптомом распада, который якобы неизбежно вел к утверждению фашистской диктатуры.

Подобной путанице в вопросе об оценках социально-классовой природы фашизма во многом способствовал тот факт, что среди участников фашистского движения, а также его лидеров действительно было немало выходцев из средних слоев и деклассированных элементов. Многие западные теоретики поэтому и толковали фашизм либо как революцию, либо как контрреволюцию (в зависимости от своей политической позиции) средних классов, направленную как против капитализма, так и против рабочего движения. Причем, приписывая фашизму мнимый мелкобуржуазный характер, многие авторы зачастую характеризовали и характеризуют его в терминах социальной психологии и даже психиатрии.

В значительной части их теоретической базой является концепция З. Фрейда. Как известно, по мнению австрийского психиатра,

существование человека и всего человеческого рода определяется двумя инстинктами: инстинктом жизни (эрос) и инстинктом смерти (танатос). Последний выражается в бессознательном стремлении людей к состоянию неживой материи. Ему противостоит инстинкт жизни, который трансформирует стремление к самоуничтожению в агрессивность, направленную против «других». Склонность к самоуничтожению свойственна не только отдельным индивидам, но целым нациям, поэтому любые проявления межнациональной враждебности, в том числе войны, З. Фрейд рассматривал как способ самосохранения нации, преобразующий внутренние, разрушительные тенденции в обществе во внешнюю агрессивность¹⁵. Не случайно В. Рейх, базируясь на фрейдистских идеях, рассматривал фашизм исключительно как следствие подавления обществом изначально присущих человеку сексуальных инстинктов. Так, в книгах «Сексуальная революция», «Массовая психология фашизма» и других автор утверждает, что массовая фашизация – прежде всего результат «общественного регулирования половой жизни людей», ответ на подавление обществом, общественной моралью первичных инстинктов людей, их сексуальности, их «свободной игровой потенции» и т. д.¹⁶

Наряду с этим В. Рейх связывает происхождение фашизма с возникновением «ножниц» между развитием экономического базиса, которое направлено влево (т. е. в сторону развития производительных сил, индустриализации и концентрации производства), и развитием идеологии широких масс, которое-де идет вправо. Свой «вывод» Рейх сделал под впечатлением рассуждений одного из сподвижников Гитлера (еще до захвата власти) О. Штрассера. Последний, ссылаясь на политику социал-демократии в 1914 и в 1918 гг., утверждал, что массы в период мирового кризиса, вопреки якобы надеждам марксистов, вместо того, чтобы повернуть влево, качнулись вправо. Таким образом, утверждал Штрассер, основная ошибка марксистов была в том, что они чрезмерно переоценили экономику и недооценили душу и дух, не поняли, что именно они движут всем¹⁷.

По мнению В. Рейха, тезис О. Штрассера имел под собой известные основания, поскольку марксисты схематично и односторонне ставят идеологию в прямую зависимость от экономики и упускают из своего поля зрения обратное воздействие идеологии,

социальной психологии на экономику, не учитывают отставания субъективного фактора от объективных условий человеческого существования. Тем самым марксисты сами закрывают себе путь к выяснению причин того, почему целые социальные слои принимают идеологию, которая, по существу, враждебна их жизненным интересам. Именно этой ошибкой и воспользовались фашисты, чтобы отвоевать средние слои у коммунистов, считал В. Рейх.

Конечно, в силу ряда причин довольно широкие слои трудящихся, прежде всего мелкобуржуазного происхождения, могут оказаться в тот или иной период в плену отсталых и даже реакционных взглядов.

Так произошло и в случае с фашизмом, когда немало трудящихся в Германии и Италии оказались захваченными, реакционной фашистской идеологией. Все это бесспорно. Но какие выводы из всего этого делает В. Рейх? Автор всю ответственность за фашизм возлагает на импульсы, связанные с половым влечением. В. Рейх рассуждает следующим образом: буржуазные нравственные и религиозные нормы, традиции буржуазной и мелкобуржуазной семьи подавляют сексуальные влечения людей, создают подсознательную самоцензуру, препятствующую в конечном счете развитию протеста, к которому массы объективно толкает капиталистическая эксплуатация. Именно ограничение сексуальных устремлений буржуазной моралью еще с детства, по его мнению, делают человека боязливым, неуравновешенным, а в бюргерском смысле этих слов — порядочным и воспитанным существом. Именно такой тип человека, по В. Рейху, является наиболее приверженным фашизму и фашистской идеологии.

Примечательно, что Рейх из раскрепощения половых влечений выводит и пролетарскую революцию, т. е. из одной и той же «причины» выводит два противоположных следствия: и фашизм, и пролетарскую революцию, — а это полностью опровергает исходный тезис.

Т. Адорно, Э. Фромм, Г. Маркузе и другие приверженцы психоанализа также пытаются объяснить фашизм как реакцию на психологические стрессы в условиях современного капитализма. По Э. Фромму, возникновение фашизма связано с «уникальным садомазохизмом» масс, по Г. Маркузе — с «десублимацией агрессивных влечений, таящихся в подсознании человека», и особенно с «политической мобилизацией несчастья» — неустroенности, неуверен-

ности, неудовлетворенности и т.п., которые присущи «одномерному» человеку, живущему в современном индустриальном обществе¹⁸.

К таким же, по сути, выводам пришел западногерманский теоретик З. Кайль. По его мнению, неизрасходованная сексуальная энергия, прорываясь в виде разрушительной силы, становится источником войн, революций, контрреволюций, всякого рода других социальных потрясений¹⁹. В том же духе известный американский публицист и историк Х. Болдуин в книге «Критические годы: 1939 – 1941» пишет: «Как всегда было в прошлом, человек и его необузданные страсти стали причиной второй мировой войны: а именно – стремление отдельных лиц обладать все большей и большей властью, стремление народов к победам и созданию империй»²⁰.

Подобные психологические, психоаналитические характеристики поведения народов, в конечном счете, являются субъективистскими и поэтому поверхностными. Более того, они сознательно используются в целях клеветы на массы. Так, Е. Шварц рассматривает фашизм как порождение массового народного движения, как взрыв «низменных инстинктов» толпы, как выражение чувства мести «маленьких людей», дорвавшихся до власти. Он выводит идейные предпосылки фашизма из националистических и социалистических устремлений, якобы в равной мере характерных для масс.

Так, социализм, особенно в его марксистской форме, утверждал Е. Шварц, стал религией, опиумом для рабочего класса, который жадно ухватился за это учение, обещающее ему привилегированное положение в будущем социалистическом обществе. Что касается национализма, то он, по утверждению Шварца, имеет еще более широкую базу: он захватывает все низшие общественные слои, побуждая их к насильственным действиям во имя превосходства одной нации над другой. В XX в. национализм и социализм, наконец, встретились и соединились в национал-социализме, якобы ставшем негативной идеологией социальных низов. Таков «вывод» Е. Шварца²¹.

Уже упоминавшийся историк Э. Нольте также доказывает, что фашизм имел некую «народную» природу; он также пытается отождествить фашизм с большевизмом, рассматривая их в качестве двух крайностей (правой и левой), двух форм контрреволюцион-

ной реакции масс на буржуазную демократию, на господство капитализма²².

Ряд западных авторов (П. Друкер, Ж. Фурастье, Р. Дарендорф и др.) утверждают, что фашизм возник как ответ недостаточно развитого общества на индустриализацию общества, на развертывание технологической революции, на бурный технический прогресс, к которым массы якобы не в состоянии сразу приспособиться²³.

Крайним выражением этой точки зрения является тезис, будто фашизм есть триумф нового варварства масс, обусловленного крушением классового общества, к которому-де привела, прежде всего, эпоха французской революции, индустриализации, урбанизации и т. п. Масса, захватившая авансцену политической жизни общества, отвергает прогресс, культуру, подавляет гуманистически воспитанную элиту. В результате всего этого якобы и утверждается фашизм²⁴. В этом же, по сути, духе рассуждает и западногерманский историк Г. Франц-Виллинг. Он, в частности, пишет: «Век мировых войн и мировых революций – это век масс. Вследствие изменившегося в результате промышленной революции и все еще изменяющегося образа жизни и вследствие тесно связанного с промышленной революцией скачкообразного прироста населения массы играют постоянно возрастающую роль... Век масс есть век безбожия, идеологий и больших сильных личностей, в которых олицетворяется воля масс к власти... Массы хотят не думать, а верить, не рассуждать, а повиноваться. Господство масс осуществляется в господстве личностей». И дальше, исходя из этого, автор рассматривает фашизм как «современное массовое движение», теснейшим образом связанное с Гитлером, который «был вызван, создан, сформирован массами» и является их выразителем²⁵.

Е. Райхман, западногерманская исследовательница фашизма, в своей книге «Бегство в ненависть» также доказывает, что фашизм был-де выражением стихийных желаний масс, что фашистская идеология была будто бы суммой не связанных друг с другом, независимых друг от друга идеологических элементов, каждому из которых была придана совершенно особая форма осуществления желаний масс. Она подчеркивает, что массы привносили в фашизм и фашистскую идеологию всего лишь свои психологические потребности. Массам не требовался антисемитизм, но они стремились

ненавидеть; они не требовали расовой теории, но они хотели испытывать чувство превосходства. Им не нужна была легенда о «пятой колонне», но они хотели сложить с себя чувство вины за проигранную войну. Принцип фюрерства не был их требованием, но они всегда были склонны скорее подчиниться, чем самостоятельно принимать решения²⁶.

В буржуазной историографии широкое распространение имеют также теории и взгляды, которые произвольно сводят фашизм исключительно к личности Гитлера. Одним из первых, кто выступил с обоснованием легенды «Гитлер – демоническая личность», был Ф. Мейнеке. В своей книге «Немецкая катастрофа» он, стремясь завуалировать в сознании немецкого народа классовый характер фашизма, субъективистски свел всю его проблему к «демонической» личности Гитлера, к таким его мифистофелевским чертам, как одержимость, мономания, инфантилизм, медиумизм и т. д. и т. п., благодаря которым он-де гипнотизировал массы и увлек Германию на путь катастрофы, в пропасть.

Подобную позицию занимает Л. Мэмфорд, который также уходит от точного социально-исторического анализа генезиса и сущности фашизма, обнаруживая его корни исключительно в задатках личности Гитлера. Л. Мэмфорд оценивает Гитлера лишь как сумасшедшего или невротика, его последователей рассматривает только как душевнобольных и неуравновешенных людей. Так, он пишет: «Фашизм объясняют чрезмерная гордость, наслаждение свирепостью, невротическая дезинтеграция...»²⁷.

Разумеется, во всех этих суждениях содержится момент относительной истины. Гитлеру, его личности, вероятно, были свойственны такие черты, как ненависть к жизни, жажда разрушения, соединенная с нарциссизмом, т.е. особой влюбленностью в самого себя, ненавистью и завистью ко всем. Очевидно, ему был присущ и некоторый «демонизм», способность оказывать воздействие как на отдельных личностей, так и на большие массы людей. Так, Геббельс, который сам был «незаурядной» личностью, еще в 1922 г., задолго до того, когда начала работать пропагандистская машина по формированию культа личности фюрера, признавался в личном письме Гитлеру: «Подобно восходящей звезде Вы предстали перед нами; Вы свершили чудо, прочистив наши мозги и дав нам веру, нам, – блуждавшим в мире отчаяния и скепсиса. Преисполненный

веры и уверенности в будущем, Вы возвышались над массами и продемонстрировали им свою безграничную любовь ко всем тем, кто верит в новый рейх. Впервые мы увидели человека, сорвавшего маски с лиц, искаженных жаждой наживы, – с лиц всех этих парламентских ничтожеств...

Вы выразили больше, чем вашу собственную боль... Вы высказали потребность целого поколения, блуждавшего в поисках цели в мире утраченных идеалов. Сказанное Вами – катехизис новой политической веры, рожденной чувством отчаяния в поверженном, обезбоженном мире... Настанет день, когда Германия возблагодарит Вас...»²⁸

В. Пруссаков цитирует некоторых специалистов по оккультным «наукам», в частности, Павелса и А. Буллока, которые отмечали, что Гитлер обладал чувствительностью медиума и магнетизмом гипнотизера, и его власть «завладеть» аудиторией напоминала об оккультном искусстве азиатских шаманов и т. д. и т. п.

И все же такой субъективистский, индивидуалистическо-психологический подход к оценке фашизма несостоятелен, в целом ненаучен. За ним объективно скрывается попытка преуменьшить вину империалистических сил за бесчеловечные преступления фашизма, свалить всю вину исключительно на одного Гитлера. Он, только он один, повинен во всем случившемся, являлся той самой «гримасой истории», которая может застать врасплох любой народ... Безусловно, Гитлер – преступник номер 1²⁹. Но за ним стояли, его поддерживали финансовая олигархия, монополистический капитал. Фашизм был порождением империалистической буржуазии, стремившейся, с одной стороны, к подавлению революционного движения, а с другой – к агрессивным, захватническим войнам. Гитлера подталкивали, за ним шли отнюдь не в силу «наваждения», «помрачения ума», а руководствуясь соображениями корысти и карьеры.

В. Пруссаков определенно указывает на зависимость влияния фашизма от социально-экономических условий. По его мнению, для Гитлера и нацизма экономическая стабильность и довольство масс не сулят ничего хорошего. Неслучайно в середине 20-х гг., когда экономическое положение Германии, да и всего западного мира, улучшилось, для Гитлера и его партии наступили тяжелые времена. В конце 1925 года в нацистской партии числилось

только 27 тысяч человек. В 1929 г. великая депрессия, тяжелый экономический кризис, вызвавший отчаяние, голод, безработицу миллионных масс, предоставили Гитлеру новый шанс. Миллионы отчаявшихся, озлобленных людей поверили ему. В 1930 г. на выборах в рейхстаг за нацистов проголосовало 6,5 млн человек. Если раньше они занимали в рейхстаге только 12 мест, то теперь число их депутатов достигло 107. Фашисты стали одной из крупнейших партий Германии.

И. Фест также связывает «феномен Гитлера» с политической и духовной ситуацией в Германии того времени: «Дух безнадежности царил надo всем. Прокатилась беспрецедентная волна самоубийств. И как всегда в подобные моменты истории, у людей проявилась иррациональная страсть к полной переделке мира. Шарлатаны, астрологи, ясновидящие и всякие медиумы процветали вовсю (как у нас сегодня. – Б. Б.). В период всеобщего бедствия они вызывали псевдорелигиозные чувства, придавали жизни утраченные смысл и значение. Обладая исключительной интуицией, Гитлер лучше других политических деятелей уловил подсознательные стремления масс... У его противников... не хватало веры в будущее. Гитлер же, наоборот, оказался оптимистичным, напористым и необычайно уверенным».

Э. Фромм также подчеркивает, что Гитлер был сформирован обстоятельствами. В молодые годы, до первой мировой войны, ему постоянно сопутствовало ощущение поражения и униженности. Его мечта стать большим художником разбилась: у него не было ни таланта, ни образования. Однако война «помогла ему». Он не был больше отверженным, сражался за Германию, за ее славу и ценности.

Неудивительно, что поражение Гитлер воспринял как личную, собственную неудачу. Начавшаяся в ноябре 1918 года революция особенно придала его деструктивности окончательную и бесповоротную форму. Революционные события посягали на Германию, на все тщеславные мечты будущего фюрера. Его особенно оскорбляло и унижало то, что среди участников революционных событий было немало евреев, которых он давно считал своими заклятыми врагами и которые теперь вынуждали его наблюдать за крушением его националистических идеалов.

«От ощущения столь страшного унижения можно было избавиться лишь путем физического уничтожения всех тех, кого он считал виноватыми»: революционеров, евреев, Англию и Францию, заставивших Германию подписать унизительный Версальский договор», – подчеркивает Э. Фромм. И далее: «Эти его фантастические устремления и его дар убеждать неожиданно соединились с социальной и политической реальностью. Он стал агентом реакционного крыла армейского командования, который должен был не только шпионить за солдатами, но и вести среди них пропаганду милитаристских идей. Так, начав с малого, Гитлер постепенно стал монополистом в торговле товаром, который пользовался огромным спросом у разочарованных и смятенных «маленьких людей» и в реализации которого были кровно заинтересованы сначала армия, а затем и другие влиятельные группы, – таким товаром были идеи национализма, антикоммунизма и милитаризма. Когда он доказал на этом поприще свою самостоятельность, немецкие банкиры и промышленники оказали ему финансовую поддержку настолько щедрую, что он получил возможность захватить власть»³⁰.

Попытки внутренние проблемы фашизма свести к «сильной» личности Гитлера имеют следующий важный подтекст: возбудить надежду, особенно в молодом поколении, что все сегодняшние трудности и проблемы можно решить, ибо для этого только нужна сильная личность. Западногерманский коммунист Курт Бахман пишет в своей книге «Кем был Гитлер и действительности?»: «Замысел очевиден: вызвать ассоциацию, что модель не списана со счета, что она может оказаться пригодной когда-то в будущем. Реакционным силам весьма по душе, если вновь прозвучит призыв выдвинуть «сильную личность», которая, быть может, все-таки сотворит чудо и «исправит» создавшуюся после войны ситуацию и существующие границы»³¹.

Разоблачая подобные трактовки происхождения и сущности фашизма, К. Бахман подчеркивает: их главная задача состоит в том, чтобы «замаскировать причинные связи между Гитлером и буржуазией, между фашизмом и империализмом. Господствующая точка зрения в буржуазном историографии исходит из того, чтобы представить фашизм в лице Гитлера как продукт исторической случайности, а фашизм выдать за его творение. Историю отождествляют с «великой» личностью. При этом фальсифицируют объек-

тивные условия и исторические связи, внутренние отношения между монополиями и фашистской партией. Массовый террор против революционного рабочего движения и антифашистского Сопротивления преуменьшается или замалчивается. Гитлер, если не считать «ошибок» в «европейском вопросе», предстает как вполне приемлемая фигура»³².

Разумеется, подобные «теории» не соответствуют научной истине, противоречат правде истории. Если, например, допускается, что во всем виноват исключительно Гитлер, то почему после его смерти фашизм не исчез, почему он существует и сегодня? Как вообще получилось, что фашистские движения в 20-х годах XX в. возникли во многих капиталистических странах? Почему руководители крупнейших промышленных и финансовых монополий и при фашизме оставались хозяевами положения, а руководители рабочего движения либо оказались в тюрьмах, либо были зверски убиты? На все эти вопросы либеральные и правые теоретики не дают ответа.

Только рассматривая фашизм в контексте исторического развития, со всей определенностью связывая его происхождение прежде всего с политикой империалистских кругов, можно осознать меру возрастания его угрозы. Именно прежде всего эти круги прибегают к методам политической реакции и террора, что в конечном счете порождает фашистские устремления³³.

Особое, специфическое выражение фашизм нашел в фашистских диктатурах в Германии и Италии. Почему? Почему фашизм, существовавший во многих главных капиталистических странах, тем не менее, победил и установил свою террористическую диктатуру, в первую очередь, именно в этих странах? Во многом это объясняется историческими особенностями их развития, а также сложившимся соотношением классовых сил между буржуазией и трудящимися. Как известно, Германия и Италия запоздали в своем социально-экономическом развитии по сравнению, например, с Англией и Францией. Это привело к тому, что как германские, так и итальянские правящие круги вынуждены была разделить власть с консервативными, реакционными элементами феодальной аристократии.

Это обусловило, во-первых, особую реакционность и вместе с тем агрессивность правящих классов Германии и Италии.

Во-вторых, первая мировая война не только не привела к реализации агрессивных замыслов германских монополий, но, напротив, нанесла монополистической буржуазии большой урон. Итальянская буржуазия, хотя Италия и выступала на стороне победившей Антанты, также не только не выиграла от войны, но и понесла значительные потери.

В этих условиях в Германии и Италии, раздираемых острыми классовыми противоречиями, создалась революционная обстановка. Однако Ноябрьская (1918 г.) революция рабочих и солдат в Германии, преданная правым руководством социал-демократической партии, была жестоко подавлена объединенными силами империалистической буржуазии и юнкерства. Среди откровенных саботажников ноябрьской революции особенно выделялся один из лидеров социал-демократии – Носке. «Жуткая фигура», – так позднее охарактеризовал его С. Хаффнер, видный западногерманский журналист.

Подобным образом развивалась ситуация и в Италии. Однако и здесь из-за пассивности социал-демократического руководства пролетарская революция была сорвана. В последующий период крупные монополии в союзе с военщиной и монархией организовали контрреволюционное фашистское движение³⁴, которое, прикрываясь радикальными лозунгами, нанесло бандитский удар по рабочим и другим демократическим организациям. В итоге в Италии была установлена фашистская диктатура³⁵. Позднее, в 1933 г., с целью предотвращения революционных выступлений рабочего класса фашистскую диктатуру установила империалистическая буржуазия Германии.

Конечно, фашизм проявляет себя в разных формах. В Италии и Германии фашисты, будучи ставленниками крупной монополистической буржуазии, сумели создать относительно широкую социальную базу, организовать крупные фашистские политические партии. В других странах – Болгарии, Венгрии, Греции, Испании – они, захватив власть при помощи военщины и реакционных политических кругов, только в последующем на основе демагогии и насилия привлекли наиболее отсталые в политическом отношении массы.

Если в одних фашистских странах были немедленно ликвидированы представительные учреждения, парламент и т. п., за-

прецедента деятельность политических партий (Германия, Италия, Греция, например), в других (например, в Венгрии, Румынии) сохранились формы парламентаризма (естественно, они были наполнены откровенно фашистским содержанием; видимость политической деятельности (наряду с фашистской) продолжали функционировать «оппозиционные» партии).

Во многом это обусловлено сложностью и пестротой социальной структуры, общей политической неустойчивостью политического климата в отдельных странах, порождавших множество конкурирующих между собой фашистских группировок, ориентирующихся на ту или иную империалистическую державу. По этой причине фашизм в этих странах не мог пойти на полную ликвидацию буржуазно-парламентской формы правления и допускал существование «оппозиционных» партий. Не случайно Г. Димитров на VII конгрессе Коминтерна отметил: «В одних странах, преимущественно там, где у фашизма нет широкой массовой базы и где борьба отдельных группировок в лагере самой фашистской буржуазии достаточно сильна, фашизм не сразу решается ликвидировать парламент и сохраняет за другими буржуазными партиями, а также за социал-демократией известную легальность»³⁶. Точно также, если, например, в Германии фашисты находились в оппозиции к господствующей религии, то, в частности, в Италии и Испании они вынуждены были искать контакты с католической церковью и монархией.

В любом случае научные исследования должны учитывать национальную специфику фашизма. Как подчеркивает видный советский ученый А.А. Галкин, «даже обе «классические» формы фашизма заметно отличались друг от друга. Степень поглощения гражданского общества фашистским государством в Германии была значительно выше, чем в Италии. Существенно большей, чем в Италии, была концентрация власти. Фашистский террор в «третьей империи» был более массовым и жестоким. В идеологии итальянского фашизма расовые теории занимали гораздо меньшее место, чем у национал-социалистов. Соответственно по-иному использовалась расовая политика»³⁷.

Г.С. Филатов, исследуя природу и сущность фашизма также отмечает его национальную специфику: «Как правило, лозунги итальянских фашистов носили более претенциозный характер, а

результаты их реализации оказались гораздо более ограниченными, чем у немецких коллег. В области внутренней политики это наблюдалось, прежде всего, при попытках решать социальный вопрос путем построения «корпоративного государства» и осуществления крайних форм политики экономической автаркии. Существенными были различия и в степени воздействия на жизнь страны. Несмотря на все старания Муссолини стать единоличным и полновластным правителем Италии, в стране сохранилась монархия, и юридически главой государства оставался король. Значительное влияние на настроение католических масс оказывал Ватикан... Все это, безусловно, несколько ограничивало фашистскую диктатуру. Однако главная причина отсутствия внутренней стабильности итальянского фашизма заключалась в том, что ему никогда не удавалось полностью подчинить своей воле народные массы, подавить сопротивление и привить итальянцам «железную дисциплину»³⁸.

Разумеется, и в наши дни необходимо учитывать национальную специфику фашизма, как необходимо учитывать то, что в современных условиях фашизм выступает в подновленном виде, во всяком случае, между неофашизмом и классическим фашизмом, безусловно, имеются различия. Однако, по своей классовой сути, главным направлениям, целям и применяемым средствам фашизм и неофашизм – близнецы, рождаемые и вскармливаемые наиболее реакционными, шовинистическими кругами империализма.

Конечно, мир меняется. Сегодня ситуация в мире иная, нежели в 30-40-е, 60-70-е годы XX столетия. После развала СССР у империалистических кругов нет резона демагогически твердить в духе Гитлера о советской, красной угрозе. Они добиваются своих целей без подобной дымовой завесы, хотя, разумеется, страну, народ, которые они хотят «наказать», обвиняют в агрессивности, в нарушении прав человека, в насилии по отношению к тем или иным этническим группам и т. д. и т. п. (Правда, сегодня в свете событий на Украине империалистические круги вновь используют лозунг «угрозы с Востока», обвиняют Россию в мнимых агрессивных устремлениях).

И во внутренней политике империалисты отнюдь не стали более миролюбивыми: продолжают наступление на демократические права и свободы. Другое дело, что сегодня им, их господству никто

и ничто пока не угрожает. Поэтому им можно господствовать, не прибегая к открытому террору, добиваться своих агрессивных целей, господствовать с вежливым выражением лица и в лайковых перчатках. До поры до времени, разумеется.

Во всяком случае, фашизм не умер. Пока существует империализм и его приспешники на периферии мировой системы, в зависимых от империализма странах, мир от фашизма не застрахован. После разгрома «классического» фашизма в 1945 году народы ликовали: никогда больше не будет войны, не будет фашизма. Но уже спустя 20 лет объявились «черные полковники» в Греции, Пиночет в Чили и т. д. Уже спустя 20 лет после разгрома германского фашизма, самого страшного и самого жестокого, в ряде стран разгоняли парламенты, убивали демократов. Подобное продолжается и сегодня.

Ситуация в современном мире остается чрезвычайно опасной. В руках империалистических политиков, бесчестных и жестоких властителей находится страшное оружие массового уничтожения людей. Сегодня достаточно несколько минут, чтобы уничтожить все человечество, все достижения цивилизации, все плоды труда и гения людей. Именно поэтому честные люди, все миролюбивые народы, дорого заплатившие за сохранение своей независимости и мир, не должны забывать уроки истории. Политика империалистических кругов – враждебна демократии, враждебна установлению мира и прогресса. Сегодня кризис: экономический, политический и духовный. Это усиливает его агрессивность, устремленность к использованию крайних, террористических, фашистских методов удержания своей власти. Именно поэтому, несмотря на то, что прежние фашистские империи мертвы, идеи, из-за которых они погибли, «продолжают действовать... Они смердят, издавая трупный запах»³⁹, – пишет С. Хаффнер.

Вот почему встревоженные память и совесть человечества вновь и вновь должны обращаться к урокам страшных лет фашизма, которые помогают уяснить, кто и что является главной движущей силой фашизма, при каких обстоятельствах и в каких исторических условиях возникают фашистские движения, в чем суть и характер фашистских режимов, какие социальные силы противостоят им и как следует бороться с фашистской опасностью.

Глава 2. ФАШИЗМ – ПОРОЖДЕНИЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ СТАДИИ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА

§ 1. Фашизм и монополистический капитализм

Импералистическая реакция усиливается при политических порядках, начиная с самодержавной монархии и кончая буржуазно-демократической республикой, хотя, разумеется, в странах политически отсталых тенденция к реакции «по всей линии» более сильна, чем в странах с укоренившимися демократическими тенденциями. Так, во Франции воздействие реакционных тенденций сковывалось довольно высоким уровнем развития демократии, достигнутым в значительной степени вопреки самой буржуазии. Благодаря борьбе пролетариата, демократически настроенных представителей буржуазии в итоге четырех революций французская буржуазия, «вся была переделана в республиканскую, перевоспитана, переобучена, перерождена»⁴⁰.

Конечно, это отнюдь не означает, что Франция была застрахована от фашизма. Фашизм был взращен импералистическими кругами и во Франции, хотя в силу многих причин (на которых мы далее остановимся) окончательно победить в этой стране он не был способен, как не смог победить и в Англии, в которой демократические традиции также были глубоко укоренены. Фашизм одержал победу в странах, которые позднее других преодолели феодальную раздробленность, в которых капиталистические отношения возникли позже и развивались медленнее, чем, в частности, в Англии и во Франции.

Возьмем для примера Германию, «классическую» страну фашизма. Для ее истории важное значение имело то, что она вплоть до второй половины XIX в. состояла из множества самостоятельных феодальных государств. Вследствие этого общественные отношения в Германии и развивались медленнее, чем в других странах Европы. В результате экономической отсталости и политической слабости немецкая буржуазия в течение длительного времени находилась в подчинении феодально-абсолютистской монархии⁴¹. К тому же, когда немецкая буржуазия в середине XIX в. стала наконец достаточно сильной, чтобы добиться власти, на арену социальной жизни вышел ее антипод – пролетариат.

В конечном счете именно страх перед рабочим классом привел к тому, что в Германии буржуазия отказалась решать вопрос о власти революционным путем (в отличие от французской буржуазии, которая осуществила в 1789 г. победоносную революцию) и вместо этого пошла на компромисс, на раздел власти с темными силами прошлого, с монархией, с прусским офицерством и юнкерами. Поскольку историческая необходимость объединения германских государств была осуществлена сверху, «железом и кровью», поскольку империя была делом рук прусской военщины, прусской реакции, возглавляемой Бисмарком, поскольку «Германия первоначально обретает свое единство в прусской казарме...», постольку в ней надолго остались законсервированными многочисленные реакционные, полуфеодалные пережитки.

Антидемократический и милитаристский дух прусского юнкерства наложил зловеющий отпечаток на все внутри- и внешнеполитическое развитие страны. Выросшая под опекой юнкерской аристократии, буржуазия, захватывая в экономике одну позицию за другой, отнюдь не вторгалась в прерогативы своего союзника и покровителя в сфере государственного управления и внешней политики. Она крепко держалась за своего повелителя, видя в реакционном прусском дворянстве надежную защиту от рабочего класса, ту силу, которая обеспечит ей благоприятные условия для наживы внутри страны, а также достижение агрессивных империалистических целей. Немалую роль играли также надежды германской буржуазии на пресловутые военные таланты прусских милитаристов, которым предстояло возглавить германскую армию на полях сражений будущих империалистических войн. По всем этим причинам Германия, Германская империя, созданная «железом и кровью», превратилась в полицейско-бюрократическое государство.

Тот факт, что немецкая буржуазия в историческом смысле «запоздала» в борьбе за утверждение своей политической власти, оказал огромное воздействие на специфику перехода Германии от капитализма свободной конкуренции к монополистическому капитализму. И здесь, немецкая буржуазия также «запоздала». Именно поэтому она чувствовала себя «ущемленной», «обойденной» империалистической буржуазией других стран, которые значительно опередили Германию при захвате колоний, источников сырья,

рынков сбыта и сфер приложения капитала. Все это привело к тому, что германский империализм стал крайне агрессивным; его ведущие представители привыкли «делать ставку на силу меча», открыто требовали для Германии «места под солнцем», откровенно выступали за передел мира, за захват колоний, провозглашали военную мощь главным фактором реализации своих экспансионистских целей.

Вместе с тем историческое «опоздание» германского империализма дало немецкой буржуазии определенный шанс: предопределило тот факт, что на рубеже XIX и XX вв. процесс концентрации производства и капиталов в Германии шел гораздо быстрее, чем в других странах. Быстрое развитие германского монополистического капитализма объяснялось многими причинами. Прежде всего германские капиталисты могли широко использовать и использовали отечественные и заимствованные в других странах новейшие достижения научно-технического прогресса, что стимулировало особенно быстрое развитие таких передовых отраслей промышленности, как машиностроение, электротехническая, химическая, судостроительная и т.п. Существенное значение имело также и то, что германские капиталы в большей степени, чем, например, английские и французские, вкладывались в национальную экономику, поскольку Германия имела сравнительно мало колоний. Это способствовало интенсивности развития отечественного производства. Ускоренному развитию монополистического капитализма в Германии способствовало также ограбление Франции в результате ее поражения в ходе франко-прусской войны в 1870 – 1871 гг.: захват лотарингских рудников, 5 млрд. франков французской военной контрибуции. Важную роль для экономического роста страны играла и милитаризация промышленности, увеличение военных заказов, обусловленных подготовкой германского империализма к войне за передел мира.

Концентрация промышленности и капиталов вела к образованию крупнейших монополий и картелей, могущественных финансовых объединений. Например, стальной и чугунной картели перед началом первой мировой войны контролировали в соответствующих отраслях до 98% производства, 9 берлинских банков (среди них крупнейшие «Немецкий банк» и «Учетное общество») сосредотачивали половину всех вкладов в стране⁴². Со всей определен-

ностью можно констатировать, что уже в начале XX в. в Германии сложилась финансовая олигархия; крупнейшие монополистические объединения, возглавляемые такими промышленными и финансовыми магнатами, как Кирдорф, Штумм, Г. Крупп, А. Тиссен, братья Маннесман, Т. Стиннес и др., контролировали почти всю промышленность и финансы страны⁴³.

Быстрый процесс концентрации производства и капиталов шел и в сельском хозяйстве Германии. Этот процесс развивался здесь специфическим, «прусским» путем, мучительным для мелкого крестьянства, вытеснявшегося крупным помещичьим землевладением⁴⁴. Так, к концу XIX в. в Германии насчитывалось около 3 млн мелких хозяйств, земельные участки которых не превышали 2 га; причем они составляли свыше половины общего числа хозяйств страны. Наряду с этим в Германии юнкерские хозяйства (превышающие 100 га) занимали более половины всех сельскохозяйственных угодий, а в восточной Пруссии – более трети. В целом по стране помещики, на долю которых приходилось в 1907 г. 5% всех имевшихся в Германии хозяйств, сконцентрировали в своих руках более половины обрабатываемых земель. Важно учесть, что крупные аграрии и финансовые магнаты активно взаимодействовали; помещики участвовали в деятельности банков, картелей и синдикатов, в свою очередь монополисты (Кирдорф, Тиссен, Крупп), приобретая поместья, становились земельными собственниками⁴⁵.

Таким образом, примечательной чертой развития Германии на рубеже XIX и XX вв. явился ускоренный рост монополистического капитализма в сочетании с консервацией феодальных пережитков и неприкосновенностью позиций юнкерства. Во всяком случае перед первой мировой войной среди крупнейших богачей Германии, имевших имущество стоимостью свыше 5 млн марок каждый, 43% составляли дворяне. Представители дворянства контролировали военно-бюрократический аппарат управления, занимали высшие административные посты, а также офицерские должности в армии и во флоте; большая часть дипломатов также были дворяне. Могущество юнкерства, сросшегося с монополиями, значительно усугубляло реакционность и агрессивность германского, «юнкерско-буржуазного» империализма.

Тотальная подготовка к империалистическим войнам значительно ускорила развитие в Германии государственно-монопо-

листического капитализма. Конечно, элементы государственно-монополистического капитализма начали формироваться еще задолго до первой мировой войны. В частности, государство играло важную роль в формировании самого капиталистического способа производства. Государственная власть использовалась для того, чтобы ускорить процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и сократить тем самым его переходные стадии.

По мере развития капиталистических производственных отношений, по мере превращения Германии в крупную капиталистическую державу во все возрастающей степени развивается противоречие между экономической мощью нарождающегося германского империализма и относительно узкой сферой его влияния. Это также побуждало германских монополистов и юнкеров все шире использовать государственный аппарат в своих экономических и политических целях.

В начале XX в. государству в Германии уже принадлежали железные дороги, 40% угольных запасов страны. Большое значение имели правительственные заказы монополиям на поставки вооружения, и особенно, на строительство флота. Уже в то время «личная уния» банков с промышленностью широко дополняется «личной унией» тех и других с правительством.

И разумеется, первая мировая война 1914–1918 гг. решающим образом стимулировала в Германии государственно-монополистический капитализм. Германия вступила в войну в расчете на молниеносную победу; она была с точки зрения экономических условий не готова к длительному ведению войны. Поскольку война затягивалась и требовала максимального напряжения экономики, мобилизации всех экономических ресурсов, а также, поскольку Германия в результате блокады была изолирована почти от всех внешних рынков, постольку для германского империализма широкое государственно-монополистическое регулирование стало насущной, объективной потребностью. Монополии и финансовая олигархия первыми внесли «начало огосударствления капиталистического производства, соединения гигантской силы капитализма с гигантской силой государства в один механизм, ставящий десятки миллионов людей в одну организацию государственного капитализма»⁴⁶. Германией управляли

крупнейшие магнаты капитала, бесцеремонно использовавшие в своих целях государственный аппарат.

Бесспорно, это была общая объективная закономерность. Процесс концентрации производства и капитала во всех развитых странах вел к формированию могущественных финансово-промышленных олигархий. Но первенство, повторяем, в развитии этого процесса было за Германией. Среди этих представителей олигархии были уже перечисленные выше Э. Кирддорф, Г. Рёхлинг, П. Рейне, Г. Крупп и др., которые впоследствии сыграли решающую роль в приходе фашистов к власти и стали затем главными действующими лицами в экономике «третьего рейха».

Схожие процессы имели место и в Италии. В сущности, между историческими судьбами Германии и Италии можно провести определенную параллель: в обеих странах национальное воссоединение было осуществлено «сверху» (правда, в Италии оно было связано с революционной борьбой широких народных масс). Тем не менее буржуазная революция в Италии не была завершена⁴⁷.

Над страной по-прежнему висел груз феодальных пережитков. Социальные противоречия были чрезвычайно остры, господствующие классы – реакционные, либеральные институты – немощны. Точно так же, как и в Германии, в Италии на рубеже XIX и XX вв. быстрыми темпами началось перерастание свободного капитализма в империализм. Правительство взяло в свои руки производство табака, добычу соли, эксплуатацию железных дорог страны. Возникла итальянская национальная металлургия. Крупные субсидии и выгодные заказы от правительства получали судостроительные и навигационные компании, а также многие другие отрасли итальянской экономики. Именно поэтому П. Тольятти отмечал, что хотя итальянский империализм «можно отнести к числу наиболее слабых, поскольку у него нет собственного сырья и пр., но с точки зрения организации, структуры он, без сомнения, один из наиболее развитых»⁴⁸. И, добавим, агрессивных. Подобно германскому, итальянский империализм также жаждал территориальных приобретений, также стремился к колониальным захватам. Таким образом, в конце XIX в. на мировой арене сформировались две группы соперничающих между собой капиталистических стран. Капиталистам Англии и Франции про-

тивостояла другая группа капиталистов, еще более агрессивная и хищническая.

Эту группу возглавляла Германия, господствующие классы которой требовали передела мира в свою пользу. Уже в 1891 г. наиболее агрессивные и реакционные круги германской буржуазии и юнкерства создали шовинистическую организацию «Пангерманский союз». «Король во главе Пруссии, Пруссия – во главе Германии, Германия во главе мира» – таков был основной лозунг пангерманцев. Пангерманцы требовали захвата английских, французских, бельгийских колоний, присоединения к Германии территорий, заселенных немцами в Австрии, Франции, Бельгии, Голландии и т.д. Пангерманцы выдвигали планы отторжения от России Прибалтики, лелеяли мечту о захвате Польши, Украины и даже Кавказа, откуда намеревались угрожать Британской Индии. Они собирались превратить в германскую колонию Османскую империю. В пангерманских кругах вынашивались проекты создания германской колониальной империи в Африке и Латинской Америке. В экспансионистских замыслах пангерманцев важное место отводилось борьбе против США за установление полного господства империалистической Германии на Американском континенте.

Представители финансовой и промышленной элиты также откровенно лелеяли мечту о «Великой Германии». Г. Крупп твердо верил, что германская империя представляет собою ось Европы. Вокруг этой оси он хотел консолидировать тевтонскую «Среднюю Европу», которая включала бы Австро-Венгрию, нейтральные государства: Голландию и Швейцарию, а также Скандинавию. Французскую же территорию надлежало, по его мнению, аннексировать до линии Мозель-Маас. Крупп предвкушал возникновение огромной тевтонской колониальной империи и в Центральной Африке. Он доказывал: «Если эти задачи будут осуществлены, германская культура и цивилизация возглавят прогресс человечества; во имя достижения такой цели стоит сражаться и побеждать, проливая благородную кровь»⁴⁹. Эти сумасбродные и вместе с тем опасные идеи и планы широко пропагандировались в печати, отравляя сознание многих немцев шовинистическим угаром, оказывали значительное влияние и на правительство, на разработку им внешнеполитического курса страны.

В конце 90-х годов XIX в. финансово-промышленная олигархия и юнкерство, руководящие деятели правительства Германии открыто выдвинули экспансионистскую программу приобретения новых территорий. Выступая в рейхстаге в 1897 г., статс-секретарь ведомства иностранных дел князь фон Бюлов, лицемерно ссылаясь на то, что немцы якобы не имеют «жизненного пространства», цинично заявил: «Те времена, когда немец одному из своих соседей уступал землю, другому море, а себе оставлял небо... эти времена прошли...». И угрожающе продолжал: «Мы требуем и для себя места под солнцем»⁵⁰. В новых исторических условиях, когда территориальный раздел мира между великими державами уже был завершен, правящая клика Германии начала готовиться к новым колониальным захватам.

Кайзер Вильгельм II, к радости магнатов военной промышленности и милитаристов, произносил одну за другой провокационные, воинственные по отношению к соседям Германии речи: «Если германский орел залетел куда-нибудь и вонзил свои острые когти в землю, то эта страна должна принадлежать Германии и навсегда останется германской». Он непрестанно бряцал оружием и требовал большего влияния, большего «жизненного пространства», больше колоний, большего «присутствия на море», больше военных кораблей, больше солдат.

В 1914 г. правители Германии развязали первую мировую войну. Спустя 4 года, в 1918 г., Германия потерпела сокрушительное поражение. Победители – страны Антанты навязали Германии тяжелый, унижительный Версальский договор. Договор значительно ограничивал суверенитет Германии, но в то же время сохранил основы власти германского империализма. Буржуазии, почувствовавшей смертельную опасность, снова удалось спастись. Виновники развязывания войны остались безнаказанными. Генеральный штаб не был распущен. Владельцев концернов, юнкеров и крупных помещиков никто не тронул. Более того, монополисты – виновники войны – не только нажились на военных поставках, значительно увеличив свое состояние, но и фактически укрепили свои политические позиции.

Предательство правых социал-демократических лидеров в ходе Ноябрьской революции 1918 г. сделало возможным то, что капитализм, власть монополий, несмотря на крушение кайзеровской

империи, были спасены. Во всех решающих сферах общественной жизни в годы Веймарской республики по-прежнему властвовали представители старой элиты, лишь немного поседевшие монополисты-промышленники и банковские толстосумы, а также сыновья, зятья или племянники людей, которые задавали тон при кайзере Вильгельме II и даже еще при О. Бисмарке⁵¹.

Именно финансовая и политическая элита заключила в 30-е годы XX в. союз с Гитлером и привела его к власти, а Германию – к фашизму и катастрофе. Конечно, монополисты и нацисты не сразу нашли общий язык. Гитлеровский путч в Мюнхене в 1923 г. провалился. Гитлер был арестован, а нацистская партия была запрещена. Почему? Главная причина заключалась в том, что к этому времени революционная борьба немецких трудящихся пошла на убыль. К власти пришло правительство, составленное только из представителей буржуазных кругов, без социал-демократов.

Монополисты, магнаты капитала почувствовали себя увереннее и сочли, что установление фашистской диктатуры пока не является актуальным. К тому же правящие круги Германии опасались, что приход к власти нацистов, открыто проповедующих идеи реванша, вызовет международные осложнения. Французское правительство даже сделало по этому поводу официальное предупреждение⁵². Тем не менее буржуазная юстиция весьма снисходительно отнеслась к нацистам. Суд против Гитлера и его приспешников закончился фарсом: все они были приговорены к небольшим срокам тюремного заключения и вскоре выпущены на свободу. Гитлер, в частности, был осужден на 5 лет, но уже через год освобожден. В тюрьме Гитлер продиктовал библию нацизма – «Майн кампф», которая была издана в 1925 г. и составила впоследствии основу фашистской идеологии и пропаганды.

1924–1926 годы для нацистов были трудными. Однако в 1927–1928 гг. в Германии появились симптомы, возвещающие о приближении конца частичной стабилизации капитализма. Начавшийся в 1929 г. мировой экономический кризис оказал огромное воздействие на Германию. К концу 1929 г. промышленные предприятия были загружены менее чем наполовину. К лету 1930 г. армия безработных и частично безработных перевалила за 6 млн человек. В 1932 г. в Германии примерно каждый четвертый рабочий или служащий был безработным, жил в нужде, голодал. Кризис в

промышленности сопровождался глубоким аграрным кризисом, который вел к разорению миллионов крестьян, ремесленников, мелких предпринимателей и торговцев.

Социально-экономические последствия кризиса, стремление буржуазии переложить все его тяготы на плечи трудящихся привели к обострению недовольства трудящихся, росту забастовочной борьбы, к формированию резких антикапиталистических настроений. Росло влияние коммунистов.

Все это вызвало у правящих кругов страх за свою дальнейшую судьбу. В этой обстановке реакционные круги монополистического капитала стали все больше склоняться к открытому насилию, сделали основную ставку на фашизм. Они надеялись с помощью нацистов и Гитлера обуздать рабочих, порвать с Версальским договором, покончить с марксизмом, разрушить Веймарскую республику. У. Ширер в своей книге «Подъем и падение третьего рейха» отмечал, что правые в Германии столь страстно желали упразднения Республики, что прямо-таки с немислимым тупоумием, предубежденностью, недальновидностью подкапывались под ее устои. Они желали возрождения авторитарного государства, которое, в сущности, уже существовало в Германии в годы первой мировой войны и обеспечивало властям полное подавление какой-либо оппозиции. В конечном счете многое им удалось сделать в этом направлении уже во время Веймарской республики⁵³. В 1929 г., в период кризиса были значительно ущемлены права парламента, в конституцию страны были внесены поправки, позволяющие президенту управлять страной на основе чрезвычайного законодательства, т.е. не считаясь с парламентом. Последнее парламентское правительство, возглавляемое социал-демократом Г. Мюллером, рухнуло в 1930 г. Все последующие правительства – Брюнинга, Папена, Шляйхера, Гитлера – опирались уже не на большинство в рейхстаге, а назначались имперским президентом.

Ярым противником Веймарской республики был, например, канцлер Брюнинг, во многом способствовавший приходу Гитлера к власти. Он начал ликвидацию Веймарской республики с того, что все больше законов он и его правительство принимали в чрезвычайном, внепарламентском порядке, минуя рейхстаг. Как горделиво сообщает канцлер в своих мемуарах, им были «низведены полномочия парламента до уровня времен Бисмарка».

К. Бахман отмечает: «Это все выглядело так: в 1930 г. было проведено 94 заседания рейхстага, в 1931 г. их было уже только 41, а в 1932 г. всего 13. В 1930 г. рейхстаг принял 52 закона и 5 внепарламентских чрезвычайных законов; в 1931 г. было издано 19 законов и 41 чрезвычайный закон; в 1932 г. рейхстаг принял лишь 5 имперских законов при 60 чрезвычайных. Так Брюнинг обесценил Веймарскую конституцию, равно как и избранный парламент»⁵⁴.

В сущности, каким образом можно было защитить демократию в Веймарской республике, если, как писал американский журналист А. Маурер, «юная республика постоянно призывала старорежимных монархистов и генералов защитить ее от коммунистов! Такая республика должна была оказаться во власти своих врагов... Что следует сказать о республике, позволяющей монархистским судьям толковать ее законы по своему усмотрению и оставившей на правительственных постах старых чиновников, воспитанных в верности старому режиму, о республике, разрешающей реакционным учителям и профессорам воспитывать детей в презрении к существующей свободе и превозносить перед ними феодальное прошлое, которая разрешает и даже поощряет возрождение милитаристского духа, по вине которого главным образом страна и подверглась в прошлом унижению»⁵⁵. С помощью авторитарных методов империалистические круги буржуазии рассчитывали добиться «умиротворения» внутри страны, т. е. подавления всех демократических тенденций и, в первую очередь, революционного рабочего движения.

Рассчитывая покончить с помощью фашистов с «демократическими безобразиями» внутри страны, с профсоюзами, рабочим движением, империалистическая олигархия надеялась и в сфере внешней политики изменить статус-кво: «страхнуть» оковы Версальского мира и начать новые агрессивные войны. Действительно, Версальский договор был унижительный и грабительский для Германии. Империалисты и милитаристы Германии использовали грабительский и антидемократический характер Версальского договора для того, чтобы отравить ядом шовинизма и реваншизма широкие массы народа, в первую очередь мелкую буржуазию. В этих внутри- и внешнеполитических условиях монополистическая буржуазия и сделала ставку на дикий, шовинистический нацио-

нализм, на нацизм, прежде всего потому, что основные лозунги нацистов полностью отвечали планам и целям монополистов. Для Германии все будет хорошо, если уничтожить марксизм, твердили нацисты-гитлеровцы. Следовательно, нужно ликвидировать рабочее движение. Для Германии все будет хорошо, если отказаться от парламентской демократии. Следовательно, нужно воссоздать сильное, деятельное государство, установить твердую диктатуру. Для Германии все будет хорошо, если евреев-капиталистов вытеснить из экономики и других сфер общественной жизни. В результате с помощью антисемитизма антикапиталистические настроения были в значительной степени переведены в русло борьбы против евреев, что было весьма выгодно немецким монополистам и международному сионизму. Для Германии все будет хорошо, если она порвет Версальский договор и займет силой господствующее положение в Европе.

Эти лозунги не были изобретением нацистов. Их проповедовали монополисты и их идеологические приспешники и в кайзеровской Германии, и в Веймарской республике. Уже в то время их использовали в борьбе против революционного движения, объявляя революционеров и даже просто пацифистов врагами народа, а также для оправдания гонки вооружений и экспансионистской политики. Разница была только в том, что фашисты придали этим лозунгам особо агрессивный смысл, используя самые изощренные средства (от демагогии до террора), навязали эти лозунги широким массам. Монополисты, поддерживая нацистов, полагали, что в Гитлере и фашистах они нашли ту силу, которая поможет им в достижении их целей, не выходя в то же время из-под их воли и контроля.

Как уже отмечалось, еще в 20-х годах XX в. монополисты поощряли фашистов, хотя не сочли в то время целесообразным открыто встать на их сторону, допустить осуществление ими государственного переворота во время путча Гитлера – Людендорфа в 1923 г. Тем не менее Гитлера они оценили, на нацистское движение постоянно рассчитывали. Фашистская диктатура под руководством Гитлера не только представлялась крупной буржуазии и юнкерству надлежащей гарантией предотвращения социалистической революции, но и одновременно казалась наиболее способной обеспечить подготовку политики реванша после поражения 1918 г., а также новых агрессивных завоевательских войн.

К. Бахман в своей книге воспроизводит запись беседы В.Г. Кастла – руководителя отдела Западной Европы государственного департамента США с Г. Стиннесом (19 ноября 1922 г.): «Планы Стиннеса простираются далеко. Он предвидит, что путь на Восток откроется вновь, что Польша исчезнет, что начнется экономическая эксплуатация России и Италии со стороны Германии, – записывает В.Г. Кастл и резонно спрашивает: А не приведут ли эти намерения к новой войне, если мы и весь остальной мир не пожелают оказаться под немецким господством?»⁵⁶.

Германские монополисты действовали. Взращивали фашизм, они были его крупнейшей финансовой опорой, оказывали ему прямую политическую поддержку. В течение 1927 – 1932 гг. состоялись секретные встречи, в которых приняли участие видные представители финансовой олигархии, помещики, генералы и главари фашистской партии. Поддержка нацистов промышленниками и банкирами стала особенно очевидной после встреч Гитлера в 1932 г. с верхушкой германской империалистической буржуазии. Гитлер изложил промышленным и финансовым магнатам свою программу ремилитаризации Германии, перехода к политике завоевания «жизненного пространства», подготовки и развязывания войн. Он обещал предоставить крупные военные заказы, создать сильную и здоровую нацию, твердое и стабильное правительство, высказался за решительную борьбу против большевизма и марксизма. «Марксизм будет выкорчеван с корнем, – заявил Гитлер. – Думаете, что я пошел бы на компромиссы с марксизмом? Ни на какие. Если я пойду на какой-либо компромисс, тогда через 30 лет марксизм оживет опять. Марксизм нужно убить»⁵⁷.

Гитлер запугивал монополистов большевизмом и одновременно обещал их «спасти»: «Если бы нас не стало, то сегодня в Германии больше уже не было бы буржуазии, а вопрос: большевизм или меньшевизм – был бы уже давно решен!.. Вы видите перед собой организацию, наполненную самым выдающимся национальным чувством, построенную на теории абсолютного авторитета руководства во всех инстанциях, единственную партию, которая преодолела в себе без остатка не только интернациональные, но и демократические идеи, которая во всей своей организации вводит только ответственность, приказ и послушание... И если нас упрекают в нетерпимости, то мы с гордостью в ней признаемся: да, мы

приняли непреклонное решение вырвать до последнего корня марксизм в Германии»⁵⁸.

Магнаты германской промышленности поддержали Гитлера и нацистов именно потому, что программа фашистов полностью соответствовала их классовым интересам, их антикоммунистическим целям, более того, она была их собственной программой.

Монополисты оказали Гитлеру не только политическую, но и огромную финансовую поддержку. Уже с начала 30-х годов финансирование монополистами фашистской партии приобретает регулярный характер. Так, Рейнско-Вестфальский угольный синдикат с 1 января 1931 г. начал отчислять в ее кассу по 6 млн марок ежегодно. А Ф. Тиссен, субсидировавший еще путч Гитлера-Людендорфа, позднее потратил миллионы на военизированные отряды нацистов. После захвата гитлеровцами власти монополисты по инициативе Круппа создали «Фонд Адольфа Гитлера», в который Крупп сразу же вложил 6 млн рейхсмарок, а также дополнительно передал еще 6 млн на другие нужды национал-социализма. Концерн же «ИГ Фарбениндустри» внес в этот фонд с 1933 по 1944 гг. около 80 млн марок⁵⁹. А. Маурер в книге «Германия переводит стрелку часов назад» в 1933 г. писал: «Список финансовых покровителей, оказывающих помощь национал-социалистическому движению, стал чрезвычайно длинным. Подписной лист национал-социалистической партии также пестрил фамилиями предпринимателей, парламентских представителей, генеральных советников... как и подобный лист Национального комитета республиканской партии США»⁶⁰.

В числе лиц, финансировавших фашистское движение в Германии, были и многие зарубежные капиталисты. Один лишь английский нефтяной король Г. Детердинг передал Гитлеру 10 млн голландских гульденов⁶¹.

Примечательно, что монополии усилили свою поддержку Гитлера именно в тот момент, когда положение нацистской партии стало ухудшаться. На выборах в апреле и ноябре 1932 г. НСДАП потеряла 2 млн голосов и 34 места в рейхстаге, а рабочие партии, особенно коммунисты, существенно укрепили свои позиции. Вместе СДПГ и КППГ получили свыше 13 млн голосов избирателей и больше мест в рейхстаге, чем нацисты. Кроме того, министр внутренних дел генерал Грёнер распорядился распустить гитлеровские отряды СА и СС, а также запретил ношение формы членами всех других

военизированных организаций нацистов. Правые немедленно пришли на помощь Гитлеру. Начало положил кронпринц Вильгельм – через день после запрещения национал-социалистических боевых отрядов он обратился к генералу Грёнеру с письмом, в котором говорилось: «... мне особенно прискорбно, что Вы поставили свою подпись под распоряжением о роспуске СА и СС. Я могу расценить это распоряжение как серьезную ошибку, чреватую страшной опасностью для внутреннего мира. Запрещение членам «Стального шлема» носить форму и роспуск СА и СС неизбежно сильнейшим образом подорвут в национальных кругах доверие к министерству обороны. Поскольку я с давних пор стремлюсь лично содействовать установлению доверия между рейхсвером и национальными организациями – это особенно относится к НСДАП, – Вы... поймете, сколь тягостное впечатление производит на меня этот шаг, скрепленный Вашим именем...»⁶².

Вскоре под давлением крайне правых политиков, генералитета и президента Гинденбурга генерал Грёнер вынужден был уйти в отставку, а вслед за ним Гинденбург уволил в отставку и канцлера Брюнинга (которому за две недели до этого рейхстаг выразил полное доверие). Канцлером стал Папен, проложивший дорогу Гитлеру. Именно признаки ослабления позиций фашистов в массах заставили буржуазию поспешить с передачей власти фашистам.

19 ноября 1932 г. представители крупной промышленности и землевладельцы направили Гинденбургу следующее послание, которое имело первостепенное значение в передаче гитлеровцам власти. В послании говорилось: «Мы видим в национальном движении, охватывающем наш народ, многообещающее начало, которое только и создает, благодаря преодолению классовых противоречий, необходимую базу для нового подъема немецкой экономики. Мы знаем, что этот подъем потребует многих жертв. Мы верим, что эти жертвы могут быть с готовностью принесены только в случае, если крупнейшая группа этого национального движения (имеется в виду НСДАП) будет участвовать в правительстве как руководящая сила. Вверение ответственного руководства президентским кабинетом, который состоит из лучших в деловом и личном отношении кадров, фюреру крупнейшей национальной группы устранит недостатки и ошибки, присущие в силу обстоятельств любому массовому движению, и позволит

увлечь за собой миллионы людей, ныне стоящих в стороне, сделает их надежной силой»⁶³.

Банкир барон К. фон Шрёдер на Нюрнбергском процессе по делу концерна «ИГ Фарбениндустри» в 1947 г. раскрыл причины, побудившие магнатов капитала поддержать Гитлера: «Общее устремление (магнатов капитала. – *Б. Б.*)... сводилось к тому, чтобы получить сильного фюрера... Когда... НСДАП потерпела свое первое поражение и миновала свой зенит, поддержка ее со стороны немецких экономических кругов стала особенно важной. Общий для этих кругов интерес обусловился страхом перед большевизмом и надеждой, что национал-социалисты в случае их прихода к власти создадут устойчивую политическую и экономическую базу в Германии. Другой общий интерес определило желание осуществить экономическую программу Гитлера, причем существо вопроса заключалось в том, что экономические силы должны были сами направлять дело к решению проблем, поставленных политическим руководством. Кроме того, ожидалось, что возникнет подходящая экономическая конъюнктура благодаря размещению крупных государственных заказов». И далее в показаниях Шрёдера следует особенно зловещая фраза: «Надо упомянуть.... что Гитлер проектировал увеличение вермахта, требовал разрыва Версальского договора и желал возрождения сильной Германии как в военном, так и в экономическом отношениях»⁶⁴. Впоследствии, уже после разгрома фашизма, Крупп, находясь в заключении, также вынужден был признать, что его концерн сознательно и добровольно поддержал Гитлера. И после этого находятся еще «исследователи», которые доказывают, что крупные промышленники не имели-де намерения привести Гитлера к власти и не оказали будто бы фашистам решающей поддержки!⁶⁵.

Гитлер и фашисты оправдали надежды и ожидания монополистов. После прихода их к власти были созданы все предпосылки и для требуемой финансовой олигархией борьбы с марксизмом, революционным рабочим движением, для политики реванша и захватнических войн. Уже с первых же дней, когда Гитлер стал канцлером, началась кампания против коммунистов, всех антифашистских сил. Коммунистическая и другие рабочие партии были запрещены. Коммунисты-депутаты рейхстага были арес-

тованы в день открытия рейхстага, сотни и тысячи коммунистов и социал-демократических деятелей были брошены в тюрьмы и концлагеря. Наконец, оказались разгромленными и профсоюзы. Гитлер заменил их «корпоративной системой», превратил предпринимателей в «вождей предприятий», облеченных неограниченными правами. Фашисты издали закон «О принудительном картелировании», согласно которому многие мелкие предприятия лишались своей самостоятельности и присоединялись к крупным монополиям. Только за период с 1933 г. по 1939 г. 700 тыс. ремесленников и мелких торговцев потеряли свою собственность, которая стала добычей крупных капиталистических хищников. Начав перевооружение страны, фашизм дал монополистам возможность получать колоссальные, из года в год возрастающие прибыли.

В результате между 1932 и 1939 гг. количество мультимиллионеров в Германии увеличилось на 180 человек. В то время как покупательная способность минимальной заработной платы снизилась с 1932 по 1937 г. на 7%, чистая прибыль концернов резко возросла. Например, чистая прибыль концерна Круппа увеличилась за тот же период с 6,65 млн до 17,22 млн рейхсмарок. В 1945 г. Альфред Крупп признал, что его личное состояние как единственного владельца концерна составляет 160 млн марок, которые ежегодно приносят ему 6% дивидендов, освобожденных от налогов, иными словами, около 10 млн марок в год.

Объединение Круппа как бы символизировало собой весь германский военно-промышленный капитал. Еще накануне первой мировой войны, беспощадно заклеив «кровавый интернационал торговцев смертью», К. Либкнехт подчеркивал, что главенствующая роль в нем принадлежит именно концерну Круппа – этому матадору международной промышленности вооружений, который превосходит остальных участников состязания во всех отраслях военного производства. Эту роль «матадора военной промышленности» Крупп еще больше закрепил в годы правления нацистов⁶⁶.

Наряду с крупновскими предприятиями на дрожжах военных авантюр Германии росли и другие концерны. Так, уже в годы первой мировой войны совершил решающий рывок с целью установления своего господства над всей химической промышленностью Германии концерн «ИГ Фарбениндустри». К началу второй мировой войны этот концерн занимал ведущие

позиции в фармацевтической промышленности, в производстве красителей, искусственных удобрений, взрывчатых веществ, синтетического каучука, пластмасс и т. д. В состав «ИГ» входило 177 заводов в самой Германии и около 200 заводов в других странах, а к концу войны концерн объединял 380 германских фирм и его влияние распространялось на 500 иностранных компаний в 93 странах. «ИГ» контролировал 40 тыс. патентов. Не случайно в обвинительном заключении Нюрнбергского трибунала «ИГ» был назван «государством в государстве».

Д. Боркин в книге «Преступление и наказание «ИГ Фарбениндустри»» отмечает, что «лидерство» «ИГ» в подготовке промышленности Германии к войне было «неоспоримым». Заводы и лаборатории этого концерна сделали все для перевооружения Германии, для подготовки ею агрессивных войн. Концерн выпускал почти все синтетическое горючее, синтетический каучук, отравляющие газы, магний, смазочные масла, взрывчатые вещества, метиловый спирт, сыворотки, пластификаторы, красители, никель и тысячи других видов продукции, необходимых для фашистской военной машины. Д. Боркин отмечает, что руководитель «ИГ Фарбениндустри» Краух стал символом вклада «ИГ» в укрепление военной мощи Германии. Когда началась фашистская агрессия и войска вермахта заволокли всю Европу, Гитлер лично вручил Крауху награду, которая предназначалась только для героев, отличившихся на войне, – «Железный крест», и назвал его человеком, одержавшим поразительные победы на поле боя германской промышленности. «Никогда ранее в истории, – подчеркивает Боркин, – промышленник и промышленный концерн не играли такой решающей роли в военном планировании и в подготовке к большой войне. Это было военно-промышленное партнерство в его чистейшей форме»⁶⁷. Это «партнерство», неся миллионам людей горе и смерть, давало «ИГ Фарбениндустри» огромные материальные выгоды. Так, после вторжения в Австрию «ИГ Фарбениндустри», цинично ссылаясь на национальные интересы Германии грабительно присоединил к себе крупнейший химический концерн «Шкода верке Вецлер», объявив его «своей собственностью». То же самое произошло после захвата Чехословакии с химической компанией «Ауссигер Ферейн».

В годы фашистского господства доходы германских монополий непрерывно росли. Например, «Стальной трест» увеличил свои прибыли за первые шесть лет гитлеровской диктатуры в 3.5 раза, концерн Маннесмана – в 5, концерн Круппа – в 3.5, концерн Сименса – в 3 раза, а прибыли «ИГ Фарбениндустри» с 1932 по 1943 г. повысились в 18 раз. Примечательно, что сами фашистские главари становились акционерами крупнейших монополистических объединений. Так, Геринг, в частности, был одним из совладельцев созданного в 1937 г. крупнейшего военно-промышленного концерна, названного его именем и объединившего 177 заводов, 69 горнопромышленных и металлургических предприятий, 15 строительных фирм и т. п.

Общая сумма прибылей германских монополий с учетом всех видов доходов была не меньше 90–100 млрд. марок. Кроме того, германскими монополистами было выкачано с территории Франции, Бельгии, Голландии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Словакии за годы войны примерно 124 млрд. марок. Причем, сюда не вошла стоимость, созданная принудительным трудом рабочих, угнанных в Германию из этих стран. Но, главное, что в эту сумму не вошли доходы монополий от ограбления экономики и хищнической эксплуатации труда рабочих Советского Союза и Польши, а также Чехии и других стран, больше всего пострадавших от гитлеровской оккупации. А ведь известно, что только с оккупированной территории СССР на принудительный труд в Германии было угнано около 6 млн советских граждан, так что материальные выгоды, извлеченные монополистической буржуазией фашистской Германии, полностью даже не поддаются учету.

Примечательно, что лидеры концернов сознательно приобщались к нацистской идеологии, многие из них вступали в нацистскую партию, а кое-кто и в ряды эсэсовцев. «ИГ Фарбениндустри», например, открыто скрепил свой союз с Гитлером тем, что объявил принципом своей деятельности неизбежность фашистской доктрины, и все члены правления этого крупнейшего концерна демонстративно вступили в нацистскую партию.

Фашизм оправдал надежды и поддержавших его земельных магнатов. Хотя Гитлер в известной февральской программе 1920 г. провозглашал проведение земельной реформы и требовал издания закона о безвозмездном отчуждении юнкерских поместий, он, ра-

зумеется, подло обманул крестьян. В 30-х годах, расшаркиваясь перед земельными магнатами, Гитлер объявлял клеветниками тех, кто «приписывал» нацистской партии намерение экспроприировать крупных землевладельцев.

Более того, в годы фашистского правления крупное землевладение значительно возросло. Так, в период с 1933 по 1939 г. число крупнейших помещиков увеличилось на 898, а принадлежащая им земля – почти на 3 млн га. К началу второй мировой войны в Германии насчитывалось 41751 юнкерское хозяйство, каждое из которых имело более 100 га. В общей сложности они владели 20,3 млн га земли. Это 38% всей полезной сельскохозяйственной площади. В то же время почти 1,8 млн крестьянских хозяйств владели 28,6 млн га, или 53,4% всей сельскохозяйственной площади, т. е. немногим более чем 42 тыс. юнкеров. Остаток принадлежал крестьянам – беднякам, на долю каждого из которых приходилось менее 5 га земли. Гитлер оставил также нетронутыми 16 крупнейших княжеских поместий с общей площадью земли почти 600 тыс. га. При нацистах 5,5 тыс. крупных феодалов владели 5,75 млн га земли. Только на одной этой площади можно было бы расселить 550 тыс. крестьянских семей, выделив каждой по 10 га земли⁶⁸.

В конечном счете после победы Гитлера монополисты-промышленники и аграрные бароны – старые поджигатели войны и идеологи захватнической политики – оказались на переднем крае. Они стали «виртшафтсфюрерами» экономики, членами гитлеровского рейхстага, имперского кабинета министров.

Классовую сущность фашистской диктатуры в Германии хорошо демонстрирует состав учрежденного фашистами Генерального совета экономики. Из 16 членов этого, по сути дела, подлинного правительства Германии 9 являлись крупными промышленниками, представителями монополистического капитала, 4 – банковскими заправилками и два крупными землевладельцами. Министерством хозяйства руководил представитель крупных банков и страховых трестов Шмитт. Управление объединенными унифицированными капиталистическими союзами было поручено Круппу. Тиссена Гитлер назначил «авторитарным примирителем» во всех вопросах тарифов и заработной платы в Германии⁶⁹. Гитлер не забыл тех, кто помогал ему и поддерживал его. Председатель бывшего «Пангер-

манского союза» Класс был с особыми почестями приглашен им в рейхстаг в награду за «идеи», которые позаимствовал у него Гитлер, развивая в «Майн кампф» захватническую политику «Дранг нах Остен» («натиска на Восток»).

В Италии также крупная буржуазия, монополисты сыграли роковую роль в разгроме республиканских институтов, в приходе фашистов к власти. Как развивались события в этой стране? После революционных событий в сентябре 1920 г. итальянская буржуазия утрачивает веру в силу так называемого конституционного государства и парламентаризма и все более склоняется к необходимости террористического подавления революционного движения⁷⁰. «Политическая сила капитализма, — писал А. Грамши в октябре 1920 г., — постепенно все больше сливается с высшей военной иерархией, с королевской гвардией, с разного рода авантюристами, которые кишмя кишат всюду после перемирия и стремятся — каждый в борьбе против остальных — сделаться итальянскими Корниловыми или бонапартами»⁷¹.

Рассчитывая использовать фашизм против революционного пролетариата, буржуазия, ее государственная власть пособничала фашистам. Военные власти давали им оружие. Профессиональные и отставные офицеры обучали фашистские банды и фактически руководили их операциями. Рабочих и крестьян же разоружали. Разоблачая пособничество фашистам со стороны итальянских правящих кругов, А. Маурер пишет: «Полиция оставалась «нейтральной» перед лицом убийств, насилий и поджогов... Чиновники лишь пожимали плечами, когда вооруженные банды заставляли социалистов под угрозой смерти или суда отказываться от своих постов или устраивали форменные суды и приговаривали своих врагов к телесному наказанию, ссылке или казни... Иногда карабинеры и королевские гвардейцы выступали вместе с фашистами, парализуя сопротивление крестьян»⁷².

Итальянские фашисты, так же как и германские, выступали с весьма демагогическими лозунгами по вопросам внутренней, в первую очередь социально-экономической, политики: объявляли себя сторонниками всеобщих выборов, восьмичасового рабочего дня, участия рабочих в руководстве предприятиями, единовременного прогрессивного налога на капитал и секвестра 85% военных прибылей, национализации всех военных предприятий и т. д. Эти

лживые, ультрадемагогические лозунги и требования фашистов не могли обмануть наиболее внимательных буржуазных политических деятелей. Как отмечает Б.Р. Лопухов, Орландо, премьер-министр Италии в момент зарождения фашизма, «свидетельствовал, что начиная с июня 1919 года он рассматривал Муссолини как представителя крайне правого национализма. Либерал М. Миссиरोли писал, что даже вначале в политических кругах буржуазии никто не считал фашизм действительно левым движением и его лозунги рассматривались как маневр для того, чтобы обмануть массы»⁷³.

Если обратиться к анализу состава фашистской правящей элиты Италии, то и здесь преобладание финансовой олигархии налицо. По данным на 1932 г. 112 сенаторов, 175 депутатов и многие члены Большого фашистского совета и руководства фашистской партии занимали оплачиваемые посты в административных советах крупных акционерных обществ. В 1940–1941 гг. эти связи стали еще более многочисленными и глубокими. Так, акционерные общества, входящие в состав четырех крупных частных электропромышленных групп, имели в своих административных советах более 40 сенаторов и депутатов. В составе административных советов акционерных обществ сахарной промышленности и смежных отраслей насчитывалось 15 сенаторов и депутатов, в административных советах страховых обществ – свыше 30, машиностроительных акционерных обществах – свыше 30, химических – свыше 25, текстильных – свыше 25 и т. д. Весьма показательны, что среди имен многочисленных специалистов и финансистов, входящих в состав верхней и нижней палаты, фигурировали имена известных политиков. Это означало совмещение в одном лице политического и экономического деятеля⁷⁴.

И если до прихода фашистов к власти образование монополистических групп и картелей носило частный характер, то теперь оно стало обязательным и приобрело государственные прерогативы. Это означает, что если раньше картелизация происходила на добровольной основе, то теперь возникло новое положение, при котором отдельное предприятие было обязано в соответствии с государственным законом вступить в картель и подчиниться его дисциплине, которая диктовалась крупнейшими промышленниками, возглавлявшими картель. Новым являлось также то, что были расширены функции и власть картелей и им присвоены некоторые

государственные функции (например, предоставление лицензий на импорт сырья, установление цен и т. д.)⁷⁵.

Все это убедительно свидетельствует, что в фашистских государствах крупные промышленники и финансисты, во-первых, были той социальной силой, которая в решающей степени содействовала приходу фашистов к власти, точнее, фашистскому перевороту (поскольку передача власти Гитлеру, вопреки буржуазным фальсификаторам, отнюдь не была результатом «победы легальной оппозиции», но именно государственным переворотом)⁷⁶; во-вторых, были главной опорой фашизма в годы его борьбы за власть и в годы его господства; в-третьих, именно они – представители олигархии – получили наивысшую мзду в результате агрессивных грабительских, разбойничьих войн фашизма.

§ 2. Фашизм и милитаризм

Важной силой, обусловившей возникновение, развитие и победу фашизма, был милитаризм.

Сея ненависть к другим народам, проповедуя превосходство собственной нации, расизм, империалистические идеологи заражали шовинизмом, страстью к завоеваниям мелкобуржуазные массы и даже определенные слои трудящихся, рабочего класса. Не случайно один из глашатаев английского империализма Д. Чемберлен демагогически заявлял, что потеря английского господства в колониях якобы «отразится» прежде всего на трудящихся классах Британии. Обострившаяся на рубеже веков борьба между империалистическими хищниками за передел мира привела к еще большему нарастанию милитаристических тенденций. Особенно агрессивные, реакционные черты приобрел германский милитаризм. Как и специфические характеристики финансовой олигархии Германии, особенности германского милитаризма также были обусловлены историческим развитием этой страны.

Все возрастающая агрессивность германского милитаризма во многом была обусловлена тем, что Германию объединила прусская военщина в результате разгрома Франции. В объединенной Германии, представляющей собой союз 22 монархий, главенствующую роль приобрела милитаристско-юнкерская Пруссия. Как отмечает

Э. Никиш, видный политический мыслитель Германии 20-60-х гг. XX в., Пруссия сделала выбор в пользу принципа силы. Это прежде всего выразилось в том статусе, который в рамках государственной структуры был отведен армии.

Государство состоит не из граждан, а из солдат. Роль, которая в либеральных государствах принадлежит парламенту, здесь играет Генштаб. Меру уважения к личности задает не положение в обществе, а положение в войске... Человек начинается только с лейтенанта. Светила культуры, великие умы блекнут на фоне сверкающих мундиров и эполет. На цивильную одежду смотрят с презрением даже те, кто ее носит, втайне они завидуют золоченым мундирам. Militarизм принижает все формы общественной жизни. Всюду приказывают и подчиняются, всюду перед начальством стоят по стойке смирно, нигде ему не прекословят. Солдатское послушание, солдатские добродетели, солдатские представления о чести, солдатское обхождение определяют весь жизненный уклад народа. В этом-то и заключается суть прусско-немецкого militarизма, подчеркивает Э. Никиш.

Пруссачество как социально-политическая сила обеспечило себе господствующее положение в Германии. Созданное руками прусско-militarистской реакции, германское государство стало, по известному ироническому замечанию, «германской империей прусской нации». Пруссачество постоянно возвращало militarистскую касту. Прусское офицерство постоянно отличало непомерное сословное чванство, отделявшее его от народа непреодолимым рвом. Военщину воспитывали в духе вражды к любому гуманистическому образованию, пишет немецкий историк В. Руге и подчеркивает, что «из всего этого выросло слепое повиновение начальству и безусловная преданность монарху...»⁷⁷.

Германия, с момента своего рождения являвшая собой «бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм», стремилась подавить, прибегая к самым крайним средствам любые революционные, демократические выступления в стране. И Бисмарк, и кайзер Вильгельм II давали весьма циничный рецепт расправы с рабочим классом, с социал-демократическим движением: «Реформами не убьешь социал-демократию; рано или поздно все равно придется перестрелять ее»⁷⁸.

Но, разумеется, главное, к чему стремилась прусская военщина, — это обеспечение своих агрессивных замыслов. В 1912 г. в Германии привлекла к себе широкое внимание книга, озаглавленная «Наше будущее. Предостережение германскому народу». Ее автором был Ф. фон Бернгарди, тогдашний начальник одного из отделов в Генеральном штабе. Название глав этой книги — «Право вести войну», «Обязанность вести войну», «Историческая миссия Германии», «Мировое господство или крах» — говорят сами за себя. С точки зрения Бернгарди, «завоевательная война» является «политической необходимостью» и, следовательно, «высшим долгом государства». Ф. Бернгарди доказывал, что рейх, зажатый в тисках «неестественных» границ, никогда не сможет достичь своих целей без увеличения своего политического могущества, без расширения сферы своего влияния и без завоевания новых территорий. Куда бы мы не обратили свой взор, твердил он, повсюду перед нами встает альтернатива: либо отказаться от наших целей, либо подготовиться к тому, что их придется добиваться оружием. Ф. Бернгарди цинично оправдывал вмешательство Германии во внутренние дела других государств, захват колоний и попрание международных договоров ссылками на силу как «высшую этику». Он на все лады доказывал необходимость не ограничивать «германскую свободу действий» никакими предрассудками вроде международного права. «Мы должны... постоянно сознавать, — утверждал он, — что ни при каких обстоятельствах не должны избегать войны за наше положение мировой державы...»⁷⁹.

Подобный стиль мышления и действий был присущ и императору Вильгельму II и многим политическим деятелям Германии той эпохи. Стремясь к войне, милитаристы не брезговали никакими средствами. Сам кайзер Вильгельм II прибегал к прямому вероломству. На полях доклада канцлера Бетман-Гольверга о ситуации на Балканах он сделал надпись: «Нужна, наконец, провокация, чтобы получить возможность нанести удар». И без обиняков приписал далее, что «при наличии более или менее ловкой дипломатии и ловко направляемой прессы таковую (провокацию) можно сконструировать... и ее надо постоянно иметь под рукой»⁸⁰.

Подобные тенденции к империалистической агрессии, сочетаясь со старыми милитаристскими традициями прусского офицерства,

сделали германский империализм крайне реакционным и агрессивным как внутри страны по отношению к «внутренним врагам», так и за ее пределами по отношению к «внешним врагам». К. Либкнехт, определяя черты милитаристского духа, писал: «По отношению к внешнему врагу он заключается в шовинистическом бездушии и высокомерии, по отношению к внутреннему врагу – в ненависти ко всякому прогрессу, к какому бы то ни было стремлению, хотя бы самым отдаленным образом угрожающему господствующему классу»⁸¹.

Причем, империалистические круги Германии, в намерении изменить статус-кво, стремлении к колониальным захватам, проводили нереалистическую, в сущности, авантюристическую политику. Во времена Бисмарка германские правящие круги еще руководствовались реалистическими оценками соотношения сил, считали опасным заблуждением вести войну одновременно против Запада и Востока, против Франции и России. Теперь, по мере развития в Германии империализма, ставка все более делалась на опасную авантюристическую политику, рассчитанную на разгром коалиции более сильных в экономическом и военном отношении противников.

Со всей отчетливостью это нашло свое отражение в планах графа Шлиффена, начальника Генерального штаба Германии в 1891–1905 гг. Суть этого плана – поиск выхода из объективно неблагоприятного стратегического положения империалистической Германии, которая располагала гораздо меньшими источниками сырья, производственными мощностями и людскими резервами. Ее вероятные противники, зажав рейх с двух сторон, могли бы перерезать его морские коммуникации и поставить под вопрос его продовольственное снабжение. Из этой ситуации, согласно концепции Шлиффена, вытекало, что германский империализм, желая осуществить свои цели, должен был позаботиться о том, чтобы добиться исхода войны раньше, чем его противники получили бы возможность полностью мобилизовать свои ресурсы или установить эффективную блокаду Германии. Надо застать противника врасплох, надо нанести уже первый удар с максимальной силой. За образец Шлиффен взял битву при Каннах (216 г до н. э.), в которой карфагенский полководец Ганнибал разгромил более сильное римское войско, окружив его. Причем

то обстоятельство, что Карфаген все же проиграл все три войны против Рима и в итоге был уничтожен, не изменило желания Шлиффена подражать Ганнибалу. Смысл плана Шлиффена был таков: быстро пройти нейтральную Бельгию, обойти, окружить и уничтожить французскую армию, а затем, перебросив войска на Восток разгромить Россию⁸².

Эта шлиффеновская авантюристическая доктрина «молниеносной войны» потерпела сокрушительное поражение в 1918 году. Но именно в этом году по сути и началась нацистская «революция» (по терминологии нацистов), то есть нацистская контрреволюция. Добровольческие отряды по своей жестокости и способам борьбы были явными предшественниками будущих нацистских отрядов штурмовиков и эсэсовцев. Также, как будущие нацисты, они мучили и пытали политических противников, ставили их к стенке и расстреливали без лишних разговоров.

Германские военные, рейхсвер в сущности были противниками республики, противниками демократии. Они пошли на сделку с нацистами, сами стали нацистами потому, что их объединяли общие замыслы и цели: вражда к Веймарской республике и желание реванша за поражение в 1918 году. Германские милитаристы снова «вспомнили» о доктрине Шлиффена.

Эта авантюристическая доктрина «молниеносной войны» оказала решающее влияние на генералов фашистского вермахта при разработке ими планов войны против СССР. Слепая ненависть к Советскому Союзу лишила гитлеровский генералитет возможности хотя бы приблизиться к реалистической оценке советского военно-промышленного потенциала. Советский Союз был для Гитлера «колоссом на глиняных ногах», для начальника штаба вермахта генерал-полковника Йодля – «пузырем, который надо лишь наколоть, чтобы он лопнул», для начальника Генерального штаба генерал-полковника Гальдера – «оконным стеклом, которое стоит только ударить один раз кулаком и все развалится на куски».

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, разоблачая авантюризм германского империализма, отмечает, что все планы и намерения гитлеровского военного руководства после вторжения на территорию СССР последовательно срывались. «Обо что же споткнулись фашистские войска, сделав свой первый шаг на территории

нашей страны, что прежде всего помешало им продвигаться привычными темпами? Массовый героизм наших войск, их ожесточенное сопротивление, упорство, величайший патриотизм армии и народа»⁸³, – подчеркивает Г.К. Жуков. Бесспорно, война с фашистской Германией началась для нас неудачно, даже не просто неудачно, но жестокими поражениями.

Сегодня многие отечественные публицисты, писатели, ученые, политики гневно обличают сталинское руководство, которое не готовилось или плохо представляло войну с фашизмом. Оснований для этих обвинений можно найти достаточно. Вместе с тем многие государственные и военные деятели, например, Г.К. Жуков, вполне убедительно доказывают, с какой настойчивостью страна готовилась к обороне. «Вновь проследив мысленным взором ход строительства Советских Вооруженных Сил, начиная со времен гражданской войны, должен сказать, что в основном и здесь мы шли верным путем. Советская военная доктрина, принципы воспитания и обучения войск, вооружение армии и флота, подготовка командных кадров, структура и организация вооруженных сил непрерывно совершенствовались в нужных направлениях. Всегда был исключительно высок моральный и боевой дух войск, их политическая сознательность и зрелость... Я не могу назвать какое-либо большое, принципиальное направление в строительстве наших вооруженных сил, которое стоило бы перечеркнуть, выбросить за борт, отменить». (Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. С. 237 – 238).

Вот воспоминания К.М. Симонова, хорошо знавшего эти годы и ту эпоху: «Во время войны мы, я в том числе, очень яростно ругали некоторые наши предвоенные книги, где фашизм очень легко сокрушался нами после нескольких дней войны, а внутри фашистской страны власть брали в свои руки революционные силы. Скажем, роман «Первый удар» Шпанова или фильм «Если завтра война...». Но, исторически подходя сейчас к этому вопросу, думаю, что быстрота, с которой побеждался фашизм в этих произведениях, а главное, легкость, с которой вспыхивало народное восстание против него изнутри, в какой-то мере отражали наши тогдашние надежды. И даже во время войны у нас где-то еще оставались надежды на то, что в Германии что-то произойдет, что-то случится...».

Да, армия, страна в начале войны терпели страшные поражения. Но все-таки фашистские главари просчитались. Советская армия, государство, общество после жестоких ударов врага отнюдь не развалились на куски, как надеялись Гитлер и его преспешники. Ничего подобного не произошло. После первых дней растерянности верх взяло упорное стремление к сопротивлению, убеждение, что враг не одержит победу. Уже в первые дни войны нацистские генералы вынуждены были доносить Гитлеру, что русские «сражаются ожесточенно и фанатично». Потери советских войск были огромны, но главной цели – уничтожения армии противника – фашисты не достигли.

После окончательного разгрома в 1945 г. бывшие гитлеровские генералы и фельдмаршалы, пытаясь найти объяснения своим поражениям, либо винули во всем Гитлера, который якобы не считался с их советами, либо основную причину провала блицкрига находили в суровом русском климате, холодной зиме и распутице. По этому поводу Г.К. Жуков пишет: «Конечно, и погода, и природа играют свою роль в любых военных действиях. Правда все это в равной степени воздействует на противоборствующие стороны. Да, гитлеровцы кутались в теплые вещи, отобранные у населения, ходили в уродливых самодельных соломенных «галошах». Полушубки, валенки, телогрейки, теплое белье – все это тоже оружие. Наша страна одевала и согревала своих солдат. А гитлеровские войска не были подготовлены к зиме. Произошло это потому, что гитлеровское руководство собиралось «налегке» пройти по России, исчисляя сроки всей кампании неделями и месяцами. Значит, дело не в климате, а в политических и военно-стратегических просчетах фашистской военщины»⁸⁴. Причиной всех поражений, которые вермахт потерпел на Восточном фронте, является то, что гитлеровская Германия, уступая Советскому Союзу как в морально-политическом, так и военно-материальном отношении, сделала авантюристическую ставку на победоносный «блицкриг».

Понятно, что планы и действия германской военщины были тесно взаимосвязаны с планами и деятельностью германских монополий. В сущности, милитаризм принял громадные масштабы под прямым непосредственным воздействием процесса монополизации экономики. В области военного производства

возникают гигантские монополии, неразрывно связанные с государством, которые ведут безудержную гонку вооружений, устремляясь к желанной для них войне.

После окончания первой мировой войны, возникновение которой лежало целиком и полностью на совести монополий, правительства и генералов, виновники войны предприняли все меры, чтобы спасти милитаристов. Они взвалили вину за поражение в войне на немецкий народ, выдумав легенду об «ударе кинжалом в спину». Замалчивая правду, используя лозунг: «На поле боя не побеждены», правящие круги создавали миф о «политической и военной непорочности» милитаристов, стремясь заложить фундамент для той реваншистской политики, которая впоследствии привела ко второй мировой войне... Нацистские главари охотно подхватили легенду об «ударе кинжалом в спину». 1918 год, означал прекращение борьбы «без пяти минут двенадцать», т. е. преждевременное окончание войны. Восстание немецкого народа, который якобы «попался на удочку лицемерных обещаний врагов», нанесло удар в спину «непобежденной» и «непобедимой» армии и сделало невозможным продолжение ею борьбы.

Здесь каждое слово ложь. В 1918 г. война велась до военной катастрофы, до обескровления и полного истощения немецкого фронта и тыла. Причем именно военное командование в лице Гинденбурга и Людендорфа обратилось к правительству с требованием немедленно просить перемирия.

Правящие круги, создавая вокруг обанкротившейся милитаристской верхушки Германии легенду «национальных героев», стремились отравить атмосферу Веймарской республики ядом национализма и шовинизма. Особенно старались они «подтолкнуть вверх» Гинденбурга, сделав из этого заурядного генерала своего рода идола для миллионов обманываемых ими людей. Гинденбурга восхваляли как символ богоданного германского превосходства. В честь Гинденбурга воздвигали башни, в общественных парках сажали дубы, призванные увековечить его. Именем новоявленного «героя» повсюду называли улицы и площади. Многие буржуазные историки, апологеты пруссачества (Вальтер Герлиц, например), пытаясь обелить роль прусской военщины в приходе Гитлера к власти, изображают Гинденбурга как некий аскетический образец

высоких этических ценностей, утверждают, будто Гинденбург был последним «моральным фактором», «сдерживающей силой», препятствующей «соскальзыванию» гитлеровского режима к «диктатуре беззакония» и т. д.⁸⁵.

Конечно, между Гинденбургом и Гитлером имелись определенные противоречия. Но в главном их цели и намерения совпадали. Милитаристской камарилье Гинденбурга импонировали устремления Гитлера и нацистов, их реваншистско-шовинистические цели. Нацисты знали это и постоянно, с одной стороны, подчеркивали свою лояльность к военным кругам, а, с другой – афишировали перед ними свои реакционно-реваншистские намерения. Так, Гитлер, обращаясь к командующим рейхсвера и военно-морского флота (3 февраля 1933 г.), следующим образом сформулировал программу нацистов:

«1. По внутривнутриполитическим вопросам. Полный поворот всей современной внутривнутриполитической обстановки в Германии. Полная нетерпимость к деятельности каких-либо инакомыслящих, противостоящих этой цели (пацифизм). Тех, кто не желает изменить свой образ мыслей, надо согнуть. Полное искоренение марксизма. Ориентирование молодежи и всего народа на мысль, что спасти нас может только борьба, и все остальное, кроме этой мысли, надо отбросить. Оздоровление молодежи и укрепление любимыми средствами воли к обороне. Смертная казнь за измену родине и народу. Строжайшее авторитарное руководство государством. Ликвидация демократии как раковой опухоли.

2. По внешнеполитическим вопросам. Борьба против Версаля.

3. Экономика! Политика колонизации... В колонизации единственная возможность вновь частично занять армию безработных. Но не следует тянуть, ожидая коренных изменений, поскольку жизненное пространство для немецкого народа слишком мало.

4. Возрождение вермахта есть важнейшая предпосылка для достижения цели. Всеобщая воинская повинность должна быть восстановлена. Однако сначала руководство государством должно позаботиться о том, чтобы военнообязанные не были отравлены пацифизмом, марксизмом, большевизмом или не стали жертвами этого яда после окончания службы,.. Не исключено завоевание новых возможностей экспорта или – и это лучше – захват

нового жизненного пространства на Востоке и его безжалостная германизация»⁸⁶.

Подобная реакционно-реваншистская программа нацистов немедленно обусловила их поддержку всей милитаристской кликой Германии, по сути открыто перешедшей на сторону фашистских преступников. Действительность полностью опровергла тех, кто, спасая милитаристов, всю вину за вторую мировую войну пытается свалить на одного Гитлера. Так, И. Фест заявляет: «Вопроса о виновниках второй мировой войны не существует... Поведение Гитлера в ходе кризиса, его вызывающий задор, жажда острых ощущений и большой катастрофы... делают какой-либо вопрос о виновнике войны излишним. Война была войной Гитлера... без войны Гитлер не был бы тем, кем он был»⁸⁷. Это верно, что без войны Гитлер не был бы тем, кем он был. Но неверно то, что И. Фест не видит и не указывает на связь между первой и второй мировыми войнами, между Гитлером, гитлеризмом и традициями милитаризма, культивировавшимися в кайзеровской Германии, которые пышно расцвели на почве реваншистских, агрессивных устремлений германской империалистической буржуазии.

Милитаристы вскармливали фашизм, служили ему постоянной опорой и в других странах. Тесную связь фашизма и реакционной испанской военщины очень полно и глубоко раскрывает Д. Ибаррури. Она отмечает, что испанская армия, по сути, никогда не имела народной, прогрессивной основы. Она давно уже превратилась в преторианскую дворцовую гвардию, служанку монархии и каст, узурпировавших власть. К тому же Испания страдала от избытка вооруженных сил. Причем это не только ложилось тяжелым бременем на национальный бюджет, но и препятствовало нормальной деятельности гражданских властей, запуганных армейской верхушкой, которая не желала допускать ни малейшего ограничения своих доходов и привилегий.

Вступивший на престол в мае 1902 г. король Альфонс XIII безоговорочно превратил армию в опору своего трона и поставил ее выше всех других социальных групп испанского общества. Особую благосклонность проявлял Альфонс XIII к офицерам, служившим в Африке – в последних заморских колониях Испании; он щедро одаривал их наградами и чинами. Так создавалась камарилья генералов-африканистов, сыгравших губительную роль в истории

Испании XX в. В их среде свою карьеру сделал и генерал Франко. Именно эти генералы-африканисты организовали и возглавили вооруженную борьбу против республики. Именно они установили в стране фашистскую диктатуру. Их поддержали касты, до 1931 г. узурпировавшие власть, и две фашистские державы – Италия и Германия, без вмешательства которых фашистский военный мятеж был бы быстро подавлен⁸⁸.

Конечно, подчеркивая тесную связь фашизма с монополиями и военщиной и тот факт, что фашистское движение, Гитлер и Муссолини были оружием в руках крупного монополистического капитала, не следует тем не менее упрощенно рассматривать фашистов как простых марионеток финансовой олигархии. Объективно политические взгляды Гитлера, Муссолини и других деятелей фашистского движения совпадали с коренными интересами монополий. Монополистов устраивало то, что в отличие от лидеров старых буржуазных партий, которые, как правило происходили из высших слоев общества, многие фашистские вожди были из низов и при каждом удобном случае кричали о своей близости к народу⁸⁹. Характерно, что до прихода фашистов к власти крупные капиталисты редко занимали видные посты в фашистских партиях. И это было выгодно обеим сторонам: фашистским законам легче было ругать анонимных «плутократов», а крупные промышленники и аграрии избегали непосредственного участия в наиболее одиозных акциях фашистов.

Факт относительной самостоятельности фашизма как движения и государственной организации, имеющей свою внутреннюю логику развития, со всей определенностью отмечал П. Тольятти в своей работе «Лекции о фашизме»⁹⁰. Во всяком случае наивно было бы думать, что крупная буржуазия, воспользовавшись фашизмом как орудием, чтобы разбить рабочее движение, затем сумеет «отложить» его в сторону и будет продолжать осуществлять свою власть прежними парламентскими методами.

Фашистские лидеры, безусловно, имели собственные амбиции, планы, интересы, цели, собственные взгляды на стратегию и тактику. В фашистских партиях и движениях преобладающую роль играли представители средней и особенно мелкой буржуазии. «Они же в конечном счете составляли тот новый правящий политический класс, который способствовал укреплению экономического господ-

ства крупного монополистического капитала, но в то же время сохранял за собой функции политического управления в государственном аппарате,— подчеркивает Б.Р. Лопухов.— Расхождения, которые иной раз возникали между политикой фашистского государства и интересами крупного монополистического капитала, имели далеко не всегда чисто показной и «театральный» характер; помимо того, что в этих расхождениях находило свое выражение столкновение общих классовых интересов буржуазии, воплощенных в фашистском государстве, и эгоистических интересов отдельных групп монополистического капитала, в них находило свое выражение и прямое столкновение интересов средней и мелкой буржуазии, с одной стороны, и крупных монополистов, с другой»⁹¹.

Взаимоотношения между монополистами и фашистами были, конечно же, далеко не такими простыми, как можно было бы думать, исходя из общей оценки классовой природы фашизма. Гитлер отнюдь не был послушным и тем более обманутым выразителем интересов олигархии. Установленный фашистами режим служил интересам монополий, но не был игрушкой в их руках. Советский историк Е. Тарле, оценивая диктатуру Наполеона, совершенно справедливо писал: «Неправильно было бы думать, что Наполеон был только покорным политическим исполнителем воли крупной буржуазии, призвавшей его к власти и в основном обеспечивавшей его диктатуру. Интересы крупной буржуазии он ставил, конечно, во главу угла всей своей внутренней и внешней политики. Но вместе с тем он стремился саму буржуазию подчинить своей воле, заставить ее служить государству, в котором он видел «самоцель». С этим, конечно, отдельные слои буржуазии примириться не могли и против этого вели молчаливую фактическую войну...»⁹².

Лавирование между классами — особенно примечательная черта политического поведения Луи Наполеона. Энгельс также указывал на социальное маневрирование и политическое лавирование Луи Наполеона и Бисмарка как средство укрепления власти. Луи Наполеон стремился «образовать зависящий от правительства специфически бонапартистский пролетариат», и Бисмарк старался «организовать себе собственный лейб-пролетариат, чтобы с его помощью держать в узде политическую деятельность буржуазии»⁹³,

хотя в конечном счете и тот, и другой лишь способствовали укреплению классового господства крупной буржуазии.

Конечно, неверно уподоблять фашизм бонапартизму. «Ведь что вытекает из определения фашизма как «бонапартизма»? – писал П. Тольятти. – Отсюда следует, что командует не буржуазия, а Муссолини, генералы, вырвавшие власть у самой буржуазии»⁹⁴. Определенная историческая аналогия здесь уместна лишь в той мере, в какой необходимо подчеркнуть, что фашизм, безусловно, служа интересам крупного капитала, в то же время не был простой игрушкой в его руках. Между Гитлером и монополиями существовали определенные расхождения и даже разногласия. Однако известные для монополий стороны бюрократического засилья в фашистском государстве компенсировались многими экономическими преимуществами. Государство в гораздо большей степени, чем прежде, взяло на себя роль гаранта хозяйственного развития. На государство вваливались все расходы, связанные с поддержанием необходимых, но убыточных отраслей промышленности. Весьма выгодны монополиям были государственные мероприятия по взбадриванию экономической конъюнктуры.

Положительными, с точки зрения монополистической буржуазии, оказались и политические последствия передачи фашистам власти. Прежде всего удалось преодолеть «кризис верхов», создать власть «твердой руки», о которой так мечтали итальянские и германские промышленники и аграрии. Имевшиеся между фашистами и монополистами разногласия стали более заметными, когда стало очевидным, что фашисты проиграли войну и их поражение может поставить под вопрос сохранение господства монополистической буржуазии в стране. В последние годы войны даже возникли стычки, были случаи, когда промышленники сопротивлялись приказу Гитлера об уничтожении шахт и предприятий на оставляемых немецкими войсками территориях Германии.

Все столкновения и стычки крупной буржуазии Германии с фашизмом, которые реакционная историография выдает за «противоборство» и «систематическое сопротивление», были не чем иным как стремлением обеспечить свои классовые интересы.

В 1944 г. была предпринята попытка антигитлеровского переворота. В ней участвовали представители крупной буржуазии, юнкерства и военных. Цели участников переворота отнюдь не во всем

совпадали. Многие из представителей реакционных кругов желали лишь вершущего «дворцового переворота»; они стремились лишь избежать безоговорочной капитуляции и сохранить в Германии под новой вывеской реакционный государственный строй. Среди участников заговора было немало и тех, кто искренне желал демократического преобразования Германии. 20 июля 1944 г. было совершено покушение на Гитлера. Демократически настроенный офицер-патриот полковник Штауфенберг, начальник штаба резервной армии, явился в ставку Гитлера с миной замедленного действия в портфеле. Покушение не удалось, Гитлер остался жив.

Конечно, это покушение и заговор были свидетельством кризиса в фашистской Германии. Однако в целом он был обусловлен прежде всего сокрушительными ударами Советской Армии.

В. Ульбрихт писал по этому поводу: «Буржуазные круги привели Гитлера к власти и поддерживали политику германо-фашистского империализма до тех пор, пока ему сопутствовали военные успехи. Но теперь накануне катастрофы, они попытались прыгнуть с поезда, мчавшегося к пропасти, в надежде сохранить основы господства монополистического капитала»⁹⁵. Сказано жестко, но вполне справедливо.

Что касается Италии, здесь кризис фашистского режима закончился удавшимся государственным переворотом. К середине 1943 г. итальянская буржуазия, итальянские монополии, убедившись в том, что фашистский режим ведет государство к военному и социально-экономическому поражению, пошли на отстранение Муссолини и ликвидацию некоторых наиболее ненавистных народу фашистских институтов, стремясь в то же время сохранить в основном без изменения государственное устройство Италии. П. Тольятти, характеризуя заговорщиков, захвативших после свержения Муссолини государственную власть, отмечал, что «эти элементы направили свой главный удар не против фашистов, которые готовили тогда захват страны немцами, а против народа, который, видя грозящую ему опасность, требовал быстрых и решительных действий для ее предотвращения»⁹⁶.

Итак, приход фашистов к власти отнюдь не был фатально неизбежен. Как считает видный немецкий историк Голо Манн, многие историки оказывают Гитлеру слишком большую честь,

стараясь уверить нас, будто Германия на протяжении сотни лет только тем и занималась, что готовилась к приходу национал-социализма. Нет, прежде всего, капиталистические монополии несут перед историей главную ответственность за то, что в XX в. в Германии и Италии был установлен самый жестокий, самый кровавый режим в мировой истории человечества, который вполне сознательно предпринял попытку уничтожить целые народы и ввергнуть Европу в состояние рабства. Спустя годы, в Нюрнбергском трибунале прозвучат суровые и горькие слова: «В 1923 году хватило бы семи полицейских, дабы разделаться с гитлеровским маскарадом в Мюнхене. Через 10 лет с этим справились бы 700 хорошо вооруженных солдат рейхсвера. Но прошло чуть более 20 лет после мюнхенского путча, и потребовалось пожертвовать 70 млн людей из разных стран мира, чтобы покончить с Гитлером»⁹⁷. Таков результат, такова цена альянса монополий, военщины и фашистов.

§ 3. Фашизм и международная империалистическая буржуазия

Огромную роль в стабилизации и укреплении фашистского режима, особенно в Германии, сыграла поддержка правящих кругов Германии со стороны международных империалистических сил, в частности, стороны монополий и других влиятельных реакционных кругов Франции, Англии, США и других стран. Только за шесть лет, с 1924 по 1929 г., прилив иностранных капиталов, главным образом американских и английских, в Германию по официальным данным составил 10 – 15 млрд. марок долгосрочных вложений и свыше 6 млрд. марок краткосрочного кредита, причем некоторые источники называют еще более высокие цифры, доходящие до 25 млрд. марок⁹⁸. Эти огромные средства пошли на восстановление позиций германских монополий, подорванных войной, на возрождение и дальнейший рост военно-экономического потенциала германского империализма, благодаря чему были созданы важнейшие предпосылки будущей фашистской агрессии.

Напуганные ростом демократических движений в своих странах, правящие круги западных стран вдохновлялись примером фашистских государств, жестоко расправлявшихся с прогрессивными

общественными деятелями. Так, например, лорд Гарольд М. Ротермир, магнат английской прессы, признанный выразитель взглядов крайне правого крыла британской буржуазии, заявлял в 1930 г.: «Если бы молодая Германия национал-социалистов не действовала столь энергично, то возникла бы большая вероятность того, что коммунисты добились бы больших успехов и их партия стала бы даже самой сильной среди других партий... Благоразумно рассудив, следовало бы и в Англии, и во Франции отдать должное национал-социалистам в знак признательности за услуги, которые они оказали Западной Европе... Самое лучшее для блага западной цивилизации заключалось бы в том, если бы к власти в Германии пришло правительство, проникнутое теми же здоровыми принципами, с помощью которых Муссолини обновил Италию за последние восемь лет»⁹⁹.

После прихода Гитлера к власти империалистические государства начали весьма активное сотрудничество с фашистской Германией, рассчитывая направить ее агрессивность против Советского Союза. При этом следует учесть, что германские империалисты еще со времен Октябрьской социалистической революции в России громкогласно твердили, будто миссия Германии – быть оплотом в борьбе против большевизма. Этот лозунг выступал и как фактор, обуславливающий установление «внутреннего покоя и порядка», оправдания террористического подавления рабочего движения, и как средство, помогающее втереться в доверие к победившим империалистическим конкурентам, и как залог будущего сотрудничества с ними в борьбе против СССР.

Осуществив приход к власти, Гитлер откровенно предлагал империалистическим силам Запада рассчитывать на германский фашизм в качестве главной ударной силы против СССР. К этому же апеллировали фашисты Италии. Даже фашистская Румыния твердила о «защите европейской цивилизации», о «великой миссии по уничтожению советского государства». Так, «теоретик» румынского фашизма А. Антонеску призывал помочь Гитлеру и Муссолини в их борьбе за создание «новой Европы», за «установление политического равновесия». Фашистское руководство Румынии всегда заверяло, что Румыния рассматривает свой альянс с Германией не только как политический союз, но и как идеологический, что она «всегда будет идти вместе с

Германией» и сражаться на ее стороне «до конечной победы». Румынские фашисты объявили войну против СССР «священной». Солдатам говорилось, что они якобы выполняют «историческую миссию «освобождения своих братьев», защищают «церковь и европейскую цивилизацию от варваров»¹⁰⁰.

Западные лидеры, сами являвшиеся яркими противниками социалистических идей, приняли фашистский лозунг «защиты цивилизации». Именно миф о «немецком оплоте в борьбе против советского строя» объясняет терпимое отношение Запада к нарушению Германией Версальского договора, к ее милитаризации, аннексии Австрии. В 1936 г. была еще возможность остановить Гитлера. Но Франция и Великобритания не сделали для этого ничего. В марте 1936 г. Гитлер ввел войска в Рейнскую область. Франция имела право и военную силу противостоять этому. Но она, как саркастически выразился Р. Арон, во имя мира и морального прогресса этого не сделала. Этот «моральный прогресс» расчищал путь к войне. Предательство западными державами Чехословакии в результате мюнхенского сговора также имело своей целью подтолкнуть Гитлера к агрессии против СССР. Лорд Галифакс, ближайший советник Чемберлена, в беседе с Гитлером (19 ноября 1937 г.) подчеркивал, что «он и другие члены английского правительства прониклись пониманием того, что великого сделал фюрер не только для Германии», но также и Западной Европы. Поэтому Германию можно рассматривать как бастион Запада против советской страны»¹⁰¹.

Проницательный У. Черчилль остро критиковал правительство Великобритании, возглавленное Чемберленом, за враждебное отношение к СССР в условии возрастающей угрозы нацизма. «На востоке Европы находится великая держава Россия, страна, которой глубочайшим образом угрожает нацистская враждебность... Какими бы близорукими глупцами мы были, если бы сейчас, когда опасность так велика, мы чинили бы ненужные препятствия присоединению великой русской массы к делу сопротивления акту нацистской агрессии»¹⁰². Черчилль безоговорочно охарактеризовал Мюнхенское соглашение как полное и ничем не оправданное поражение Великобритании и Франции.

Английские и французские правящие круги, все, кто задавал тон в политике этих стран, — Даладье, Лаваль, Рейно, маршал Петэн,

Чемберлен, Галифакс и другие – рассчитывали, что Гитлеровская Германия пойдет на сделку с Францией и Англией для того, чтобы затем сообща обрушиться на Советский Союз. В условиях роста в Англии и особенно во Франции влияния демократических сил, что во Франции нашло выражение в организации Народного фронта, империалистические круги буржуазии испытывали острый страх за свою судьбу. В борьбе с силами демократии их вдохновлял пример гитлеровской Германии и они желали заключить с ней союз. Именно в этот период и в этих кругах был выдвинут лозунг: «Лучше Гитлер, чем Народный фронт». Этот лозунг в значительной степени объясняет все действия французской реакции как в довоенный период, так и во время войны.

Генерал Ш. де Голль, один из выдающихся организаторов французского Сопротивления нацистам, президент Французской республики после Победы, напишет в своих мемуарах: В 20-е – 30-е гг. Англия попустительствовала Берлину. Французское правительство также действовало весьма непоследовательно. Его широковещательные заявления о том, что оно не будет выводить свои армии за пределы своих границ, поощряли Германию к действиям против слабых и изолированных стран: Саара, Рейнских государств, Австрии, Чехословакии, Польши, Прибалтийских государств и т.д. «Мне казалось, – заявляет генерал Ш. де Голль, – что тем самым мы отделяем Россию от союза с нами и даем Италии понять, что при любых обстоятельствах мы не собираемся пресекать ее злонамеренных действий. И наконец, с моральной точки зрения мне представлялось пагубным убеждать страну в том, что в случае войны участие Франции сведется к тому, чтобы драться как можно меньше».

Французские правящие круги считали своим главным врагом не германский фашизм, угрожавший независимости и безопасности Франции, а рабочий класс, все другие демократические силы. С лета 1939 г. еженедельно во Франции усиливались антикоммунистическая травля, репрессии и преследования левых сил, активных профсоюзных деятелей и других демократов. В своих гонениях французская реакция зашла так далеко, что фактически разоружила страну перед лицом угрозы со стороны Гитлера. Предприниматели, осуществляя свои антирабочие мероприятия, увольняли из оборонной промышленности сотни тысяч

трудящихся. Только в авиационной промышленности локаутам подверглись 40 тыс. человек, а на автомобильных предприятиях «Рено» было уволено 100 тыс. рабочих.

Многие владельцы тяжелой промышленности Франции открыто сотрудничали с монополиями Германии. В Германию отправлялось большое количество железной руды, половина добывающихся бокситов также продавалась Германии.

Не только французские, но английские и американские монополисты также тесно сотрудничали с гитлеровскими концернами, причем этот зловеший союз продолжался накануне и даже в годы второй мировой войны. Министерство юстиции США, расследуя деятельность компании «Стандарт ойл оф Нью-Джерси», квалифицировало, что она находилась в сговоре с германским концерном «ИГ Фарбениндустри», который «являлся головным отрядом в нацистской экономической войне. Своими картельными соглашениями со «Стандарт ойл оф Нью-Джерси» он успешно противодействовал разработке и производству значительного количества синтетического каучука. «Стандарт ойл» фактически была союзником Гитлера, экономическим агентом в самих США»¹⁰³.

Но заключение прибыльных сделок между французскими, английскими, американскими монополиями, с одной стороны, и германскими концернами – с другой, составляло только одну сторону политики империалистической реакции. Одновременно власть имущие стремились к политическому союзу с нацистами. Во Франции, например, открыто действовала «пятая колонна» Гитлера, велась откровенная пропаганда в пользу фашистской Германии, распространялись пораженческие настроения, причем поражение собственной страны рассматривалось как путь к захвату власти фашистскими силами во Франции. Кагулярам – фашистским бандам убийц – фактически была предоставлена полная свобода действий; эти бандиты нападали на коммунистов, профсоюзных деятелей, демократов.

Больше того, в то время как Гитлер уже завершал приготовления для нападения на Францию, французские правящие круги, вместо того чтобы готовиться к отражению агрессии со стороны фашистской Германии, готовились к нападению на СССР. В частности, был подготовлен Экспедиционный корпус в 50 тыс. человек для отправки в Финляндию с целью борьбы

против Советского Союза. За несколько недель до германского нападения 175 истребителей были изъяты из состава и без того слабой французской авиации и также отправлены в Финляндию. В Сирии 150-тысячная французская армия под командованием Вейгана была подготовлена к нападению на Северный Кавказ. Лишь начавшееся в мае 1940 г. наступление гитлеровских армий на Францию и ее разгром помешали тогда французским (и английским также) империалистам осуществить антисоветские военные планы¹⁰⁴.

Во многом подобной была внутривнутриполитическая обстановка и в Англии. Реакционеры всех мастей, особенно представители крупного банковского и промышленного капитала (Детердинг – наиболее влиятельный представитель британского нефтяного империализма; Монд – король химического концерна, виднейший руководитель британской империалистической политики, и многие другие), активно поддерживали Гитлера. Внутри страны они же поддерживали британский фашизм, возглавляемый Мосли.

Необходимо также указать, что сам Мосли принадлежал к верхам английской аристократии. Он был владельцем богатейших поместий, миллионером. По жене он был родня лорду Керзону. Вместе с наследственными поместьями Мосли получил по наследству и место в парламенте, в рядах консервативной партии. Все это вместе и обусловило поддержку Мосли со стороны верхов английского буржуазного общества. Как пишет Ф. Мэллалли, когда перед самой войной ближайшего сподвижника Мосли Уильяма Джойса спросили: «Правильно ли будет сказать, что крупный капитал оказывает фашистам финансовую поддержку», последний ответил одним словом: «Да»¹⁰⁵. Какие же мотивы побуждали магнатов английского монополистического капитала оказывать поддержку бандитам Мосли? Это, во-первых, борьба Мосли против коммунизма. Это, во-вторых, борьба Мосли против профсоюзов, его план подчинения всего рабочего класса диктатуре «корпоративного государства». Это, в третьих, его планы захвата чужих рынков. Все это хорошо поняли британские империалисты.

Именно антидемократизм, антисоветизм Мосли (который считал, что «любой ценой следует уберечь Англию от такого безумия, как война с нацистской Германией», что «главный враг – Россия...»¹⁰⁶) обусловили его столь значительное влияние в Англии.

Это объясняет вместе с тем, почему в Англии, кичащейся своими «демократическими свободами», английские фашисты, по сути, в точности следовали немецким образцам. Они устраивали массовые избиения граждан, осмеливавшихся возражать их ораторам, терроризировали население рабочих кварталов Лондона и вели разнузданную антисемитскую пропаганду, сопровождавшуюся погромами. Ничем не препятствуя бандитским действиям фашистских молодчиков, полиция считала своей обязанностью охранять их от справедливого негодования антифашистов. Если она и вмешивалась в фашистские демонстрации, то выражалось это вмешательство, как пишет Мэллалли, либо в защите фашистов от разъяренной толпы (доведенной до бешенства эксцессами самих чернорубашечников), либо в аресте контрдемонстрантов, антифашистов. В тех случаях, когда фашистский отряд «самообороны» мог справиться с «нарушителями» своими силами и с присущей ему жестокостью, полиция обычно сохраняла нейтралитет¹⁰⁷. Не случайно поэтому, влияние фашистов в Англии было весьма значительным.

К сожалению, многие британские демократические деятели не сразу осознали опасность фашизма¹⁰⁸. Лишь приход к власти Гитлера, его жестокие методы подавления оппозиции, его яростный антисемитизм и особенно гражданская война в Испании, роль в этой войне правительств Германии и Италии, оказавших прямую помощь фашистским мятежникам¹⁰⁹, открыли глаза общественности западных стран на то, что такое фашизм и чем он угрожает. Реальность третьего рейха и фашистский путч в Испании вызвали радикализацию интеллигенции, которая все более убеждалась, что замыкание в «башню из слоновой кости» невозможно. Десятки, сотни прогрессивных писателей, артистов, поэтов, ученых публиковали заявления, в которых осуждали фашистский режим в Германии и Италии, оценивали «политику невмешательства» как политику поддержки Франко, как политику поощрения фашистских агрессоров.

Особенно большую тревогу среди различных кругов западной общественности вызвало мюнхенское соглашение. События стали складываться не так, как предполагали близорукие французские и английские политики, рассчитывавшие использовать гитлеровскую Германию против СССР. Напротив, оказывалось, что именно Гитлеру удастся использовать французскую и английскую реакцию

для войны против Англии и Франции, против СССР с целью установления господства германского империализма над всем миром. Многим, в том числе буржуазным политическим деятелям стало ясно: идти последовательно по мюнхенскому пути – значит идти прямо в вассалы германского империализма. Не случайно Черчилль по поводу Мюнхена со всей определенностью заявил: «Правительства Англии и Франции имели выбор между бесчестьем и войной. Они избрали бесчестье и получили войну»¹¹⁰.

Как обоснованно отмечает американский философ Э. Фромм, во внешнеполитической сфере воля и напор Гитлера возрастали пропорционально пониманию им подлинных намерений своих конкурентов и противников. В определенном смысле победы Гитлера начались с нежелания Великобритании выполнить решение Лиги Наций о блокаде Италии после того, как Муссолини напал в 1935–1936 гг. на Эфиопию. Используя самые разнообразные отговорки, англичане продолжали поставлять в Италию нефть, необходимую ей для ведения военных действий, в то время как Эфиопия с огромным трудом могла получать из-за границы оружие.

Другим окрылившим Гитлера событием явилась гражданская война в Испании 1936–1939 гг. Великобритания не давала законному правительству Испании возможности импортировать оружие, необходимое для его защиты, а французское правительство, которое в то время возглавлял социалист Блюм, не осмеливалось действовать вопреки англичанам. При этом международный комитет демократических стран, задачей которого было воспрепятствовать интервенции в Испании, не сделал ничего, чтобы предотвратить военное вмешательство Гитлера и Муссолини, выступавших на стороне Франко.

Кроме того, как отмечалось выше, французы и англичане не оказали никакого сопротивления, когда Гитлер оккупировал рейнскую демилитаризованную зону. В то время Германия была еще совершенно не готова к войне и, как заметил позднее в «застольных беседах» Гитлер, если бы во Франции тогда были настоящие политики, ему бы не удалось этого сделать.

И, наконец, визит в Германию Чемберлена, который приехал, чтобы уговорить Гитлера смягчить политический курс. Все это лишь окончательно подтвердило то, в чем Гитлер уже и так был уверен: Великобритания и Франция не собираются действовать

в соответствии со своими обещаниями Чехословакии. Гитлер раскусил поведение Чемберлена; он сразу увидел, что его партнеры блефуют. Желая подтолкнуть Германию к нападению на Советский Союз, они не смогли оценить всех намерений Гитлера.

Даже, когда после нападения фашистской Германии на Польшу правительства Англии и Франции вынуждены были объявить войну Германии, эта война имела крайне пассивный характер. Как пишет в своих «Дневниках» Ж.-П. Сартр, будущий выдающийся философ, в то время солдат Французской армии, «снаружи вся наша жизнь отмечена войной. Однако военная машина работает вхолостую, враг неуловим, невидим и солдаты стоят по команде «оружие к ноге»! Вся армия находится в таком положении, в этой колеблющейся и шаткой позиции»... Более того, эта позиция даже не может считаться оборонительной, потому что, для того чтобы была оборона, нужно, чтобы враг атаковал или собирался атаковать. Но вот уже полгода немцы отдыхают; думая о том, как лучше воспользоваться ситуацией, они повсюду повешали щитов, свидетельствующих об их мирных намерениях. Впрочем, они ведь нам не объявляли войны, наоборот, они нам объявили мир, когда вторглись в Польшу, это мы агрессоры. Мы решительно объявили ультиматум, и поскольку он не был принят, мы вступили в войну. Что же это за война, в которой агрессор не нападает? Хуже того, те несколько квадратных километров, которые мы заняли в Сааре, мы сразу же поспешили возвратить, стоило противнику показать нам зубы – в общем-то, стоило ему расправиться с Польшей. Ожидание, нерешительность, колебания, отступления – генштаб на все пошел... Поскольку большинство думает, что немцы не станут атаковать,... тыл теряет к нам всякий интерес... Большинство полагает, что «все уладится»... Бульшая часть солдат восприимчива к гитлеровской пропаганде. Скукота, «боевой дух падает».

Конечно, продолжает Ж.-П.Сартр, «многим французам был не по душе гитлеризм, но нельзя сказать, чтобы они были без ума от демократии, на Польшу им было в высшей степени наплевать. Ко всему прочему у них складывалось смутное представление, что их дурачат».

Неуловимая война. Призрачная война, подчеркивает философ. Один из офицеров назвал ее «китайской войной». Да и против чего

мы сражаемся? – спрашивает Ж.-П.Сартр, – Против нацизма? «Но вот уже год во Франции процветает скрытый фашизм... И что такое наша демократия, которая упраздняет парламент и свободу мысли?... Ради чего мы сражаемся?... Чтобы сохранить довоенное положение вещей? Но ведь это был самый что ни есть развал. Не было больше ни партий, ни связных идеологий. Повсюду общественное недовольство». Касаясь «Мюнхена», Сартр считает, что правящие круги и были авторами Мюнхена. «Они примирились с расчленением Чехословакии из-за ужаса перед коммунизмом... Они больше боятся Сталина, чем Гитлера». Как отмечает Д. Оруэлл, английский писатель, к сожалению, подавляющее большинство англичан также оставались безучастными к борьбе с фашизмом до конца 1940 г. Абиссиния, Испания, Китай, Австрия, Чехословакия – весь этот длинный список преступлений либо вовсе остался незамеченным, либо смутно отразился в сознании как какие-то зарубежные распри, которые «нас не касаются». Чтобы легче было представить степень общественного невежества, напомним, что у обычного англичанина слово «фашизм» ассоциировалось в те годы только с Италией, и он очень удивлялся, когда вдруг услышал то же самое слово применительно к Германии. Когда в 1939 г. Вторая мировая война уже началась, отношение к ней в Англии было довольно вялым. Боевых действий почти не было,.. видные публицисты намекали, что нужно как можно скорее заключить мир, профсоюзы и комитеты лейбористской партии по всей стране принимали резолюции против войны. Впоследствии, конечно же, все изменилось. Франция пала, наши войска едва успели убраться из Дюнкерка. Англия осталась одна, на Лондон посыпались бомбы. Лишь к середине 1941 г. англичане поняли, с кем имеют дело.

Г.К. Жуков отмечает, что в мае 1940 г. он спросил Сталина о том, как понимать эту столь «странную войну», которая велась на Западе. И получил следующий ответ: «Французское правительство во главе с Даладье и английское во главе с Чемберленом не хотят серьезно влезать в войну с Гитлером. Они еще надеются подбить Гитлера на войну с Советским Союзом. Отказавшись в 1939 г. от создания с нами антигитлеровского блока, они тем самым не захотели связывать руки Гитлеру в его агрессии против Советского Союза. Но из этого ничего не выйдет. Им придется самим расплачиваться за свою недалекую политику»¹¹¹.

Ослепленные антисоветизмом, лидеры Запада, подло подталкивая Гитлера к войне против СССР, сами спровоцировали агрессию со стороны фашистской Германии против своих стран. Уместно привести оценку роли английского премьера Н. Чемберлена в Мюнхене Риббентропом, который заявил: «Этот старик сегодня подписал смертный приговор Британской империи, предоставив нам проставить дату приведения этого приговора в исполнение»¹¹². Теперь это время пришло. Уже в 1940 г. вермахт вторгся во Францию, а люфтваффе бомбила города и селения Англии. Для многих поражение этих стран представлялось неизбежным.

Западные правители скорее были готовы капитулировать перед гитлеровцами, чем призвать народ к борьбе. «В то время, когда встал вопрос, от которого зависело настоящее и будущее Франции,— свидетельствует генерал Ш. де Голль,— парламент не заседал, правительство оказалось неспособным принять единодушное решение, президент республики не поднимал свой голос даже в совете министров в защиту высших интересов страны. В конечном счете развал государства лежал в основе национальной катастрофы. В блеске молнии режим предстал во всей своей ужасающей немощи и не имел ничего общего с защитой чести и независимости Франции»¹¹³.

Во всяком случае разгром Франции был полным. «Французские армии,— писал Морис Торез,— были разгромлены менее чем в шесть недель. Растерянность и недоумение овладели народом. Это был полный крах: крах французской армии — первой армии Европы, численность которой на 10 мая 1940 г. превышала 5 миллионов человек; крах государственной власти — охваченные смятением парламент и правительство превратились в игрушку в руках «пятой колонны»; крах всех партий, за исключением коммунистической, которая неустанно разоблачала заговор против Франции; это был крах материальный и моральный, экономический и политический. Наступил хаос: 10 миллионов человек — четвертая часть населения Франции — бродили по дорогам; замерли производство и торговля; остановился транспорт, прервалась почтово-телеграфная связь»¹¹⁴.

Военное руководство Франции было настроено пораженчески. Главнокомандующий войсками генерал Вейган после первых же поражений настаивал на капитуляции. Между тем, сражаться было

еще можно. Надо перебазироваться в Африку, там были большие сухопутные вооруженные силы, флот и авиация. На Средиземном море была возможна «новая Марна», считал, например, де Голль. Но коллаборационисты – Лаваль, Пэтен и другие сражаться не желали. Они стремились к сделке с Гитлером, надеясь с помощью немцев остаться у власти.

Пэтен обратился к немецкому командованию с предложением о перемирии. Немцы первоначально предполагали полную оккупацию Франции и полное разоружение ее военных сил. Но затем Гитлер внес коррективы: следует изолировать Францию от Англии; не допустить бегства французского правительства в Африку для продолжения войны оттуда. Это усилило бы позиции Англии. Поэтому: французское правительство должно сохранить свой суверенитет. Французская армия может отойти в свободную зону и там будет демобилизована. Для обеспечения порядка часть воинских подразделений можно сохранить. Флот должен быть нейтрализован. Ни при каких обстоятельствах не требовать его передачи Германии, так как в этом случае он уйдет на заморские территории или в Англию. Не выдвигать к Франции никаких территориальных претензий при подписании перемирия. Это можно сделать позже. Не предъявлять никаких требований, касающихся колоний Франции. Это только будет способствовать их захвату Англией. 25 июля 1940 г. перемирие на немецких условиях вступило в силу.

Как считает Р. Арон: если бы французское правительство перебралось в Северную Африку, если бы оно организовало там сопротивление противнику, если бы оно, вместе с Англией, начало угрожать Италии, то Германия неизбежно была бы вынуждена прийти союзнику на помощь. Тогда нападения на Советский Союз было бы, по всей вероятности, отсрочено. В известном смысле заключенное во Франции перемирие способствовало тому, что немцы снова вернулись к честолюбивым замыслам в отношении своего восточного соседа. С другой стороны, заявляет Арон, если бы французская армия продолжала в 1940 г. сопротивление вместо того, чтобы оказаться за несколько недель побежденной, если бы, наконец, она была бы разгромлена в 1941 г., то ее потери оказались бы значительно более крупными. В этом смысле катастрофа, имевшая трагические моральные и материальные последствия,

тем не менее, обеспечила благодаря своей быстроте возможность позднейшего демографического, экономического и политического подъема Франции.

Поразительный по своему цинизму и пораженческому духу вывод.

Возвращаясь к перемирию, Р. Арон также отмечает, что оно у большинства французов вызвало «вздых облегчения». (По нашему мнению, перемирие властей с растоптавшим Францию врагом должно было вызвать чувство горечи, возмущения, должно было породить волю к сопротивлению).

Вспоминая о предвоенных событиях после второй мировой войны, в 1947 г., бывший премьер Франции П. Рейно в сущности признал, что правители Франции и Англии проводили двойную игру: «С кем мы должны были заключить союз? Здравый смысл, география, история и планы Гитлера давали нам ясный ответ на этот вопрос. Когда Гитлер объявил о своем намерении «рассчитаться» с Францией, а потом расчленив Россию, он, можно сказать, собственноручно толкал обе наши страны к заключению союза. Но, может быть, в этом союзе, который был столь явно необходим, нам отказали? Нет, нам его предлагали, но мы сами его отвергли»¹¹⁵. Как подчеркивает в своих мемуарах Ж. Дюкло, «факты показывают, что вторая мировая война, стоившая человечеству столько крови и слез, была развязана главным образом по той причине, что правящие круги Англии и Франции саботировали политику коллективной безопасности против гитлеровской угрозы, которую предлагал и отстаивал Советский Союз»¹¹⁶.

Что касается СССР, на протяжении предмюнхенского кризиса он оставался единственной страной, поддерживавшей Чехословакию. Но у него не было общих границ с этой страной. Договор, заключенный с Чехословакией в 1935 г., обязывал его прийти ей на помощь только в случае, если аналогичным образом поступит и Франция. Такой была позиция чехословацкого правительства. В сентябре 1938 года СССР подтвердил свою готовность выполнить договор: если Франция выступит, выступит и Советский Союз. Советские войска были двинуты к границе. Однако голос СССР не был услышан; он по-прежнему находился в изоляции. Его заявления и обращения к Лиге Наций не были приняты во внимание. Мюнхенское соглашение было подписано 30 сентября. 1 октября германские части вступили в Судетскую область.

Мюнхенская капитуляция, в основе которой в конечном счете лежало стремление Англии и Франции направить агрессию Германии против СССР, принесла несмыываемый позор английским и французским лидерам. Но главное: она коренным образом изменила всю европейскую ситуацию. Версальская система развалилась. Чехословакия со своими оборонительными сооружениями на границе и хорошо оснащенными и вооруженными 35 дивизиями, кстати, готовая сражаться, противостоять гитлеровскому нашествию, перестала быть для Германии угрозой, причем немцам не пришлось сделать ни единого выстрела. «После Абиссинии, Рейнской области, Австрии, Испании фашистские державы как бы намеренно демонстрировали, что могут получить все, чего хотят»¹¹⁷, — пишет известный итальянский историк Д. Боффа.

Некоторые исследователи на Западе (теперь и в России) пытаются доказать, что проблема, заключалась не столько в позиции Англии, Франции, сколько в том, что Сталин неизмеримо больше тяготел к соглашению с Германией, чем к союзу с Францией и Англией. Все это — неправда. До 1939 года антигитлеровская позиция СССР была всегда четко, ясно выраженной. Именно поэтому нацистская пропаганда была столь враждебной и злобной по отношению к Советскому Союзу.

В одном из своих выступлений в 1937 году Гитлер заявил: «Я рассматриваю большевизм, как самый ужасный яд, который можно дать людям. Я не хочу, чтобы мой народ, мои люди имели какой-то контакт с этим учением... Любое соглашение с теперешней большевистской Россией будет совершенно бессмысленно для нас. Глупо думать, что национал-социалистическая Германия выступит когда-либо, чтобы защитить большевизм». У И.В. Сталина, конечно же, не было никаких иллюзий относительно Гитлера, относительно фашистской Германии.

Но после Мюнхенского англо-французского сговора с Гитлером всегда имеющееся недоверие И.В. Сталина к западным державам еще больше обострилось. У него укрепилось желание «не таскать каштаны из огня» для той или иной империалистической группировки, а, напротив, извлекать выгоду из конфликтов между ними для себя, для СССР. И все же, советское руководство не поставило все капиталистические страны на одну доску. Оно проводило разграничительную линию между агрессорами (Германия, Италия,

Япония) и «неагрессивными, демократическими государствами» (Англия, Франция). И.В. Сталин упрекал Англию и Францию за позицию невмешательства, попустительство агрессорам, за то, что они подталкивают Гитлера, в сущности, к войне против Советского Союза. Он предупреждал Англию и Францию, что их политика обернется весьма плачевно для них самих.

Советское руководство по-прежнему желало создания антифашистской коалиции. В апреле 1939 года правительство СССР предложило Англии и Франции заключить союз с обязательством оказания друг другу помощи в случае, если одна из держав подвергнется агрессии. Вместо односторонних гарантий должен быть принят принцип автоматического вступления в действие пакта также в случае нападения на любую другую из восточно-европейских стран, граничащих с СССР на всем протяжении от Балтийского до Черного морей. Договор должен быть подписан одновременно с военной конвенцией, которая установит формы и размеры взаимной помощи. Кроме того, все три правительства должны принять на себя обязательство не заключать никакого сепаратного мира в случае войны. Но ход начавшихся переговоров, показал, что западные державы не желали заключения подобного договора. Осуждая правительство Великобритании за отказ заключить договор с «русским Советским правительством», У. Черчилль твёрдо сказал, что советскому правительству безусловно можно доверять. «Предложения Советской России справедливые и более выгодные, чем те условия, которые хочет добиться наше правительство. Эти предложения (русских) проще, прямее и более действительны». «Не может быть сомнения, даже в свете исторической перспективы, что Англия и Франция должны были бы принять русское предложение..., заявлял Черчилль. Но Чемберлен и министерство иностранных дел были точно заморожены загадкой сфинкса... Союз Англии, Франции и России в 1939 году вызвал бы в сердце Германии глубочайшую тревогу, и никто не может доказать, что война тогда не могла бы быть предупреждена. Следующий шаг мог бы быть предпринят при наличии превосходства сил на стороне союзников... Гитлер не мог бы позволить себе ни ввязаться в войну на два фронта, которую он всегда так сильно осуждал, ни допустить неудачу. Жаль, что он не был поставлен в столь трудное положение, которое могло бы стоить ему жизни...

Если бы, например, мистер Чемберлен по получении русского предложения сказал «да, объединимся вместе все трое и сломаем Гитлеру шею» или какие-либо иные слова того же содержания, парламент это одобрил бы, Сталин это понял бы, и история могла бы принять иное течение... Вместо того последовало долгое молчание, а тем временем готовились разные полумеры и крючкотворные компромиссы». (Ч. Черчилль. Вторая мировая война). Отказываясь от союза с Советской Россией, правительство Великобритании вовлечёт нас наихудшим путём в наихудшую из войн, подчёркивал У. Черчилль.

Учитывая отказ Англии и Франции заключить союз с Советским Союзом советское правительство ответило согласием на предложение Германии урегулировать «к взаимному удовлетворению» все проблемы на пространстве «между Балтикой и Черным морем», т. е. как раз в той самой зоне, которая была одним из главных препятствий на переговорах СССР с Лондоном и Парижем. Позиция СССР была осторожной, риск был огромным: неясно было, что хочет Гитлер – помешать соглашению между Англией, Францией и Советским Союзом или же он хочет серьезных переговоров с Москвой. Во всяком случае, невозможно безоговорочно отвергнуть тезис советского руководства о том, что у Советского Союза в августе 1939 года была единственная альтернатива: либо риск изоляции накануне войны, либо переговоры и даже соглашение с Германией.

Разумеется, у Гитлера был свой расчет: когда в 1939 г. он понял, что сговора с западными странами не получится и, зная в то же время, что переговоры между Англией и Францией, с одной стороны, и Советским Союзом, с другой проходят вяло, он и предложил СССР заключить соглашение. Как должен был поступить И.В. Сталин? Он, конечно, не верил, не мог верить Гитлеру. Но что делать? Англия и Франция затягивают переговоры, по существу ведут дело к их срыву. Можно при желании, усмотреть в их действиях и сигнал Гитлеру: мы не хотим с Советским Союзом никакого соглашения.

В этих условиях отказ от мирных предложений Гитлера вполне мог подтолкнуть фашистскую Германию к агрессии против СССР. Вместе с тем, это соглашение могло обеспечить Советскому Союзу некоторую передышку и возможность лучше

подготовиться к отражению агрессии. Ситуация, как очевидно, тяжелая, выбор сделать трудно. Сталин пошел на соглашение с Германией. В западных странах это вызвало растерянность и гнев населения. В трудное положение были поставлены коммунисты, коммунистические партии, всегда до этого поддерживавшие СССР, свою «вторую родину».

Антифашистская пропаганда в СССР внезапно прекратилась. Критике подверглись все империалистические державы, разоблачалась их агрессия, грабительская природа. Специально об агрессивных устремлениях Германии не говорилось. В.М. Молотов даже заявлял, что считает преступной войну, которая бы ставила перед собой цель – «уничтожение гитлеризма». Подобная постановка вопроса, по его мнению, напоминает о старых религиозных войнах эпохи средневековья.

Коминтерн, вынужденный повторять все повороты советской политики и пропаганды, определил начавшуюся вторую мировую войну как несправедливую, империалистическую, по сути не отличающуюся от первой мировой войны. Это дезориентировало широкие антифашистски настроенные массы. Кроме того, серьезной ошибкой Коминтерна в то время был также отказ от курса на Народный фронт, а также новое обострение нападок на социал-демократию.

В самом СССР, еще несколько месяцев до этого жившим под впечатлением, что гитлеризм – это главный враг, новая ситуация также вызвала чувство растерянности. Однако, как полагали И.В. Сталин, советское руководство, была отодвинута непосредственная угроза войны, получена возможность укрепления обороноспособности страны. Напротив, критики сталинского решения считают, что он, именно он, И.В. Сталин, развязал Гитлеру руки и позволил ему начать вторую мировую войну.

Эта точка зрения необоснованна. Прямое движение Гитлера ко второй мировой войне началось после Мюнхенского соглашения. Именно тогда он убедился, что западные руководители – «не политики», «не мужчины», что они пасуют перед ним, больше того, разжигают его аппетит, подталкивают к агрессии против СССР. К тому же, с точки зрения Англии и Франции и Гитлера одновременно, СССР и не мог ни связывать, ни развязывать

кому-либо руки; по их мнению, он был слишком слаб в военном отношении; это доказала советско-финская война.

Война с Финляндией, действительно, была тяжелой. Чем она была вызвана, что заставило советское руководство начать ее? Дело в том, что финская граница проходила всего в 35 км от Ленинграда. С 1938 года Советский Союз добивался твердых гарантий от финского правительства, что Финляндия будет защищать свой нейтралитет, если Германия решит вторгнуться в СССР с севера, т.е. с финской территории.

Советский Союз предлагал Финляндии заключить пакт о взаимной помощи, просил передать ему в аренду полуостров Ханко для организации советской военной базы, отодвинуть государственную границу на Карельском перешейке примерно на 40 миль дальше от Ленинграда. В свою очередь, СССР предлагал в качестве компенсации территорию в Советской Карелии в два раза большую, чем та, которую уступила бы Финляндия, и выражал готовность разрешить этой стране построить укрепления на Аландских островах.

Финское правительство не приняло предложения СССР. В этой ситуации советское руководство приняло решение начать военные действия, рассчитывая на скоротечную кампанию. Однако советские войска оказались плохо подготовленными к ведению боевых действий в условиях бездорожья, леса и суровой финской зимы. Артиллерия и танки не смогли наладить эффективного взаимодействия с пехотой, были недооценены также умение и боевой дух финнов. В результате потери советских войск были значительными. Однако суровый и трагический урок пошел на пользу. После перегруппировки и сосредоточения внимания на подготовке бойцов к боевым действиям, советская армия сломала сопротивление финнов. Теперь правительство Финляндии согласилось на мирные переговоры. Согласно им в состав СССР включался весь Карельский перешеек, западное и северное побережье Ладожского озера, часть полуострова Рыбачьего. Финляндия сдавала в аренду СССР сроком на 30 лет полуостров Ханко. Граница от Ленинграда была отодвинута, и город был лучше защищен. Вместе с тем война ухудшила международное положение СССР. Многие страны осудили Советский Союз, он был исключен из Лиги Наций. Советско-финская война укрепила убежденность Лондона, Парижа, других стран в крайней слабости Советского Союза. Гитлер тогда также,

вероятно, и решил, что СССР – «колосс на глиняных ногах» и что вермахт быстро и легко сокрушит Красную Армию.

Но вернемся к послевоенной ситуации. Что нового возникло в отношениях Англии и Франции с Германией и СССР, что нового возникло в отношениях между Германией и Советским Союзом?

Поскольку у нас принято с большей готовностью воспринимать аргументы западных исследователей, воспроизведем оценки послевоенной ситуации, а также советско-германского пакта о ненападении, сделанные И. Фестом. После Мюнхена, – считает немецкий историк, – началось тайное соревнование между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией, с другой, за союз с Москвой, «подогреваемое со всех сторон недоверием, страхом и ревностью...». В Москве возобновились переговоры между СССР, Францией и Англией. Однако они страдали от недоверия участников. Сталин не без основания сомневался в решимости западных держав к сопротивлению, в то время как западные державы в свою очередь «не могли преодолеть глубоко укоренившиеся предубеждения, которые буржуазный мир испытывал к стране мировой революции». В этой ситуации советский руководитель поддержал идею урегулировать отношения с Германией, несмотря и вопреки имеющимся идеологическим разногласиям.

И.В. Сталин, советское руководство, конечно, знали о постоянно подчеркиваемых целях Гитлера: завоевание мировой империи за счет России. Однако они надеялись, что соглашение с Германией отодвинет, по крайней мере, на некоторое время угрозу войны, что СССР в результате передышки сможет достичь большей готовности к отражению агрессии Германии. Советское руководство ставило также перед собой задачу – не допустить соглашения между капиталистическими и фашистскими державами, ибо в этом случае, совершенно ясно, фашистская агрессия немедленно обрушилась бы на общего врага Запада – СССР. Но ясно также, что Сталин рассчитывал на то, что соглашение с Гитлером, стремившемся пересмотреть итоги Версаля, итоги первой мировой войны, поможет и ему вернуть утраченные Россией после первой мировой войны западные провинции.

Кто выиграл от этого соглашения? – ставит вопрос И. Фест. По его мнению, трудно однозначно, безоговорочно ответить. Советское

руководство считало, что выиграло оно; несмотря на идеологический и моральный ущерб, СССР получил передышку, возможность развернуть военные приготовления. С другой стороны, Германия тоже получила огромный тактический выигрыш: Гитлер избежал в то время войны на два фронта.

Конечно, для Гитлера пакт с Москвой был «вероотступничеством», – подчеркивает И. Фест. Однако «Гитлер успокаивал себя мыслью загладить вероотступничество будущей схваткой с Советским Союзом – это намерение по-прежнему оставалось в силе». Кстати, по мнению Гитлера, пакт создавал для этого предпосылку иметь общую границу. «Это пакт с сатаной, чтобы изгнать дьявола», – говорил Гитлер в узком кругу. А одному зарубежному гостю он даже откровенно заявил: «Все, что я делаю, направлено против России; если Запад слишком глуп и слеп, чтобы понять это, я буду вынужден договориться с русскими, разбить Запад, а затем, после его поражения, собрав все силы, обратиться против Советского Союза»¹¹⁸.

Перед нападением на СССР Гитлер писал Муссолини, что никогда не считал этот пакт честным, ибо слишком глубока пропасть между мировоззрениями. Теперь, приняв решение о нападении, он почувствовал себя снова внутренне свободным, ибо сотрудничество с Советским Союзом «сильно обременило меня». Оно «казалось мне разрывом со всем моим происхождением, ясными взглядами и моими прежними обязательствами. Я счастлив, что избавился от этих душевных мук».

В то же время Гитлер не раз заявлял, что готов к примирению с Западом. «У меня нет желания господствовать. Прежде всего я ничего не хочу от Запада ни сегодня, ни завтра. Я ничего не хочу от регионов мира с высокой плотностью населения. Там мне ничего не надо, совсем ничего, раз и навсегда. Все идеи, которые мне приписывают по этой части, – выдумки. Но мне нужна свобода рук на Востоке».

Надежды Гитлера на примирение с Западом до поры до времени не были беспочвенными. Ведь действительно, Гитлера, начавшего вторую мировую войну вторжением в Польшу, можно было еще остановить. Англия и Франция могли помочь Польше, но их армии предпочли отсиживаться за линией Мажино. Американский журналист У. Ширер, посетивший в те дни Западный фронт, про-

ходивший вдоль Рейна, а также и Польшу вспоминает: «Я видел французских солдат на противоположном берегу, строивших укрепления. Кое-кто из них с увлечением играл в футбол. Ни одна из сторон не открывала огонь. Странная война! В Польше ... все выглядело иначе. Города и поселки лежали в руинах. Повсюду валялись необрунные трупы погибших».

Генерал Йодль заявил на суде в Нюрнберге: «Если мы не потерпели крах еще в 1939 году, то лишь потому, что во время польской кампании примерно 110 французских и английских дивизий на Западе пребывали в полном бездействии против 25 немецких дивизий».

В 50 – 60-е гг. XX в. Гелен, руководитель военной разведки ФРГ также признавал, что вермахт в 1939 году реально не был готов к войне. Поэтому, действуя западные союзники в начале войны решительно – в политическом и военном плане, – то военное столкновение закончилось бы поражением Германии. Чтобы подтвердить свои слова, продолжал Гелен, приведу следующий факт. Все имеющиеся в наличии боеприпасы для тяжелой артиллерии сухопутных войск, не считая снарядов для тяжелых гаубиц, уместились бы в восьми с половиной железнодорожных составах, так как серийное производство снарядов началось лишь летом 1939 года.

После окончания боев в Бельгии и Северной Франции в начале июля 1940 года достаточных боеприпасов имелось лишь для легких полевых гаубиц. Что касается снарядов для тяжелой полевой артиллерии, то они к этому времени были почти полностью израсходованы. Перефразируя Шопенгауэра, можно утверждать, что Гитлер представлял мир как волю, но без представления реальностей.

Двойная игра, зачастую и открытая враждебность Англии и Франции, конечно, ставили советское руководство в трудное положение, усиливали подозрения Сталина в отношении правящих кругов этих стран. Объективные западные исследователи находят обоснованным негодование Сталина, советских людей, «поставленных перед отчаянной необходимостью оставить открытыми все возможные пути выбора». Улам, Дойчер, Тейлор и другие признают, что Мюнхенский сговор сузил пространство для маневра

советской внешней политики, что беспокойство СССР по поводу антисоветского «европейского альянса» было оправданным.

Ведь, действительно, Советский Союз по-прежнему был один. Опасность существовала для него не только на Западе, но и на Востоке. В те дни в районе Халхин-Гола шли бои с японскими агрессорами. В этих условиях И.В. Сталин, чтобы не помогать тем, кто «привык загребать жар чужими руками», пошел на заключение пакта о ненападении с Германией. Пакт предложила Германия, причем в очень настойчивой форме. Могло ли советское руководство отказаться от такого предложения? «Я думаю, – объяснял И.В. Сталин, – что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, даже если во главе этой державы стоят такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп». Аргумент, бесспорно, серьезный.

Плохо было то, что помимо Пакта о ненападении в сентябре 1939 года был заключен «договор о дружбе» с фашистской Германией. Этот шаг оттолкнул от СССР многие тысячи людей, интеллигенцию на Западе, увидевших в этом шаге предательство антифашистских идеалов. Данный договор поставил в трудное положение компартии, многие руководители которых привыкли отождествлять интересы своих партий с интересами Советского Союза. Как могли чувствовать себя такие, например, коммунисты, как Б. Брехт, который прежде писал в своем дневнике: «Каждому коммунисту, который серьезно воспринимает интернационализм, должно быть ясно, что сегодня любая рабочая партия за пределами Советского Союза должна связывать свою политику с политикой ВКП(б) и в большинстве возможных случаев подчиняться ей».

В такой ситуации заключение Советским Союзом соглашения с Германией вызвало, повторяем, растерянность коммунистов, многих привело к разрыву с партией, к тяжелой личной драме, усугубило разрыв с социал-демократическими партиями, дало повод для репрессий против компартий.

Какими же соображениями руководствовалось советское правительство, заключая этот договор с Германией? С одной стороны, оно рассчитывало остаться в стороне. Пусть немцы и англо-французы изматывают себя в войне. Мы не будем ни для кого таскать каштаны из огня.

С другой, – заключая соглашение с Германией, советское руководство рассчитывало побудить, наконец, Англию и Францию вести реальную, а не «странную» войну с Германией Гитлера. Это бы превратило их в союзников СССР на деле в том случае, когда совершится фашистское нападение на Советский Союз, которое, по мнению И.В. Сталина, рано или поздно должно было произойти. И, конечно же, подписанный договор давал надежду на то, что, предотвращая в данный момент неминуемое столкновение, Советскому Союзу удастся выиграть время и пространство. К немедленному столкновению с Германией Советский Союз был не готов; в это время шло радикальное перевооружение Красной Армии, тогда как гитлеровская военная машина была уже на ходу, в действии.

Все эти соображения, учитывая реальную обстановку, были обоснованными. 1 сентября 1939 года, вторгшись в Польшу, Германия начала вторую мировую войну. 17 сентября 1939 года, после того, как правители Польши покинули страну, советские войска вошли в Польшу, заняв восточные территории, заселенные в основном украинцами и белорусами, которые были отторгнуты от Советской России в 20-е годы. Бесспорно, этот шаг следует оценить как желание спасти от германского порабощения представителей братских украинского и белорусского народов.

Видный политический деятель Великобритании Л. Джордж писал 28 сентября 1939 года, что русские вошли на территории, которые не являются польскими и были аннексированы Польшей после первой мировой войны. Было бы преступным безумием ставить на одну доску германское нападение на Польшу и ввод советских войск.

Конечно, это действия советской страны можно оценить и как действия, направленные на обеспечение безопасности западных границ Советского Союза. В сентябре – октябре 1939 г. СССР заключил договоры о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой. В августе 1940 г. эти прибалтийские республики вошли в состав Советского Союза. В июне 1940 г. Красная Армия освободила от румынского господства население Северной Буковины и Бессарабии, которые были отторгнуты от России после Октябрьской революции. В результате западная граница нашей страны была отодвинута на запад на 250 – 350 километров. Кстати, позднее,

после нападения фашистской Германии на СССР У. Черчилль признал стратегическую необходимость для СССР отодвинуть линию будущего немецкого фронта как можно дальше на запад, и в Польше, и в Румынии, с тем, чтобы выиграть пространство и время для полного развертывания русских глубинных резервов. 1 октября 1939 г. в своем заявлении по радио Черчилль сказал, что русские армии своими действиями положили конец замыслам нацистов в отношении Балтийских государств и Украины. Черчилль 20 июля 1941 года писал И.В. Сталину: «Я был рад... узнать из многих источников, как доблестно сражаются русские армии за свою родную землю... Я полностью сознаю, какие военные преимущества вы получили, вынудив противника развернуться и вести военные действия на отодвинутом к западу фронте, тем самым несколько ослабив силу его первого натиска».

Примерно в том же духе о позиции Сталина по отношению к Польше, только менее комплиментарно, высказался и Ш. де Голль: Сталин, убедившись, что Франция не сдвинется с места, чтобы защитить Польшу и что у Германии, таким образом, руки будут свободными, решил, «что лучше уж разделить вместе с ней добычу, чем оказаться ее жертвой».

Лидеры Польши вели себя по отношению к Советскому Союзу недружественно, если сказать точнее, – враждебно. Вспомним 1920 – 1921 годы; Польша с французской военной помощью оторвала от Советской России восточную Галицию. Известен также ответ польских руководителей в связи с предложением СССР оказать Польше помощь в случае гитлеровской агрессии: с немцами мы потеряем свободу, с русскими – душу.

Польское руководство дискредитировало себя своими контактами с нацистами. Министр иностранных дел Польши Бек обещал нацистской Германии поддержать её притязания на Австрию, а, кроме того, «учесть» интересы Рейха во время «возможного нападения (Польши) на Литву». В 1938 году, воспользовавшись «Мюнхеном», Польша вероломно захватила Тешенскую область Чехословакии. У. Черчилль назвал польских руководителей тех лет «гнуснейшими из гнуснейших», а С. Хаффнер охарактеризовал довоенную Польшу как «фашистское государство, проводившее политику антисемитизма и русофобии». Всё это в известной мере объясняет отношение советского правительства к Польше.

Конечно, события тех лет (что следует учитывать) формировались не под влиянием СССР. Он не был в те годы великой державой; ему приходилось маневрировать, отступать, идти на компромиссы. Во всяком случае, У. Черчилль, оценивая действия Советской России, в 1939 году признавал, что для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии обороны. Существование этой линии означает, что Восточный фронт создан.

У. Черчилль был убеждён: нацизм угрожает основным интересам русского государства. Россия не может быть заинтересована в том, чтобы Германия обосновалась на берегах Чёрного моря или чтобы она оккупировала Балканские страны, покорила славянские народы Юго-Восточной Европы. Это противоречило бы исторически сложившимся жизненным интересам России.

Однако лишь в результате военного поражения Франции и возникновения опасности вторжения в Англию фашистских армий как в Великобритании, так и в США пробила себе дорогу мысль о необходимости коалиции с Советским Союзом против фашистских государств. Но до этого, подчеркиваем, положение было совсем иным. Более того, предатель французского народа Лаваль, отдавший Францию на растерзание Гитлеру, в своей слепой ненависти к Советскому Союзу дошел даже до того, что характеризовал войну фашистской Германии против СССР как войну... гражданскую. «Эта война – гражданская война, в которой Сталин, окажется единственным победителем, если демократия будет продолжать борьбу против рейха. В интересах Соединенных Штатов, так же как и Европы, чтобы война кончилась как можно быстрее...»¹¹⁹.

Английские фашисты, подобно французским, покрыли себя позором предательства. Многие из них были арестованы во время войны за передачу световых сигналов германским самолетам и пересылку нацистам военных сведений через нейтральные государства. Некоторые, попав в плен, предавали свой народ, вступив в Британский свободный корпус. Кое-кто из английских фашистов даже пошел в части СС. Война разоблачила Мосли и его сторонников. Британский союз фашистов в 1942 г. был распущен. Мосли был арестован и осужден.

Итак, поддержка английских и французских правящих кругов также сыграла большую роль в утверждении фашизма в Германии, Италии и других странах. Лозунг «борьбы против большевизма» объединил агрессивные реваншистские цели немецкого империализма и антикоммунистические устремления империалистических кругов Англии и Франции. Конечно, со временем английские и французские монополии, сами стремившиеся к мировому господству, пришли к столкновению с подобными же целями германских фашистов. К тому же правящие круги Англии и Франции вынуждены были считаться с мнением народных масс, которые в своем подавляющем большинстве враждебно относились к фашистам как в своих собственных странах, так и гитлеровской Германии. И уж тем более народы не желали войны против Советского Союза.

Однако в любом случае идеология «немецкого оплота против большевизма» была знаменем развязывания и поощрения фашистской агрессии против Советского Союза. Да и тогда, когда Гитлер вел войну уже на два фронта, против Англии и США на Западе и против СССР на Востоке, Советский Союз фактически в одиночку в течение почти трех лет нес тяготы тяжелейшей войны, в одиночку выдерживал натиск подавляющей части вооруженных сил Германии и ее европейских сателлитов. Советский народ нес чудовищные потери: миллионы человеческих жизней, страшное истощение всех материальных ресурсов. Для самих немцев понятие «война» ассоциировалось в конечном счете с тем, что происходило на советском фронте. Здесь перемалывались фашистские армии, и решалась судьба войны.

Вместе с тем на Западе было немало политиков, которые стремились всячески оттянуть открытие второго фронта, рассчитывая на то, что Германия и Советский Союз взаимно обескровят друг друга и в таком случае легче будет им навязать свою волю. Подобный слепой антикоммунизм оскорблял советских людей, несущих огромные утраты, жертвующих всем ради победы над врагом. Забегая вперед, добавим, что та же идеология антикоммунизма после 1945 г. снова послужила знаменем объединения внутренних и внешних контрреволюционных сил в Европе, снова стала знаменем восстановления германского империализма.

§ 4. Массовая социальная база фашизма

Социально-историческая практика решительно опровергает утверждения, будто фашизм – это движение средних классов, что гитлеровский режим якобы имеет мелкобуржуазное происхождение, что фашисты всегда – опирались прежде всего на рабочих, крестьян и мелкобуржуазную интеллигенцию¹²⁰.

Разумеется, трудно отрицать, что массовую социальную базу фашизма составила в первую очередь мелкая буржуазия. Но главным в оценке конкретного социально-политического движения является выяснение, чьи интересы это движение отражает и выражает, каким социально-классовым интересам служит.

Как уже показано в предшествующих разделах, фашизм был инспирирован, взращен и вскормлен наиболее реакционными кругами империалистических сил. Именно их интересы он выражал и защищал, именно крупной империалистической буржуазии в первую очередь был выгоден. Но, бесспорно, мелкобуржуазные слои города и деревни оказались рекрутами фашизма.

В целом в рядах нацистской партии в 1930 г. состояло: «самостоятельных хозяев» (владельцев промышленных и торговых предприятий, банкиров, монополистов и помещиков) – 20% всего состава партии, крестьян – 11%, крупных чиновников – 13%, служащих (главным образом бывших военных) – 21%. Рабочие составляли 20% (их удельный вес в общем составе населения достигал 45 %) ¹²¹. Как видно, удельный вес средних слоев в составе нацистской партии весьма значителен. Однако следует сразу поставить вопрос: почему? Почему представители мелкой буржуазии шли в фашистские отряды, почему мелкобуржуазная масса стала социальной базой фашизма?

Исходный методологический принцип поиска ответа на этот вопрос следует искать в двойственности социальной природы мелкой буржуазии, для которой характерно восприятие социального прогресса как укрепление собственных позиций. Мелкий буржуа стремится не к социальному освобождению, но скорее к личному реваншу и представляет будущее, как прошлое, в котором роли меняются. Те, кто господствовал над ним, теперь становятся его жертвой.

Исследуя социальную базу фашизма, Э. Никиш отмечал, что мелкий буржуа свое счастье видит в том, чтобы жить на «широкую ногу». Оно не сбылось. Озлоблению и растерянности мелких буржуа не было предела. Недобрый взором смотрели она на тех, кто стоял на ступеньку выше на социальной лестнице. Однако, сколь бы мелкий буржуа не был зол на буржуазное общество, он не стремится покидать его, предметом его тайной гордости является именно причисленность к этому обществу. Но вот марксистский социализм он ненавидит, существование пролетариата ему ненавистно, как осужденному – тюрьма, ворота которой уже распахнулись.

Конечно, рассматривая мелкую буржуазию как социальную базу фашизма, следует видеть различия в положении мелкобуржуазных слоев в различных странах. Например, немецкая мелкая буржуазия по своему политическому развитию значительно отставала от подобных социальных слоев в других западноевропейских странах.

Как известно, политическое единство Германии было осуществлено прусской юнкерско-милитаристской кастой. Тем не менее сам факт объединения порождал в массах иллюзию, «будто возвеличенная за счет Германии юнкерско-полицейско-солдатская Пруссия и является осуществлением той Германии, о которой мечтала демократия», – писал В. Либкхнехт. К тому же правящие круги кайзеровской империи настойчиво насаждали в качестве «добродетелей»: «порядок», «дисциплину», «верноподданничество», «национальное величие» и т. п.

Воспевание этих «добродетелей», мощи кайзеровского государства льстило самолюбию мелкого буржуа, который в Германии в течение многих десятилетий насквозь был пропитан духом верноподданничества, преклонения перед всяким начальством. Ж. Нойрор весьма обоснованно пишет, что немецкий бюргер «всегда был на стороне правительства, воспринимал, как само собой разумеющуюся, авторитарную монархическую форму политического режима и его буржуазно-феодалную структуру и презирал, как неполноценную демократическую, парламентскую форму правления»¹²².

Генрих Манн в своем романе «Верноподданный» сатирически и вместе с тем весьма реалистически изобразил тип верноподданного пруссака. Это «интеллигент», фабрикант, доктор

химии Дидрих Геслинг, верноподданнически пресмыкающийся перед милитаристско-юнкерской верхушкой Германии. Писатель показал, с каким восторгом, еще будучи студентом, Дидрих Геслинг в 90-х годах XX в. воспринял проезд кайзера по улицам Берлина (предвосхитив тем самым картину нацистского ажиотажа вокруг Гитлера сорок лет спустя). Г. Манн отмечал: «Опьянение сильнее, чудеснее того, какое может дать пиво, приподняло его над землей, понесло по воздуху. Он размахивал шляпой высоко над головой толпы, в атмосфере клокочущего энтузиазма, в небесах, где парят наши возвышеннейшие чувства. Там, под Триумфальной аркой, скакала на коне сама власть, с каменным лицом и сверкающими очами»¹²³. «Немецкому народу всегда была свойственна чрезвычайная физическая храбрость, и Пруссия была ему в этом хорошей школой. Между тем, эта физическая храбрость была в нем сопряжена с моральной трусостью, превосходящей всякое представление. Можно даже задуматься над тем, а не была ли у немцев высокая степень физической храбрости, в конце концов, лишь оборотной стороной их столь же великой моральной трусости: повинувшись приказу, эти «герои» устремлялись вперед ради любого другого дела, потому что у них не хватало мужества пренебречь побуждениями толпы и укрепить в себе чувство личной ответственности... Человек же, обладающий моральной храбростью, прислушивается только к себе самому, он полностью одинок в свой тяжелый и решительный час. Вот эта способность стойко переносить одиночество как раз и имеет высшую моральную ценность. Физическую отвагу проявляет и разъяренный зверь; моральная же свойственна только человеку... Есть только одна форма истинного и великого мужества – моральная; тот, кто не является прежде всего моральным героем, тот вообще не герой, пишет Никиш.

На отсутствие морального, гражданского мужества, присущего многим немцам, указывал пастор Д. Бонхёффер, активный участник антифашистского Сопротивления, казненный гитлеровцами в 1945 году, накануне краха нацистского режима. Нам, немцам, – писал он, – свойственен недостаток гражданского мужества. И дело здесь не в личной трусости, корни здесь совсем иные. За долгую историю нам, немцам, пришлось познать необходимость и силу послушания. Смысл и величие нашей жизни мы видели

в подчинении всех личных желаний и мыслей данному нам заданию. Глаза наши были уставлены вверх не в рабском страхе, но в свободном доверии, видевшем в выполнении задачи своего ремесла – свое призвание. Готовность следовать приказанию «свыше» скорее, чем собственному разумению, проистекает из частично оправданного недоверия к своему собственному сердцу. Кто отнимет у немца, что в послушании, при исполнении приказа, в своем решении он всегда показывал чудеса храбрости и самоутверждения. Но за свою свободу немец... держался для того, чтобы освободиться от собственной воли в служении целому. Работу и свободу он воспринимал как две стороны одного дела. Но благодаря этому он и просчитался, он не мог представить, что его готовность к подчинению, к самоутверждению при выполнении приказа смогут использовать во имя зла. Как только это произошло, само его ремесло, его труд оказались сомнительными, а в результате зашаталась все нравственные устои немца. И вот выяснилось, не могло не выясниться, что немцу не хватало пока решающего, главного знания, а именно: знания необходимости свободного, ответственного дела, даже если оно идет против твоего ремесла и полученного тобой приказа. Его место заступили, с одной стороны, безответственная наглость, а с другой – самопожирующие угрызения совести, никогда не приводившие к практическому результату. Гражданское же мужество вырастает только из свободной ответственности свободного человека¹²⁴.

К духовному миру многих немцев принадлежало также восхищение военщиной, казармой с ее слепым повиновением, с ее всемогуществом фельдфебеля, которое было воплощением всемогущества государства: ведь каждый полицейский и каждый чиновник – это тот же фельдфебель, только в гражданской жизни. Мелкобуржуазной массе Германии весьма импонировала также идея «национального величия»; она давала мелкому буржуа компенсацию за неустойчивое экономическое положение, а во время войны во «вражеской стране» оправдывала принцип «все дозволено» (такого типичного представителя мелкобуржуазных кругов Германии легко представить в дальнейшем, во времена нацизма, каким-нибудь фашистским фюрером, тупым и высокомерным, безжалостным и жестоким по отношению к «внутреннему» и «внешнему» врагу).

Настроения национального высокомерия, традиционно характерные для большей части немецкой буржуазии, особенно мелкобуржуазной, широко использовались правящими кругами Германии для разжигания ненависти к другим народам, в первую очередь, славянским. О. Черный в книге «Немецкая трагедия» следующим образом передает настроение немецкого обывателя в начале первой мировой войны: «Город бурлил, демонстрации сменяли одна другую, вызывая горячее одобрение толпы. Дамы в шляпках с разноцветными лентами, мужчины в панاماх и котелках, разносчики, продавцы, официанты, содержатели ресторанов и кафе толпились на тротуарах, с энтузиазмом приветствуя колонны буршей, чиновников, гимназистов, подразделения солдат и конницу. Твердая выправка, четкий шаг воодушевляли немцев: они выражали единство и силу их родины. Дух единства старались подчеркнуть решительно все. То, что еще вчера разделяло сословия, отодвинулось назад. Ведь сам кайзер провозгласил, что для него нет больше враждующих партий, а есть патриоты, которые готовы пожертвовать собой во имя Германии... Германия, объявившая войну России, как будто помешалась: в течение нескольких дней она превратилась в страну, полную мнительности и фанатизма... Толпа на Берлинских улицах неистовствовала и выкрикивала верноподданнические лозунги»¹²⁵.

Таким образом, уже в первую мировую войну господствующим классам Германии удалось использовать шовинистический угар, почти полностью подавить самосознание народных масс и увлечь всю нацию, вопреки ее интересам, в империалистическую войну, приведшую к ужасным последствиям и для самого германского народа.

Фашистам также удалось увлечь своей демагогией многих мелких да и средних буржуа. Известный антифашист писатель Ф. Вольф вспоминает, что в годы эмиграции его везде спрашивали: «Как могло случиться, что в стране Гёте и Шиллера, Бетховена и Моцарта, Канта и Гегеля, в стране поэтов и мыслителей символом государственной власти вместо духа стали резиновая дубинка и револьвер?» Все дело в том, — разъясняет Ф. Вольф, — что в мозгу немецких буржуа, служащих, интеллигентов решающую роль играли такие понятия, как «абсолютное государство» (которое никогда не лжет), «честь» (столь жестоко уязвленная Версальским

договором, что каждый немец чувствует себя лично оскорбленным), «семья» (которой угрожают коммунисты). В этой связи он вспоминает, что на следующий день после поджога нацистами рейхстага ему звонили многие врачи, юристы, книготорговцы, театральные деятели и все выражали свое негодование по поводу «террористического акта коммунистов». Когда же Вольф пытался объяснить, что это преступная провокация фашистов, и спрашивал собеседника: «Неужели Вы верите, что коммунисты могут поджечь рейхстаг?», – то получал поразительный ответ: «Не верю, а это так и есть! Об этом сообщила государственная пресс-служба! Официально сообщила государственная пресс-служба».

«Понимают ли за границей, что означает для немцев магическое слово «государство»? Что значит оно в стране Канта и Гегеля? – пишет Ф. Вольф. – Человек может солгать, но государство никогда не лжет. Гитлер высказал эту мысль с потрясающей наивностью в своей знаменитой речи 1 мая 1933 года: прежде, будучи только партийным фюрером, он-де мог иногда позволить себе говорить то, что было только агитацией, но теперь, как рейхсканцлер и ответственный государственный деятель, он говорит всегда только чистейшую правду». И поразительно, – продолжает дальше Вольф, – что тот же самый немецкий бюргер или интеллигент, который идет сегодня на «Парсифаля» или на «Девятую симфонию» Бетховена или внимательно слушает доклад известного ученого, будет утверждать, что в безработице и нищете повинны не иначе, как «сионские мудрецы», их «раса». Вот и тогда, 28 февраля 1933 года (в день после поджога рейхстага), все мои аргументы разбивались о встречные аргументы людей, в обычное время вполне интеллигентных: «Это утверждает государство, а государство не лжет!» Дико, но, к сожалению, факт»¹²⁶. И факт, что таких людей были миллионы.

Нацисты сбили с толку и многих видных интеллигентов, высоких интеллектуалов и тонких деятелей культуры. Многие были захвачены ощущением причастности к «народному движению». В те дни выдающийся поэт Германии Г. Бенн, адресуясь к «литературным эмигрантам», с вызовом писал: «Большой город, индустриализм, интеллектуализм, все тени, которые отбрасывает на мои мысли наша эпоха, которым я подчинялся в моем творчестве,

– все проваливается и не остается ничего, кроме... простых слов: народ».

Нечто подобное испытывал и философ М. Хайдеггер. В книге «Бытие и время» он призывал преодолеть «онтологическую беспочвенность трансцендентальной субъективности». Вместо «чистого Я» на первый план должна выступить историческая фактичность, народ, его судьба. «Судьба народа» в концепции М. Хайдеггера доминировала над наукой и культурой. Духовный мир народа – не какая-то культурная надстройка, но власть, зов крови, идущие из глубин бытия народа. М. Хайдеггер, в сущности, приукрашивал нацизм, нацистское государство. В нем классы не антагонисты, но представляют единое, сплоченное народное сообщество, скрепленное единой волей государства. Он признавал также принцип фюрерства как по отношению к государству в целом, так и по отношению к немецкому Университету; М. Хайдеггер порой заходил слишком далеко: даже переносил на нацистское государство блеск древней Греции.

Хайдеггер отвергал веру в объективные этические ценности. Бытие – воля к власти. Человек виновен, если не может осуществить себя, свои возможности. Но осуществить себя можно и в добре и в зле. Человек реализовавший себя во зле, в таком случае (по Хайдеггеру) менее виновен, чем человек, не имевший возможности полностью реализовать себя в добре. Позиция абсурдная и безусловно аморальная (и после поражения фашизма Хайдеггер оказался не способен признать свою вину в связи с своей ролью в Третьем Рейхе).

К. Ясперс, философ, современник М. Хайдеггера, до тех пор весьма ему близкий, так описывает последнюю встречу с ним в 1933 году: «Хайдеггер тоже казался другим. Сразу, как только он приехал, возник настрой, разделивший нас. Народ был опьянен национал-социализмом... «Как будто опять наступил 1914 год... – начал я, желая продолжить: – опять то же всеобщее, лживое опьянение», но при виде сияющего Хайдеггера слова застряли у меня в горле... Перед одурманенным Хайдеггером я оказался бессилен. Я не сказал ему, что он на ложном пути. Я уже не доверял его изменившемуся характеру. От той силы, к которой теперь примкнул Хайдеггер, я чувствовал угрозу и для себя самого...»¹²⁷.

Ученик Хайдеггера Ханс Ионас в 1933 году покинул Германию со словами, что он вернётся назад только в качестве солдата вражеской армии. Когда в 1945 году он встретился с Хайдеггером, его ждало разочарование; Хайдеггер не смог сказать ему ничего, кроме выражения соболезнования по поводу гибели его матери в Освенциме.

К. Шмидт, видный юрист, в 1933 году также переметнулся на сторону Гитлера. Он доказывал, что Гитлер во время так называемого ремовского путча «поддержал правительство». Теперь он пришел к выводу, что базис политических норм не рациональные аргументы, а решения, определяемые соотношением сил «друзей и врагов».

Было немало других ярких интеллектуалов, поддавшихся «очарованию зла» и разделявших нацистские идеи, например, поэт Ерза Паунд, писатель Кнут Гамсун и др.

Э. Шахт – инженер, архитектор. Личный друг Геринга, вступил в нацистскую партию и СС еще до 1933 года. Звание «обер-штурмбаннфюрер» присвоено ему лично Г. Гиммлером.

Ж. Бенда уловил тенденцию к развитию подобных духовных настроений не только в Германии, но и в Европе в целом. В 1927 году он опубликовал книгу «Предательство клерков», в которой остро подчеркивал: современные интеллектуалы («клерки», «светские клирики») совершают предательство, отказываясь от таких универсальных духовных ценностей, как истина, свобода и справедливость, отдавая предпочтение таким иррациональным силам, как интуиция, инстинкт, «народный дух». По его мнению, любые восхваления «народного духа», в противовес универсальному человеческому духу, неизбежно приводят сначала к «войне культур», а затем и к войне народов. Совесть и долг интеллектуалов (кроме них это сделать некому, ибо массы погрязли в мелких эгоистических страстях) – защитить универсальные ценности человечества от посягательств бессовестных политиков, разжигающих националистический пожар. Да, – пишет Ж. Бенда, – самые бессовестные политики – это, конечно, нацисты. Его вывод жесткий, вероятно, чрезмерно жесткий: со времен смерти И.Канта немецкий дух уже ничему не может нас научить; наоборот, люди должны избегать контакта с ним.

Да, добавим и мы, люди велики тогда, когда они в состоянии различать добро и зло и встать на сторону добра. Если они этого не умеют, они аморальны.

В предвоенные годы, к сожалению, не на высоте оказался и рабочий класс, прежде всего его социал-демократические лидеры. Как пишет А. Абуш, «вся мрачная история Германии требовала воспитания народных масс в духе демократической самостоятельности, в духе боевого демократизма. Но профсоюзы и социал-демократическая партия культивировали у своих приверженцев организационный фетишизм; вера в то, что мощь крупной организации непобедима сама по себе мешала им осознать, что только живой боевой дух людей, объединяемых партией и профсоюзами, способен придать силу этим организациям. В результате большей части немецких трудящихся теперь была навязана новая разновидность пассивности – ставшее привычным ожидание призыва к борьбе сверху, от «вождей», которые были небоеспособны. Так в изменившихся исторических условиях и в новой форме воскресло старое зло времен деспотического прошлого Германии – политическая пассивность народа. Она мешала передовой части немецкого народа действовать по своей воле»¹²⁸.

И, конечно, рекрутами фашизма оказались выходцы из люмпен – пролетарской среды. Буржуазное общество постоянно воспроизводит эту прослойку, пополняя ее за счет тех, кого оно деклассирует, выбрасывает из сферы производительного труда.

В общем основной чертой межвоенной социальной структуры германского общества была неустойчивость. Эта неустойчивость влекла за собой серьезные социально-психологические последствия. Обусловленное ею недовольство мелкобуржуазных масс сплошь и рядом приобретало консервативный, реакционный характер¹²⁹. Фашисты ловко использовали психологический настрой мелкобуржуазных масс. Фашизм перенял все темное и реакционное в истории Германии: прусский милитаристский дух, слепое повиновение «верноподданничества», «Дранг нах Остен» (Гитлер: «мы начинаем там, где Германия кончила шесть веков назад»), традиционное презрение и ненависть «великогерманцев» к славянским народам, вражду старопрусской реакции к западноевропейским странам, где победили демократические режимы и т. п.

В любом случае мелкобуржуазные обыватели не были невинной жертвой лживой пропаганды фашизма. Их, конечно, обманывали, но скорее они обманывали себя сами. Ненавидевшие пролетарский коллективизм, стремящиеся к личному обогащению

и возвышению, обыватели легко приняли лозунги фашизма. Мелкособственнической душе как нельзя лучше отвечали призывы к насилию, экспансии, завоеванию «жизненного пространства».

В конечном счете фашизм приняли, за фашистами пошли те, кто отказывался смириться с военным поражением Германии в первой мировой войне и утверждал, что в падении империи повинны евреи, социалисты, нанесшие стране удар в спину. Те, кто ненавидел Версальский договор, продиктованный победителями и превративший Германию в третьеразрядную державу. Те, кто ненавидел Веймарскую республику, подписавшую Версальский договор, и управлявшуюся, по их мнению, евреями, либералами и марксистами, стремящимися разрушить остатки германского величия. Те, кто ненавидел скуку гражданской жизни, определяемой буржуазными ценностями, к которым они не могли и не желали приспособиться. Словом, все те, у кого в душе жили зависть, злоба, ненависть. Все они ненавидели интеллектуализм, интернационализм, марксизм, социализм, евреев, считая, что именно они виноваты во всех несчастьях, обрушившихся на Германию. Все эти люди, находясь в тяжелом положении, мечтали о чудесном избавлении, ждали спасителя, мессию. Фашистский фюрер, Гитлер, и стал для них этим мессией. Как отмечает Никиш, перед лицом ужасающих политических нужд и страха, которые обуревали Германию в начале 30-х годов XX в., и от которых «тряслась» буржуазия. Гитлер предлагал, простое решение: веру в чудо. Для отчаявшихся Гитлер становится светлой полосой на горизонте. Актом религиозной веры Германия переносится из обложенного данью государства в Третий Рейх. Кто не примыкает к национал-социализму, тот препятствует его победе и поэтому заслуживает умерщвления и искоренения.

П. Аларти, исследуя социальную базу итальянского фашизма, также отмечает широкое участие в итальянском фашистском движении мелкобуржуазных слоев, особенно в первые годы его существования. «Фашизм был движением весьма разнородным, включавшим различные деклассированные элементы недовольных, демобилизованных, у которых война подорвала материальную и психологическую основу их существования. Характерным для всей этой массы было то, что она выражала свой протест против существующего общественного строя в духе внешнего революционаризма и

даже выдвигала требования чисто экстремистского характера. Однако эти элементы питали столь сильное пристрастие к шовинистической и националистической демагогии, что легко могли стать добычей любого авантюриста, достаточно ловкого, чтобы использовать их психологическое настроение и увлечь за собой»¹³⁰.

Война ожесточила мелкобуржуазные массы, разрушила их веру в официальные лозунги и авторитеты. Она приобщила их к оружию и насильственным действиям. Сознание безысходности, озлобление заставляло мелких буржуа прислушиваться к самым безумным идеям, увлекаться самыми безумными авантюрами. Они шли к фашистам, надеясь с их помощью «восстановить» свои «попранные права».

Демагогические призывы фашистов находили весьма широкий отклик и в среде мелкой буржуазии в «демократических» странах – Англии и Франции. Ф. Мэллалли в своей книге «Фашизм в Англии» пишет: «Они стекались к нему (к Мосли, «фюреру» английских фашистов.– Б.Б.) тысячами – разочарованные, антисемиты, озлобленные правые интеллигенты, ренегаты и неудачники левых направлений, буржуазные дамы – «патриотки», дюжие пустоголовые кретины из университетов и школ, политические деятели, католики, бывшие унтеры и офицеры из охраны концентрационных лагерей, – им не терпелось напялить черную рубашку, пощеголять фашистским значком, почваниться в своей Англии так же, как чванились и кичились в Германии тысячи нацистских головорезов в коричневых рубашках, на вербованные из тех же общественных групп»¹³¹.

Итак, многие представители мелкобуржуазной массы шли к фашистам. Они рассчитывали с их помощью превратиться в новый правящий класс. Они верили, что «специальные условия» освобождения мелкой буржуазии суть в то же время «те общие условия, при которых только и может быть спасено современное общество и устранена классовая борьба»¹³². Это была иллюзия, самообман. Да, конечно, «новый» правящий класс при фашизме формировался и за счет средних слоев, однако большая их часть оставалась в прежнем состоянии. Представители «старой» крупной буржуазии постепенно заняли влиятельные позиции в фашистском движении, а потом и в фашистском государстве. Нередко через фашистское правительство они проводили мероприятия, идущие прямо в

ущерб средним слоям. Все это вызывало недовольство фашистов «первого часа» – выходцев из мелкобуржуазных слоев, которые порой озлобленно выступали против фашистов «последнего часа» – выходцев из крупной буржуазии и аграриев, в конечном счете, поставивших под контроль фашистское движение и фашистское государство. Расправа Гитлера с Ремом и его штурмовиками – свидетельство этого кризиса в фашистском движении. Расстреляв Рема, Гитлер «успокоил» руководителей крупных монополий и генералитет.

Разоблачая и подчеркивая тесную связь именно империалистической буржуазии с фашизмом, Р. Арисменди весьма точно отмечает: «вначале создается впечатление, что речь идет лишь о группах военных – фашистов, о деклассированных элементах, о людях, страдающих манией величия, о зловещих персонажах, подобных Гитлеру, о морфинистах, подобных Герингу, о гомосексуалистах, подобных Рему. Но в действительности возникает сила, поддерживаемая крупным международным финансовым капиталом, империалистами США, Англии и Франции, мечтающими о том, чтобы иметь жандарма против победоносной революции в России»¹³³.

Глава 3. ИДЕЙНАЯ ИСТОЧНИКИ ФАШИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

§ 1. Реакционные идеи империалистической буржуазии – духовный импульс фашизма

Фашистская «расовая теория», объявлявшая немцев, либо итальянцев «избранной нацией», фашистская «геополитика», провозглашавшая «законность» захвата так называемого жизненного пространства на чужих землях, звериный национализм, который представлял все другие народы как «недочеловеков» и обрекал их на то, чтобы быть рабами «избранной нации», антинародная доктрина «фюрерства», которая требовала от народа слепого и беспрекословного повиновения и вместе с тем внушала каждому фашистскому захватчику сознание своего превосходства над людьми других наций, «право» быть их господином, и т. д. и т. п. – все эти социальные и политические «идеи» фашизма, в сущности, во многом вытекают из всего антидемократического и реакционного духа буржуазных идейных течений XIX в. Это особенно отчетливо видно на примере Германии и Италии, на духовную жизнь которых большое влияние оказывали всякого рода реакционные и националистические идеи.

В частности, нигде самодовольное мещанство и обывательская тупость не были столь могущественной общественной силой, как в Германии. После основания под эгидой Пруссии рейха в 1871 г. в Германии произошел особенно отчетливый спад в сфере духовной культуры. В философии – этой признанной квинтэссенции общественного сознания – всё более культивируются субъективизм, иррационализм и релятивизм. В политической жизни этой страны все более утверждается дух милитаризма и шовинизма, дух верноподданнического подчинения и веры в «вышестоящие» авторитеты и ценности, вытеснявшие все прогрессивные идеалы, которые сформировались в период освободительных войн против Наполеона, в период революции 1848 – 1849 гг.

Реакционные классы Германии использовали процесс консолидации германской нации в своих классово-корыстных целях. Рост национального самосознания народных масс был превращен ими в объект самой злостной спекуляции и использован для насаждения

ненависти ко всему иноземному. Тяжелой, мрачной была духовная атмосфера и в Италии.

Сначала XIX века в аристократических и буржуазных кругах Германии получили широкое распространение идеи национализма и пангерманизма. В частности, большое влияние имели взгляды Фридриха Людвига Яна, который требовал воспитывать молодежь в «немецком национальном духе», внедрять в ее сознание ненависть к французам, антисемитизм, и т. п. Он спекулировал на задачах справедливой борьбы немецкого народа против наполеоновских завоеваний, подчиняя их обоснованию своих расистских, националистических теорий. Создать чистую и сильную расу, вытеснить чуждые языки, утвердить германско-христианский порядок, возвратиться к «нордической религии», возродить греческий культ человеческого тела и силы и т. п. – вот лозунги, которые выдвигал Ф.Л. Ян. Поэт Г. Гейне отмечал в своих дневниках, что произошло бы, если бы эти пангерманисты, Ф.Л. Ян и другие, пришли к власти: «Тот, кто хотя бы только в седьмом колене происходил от француза, еврея или славянина, был бы осужден на высылку. Если кто-нибудь имел что-то против Яна или вообще против тевтонских идей, тот определенно должен был лишиться своей жизни»¹³⁴.

Ф. Лист, профессор политических наук, также обосновывал идеи пангерманизма, призывая германскую расу творить судьбу мира, цивилизовать и заселять «дикие страны». Он даже разработал план «заселения» Венгрии и придунайских стран с целью создать немецко-венгерский рейх с южной границей от Адриатики до Черного моря. В значительной степени «возвращению» немецкой нации в «германское средневековье» содействовали такие «теоретики» «немецкой» миссии как Л. Ранке (1795 – 1866) и Генрих фон Трейчке (1834 – 1896). Рассматривая государство как демиурга исторического процесса, Ранке придавал ему почти мистическое значение, характеризовал его как воплощение «божественной мысли», утверждал взгляд, согласно которому «политика могущества», «политика войны и завоеваний» рассматривалась как «органическая жизненная функция государства», способствующая его «гармоничному развитию» и т. п.¹³⁵.

В конце XIX в. ранкеанство выродилось в вульгарно-националистические идеи Трейчке, который был профессор Бер-

линского университета и пользовался среди шовинистических кругов Германии большой популярностью. В сущности, он был теоретическим столпом агрессивного государства Вильгельма II. Согласно его концепции, император должен обладать сильной властью, а подданным надлежит быть рабами. Послушание – единственная добродетель человека, твердил Трейчке. Он был крайним националистом, восхвалял прусский милитаризм, цинично доказывал, что «понятие государства включает в себя понятие войны, ибо суть государства – это власть». «Надежда на то, что войну удастся изгнать из жизни общества, – утверждал он, – является не только абсурдной, но и глубоко аморальной». Война, согласно автору, пробуждает «благороднейшие силы в душе человека», она – «наивысшее выражение мужественного начала». Мир же, напротив, приводит к «деградации народа». Трейчке был сторонником Немецкой социально-антисемитской партии, возглавлявшейся пастором Штеккером, полагая, что лишь с ее помощью «еще можно надеяться сломить господство... свободомыслящих и социал-демократию!»¹³⁶.

К сожалению, свой вклад в апологику агрессивной войны вносили и серьезные немецкие мыслители. Так, основоположник философской антропологии М. Шелер в книге «Гений войны», вышедшей в свет в 1915 году, провозглашал, что война пробуждает людей ото сна и придает их переживаниям необходимую остроту. Она объясняет людям, кто они такие на самом деле. Шелер утверждал, что народы более ценные (прежде всего германцы – воинственный народ господ) должны управлять народами менее ценными. (M. Scheler. *Der Genius des Krieges*. Leipzig, 1915).

Шовинизм, национализм пронизывали все сферы государства, все сферы общественной жизни Германии, народное образование, даже религию. Правящие круги повсюду вбивали в головы людей идеи о превосходстве немецкой нации, немецкой культуры, немецкой литературы, немецкого искусства, «доказывали», что человечество «должно» признать в немецком народе своего учителя и воспитателя, что грядет время, когда немцы в силу естественных, законов мировой истории и своего предназначения будут вершить судьбы человечества.

Об удушливой атмосфере, пронизывающей все сферы общественной и духовной жизни Германии, с волнением писал в

1905 г. писатель Р. Роллан: «Каждый раз, когда я приезжаю в Германию, меня охватывает удивление и в немалой степени страх, ибо немецкая нация производит впечатление одной огромной машины. Она способна есть, думать, желать и действовать как один человек. Я спрашиваю себя, как в таком странном государстве можно еще остаться индивидуальностью. От одного конца Германии до другого все эти люди в один определенный день, в один определенный час могут воодушевиться на любое, предпринятое государством, дело»¹³⁷. Беда была в том, что все пангерманистские, националистические, шовинистические идеи не оставались плодом лишь псевдотеоретических рассуждений маньяков-германофилов.

Появившиеся на этой основе замыслы разделяли руководящие политические деятели Германии. Бисмарк, например, в свое время также культивировал идею создания Германии, которая держала бы под своим ярмом другие народы, особенно славянские. Вильгельм II в своих речах постоянно говорил о Великой Германии, немецкой расе как высшей ценности культуры. Он доказывал, что война немцев якобы угодна богу, благословлена богом, что бог будто бы желает немецкой победы. Всех левых, выступавших против войны, Вильгельм пытался дискредитировать как «не немцев».

Т. Манн в романе «Доктор Фаустус» убедительно разоблачил идеи реакционного национализма, кастовости, каковыми были заражены многие немцы, убежденные в «избранности» немецкого народа, в его праве на духовную (а значит, и материальную, политическую) гегемонию.

И в Италии, особенно в предвоенные годы, «к сожалению, никто больше не хотел думать: разум был взят на подозрение, и, в конце концов, против него был начат процесс по всей форме. После иррационалистской оргии военная бойня была представлена как мистический ритуал, совершаемый перед алтарями неведомого божества, в повседневном языке... утверждался культ жестокости... а институты, которые по давней традиции унаследовали защиту ценностей мира и доброй воли, никогда открыто не выступали против... политических режимов, лидеров и правительств, которые систематически попирали самые древние и священные законы человечности,— писал прогрессивный итальянский философ Э. Гарин.— Верно также, что бывшие передовые писатели не

чувствовали больше никакой необходимости в отлучении тех, кто приносил в жертву миллионы несчастных на алтари новых языческих культов. Все это было последним этапом трагического упадка критики и исторического разума. Путаница в умах, неясность идей были выражением неуверенности мира, который после крушения старых порядков не сумел создать новые».

Разрешение кризиса «современного сознания» итальянские реакционные философы видели в реставрации «традиционно христианско-католической метафизики, которая будто бы всегда была хребтом всякой истинной и подлинной цивилизации, нерушимой основой всякой истинной и подлинной моральной концепции жизни», — отмечал Гарин и далее подчеркивал, что тем временем в Италии под сенью «реалистического» движения за возврат к ценностям традиции формировался фашизм¹³⁸.

Огромную роль в идейной подготовке фашизма в Италии сыграли Г. Д'Аннунцио и Э. Коррадини, решительные противники демократии и социализма, вдохновители национализма и империализма.

Г. Д'Аннунцио (1863 – 1938), поэт-декадент, проповедовал идеи самого иступленного обскурантизма, яростного национализма и шовинизма. Во всех его произведениях варьировались одни и те же мотивы: «Великая Италия» — наследница римской славы; Искусство — выше жизни, самое важное на свете — красота; людям нужна не правда, а Мечта; Страсть оправдывает любую жестокость. В политическом плане все это оборачивалось нападками на демократию, на «толпу», воспеванием культа силы и Вождя, восславлением войны как высшего проявления духовной силы и добродетелей народа¹³⁹.

Провозвестником и наиболее видным идеологом итальянского национализма выступал также и писатель Э. Коррадини. Он основал в 1903 г. журнал «Реньо» («Государство»), который популяризировал националистические идеи, боролся против социализма, защищал доктрину сильного государства, стоящего над индивидуумами.

Э. Коррадини решительно выступал против марксистского учения о классовой борьбе. Он доказывал, что противоречия существуют не между классами, а между нациями. В этой связи Коррадини и его сподвижники «обосновывали» теорию

«европейской иерархии наций». Согласно этой «теории», Англия и Франция – это две «плутократические и статичные» нации, они богаты и самодовольны, у них есть колонии, они находятся в привилегированном положении. Наряду с ними есть две «пролетарские и динамичные» нации – Италия и Германия». У них нет колоний, они не могут обеспечить всех своих граждан работой, не могут поднять общий уровень жизни своих индивидов. Им необходимо наверстать то, чем они не обладают по вине плутократов. «Социалисты говорят, что буржуазия эксплуатирует рабочих, – писал Коррадини. – Допустим, что это так. Но нужно считаться с тем, что существуют пролетарские и плутократические нации. И подобно тому, как социалисты разъяснили пролетариату сущность и значение классовой борьбы, нужно разъяснить Италии ценность и смысл международной борьбы. Но международная борьба – это война? Ну что ж, пусть будет война. И национализм внушит Италии стремление к победоносной войне»¹⁴⁰.

Итальянские футуристы во главе с Маринетти также откровенно демонстрировали свою приверженность национализму, прославляли войну, эту единственную гигиену мира, милитаризм, патриотизм, уничтожительную деятельность анархистов – «прекраснейшие идеи, за которые можно умереть, презрев все слабое, женское». Одновременно они объявляли себя абсолютными противниками демократической партии и парламентской системы. Так, Маринетти провозглашал: мы хотим воспевать любовь к опасности, привычку к энергии и отваге. Главным элементом нашей поэзии будут: храбрость, бунт, дерзость. Если до сих пор литература воспевала задумчивость, неподвижность, экстаз и сон, то мы будем восхвалять наступательное движение, лихорадочную бессонницу, гимнастический шаг, опасный прыжок, оплеуху и удар кулака. Мы будем прославлять войну и т. д. и т. п.¹⁴¹

Под духовные знамена национализма и шовинизма стекалось все самое реакционное, самое развращенное, что имела Италия. Как отмечает Б.Р. Лопухов, идея необходимости для Италии новых земель и колоний находила своих приверженцев в самых различных слоях итальянского общества и проникла даже в рабочее движение¹⁴².

В конечном счете, националистическая фразеология, идеология «бедной и обиженной нации» служила оправданием агрессивных

намерений итальянских монополий. Империалистические круги Италии жаждали новых колоний, богатых сырьевыми ресурсами; их агрессивность нашла свое наиболее яркое выражение в войне за захват Ливии в 1912 г. В то же время тот факт, что ряд территорий с преимущественно итальянским населением находился еще под властью Австро-Венгрии, давал идеологам итальянского империализма возможность хотя бы частично связать агрессивные империалистические замыслы с национально-освободительными задачами. Во всяком случае, в период первой мировой войны возникло так называемое движение революционного интервенционизма во главе с Муссолини, спекулировавшее на идеях «сближения» социализма и национализма¹⁴³.

В сущности, упадок, деградация духовной культуры, обесценение нравственных ценностей и моральных норм, апологетика шовинизма и насилия были характерной чертой всей капиталистической Европы. Они были обусловлены ростом социально-экономической и политической неустойчивости буржуазного мира, которая порождала сомнения в стабильности и закономерности общественного бытия, в возможности познания и предвидения хода исторических событий. В результате культ разума, свойственный периоду поступательного развития капитализма, уступил место иному кумиру – интуиции, мистицизму и иррационализму, а в общественно-политической сфере – волюнтаристскому активизму.

Наиболее популярным теоретиком иррационализма в Европе начала XX в. был французский философ А. Бергсон. Он отрицал познавательную силу разума, во всяком случае доказывал, что возможности интеллекта ограничены в основном познанием неодушевленной материи, тогда как «жизнь», «живое» познается только посредством интуиции, мистического озарения. Бергсон отрицал интеллект, разум еще и потому, что его свойствами являются умозрительность, пассивность и т. п., в то время как интуиция якобы присущи активность, действие. «В целом бергсонизм, – пишет советский ученый В.Н. Кузнецов, – способствовал усилению в искусстве антиреалистических тенденций, а в политике – авантюризма и волюнтаризма»¹⁴⁴.

Разумеется, нельзя сводить истоки идеологии фашизма исключительно к неизбежному усилению иррационализма в буржуазной философии.

Действительно, в буржуазной философии всегда существовали и противодействовали две тенденции: рационалистическая и иррационалистическая. Рационалистическая (как правило, прогрессивная) была связана с реальной действительностью. Иррационалистическая, напротив, как правило, была консервативной, вела к мистике и формализму, отдавала предпочтение субъекту перед объектом, форме перед содержанием. Э. Никиш так объясняет подъем иррационализма: после поражения Наполеона европейские монархи объединились в борьбе с наследием Просвещения. Просвещение представлялось злостной необузданностью разума, его нужно было вновь насадить на цепь. Чувства заслуживали доверия больше, чем разум; ночь-тьма, скрывающая тайну, – казалась более надежной и священной, чем день-ясность разума. Мистический дурман больше способствовал монархическим интересам, чем трезвость рассудка. Все старое поднималось в цене...

Эта тяга к прошлому, к чувствам, это чаяние тайны нашли свое философское воплощение в романтизме. В ранний период романтизма даже такие чрезвычайно сильные умы, как Фридрих Шлегель, пытались показать необходимость отказа от господства разума. Романтизм способствовал распространению тех мыслей, которые были нужны для восстановления авторитарно-государственных интересов.

Тогдашнюю безрадостную действительность романтизм выставлял в таком свете, что она становилась как бы зачарованной и просветленной, ее нужно почитать и боготворить. Романтизм (скорее, бессознательно) пускал пыль в глаза бравому немцу-верноподданному, внушая ему, что он живет в чудесном, сказочном мире.

Поэтизированная романтиками природа противопоставляется разуму эпохи Просвещения, прогрессу, революционным движениям, подобно тому как ранее этот самый разум был противопоставлен Богу.

Позднее иррационализм в творениях буржуазных апологетов превратился, в сущности, в обскурантизм, агностицизм, страх перед новым, уход в мир грез, возвращение к мифу и т. д. и т. п. Поэтому Т. Манн был прав, когда писал, как опасно для писателя, ученого, просто человека искать прибежище в иррационализме: «В современной европейской литературе существует своего

рода злоумышление против человеческого головного мозга, всегда казавшееся мне лишь снобистской и неумной формой самоотрицания. Да уж позволю себе сознаться, это антидуховное и антиинтеллектуальное движение... не внушает мне симпатии. Я уже давно его опасаясь и борюсь с ним, потому что предвидел его жестокие, бесчеловечные последствия задолго до того, как они обнаружились со всей очевидностью... Там, где воцаряется мода на «иррациональность», там часто приносятся в жертву и с ребяческой беспечностью выбрасываются за борт достижения и принципы, которые не только делают европейца европейцем, но вообще человека – человеком. Подобное «возвращение к природе», думается мне, есть устремление... низменного свойства...»

Его старший сын – Клаус Манн, разделяя взгляды отца, также подчеркивал: «Словно можно сказать, будто есть закон, гласящий, что слишком явное влечение к иррациональному почти механически приводит к реакции в политике, если яростно этому не сопротивляться. Начинают с эффектного жеста, объявляя войну «цивилизации», – жест, я знаю, кажется очень привлекательным интеллектуалу. И вдруг оказывается, что вы уже за культ силы, вы уже за Гитлера»¹⁴⁵.

Важно различать политические позиции приверженцев иррационалистических концепций. Есть иррационализм и иррационализм. К фашизму вели неизбежно те варианты иррационализма, суть которых состояла в апологии темного инстинкта, в атавистическом недоверии к интеллекту, в презрении к человеку. Поэтому А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, О. Шпенглер, возможно, А. Бергсон и другие иррационалисты, изображавшие дело так, будто разум, мораль и т. п. «точно Мефистофель» угрожают «жизни своей кощунственной, сатанинской рукой»¹⁴⁶, безусловно «виновны», безусловно несут ответственность за формирование фашистских идей. Дело, конечно, не в том, что они, как личности, несут ответственность за кровавые преступления фашизма (тем более, что и совершены-то эти преступления были в другую историческую эпоху); возможно, что как личности они вовсе не виновны в том, как фашисты относились к их произведениям. Однако бесспорно то, что их нигилизм, миф о «сверхчеловеке», проповедь «воли к власти» и т. п. были использованы фашистскими идеологами, более того, стали «краеугольным камнем» фашистской идеологии

в целом. С этой точки зрения проповедники иррационализма, оправдывавшие авторитарно-диктаторские методы политического господства в условиях либерально-буржуазной Европы, безусловно, идейно вооружали своих фашистских наследников.

Наряду с этим известно, что и буржуазный рационализм, переросший в XIX в. в фетишизацию науки и техники, в мистику вещей, также может быть антигуманным и аморальным, причем не менее чем иррационализм. При этом, разумеется, столь же неверно односторонне обвинять рационализм в появлении и утверждении идеологии фашизма, как это делают, например, «франкфуртские теоретики». По мнению, в частности, Т. Адорно и М. Хоркхаймера, именно просвещение, рационализм являются причиной того, что исторический прогресс нашел свое воплощение и завершение в Освенциме, в фашистских лагерях смерти. Согласно концепции Адорно и Хоркхаймера, разработанной ими в «Диалектике просвещения» и «Негативной диалектике», Освенцим – это единственно возможный, фатально необходимый, прямой и непосредственный итог всей западной культуры. Именно просвещение «виновато» в том, что конкретная человеческая индивидуальность подавляется и угнетается, именно просвещение – источник конформизма, того состояния духа, когда человек привыкает к самоподавлению и, более того, сам неизбежно становится послушным орудием угнетения других.

Конечно, фашисты насаждали конформизм и весьма активно им пользовались для осуществления своих чудовищных целей. Но утверждать, подобно Т. Адорно, что ссылаться на вечные ценности культуры – значит оказаться перед лицом опасности сделать из культуры новый род «крови и почвы»¹⁴⁷, абсурдно. Именно вера в разум, прогресс, культуру, в вечные ценности Истины, Добра и Красоты подняли человечество на борьбу с фашизмом.

С разумом против сил смерти и разрушения! – так звучал в 30-е годы XX в. ответ антифашистов на фашистские угрозы оглушения и уничтожения людей. Так, посол Испанской республики во Франции во время открытия испанского павильона на Парижской всемирной выставке 1937 г. заявил: «В то время, как тупые и злые люди назойливо спрашивают, правда ли, что мы продали музей Прадо, мы защищаем его столь же решительно, как и другие музеи, которые фашистские самолеты с любовью

бомбят. Мы строим новые школы, публикуем все больше книг. Мы содействуем делу культуры в той же мере, в какой укрепляем нашу обороняющуюся армию, или даже еще в большем объеме. Ибо мы знаем, что история народов определяется не взрывчатыми веществами, но всегда Разумом»¹⁴⁸.

В конечном счете фашизм, будучи идеологией самых реакционных, самых агрессивных кругов империалистической буржуазии, идущих на союз со всеми отжившими и отживающими силами, поддерживающих все дикости, зверства и преступления, и в идейном плане наследует, заимствует все реакционное, все жестокое, кровавое, бездуховное, содержащееся как (прежде всего) в иррационалистических, так и в рационалистических философских течениях. Фашизм отверг все великие заветы античной культуры, героическое наследство культуры Возрождения, отбросил гуманистические идеи Разума, Просвещения, Прогресса. Фашисты чужды и лучшим традициям национальной общественной мысли, национальной культуры.

Вместе с тем, отбрасывая все великое и прогрессивное в духовной культуре человечества, фашистские идеологи должны были выполнить социальный заказ своих хозяев: придать фашизму хотя бы видимость теоретической респектабельности, найти «идейных» предшественников гитлеризма, духовных предков Геббельса и Розенберга. Они встали с этой целью на путь грубой фальсификации истории общественной мысли, в том числе истории философии: с одной стороны, выводили на историческую авансцену лиц, чьи реакционные социальные идеи не оказали сколько-нибудь существенного влияния, фактически не имели последователей ни при жизни, ни после смерти этих «мыслителей» (например, Пауль Лягард); с другой стороны, апеллировали к ряду крупных реакционных, и даже прогрессивных мыслителей, стремясь изобразить их в качестве своих непосредственных идейных предшественников.

Подобный фальсификаторский подход был присущ прежде всего самому Гитлеру. Он брал из изучаемых им учений только то, что соответствовало его эмоциональной оценке, его собственным представлениям. Так, отмечает В. Пруссаков, «он взял от Шопенгауэра фатализм и идею воли, но отбросил буддизм и пессимизм. Он позаимствовал у Ницше концепции эволюции, воли к власти и

сверхчеловека, но «забыл», что великий философ твердо настаивал на том, что сверхчеловек обязан побороть не других, а самого себя. Он принял у Вагнера расизм, героизм и язычество, но отбросил его арианизированное христианство. От Блаватской, Чемберлена, фон Листа и Либенфельса он брал, что хотел, и абсолютно «забывал» о не соответствовавшем его собственному мировоззрению.

Он изучал восточные религии и хотя никак не мог согласиться с тем, что жизнь – бесконечный «круг страданий», ибо считал ее борьбой, в которой побеждает сильнейший, принял у них методы достижения трансцендентального сознания, находящегося за пределами рациональной мысли»¹⁴⁹.

Конечно, «ничто так не похоже на хамелеона, как фашистская идеология, – отмечал П. Тольятти. – Нельзя рассматривать фашистскую идеологию в отрыве от конкретной цели, которую фашизм намеревался достичь в определенный момент с помощью определенной идеологии»¹⁵⁰. Руководствуясь таким прагматическим подходом, фашистские идеологи искажали и учения своих реакционных предшественников. Однако, что касается главного, апелляции к мифу и мистике, апологии иррационализма и насилия, – то в этом фашисты следовали своим реакционным, антигуманистическим предшественникам безоговорочно.

Особенно это относится к «формированию» фашистских идей «расы» и «крови». Сами по себе эти идеи отнюдь не представляют собой чего-либо нового, оригинального. Если обратиться к истории, то можно увидеть, что все эксплуататорские классы, пытаясь возвести господство и угнетение в «вечный» и «неизменный» принцип природы и общества, не раз обращались к подобного рода «теориям» о «высших» и «низших» расах.

В развернутом виде «теория» неравенства рас была изложена в середине XIX в. века во Франции идеологом феодальной аристократии графом А. де Гобино (1816–1882). В своем сочинении «Неравенство человеческих рас» автор выводил историю человечества из борьбы между высшими и низшими расами, провозглашая подлинно высшей и совершенной расой «северную, арийскую». При этом он утверждал, что феодальная аристократия в большей мере, чем другие классы, будто бы концентрирует в себе признаки арийской расы и поэтому имеет-де «естественное право» на господство¹⁵¹. И примечательно, что самыми чистыми арийцами Гобино

объявлял германцев, живших западнее Рейна. Он провозглашал, что истинная культура произрастает исключительно из германских источников. Высшие ценности других народов пронизаны пульсацией германской крови. К. Маркс едко высмеял де Гобино за эти расистские бредни¹⁵². Но для фашистов, естественно, он стал «классиком».

Одним из реакционных «теоретиков», идеи которого привлекли внимание фашистских идеологов, был также Пауль Лягард (1827–1891). С позиций махрового обскурантизма Лягард сокрушался по поводу того, что «природа сделалась объектом науки; бог, покинув ее, уступил ее царство законам». Что касается исторических событий, то они, как утверждает Лягард, также не подчиняются каким-либо закономерностям, а управляются волею провидения. Лягард отвергал прогресс, культуру, просвещение. По его мнению, именно прогресс, культурный прогресс повинен в том, что возникла некая «неспособность к будущему». Неспособность к будущему – это неспособность истории повернуть вспять, к доисторическому «варварству». Он испытывал яростную ненависть к демократии и презрение к народным массам.

Еще большее влияние на фашистских идеологов оказал Х.С. Чемберлен (1855 – 1927). Сын английского адмирала, он ненавидел англичан так же фанатично, как и евреев. В 1901 г. этот автор опубликовал книгу «Основы девятнадцатого века», в которой предсказывал будущий триумф германской расы, германской культуры. Чемберлен даже провозглашал, что отцом Иисуса является немецкий кнехт, судьбою заброшенный в Палестину; так что христианство вполне могло состояться без евреев, но без немцев оно бы не возникло. Фашистские идеологи так высоко оценивали Х.С. Чемберлена, что объявляли его «духовным отцом национал-социалистического движения».

Идейными предшественниками фашизма являлись также идеологи французской контрреволюционной мысли де Местр и де Бональд, яростно восстававшие против «принципов 1789 года».

Особенно широкое влияние антидемократические, расистские идеи получили во второй половине XIX в., в период духовного кризиса, охватившего Европу. Распространившийся в это время вульгарный социальный дарвинизм совратил многих людей, которые вдруг увидели в расах, нациях лишь замкнутые в себе

и ведущие друг с другом непрестанную и непримиримую борьбу за «выживание» изолированные «общности». Социал-дарвинисты О. Аммон, Л. Вольтман и другие механически переносили на человеческое общество, причем в извращенном виде, открытый Дарвином биологический закон естественного отбора. В результате они истолковывали конкуренцию и классовую борьбу в обществе, захватнические войны как биологические механизмы отбора.

Колониальная лихорадка, острейшее соперничество империалистических держав создавали благоприятную почву для процветания расистских, социал-дарвинистских и тому подобных концепций. Именно поэтому снова, к концу XIX в., приобрели большую популярность писания расистских идеологов вроде де Ляпужа, графа Гобино, Х.С. Чемберлена, Вольтмана и других, видевших смысл истории народов прежде всего в проявлении их расовых особенностей, в борьбе между «высшей» и «низшей» расами и т. д. В это же время возникли и получили широкое распространение всякого рода геополитические¹⁵³ теории, которые ставили развитие человеческого общества в прямую зависимость от географической среды – климата, наличия полезных ископаемых, плотности населения, размеров территории, географического положения той или иной страны и т. д. и т. п. В свое время – в эпоху восходящего капитализма – «географический детерминизм» являл собой попытку естественно-закономерного объяснения общества в противовес религиозно-мифологическому истолкованию истории. Однако в XIX в. «географический детерминизм» утрачивает свои прогрессивные черты и вырождается в политику борьбы за «жизненное пространство», в политику колониальных захватов. Все эти «идеи» позднее были усвоены и ассимилированы фашизмом.

Особое «внимание» фашистские идеологи оказывали Ф. Ницше (1844 – 1900). Фашисты беспрестанно ссылались на Ницше, объявляли его предтечей фашистской «философии». Так, А. Боймлер, официальный философ гитлеровского режима, прославлял Ницше за «борьбу против знания», за «атаку на картезианство». По Боймлеру, Ф. Ницше – первый философ реализма, «самобытного» реализма, в основе которого лежит господство инстинктов и концепция сверхчеловека, придающего смысл Жизни и т. д. и т. п.¹⁵⁴.

Тем не менее, что касается марксистов, то они, разумеется, далеки от прямолинейности в трактовке темы «Ницше и фашисты». Как пишет С.Ф. Одуев, «теоретическое наследие Ницше принадлежит буржуазной немецкой философии, а не только фашизму, под флагом которого справляли свой кровавый триумф наиболее агрессивные и реакционные круги германского империализма... У нас нет претензии на это наследство, и мы должны предъявить ницшеанству свой счет за ту его роль, которую объективно оно сыграло и в фашистском рейхе»¹⁵⁵.

Чем привлекал фашистов Ф. Ницше? Философия Ф. Ницше сложилась в 70 – 80-е годы XIX столетия, когда появились первые признаки упадка старого, основывавшегося на принципе свободной конкуренции капитализма. В конце XIX в. монополизация капитала уже потребовала выхода за узкие рамки национального рынка. Крупнейшие капиталистические державы – Англия, Германия, Франция, Италия и США вступили в конкурентную борьбу за мировое господство и передел мира. Переход к монополистическому капитализму неизбежно сопровождался кризисом буржуазной демократии, ее отрицанием, переходом к насильственным террористическим методам социального и политического управления.

Отказ от демократических прогрессивных тенденций в высшей степени был присущ и идеологии империализма. Идеологи империалистической буржуазии открыто повернулись к реакции, заимствуя соответствующие элементы из прежних реакционных течений, формируя новые.

Именно в условиях зарождающегося империализма и лежат корни ницшеанской апологетики насилия, антидемократизма и антигуманизма, считает, в частности, советский ученый А.С. Богомолов. «С редкой откровенностью, в блестящей литературной форме он (Ницше) излагает глубоко реакционные концепции, предвосхитившие не только идеологию, но и практику монополистического капитализма, отражающие не только наличные, но еще только нарождающиеся противоречия капиталистического общества, – пишет А.С. Богомолов. – Необычайно противоречиво по своему содержанию... учение Ницше столь же необычайно целеустремленно, полностью подчиняясь логике классовой борьбы – борьбы умирающего класса капиталистов против будущего,

социализма и коммунизма»¹⁵⁶. Эта оценка, с современной точки зрения, слишком однозначная, жесткая и упрощенная. Но, тем не менее, Ницше давал повод и для такой оценки и для использования своих идей фашистскими «теоретиками».

Ницше призвал к «великому разрыву» с прошлым. По Ницше, только в момент «великого разрыва» происходит рождение свободного духа: «Великий разрыв происходит внезапно, как подземный толчок: юная душа сразу сотрясается, отрывается, вырывается – она сама не понимает, что с ней происходит. Её влечет и гонит что-то, точно приказание; в ней просыпается желание и стремление уйти, все равно куда, во что то бы то ни стало;.. Внезапный ужас и подозрение против того, что она любила, молния презрения к тому, что звалось её «обязанностью», бунтующий, произвольный, вулканически пробивающийся порыв к странствию» (Ницше. Соч. в 2-х томах, т. 1, стр. 234).

Ницше настойчиво требовал выработки «сверхчеловека» – высшего типа человека. Только сильные люди, проявляющие себя в том, что они имеют волю к власти и властвуют, требуя подчинения, составляют, по мнению Ницше, счастье и надежду человечества. Охваченный «волей к власти» «сверхчеловек» отвергает проблему истины и лжи как совершенно бессмысленную. По Ницше, культ истины в познании, подобно культу добра в морали, придумала толпа, враждебная сверхчеловеку, стремящаяся только выжить. Сверхчеловек, стремящийся к власти, не ставит вопроса о соответствии или несоответствии знания действительности; для него познание – это «воля к власти»¹⁵⁷. Познание полезно человеку прежде всего биологически, поскольку повышает уровень его воли. Сверхчеловеку нужна не истина вообще, а исключительно лишь полезная ему истина, или, говоря еще точнее, лишь все, что ему полезно, будь то истина, полужистина или ложь¹⁵⁸.

Идеалом общественного устройства Ф. Ницше провозглашал жестко-иерархический сословно-кастовый строй. Только в этом случае, по его мнению, может быть обеспечено и гарантировано существование и господство «высших» людей. С особой ненавистью Ф. Ницше говорил о «рабах демократического вкуса», стремящихся утвердить равенство всех перед законом, о всех тех, которые, по его мнению, являются сторонниками социализма. Его больше всего возмущает то, что социалисты провозглашают возмож-

ность для всех жить свободной, обеспеченной жизнью; в этом видит он «отрицание воли к жизни», ибо, согласно законам Жизни, утверждал Ф. Ницше, люди делятся на повелевающих и повинующихся, на господ и рабов, на эксплуататоров и эксплуатируемых. Философ был открытым врагом рабочего класса, рабочего движения. Он открыто провозглашал право эксплуатации, заявляя, что оно является сущностью самой жизни, следствием настоящей воли к власти. Для достижения и осуществления власти сильным позволено все; сильные должны считаться только с сильными, по отношению к слабым не может быть никаких моральных и нравственных норм.

Ницше призывал «высших» не забывать о своих привилегиях, о своем призвании быть господами земли и твердо помнить о том, что вся цивилизация и весь труд «низших» людей предназначен для наслаждения «высших». «Высшие» могут и должны защищать свое господство всеми средствами, опираться на самую жестокую диктатуру и тиранию. Ведь массы – это стадо, нуждающееся в железной воле, они готовы подчиняться какому угодно рабству, если только будут чувствовать, что лица, стоящие над ними, обладают «высшей формой» и тем самым доказывают свое превосходство и право повелевать другими.

Ф. Ницше дал «высшим» принципы моральной идеологии, которым они должны следовать, чтобы отстоять свое господство и удерживать массы в повиновении. «Господа земли» должны составлять сплоченный, замкнутый коллектив. Среди равных себе они должны строго придерживаться определенных обычаев, традиций и обнаруживать высокие человеческие качества: верность, долг, честь, любовь, дружбу, великодушие. Но вне своего круга они освобождаются от всяких социальных и моральных уз. По отношению к другим человеческим индивидуумам они должны быть подобны хищным зверям.

Будьте тверды!.. – такова основная заповедь, с которой Ф. Ницше обращается к «высшим». Пусть ваши сердца не знают сострадания к поработанным вами людям, пусть не дрогнут они при виде мук и ужасов эксплуатации, на которые обречены «низшие» вашим господством. Отбросьте угрызения совести, добродетель и осторожность, не стыдитесь своей жестокости.

В трудах Ф. Ницше, бесспорно, можно обнаружить и прославление войны. «Отказываешься от великой жизни, – утверждал он, – если отказываешься от войны». И далее: «Человечество нуждается не только в войнах вообще, но в величайших, ужасающих войнах, следовательно, и во временных возвратах к состоянию варварства. Лишь война делает людей естественными, она волнует и разжигает кровь, пробуждает в людях новые силы к творчеству. Поэтому только война может излечить и спасти человечество»¹⁵⁹.

Фашистам не составляло большого труда использовать идеи Ф. Ницше для обоснования своей человеконенавистнической идеологии. Хотя, следует отметить, что Ф. Ницше отнюдь не считал именно немецкого обывателя будущим властелином мира. Напротив, он неоднократно заявлял, что немцы «пошлы», что Германия портит культуру, как только она с ней соприкасается. Философ не был антисемитом, не восхищался пруссачеством. Тем не менее пафос его мировоззрения, его критика цивилизации, разума, науки, отрицание демократии, морали, его апологетика инстинкта, воли к власти, насилия – все это широко использовалось фашистами для обоснования и оправдания своей идеологии.

Фашистские главари сами не раз признавали «великие заслуги» Ницше в идейной подготовке фашизма. «Идеолог» немецкого фашизма А. Розенберг, да и сам Гитлер, высоко оценивали Ницше за его нападки на «материалистическую чуму», за его борьбу против «безумия масс». Муссолини в 1908 г. даже написал большое эссе о Ф. Ницше «Философия силы», в котором утверждал, что Ф. Ницше – самый гениальный мыслитель XIX века, что «сверхчеловек – это великолепный символ, имеющий огромное значение для формирования европейского сознания» и т. д. и т. п. Фашистские идеологи (Клагес, Боймлер и др.) в полной мере разделяли все эти оценки и на их фундаменте формировали идеологию фашизма.

Да, фашисты передергивали, искажали, фальсифицировали взгляды Ф. Ницше. Но вопрос в том, почему им это удалось? Было немало великих немцев, наследие которых фашисты пытались эксплуатировать, но ведь ничьи идеи они не смогли в такой мере интерпретировать, в такой мере превратить их в «краеугольные камни» своей идеологии, как идеи Ницше. Я думаю: иррационализм, бегство мысли в агностицизм, апология инстинкта, недоверие к интеллекту, «обвальный» призыв к переоценке цен-

ностей, отрицание морали, сострадания к слабым, возвращение к мифу, проповедь «воли к власти», «сверхчеловека» и т. п. могут быть использованы в реакционных целях (даже вопреки намерениям самого автора подобных философских построений), и в этом смысле мыслитель, исповедующий эти идеи, безусловно, «виновен», безусловно, несет ответственность, историческую ответственность за то, что они, эти идеи, были и могут быть использованы реакционерами.

И все же наше время требует разъяснения и переоценки многих идей Ф. Ницше, да и всего его наследия.

Автор предисловия к двухтомному собранию сочинений Ф. Ницше, вышедших в СССР, К.А. Свасьян призывает раз и навсегда избавиться от псевдо-Ницше, «состряпанного» псевдоправедниками. Говорят: Ницше – это «толкни слабого» и значит ату его!

Но о каком это «слабом» идет речь? Вот что пишет Ф. Ницше в «По ту сторону добра и зла», афоризм 225: «Воспитание страдания, великого страдания – разве Вы не знаете, что только это воспитание во всем возвышало до сих пор человека?.. В человеке тварь и творец соединены воедино: в человеке есть материал, обломок, избыток, глина, грязь, бессмыслица, хаос; но в человеке есть и творец, ваятель, твердость молота, божественный зритель и седьмой день – понимаете ли вы это противоречие? И понимаете ли вы, что ваше сострадание относится к «твари в человеке», к тому, что должно быть сформовано, сломано, выковано, разорвано, обожжено, закалено, очищено, – к тому, что страдает по необходимости и должно страдать? А наше сострадание – разве вы не понимаете, к кому относится наше обратное сострадание, когда оно защищается от вашего сострадания, как от самой худшей изнеженности и слабости?»

Философия Ф. Ницше, пишет К.А. Свасьян, – это уникальный и всей жизнью осуществленный эксперимент саморазрушения «твари» в человеке для самосозидания в нем «творца», названного «сверхчеловеком». Нужно было выпутываться из тягчайшей антиномии: мораль или свобода, предположив, что традиционная мораль, извне предписывающая человеку целую систему запретов и декретов, могла опираться только на презумпцию несвободы. Выбор был сделан в пользу свободы – скажем так: свобода от морали, но и свобода для морали, где мораль изживалась бы уже не ко-

мандными методами общезначимых императивов, а как моральная фантазия свободного индивидуума. Этого последнего шага не сделал Ницше, но все, что он сделал и не могло уже быть ничем иным, как подведением к этому шагу. «Мы должны были освободиться от морали...» – вот что было в нем услышано. И вот что не услышано – продолжение: «...чтобы суметь морально жить».

Лейтмотив философии Ф. Ницше, продолжает К.А. Свасьян, – «стань тем, кто ты есть»; пробуждение личной воли (и, значит, внутренней свободы) сопровождается у него растущим умением говорить «нет» всему общеобязательному и общезначимому и уже постольку не – индивидуальному... в сущности, речь идет о некоем аналоге коперниканской парадигмы: Я, вращавшееся прежде вокруг объективного мира ценностей (моральных, религиозных, научных, каких угодно) отказывается впредь быть периферией этого центра и хочет само стать центром, самолично определяющим себе меру и качество собственной ценностной галактики. Дело еще в том, считает К.А. Свасьян, что Ницше, несравненный артист языка, находивший слова, «разрывающие сердце Богу», и – коварный парадокс! – почти никогда не находивший слов, смогших бы раз и навсегда пресечь лавину будущих кривотолков в связи с собственным добрым именем и глубочайшими интенциями своего учения.

В рассуждениях К.А. Свасьяна, бесспорно, есть истина, есть правда. Тем не менее, в творчестве Ф. Ницше содержится много спорного, много неприемлемого. Но, безусловно, ясно: фашисты искажали наследие Ф. Ницше. Ницше никогда не был националистом, напротив, часто был критиком немцев. Вот что он говорит о немцах: «Немцы лишили Европу последнего великого урожая культуры – урожая Ренессанса. Ренессанс был великой переоценкой христианских ценностей, попыткой присудить победу... ценностям аристократическим... Победила бы Жизнь, Великое Да, обращенное ко всему новому, прекрасному, дерзновенному!..» Но Лютер, выразитель плебейского духа массы, восстановил церковь, лишил Ренессанс смысла. «Ах, эти немцы, во что они нам встали? Любое «напрасно» – дело рук немцев... Реформация, Лейбниц, Кант и так называемая немецкая философия; ...признаюсь: они мои враги, эти немцы; презираю в них нечистоплотность понятий и ценностей, презираю их боязнь прямого и честного Да и Нет. За тысячу лет

они все залапали и свалили, чего не касались; любая половинчатость, любая трех четвертность, все недуги Европы – все на их совести...»

Ф. Ницше – основоположник тоталитаризма? Тоже нет. Вот что Ницше пишет о государстве: новый кумир. Государством зовется самое холодное из всех чудовищ. Холодно лжет оно; и вот какая ложь выползает из губ его: «Я, государство, я – это народ».

Там, где еще существует народ, настоящий народ, он не понимает государства и ненавидит его как дурной глаз и посягательство на исконные права и обычаи.

Государство лжет на всех языках добра и зла; и в речах своих оно лживо, и все, что имеет оно, – украдено им. Фальшь у него во всем... Оно всех подавляет, всех запугивает. Трон власти! Часто грязь восседает на троне – и трон нередко стоит в грязи! Только там, где кончается государство, начинается человек... – подчеркивает Ф. Ницше.

Истина доказывается кровью? Нет, пишет Ницше, «кровь – наихудшее свидетельство истины, ибо отравляет она самое чистое учение, превращает его в заблуждение и ненависть сердца».

И вот, что говорит Ницше о славянах: «Одаренность славян казалась мне более высокой, чем одаренность немцев, я даже думал, что немцы вошли в ряд одаренных наций лишь благодаря сильной примеси славянской крови». И далее: «Мы нуждаемся в безусловном сближении с Россией... Сражение немецкой и славянской расы».

Еще один сюжет по поводу национализма и расизма. «Торговля и промышленность, общение через письма и книги, общность всей высокой культуры, быстрая перемена дома и местности, теперешняя кочевая жизнь всех – землевладельцев – все эти условия неизбежно ведут за собой ослабление и в конце концов уничтожение наций, по крайней мере европейских; так что из всех них, в результате непрерывных скрещиваний, должна возникнуть смешанная раса – раса европейского человека.

Этой цели сознательно или бессознательно противодействует теперь обоснование наций через возбуждение национальной вражды, но все же смешение медленно подвигается вперед, несмотря на временные обратные течения; этот искусственный национализм, впрочем, столь же опасен, как был опасен искусственный католи-

цизм, ибо он, по существу, есть насильственное чрезвычайное и осадное положение, которое немногие устанавливают над многими, и нуждается в хитрости, лжи и насилии, чтобы сохранить свою репутацию. Не интерес многих (народов), как обыкновенно говорится, а прежде всего интерес правящих династий, далее – определенных классов торговли и общества влечет к национализму; кто раз постиг это, тот должен безбоязненно выдавать себя за доброго европейца и активно содействовать слиянию наций».

Так говорил, так писал подлинный Ф. Ницше.

В своих идеологических построениях фашисты широко использовали также идеи О. Шпенглера (1880 – 1936), разумеется, как и в случае с идеями Ф. Ницше, в урезанном, искаженном, фальсифицированном виде. Фашистским идеологам импонировали нападки О. Шпенглера на разум и рационализм, на демократию и марксистский социализм, им нравилось его воспевание милитаризма и войны, его аристократизм и расизм, его псевдореволюционный нигилизм.

В книге «Годы решений» О. Шпенглер решительно отвергает рационализм. Рационализм – это надменность городского, оторванного от корней духа, которым не руководит более сильные инстинкты, который презирает полнокровные мышления прошлого и мудрость крестьянских поколений. Рационализм страшится действительности, душевно туп, потому что его носительница – лишенная корней городская интеллигенция. Плоский оптимизм филистеров от образования, не понимая сущности фактов истории и не переживая их, вставляет их в свои системы, далекие от действительности. Рационализм в принципе есть критика, а критика есть противоположность творчества; она только разлагает и составляет; созидание ей чуждо. Продукт рационализма – искусственный, безжизненный. К рационализму в равной степени относятся как гуманизм, так и материализм, как Кант, так и Гегель, утверждает О. Шпенглер.

Но историческая судьба человечества зависит от других сил. История человечества – это история войн. Идеалисты и материалисты со своими утопиями – социальные романтики. Они тяготеют к массе, надеясь в ней избавиться от своих слабостей, умножить себя. И это они называют преодолением индивидуализма! – саркастически восклицает Шпенглер.

Все эти либерализм, пацифизм, коммунизм – проявления слабости городской интеллигенции, не понимающей значения традиции. Все они буржуазны и плебейски в худшем смысле этих слов.

Любой вид величия, все, что возвышается, превосходит, господствует, этим сентиментальным теориям ненавистно. Народ для интеллигенции всего лишь бесформенная масса, которую каждый находит себе равной, от «пролетариата» до «человечества». На самом деле народ – это историческая нация, сформированная судьбой в течение долгого времени. Нация едина, она не знает никаких классов.

На смену рационализму приходит истинно историческое мышление, которое учит уважать факты истории, описывает их, а «не объясняет», не втискивает в некую понятийную схематическую систему.

Но понять историю могут только люди сильной расы, ощущающие, что значит опасность. Жизнь в мире, в счастье, вне опасности скучна, она для стариков. Да и нет такой жизни, это иллюзия. Жизнь в опасности – действительная историческая жизнь. Человек – хищник. Все великие хищники – благородные создания, отвергающие лживую, слабую человеческую мораль. Да и о морали говорят те же хищники, только со сломанными зубами. Движущей силой истории всегда были и будут воля сильных, воля к владению и к власти, здоровый инстинкт, раса; мечты же о мире, счастье и справедливости всегда будут бездейственными, утверждает Шпенглер.

Сегодня нет места для мягких душ и слабых идеалов. Глубокому взгляду на мир не нужны слезы. На месте плачущих улучшателей мира должны сегодня прийти цезари.

Переходя к конкретным обстоятельствам жизни Германии, О. Шпенглер резко осудил Ноябрьскую революцию 1918 г.: «предательство низшей частью нашего народа его сильной, воскресшей в 1914 году, которая могла обеспечить будущее германии», и Веймарской республики, «укрепившейся на нашем горе с помощью наших врагов, чтобы сделать невозможным будущее Германии».

Демократия, выборы всегда приводят на анансцену социальной жизни неполноценных. С точки зрения демократии аристократизм, превосходство, вкус, любой внутренний ранг, манеры – преступ-

ление; национальная идея, государственное величие, семья, религия, нравственность, – старомодны и реакционны. Философ взывает: нам в Германии сегодня необходимо возродить пруссачество, которое двигало нас вперед с 1870 г. по 1914 г. и которое всегда присутствует в нашей душе как постоянная возможность. Ее нужно пробудить и это можно сделать посредством жизненного примера и моральной самодисциплины руководящего слоя. Нордическое мироощущение, характерное для древнего крестьянства, просыпается в немецком народе; снова просыпается сейчас, когда культура умирает и начинается цивилизация, несущая в себе здоровую воинственную радость, непрерывающийся инстинкт арийской расы. Это трагическое чувство расцветает всегда в самые тяжелые моменты человеческой судьбы. Оно показало себя в первую мировую войну. Покажет и сейчас.

Стремясь дискредитировать идеи марксистского социализма, О. Шпенглер использовал националистические лозунги, раздувал национальные особенности и различия в международном движении пролетариата. «Счастье всех людей – бессмысленная идея», – нападает он на марксистский социализм. «Мировое гражданство – жалкая формула».

Принадлежность к определенной национальной общности является, по О. Шпенглеру, необходимым условием, при котором жизнь приобретает «смысл и глубину». Чем полнее ощущение национальной ограниченности, тем большее значение и ценность приобретает «жизнь». Социализм так же национален, как искусство, математика и философия. «В каждой стране свой социализм. Рабочих движений существует столько же, сколько имеется сегодня отдельно живущих рас»¹⁶⁰. Они, утверждает О. Шпенглер, относятся друг к другу с такой же ненавистью, как и соответствующие народы. Доказательство этому он видит в том, что в первую мировую войну против Германии вместе с буржуазией якобы выступал и пролетариат всех стран Антанты.

О. Шпенглер здесь фальсифицирует факты. Он отождествляет с рабочим классом лидеров социал-демократии, которые своей поддержкой буржуазных правительств действительно предали интересы как трудящихся собственной страны, так и международного пролетариата. О. Шпенглер еще больше фальсифицирует суть социализма, когда заявляет, что подлинный социализм совпадает

с «пруссачеством»¹⁶¹; пруссачество, сегодняшний прусский социализм берет начало у германских рыцарских орденов, которые охраняли границы фаустовской культуры от Азии. Прусский социализм – это этическая установка, она яростно проявилась в 1914 году, – особенно в стойкости немецкой армии, – но в 1918 году была предана партиями. Партии породили «пролетариат», привилегированное сословие, претендующее только на права, но не имеющее никаких обязанностей. Если он победит, общество погибнет. В этой связи О. Шпенглер вновь ожесточенно нападает на марксизм, который мешает развитию подлинного, прусского социализма, стремясь одну часть немецкого народа якобы искусственно противопоставить другой. И хотя О. Шпенглер уверяет, что никакого рабочего класса в действительности не существует, что есть только одно целое – нация, народ, тем не менее его истинное убеждение состоит в том, что первым и настоящим сословием в народе является аристократия.

Для подтверждения своего тезиса о разделении общества на творческую элиту и массу О. Шпенглер ссылается на «цивилизацию», технический и научный прогресс. В книге «Человек и техника» он пишет, что техника разделила людей на две части. С одной стороны, на заводах, фабриках, шахтах «собирается человеческая масса гигантских размеров, которая пасется машинной техникой, для нее работает и живет». С другой стороны, «массам противостоит и массой руководит элита – небольшое число творческих голов, организаторов, открывателей, пионеров». И, разумеется, Шпенглер на стороне тех, кто принадлежит к элите, на стороне сильного, свободного человека, не признающего стадного «мы»¹⁶².

Все же О. Шпенглер советует правящим классам, элите считаться с трудящимися, этим «придающим себе значение» сословием. Он увещевает господствующие круги «освободиться» от классового эгоизма, предостерегает их не выступать открыто против демократии, поскольку демократия – это «политическая форма нашей эпохи, признаем мы это или нет». Если «высшее» сословие не хочет погибнуть, оно должно «сознательно» встать на сторону «социализма», разумеется, социализма прусского, ибо существует только он.

Шпенглер был, пожалуй, первым из противников социализма, который взял на вооружение псевдосоциалистическую фразеологию. Защищая немецкий капитализм, он уверял трудящихся, что это как раз тот «социализм», какой им нужен. О. Шпенглер надеялся, что правящий класс с помощью «авторитарного социализма» сумеет спастись от революций, от «деспотии» масс.

Фашизм, национал-социализм – свидетельство того, что национальное движение возрождается. Фашистский цезаризм спасет Германию, воспитает ее в воинственном прусском духе, заявляет О. Шпенглер.

Многие из «идей» О. Шпенглера фашисты почти без изменения включили в свою идеологию. Конечно, у фашистов существовали определенные разногласия с ним (в частности, у Гитлера была стычка с философом в связи с неприятием последним фашистского антисемитизма). Тем не менее совершенно очевидно: генезис некоторых «краеугольных» фашистских идей во многом идет от идей О. Шпенглера. Фашисты восприняли от философа отказ от разума, отрицание причинных связей и законов¹⁶³, подмену их мистическим учением о «душе», которой якобы наделена каждая культура, каждая «раса», о непреодолимости «судьбы» и т. п. О. Шпенглер пришелся по вкусу фашистам потому, что проповедовал общественное неравенство, деление на избранных, «имеющих врожденное право повелевать», и подчиненных, «дистанцию ранга» и т. п. Они восприняли его ненависть к революционному рабочему движению, к марксизму и интернационализму («никакой речи о мировом гражданстве»), его проповедь особого национального «прусского социализма». Фашистам импонировали рассуждения философа о войне как «вечной форме высшего человеческого бытия», его требование обуздать рабочих, его апелляция к «воинственности» «северной расы» – избранной расы, якобы создавшей и единственно способной защитить западную культуру¹⁶⁴.

Большое воздействие на формирование принципов фашистской идеологии оказали также взгляды Г. Лебона, В. Парето, Г. Моски и других «основоположников» теории элиты, т. е. господства избранного меньшинства над подчиненным большинством. Особенно сильное влияние на фашистских идеологов оказал французский философ и социолог Г. Лебон, которым, как это признают они сами, зачитывались Гитлер и Муссолини. Г. Лебон исходил

из принципа, что всякое общество неизбежно делится от природы на «высших» и «низших» людей. Это природное неравенство составляет «известную долю тех несправедливостей, которых так много в природе и которым волей-неволей человек должен подчиняться»¹⁶⁵. Народ с точки зрения умственного развития, говорит Г. Лебон, можно рассматривать как здание вроде пирамиды с уступами, большая часть которых образуется широкими массами населения, «низшими» людьми, лишенными развитых интеллектуальных способностей, не умеющих мыслить и рассуждать. Из этого вытекает их «большая доверчивость и полное отсутствие критического духа», их отличительная особенность – склонность к подражанию, а единственным руководителем для них является, по выражению Г. Лебона, «инстинкт момента»¹⁶⁶.

Верхние уступы пирамиды – это немногочисленная верхушка, «аристократы духа», которые составляют одну из главных основ цивилизации, именно они строят ее «здание».

По всем этим причинам, вещает Г. Лебон, всякое равенство – это только химера. Оно лишь слепая надежда обыкновенных посредственностей. Больше того, утверждает Г. Лебон, неравенство между индивидуумами, между «высшими» и «низшими» слоями по мере развития цивилизации все более и более углубляется. Условия современной промышленной эволюции обрекают «низшие» слои народов на весьма специализированный труд, который приводит к «понижению» их умственного уровня. Сто лет тому назад, отмечает Г. Лебон, рабочий был истинным виртуозом, способным выполнить все подробности какого-нибудь механизма. В начале XX в. он выполняет лишь одну какую-либо функцию механизма. Мало-помалу ум его совершенно атрофируется. Напротив, промышленник или инженер, «подталкиваемый открытиями и конкуренцией», вынужден, по Г. Лебону, накапливать в себе несравненно больше познаний, духа инициативы и изобретательности, чем тот же промышленник и тот же инженер сто лет тому назад. Как видим, Г. Лебон уловил объективные тенденции развития капиталистического промышленного производства, которое низводит работника до простого придатка к машине. Однако он, предвосхищая аргументацию современных буржуазных идеологов, пытается связать упадок, деградацию капиталистического общества непосредственно с научно-техническим прогрессом,

способствующим, по его мнению, становлению «одномерного, массового человека».

Лебон не останавливается на признании неравенства между «верхними» и «нижними» слоями народа. Он утверждает, что и между народами ни о каком равенстве не может быть и речи. Первобытные и «низшие» расы, так же как и «низшие» слои отдельного народа, характеризуются утратой способности к рассуждению, сравнению и ассоциированию идей. В своих действиях они руководствуются иррациональными побуждениями, первыми впечатлениями и инстинктом подражания, причем, как и в случае с отдельным народом, прогрессирующие цивилизации еще больше увеличивают пропасть неравенства между расами и народами.

Основной закон, который определяет отношения между народами, утверждает Г. Лебон, – это закон силы, закон грубой борьбы. «Никакой народ, – пишет он, – не должен в настоящее время забывать, что границы его прав точно определены силами, имеющимися у него для их защиты... Право и справедливость никогда не играли никакой роли, как только дело шло об отношениях между народами неравной силы. Быть победителем или побежденным, охотником или добычей – таков всегда был закон»¹⁶⁷.

Стремясь дискредитировать революционную борьбу масс, Г. Лебон любое массовое движение квалифицирует как якобы иррациональное и патологическое. Он утверждает, что масса всегда характеризуется исчезновением сознательности личности и ориентацией чувств и идей в одном направлении. В толпе индивид якобы менее склонен обуздывать свои инстинкты, потому что толпа анонимна и якобы не несет на себе ответственности. Становясь частицей толпы, человек опускается на несколько этажей по лестнице цивилизации. В изолированном положении он может быть культурным человеком, в толпе же – это варвар, т. е. существо инстинктивное.

Поскольку человеку толпы, по Г. Лебону, всегда нужно верование для управления своей жизнью, постольку во избежание всяких усилий, сопряженных с размышлениями, все убеждения масс принимают характер «слепого подчинения, свирепой нетерпимости, потребности в самой неистовой пропаганде, которые присущи религиозному чувству...». Неспособная к самостоятельным действиям, предоставленная сама себе, толпа инстинктивно стремится

ся к рабству, всегда жаждет повиноваться, силе она подчиняется безропотно»¹⁶⁸.

Исходя из этих «свойств», якобы присущих массе, Г. Лебон, по сути дела, формулирует для правящего класса принципы управления массой, рекомендует методы и приемы воздействия на толпу. На толпу, заверяет он, можно воздействовать непосредственно словом. Самой главной обязанностью политиков, считает Г. Лебон, должно быть «переименование и наименование популярными или же нейтральными названиями тех вещей, которых толпа уже не выносит более под их прежними именами»¹⁶⁹.

Причем основными аргументами, обращенными к толпе, должны быть утверждения, преувеличения, повторения, но никогда не доказательства в форме рассуждений. Частые, простые утверждения без обоснования и доказательств являются, по мнению Г. Лебона, более надежным средством вливать в массовую душу нужные идеи. Чем определеннее утверждение, чем свободнее оно от доказательств и доводов, тем больше оно пробуждает благоговение. Утверждение имеет действительное влияние только тогда, когда оно постоянно повторяется и по возможности в тех же самых выражениях. Если утверждение достаточно часто и одним и тем же голосом повторяется, то в результате образуется механизм внушения, заразы.

Лучше всего управлять толпой, продолжает Г. Лебон, воздействуя на ее чувства, на ее воображение. Поэтому все идеи нужно облекать в форму образов, ибо в этом случае идея проникает в область бессознательного и становится чувством, которое, как известно, является главным стимулом поведения масс. Масса поклоняется даже заблуждению, если оно ей нравится. Тот, кто умеет вводить толпу в подобного вида заблуждения, легко становится ее повелителем. И, наоборот, тот, кто пытается освободить толпу от заблуждения, кто хочет ее образумить, тот всегда бывает ее жертвой¹⁷⁰. Толпа легко подчиняется лишь тому вожаку, который дает ей веру, все равно какую, ибо ощущение веры придает массе силы. Поэтому, вещает Лебон, тип героя, дорогого сердцу толпы, всегда будет напоминать Цезаря, шлем которого прельщает толпу, власть внушает ей уважение, а меч заставляет бояться¹⁷¹.

Лебон чувствовал объективную тенденцию общественного развития и понимал, какую опасность для буржуазии несет в себе рабочее движение. И поэтому выразил это в форме, типичной для буржуазного идеолога: «...в настоящее время массы по своей организации и порядку стремятся стать всемогущими. Так как их ненависть к умственному превосходству очевидна, то весьма вероятно, что вся умственная аристократия предназначена к насильственному истреблению ее массами путем периодических революций... Когда социализм поработит какую-нибудь страну, то единственным его шансом для существования будет уничтожение всех до последнего индивидуумов, обладающих умственным превосходством¹⁷². А если так, то против социализма, против масс, против пролетариата необходимо постоянно и всеми средствами бороться, не останавливаясь перед крайностями, и прежде всего использовать против них изощренную тактику духовного подавления. Таковы «рецепты» «убеждения» масс Г. Лебона, хорошо усвоенные фашистскими заправилами.

Фашистские идеологи для обоснования своих «идей» опирались и на «выводы» таких видных приверженцев теории «элит», как В. Парето и Г. Моска¹⁷³. Как известно, эти ученые и другие критики «массового общества» отвергали принципы Великой Французской революции, противопоставляли им «реальность естественных законов природы», предполагающих неравенство людей. В этой связи с особым ожесточением они нападали на марксистскую теорию классовой борьбы, доказывали, что социальную эволюцию определяет избранное меньшинство – элита. Именно борьба элит, по их мнению, определяет ось социальной истории; масса же не в состоянии управлять сама собой и нуждается в руководстве; она не более как инструмент в руках элит.

На формирование фашистских идей, особенно на формирование взглядов Муссолини (это он сам признает), оказала большое воздействие и философия прагматизма, в первую очередь в трактовке У. Джемса. Разумеется, фашистские интерпретации философии Джемса нельзя смешивать с самой этой философией. У. Джемс, как известно, воспевал радикальный эмпиризм. Он отвергал всеобъемлющую единую теорию общественного развития, объективную детерминированность истории. Нельзя, утверждал он, охватить мир, все его разнообразные во времени и пространстве связи с

одной, единственной точки зрения, невозможно все противоречивые стороны человеческой жизни свести к одной универсальной системе абстрактных понятий. Джемс полностью растворяет объективную реальность в опыте субъекта, в потоке его сознания, чувствований, эмоций, переживаний. Именно субъект усилием своей воли создает и организует реальность. В сущности, примат воли, действия – основополагающий принцип прагматизма. Мир таков, каким его создают, понимают субъекты, истинно все то, что полезно, что ведет субъекта к успеху¹⁷⁴.

Именно волюнтаризм, пронизывающий всю философию прагматизма, привлек к этому учению фашистских идеологов, которые, подвергнув предварительно тенденциозной переинтерпретации те или иные положения приверженцев прагматизма, затем использовали их для обоснования собственного волюнтаристского активизма.

Фашистские идеологи указывали также, что на генезис их идей большое влияние оказали взгляды Ж. Сореля.

Во всяком случае Муссолини любил подчеркивать свою связь с Сорелем¹⁷⁵. Что касается самого Сореля, то он также отмечал, что гордится тем, что смог оказать влияние на Муссолини¹⁷⁶.

Идеи Ж. Сореля отличались исключительной противоречивостью, эклектицизмом. Активизм, прямое действие, насилие во имя великой цели, не знающее при этом никаких моральных преград, – все это делало идеи Ж. Сореля привлекательными для всех, кто стремился и стремится к быстрым и радикальным средствам борьбы. Поэтому на его идеи опирались как крайне правые, так и левацкие элементы. Он оказал огромное влияние на формирование анархо-синдикалистской идеологии, особенно в романских странах; его «размышления о насилии» сыграли свою немалую роль и в процессе генезиса фашизма (прежде всего в романских странах).

Бесспорно, мысли самого Ж. Сореля развивались, прежде всего, в направлении своеобразной активизации классовой борьбы пролетариата. Вовсе необязательно, доказывал автор, ждать, пока переворот в производительных силах, в экономическом базисе производства повлечет за собой соответствующие изменения в надстройке, в идеологической, духовной сферах. Новая пролетарская мораль и идеология могут развиваться уже в недрах капитализма,

внутри профсоюзов, этих чисто пролетарских классовых органов. На базе профсоюзов сформируется новое общество, которое заменит существующее капиталистическое. Кульминационный пункт борьбы профсоюзов – всеобщая стачка, перерастающая в революцию. Причем понятие «всеобщая стачка» было лишено у Ж. Сореля какого-либо реального смысла, призывом к всеобщей стачке следовало, по мысли Сореля, просто привести в движение пролетарскую массу, пробудить ее к прямым действиям.

В этой связи Ж. Сорель требовал освободить марксизм от его рациональности, если он еще хочет найти доступ к массам. Массы действуют инстинктивно, их возбуждают и направляют иррациональные мифы. Причем эти мифы вовсе не должны быть истинными, они скорее спонтанная форма коллективного сознания, выражающая и высвобождающая первооснову жизни.

Понятно, что из этого вытекало и отрицание Ж. Сорелем необходимости для пролетариата создать свою собственную политическую партию. Профсоюз – организация производителей и этим он принципиально отличается от партии, которая является искусственной группировкой, собирающей вокруг определенных принципов людей с противоположными материальными интересами.

Ж. Сорель, по существу, разрывал и противопоставлял друг другу борьбу за социализм и борьбу за демократию. Он полагал, что участие рабочих в демократическом движении затуманивает, тормозит развитие классового сознания трудящихся. Ж. Сорель отрицает демократию и как принцип построения пролетарских организаций: он считает, что решения должны приниматься не большинством, а наиболее энергичным меньшинством.

Но что во взглядах Ж. Сореля могло привлечь и привлекло фашистов? Прежде всего волюнтаризм, воспевание насилия. Фашисты восприняли сорелевское противопоставление, с одной стороны, буржуазных рациональности (*ratio*) и декаданса, а с другой стороны, иррационализма и насилия. Они использовали его миф о насилии как средстве «спасти все человечество от морального разложения». Поэтому, ничуть не смешивая Ж. Сореля с фашистскими идеологами, тем не менее подчеркиваем, что именно «примат воли», воспевание насилия, стихийный иррационализм прямых действий, нашедшие в его концепции наиболее яркое воплощение, – вот центральные идеи Ж. Сореля,

которые импонировали фашистам, к которым фашистские идеологи присоединились с большой охотой.

Одним из бесспорных предтеч фашизма был реакционный теоретик А.М. ван ден Брук. В 1923 г. он написал книгу «Третий рейх». Придя к власти, нацисты тотчас же приняли название «Третий рейх» для фашистской Германии. Автор ненавидел равенство, отвергал политические свободы, всеобщее избирательное право. Все это органически чуждо немецкому народу, утверждал он. У немцев «богатство власти и полнота жизни» заключаются не в этой «игре», а в «величии крови и духа», в любви немцев к порядку и послушанию.

«Немецкая сущность», твердил он, раскрывается навстречу словам приказа и определяется не «общественным договором», а «естественной» иерархической связью подданных государства и его фюрера. Именно фюрер определяет «органическое» развитие общества, а не какие-то «всеобщие выборы». Беда Германии именно в том, что она, подражая иноземным образцам, слишком долго играла в демократию и либерализм. А.М. ван ден Брук призывал немцев к консервативной революции (сам этот термин принадлежит именно ему), которая должна-де уничтожить все следы духовного и политического наследия буржуазно-демократических революций, и прежде всего Великой Французской революции 1789 г.

А.М. ван ден Брук решительно отвергал марксистское учение о классах и классовой борьбе. Он демагогически восклицал: центральной фигурой немецкого общества является отнюдь не буржуа, а рабочий. Освободительная борьба, которая предстоит немцам, заявил автор, должна вестись всем народом во главе с рабочим классом; это война, которую мы ведем не между собой, а против мировой буржуазии. Разумеется, рабочий, о котором говорил А.М. ван ден Брук,— это мифический рабочий, не являющийся реальным представителем рабочего класса. Этот «рабочий» представлял в духе Ницше и Шпенглера тип сверхчеловека, фаустовского человека, энергичного и властного, в котором воплощается немецкая сущность, «субстанция» немецкой расы и т. д. и т. п.¹⁷⁷ И если снять с этого образа «рабочего» туманную, романтическую маску, то со всей отчетливостью перед нами предстанет циничный капиталистический делец, денежный магнат, агрессивный бур-

жуазный политик, милитарист, для которого «работа» – это агрессия, война.

Разумеется, все эти демагогические манипуляции А.М. ван ден Брука были приняты фашистскими идеологами. Его идеи, прежде всего идеи «революционного консерватизма», органически вошли в идеологическую систему нацизма, превратились в ключевые лозунги нацистов. Не случайно Геббельс, оценивая книгу «Третий рейх», говорил в 1932 г.: «Я приветствую распространение этого, столь значительного для идейной истории НСДАП, труда»¹⁷⁸.

Большую роль в подготовке идеологии национал-социализма сыграл и Э. Юнгер¹⁷⁹, писатель и философ. Его «любимая» тема – кризис гуманизма в эпоху буржуазной технической цивилизации. Переключаясь с Ф. Ницше, Э. Юнгер воспекает «опасную» и «героическую» жизнь, прославляет войну как средство подлинного «самоосуществления». «Одно из средств подготовки к новой, проникнутой большей отвагой жизни, – писал Юнгер в 1932 году в своем эссе «Рабочий», – состоит в отвержении оценок освободившегося и ставшего самовластным духа, в разрушении той воспитательной работы, которую провела с человеком бюргерская эпоха... Лучший ответ на измену, которую дух совершает по отношению к жизни, – это измена духа по отношению к «духу», и участие в этой подрывной работе входит в число возвышенных и жестоких наслаждений нашего времени». (Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. СПб.: Наука, 2000, с. 97).

Э. Юнгер утверждал, что история подобна вулканическому кратеру: она не «происходит», а производит извержение. И тот, кто любит миг, не должен заботиться о своей безопасности. В опасные мгновения требуется «авантюрные сердца».

Фашистам импонировали его националистические и шовинистические призывы; он требовал «гарантировать немцам подобающее место в великом царстве будущего», утверждал это как цель, ради которой «стоит умереть и подавить любое сопротивление». Э. Юнгер дал нацистским идеологам многие идеологические и политические лозунги, уже названия его книг говорят сами за себя: «В стальных грезях» (1920), «Бой как внутреннее переживание» (1922), «Авантюрное сердце» (1929), «Тотальная мобилизация» (1931), «Рабочий. Господство и облик» (1932) и др. Фашисты особенно усердно апеллировали к данному Юнгером

образу грядущего человека – «рабочего-солдата», который, отбросив все, что характерно для «буржуазной индивидуальности», полностью отдал себя служению «великой идее целого»: государству, нации¹⁸⁰.

Приверженцы «консервативной революции» по сути дела подстрекали нацистов. Они упрекали их в недостаточном радикализме, в чрезмерном уповании (!) на легальные методы борьбы посредством избирательных бюллетеней. Надежда на парламентский путь прихода к власти – «ослиная глупость» (Э. Юнгер); тот, кто уклоняется от пробы сил, как это делает Гитлер (!), уже побежден (Э. Никиш) и т.д. и т.п.

Вместе с тем, они эйфорически приветствовали приход Гитлера к власти. Победа Гитлера, по мнению поборников «консервативной революции», означала крах упаднической либеральной эпохи, начало национального возрождения. Лишь постепенно они начали освобождаться от иллюзий и реально понимать, каких духов они вызвали к жизни. Одни из тех, кто подготовил 30 января 1933 года, сами пали жертвой нацистской диктатуры (Эдгар Юнг), другие, подобно Э.Юнгеру, ушли во внутреннюю эмиграцию.

Тем не менее, после разгрома фашизма Э. Юнгер, в сущности, выгораживал виновников фашистских злодеяний, поскольку причины второй мировой войны искал в «биологических глубинах самой жизни». Война, жестокость, по его мнению, – это «всечеловеческий грех», это следствие того, что общество, люди живут скорее по зоологическим законам¹⁸¹. Подобное перекалывание вины за гитлеровские агрессивные войны на «метафизические» обстоятельства, разумеется, полностью отвечало потребностям империалистических кругов – подлинных виновников фашистского варварства.

Бесспорную роль в формировании идеологии итальянского фашизма сыграл Д. Джентиле. Его доктрина сложилась еще до первой мировой войны. В ней, в сущности, звучат те же мотивы, что и в «Жизненном порыве» А. Бергсона, в «Мистике действия» Мориса Блонделя, в «Воле к власти» Ф. Ницше, т. е. прежде всего мотивы активности, воли к власти, признающей реальным только то, что служит для ее самоутверждения. Ядром философии Д. Джентиле является принцип «свободы», своеобразной свободы, суть которой – противодействие объективной исторической необхо-

димости. Воинствующий актуализм Д. Джентиле – это философия прежде всего империалистической буржуазии, но вместе с тем и мелкой буржуазии, во всяком случае тех ее слоев, которые втянуты в орбиту фашизма. Джентиле призывает империалистическую буржуазию к активной, беспощадной борьбе с рабочим движением, с социализмом и т. п.

§ 2. Несостоятельность фашистских претензий присвоить наследие классической немецкой философии

Вырабатывая «свою» идеологию, «теоретики» фашизма пытались опираться на самые различные философские и политические системы, приспособлявая к своим «выводам» самые разнообразные, порой противостоящие и противоречащие друг другу концепции.

Более того, некоторые фашистские идеологи с откровенным бесстыдством и цинизмом объявляли своими предшественниками даже многих действительно великих мыслителей всемирной истории. Как отмечалось на VII конгрессе Коммунистического Интернационала, «фашисты перетряхивают всю историю каждого народа для того, чтобы представить себя наследниками и продолжателями всего возвышенного и героического в его прошлом, а все, что было унижительного и оскорбительного для национальных чувств народа, используют как оружие против врагов фашизма»¹⁸².

«Перетряхивая» историю, нацистские идеологи даже некоторых вождей крестьянских восстаний эпохи средневековья изображали как прямых своих предшественников. Французские фашисты объявляли, например, своей духовной предшественницей национальную героиню Жанну д'Арк.

Фашисты спекулировали именами крупнейших исторических деятелей своих стран. Муссолини пытался нажать политический капитал, выдавая себя... за родственника национального героя итальянского народа Дж. Гарibaldi. Американские фашисты назойливо апеллировали к традициям Д. Вашингтона и А. Линкольна.

Фашисты пытались также установить мнимую связь своих идей с идеями подлинно великих философов прошлого, в частности великих представителей классической немецкой философии Канта, Фихте и Гегеля. Были ли для этого у фашистов основания?

Действительно, в философии Канта, Фихте и Гегеля можно обнаружить положения, которые являются реакционными.

Дело в том, что отсталость немецкой буржуазии отразилась и на вершинах ее философии. В сущности, немецкой философии издавна был присущ мистический характер. Мистицизм пронизывал философские концепции Я. Бёме и М. Экхарта. Шеллинг в последние годы тоже стал мистиком. А в это же время французские и английские философы, как правило, были приверженцами рационализма (Декарт, Мальбранш, Бейль, Бэкон, Локк, Юм и др.). Они обычно занимались практической и политической деятельностью. Так, математиками были Декарт, Гассенди, Паскаль, Даламбер; в качестве идеологов свободы выступали Толанд, Коллинз, Тиндаль и др.; многие из них были атеистами (Ламетри, Гольбах, Дидро). Немецкие же философы зачастую выступали как теологи, во всяком случае националистическая тенденция в немецкой философии тесно переплеталась с протестантской теологией. Связь между философией и теологией была самой непосредственной. Не случайно Фихте и Гегель видели в Реформации исторический источник «философской революции» в Германии.

И хотя представители классической немецкой философии нередко философско-исторические вопросы ставили не в их истинной, а в мистифицированной форме, тем не менее, это были великие мыслители, гуманистическое наследие которых принадлежит человечеству.

И, разумеется, абсолютно несостоятельны претензии фашистов присвоить себе имена Канта, Фихте и Гегеля, духовное наследие которых не имеет по своей сути никакого отношения к идеям фашистской философии.

История философии знает примеры, когда классические учения философов подвергались впоследствии тенденциозному и искаженному перетолкованию. Тот Аристотель, которого почитали в качестве философа и учителя средневековой схоластики, не был историческим Аристотелем. Это был Аристотель, перетолкованный арабскими и еврейскими богословами, приспособленный затем к интересам церкви и находившейся в зависимости от нее схоластики. И точно также тот Спиноза, которого немецкие романтики конца XVIII и начала XIX в. превозносили как религиозного и даже

«опьяненного богом» мыслителя, не был историческим Спинозой. Это был Спиноза, предвзято понятый и перетолкованный в духе романтической мистики.

Но фальсификаций, подобных гитлеровским, история никогда не знала. Превратить Лейбница, Гердера, Канта, Фихте, Гегеля, Гете в предшественников Гитлера, Розенберга, Шварца, Боймлера и т. д. можно только путем самого грубого, ни с какими историческими фактами не считающегося приспособления отдельных высказываний, выхваченных из исторического и идейного контекста учений классических философов, к политической доктрине фашизма.

В самом деле, чего стоит, например, утверждение нацистских идеологов о том, что И. Фихте якобы был «первым сознательным национал-социалистом». Фашистским идеологам в данном случае импонирует обостренный национализм философа, его пропаганда национального объединения и возрождения Германии. Но в действительности пропаганда национального возрождения Германии у И. Фихте не имела ничего общего с фашистским национализмом, его пропаганда идей национального возрождения не имела ничего общего с расизмом, с превознесением немцев только на том основании, что они немцы, с ненавистью и презрением ко всему ненемецкому, с требованием утверждения господства немцев над другими народами.

Апелляция И. Фихте к достоинствам немцев и «преимуществам» немецкого духа становится понятной при взгляде на те обстоятельства, в которых он жил и формировал свои взгляды. В «Речах к немецкому народу», в «Патриотических деяниях» И. Фихте страстно обращался к своим современникам с целью разбудить в них патриотические чувства, которых им недоставало, и поднять их на борьбу за политическую независимость, отнятую Наполеоном. Противопоставляя достижения немцев в области общественной мысли, философии, литературы преимуществам политического строя наполеоновской Франции, И. Фихте, конечно, впадал в преувеличение. Более того, у него можно найти и такие утверждения, будто только у немца может быть любовь к своему народу, любовь к родине в подлинном смысле этого слова и т. п. Но в данном случае он хотел найти основу для подъема народного самосознания немцев. Эти преувеличения были не бахвальством шовиниста, но добросовестным заблуждением человека, который

воображал, будто достижения немецкого духа в области философии уже являются сами по себе достаточным доказательством преимущества немцев как народа, призванного сыграть великую роль в истории. Поэтому Э. Никиш все-таки несправедлив, когда утверждает, что в Фихтевом мировом Я, которое весь мир вокруг себя полагает как не-Я, воплощена безмерная тоска обездоленного немецкого буржуа, горящего желанием весь мир спрятать у себя в кармане. Французские триумфы в Европе разожгли в немецком буржуа страстное желание трактовать весь мир как всего лишь порождение немецкой жажды действий. В «Речах к немецкой нации» Фихте слово получила немецкая ревность, заявляет Никиш.

И. Фихте был патриотом. Призыв философа к борьбе за политическую независимость был неразрывно связан с требованием политической свободы для немецкого народа и внутри германского государства. Он выступал за уничтожение крепостничества. Он даже предвидел в будущем неизбежное и справедливое разделение всей земли.

Он решительно возражал тем, кто поддерживал социальный порядок, при котором те, кто работает, не имеют возможности удовлетворить свои элементарные потребности в пище. «Такие люди к этому привыкли, они не знают лучшего, — цедит сквозь зубы сластолюбец, потягивая свое дорогое вино. Но это неправда, к голоду никогда не привыкают, к противоестественному питанию, к полному упадку сил и упадку мужества, к наготы в суровое время года не привыкают никогда... Не привычка решает вопрос о том, что само по себе излишне и само по себе необходимо, а природа. Иметь здоровую для человеческого тела пищу в количестве, нужном для восстановления сил, и постоянное и здоровое жилище должен всякий работающий, — это принцип»¹⁸³.

И. Фихте осуждал всякую политику и всякую идеологию грабежа других стран и народов. Выдвигая лозунг расширения Германии до «естественных границ» (к которому позднее апеллировали фашистские заправилы), он подчеркивал, что здесь речь идет не о захвате чужих земель и народов, а лишь об уничтожении искусственных перегородок, созданных феодализмом внутри Германии. Ни о каком империалистическом наступлении на Восток или Запад, ни о каком захвате или грабеже земель, населяемых

французами или славянами, у философа нет и речи. «Если у воина, – пишет он, – господствующим побуждением становится собственное обогащение, если у него вошло в обыкновение при опустошении цветущих стран не думать ни о чем ином, кроме как о том, что он выгадает для собственной особы от всеобщей нищеты, то следует ожидать, что чувства сострадания и жалости в нем умолкли, кроме этой варварской грубости и соответственно ей современный завоеватель мира должен был бы воспитать в своих подданных также холодную и расчетливую страсть к разбою, он должен был бы не наказывать вымогательства, а скорее поощрять их... Где сыщется в новейшей Европе нация, настолько бесчестная, чтобы можно было выдрессировать ее таким образом»¹⁸⁴.

Таким образом, совершенно очевидно, насколько несостоятельны спекуляции фашистов именем И. Фихте, насколько его социально-политические идеалы противостоят политической программе фашизма, обосновывающей эксплуатацию и подавление трудящихся «своей» страны, империалистическую агрессию против других народов.

Столь же несостоятельны попытки фашистов «усвоить» и взять на вооружение философско-исторические и социально-политические взгляды И. Канта. Гитлеровские «философы» стремились противопоставить идеи И. Канта идеям французского Просвещения, и в особенности Руссо. Они доказывали, что Кант «преодолеl» Руссо, что абстрактной, антиисторической «общей воле» Ж.-Ж. Руссо И. Кант якобы противопоставил «историческое» понятие нравственного долга, а космополитической идее человечества, разрабатываемой Просвещением, – немецкую национальную идею. Но действительный, исторический И. Кант не соответствует образу И. Канта, «открытому» фашистскими «теоретиками». Действительный, исторический Кант свои взгляды на философию истории выработал в теснейшей связи с философией Просвещения и высоко оценивал Просвещение как решимость человека, человечества руководствоваться своим собственным рассудком. Фашистские «теоретики» спекулируют на знаменитом тезисе И. Канта из «Критики чистого разума»: «Я должен был ограничить знание, чтобы очистить место вере», – чтобы доказать, будто Кант отвергает рационалистическое объяснение бытия, что он будто бы был и остается иррационалистом.

Действительно, И.Кант потеснил науку, чтобы оставить место вере; здесь нашла свое выражение вся непоследовательность немецкой буржуазии в борьбе с феодальным мировоззрением и феодальными общественными порядками. Но при всей своей непоследовательности И.Кант был приверженцем рассудка и разума, был немецким теоретиком Просвещения. В статье «Ответ на вопрос: что такое Просвещение», написанной в 1784 г., Кант определяет просвещение как решимость человека пользоваться своим собственным рассудком, не прибегая к руководству рассудка другого. «*Sapere aude*» (дерзай познать), – напоминает Кант слова латинского изречения, – имей мужество пользоваться своим собственным рассудком! – таков девиз Просвещения»¹⁸⁵.

Совершенно несостоятельны попытки фашистов оклеветать И. Канта, противопоставить его понятие безусловной формы нравственного долга понятию всенародной воли у Ж.-Ж. Руссо. Фашисты ненавидели Ж.-Ж. Руссо, его великие идеи о социальном равенстве и справедливости, об общественном договоре, о воле большинства как о воле народа. Эту «общую волю» фашисты отвергают как понятие, в котором «нет ничего живого», как «искусственный продукт геометрического мышления», как «безличного диктатора», наделенного властью повелевать всеми до следующих выборов.

Политический смысл этой фашистской критики демократических принципов Ж.-Ж. Руссо ясен. На деле она была направлена против принципов демократии вообще. Что касается позиции И. Канта, то именно в его философии получили наиболее полную разработку политические принципы Просвещения: свобода, равенство, братство. Кант утверждал, что эти принципы находят свое обоснование исключительно в познаниях практического разума и поэтому априорно имеют силу для общества, достойного человека. Свобода, по его мнению, заключается в том, что никто не должен принуждать другого быть счастливым исходя из собственного понимания, ибо каждый имеет право искать счастья на пути, который сам считает хорошим, если он при этом не нарушает свободы других добиваться такой же цели.

Равенство означает одинаковую подчиненность всех индивидуумов законам государства; при этом, однако, послушание любому закону непременно предполагает одобрение этого закона со стороны

индивидуума. Связав свободу и равенство, И. Кант тем самым устанавливает соответствие между политическим строем и принципами морали. Высший принцип морали, согласно Канту, требует рассматривать человечество, воплощенное в каждом человеке, как цель и с той же категоричностью запрещает рассматривать людей как средство.

И. Кант решительно подчеркивал, что именно Ж.-Ж. Руссо он был обязан обращением на путь истины, на путь признания человеческого достоинства широких трудящихся масс. «Сам я по своей склонности, – писал И. Кант, – исследователь. Я испытываю всю жажду познания, неутолимое беспокойство в стремлении продвинуться в нем дальше или также удовлетворение от каждого достигнутого успеха. Было время, когда я думал, что все это может сделать честь человечеству, и я презирал чернь, ничего не знающую. Ж.-Ж. Руссо исправил меня и направил на иной путь. Это ослепляющее преимущество исчезает, я учусь уважать человека и чувствовал бы себя гораздо менее полезным, чем самый обыкновенный рабочий, если бы не думал, что данное рассмотрение может сообщить ценность всем остальным, устанавливая права человечества»¹⁸⁶.

И. Кант настолько высоко ставит просвещение, что, по его мнению, прогресс просвещения человечества неизбежно приведет в будущем к упразднению войн. Он был решительным противником воинствующего национализма, видел в войнах величайшее бремя для народов, препятствие для развития человека и культуры.

И. Кант с тревогой отмечал, что правители современных ему государств «не находят свободных средств для открытия общедоступных воспитательных учреждений и в особенности для всего того, что касается общего блага». И причину этого он со всей определенностью видел в том, что «все поглощается военными бюджетами в ожидании грядущей войны». Как актуально звучат сегодня эти слова И. Канта! Великий философ решительно выдвигал требование: войн больше не должно быть! И призывал людей бороться для достижения вечного мира. Таков наш моральный долг, подчеркивал он. Мыслитель верил, что придет время, когда не будет войн, когда «человеческий род достигнет, наконец, того состояния, когда все его природные задатки могут полностью развиваться и его назначение на земле может быть выполнено»¹⁸⁷.

Французская революция по достоинству оценила И. Канта. Она даровала ему звание Почетного гражданина Франции. Поэт Г. Гейне, понимая революционное значение идей И. Канта, даже ставил его выше якобинцев¹⁸⁸. Лишь не отягощенные никакими требованиями рассудка и нравственными нормами «свободная воля» и «инстинкт» фашистских идеологов могли после всего этого пытаться препарировать Канта под «арийца», превратить его в заурядного иррационалиста и мистика.

В этой связи следует отключить и характеристику философии Канта, данную Никишем. Кантовская философия есть перевод событий Французской революции на философский язык. В «Критике чистого разума» немецкая буржуазия отваживается даже разрушить духовный фундамент традиционного средневекового общества. Но, как быстро выяснилось, радикальная мысль не может быть полноценной заменой реальной социальной и политической практике, осуществлявшейся якобинцами. Однако немецкое идейно-духовное свершение продолжало желать, чтобы его сочли более важным, чем французское общественно-политическое движение. С этими суждениями Никиша еще можно согласиться.

Но что он утверждает далее уже неприемлемо. По его мнению, уже в трансцендентальном субъективизме Канта самосознание немецкого бюргера продемонстрировало ту поспешность, которая обычно проявляется там, где возникает безнадежное, но алчное желание насладиться плодом, который нужно сперва самостоятельно вырастить. И совсем уже неверно суждение, будто кантовский категорический императив призывает к совести прусского унтер-офицера. Человеческие поступки осуществляются по шаблону воинского послушания: категорический императив, как на казарменном плацу не допускает никаких возражений. В глубине практической философии скрыты прусские планы: верноподданного будет легче использовать в своих целях, если каверзы, отныне сопутствующие его личной судьбе, он будет воспринимать как дело личной свободной воли.

Особый интерес проявляли фашистские идеологи к фальсификации и извращению идейно-теоретического наследия Гегеля. Для обоснования и оправдания собственных «идей» они обращались прежде всего к следующим положениям Гегеля: во-первых, к по-

ложению о том, что государство стоит вне обычных норм морали, во-вторых, к положению, что личное начало необходимо подчиняется всеобщему, воплощенному в государстве; в-третьих, к мысли Гегеля о целесообразности войны как средства предохранить народ и общество от застоя; в-четвертых, к его идее об особой якобы всемирно-исторической миссии германских народов, прежде всего немцев, и в связи с этим о «разумности» прусской государственной системы и вообще всей прусской «действительности».

Это верно, Гегель утверждал, что государство стоит вне обычных норм морали, что личное начало подчиняется всеобщему. Тем не менее истолковывать это положение как оправдание аморализма, как отрицание какого-либо значения совести, как абсолютное поглощение личности государством фашистские «теоретики» не имели достаточных оснований.

По Гегелю, всемирная история совершается в более высокой сфере, чем та, которую составляют образ мыслей частных лиц, совесть индивидуумов, их собственная воля и их образ действий. По отношению к сфере частных действий и частной жизни всемирно-историческая жизнь, согласно Гегелю, представляет настолько своеобразную и высшую область, что «всемирная история вообще могла бы совершенно отрешиться от того круга, к которому относятся моральность и так часто рассматривавшееся различие между моралью и политикой...»¹⁸⁹.

Именно эти идеи Гегеля фашистские теоретики рассматривают как доказательство освобождения им государства от всяких норм морали. В действительности, у Гегеля речь идет о другом – о подчинении узколичной, индивидуалистической позиции общегосударственной (и нравственной одновременно) точке зрения. Государство, как его понимал Гегель, отнюдь не предполагает отмены морали, достоинства и свободы человека. Государство, согласно Гегелю, есть осуществление свободы, «действительность конкретной свободы». Но конкретная свобода, по Гегелю, состоит в том, что личная единичность и ее особенные интересы получают свое полное развитие, пользуются признаками своего права самого по себе (в системе семьи и гражданском обществе) и в то же время частью переходят через себя самих в интерес всеобщего, частью сознательно и добровольно признают его. Здесь «ни всеобщее не имеет силы и не выполняется без особенного интереса, знания и воли,

ни индивидуумы не живут исключительно лишь для особенного интереса в качестве частных лиц, а их воля вместе с тем действует во всеобщем и для всеобщего сознательно для последней цели»¹⁹⁰.

В государстве, полагает Гегель, обязанности личности по отношению к целому должны быть в единстве с ее неотъемлемым правом. По Гегелю, только в древнейших азиатских деспотиях у индивидуумов не было интимной стороны, никакого внутреннего содержания. В новейшее же время человек хочет, чтобы его уважали со стороны его внутреннего существа. В современном государстве то, чего оно требует как обязанности, есть непосредственно также и право индивидуальности, т. е. «в данном государстве обязательство индивидуума по отношению к государству есть вместе с тем и личное бытие особенной свободы индивидуума; обязанность и право соединены в одном и том же отношении»¹⁹¹.

Из этих разъяснений совершенно четко выявляется, что для Гегеля обязанности личности по отношению к государству, целому неразрывно связаны с ее неотъемлемыми правами, свободой и достоинством. Государство в определенных случаях может поступиться интересами отдельных лиц, но вместе с тем в принципе оно обязано принимать во внимание интересы индивидуумов. Гегель высоко уважал личность человека; по его убеждению, человек обладает значением потому, что он человек, а не потому, что он иудей, католик, немец, итальянец и т. д.

Что касается морали, то Гегель отвергает не мораль как таковую, но узкое понимание морального долга. «Аморализм» государства означает, по Гегелю, отнюдь не оправдание для государственных деятелей всяких аморальных действий, но лишь протест Гегеля против такой оценки поступков государственных и исторических деятелей, которая судит об их деяниях не с точки зрения их государственных целей и значения, а с точки зрения абстрактной морали долга. По Гегелю же, более высоким является веление нравственного долга, в котором коренится истинная совесть, руководствующаяся тем, что действительно «в себе и для себя есть добро и долг».

Вместе с тем совершенно бесспорно, что фашистские авторы расистских измышлений о превосходстве немцев над другими народами вполне могли черпать в построениях Гегеля материал для пропаганды своих взглядов. Так, Гегель устанавливал три

всемирно-исторических периода в развитии мировой истории. В восточном мире человек якобы еще не осознал, что свобода является его сущностью, поэтому здесь, по утверждению Гегеля, все – рабы, один лишь деспот свободен. В античном мире (Древняя Греция и Рим) некоторые уже осознали, что свобода составляет их сущность, они-то и являются свободными, остальные же не осознают этого и поэтому остаются рабами. Лишь в германском мире, который, по мнению Гегеля, венчает историю, все сознают свою духовную сущность и поэтому здесь все свободны. Возвеличивая и восхваляя «германский мир», и в особенности немцев, Гегель одновременно неоднократно демонстрировал националистическое пренебрежение к другим народам, и более всего к славянским, доказывая, что «восточные народы» навсегда-де остановились в своем развитии и не имеют будущего. Мимо этих реакционных идей Гегеля фашизм, конечно, пройти не мог; они были взяты в идеологический арсенал гитлеризма.

Хотя гегелевское учение о государстве и было направлено против феодализма, против феодального своеволия и произвола мелких феодальных князей, тем не менее идея Гегеля о государстве как высшем воплощении свободы, о том, что отдельные личности исчезают в присутствии мировой субстанции (дух народа или государства) и субстанция сама создает личности такими, какими этого требуют сделать преследуемые ею цели, все-таки могла служить обоснованием тоталитаризма, поглощения и подавления индивидуума государством.

Это тоже фашисты учли, взяли на вооружение и попытались практически осуществить в своем тоталитарном государстве.

Рассматривая прусскую конституционную монархию как реализацию «абсолютной идеи», Гегель до крайности ограничивал задачи буржуазно-демократического преобразования общества. По мнению Гегеля, нет необходимости уничтожать феодальную собственность, сословия, монархию, а создание прусской конституционной монархии представлялось ему вершиной общественного прогресса и т. д. и т. п.

Точно так же в сочинениях Гегеля действительно можно найти немало положений, оправдывающих и прославляющих войну, доказывающих, что она связана с самой «природой вещей», что

она якобы сохраняет и укрепляет нравственное здоровье народов, подобно тому как ветер спасает море от загнивания и т. д. и т. п.

Тем не менее (вопреки фашистским фальсификаторам) Гегеля нельзя считать провозвестником и апологетом империалистических войн. Его суждения об оздоровляющем действии войны во многом относятся к вполне конкретной войне – вторжению Наполеона в феодальную Германию. Он считал, что поражение феодальной Европы в войне с Наполеоном, ее оккупация наполеоновскими войсками послужит началом освобождения народов Европы из цепей феодально-абсолютистского режима. Вместе с тем Гегель был далек от мысли, будто всякая война уже только потому, что она война, способна стать оздоровляющим фактором в жизни народов. Оправданной Гегель считал только такую войну, которая ведется народом и государством, защищающими свою независимость и самостоятельность; поскольку подвергается опасности государство как таковое, его самостоятельность, постольку долг призывает к его защите всех граждан. Лишь деяния, совершаемые «нравственной политической организацией», имеют, по Гегелю, всеобщий всемирно-исторический дух. Если же действия народов «вызываются их жадностью, то, – подчеркивает Гегель, – такие деяния проходят бесследно или, лучше сказать, их результатами являются лишь гибель и разрушение»¹⁹².

Эти мысли Гегеля также абсолютно четко показывают, насколько нелепы, насколько лживы попытки фашистских фальсификаторов представить Гегеля в качестве апологета войны, в качестве одного из идейных предшественников фашистской «теории» «тотального государства», поработщающего и подавляющего личность, вообще как одного из идейных вдохновителей фашизма.

Разумеется, взгляды классиков немецкой философии были противоречивы. В их философско-теоретических построениях было, чрезмерное возвеличивание немцев как «избранного народа», пренебрежительное отношение к славянским народам и т. п., что, собственно, и давало фашистам повод (пусть необоснованный в сопоставлении с основными тенденциями философии Фихте, Канта и Гегеля) для использования этих реакционных положений в своих «философско-теоретических» конструкциях.

Другое дело неокантианцы и неогегельянцы. Многие из них извращали подлинную суть учения Канта и Гегеля, выхолащивая

все объективное, исторически прогрессивное содержание их философии, сохраняя лишь консервативные тенденции их взглядов. Полностью отбросив гегелевский рационализм, неогегельянцы, в частности, превратили Гегеля в религиозного мистика, в интуитивиста, в «величайшего иррационалиста, какого не знала еще история философии»¹⁹³.

Разумеется, история философии «не знала» такого Гегеля. Подлинный Гегель – поборник истины, всегда связывавший ее поиск с освобождением человека от всего того, что его поработачает, унижает, оскорбляет, вводит в заблуждение, держит в плену иллюзий, фальшивых, ложных представлений и идей. «Дерзновение искания истины, – говорил Гегель, – вера в могущество разума первое условие философских занятий. Человек должен уважать самого себя и признать себя достойным наивысочайшего. Какого высокого мнения мы ни были бы о величии и могуществе духа, оно все же будет недостаточно высоким. Скрытая сущность вселенной не обладает в себе силой, которая была бы в состоянии оказать сопротивление дерзновению познания, она должна перед ним открыться, развернуть перед его глазами богатства и глубины своей природы и дать ему наслаждаться ими»¹⁹⁴. Эти слова Гегеля относятся ко всему человечеству, ко всей человеческой истории. Превратить после всего этого Гегеля в «мистика», в «величайшего иррационалиста» могут только философствующие мракобесы!

Именно неогегельянцы, не все, разумеется, а такие, как Р. Кронер, Ю. Виндер, Г. Глокнер и др. – проводили усиленную идеологическую подготовку фашизма. Используя некоторые стороны философии Гегеля, они отвергали возможность рационалистического познания мира, противопоставляли рационализму иррационалистическое, основанное на интуиции «постижение» мира и т. д. и т. п. Все это послужило фашистским идеологам «теоретической базой» для воспевания мистики, мифа, безграничного субъективизма и волюнтаризма в познании и оценке окружающего нас действительного мира.

В социально-политической сфере неогегельянцы также пропагандировали реакционные идеи: возврат к средневековому сословному государству, построенному на началах иерархии. Нападая на демократические принципы, они доказывали, что воля государства и нации должна находить свое выражение в воле

«вождя», утверждали, что подлинная сила государства исходит именно от вождя, а не от народа, и т. д. и т. п.

Эти взгляды неогегельянских философов были «углублены» и превращены «государствоведами» типа К. Шмидта и др. в государственно-правовую доктрину фашизма, которая нашла свое практическое воплощение в фашистском тоталитарном государстве.

Наконец, германские фашисты совершенно необоснованно и грубо фальсифицировали теоретическое и поэтическое наследие Гете, превратив его в заурядного немецкого националиста. Можно найти, конечно, и в произведениях Гете отдельные места, где он защищает и даже восхваляет немецкое общество своего времени, например в «Маскарадных шествиях». Как отмечали основоположники марксизма, в душе Гете постоянно шла борьба между гениальным поэтом, которому убожество окружающей его среды внушало отвращение, и осмотрительным сыном франкфуртского патриция, достопочтенным веймарским тайным советником, который видит себя вынужденным заключить с этим убожеством перемирие и приспособливаться к нему... Гете был слишком разносторонен, он был слишком активной натурой, слишком соткан из плоти и крови, чтобы искать спасения от убожества в шиллеровском бегстве к кантовскому идеалу, он был слишком пронизателен, чтобы не видеть, что это бегство в конце концов сводилось к замене плоского убожества высокопарным. Его темперамент, его энергия, все его духовное стремление толкали его к практической жизни, а практическая жизнь, с которой он сталкивался, была жалка.

Однако в конечном счете вопреки фашистским демагогам Гете отнюдь не был врагом Французской революции. Он понял ее эпохальное значение. Отныне, полагал он, начинается новая эпоха всемирной истории, и уже тем более он был чужд какому-либо националистическому чванству. Все свои последние политические надежды Гете возлагал на создание социальной кооперации внутри отдельных государств и на объединении этих государств в единый всемирный союз. Он верил также, что «свободный обмен мыслями и чувствами способствует всеобщему достоянию и процветанию человечества не меньше, чем обмен продуктами». Причем в качестве первого условия для объединения народов Гете ставил именно уничтожение расовой и национальной ненависти, «симптома самой низкой ступени культуры». Он требовал, чтобы человек встал

некоторым образом над нациями, воспринимал удачи и огорчения другого народа, как «если бы они случились с его собственным». Более того, Гете полагал, что сословия должны быть уничтожены, что частная собственность должна быть обобществлена. Правда, о мерах, необходимых для этого, он практически не говорил. Однако в любом случае, по его мнению, частная собственность делает собственника «существом косным»¹⁹⁵.

Что касается гетевской концепции культуры, то она также основывается на убеждении, что «поэзия любого народа, если она только подлинна, – вполне равноценна и равноправна, что настоящая человеческая культура может возникнуть только из взаимного изучения национальных литератур, из взаимопроникновения культур отдельных национальностей, мирового культурного соревнования между равноправными народами»¹⁹⁶.

Абсолютно необоснованно и лживо ссылаются нацисты на Лейбница, также объявляя его своим идейным предшественником. «Мои помыслы, – писал Лейбниц, – направлены на благо всего человеческого рода... Мне приятнее сделать много добра у русских, чем мало у немцев или других европейцев, хотя бы я пользовался среди них величайшим почетом, богатством и славой...»¹⁹⁷.

Фальсифицируя историю и культуру собственной страны, нацистские идеологи наряду с этим стремились исказить историю других народов, особенно славянских: русских, поляков, чехов, словаков и др., объявляли культурное наследие славянских народов «неоригинальным», зависимым от культуры других народов, в частности, от немецкой культуры, приписывали славянам агрессивную устремленность по отношению к Европе, и прежде всего к немцам и Германии. Особенно много спекуляций по этому поводу связано с мнимым «Завещанием Петра Великого».

Н. Павленко в своей книге «Петр Первый» пишет, что еще Наполеон в 1812 г., готовя общественное мнение к походу на Россию, распространял слухи о секретных мемуарах Петра, в которых-де откровенно излагались его агрессивные по отношению к Европе намерения. Четверть века спустя, в 1836 г., фальшивое Завещание Петра даже было опубликовано. В нем говорилось, что Россия должна непрерывно вести завоевательные войны, конечная цель которых – покорение Европы. В действительности это так называемое Завещание Петра – грубая подделка; специалистами

давно установлено, что Петр никогда не писал никаких завещаний. Тем не менее эта подделка вытаскивалась на свет всякий раз, когда недругам России надо было оправдать свои по отношению к России агрессивные замыслы. В 1941 г. после провала блицкрига фашисты в очередной раз пустили в ход это «Завещание», подняв шумную кампанию по поводу того, что большевики стремятся-де выполнить «Завещание Петра Великого» о мировом господстве и т. д. и т. п.¹⁹⁸.

Итальянские фашисты, подобно германским, также стремились объявить своими духовными предшественниками или даже единомышленниками многих видных деятелей культуры и искусства Италии: поэтов, литераторов, ученых.

В 1924 г. в фашистском журнале «Иерархия» было заявлено, что Б. Кроче – крупнейший итальянских философ – является-де их предшественником и единомышленником! «Конечно, фашисты не могут причислить Б. Кроче к членам своей партии. Но они должны относиться к нему с уважением, как к своему предшественнику. Сам того не сознавая и вопреки себе, Б. Кроче является фашистом, и в этом отношении его можно сравнить с теми мудрыми язычниками, которые были христианами, не зная об этом и не поклоняясь должным образом господу¹⁹⁹, писал этот фашистский журнал. Разумеется, Б. Кроче некоторыми своими поступками и высказываниями компрометировал себя, давал повод фашистам спекулировать его именем. Однако в целом его взгляды и позиции были антифашистскими.

Прежде всего вслед за Б.Р. Лопуховым отметим, что Б. Кроче в итальянской философии был знаменосцем антипозитивизма²⁰⁰. Вплоть до начала XX в. позитивизм в итальянской философии имел очень сильное влияние. Ранние позитивисты в Италии (как и в других странах) сыграли положительную роль в развитии науки и культуры. Они способствовали освобождению мышления от пут религиозных предрассудков, утверждали принципы научной классификации явлений природы и общества, стимулировали возникновение новых отраслей знания, углубление исследований в уже существующих научных дисциплинах.

Однако позитивисты ограничивали задачу исследования чисто внешним описанием явлений и фактов и поэтому не в состоянии были перейти к широким научным обобщениям. Более того,

принижая роль теоретического мышления, они пытались объяснить историю человечества при помощи тех же методов, какие использовались для исследования явлений природы, – эксперимента, законов механики, физики, биологии.

Б. Кроче выступил против подобной метафизической методологии позитивистов. Он восстановил идеалистически-диалектический взгляд на природу и общество, подчеркивая специфичность законов развития общества и истории.

Одновременно он выступил против иррационалистических, мистических, декадентских, других упадочнических культурных и мировоззренческих течений, которые господствовали в Италии накануне первой мировой войны: «Кто дал право господам актуалистам и спиритам влезать в общество людей, работающих за иными столами, чем они, и имеющих, к сожалению, то общее с ними, что они пользуются словом «дух», но имеющих это общее в том же смысле, в каком оно есть у них с торговцами водкой»²⁰¹. Все эти мистики расы, мистики насилия, мистики ненависти и войны питали фашистов своими «идеями» и сами зачастую становились фашистами. Б. Кроче решительно подчеркивает, что отвергает подобного рода теории, особенно такие, как интуитивизм, прагматизм, мистицизм, теософизм, магизм и т. д.

Конечно, в практической жизни Б. Кроче не был последовательным борцом против иррационализма и мистики. Его обращение к истории было, в сущности, обращением к истории идей, ибо история была у Б. Кроче лишь саморазвивающимся духом. Отвергая чисто опытное познание позитивистов, он противопоставил ему интуитивное познание; показывал, что человек проникает в тайны жизни и истории не с помощью науки, а исключительно с помощью интуиции, гениальной догадки. Это уже непоследовательность самого Б. Кроче, шаг к мистике, который мог быть использован и фашистскими идеологами для обоснования своих мистических «озарений».

Точно также Б. Кроче не был активным борцом против фашизма, в сущности, он исходил из неверной позиции: деятели культуры должны-де оставаться в некотором отдалении от политики. Может ли философия, подлинная философия в высоком смысле этого слова, дать ход решению, например, социального вопроса? – спрашивал Б. Кроче. И сам же отвечал: «...проблемы практической

жизни решаются не философами, а людьми практики... Философ не может делать выбор между социализмом и либерализмом. Это так же несерьезно, как ожидать от философа решения вопроса о целесообразности возобновления Тройственного пакта или о принятии на вооружение того или иного типа пушек»²⁰².

И тем не менее, как отмечает М. Аббате, многие теоретические положения Б. Кроче содержали в себе потенциально как бы «взрывной» элемент, направленный против фашистских философских конструкций. Ибо в своей иерархии ценностей он ставил Истину выше Государства, Нации, Родины. «Как ученые, – пишет Кроче, – мы, прежде чем быть итальянцами, являемся ревнителями науки, и никакой национализм, никакой политический интерес не может заставить нас принять худшую философию из-за ее итальянского или французского происхождения либо отказаться принять лучшую философию, потому что она родилась в Германии, как никакая любовь к Родине или к политической партии не может заставить одного астронома признать правильными ошибочные расчеты другого, хотя бы и принадлежащего к братской латинской нации»²⁰³.

Б. Кроче напоминает, что еще во время первой мировой войны противники Германии говорили, что немецкая философия, наука и поэзия были выражением того же варварского духа насилия и инструментом той же политики силы, против которой цивилизованное человечество защищалось с оружием в руках, поэтому немецкую культуру хотели изгнать из наших душ и наших школ. Сегодня от очень многих немцев (или скорее от хора голосов, подавляющих в сегодняшней Германии все другие голоса) мы слышим, что не имеет никакого значения понимание немецкой культуры другими народами, так как эта культура является достоянием только немецкого народа, является индивидуальным выражением его расы, и поэтому другие народы не могут ни чувствовать ее, ни понимать. «Нашим оппонентам во время войны мы отвечали, что поэзия, философия и наука не принадлежат исключительно немцам или какому-либо другому народу, но являются достоянием всего человечества... Сегодняшним германофилам и расистам нам приходится (страшная ирония судьбы) повторять то, что мы говорили их противникам в прошлом. И сегодня также мы провозглашаем... что немецкая культура принадлежит всем тем, кто

ее любит и понимает во всех странах, без какого бы то ни было исключения. И, может быть, сегодня эта культура является даже в большей мере нашей, чем их, чем тех, кто ее не уважает в ее подлинном смысле, кто искажает и фальсифицирует ее в своих целях»²⁰⁴.

Действительно, есть Германия и «Германия». Есть Германия Лейбница, Гете, Шиллера, братьев Гумбольдт, Гегеля, Баха, Моцарта, Бетховена, Гейне. Это – Германия мыслителей, подаривших человечеству глубокомысленные учения, умевших не только самоотверженно исследовать истину, но и смело провозглашать истину уже найденную.

Это – Германия художников и писателей, сумевших сделать искусство, поэзию и музыку возвещением самых передовых для своего времени, самых горячих и страстных идей. Это, наконец, Германия глубоко честных, серьезных, основательных и добросовестных ученых-натуралистов, филологов, историков, неутомимых в трудном, часто неблагодарном исследовании истины. Для них характерна интеллектуальная и моральная чистота, честность, убежденная и воодушевленная человечность, обилие творческих мыслей, плодотворность влияния, оказанного ими на развитие культуры, как национальной, так и общечеловеческой.

И есть другая «Германия». Это – «Германия» невежественных авантюристов и безумцев, дорвавшихся до власти и немедленно обративших эту власть на служение самым низменным, человеконенавистническим и в то же время самым алчным и разбойничьим инстинктам и вожделениям. Это – «Германия» людей, глубоко презирающих знания, глумящихся над понятием «истина», издевающихся над понятиями «совесть», «человечность» и «справедливость». Это – «Германия» молодцов, бесстыдно унизивших немецкую науку, почитавшуюся некогда во всем мире, в корне разрушивших немецкое просвещение и прививающих народу самое хамское, скотское отношение к труду ученого, мыслителя и художника. Это «Германия» людей, подменивших искусство, глубокое честное немецкое искусство, отвратительной, тошнотворной, уже одним однообразием и бездарностью притупляющей, крикливой, пустозвонной, развращающей и насквозь лживой агитацией. Тем отвратительнее, когда эти устроители «нового порядка», «порядка» разбоя, захвата и грабежа, «порядка» насилия и ис-

требления, пытаются уверить немцев и весь мир, будто «идеи» этого «порядка» не только суть идеи «философские», но кроме того, ведут свое начало от идей подлинных мыслителей и ученых, составляющих славу подлинной Германии²⁰⁵.

Точно также есть Италия, в которой рождались и развивались прогрессивные, гуманистические традиции общественной мысли, традиции революционно-освободительной борьбы. Есть Италия Кампанеллы, Леонардо да Винчи, Рафаэля, Джордано Бруно, Д. Мадзини, Д. Гарибальди, Италия замечательных мыслителей-марксистов А. Грамши и П. Тольятти, Италия героических борцов-антифашистов. Только их имена и деятельность определяют честь и величие Италии, а не шовинистические бредни Муссолини и ему подобных.

Передовые, прогрессивные люди, разумеется, никогда не отождествляли и не отождествляют «культурное одичание» фашистской Германии и Италии с подлинно великой культурой немецкого и итальянского народов. Никто из прогрессивно мыслящих людей никогда не будет отождествлять клику Гитлера с германским народом, а Муссолини – с Италией. Опыт истории показывает, что вырожденки, подобные Гитлеру и Муссолини, приходят и уходят, а народы остаются навсегда.

Фашисты взяли из истории своих стран и народов все темное, все жестокое, низкое и бесчеловечное, кстати, как правило, всегда порождаемое правящим эксплуататорским классом. Цели национализма и империализма прославлялись накануне и после первой мировой войны не только в Германии и Италии, но и в Англии, Франции, и США. Война рассматривалась во всех странах как проявление элементарной жизненной силы, как естественный акт биологического обмена веществ в природе. Именно к этим реакционным, антигуманистическим «идеям», витавшим в духовной атмосфере капиталистических стран, апеллировали, в первую очередь, фашисты, создавая основы своей идеологии, фундаментом которой была обскурантистская, расистская человеконенавистническая фашистская доктрина.

Глава 4. БЕСЧЕЛОВЕЧНАЯ ИДЕОЛОГИЯ – ПРЕСТУПНАЯ ПОЛИТИКА

Разумеется, опираясь на все реакционное и темное, все жестокое, что имелось в предшествующей истории, фашисты стремились создать свою «теорию» и «идеологию», которые обосновывали и оправдывали их преступные замыслы и цели. Им нужна была «своя доктрина», которая помогла бы увлечь последователей, обеспечить достаточно широкую социальную базу.

Именно это обусловило беспрецедентный эклектицизм фашистской идеологии. Национализм и международная общность фашистов, антикапитализм и теория «созидательного капитала», проповедь автаркии и идеи единого европейского рынка, возведенные в теорию, презрение к массе и провозглашение человека труда опорой фашистского строя – все это содержалось в ней. Всем фашисты сулили все: рабочим – ликвидацию безработицы и «справедливую» зарплату; крестьянам – снижение процентов по ипотечным долгам, прекращение продажи земли с торгов; мелким торговцам и ремесленникам – закрытие универсагов, снижение цен на сырье и т. п. Но у фашистов, безусловно, был принцип отбора идей²⁰⁶.

Обскурантизм фашистской идеологии

Главная и основная догма, из которой исходили, в частности, Гитлер и другие нацистские главари при построении своей «доктрины», заключалась в следующем: истинная идеология базируется не на логике и разуме, но на слепой, иррациональной вере. Фашистские заправилы сознательно противопоставляли свое «органическое мировоззрение», ядром которого была «жизнь», а не «истина ради истины», научному мировоззрению, которое они третируют как схоластическое, механистическое и т. п.²⁰⁷.

Конечно, за всеми словесными мистификациями скрывается весьма определенное идейное и политическое содержание. Неясность, нечеткость формулировок, обрамление программных установок мистифицированной фразеологией позволяли фашистам маскировать сущность своей идеологии и в этой связи использовать

в своих контрреволюционных целях широкие слои мелкой буржуазии, т. е. находить массовую социальную базу.

«Фашистский дух,— провозглашал, например, Муссолини,— бежит от всякой произвольной ипотеки на таинственное будущее. Мы не верим в догматические программы, во все эти твердые рамки, в которые нужно вместить сложную, изменчивую и многоцветную действительность. Мы позволяем себе роскошь согласовать и превзойти в себе те антитезы, которые разъедают других... Мы позволяем себе роскошь быть аристократами и демократами, консерваторами и прогрессистами, реакционерами и революционерами, легалистами и иллегалистами в соответствии с обстоятельствами времени, места и среды, одним словом, в соответствии с историей, в которой мы вынуждены жить и действовать»²⁰⁸.

П. Тольятти отмечал: «Что мы обнаруживаем, анализируя фашистскую идеологию? Всего понемногу. Эта идеология эклектична. Но крайний национализм — повсюду составная часть идеологии всех фашистских движений... Фашистская идеология включает множество разнородных элементов. Мы должны с этим считаться, ибо эти особенности позволяют нам понять, чему служит данная идеология. А она служит объединению различных течений в борьбе за господство над трудящимися массами и за создание в этих целях широкого массового движения»²⁰⁹.

То обстоятельство, что фашистская идеология была эклектичной, противоречивой и внешне примитивной, использовалось для маскировки классовой сущности идеологии фашизма, да и самого фашистского движения в целом. Многие буржуазные исследователи утверждали и утверждают, что то, что принято называть «идеологией», «мировоззрением» или «философией» фашизма, есть не более как социально-психологическое описание противоречивых, не поддающихся суммарному теоретическому исследованию, инстинктов толпы, что это только отражение мещанства, взбунтовавшегося против последствий первой мировой войны, последствий послевоенной разрухи и экономического кризиса и т. д. В таком случае, во-первых, идеология фашизма исключается из сферы теоретико-социального исследования и становится предметом психоанализа и социальной криминологии, и, во-вторых, империалистические круги освобождаются от ответ-

ственности за фашистские преступления, поскольку мировоззрение фашизма отождествляется с «инстинктами толпы», с «идеологией мещанства».

Конечно, отмечает советский исследователь фашизма С. Ф. Одуев, понятия «философия» и «фашизм» ставить рядом рискованно, тем не менее правомерно и необходимо. Несмотря на противоречивость и примитивность, у фашизма была и есть своя философская концепция, ибо так или иначе фашисты отвечали на вопрос о сущности бытия и духа, о сущности человека и смысле его жизни²¹⁰. Не представляя собой единого целого, фашистская «философия» по своей классовой, партийной направленности выражала, подчеркиваем это, интересы самих реакционных, шовинистических кругов империалистической буржуазии; она была философией империалистической агрессии и войны, философией преступления, как называл ее Т. Манн.

Иррационалистическое, мистическое «органическое мировоззрение» служило фашистам теоретической опорой отрицания предшествующей рационалистической и демократической традиции в культуре. Так, в частности, итальянский фашиствующий философ Оттавиано в своей статье «Антисовременное» призывал, по сути дела, к полному отказу от всей предшествующей рационалистической и демократической культуры. «С тех пор как Декарт нашел критерий истины в субъекте, а не в объекте, переместив ее естественную основу, с тех пор как протестантизм своей пагубной доктриной свободного исследования потряс основы религиозного авторитета, с тех пор как фатальный дух «Энциклопедии» в своем безумном антиисторизме отверг ценность традиции..., с тех пор как И. Кант попытался построить метафизику на основе морали, уничтожив и ту и другую, с тех пор как французская революция освободила поле деятельности для необузданного эгоизма, с тех пор как натурализм Руссо уравнивал всех людей..., с тех пор... на сцену вышли необразованные и грубые массы, которые в погоне за материальными богатствами ввергли мир в неописуемую бойню»²¹¹. И подстрекали их к этому, подчеркивает Оттавиано, именно «представители мира культуры», забывшие о моральных ценностях и традициях и сделавшие из человека меру истинного и ложного, добра и зла, справедливого и несправедливого²¹².

В действительности, прежде всего, сами итальянские фашисты отвергали историю, откровенно проповедовали исключительную ценность антиистории, субъективизм и волюнтаристский произвол. Так, Тильгер в книге «История и антиистория» превозносит фашистов за их «господство» над историей: «Делу мира гораздо в большей степени служат люди и партии, которые не позволяют истории господствовать над собой, но крепко держат ее в руках, чем те, которые в силу суеверного преклонения перед историей оставляли на произвол судьбы в его первозданном естестве беспорядочный и хаотический поток европейской жизни. История сегодня сведена с пьедестала.., она очеловечилась. Она представляется теперь изготовленной из крови, страстей, воли и ошибок людей, живая, свободная, непредвидимая, как все человеческие творения»²¹³.

В том же духе открыто проповедовал самый дикий обскурантизм Орестано. Установив, что «истинная» философия есть прославление того, что не мыслит, Орестано восклицает, что как раз это и есть «философия, полностью и изначально итальянская. Предложить миру обучение этой философии значило бы завоевать Италии новый примат, примат философский...»²¹⁴.

Э. Гарин отмечает, что «после 1929 г. в то время как терпели крах последние иллюзии многих веривших в официальную итальянскую культуру», Орестано «выпала честь стать выразителем всего наиболее темного, смутного, двусмысленного, что оставалось в обращении и предпринимало попытки утвердиться различным образом»²¹⁵.

И все же, все это не просто фальсификация науки, не просто дикие, шарлатанские измышления идеологов фашистского разбоя. Обскурантизм, нападки на науку, на объективную истину, воспевание иррационализма, самых «темных и мрачных» человеческих инстинктов и т. п. — все это имело определенную цель: обосновать воинственный волюнтаризм, агрессивность фашистского «мировоззрения», пробудить в конечном счете в массах «жажду крови». Аппелируя к «философии жизни» Ф. Ницше, к «жизненному порыву» А. Бергсона, рассматривавших «жизнь» как «отчаянную авантюру», как смелое вторжение в возможности бытия, как то, что предворяет всякое существование, Гитлер, Муссолини, фашисты требовали, чтобы фашистское мировоззрение исключало всякую созерцательность, было «активным», «практическим», наступательным «духовным оружием».

Фашистам не нужна была теория, рациональная и научная. Им нужна была «идея», имеющая черты страсти, зовущая к действию. Отсюда апелляция к мистике, мифу, поскольку только они могут вызвать озарение, непосредственную общность между толпой и «идеей-силой» (по выражению Джентиле), что и порождает иррациональный порыв, страсть, находящую выход в действии.

Что касается «классической» буржуазной философии, то она, в сущности, капитулировала перед нацизмом. Более того, многие ее представители служили фашистам, например, Э. Шпрангер, М. Хайдеггер, К. Шмидт. Э. Шпрангер решительно выступал против «индивидуалистической эпохи», против таких ее проявлений, как благосостояние и счастье, фикция равенства, пацифизм, демократия, психоанализ и марксизм. Он призывал к восстановлению здорового народного духа, к признанию достоинства крови. Шпрангер приветствовал нацизм, ведущий к возрождению чувства народной чести и достоинства.

О. Больнов также воспевал иррационализм. Что мы должны искать? Не логику и теорию познания статичной целостности, но логику становления и движения. Живое не знает законов, волю и решительность – вот что прежде всего должно принимать в расчет.

Одним из самых признанных «философов» фашизма был Э. Крик. «Культурному надувательству» Э. Крик противопоставлял новый тип героического человека, живущего не духом, а кровью и почвой, не ради образования, а ради дела. Культура – убежище слабых; человек должен научиться жить без так называемых «вечных ценностей», давно ставших средством обмана и самообмана. «Кровь, – писал Э. Крик, – восстает против формального разума; раса – против рационального стремления к цели; привязанность – против произвола, именуемого «свободой»; органичная целостность – против индивидуалистического распада... народ – против отдельного человека и массы».

Расизм, антисемитизм, национализм, шовинизм

Руководствуясь иррационалистско-активистской «методологией», фашистские заправилы Германии объявили ядром, важнейшей составной частью своего «органического мировоззрения» миф о мнимом превосходстве «арийской расы», призванный

оправдать «право» немцев на мировое господство, на угнетение и подавление других народов. Раса, согласно догмам фашистов, изначально, первична, она – первооснова всех исторических явлений, всех государственных образований и культурных достижений²¹⁶. Всеобъемлющий расовый дух, утверждал, в частности, Розенберг, – вот мера всех наших мыслей, воли и дел, подлинный критерий всех наших ценностей. Вся история человечества рассматривалась нацистами как история борьбы рас, прежде всего двух рас: иудейско-сирийско-римской и арийско-нордической. В основе различий расовых типов, по Розенбергу, лежит, прежде всего, биологический фактор – кровь и обусловленные кровью различные физические и духовных характеристики. Кровь расы, – разъяснял А. Розенберг, – это мистическое понятие, не поддающееся уяснению при помощи рассудка, это категория, которая не может быть установлена обычными методами экспериментального исследования, это мистический синтез, темный жизненный поток и т. д.²¹⁷

Фашистская «мировая революция», разглагольствовал далее А. Розенберг, как раз и заключается в «пробуждении расовых типов». Она направлена против демократии и марксизма, начавших «дело искоренения расово-народного мировоззрения»²¹⁸. Разумеется, фашистские идеологи «доказывали», что именно арийская раса является высшей расой, призванной господствовать над другими расами и народами.

Конечно, никакого объективного критерия расовой чистоты и расового превосходства арийцев они указать не могли; единственным признаком расовой общности арийцев они объявили внутреннее мистическое «переживание» арийцами, прежде всего, немцами, своего расового происхождения и чистоты своей северной «крови». Быть арийцем, твердили нацистские «теоретики», значит чувствовать в себе движение потока «своей», арийской «крови», который возбуждает и поддерживает жизнь нации. Кровь является тем фактором чувственной и бессознательной жизни, который пробуждает в каждом индивидуе признаки, присущие его расе.

Нацистские заповеди, в сущности, сформировали своего рода «нордическую религию», апеллировавшую к языческим мифам древних германцев, которую они противопоставили христианской религии. Разумеется, их отношение к служителям религиозного культа было сугубо прагматическим. Если священнослужители «не

мешали» нацистам, они их не трогали. Тех же, кто им противодействовал, в лучшем случае отправляли в концлагерь. Тем не менее, в «своем кругу» нацистские «вожди» отзывались о христианской религии весьма нелестно. Гитлер в отношении христианства был особенно нетерпим; «я еще смог бы договориться с попами времен Возрождения, хотя их проповеди были опасными и лживыми, да и сами они были преступниками; но они покровительствовали великим художникам и вообще поддерживали красоту, и это вызывает у меня симпатии, не то что ужимки протестантских святош, распространяющих вокруг себя яд».

Геббельс относительно содержания христианских верований не высказывался, но с восхищением отзывался о четкой продуманности структуры католической церкви, о строгой унификации порядка церковной службы. По его мнению, точно также должны оформляться мероприятия нацистов... Однако, как и для Гитлера, для Геббельса церковь также была врагом; после войны, – говорил он, – мы лишим церковь всей ее материальной базы и этим сломаем ей хребет. Тем не менее в церковных кругах было немало приверженцев нацизма. Нацисты-протестанты, создавшие «Движение немецких христиан», стремились придать нацизму религиозный характер. Так, например, в объявлении о выступлении Гитлера говорилось: «Торжественный час с 13.00 до 14.00. В тринадцатый час Адольф Гитлер придет к рабочим». Всякому ясно, пишет Виктор Клемперер, «это язык Евангелия. Господь, Спаситель приходит к бедным и погибающим. Рафинированность режиссуры вплоть до указания времени. Не в тринадцать часов, а «в тринадцатый час» – пусть это и содержит в себе некоторую неточность, запоздание, – но Он совершит чудо, для него запозданий не существует. «Знамя крови» на партийном съезде в Нюрнберге – из той же оперы. Но теперь ограниченность церковного ритуала нарушена, старомодный наряд сброшен, легенда о Христе транспонирована в текущую современность: Адольф Гитлер, Спаситель, приходит к рабочим». (В. Клемперер. ЗТТ. Язык Третьего Рейха. Записная книжка филолога. М., 1998, с. 55).

Теолог Э. Хирш провозглашал, что нацистское движение – это «священная буря», «новое откровение» и фюрер – это «новый Христос».

Апеллируя к расе, к крови, к языческим культам древних германцев, фашистские теоретики сконструировали свою «типологию»

личностей, призванную утвердить биологическое неравенство людей и народов, исходя из «своеобразия» их физиологических и психологических конституций. Так, высший, «интегрированный тип», к которому принадлежат «арийцы», характеризуется, по их мнению, «органическим единством и связью» всех его психологических функций. Низший, «дезинтегрированный» тип, напротив, не способен к образованию «органической общности»; он характеризуется «бессвязным» характером психической жизни, «неустойчивостью» перед внешними влияниями, он склонен к образованию так называемой общности (механического количества, толпы, массы) и т. п. Как утверждал Гитлер, именно ариец является прототипом того, что мы понимаем под словом «новый человек». Противостоящий ему «низший» расовый элемент содержит, по Гитлеру, женственный элемент, обладает типично женственными качествами. Он, подобно женщине, всегда мечтает о том, чтобы найти мужчину, который мог бы стать ее абсолютным господином. Все эти и подобные им примитивные рассуждения призваны были «доказать», что только в «северной, арийской расе», в первую очередь, только в немцах воплощена особая порода «сверхчеловеков», призванных господствовать над всем миром.

Примечательно, что нацисты, провозглашая немецкую расу высшей расой, носительницей лучших человеческих качеств, тем не менее и немецкий народ делили на две неравные части – на громадное большинство, которое состоит либо из «нечистых арийских элементов», либо из «арийцев», лишенных «признаков господ», и на меньшинство – «чистых арийцев», наделенных качествами господ.

Эти рассуждения о расовой «неравноценности» самих арийцев были положены фашистами в основу так называемой евгеники – «науки о расовой чистоте и способах ее сохранения». Фашисты разработали специальные инструкции об установлении степени расовой «порчи» и «неполноценности» в зависимости от наличия различных примесей неарийской крови, а также о методах обращения с лицами смешанного происхождения. Они осуществляли постоянную «аттестацию» населения путем оформления «родословных», учитывающих чистоту арийского происхождения, при этом, например, для зачисления в СС тре-

бовались «абсолютная расовая чистота» и отсутствие «неарийских» примесей не менее чем в пяти поколениях предков, а для поступления на службу в государственные учреждения и армию – не меньше чем в четырех. Применяя к людям принципы зоологического отбора и выведения пород, гитлеровцы создали даже специальную организацию – «Лебенсборн», в рамках которой осуществлялось «воспроизводство» потомства «повышенной расовой чистоты»²¹⁹. Гиммлер считал, что не только незамужние, но и замужние женщины, не имеющие четырех детей, обязаны зачать ребенка от расовополноценного немецкого мужчины, разумеется, прежде всего эсэсовца.

Наряду с этим нацисты, руководствуясь принципами зоологического, вульгарного социал-дарвинизма, осуществляли преступную бесчеловечную практику уничтожения «расово неполноценных», «непригодных для жизни» представителей «низших рас», «недочеловеков», по терминологии гитлеровцев. Примечательно, что на формирование расистских «выводов» фашистов о «недочеловеках» (Untermenschen) большое влияние оказали реакционные немецкие «ученые»: биологи и психиатры. Многие из них исповедовали абсолютно антигуманные, аморальные взгляды, квалифицировали людей с расстроенной психикой «экономическим балластом», лицами, не представляющими «никакой ценности»²²⁰. Эти псевдоученые сами различными способами содействовали созданию гитлеровского мифа о превосходстве арийской расы и о необходимости «очистить» ее от людей с физическими и умственными недостатками. Тысячи врачей были вовлечены в эту страшную операцию, в ходе которой в Германии было истреблено 360 тыс. душевнобольных и «половых извращенцев». И не только в самой Германии. Э. Юнгер в своем дневнике записал такой «эпизод»: Советское государство в одном из совхозов содержало и кормило восемьсот душевнобольных. Немцы всех их уничтожили. В подобной акции, пишет Э. Юнгер, сказалось стремление нацистов заменить мораль гигиеной, подобно тому, как правду они заменяли пропагандой.

В то время как пронацистские психиатры разрабатывали методы «лечения», генетики подводили «научную» базу, оправдывающую уничтожение «второсортных людей». Например, К. Лоренц, будущий Нобелевский лауреат, выдвинул теорию о необходимости

очистить «третий рейх» от неполноценного генофонда. В 1940 г., когда нацистский режим достиг своего апогея, К. Лоренц писал: «Руководствуясь расовыми идеями, лежащими в основе нашего государства, мы достигли уже многого в этом отношении!.. Нам просто необходимо положиться на здоровые чувства наших лучших представителей и поручить им сделать отбор, от которого будет зависеть процветание или же загнивание нашего народа»²²¹. (Кстати, в настоящее время многие прогрессивные люди весьма обеспокоены тем, что бихевиористские и психохирургические методы все чаще рассматриваются как средство решения тех проблем, которые в основе своей носят социально-экономический характер и требуют принятия политических решений. Это служит зловещим напоминанием о мрачных временах в период нацизма в Германии). Фашисты, разумеется, взяли на вооружение все эти «теоретические» изыскания расистских ученых. 15 января 1935 г. был принят закон о гражданстве рейха, который разделял граждан на два разряда: первый – граждане рейха – это немцы арийского происхождения, только они наделялись политическими правами; второй – все остальные – жители рейха, не имеющие арийского происхождения. Позднее, 15 сентября 1935 г., был принят «Закон о защите немецкой крови и немецкой чести», запрещавший браки и сожительство граждан рейха с евреями. В том же 1935 г. нацисты лишили цыган всех их гражданских прав, а затем в течение последующих лет поголовно загнали их в концентрационные лагеря, где в рамках политики «расовой гигиены» уничтожили почти 1 млн цыган. В целом с 1933 по 1936 г. в Германии было издано около 250 расистских и, прежде всего, антисемитских циркуляров и инструкций; 550 тысяч немецких евреев попали под действие расовых законов.

В ходе войны Гитлер считал особой задачей сохранение и восстановление «хорошей крови». Где бы в мире ни находилась германская кровь, мы берем то, что хорошо, себе. С тем, что остается после этого у других, против германского рейха они не выступают. Так называемые «расовые комиссии» отбирали и проверяли на оккупированных территориях многих отобранных лиц на их «немецкий дух», и, если он соответствовал требованиям, переселяли их, чтобы окончательно онемечить, в Германию, причем отбирались, прежде всего, несовершеннолетние (дети 10 – 14 лет, не

старше). Если удастся сохранить рейх «в расовом отношении на высоте и в чистоте», вещал Гитлер, то он обретет твердость кристалла и будет неуязвим. Тогда окончательно восторжествует нарушенный природный порядок, вырастут «натуры истинных господ», падут все лжерелигии, проповедующие разум и гуманизм, совесть и мораль, личную независимость и свободу; воля, право сильного, отвага и варварство окончательно утвердятся в своих правах. Служение нации, государству, фюреру станет высшим долгом арийца. Эту задачу – задачу «сохранения и восстановления крови», задачу воспитания арийца Гитлер считал настолько важной, что неоднократно подчеркивал: «Тот, кто понимает национал-социализм только как политическое движение, почти совсем не разбирается в нем. Он более чем религия: он воля к созданию нового человека». В кругу своих сообщников Гитлер откровенно говорил о необходимости устранения «целых расовых единиц». Мы должны развить технику обезлюживания. Если я посылаю в пекло войны цвет германской нации, то, конечно же, я имею право устранить миллионы низшей расы, которые размножаются как черви. Политика «обезлюживания» в первую очередь была направлена против славян и евреев. На Востоке должны жить исключительно люди чистой немецкой крови, заявлял Гитлер еще в «Майн Кампф». По плану «Ост» нацисты планировали переселить в восточные оккупированные области 31 млн человек немецкого происхождения в течение 20-30 лет.

«Генерал-губернатор» Польши Г. Франк, в частности, заявлял, что политическая роль польского народа закончена. Поляки – рабочая сила, больше ничего. Мы добьемся, чтобы навек стереть само понятие Польша.

Международный Военный Трибунал решительно осудил политику обезлюживания, то есть изгнания и уничтожения местного населения и последующей германизации освобожденных территорий как преступную, бесчеловечную политику.

Итальянские фашисты также исповедовали и обосновывали расистские принципы (хотя, следует отметить, в этой стране расизм не привился так глубоко, как в нацистской Германии). Вслед за нацистами фашистское правительство Италии в 1937 г. также утвердило «Закон о защите расы», полностью списанный с гитлеровского расового Кодекса.

Согласно новому закону сожителство итальянцев («белых») с черными объявлялось тягчайшим преступлением и каралось тюрьмой. Результатом дальнейшего углубления расового мировоззрения итальянского фашизма явился ряд мероприятий, принятых против изобретенного им «еврейского засилья», – мер, увенчавшихся опубликованием в ноябре 1938 г. закона, согласно которому евреям, проживающим в Италии, запрещается находиться на службе в каких бы то ни было государственных и общественных учреждениях, в школах всех типов; евреям запрещалась служба в армии и вступление в брак с «арийцами»; евреи – иностранные подданные были обязаны покинуть пределы Италии; наконец, подлежали высылке евреи, поселившиеся в итальянской империи после 1919 г., причем их имущество конфисковывалось.

Расистские бредни распространялись не только в Европе, не только в фашистских странах, но, например, и в США, кичившихся демократичностью своей общественно-политической системы. В США еще в самом начале XX века несколько видных американских промышленников стали оказывать финансовую помощь выше упоминавшейся «евгенике», ставившей целью «улучшить человечество», используя достижения генетики. «Позитивная евгеника» должна была обеспечить воспроизводство «пригодных» индивидов среди населения, а негативная – уменьшить число «непригодных». И дело не ограничивалось только проповедью расистских идей. Евгенистам в США удалось в то время проложить дорогу законам о запрещении браков между представителями различных рас. Такие законы были приняты примерно в 30 штатах США. 24 штата приняли законы о стерилизации лиц, «не приспособленных к жизни в обществе». А во Франции расистские, прежде всего, антиеврейские, законы были обнародованы (30 октября 1940 г.), еще до того, как этого потребовали немцы. Эти законы объявляли евреем всякого, кто имеет евреев среди предков на протяжении трех предшествующих поколений или состоит в браке с человеком, среди предков которого есть евреи в двух предшествующих поколениях. В соответствии с этими законами евреям запрещалось занимать государственные и общественные должности, быть офицерами в вооруженных силах, преподавателями в школах и вузах, исполнять обязанности редакторов и владельцев газет, режиссеров, управляющих кинозалами, театрами и т.д. и т.п.

Любой, признанный евреем, обязан был в течение месяца явиться к префекту департамента и письменно заявить о роде своей деятельности, гражданском положении, дать сведения о своем имуществе. Нарушивших эти законы ожидает заключение под стражу, предупреждали коллаборационистские власти.

Для фашистов главное значение расовой теории заключалось в том, чтобы «обосновать», оправдать кровавый план завоевания фашизмом мирового господства. Еще до прихода фашистов к власти проповедники «фёлькише» (от слова Volk – народ) выдвинули тезис о мнимом превосходстве германской культуры, германского духа над бездушной либеральной цивилизацией остальных западноевропейских народов. Опираясь на этих своих идейных предшественников (у которых нацисты позаимствовали многие ритуалы и символику, в частности, знак свастики), фашисты трактовали понятие «народ» как сугубо расовую культурно-биологическую и мистическую общность, всегда находящуюся во враждебных, антагонистических отношениях с другими подобными общностями. Эта вражда, подчеркивали фашистские идеологи, отнюдь не является продуктом объективных антагонистических социальных отношений, наоборот, сами эти отношения – порождение вражды, которая коренится в духовной субстанции «народа» и со временем достигает крайней степени интенсивности, приводя к войне между народами.

В фашистской идеологии и практике борьба за сохранение чистоты расы становится, подчеркивает, в частности, Р. Бурдерон, «мощным мобилизующим фактором, ибо она является насущно необходимой для самого индивидуума. Перед лицом угрозы вырождения расы, а, следовательно, и входящих в нее индивидуумов каждый немец отстаивает свою собственную жизнь».

С биологической точки зрения интересы расы и интересы индивидуума единое целое. Следовательно, перед лицом общности крови стирается всякое чувство принадлежности к той или иной определенной группе, исчезает всякое ощущение чужеродности в отношении немца иной социальной принадлежности. На основе кровных уз образуется народное сообщество»²²².

Посредством биологизации и мифологизации понятия «народ» фашисты преследовали цель представить в глазах немца политику

монополий, политику господствующего класса как миссию расы, к которой он сам принадлежит; им важно было добиться, чтобы подчинение и угнетение рядового немца правящей капиталистической олигархией выступало бы как свободное, добровольное служение делу собственной расы, собственной нации, собственного народа. Человеконенавистнические деяния немецкого империализма становились в таком случае, в сущности, законом природы, заповедью расы. Подчинение диктату монополий выступало бы для немца как формирование «сообщества», упрочивающего его собственное положение, возвышающего его. Пусть концерны угнетают, эксплуатируют, разоряют немца; он знает, кто «виновен» во всем: «низшие расы»; против них он и должен бороться. Наряду с таким иррациональным видением «народной общности» немцу вдалбливали в голову, что он – представитель высшей, господствующей расы, что лучшая раса имеет абсолютное право господствовать, что она должна установить и сохранить без каких-либо колебаний свое господство над низшими расами. Причем, что касается средств борьбы, то во имя интересов расы все дозволено.

Как отмечает Р. Бурдерон, «расизм дает положительную возможность отвергнуть классовую борьбу, реинтегрировать в национальное сообщество массы, особенно рабочие массы, подавленные на приманку интернационализма, и возложить на сообщество, в котором отныне царит согласие, основную (империалистическую) миссию. С точки зрения негативной он дает возможность найти ответственных за ныне царящую бедственную ситуацию, играющих роль козлов отпущения, на которых возлагают вину за все грехи человечества (в расистском понимании). И таким образом, он дает возможность разделаться с ними и тем самым открыть лучезарный путь к дальнейшему гармоническому развитию высшей расы. Так, расизм обретает черты универсальной категории»²²³.

Представителями низших рас и врагами, которых надо уничтожить, объявлялись в первую очередь евреи, славяне, французы. После евреев нацисты питали особую ненависть к славянским народам. «После столетий хныканья о защите бедных и униженных наступило время, чтобы мы решили защитить сильных против низших. Это будет одна из главных задач немецкой государственной деятельности на все время – предупредить всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами дальнейшее увеличение сла-

вянской расы. Естественные инстинкты повелевают всем живым существам не только завоевывать своих врагов, но и уничтожать их»²²⁴, – вещал Гитлер. И далее снова и снова Гитлер твердил: «Моя миссия – уничтожить славян. Славянство представляет собой биологический вопрос, а не идеологический. К России нельзя подходить с юридическими и политическими формулами, так как русский вопрос гораздо опаснее, чем это кажется, и мы должны применять колонизаторские и биологические средства для уничтожения славян».

Тем не менее расистский бред фашистских заправил нашел свое кульминационное выражение в первую очередь в проповеди и практике антисемитизма. Антисемитизм, жестокое истребление евреев как народа были в фашистской Германии государственной политикой, проводимой как официально, так и путем подстрекательства к массовым и индивидуальным расправам с евреями. Фашисты проповедовали самый отвратительный, самый грубый и примитивный антисемитизм. Самому Гитлеру был присущ патологический антисемитизм. «Разве есть на свете хоть одно нечистое дело, хоть одно бесстыдство какого бы то ни было сорта и, прежде всего, в области культурной жизни народов, в котором не был бы замешан по крайней мере один еврей? Как в любом гнойнике найдешь червя или личинку его, так в любой грязной истории непременно натолкнешься на еврейчика... Защищая себя от еврейства, я вношу свой вклад в дело Господне... Евреизация нашей духовной жизни рано или поздно приведет к полной гибели... Грех крови и осквернение расовой чистоты – первобытный грех в этом мире и угрожает гибелью всему человечеству...

С сатанинским удовольствием, святящимся на их лицах, черноволосые еврейские юнцы подлавливают ничего не подозревающую белокурую девицу, которую они испачкают своей кровью и навсегда уведут от ее народа. Еврейство использует все средства для разрушения расовых основ того народа, который оно намерено подчинить. Евреи делают все, чтобы не только систематически развращать наших девушек и женщин, но и способствовать загрязнению крови по большому счету. Это они привезли негров в долину Рейна, никогда не предавая забвению свою тайную мысль и цель – разрушить ненавистную им белую расу, сбросить ее с культурного и политического пьедестала и стать господами мира...» – такими

и подобными бредовыми сентенциями напичкана вся гитлеровская «Майн кампф».

Геббельс также говорил и писал дикие вещи: евреи – паразитическая раса, произрастающая как гнилостная плесень на культуре здоровых народов. Против них существует одно средство – отсечь и выбросить.

Как уже отмечалось, бредни нацистских вожаков старались подкрепить «научными» аргументами их приверженцы из научных кругов. Это имеет прямое отношение и к антисемитизму. Р. Шмидт в «Справочнике по еврейскому вопросу» заявлял, что еврейский дух направлен на то, чтобы полностью разрушить все основные ценности, поскольку они не имеют рационалистической природы и на место созидательного немецкого духа поставить аналитически разложенную и пораженную скепсисом мелкую литературу, ворох так называемых теоретико-критических расщеплений, чисто формалистических упражнений, подрывающих арийское мировоззрение. К. Шмидт, открывая состоявшийся 3-4 октября 1936 года научный Конгресс (в котором участвовало до 400 человек), в своем докладе «Еврейство в науке о праве» подхалимски вещал: «Все, что фюрер говорит о еврейской диалектике, мы должны вновь и вновь твердить себе и нашим студентам, дабы избежать величайшей опасности, заключенной во всё новых маскировках и увертках. Одного только эмоционального антисемитизма здесь недостаточно, нужна основанная на познании уверенность... Расовому учению мы обязаны знанием различия между евреями и всеми остальными народами». Далее он предложил считать сочинения немецких авторов еврейского происхождения переводами с еврейского языка, помещать их в библиотеках в раздел «Judaica» и, если в случае крайней необходимости нельзя обойтись без цитат, помечать эти тексты шестиконечной звездой, дабы легко отличать их от подлинно немецких. И это было сказано еще за пять лет до того, как нацисты предписали евреям носить шестиконечную звезду на одежде!

По Гитлеру, и марксизм, и социал-демократия, и большевизм, – все это проявления еврейства. Особенно ненавистно Гитлеру еврейское учение марксизма. Оно ненавистно ему потому, что «отвергает аристократический принцип рождения и на место извечного превосходства силы и индивидуальности ставит чис-

ленность массы и ее мертвый вес. Марксизм отрицает в человеке ценность личности, он оспаривает значение народности и расы и отнимает, таким образом, у человечества предпосылки его существования и культуры. Если бы марксизм стал основой всего мира, это означало бы конец всякой системы, какую до сих пор представлял себе ум человеческий. Для обитателей нашей планеты это означало бы конец их существования. Если бы еврею с помощью его марксистского символа веры удалось одержать победу над народами мира, его корона стала бы венцом на могиле всего человечества...».

Ныне я уверен, – вещал Гитлер, – что действую «вполне в духе творца всемогущего; борясь за уничтожение еврейства, я борюсь за дело божие». Поразительно, что Гитлер, Геббельс и другие фашистские главари даже ожидали пропагандистского эффекта от массового уничтожения евреев, в рамках которого «Европа будет прочищена с Запада на Восток». «Наш антисемитизм, – заявил, в частности, Гитлер, 22 июня 1944 г. (то есть за год до сокрушительного краха фашизма!) выступая перед генералами и офицерами, – распространится на весь мир, так же (!) как в свое время идеи французской революции предшествовали французским армиям и облегчали победы Наполеона. Так же будет и у нас»²²⁵.

Антисемитизм фашистских громил был не просто бредом нацистских маньяков. Он имел определенные политические причины, за ним скрывался холодный политический расчет. С помощью антисемитизма фашисты желали отвлечь внимание трудящихся масс от их подлинных угнетателей. Дело в том, что многие представители мелкобуржуазных кругов, в том числе и трудящиеся, достаточно часто сталкивались с евреями-капиталистами, особенно с владельцами крупных универсальных магазинов. Фактически сами они ненавидели в состоятельном еврее не столько еврея как представителя определенной расы, нации, национальности, сколько капиталиста, который их эксплуатировал и угнетал.

Однако, фашисты, спекулируя на том, что среди капиталистов было немало евреев, сумели перевести ненависть трудящихся к угнетателям-капиталистам в русло антисемитизма; разжигая антисемитизм, они сумели скрыть истинные причины социальных противоречий и конфликтов, размыть классовые позиции широких трудящихся масс. Гитлер, Геббельс, Розенберг постоянно вещали,

что именно евреи эксплуатируют рабочих, что именно евреи развязали первую мировую войну, что именно еврейский капитализм и еврейский большевизм стремятся к мировому господству, к новой мировой войне. Фашистские заправилы всегда, повсюду назойливо твердили, что капитализм, либерализм, марксизм, большевизм и т. п. — все это продукты «еврейства», абсолютно чуждые подлинным арийцам.

Антисемитизм, расовая теория в целом действительно были действенным идеологическим оружием в руках нацистов. Апеллируя к мифу о расе, крови и т. п., требуя очищения народного сообщества от чуждых примесей, фашисты сумели навязать многим немцам чувства националистической вражды, миф, будто люди другого происхождения или цвета кожи являются неполноценными.

Фашистам удалось использовать антисемитизм как важное средство отвлечения трудящихся масс от классовой борьбы с капитализмом и фашизмом. Под видом борьбы с «еврейским капитализмом» фашизм на самом деле вел борьбу с рабочим движением, с рабочим классом в целях защиты капитализма. Выступления рабочих против своих классовых противников фашисты демагогически объявляли враждебными немецкому социализму, изображали как действия, идущие якобы на пользу еврейскому капиталу. Коммунистов они неизменно называли не иначе, как приверженцами «еврейской партии». И, конечно, важную роль в проведении фашистами политики антисемитизма играли экономические интересы, тот факт, что все имущество евреев конфисковывалось и передавалось в собственность монополистов «арийского» происхождения или фашистских фюреров.

Антисемитизм служил фашистам также и обоснованием агрессивной внешней политики, их ставки на развязывание империалистической войны против СССР. Объявив еврейство и марксизм одним и тем же учением, фашисты стремились привить мелкобуржуазным массам Германии ненависть к коммунизму и мобилизовать их на истребительную войну против СССР. «Борьба против еврейской большевизации мира, — истерически кричал Гитлер, — требует ясной позиции в отношении Советской России». Эти и подобные призывы должны были прикрыть подлинную агрессивную сущность германского фашизма, стремящегося к мировому господству.

Преступным, бесчеловечным было практическое выполнение германскими фашистами своей программы «окончательного решения» еврейского вопроса. В конечном счете, нацисты уничтожили более 6 млн евреев из 10 млн, живших в Европе. В этой связи удивляет позиция английского историка Д. Ирвинга, считающего, что Гитлер вовсе не желал решения еврейского вопроса в смысле их физического уничтожения; он де лишь желал их изгнания из Европы и переселения на Мадагаскар. Д. Ирвинг заявляет также, что Гитлер будто бы неизменно протягивал свою руку для защиты евреев, что он якобы отменял приказы об их физическом уничтожении, когда узнавал о них. Все дело якобы в том, что его распоряжения не убивать евреев «запаздывали». Они доходили до адресата уже после того, как евреи были убиты. Странные, скорее даже, злонамеренные рассуждения!

Диктатор, постоянно твердящий, что он юдофоб, враг евреев с детских лет, посылающий в адрес евреев одни угрозы и проклятия, требующий уничтожения еврейства и вдруг... их защитник. К тому же он оказывается весьма слабый диктатор, его не слушают, приказов его не исполняют. Все это неправда, цель которой хоть в какой-то мере обелить человеконенавистника.

Конечно, фашисты «прятали концы в воду»; они изобрели собственный эрзац-язык, где вместо слова «убийство» фигурировали слова «выселение», «спецобращение», «естественное сокращение» и т.п. А в реальности, как цитирует в своей книге И. Фест показания одного немецкого инженера, это выглядело так: «Я слышал звучащие один за другим в быстрой последовательности выстрелы из-за земляного холма. Сошедшие с грузовиков люди... должны были по требованию эсэсовца, держащего в руке плетку, раздеться догола и сложить одежду, обувь, верхнее и нижнее белье – все отдельно – в определенных местах. Люди раздевались без крика и плача, целовались, прощаясь друг с другом. На протяжении четверти часа, что я стоял у ям, я не слышал никаких стенаний или просьб о пощаде.

Я наблюдал за одной семьей. Старая женщина с седыми волосами держала на руках годовалого ребенка, что-то напевала ему и щекотала его. Ребенок закатывался от удовольствия. Супружеская пара со слезами на глазах смотрела на него. Отец держал за руку мальчика лет десяти и что-то тихо говорил ему. Мальчик изо всех

сил старался сдерживать слезы. Я еще отлично помню, одна девушка, черноволосая и стройная, проходя мимо меня, показала на себя рукой и сказала «Двадцать три года!» Я обошел холм и оказался перед огромной ямой. В ней вплотную друг к другу лежали люди. Почти со всех голов на плечи стекала кровь. Часть расстрелянных еще шевелилась... Я оглянулся на того, кто стрелял. Этот человек, эсэсовец, сидел на краю ямы, опустив ноги в яму и положив автомат на колени, и курил сигарету. Совершенно нагие люди спускались в яму. Они ложились впереди убитых или раненых людей, некоторые гладили еще живых и что-то тихо говорили им. Потом Я услышал автоматную очередь...».

Бесспорно, считает И. Фест, все рассуждения о намерении Гитлера превратить остров Мадагаскар в своего рода гетто для примерно пятнадцати миллионов евреев несостоятельны и являются домыслами. «Ибо коль скоро еврейство действительно было главным носителем инфекции великой болезни мира, как он постоянно вещал, то не имело смысла создавать для него какую-то резервацию, а следовало уничтожить его как биологическую субстанцию»²²⁶.

Главный убийца евреев Эйхман признал, что нацистами было убито 6 млн евреев. Только в Освенциме (Аушвице) и Майданеке было убито – соответственно – 4 млн и 1,5 млн человек. 29 сентября 1941 г., в Бабьем Яру, в 50-метром овраге, всего лишь за один день было расстреляно 29 тыс. человек – абсолютный рекорд народовубийства! Всего же в Бабьем Яру фашисты расстреляли свыше 100 тыс. мужчин, женщин, детей и стариков.

Павел Полян в своей книге «Между Аушвицем и Бабым Яром. Размышления и последствия о катастрофе» описал страшные преступления нацистов в Аушвице. После разгрузки грузовиков всех заставляли раздеться и, дав по кусочку мыла, запускали в «баню», – на самом деле в газовню. С недоумением смотрели все наверх, на сухие краны, обещанную воду все никак не пускали, а «когда невидимые им люди в газовых масках вбросили сверху в «душевую» какие-то зеленоватые кристаллы, жить им оставалось всего несколько мучительных минут». Эти кристаллы были кристаллами газа – циклона Б, который не знал жалости: перекрывая человеческим тканям кислород, пары синильной кислоты начинали свое действие с невыносимой горечи во рту, затем царапали горло, сжимали грудь, вызывая головную боль, рвоту, судороги и отдышку,

затем наступал паралич всей дыхательной системы. Искореженные страданием, вцепившиеся друг в друга, окровавленные и перепачканные испражнениями трупы, извлекали, грузили на вагонетки и сбрасывали в огромные и никогда не остывавшие ямы-костры... (Не забыв, разумеется, перед этим заглянуть им в рот и вырвать золотые зубы, а у женщин – еще и выдрать сережки и срезать волосы). Убийство циклоном Б было «недорогим». Для удушения 1000 человек было достаточно всего четырех килограммов вещества. Если жертв было «немного», не более 500, то циклон Б на них не тратили, а убивали пистолетными выстрелами в затылок.

Генеральный директор фирмы, производящей «циклон Б», Герхард Петерс так оправдывался после войны перед судом: он де действовал «с самыми лучшими» намерениями «облегчить участь людей, и так обреченных на смерть». И он был оправдан боннскими судьями.

Нацисты убивали не только взрослых, они методически, жестоко убивали детей. Детей, которые могли стать поэтами, писателями, учеными. Они бесчеловечно убивали будущее человечества. В 2004 г. в журнале «Иностранная литература» № 5 были опубликованы «Стихи детей из Терезина». Терезин – небольшой город в Чехии. Нацисты превратили его в гетто, в специфический детский концлагерь. Из Терезина узников направляли в лагерь уничтожения: в Трешлинку, Освенцим и т.п. В Терезине было много детей, более 10,5 тыс. младше 15 лет. Время в Терезине делало детей мыслителями. «Неотступная мысль о смерти, даже если она не допускалась сознанием, терзала исподволь, и дети задавались вопросами, на решение которых обычно уходит вся жизнь».

Разрывают сердце слова 9-летнего мальчика: «Я не боюсь, здесь все так страшно, что там, в небе, мне, наверное, будет лучше». Другой мальчик, в ответ на замечание, что он знает многое, возразил: «Я знаю многое, но я знаю также, что я ничему больше не выучусь, и это самое грустное».

Некоторых детей, даже оставшихся в живых, концлагерь все равно достигал. Автор вступительной статьи к «Стихам детей их Терезина» Елена Макарова рассказывает о Зденекке Орнесте (Ориштейне), который вернулся в Прагу, пройдя Терезин, Освенцим, Бухенвальд и Дахау. Он стал известным актером, но стихов больше не писал. Его жизнью стала сцена, где он скрывался от одиночества,

а любимой книгой – «Софи делает выбор» Стайрона. «Как жить ценой чужой гибели?» – вопрос, сформулированный Стайроном, не давал Зденеку покоя. Он покончил жизнь самоубийством. Но незадолго до самоубийства он рассказал Елене Макаровой вот эту историю: «В нашем бараке остались одни доходяги. И два брата-близнеца моего возраста. Я не любил их за пронырливость. Уведут цыган в газ – они тут как тут, подбирают вещички... Стреляли в любого, кто поскользнулся или замешкался... Не помню, как я оказался в открытом вагоне, нас навалили друг на друга, три-четыре дохляка в одной упаковке... Я не мог дышать, я пытался спихнуть того, кто лежал на мне, кусал и щипал его, пока он не свалился... Он прохрипел и стих. Мне было тошно смотреть на труп, и я попросил близнецов оттащить его в сторону, те согласились за хлеб. Хлеба у меня не было. Видишь, я не только сравнился с близнецами, я превзошел их. Они-то никого не убивали...».

И вот стихи, отрывки их стихов, детей-пленников концлагеря Терезина. Стихи трагически-мудрые...

Павел Фридман (1926 – 1944).

Бабочка

та последняя бабочка, та последняя самая,
полная солнечного золотого цвета,
как желтого солнца слеза о белый звякнула камень
и тут же легко взлетела
словно хотела успеть
расцеловать мой последний свет.

В гетто живу уже седьмую неделю
подругой мне стала каштана белая ветвь
друзьями в саду – желтые одуванчики,
Но бабочки здесь больше я не встречал
та была самой последней бабочкой в гетто
бабочки здесь не живут.

«Терка». Это стихотворение написала девочка 12 лет, она была убита, имя ее неизвестно.

* * *

Жил-был на свете домик, стоял под горкой,
В доме – квартирка в четыре светлых окна.
Всех приглашаю там побывать, как в сказке:

Как расписная шкатулка, у Терки светелка.
В ней собралось не ценимое прежде добро:
Куклы, картины на стенах, книги на полках,
А на столе – кисть, карандаш и перо.

Тут обрывается сказка. Как все, по приказу,
Как велено, из дому вышла. Надела пальто.
Все, что любила да не ценила, сразу,
Вдруг превратилось в одно большое НИЧТО.
Мы на заре взвалили на плечи котомки.
Двери закрыли – в скважине хрустнул ключ.
Прочь мы уходим, уходим в такие потемки,
Где ничего-ничего...
Только памяти луч.

Франтишек Басс (1930 – 1944).

Вот он, садик аленький.
Пахнут розы робко.
Ходит мальчик маленький
Узенькою тропкой.

И похож мальчоночка
На бутончик ранний.
Лишь бутон раскроется –
Мальчика не станет.

Зденек Грюнхут. Ему десять, всего десять лет!

Здесь их убежище, здесь их жилище.
На чердаке ветер воет и свищет.
Двадцать детей проживают вот так:
На чердаке под самой крышей
Темною ночью пугают их мыши.
Серые мыши шуршат и пищат,
Дети от страха все ночи кричат.

Петер Гинц (1928 – 1944).

* * *

В жуткой торчу дыре вот уже триста дней,
Будто бы в клетке зверь, и вырваться как, не знаю.
Две улицы здесь вместо каменных площадей.
Прага, как сказку из камня, тебя вспоминаю.

Гануш Гахенбург (1929 – 1944).

* * *

Кто я такой?
Какого племени, роду?
К какому я принадлежу народу?
Кто я – блуждающий в мире ребенок?
Что есть отечество – гетто, застенки
Или прелестный маленький певчий край –
Вольная Чехия, бывший рай?

Какие острые вопросы ставит Гануш перед собой и перед человечеством!

К чему человечеству точность прекрасной науки?
К чему ему женщин красивых губы и руки?
К чему этот мир, если миром бесправье правит?
К чему ему солнце, коль день никак не настанет?
Зачем ему Бог? Чтоб только карать и мучить?
Иль чтоб человечество стало немного лучше?

Может быть, мы и не люди вовсе, а звери,
Рожденные для страданья, чтоб сгнить в пещере?
К чему эта жизнь, где все живое так жалко?
Зачем превратился мир в огромную свалку?
Верь мне, сынок, все так обернулось страшно,
Чтоб стал ты мужчиной! Чтоб воевал отважно!

Вера в Ничто

* * *

я одинок
мне нет никакого ответа
в пепле после огромного пламени
нет ничего

Жизнь и смерть

Весь мир – это жизнь и смерть:
солнечный луч обжигающий твердь,
дикая буря в морях,
заливающая острова,
вечна любовь – кровью земля жива.
Из лона Земли жизнь рождена
и с умением редким
отдается плодится себя пожирает она
себе расставляя сети.
Так задумано биоклеткой –
время для жизни и – время для смерти.
Смерть занесла грязную руку над нашей
юдолью и над душою моею
переполняется черепа чаша
высохнет мозг и всей массой костей
крови мускул и жил
плоть закричит:
«Жизнь! Жизнь! Жизнь?!»

Зденек Орнест

Кроха тепла
Как я завидую крохе тепла, друзья!
Ах, дорогое тепло, о тебе я мечтаю до слез –
Вот бы сейчас притулиться к твоим коленям!

Но стоит очнуться полностью мне от снов
И почувствовать страшный голод, как я опять
Отказаться от всех мечтаний своих готов,
Под одеяло залезть бы – и спать, спать, спать...

Поражают стойкость духа, мужество и воля к сопротивлению, которые демонстрировали многие дети. Из Шауляя прибыл транспорт с одними детьми. Их направляют в раздевалку. Пятилетняя девочка раздевает своего годовалого братишку. К ней приближается человек из зондер команды, чтобы помочь. И вдруг девочка закричал: «Прочь, еврейский убийца! Не смей прикоснуться к моему братику своими запачканными еврейской кровью руками!

Я теперь его добрая мамочка, и он умрет вместе со мной на моих руках».

А семи- или восьмилетний мальчик, стоящий рядом, обращается к нему же: «Вот ты – еврей и ведешь таких славных детишек в газ – но как ты сам можешь жить после этого? Неужели твоя жизньшка у этой палаческой банды тебе и впрямь дороже, чем жизнь стольких еврейских жертв?..».

Еще пример мужества ребенка. Эсэсовец бьет, убивает еврейского мальчика стэком. Кругом кровь, судорожное тельце мальчика уже не шевелится. Но вдруг словно пружиной поднялось это тельце на ноги, и мальчик молча и спокойно посмотрел в глаза своему убийце.

Один мальчик, перед тем, как подняться на грузовик, который доставлял жертвы в газовые камеры, смело обратился к таким же детям, как он: «Не плачьте, ребята, вы видели, как убивали ваших отцов, матерей и дедов. Теперь очередь за нами, мы там в небесах увидим снова их всех». Затем он повернулся к эсэсовцам: «У меня только одна радость – вы тоже издохните». (Нюрнбергский процесс, т. 3. М., 1966, с. 478).

Поразительно то, что Эйхману и другим эсэсовцам удавалось мистифицировать мировую «общественность». В 1943 – 1945 гг. В Терезине побывало несколько комиссий международного Красного Креста. Члены комиссий уезжали из лагеря в полном удовлетворении, так и не узнав страшной правды о голоде, эпидемиях, депортациях и убийствах. (Может быть, они и не желали знать правды об истинном положении вещей).

9 мая 1945 года советские воины танковой армии генерала Рыбалко освободили Терезин от фашистов. И поразительно также то, что Геринг на Международном Суде заявил, что он только здесь, в Нюрнберге, впервые узнал об ужасных истреблениях евреев. Целью немецкой политики являлась их высылка, а не убийство. И добавил, что и Гитлеру также ничего не было известно о какой-либо политике истребления евреев.

Возмутительно то, что и в наше время находятся люди, отрицающие геноцид, холокост, убийство еврейского народа. Это – де – «миф». В Германии была дискриминация евреев, это правда. В Аушвице никогда не убивали газом, в крематориях сжигали трупы тех, кто умер от многих причин, в том числе и от англо-американских

бомбардировок. Если немцы и ликвидировали евреев, то только тех, кто принадлежал к партизанам, саботажникам, шпионам и т.п.

Расизм, национализм, шовинизм были составными частями идеологических построений у фашистов и в других странах. Например, в идеологии японского фашизма ключевым был расистский миф о «японском духе». Концепция японского духа утверждала несравненное превосходство японской нации, освящала войну, якобы ведущую к концентрации «моральной жизненной энергии», возвеличивающую «японский дух» и т. д., и т. п.

Наиболее полно «японский дух», по утверждению фашистских идеологов, был воплощен в личности императора; император объявлялся ими олицетворением божественного начала, прямым потомком богини солнца. Японская нация же трактовалась как некая якобы единая семья, возглавляемая отцом – императором.

Взаимоотношения «отца» – императора и его «семьи» – народа основаны будто бы на взаимной семейной любви. Подобным образом рассуждал, например, фашистский теоретик Фуисава; он изображал японское государство как «биологический организм», имеющий главу (Тенно – император) и органы (члены). Император, доказывал он, есть «духовный и биологический центр японской народной общности»; он воспитатель нации и отец ее. Провозглашая превосходство, преимущество японцев, Фуисава утверждал, что японцам внутренне-де присущи такие высокие моральные качества, как преданность императору, готовность отдать жизнь за родину, дух повиновения, храбрость, наступательный дух. По примеру своих нацистских собратьев Фуисава грубо нападал на французскую буржуазную революцию, клеймил либерализм и марксизм. Он безудержно восхвалял фашистскую диктатуру Гитлера, Муссолини, клеветал на Коммунистический Интернационал и Народный Фронт, противопоставлял им так называемый Национальный Фронт, цинично спекулируя на расистских и националистическо-шовинистических предрассудках.

В 30-е годы XX в. под лозунгом японского духа в Японии были созданы многочисленные расистские, националистические организации: «Общество Дзимму», «Промышленная партия Великой

Японии», «Патриотическая партия труда», «Союз молодежи Великой Японии», «Национал-социалистическая партия Японии» (позднее переименованная в «Патриотический политический союз»), «Народный союз новой Японии» и др. Все эти организации разжигали расистские, националистические чувства, призывали японцев осознать свое призвание в качестве великой нации, нации-колонизатора. Фуисава, другие идеологи «японизма» с откровенным цинизмом прославляли войну, постоянно твердили, что война – это «проявление божественной ценности», что она возвеличивает японский дух, доказывали, что мир может быть достигнут лишь в том случае, когда все народы «свободно» признают Японию как духовный центр мира и т. д. и т. п.²²⁷

Советские ученые уже в 30 – 40-е годы XX в. показали полнейшую научную несостоятельность и вскрыли политическую сущность концепции «японизма». Как отмечал И. Разумовский, «тот особый «оттенок» мировоззрения, на который выражает свои претензии распоясавшийся японский фашизм, целиком проистекает из его полуфеодальных корней... Дух самурайской помещицкой аристократии, помноженный на самоновейший, требующий кровавых жертв, японский империализм, проглядывает сквозь всю эту елейную болтовню об «отце-императоре», «родительской любви и прочих нравственных чертах японской культуры. Шайка хищных империалистов, японская военщина... стремятся прикрыть свои наглые империалистические аппетиты и полное закабаление японских трудящихся масс этими феодально-религиозными рассуждениями»²²⁸.

В конечном счете «японизм» был идеологией японского империализма. Именно дух Ямато, японский дух освящал и оправдывал навязанные японскому народу империалистическими кругами захватнические войны 1931 – 1945 гг.

Фашистские лидеры «малых» фашистских стран также были приверженцами расизма. Так, румынские фашисты, где только возможно, твердили об идейной общности между своей «Партией нации» и гитлеровскими нацистами. Если германские фашисты твердили о превосходстве арийской расы, то румынские «железнодорожники» утверждали главенство в Румынии валахов. Так же как и гитлеровцы, румынские фашисты были антисемитами. «Мы направляемся к решительной антисемитской политике, – писала

фашистская газета «Порунка времий». – Без этого полный национализм невозможен». В духе своих нацистских вдохновителей фашистские заправилы Румынии также требовали «серьезно и рационально» разрешить славянский вопрос. Они заявляли, что славянские народы являются для Европы не политической или духовной, а серьезной биологической проблемой, что по отношению к славянам «необходимо занять непоколебимую позицию, а потому любое разделение, любая нейтрализация или занятие славянской территории являются законными актами» и т. п.²²⁹

Фашистские идеи расы, нации, крови и т. п. отнюдь не представляют собой чего-либо нового, оригинального. Обращение к истории (см. гл. 3) показывает, что правящие классы, пытаясь возвести господство и угнетение в «вечный» и «неизменный» принцип природы и общества, не раз обращались к подобного рода теориям о высших и низших расах, к идеям о расовом и национальном превосходстве тех или иных народов.

История, наука убедительно доказывают несостоятельность всех попыток перенести биологические понятия в область общественных наук. В результате манипуляций с биологической терминологией можно всю историю подвести под один единственный «великий естественный закон» – превратить всякую социальную борьбу во фразу: «борьба за существование». В таком случае социальная борьба изображается как расовая, как борьба биологически сильных против биологически слабых.

Наука уже давно доказала всю несостоятельность расистских измышлений о происхождении рас, об их взаимодействии и взаимовлиянии. Человеческие расы образовались внутри homo sapiens уже после того, как сложилась социальная форма жизни. Труд дал возможность различным группам homo sapiens расселиться почти во всех районах Земли и жить в самых разных природных условиях.

Относительная первоначальная изоляция отдельных групп способствовала тому, что в дальнейшем развитии в процессе приспособления к конкретным окружающим условиям эти группы постепенно приобретали определенные наследственные признаки. Вместе с тем на линиях между географическими центрами сосредоточения белой, черной и желтой рас можно обнаружить наличие большого числа плавных переходов и оттенков в цвете кожи и

других внешних признаках, которые обусловлены различной частотой одних и тех же генетических компонентов.

В любом случае расистские рассуждения фашистов представляют собой издевательство не только над наукой, но и над простым здравым смыслом. Поскольку каждая из современных наций в силу своеобразного хода своего исторического развития представляет собой продукт смешения самых разнообразных расовых элементов (если иметь в виду расу как совокупность физических признаков: цвет волос, форма головы, носа и т. п.), постольку в не меньшей степени это относится к немцам, японцам и итальянцам, которым фашистские расоведы пытались внушить человеконенавистническую идею насчет какой-то их особой «расовой чистоты».

Современная наука следующим образом подходит к пониманию расы (это определение принято ЮНЕСКО): расы – это человеческие популяции, различия которых проявляются во внешнем виде их представителей и в большинстве случаев связаны с различной частотой появления комбинаций одних и тех же наследственных признаков. Различные по частоте комбинации одних и тех же генетических компонентов приводят к таким физическим различиям, как преобладающая группа крови, форма головы или пигментация кожи.

Как видим, в этом определении нет даже упоминания о наличии каких-либо характерных психических отличий у представителей различных рас. В конечном счете отдельные индивиды всех человеческих рас находятся в общем и целом на одном уровне морфологической и физиологической организации. И по мере усиления, в сущности, необратимого процесса взаимопроникновения и смешения рас происходит постепенное исчезновение рас как биологически различающихся групп людей.

В этой связи абсолютно несостоятельны также попытки фашистских теоретиков уподобить нацию, народ, государство организму, чувствующему и мыслящему. С научной точки зрения нацию, например, определяют такие вполне реальные и поддающиеся анализу признаки, как исторически сложившаяся общность экономической жизни, территории, языка и психического склада, проявляющихся в общности культуры. Именно эти признаки характеризуют собой нацию, а отнюдь не надуманная мистика расы,

расовой души, общности крови и т. п. В любом случае процесс формирования наций, перспективы их развития нельзя рассматривать изолированно от развития экономической, политической и духовной жизни данного общества.

Конечно, поскольку нация как специфическая общность народа объективно существует, постольку идея нации глубоко проникает в сознание и психологию народных масс, тем более что во многих случаях единство нации достигалось в длительной упорной борьбе против иностранного господства.

Все это и создает возможность того, чтобы сознание и психология широких слоев народа были захвачены национализмом и шовинизмом. Бесспорно, большинству немецкого населения объединение Германии, осуществленное Бисмарком, казалось реализацией вековой мечты о национальном единении, реализацией того, за что боролись лучшие представители немецкой нации. Но беда была в том, что при этом могло выхолащиваться и выхолащивалось демократическое содержание национальных чаяний. Национальное чувство постепенно стало отождествляться с традиционным верноподданническим духом немецкого мещанства, с послушанием «Государству», якобы представляющему всю нацию.

Более того, национальное чувство верноподданных все больше отождествлялось с шовинизмом господствующих классов. Шовинисты проповедовали превосходство немецкой нации, доказывали, будто национальное величие равнозначно военной силе и что война, направленная на порабощение других народов, является-де истинно национальным деянием.

Новым элементом, появившимся в шовинистической идеологии империалистических кругов Германии после поражения в первой мировой войне в 1918 г., явился реваншизм. Реваншизм – это отнюдь не призыв (или не просто призыв) к борьбе против несправедливостей Версальского договора. Реваншизм – это идеология, предпосылкой которой является разочарование, вызванное крушением надежд на создание Германской мировой империи. Реваншизм нацеливает на войну во имя реванша за поражение, подогревает эмоции и сознание людей, обещая возрождение былой мощи. Реваншистам, как правило, свойственны демагогические утверждения, будто все внутренние бедствия проистекают из этого «случайного» военного поражения и реванш, следовательно, вновь приведет в порядок все

немецкие (или другого народа) дела. Поэтому реваншизм является шовинизмом империализма, потерпевшего поражение.

Конечно, расистско-националистические, шовинистические лозунги коварны и опасны. С точки зрения науки и морали они, разумеется, несостоятельны, но, проникая в сознание и эмоции людей, они могут возбудить агрессивные намерения и толкнуть многих людей на преступные действия.

С нашей точки зрения, подчеркнем еще раз, как нет никаких высших и низших рас, так и нет высших или низших наций и народов. Каждый народ внес свой вклад в культурное наследие человечества. Культура каждого народа неотделима от культуры человечества в целом. Национальная культура – продукт гораздо более широкого притока идей, нежели тот, который ограничен пределами национальных границ. Если, например, взять европейский континент, то здесь, несмотря на длительные периоды соперничества и войн, в конечном счете сложилась общая европейская культура, порожденная социально-экономическими эпохами Готики, Реформации, Возрождения, промышленной революции. Подлинно культурный человек в любой стране никогда не ограничивался своей национальной культурой. Он неизменно устремлял и устремляет свой взор к лучшему из того, что создано другой национальной культурой. Шекспир, Гёте, Бетховен принадлежат не только Англии и Германии, но и всей Европе и всему миру, так же как Толстой, Достоевский или Рабиндранат Тагор. Вопреки клеветническим измышлениям фашистов, огромный вклад в культуру человечества внес и русский народ. Без русской поэзии, русской литературы, без Пушкина, Толстого, Достоевского, Горького действительно невозможно представить мировую цивилизацию, мировую культуру.

Что касается фашистских попыток создать некую «чистую» арийскую культуру для немецкого народа, то они обернулись уничтожением как мировых культурных ценностей, так и культурных достижений немецкого народа. Лишь благодаря победе над фашизмом была спасена мировая, в том числе и немецкая культура. Разоблачая расизм и шовинизм фашистов, советские ученые еще в 40-х годах подчеркивали, что расовая идеология, нелепые рассуждения о чистоте крови, о нации как метафизическом, трансцендентном абсолюте и т. п. – это, с одной

стороны, практически весьма удобный способ скрыть убожество мысли и абсолютное невежество, ибо сей бред не требует каких-либо знаний или какой-либо аргументации; с другой стороны, провозглашение этого мировоззрения открывает совершенно исключительные возможности для террора и искоренения целых народов и государств.

Фашизм – идеология насилия и агрессивной, захватнической войны

Расизм, безудержный национализм и шовинизм явились в фашистской идеологии теоретической базой жестокого культа насилия и войны. Фашистские теоретики назойливо твердили: война – высшая цель и смысл жизни нации, необходимое средство очищения народа от всякой скверны. Война – первопричина динамики жизни и одновременно источник всех человеческих ценностей. Она – школа геройства и товарищества, она приобщает индивидуума к народному сообществу. Нация укрепляется числом солдат, которых она имеет, количеством битв, в которых она участвует.

Конечно, фашистские славословия войне опять-таки не были оригинальны. Уже в начале XX века империалистические круги желали войны, готовились к ней и, разумеется, обосновывали и оправдывали ее. Кровавая бойня первой мировой войны ничему не научила империалистов. Для них по-прежнему война была «необходимой предпосылкой прогресса цивилизации». В изданной в 1935 г. книге «Тотальная война» генерал Людендорф, все сделавший для затягивания первой мировой войны, цинично утверждал: «Война и политика служат выживанию народа, война есть высшее выражение народной воли к жизни! Поэтому политика должна служить ведению войны... Подобно тому как мы не можем избежать смерти, мы не в состоянии избежать и войны... Это судьба всякого живого...»²³⁰.

Война была основополагающей максимой мировоззрения Гитлера. Политика – своего рода перманентное ведение войны, вооруженное столкновение – сильнейшая и классическая форма не только политики, но и жизни вообще. Пацифизм портит людей; если бы они остались жить в Эдеме, они бы сгнили. Мир, продолжающийся 25 лет, вреден для нации, – твердил Гитлер.

Апология войны и утверждение культа солдата были важнейшей составной частью идеологической системы нацизма. Фашистская пропаганда назойливо твердила, что фашистское движение имеет духовное происхождение в августовских днях 1914 г. (т. е. в тех днях, когда германские милитаристы начали первую мировую войну), когда «весь германский народ в стихийно вспыхнувшем воодушевлении поспешил взяться за оружие». Отмечая двадцатилетие со дня развязывания первой мировой войны, фашисты ставили перед собой следующую задачу: «Всему нашему народу дать теперь картину того великого, что было пережито, что двадцать лет назад поставило наш народ на его настоящий путь и что внешне и внутренне неким образом определяюще повлияло на каждую отдельную личность». И далее: «Прежде всего мы должны у живущего вместе с нами поколения пробудить и углубить сознание того, что солдатское поведение и солдатские действия должны быть неотъемлемой частью государственного творения»²³¹.

Ради этой цели фашисты эстетизировали политическую жизнь, подчеркивал В. Беньямин, видный немецкий философ, антифашист. «Массовая репродукция оказывается особо созвучной репродукции масс. В больших праздничных шествиях, грандиозных съездах, массовых спортивных мероприятиях и военных действиях — во всем, на что направлен киноаппарат, массы получают возможность взглянуть самим себе в лицо. Высшей точкой эстетизации политики является война. В. Беньямин цитирует лидера итальянских футуристов Маринетти, который по поводу колониальной войны в Эфиопии писал: «Двадцать семь лет мы, футуристы, противимся тому, что война признается антиэстетичной... Война прекрасна, потому что обосновывает, благодаря противогазам, огнеметам и танкам, господство человека над машиной... Война прекрасна, потому что делает более пышным цветущий луг вокруг огненных орхидей митральез... Война прекрасна, потому что соединяет в одну симфонию ружейную стрельбу, канонаду, временное затишье, аромат духов и запах мертвечины. Война прекрасна, потому что создает новую архитектуру, такую как архитектура тяжелых танков, геометрических фигур авиационных эскадрилий, столбов дыма, поднимающихся над горящими деревьями, и многое другое...».

Самоотчуждение человечества достигло той ступени, которая позволяет переживать свое собственное уничтожение как эсте-

тическое наслаждение высшего ранга. Вот что означает эстетизация политики, которую проводит фашизм, подчеркивает В. Беньямин. (См. В. Беньямин. Произведения искусства в эпоху его технической воспроизводимости).

Фашизму нужны были не рассуждающие и думающие люди, а выдрессированное, одержимое шовинистической ненавистью солдатское стадо, готовое безоговорочно уничтожить всех, кого фашисты назовут «врагами немецкого народа». Расистские, шовинистические измышления фашистов были призваны «открыть» «глубинные» корни агрессивности и ненависти в самой человеческой натуре, пробудить в человеке его самые низменные инстинкты. Отсюда у фашистских теоретиков и безудержная зоологизация всего понимания личности. Они доказывали, что неверно считать, будто отличие человека от животных состоит в том, что у животных господствует инстинкт, а у человека – интеллект. Инстинкты раскрываются как источники силы и у человеческого существа, влечение же может быть рассмотрено как врожденная сила инстинктов.

Фашисты откровенно объявляли идеалом «нового человека» – солдата, жестокого, жаждущего крови солдата. В войне с «врагом» не должно быть никакой жалости, никакой пощады. «Никакой жалости, жестокость», – цинично разглагольствовал Гитлер. «Кто может оспаривать мое право уничтожать миллионы людей низшей расы, которые размножаются как насекомые? – продолжал фюрер. – ...Будущая война будет ужасной, кровавой, жестокой. Но война наиболее жестокая, война, которая не будет делать разницы между военными людьми и мирными жителями, будет также войной наиболее приятной. Я хочу войны, и все средства для меня хороши. Война будет вестись по-моему, война – это я»²³².

По отношению к «врагам» фашисты не признавали никаких моральных принципов, напротив, оправдывали самые бесчестные поступки, более того, возводили их в ранг доблести и образцов для подражания, если они служили интересам расы и нации. Верность фюреру – вот единственный нравственный принцип, которым должны были руководствоваться арийцы. В отношениях с представителями других рас и народов такие принципы, как честь, совесть и т. п., исключались. Гитлер лично провозгласил человеконенавистнический тезис: «Я освобождаю человека от

унижающей химеры, которая называется совестью... Я имею то преимущество, что меня не удерживают никакие соображения теоретического или морального порядка... Я провожу политику силы, не беспокоясь о мнимом кодексе чести»²³³.

Свои человеконенавистнические замыслы по отношению к другим народам фашистские заправила пытались обосновать и геополитически. Германии, находящейся в центре Европы, геополитически предопределено расширять свои границы во все стороны, твердили Гитлер, Розенберг, Геббельс и др.

Спекулируя на тезисе: «народ, нация без жизненного пространства», Гитлер нагло оправдывал и прославлял захватнические войны. «История всех времен – история Римской империи и Британской империи – доказала, что всякая территориальная экспансия возможна лишь путем преодоления сопротивления и в результате риска. Неизбежны даже неудачи. Ни раньше, ни теперь не существовало территории без владельца. Нападающий всегда сталкивается с владельцем. Поэтому проблемы, стоящие перед Германией, могут быть разрешены лишь силой... Обстоятельства должны быть приспособлены к целям. А это невозможно без вторжения в иностранные государства или посягательства на чужую собственность»²³⁴, – разглагольствовал Гитлер. В том же духе вещал и Геббельс: «Нам необходимо жизненное пространство. А что это означает? Определение мы дадим после войны. Когда эта война закончится, мы станем хозяевами Европы. Тогда мы станем вновь принадлежать к имущим нациям, тогда у нас будет сырье и ресурсы и тогда нашей собственностью станет крупная колониальная империя... Мы, национал-социалисты, всегда стояли на той точке зрения, что в 1918 году война не завершилась. Наступил лишь большой перерыв. Заключительный акт разыгрывается сейчас. Эта драма закончится немецкой победой и не станет трагедией».

Фашистским заправилам вторили и ученые-геополитики. Опираясь на идеи Р. Челлена, который рассматривал государство как «чувственно-разумное существо», подобное человеку, гитлеровские геополитики Р. Генниг, К. Гаусгофер, Х. Гюнтер и другие твердили, что у государства, точно также как и у отдельного человека, тенденция роста проявляется в двойной форме: расширения и деления.

Геополитик Р. Генниг, например, доказывал, что «обыкновенное расширение границ государства напоминает телесный рост молодого человека, основание колоний – процесс размножения. Следовательно, народ, государство, стремящиеся захватить другие территории, обнаруживает лишь здоровый инстинкт размножения и это надо только приветствовать. Тем более это касается германского народа, народа без территорий; он задохнется, если не будет добиваться расширения своего жизненного пространства²³⁵.

Другой геополитик К. Гаусгофер в книге «Границы» подчеркивал, что целью его работы служит воспитание в немецком народе чувства границы, создание атмосферы для геополитического ощущения просторов. «Надо создать среди всех слоев народа убеждение в недостаточности жизненного пространства в тех размерах, в каких оно сейчас имеется и, в негодности его теперешних границ, – утверждал он. – Этого можно достигнуть только тем, что под влиянием воспитания весь народ от смутного чувства стесненности из-за недостаточности пространства для дыхания, из-за недостатка воздуха, из-за давящей тесноты перейдет к сознательному стремлению изменить свои границы».

Апеллируя к геополитическим лозунгам, Гитлер, Геббельс, другие фашистские заправилы истощно призывали к войне за создание «Великой Германии». Великая Германия, по замыслам гитлеровцев, должна была включать в себя Голландию, Бельгию, Северную Францию, Эльзас и Лотарингию, Люксембург, Швейцарию, Австрию, Чехословакию, Прибалтийские страны, часть Югославии и т. д. Первый шаг на этом пути – уничтожение Франции, этого заклятого и смертельного врага Германии. Затем – разгром Англии, которую следовало наказать, лишив ее наиболее прибыльных колоний и сделав полуассальным государством. Причем, в любом случае сведение счетов на Западе – только прелюдия. Его можно рассматривать исключительно как прикрытие тыла с целью расширения территории. Главное направление экспансии теперь – Восток, – разглагольствовал Гитлер. Германия теперь должна искать приобретение новых территорий в Восточной Европе, и, прежде всего, за счет России.

Примечательно, что захватнические аппетиты Гитлера, нацистов выходили далеко за пределы Европейского континента. И в конечном счете было совершенно ясно, что речь шла отнюдь не

о жизненном пространстве, но о мировой нацистской империи, о мировом господстве фашистской Германии.

Геополитический тезис о жизненном пространстве широко использовали и итальянские фашисты. Их идеологические подручные «доказывали», что стремление к империи, к национальному распространению является будто бы жизненным проявлением; обратное, то есть «сидение дома», – это признак упадка. Народы, возвышающиеся и возрождающиеся, всегда-де являются империалистами.

Жонглируя лозунгами: «Народ без территории», «Народ без жизненного пространства», Муссолини обосновывал и прославлял захватнические колониальные войны. «Если нам не хватает пространства, мы должны получить его», – заявлял Муссолини. И угрожающе продолжал: «Если требования Италии не будут осуществлены путем переговоров, то они будут осуществлены при помощи оружия. Италия требует от Франции не больше, но и не меньше того, что должно принадлежать ей в силу исторического права: Тунис, Суэц и Джибути. Кроме того, следует урегулировать вопрос о Корсике. Итальянский народ убежден в том, что этот остров принадлежит ему»²³⁶.

Осуществляя свою империалистическую политику, фашистская Италия вела истребительную войну против Эфиопии, вместе с гитлеровской Германией участвовала в интервенции против республиканской Испании. Даже в 1942 г., после сокрушительных поражений на советском фронте, итальянский фашизм имел наглость претендовать почти на одну треть Африки (Судан, Тунис, Алжир и другие области с границей от Индийского океана до Атлантического), большую часть балканского полуострова и часть французской территории (Ниццу, Корсику, Савойю), не отказываясь в то же время от старых притязаний итальянского империализма на страны Ближнего Востока, а в том числе и на часть территории Турции.

Таким образом, ясно, что все рассуждения фашистских заправил Италии о народе без жизненного пространства служили одному – обоснованию программы агрессивных, захватнических войн.

Лидеры «малых» фашистских стран также твердили о нехватке жизненного пространства и доказывали, что искать его нужно, прежде всего, на Востоке. В 1942 г. вице-премьер фашистского

правительства Румынии М. Антонеску в своем докладе «Румыния в завтрашней Европе», призывая помочь Гитлеру и Муссолини в их военной миссии по уничтожению большевизма, вместе с тем раскрыл аппетиты румынского империализма. Он уверял, что Румынию после достижения конечной победы ожидает в новой Европе блестящее будущее, что она станет «воротами против восточных славян, воротами, через которые богатства немецкой Центральной Европы будут связаны с румынским Черным морем». «Через Северные Карпаты, – разглагольствовал он, – мы проложим мост к великой немецкой массе. Через Львов мы свяжемся с Балтийским морем, через нас будут стекаться богатства Европейского Севера на юг и восток Европы; благодаря Дунаю мы принадлежим к Центральной Европе, мы – кроны Балкан, а через Черное море мы протягиваем нашей сестре Италии руку вечной латинской веры»²³⁷.

История многих стран и многих поколений показала полнейшую несостоятельность всякого рода теорий о якобы нехватке жизненного пространства для тех или иных народов, для тех или иных стран, из-за которой-де и проистекают все бедствия и страдания данного народа или страны. Географическая изоляция стран рухнула вместе с промышленной революцией, с созданием железных дорог. «Гранитные стены, за которыми каждая провинция сохраняла свои национальные особенности и вела замкнутую местную жизнь, перестают служить преградой... Альпы и Богемский лес как бы перестают существовать; новая артерия простирается от Триеста до Гамбурга, Остенда и Гавра, далеко за пределы империи, пересекая горные хребты и проникая до отдаленных берегов Северного моря и Атлантического океана. Участие в общих делах всего государства, в событиях внешнего мира становится необходимостью. Провинциальное варварство исчезает»²³⁸. Дело, в конечном счете, не в несовершенстве политической карты мира, не в несоответствии исторических границ «естественным» интересам государства. Дело в индустриальном развитии страны, в способе производства материальных благ, в отношениях с другими странами, в торговле с ними, в культуре страны.

Фашистские геополитические теории служили одной-единственной цели – оправдать откровенно шовинистические, захватнические войны фашизма. В конце концов эти агрессивные и

человеконенавистнические теории абсолютно противоречили коренным интересам любого народа, в том числе и немецкого. Однако, к сожалению, они отравили сознание значительной части немецкого народа. «Немецкой буржуазии, в течение многих десятилетий оболванивавшей немецкий народ, удалось убедить немало немцев в том, что распространение господства немецкого народа на другие народы является ключом национальной мощи и свободы, что немецкая нация тем сильнее и свободнее, чем больше она умеет распространять свое господство на другие народы, подавлять свободу и право на самоопределение других народов, вовлекать их в захватнические войны и грабить их».

Обманывая немецкий народ, лживо утверждая, что все бедствия немецких трудящихся объясняются исключительно плотностью населения Германии, несоответствием между количеством населения и размерами территории и что вследствие этого единственный путь к подъему жизненного уровня немецкого народа лежит в расширении его жизненного пространства, гитлеровцы планировали агрессивные захватнические войны. Они ставили своей задачей не просто военный разгром своих реальных и мнимых противников, одновременно они планировали ограбление поработченных стран и народов, ограбление в таких масштабах, каких история еще никогда не знала.

В частности, касаясь целей войны с Советским Союзом, Гитлер откровенно «разъяснял»: речь в данном случае идет о том, «чтобы умело разрезать на куски этот гигантский пирог, дабы мы, во-первых, могли его покорить, во-вторых, им управлять, и, в-третьих, его эксплуатировать».

Бесчеловечность фашистских агрессивных планов заключалась в том, что фашисты помышляли не только о захвате пространства, территорий, продовольствия и сырья, фашисты ставили цель поработить и даже уничтожить другие народы. Вот как рассуждал о немецкой политике по отношению к Советскому Союзу, к русским, вообще к славянам сам Гитлер: «Что же касается потешной сотни миллионов славян, то мы выберем лучших из них и приведем их в надлежащий нам вид. Остальных же мы изолируем в их собственных свинарниках. И всякий, кто осмелится говорить о поощрении местных жителей и цивилизовывании их, отправится прямоком в концентрационный лагерь». Геринг твердил в том же духе: «В

этом году до 30 миллионов русских умрут от голода. Так и должно быть: определенным народам предстоит исчезнуть. В лагерях для русских пленных они уже начали поедать друг друга».

Не отставал от Геринга и М. Борман: «Славяне существуют, чтобы работать на нас. Как только мы перестанем нуждаться в них, они могут умереть».

Гитлеровский идеолог А. Розенберг столь же цинично заявлял: «Или полное уничтожение русского народа, или онемечивание той его части, которая имеет явные признаки нордической расы... Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве. Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается скорее всего в том, чтобы разгромить русских как народ». Конкретизируя решение «русской проблемы», Розенберг подчеркивал: «Создание военной державы западнее Урала никогда не должно снова встать на повестку дня, хотя бы нам для этого пришлось воевать сто лет. Все последователи фюрера должны знать: империя лишь тогда будет в безопасности, если западнее Урала не будет существовать чужого войска... Только немец вправе носить оружие, а не славянин, не чех, не казах и не украинец... Гигантское пространство, естественно, должно быть как можно скорее замирено. Лучше всего этого можно достигнуть путем расстрела каждого, кто бросит хотя бы косой взгляд»²³⁹.

«У эсэсовцев должен быть один абсолютный принцип: мы обязаны быть искренними, порядочными, верными и относиться товарищески только к тем, кто принадлежит к нашей собственной крови, и ни к кому более. Как дела у русских, что с чехами – мне совершенно безразлично. То, что у народов связано с качественной кровью нашего типа, мы заберем себе, и если понадобится, то отнимем детей и воспитаем их по-своему. Живут ли другие народы зажиточно или подыхают с голоду – интересует меня лишь настолько, насколько мы нуждаемся в них как в рабах... Будут ли держаться на ногах от усталости 10000 русских баб на строительстве противотанкового рва – интересует меня лишь настолько, насколько готов противотанковый ров для Германии...»²⁴⁰, – «рассуждал» еще один сподвижник Гитлера – Гиммлер, выступая на совещании группенфюреров СС.

Германизировать славянское население, лишить его государственности, подавить его культуру, физически уничтожить поляков,

русских, чехов, югославов и т. д. – такова была программа фашистских извергов. Нацистский план «Ост» предусматривал в течение 25 – 30 лет уничтожить 120 – 140 млн человек в Советском Союзе и Польше. (Только за годы оккупации в Польше фашистами было убито 6 млн польских граждан (в том числе 2,7 млн еврейского происхождения)). Остальных – онемечить. В Польше и в западной части СССР предполагалось разместить 10 млн немцев, а в Прибалтику переселять датчан, норвежцев, голландцев и англичан.

Одним из важных средств подавления славян нацисты считали разгром их культуры, уничтожение интеллигенции славянских народов. Славянские территории должны быть только сырьевой и энергетической базой. Славяне должны быть обречены на тяжелый, неквалифицированный труд. Их жизненный уровень должен быть низким и повышать его никогда не следует.

Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы этим народам давалась возможность культурного развития, создания собственной интеллигенции, собственных очагов национальной жизни. Иначе, предупреждал, в частности, Гитлер, позднее из этого может возникнуть оппозиция, от которой потом долго не избавиться. Уничтожение интеллигенции славянских стран – таков жизненный закон, – подчеркивал и Гиммлер. И разъяснял, что для решения этой проблемы принципиальным вопросом является вопрос о школах и тем самым вопрос об отборе и просеивании молодежи. Для немеческого населения на Востоке не должно быть образования выше, чем четырехклассная народная школа. Цель этой народной школы должна состоять лишь в следующем: умение считать, самое большее до 500, и правильно написать фамилию. Убеждение, что послушание немцам, откровенность, прилежание и порядочность являются божьей заповедью. Умение читать я считаю излишним. Других школ на Востоке быть не должно...»²⁴¹.

Жестоким средством уничтожения населения захваченных стран был массовый угон граждан этих стран на принудительный труд в Германию. Из оккупированных стран фашисты насильственно вывозили сотни тысяч людей, в том числе и детей (с целью «воспрепятствовать восстановлению биологической силы противника в будущем»). В Германии или на захваченных фашистами территориях эти люди жили в невыносимых условиях концентрационных лагерей. Они страдали от голода,

холода, от болезней, напряженных темпов работы и садизма эсэсовских охранников и «капо». Потрясающим свидетельством бесчеловечного обращения фашистов с узниками концлагерей являются рассказы самих заключенных.

Так, заключенные из Освенцима, работавшие на гигантских заводах по производству синтетического горючего и каучука концерна «ИГ Фарбениндустри», рассказывали: «Мы работали на огромном заводе по производству «буны», куда нас сгоняли каждый день около 3 часов утра. На обед нам давали похлебку из картофеля или брюквы, а вечером – немного хлеба. Обращались с нами ужасно. Поскольку наше место работы находилось за пределами большой цепи карательных постов, оно было разделено на маленькие участки в 10х10 метров, каждый из которых охранял эсэовец. Любого, сделавшего хоть шаг за пределы этих квадратов в рабочее время, без всякого предупреждения убивали выстрелом на месте за «попытку к бегству». Часто случалось, что эсэовец исключительно по злобе приказывал заключенному принести какой-либо предмет, находившийся вне его квадрата. Если он выполнял этот приказ, эсэовец убивал его за то, что тот отошел от отведенного ему места. Работа была очень тяжелой, без перерыва для отдыха. На работу и с работы надо было бежать быстро, как бегут солдаты; любого, кто выбивался из строя, убивали... Лишь очень немногие могли вынести такое напряжение, и, хотя побег был невозможен, попытки бежать бывали ежедневно. В результате каждую неделю вешали по несколько человек»²⁴².

В обращении с иностранными рабочими фашисты руководствовались инструкцией генерального уполномоченного по использованию рабочей силы Заукеля, в которой говорилось, что «все рабочие должны получать такую пищу и такое жилье, и подвергаться такому обращению, которые давали бы возможность эксплуатировать их в высшей степени и при самых минимальных затратах».

Исходя из этой инструкции, верхушка СС и руководство «ИГ Фарбениндустри» договорились о том, что «ИГ» будет платить СС по 3 марки в день за каждого неквалифицированного рабочего – заключенного концлагеря и по 4 марки – за квалифицированного. В дальнейшем эсэсовцы согласились поставлять «ИГ» даже и детей за 1,5 рейхсмарки²⁴³.

Через филиал «ИГ Фарбениндустри» в Освенциме прошло 300 тыс. рабочих из концлагерей, из которых свыше 25 тыс. были замучены на работе до смерти. Деятельность «ИГ» лучше всего характеризует кощунственная реплика одного из руководителей этого концерна: «Заключенные – это только инструменты, которые используются в работе; когда они изнашиваются, их выбрасывают, заменяя другими»²⁴⁴.

70 % работающих на заводах А. Круппа также составляли заключенные концлагерей или рабочие, принудительно доставленные из других стран. А. Крупп имел и собственные концлагеря. Особенно жестоко относились в крупповских концлагерях к русским. Служащие концерна руководствовались «правилом»: нельзя верить жалобам на плохое питание русских. Нельзя забывать, что это – большевики и что им полагаются побои вместо хлеба. При малейшем сопротивлении со стороны русских рабочих следует беспощадно применять оружие.

Х. Арендт в своей книге «Банальность зла» цитирует Давида Русье, бывшего узника Бухенвальда, который писал о поведении СС в концлагерях: «Триумф СС требовал, чтобы истерзанная жертва позволяла отвести себя к виселице, не выказывая ни каких протестов, чтобы жертва отреклась от себя, забыла о себе, чтобы она утратила свою личность. И делалось это не просто так, не из чисто садизма, эсэсовцам было нужно, чтобы жертва признала свое поражение. Эсэсовцы понимали, что система, которая способна уничтожить жертву еще до того, как она взойдет на эшафот... является лучшей из всех возможных систем, призванной держать в рабстве целый народ. В рабстве. В подчинение. И нет страшнее зрелища, чем эта процессия человеческих существ, покорно словно марионетки, бредущих к смерти».

Х. Арендт добавляет: На свете существует многое, что страшнее смерти, и эсэсовцы уж постарались, чтобы их узники испытали все возможные и невозможные страдания. Вот как выглядела география ужаса – география концлагерей: Фюльсбюттель, Нойенгамме, Эстервеген, Равенсбрюк, Заксенхаузен, Орианенбург, Треблинка, Хертенгенборг, Берген-Бельзен, Кульмхоф, Моринген, Дора, Лихтенбург, Нидерхаген-Вевельсбург, Бад-Суза, Майданек, Собибор, Бухенвальд, Заксенбург, Гросс-Розен, Бельзек, Терезиен-

штадт, Плазов, Хинцерт, Флоссенбург, Аушвиц, Натвайлер-Штрутхоф, Дахау, Маутхаузен.

После разгрома фашизма руководители «ИГ» были арестованы. Однако, американский суд вынес им смехотворно мягкие приговоры: от 1,5 до 8 лет тюремного заключения. Главный обвинитель Дж. Дюбуа назвал их «достаточно мягкими, чтобы угодить вору, таскающему кур».

Разумеется, «ИГ» не был одиночкой: жестоко эксплуатировали рабский труд иностранных рабочих и заключенных из концлагерей и другие концерны и фирмы фашистской Германии. Как отмечает У. Манчестер, убийство, грабеж, порабощение и жестокое обращение с тысячами людей – все это широко практиковалось и в крупновском «государстве в государстве», особенно в последние годы приближавшегося к краху нацизма²⁴⁵.

Жестоко и особенно изощренно человеконенавистническая фашистская программа «обезлюживания» осуществлялась непосредственно в концентрационных лагерях. Газовые камеры, душегубки, печи для кремации – наиболее распространенные способы, применяемые для умерщвления людей в концентрационных лагерях.

«Голод и голодная смерть, садизм, плохая одежда, отсутствие медицинского обслуживания, болезни, избиения, виселицы, замораживания, вынужденные самоубийства, расстрелы и т. п. ... Заключенных убивали без разбора, ... впрыскивание яда, расстрелы в затылок были ежедневными событиями; свирепствовавшие эпидемии брюшного и сыпного типа, которым предоставляли неистовствовать, служили средством уничтожения заключенных; человеческая жизнь... ничего не значила. Убийство стало обыденным делом, настолько обычным, что несчастные жертвы просто приветствовали смерть, когда она наступала быстро», так Международный военный трибунал в Нюрнберге охарактеризовал обстановку, царившую в нацистских концентрационных лагерях. За страшные годы фашистского террора свыше 26 млн человек были брошены в концлагеря, из них 11 млн были зверски умерщвлены. Лишь быстрое наступление советских армий помешало эсэсовским убийцам завершить свою кровавую оргию.

Нормальное человеческое воображение поражают тупость и цинизм нацистских убийц. Когда одному из начальников концлагерей

сказали, что в лагере от недоедания умирает слишком много людей и что надо искать выход из создавшегося положения, он ответил: «Будем расширять кладбище». (Э. Юнгер. Дневники).

После освобождения советскими войсками Освенцима его первый советский комендант Г.Д. Елисаветинский писал своей жене: «за три с половиной года войны я видел много ужасов и кошмаров, но то, что я лично видел в Освенциме, это нельзя было себе представить даже при самой невероятной фантазии. Представь себе город, вокруг которого 9 лагерей, в которых в среднем 60 – 80 тыс. народа со всех сторон мира... Здесь было четыре печи (крематория), в которых ежедневно сжигали по 15 – 25 тыс. человек. В дни наибольшей нагрузки, когда не успевали в печах сжигать людей, их сжигали в таких специальных цементных ямах, куда людей бросали живыми. В этих ямах сжигали по 15 тыс. человек.

Сначала людей вводили в подвалы, расположенные под печами, там все было устроено, как в душевой. Когда же подвал заполнялся от 1500 до 2500 человек, закрывалась дверь и туда пускали газ. Через 10 – 15 минут умерщвленных людей подавали наверх, где и сжигали в печах». При этом эти изверги заставляли сжигать свои жертвы евреев из зондеркоманд, также в конце концов обреченных на смерть. Эсэсовцы развращали этих людей. Они были сыты, но одичавшие, озверевшие, жестоко подлые и готовые на все. День за днем они брали тысячи тел и бросали их в печи крематориев. Это перенести могли только роботы, рабочие механизмы без души. Некоторые из них под тяжестью того, что они делали, впадали в тяжелые нервные расстройства. Ведь они осознавали, что их братья, их жены, их родители – вся их раса мучительно погибала.

Г. Хаузнер, израильский обвинитель на процессе Эйхмана, в этой связи заявил: «Мы найдем и евреев на службе у нацистов – в еврейской полиции гетто, в «советах старейшин» – «юденратах». Даже у входа в газовые камеры стояли евреи, которым велено было успокаивать жертвы и убеждать их, что они идут мыться под душем. Это была самая сатанинская часть плана – заглушить в человеке все человеческое, лишить его эмоциональных чувств и силы разума, превратить его в бездушного и трусливого робота – и, таким образом, сделать возможным превращение самих лагерных заключенных в часть аппарата, истребляющего их же братьев. В результате гестапо смогло свести число своих людей

в лагерях до минимума. Но в конце концов и роботы не могли избежать горькой участи и подверглись уничтожению, наравне с соплеменниками...».

Немцы в данном случае перекладывали часть вины к собственному облегчению – на свои жертвы; их, жертв, сознание уже не могло быть безвинным. В то же время это, как утверждали фашисты, доказывало, что евреи, – эта низкоразвитая раса, недочеловеки, готовые на любые унижения и даже на то, чтобы друг друга взаимно убивать. Х. Арендт и Примо Леви безоговорочно осуждают зондеркоманды как предателей. Но, как замечает П. Полян, во-первых, членов зондеркоманд никто не спрашивал: не хотят ли они опробовать себя в новой профессии; и, к тому же, выбор был не между 100-граммовой и 500-граммовой пайкой хлеба, а между жизнью и смертью, между принятием навязываемых СС условий и прыжком в пылающую печь.

Что сделали бы Х. Арендт и П. Леви, если бы они оказались на месте этих грязных предателей? Прыгнули бы они в печь? К тому же, среди зондеркоманд были и те, кто не подписывал контракт с дьяволом в своей душе. Интеллектуальным и волевым усилием они подавляли в себе непреодолимое желание жить и сохраняли человечность. «Воля к сопротивлению – лучшее лекарство от снижения человечности, не говоря уже о счастье практического выражения сопротивления», пишет Павел Полян.

Участие в массовых убийствах разрушало психику и самих убийц. Теодор Юст – участник массовых убийств женщин и детей. Позже жестоко обращался со своим сыном: «Ты не должен был жить! Другие, а не ты, должны были жить!». И Матиас Юст подумал, что и вправду не должен был жить, раз те дети валялись мертвыми на земле под ногами у его отца, а тот шел по их трупам – так же как обычно ходил по полям... М. Юста всю его жизнь преследовал кошмар «отвратительного, мерзкого» прошлого, прошлого его отца...

Еще пример: Врач сортирует прибывших в концлагерь – отделяет старых, слабых, больных от способных работать, произнося всего два слова: линкс, рехтс... Один мальчик, которого он отправил налево (на смерть), стал яростно отбиваться от солдат. Секунду врач колебался, но повторяет: Раз Я сказал налево, значит налево. Ночью ему не спится, он идет в детскую, где спит сын. Его ребенок похож на

того паренька – вот, значит, почему ему стало не по себе. Он крепко обнимает сына, прижимается к его спине. Мальчик всей кожей впитывает тепло отца, как будто черный зверь, намертво вцепившись, увлекает его в пропасть, – это чувство остается на всю жизнь, и еще голос, роняющий два коротеньких слова: линкс, рехтс...

Жестокость, террор, расстрелы, организованные массовые убийства также были основой оккупационной политики нацистов на захваченных территориях. Мирное население систематически и жестоко истреблялось. Например, в Ленинградской области было убито и замучено свыше 172 тыс. мирных граждан, в Сталинградской области – свыше 40 тыс., в Крыму мирные граждане были погружены на баржи, вывезены в море и потоплены. Таким путем было уничтожено свыше 144 тыс. человек. В Киеве фашисты убили около 200 тыс., в Ровно и Ровенской области убили и замучили свыше 100 тыс. мирных граждан, в Одесской области было убито не менее 200 тыс., в Харькове около 195 тыс. человек было расстреляно и удушено в душегубках. В Львовской области и городе Львове немецкие фашисты истребили около 700 тыс. советских граждан.

Проводя свою варварскую политику «обезлюживания» фашисты методически и хладнокровно уничтожали промышленные и сельскохозяйственные объекты, учебные заведения, медицинские учреждения, города, поселки, деревни. В частности, на территории СССР они разрушили около 32 тыс. примышленных предприятий, 65 тыс. километров железнодорожной полосы, 4100 железнодорожных станций, 36 тыс. почтово-телеграфных учреждений, телефонных станций и других предприятий связи. Фашисты уничтожили в СССР 40 тыс. больниц, 84 тыс. школ, техникумов и вузов, 45 тыс. общественных библиотек. Они разграбили и уничтожили 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов и 2890 машинотракторных станций, 1710 городов, более чем 70 тыс. деревень и поселков, более чем 6 млн зданий, оставили без крова около 25 млн человек.

Фашистские варвары разрушали и уничтожали города и поселки и в других странах. Они разрушили и уничтожили Гернику, Орадур, Лидице, Ковентри, Варшаву и многие другие прекрасные и древние города Европы. Они убили миллионы, десятки миллионов лучших людей Европы.

Фашисты убивали юношей и девушек, растаптывали их надежды во всех странах, которые они захватили. Они убили Анну Франк, голландскую девушку, дневник которой – потрясающее свидетельство душевных мук, переживаний, вместе с тем глубокого понимания того, что несет людям фашизм и надежд, все-таки надежд, несмотря ни на что. «Для меня совершенно невозможно строить свой мир, основываясь на смерти, безысходности и хаосе. Да, мир все больше превращается в пустыню, да, все громче раскаты приближающегося грома, который нас убьет, да, велико горе миллионов, и все же, когда Я смотрю на небо, Я думаю, что все опять обернется к лучшему, что эта жестокость прекратится, что в мир вернуться покой и тишина. А Я должна до тех пор сохранить свои идеалы, как знать, возможно, в грядущие времена еще удастся претворить их в жизнь». Ее надеждам не суждено было сбыться...

А какие страдания, какие муки принес фашизм советским, русским детям. Имя ленинградки Тани Савичевой, погибшей в блокаде, известно всему миру. Увидев страницы дневника Тани, узнав, что там написано, госпожа Черчилль не удержала своих слез.

Какие душевные муки вынес, какую духовную стойкость проявил Юрий Рябинкин, о котором в «Блокадной книге» рассказала всем А. Адамович и Д. Гранин. «Стойкость Юры Рябинкина кажется порой нестойкостью: голод справляется с нею, проламывает ее то тут, то там. Но она возрождается. С еще большей требовательностью к себе восстанавливалась его забота, любовь, его стыд, доброта. Он страдал от голода, морозов, от вшей, но при этом страдал от стыда, его одолевала любовь к близким, ненависть к врагам, он мечтал, ему снилась победа. Как животное, он уступал инстинктам, готов был грызть дерево, ремни; как человек, он держался за книги, семью, навыки культуры, за красоту, за мысли, которые не могли ужиться с происходящим... Жажда самосохранения не могла разрушить в нем человека».

И таких юношей и девушек, жаждущих жизни, добра и красоты и способных принести миру эти добро и красоту фашисты безжалостно, бесчеловечно убивали.

Фашисты запятнали себя кровавыми преступлениями не только против мирного населения; они опозорили себя военными преступлениями. Еще до нападения на Советский Союз Гитлер на совещании с командующими вермахта заявил, что борьба между Германией и Россией – это не просто военный конфликт между двумя государствами, это гигантская борьба между народами и расами, в ходе которой побеждает одно мировоззрение и безжалостно уничтожается другое.

Гальдер, записывая это выступление Гитлера, подчеркнул его следующие основные положения: «Наши задачи в отношении России: вооруженные силы разгромить, государство ликвидировать... Борьба двух мировоззрений. Уничтожающая оценка большевизма: это все равно, что антиобщественное преступление... Нам не следует придерживаться тут законов солдатского товарищества... Эта война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке же жестокость – это благо для будущего. От командиров требуется жертва – преодолевать все сомнения».

Руководствуясь указаниями фюрера, Гейдрих на совещании в мае 1941 года устно довел до командиров «зондер-команд» приказ об уничтожении всех евреев, всех «неполноценных азиатов», всех коммунистических функционеров и цыган. Подписанный в это же время «указ фюрера» фактически освобождал военнослужащих вермахта от преследования за уголовные деяния в отношении советских гражданских лиц. Другое распоряжение фашистских заправил, так называемый «приказ о комиссарах» от 6 июня 1941 г., предусматривал, что все политкомиссары Красной Армии, поскольку они являются «зачинщиками по-варварски азиатских методов борьбы, в случае их захвата на поле боя или при сопротивлении немедленно и безоговорочно уничтожаются с помощью оружия», и, наконец, «руководящие указания» Верховного командования, доведенные до сведения более чем трех миллионов солдат непосредственно перед нападением на СССР, требовали принятия «беспощадных и энергичных мер против большевистских подстрекателей, партизан, саботажников, евреев и полного искоренения любого активного и пассивного сопротивления». Эти меры дополнялись шумной кампанией против «славянских недочеловеков», которая воскрешала картины «монгольского нашествия» и называла большевизм современным

выражением «вызванного к жизни еще Аттилой и Чингисханом азиатского стремления к разрушению»²⁴⁶.

В начале войны генерал Кейтель, получив доклад, содержащий указания на факты жестокого обращения с захватываемыми в плен красноармейцами и ссылки на существующие нормы международного права, цинично написал на нем: «Эти положения соответствуют представлениям солдата о рыцарском способе ведения войны. Здесь речь идет об уничтожении целого мировоззрения, поэтому я одобряю эти мероприятия и покрываю их»²⁴⁷. В приказе «О коммунистическом повстанческом движении» Кейтель предписывал за каждого убитого немецкого солдата расстреливать 50 – 100 коммунистов. Начальник управления по делам военнопленных генерал Рейнеке высказался столь же откровенно жестоко: «Красноармеец должен рассматриваться как идеологический враг, т. е. как смертельный враг национал-социализма, и поэтому должен подвергаться соответствующему обращению»²⁴⁸. Что касается партизан, то они, по представлению немецких генералов, – просто бандиты. В обращении с ними единственно правильное решение – пуля. В фашистском плену было замучено 2,5 млн красноармейцев (немецкие же пленные почти все – около 2 млн человек – вернулись из советского плена домой).

И после всего этого представители Верховного военного командования фашистской Германии смели утверждать на заседании Нюрнбергского трибунала, что расстрелы военнопленных красноармейцев и захваченных партизан – все это преступления эсэсовцев и что они ничего якобы не знали об этих зверствах! Военное командование вермахта несет прямую ответственность за кровавые преступления против красноармейцев, военнослужащих других стран антигитлеровской коалиции, за жестокую расправу над мирным населением.

Фашистское тоталитарное государство. Принципы фюрерства как воплощение фашистской диктатуры

Составной частью бесчеловечной фашистской идеологии была «концепция» тоталитарного государства, призванная обосновать установление фашистами после узурпации ими государственной власти жестокой террористической диктатуры в собственной стране.

Фашисты, добившись власти, создали страшное тоталитарное государство: ликвидировали все прежние представительные (парламентские) формы государственного устройства, ввели полный государственный контроль за всеми сферами общественной и личной жизни граждан, жестоко подавляли любые оппозиционные выступления, т. е. установили в конечном счете открытую террористическую диктатуру. Тоталитаризм выступал и выступает как альтернатива либерально-демократическому государству в том виде, в каком оно сложилось после буржуазно-демократических революций. Как известно, либерально-демократическое государство базировалось на признании естественных прав личности, провозглашало широкие индивидуальные гражданские свободы, которые не подлежали непосредственному государственному контролю. Известный германский просветитель В. Гумбольдт следующим образом определил отношение классического либерализма к государству: «Государство заботится о благосостоянии граждан и не берет на себя другие функции, кроме необходимости обеспечения своей собственной безопасности и защиты против внешнего врага; ни в каком другом случае оно не должно ограничивать свободы»²⁴⁹. Бесспорно, подобная политическая эмансипация, провозглашенная победившей буржуазией, стремившейся к свободному развитию капиталистической инициативы, была огромным шагом вперед в освобождении человека, общества в целом.

В противовес подобным естественно-правовым взглядам на государство, как реакция на Французскую буржуазную революцию возникла тенденция абсолютизации суверенитета государства. Она нашла свое выражение, прежде всего, в теориях так называемых реставраторов, в «органической» теории государства, в известной степени в государственно-правовой концепции Гегеля.

Эти теории опирались на старый тезис, идущий от Платона и Аристотеля: государство существует прежде человека, государство имеет приоритет над личностью. Гегель, как известно, также утверждал: «Так как оно (государство) есть объективный дух, то сам индивид лишь постольку является объективным и нравственным, поскольку он есть член государства». Государство по Гегелю – это организованное целое, которое стоит выше индивидуума, его воли и желаний, т. е. выше субъективного начала. Только через отождествление своих индивидуальных «Я» с государством

люди что-то собой представляют²⁵⁰. Вместе с тем, как выше было показано, Гегель считал, что государство тогда выражает действительность нравственной идеи, когда оно уважает субъективность, индивидуальность, личность.

Классики германского историзма Л. Ранке, Г. Трейчке рассматривали государство как проявление объективного духа, как выражение божественной воли и в этой связи оправдывали авторитарную форму государственного правления и культ силы. По их утверждениям свобода человека как индивидуума состоит в отказе от своего «Я», в принятии им как своих собственных всех законов, традиций и институтов государства. Государство всегда право, оно не может совершить что-нибудь неправильное.

Особенно широко распространились воззрения на государство как «органическую форму жизни», как «физиономию исторического бытия человечества» во время и после первой мировой войны. Под воздействием войны в буржуазном обществе усилилась тяга к авторитарным методам управления, выросли политическое могущество монополий, их влияние на государственный аппарат. В этих условиях подвергается острым нападкам сложившаяся в русле классического либерализма концепция «государства – ночного сторожа», согласно которой государство никаким образом не должно вмешиваться в частную борьбу интересов, не должно вмешиваться в договорные отношения между предпринимателями и рабочими. Полная свобода конкуренции выгодна всем: если экономическая и социальная борьба будут происходить без всяких стеснений, то каждый лучше всего сумеет отстаивать свою свободу, свою пользу и, таким образом, будет достигнута наибольшая свобода и польза для всех.

О. Шпенглер и другие теоретики, опровергая эту концепцию, отвергая лозунг «Laissez-faires», т. е. призыв к свободе от государственного вмешательства в сфере «гражданского общества», доказывали, что государство – это не механическая совокупность отдельных граждан, но живая целостность. Государство – не отвлеченный субъект права и не совокупность юридических норм, но конкретная форма жизни. Государство – не придаток правопорядка, но развитие витального принципа самосохранения. Государство – не надстройка над общественной реальностью, свойственная определенным ступеням в жизни человека, но реальная

необходимость, обусловленная самим началом жизни, и т. д. и т. п. Они требовали подчинения «эгоистического» индивидуума «целому», «общему благу», олицетворением которого и объявляли государство, сильное, могущественное.

Фашистские идеологи широко использовали подобные воззрения. Так, итальянский философ Д. Джентиле доказывал, что либеральное государство не может осуществлять общую волю, поскольку оно основывается на ложном понимании свободы. Определяя свободу как право, а не как долг, оно превращает индивидуума в источник свободы, противопоставляя его таким образом государству, которое превращается вследствие этого просто-напросто в посредника, примиряющего индивидуалистические интересы и игнорирующего его высшую реальность – интересы нации. Первостепенная же роль государства, по Джентиле, заключается в том, чтобы взять на себя претворение в жизнь национального предназначения. И поскольку государство претворяет в жизнь судьбу нации, постольку оно должно обладать неограниченной властью, оно должно быть тоталитарным. (Термины «тоталитарный», «тоталитаризм» впервые были введены в употребление именно Д. Джентиле, который характеризовал идеологию фашизма как «тоталитарную концепцию жизни»). Государство, считает Джентиле, должно быть силой универсально-духовной, универсально-этической, оно должно аккумулировать всю национальную энергию, освободить национальный организм от тлетворного влияния чужеродных элементов и т. д. и т. п.

И, если буржуазные теоретики эпохи либерализма воспевали, выражаясь современным языком, плюрализм идей и действий индивидуумов (так, например, американский просветитель и гуманист Генри Торо писал: «Если человек не шагает в ногу со своими спутниками, может быть, это оттого, что ему слышны звуки иного марша? Пусть же он шагает под ту музыку, какая ему слышится, хотя бы и отдаленную»)²⁵¹, то фашистские теоретики требовали единства мыслей и действий всех индивидуумов, их подчинения целому, абсолютному.

В первой партийной программе итальянских фашистов (1921 г.) было записано: «Партия рассматривает государство не как простую сумму индивидов, живущих в определенное время и на определенной

территории, но как организм, содержащий в себе бесконечные ряды прошлых, живущих и будущих поколений, для которых отдельные индивиды представляются лишь преходящими моментами. Из этой концепции общества партия выводит категорический императив: индивиды и группы (категории, классы) должны подчинить свои интересы высшим интересам национального организма»²⁵².

Разъясняя концепцию фашистского государства, Муссолини провозглашал: фашизм понимает государство как абсолют, по сравнению с которым все отдельные лица или группы имеют относительное значение. Тот, кто говорит фашизм, тот имеет в виду государство²⁵³. «Все в государстве и ничего вне государства» – эти слова Муссолини были своего рода формулой фашистского тоталитарного государства. Лидер испанской фаланги Примо де Ривера также провозглашал: во имя единства все классы и индивидуумы должны подчинить себя общему закону. Государство должно быть орудием на службе этого единства, в которое оно должно уверовать. Все, что противостоит этому глубоко органичному единству, должно быть отброшено, даже если большинство стоит за него. Мосли в том же духе заявлял: «Движение является фашистским, так как оно... основывается на высоком понимании государства... признает необходимость авторитарного государства, стоящего выше партий и фракционных интересов»²⁵⁴.

Приписывая государству абсолютный и первоначальный суверенитет, фашисты отвергали демократию, демократические институты, любые демократические процедуры. Не случайно, что первая же речь Муссолини после прихода к власти была открытым оскорблением парламента. Муссолини не требовал доверия для своего правительства, а угрожал парламенту, запугивая своих противников «свирепой тоталитарной волей фашистов»: «Я мог бы воспользоваться победой, я мог бы превратить это темное и серое здание в солдатский бивак. Я мог бы разогнать парламент и образовать чисто фашистское правительство. Тем не менее я составил коалиционное правительство, но не для того, чтобы получить парламентское большинство, – я в нем не нуждаюсь... Я составил коалиционное правительство, чтобы призвать на помощь истощенной Италии всех – независимо от партий, – кто хочет спасти ее... Я не хочу править вопреки палате, коль скоро в этом нет необходимости. Но палата должна понять, что от нее самой

зависит, жить ли ей еще два дня или два года... Мы требуем полноты власти... »²⁵⁵.

Не демократия, а сила – вот источник нашей власти, цинично заявлял Муссолини; именно поэтому-то он и пользовался максимумом силы, находящейся в его распоряжении. В конечном счете именно сила влечет за собой согласие. Во всяком случае, когда не хватает согласия, то имеется сила и т. д. и т. п., – твердил Муссолини.

Германские фашисты, отвергая либерально-демократические институты²⁵⁶, также воспевали тоталитаризм, сильное государство, верховную волю вождя, фюрера. Так, философствующие фашисты Кронер, Глокнер и др., грубо нападая на «пустозвонство» демократии, требовали строить государство на иерархических принципах, в духе сословных государств. Они доказывали, что воля государства должна находить свое выражение в воле фюрера, что сила государства исходит от фюрера. Верховный фюрер наделяет всех других фюреров определенными полномочиями в строго иерархическом порядке. Каждый из фюреров безоговорочно подчиняется своему непосредственному начальнику, но при этом имеет, в сущности, неограниченную власть над подчиненными ему фюрерами.

Для обоснования права фюрера на руководство государством фашистские идеологи широко использовали аргументы иррационального, мистического характера. Отбросив как чуждую национальному духу идею общественного договора, они на ее место выдвинули идею о мессианской роли вождя, отмеченного печатью избранности, о фюрере как выразителе и олицетворении расового, национального и народного духа. Государство, по мнению фашистских идеологов, является воплощением расовой, народной общности, общности нации и крови. Цель государства состоит в сохранении этих общностей. Не народ создает государство, а, наоборот, государство, возникшее как результат предначертаний судьбы, выраженных в воле фюрера, объединяет народ и нацию.

Оправдывая идею фюрерства, в частности, сам Гитлер уподоблял человеческое общество биологическому организму, у которого должны быть голова и тело. Голова, мозг нации – ее фюрер. Избранный круг фюреров с абсолютным авторитетом и абсолютной ответственностью он противопоставлял безответственной

демократической парламентской системе. Вместо мнимых парламентских свобод и равенства Гитлер предлагал немцам беспрекословное подчинение фюреру и государству, требовал железной дисциплины во имя нации, во имя общего блага.

Фашистская клика окружила Гитлера, Муссолини ореолом непогрешимости. В своем безграничном поклонении перед Гитлером Р. Гесс дошел до того, что утверждал: «С гордостью мы видим, что есть один человек, который находится за пределами критики. Это – фюрер. Все мы чувствуем и осознаем: он всегда прав и всегда будет прав. Наш национал-социализм зиждется на полной лояльности и молчаливом исполнении его приказов. Мы верим, что фюрер повинуется высшему зову, требующему изменения курса германской истории! Нет и не может быть никакой критики этой веры». «Человек, – вещал в том же духе Лей, фюрер фашистских «профсоюзов» в Германии, – должен признавать авторитет. На этом покоится принцип вождизма и общности. Общность без авторитета немислима. Раса и кровь сами по себе не создают общности. Поэтому фюрер, который воплощает авторитет нашего общества, для нас неприкасаем. Фюрер нации стоит выше критики для любого немца на вечные времена... Никто не имеет права задаваться вопросом: прав ли фюрер, верно ли то, что он говорит? Ибо, повторяю еще раз, – то, что говорит фюрер, всегда верно»²⁵⁷.

В апреле 1942 г. фашистский рейхстаг на своем заседании, кстати последнем, даже формально поставил Гитлера над законом и провозгласил его неограниченным владыкой над жизнью и смертью миллионов простых немцев. Фюрер может в случае необходимости принудить любого немца всеми находящимися в его распоряжении средствами к исполнению своего долга и при нарушении этого долга покарать без оглядки на так называемое естественное право, гласил фашистский закон.

Культ фюрера занимал центральное место в нацистской системе одурманивания масс. В детской организации, в союзе гитлеровской молодежи «гитлерюгенд», в «трудовом фронте» (в фашистских профсоюзах), на производстве и дома, в театре и кино твердилось одно и то же: Фюрер всегда прав! Безоговорочно выполняй приказ фюрера! Справедливо все то, что служит национал-социализму и фюреру!

Польский исследователь фашизма Ф. Рышка пишет, что «вероятно, было два источника, служивших примерами для подражания, доведенные в фашистском государстве до абсурда: пример папской непогрешимости (так обозначенный в политическом трактате Ж. де Местра «О папе») в католической церкви и образец военной иерархии, наиболее полно претворенный в прусской армии». Последнее, подчеркивает Ф. Рышка, было особенно важным: «Поскольку фашизм ориентировался на войну, организация государства копировала организацию армии. Здесь проявляется диалектическое изменение положения...армия воспроизводила черты общества; общество, организованное в фашистское государство, становится отражением армии»²⁵⁸.

Весь фашистский государственный аппарат был проникнут духом беспрекословного подчинения руководителям фашистского государства. Закон от 26 января 1937 г. обязал чиновников приносить клятву, в которой говорилось: «Клянусь, что буду верен и послушен фюреру». На принципе вождизма, принципе иерархии (решения – сверху вниз, ответственность – снизу вверх) строилась и фашистская партия. В сущности, фашистская партия не была политической партией в точном смысле этого слова. Она не имела никаких подлинно открытых политических функций. Вся ее деятельность сводилась к исполнению функций организационно-технических, пропагандистских, даже полицейских. Никакой политической самостоятельностью и активностью эта партия не обладала. Вся полнота власти в партии (как и в государстве) принадлежала фюреру, вождю, харизматическому лидеру²⁵⁹.

Наряду с иерархическим принципом фюрерства, важнейшим звеном построения фашистской тоталитарной диктатуры был принцип корпоративно-сословный. Фашистские идеологи и политики доказывали, что единство государства возможно только на основе профессионально-сословного строя, базирующегося на строгом соподчинении сословий и корпораций по рангу и потому якобы не знающего никаких классов, никакой классовой борьбы.

Апеллируя к принципу корпоративизма, фашисты провозглашали намерение достичь классового сотрудничества и объединения в фашистских корпорациях, в частности, в профсоюзах всех без исключения классов, занимающихся всеми видами умственного

и физического труда. Так, съезд фашистских синдикатов (профсоюзов) Италии констатировал в 1922 г.: общество, опирающееся на профсоюзы, одинаково защищает интересы всех классов и профессиональных категорий. Профессиональная организация не является более специфическим признаком только рабочего класса. Она становится формой организации всей нации, высшим синтезом всех физических и нравственных качеств нации. И далее съезд подчеркивал: «Заменить классовое сознание национальным, доказать рабочим, что в их интересах стремиться от группового эгоизма в пользу национальной солидарности – вот задача фашистских профсоюзов»²⁶⁰.

Муссолини лично постоянно навязывал идею сотрудничества классов, якобы лежащую в основе фашистского синдикализма. «Фашистский синдикализм, – твердил он, – отличается от красного одной фундаментальной чертой: он не ставит себе задачу нанести какой-либо ущерб частной собственности. Когда предприниматель находится перед лицом красного профсоюза, он имеет перед собой профсоюз, который... имеет своей конечной целью борьбу за общее изменение существующего положения, т. е. уничтожение права на собственность. Наш же синдикализм стремится только улучшить положение тех классов и групп, которые собираются под его знамена, и не имеет конечных целей. Наш синдикализм основан на сотрудничестве на всех стадиях процесса производства. Он сотрудничает в первый период, когда речь идет о производстве богатств. Он продолжает сотрудничать во второй период, когда дело касается валоризации этих богатств. Он не может не сотрудничать и на третьей ступени, когда речь идет о распределении полученной прибыли»²⁶¹. В рамках корпоративной системы предприниматели и рабочие должны выступать в органическом единстве, как производители.

Примечательно, что функции по согласованию классовых интересов фашистское государство брало на себя. «Италия отвергает крайность разрешения социального вопроса русскими, которые признают только за рабочей силой право юридически дисциплинировать производственные отношения, но она отвергает также крайности ложно научного американского тейлоризма, который передает право организации производства исключительно хозяевам. Между тем и другим разрешением вопроса фашизм... выдвигает третий

элемент, возвышающийся над всеми классовыми концепциями и в котором разрешаются все противоречия,— государство»²⁶²,— подчеркивал Муссолини.

В своей книге «Фашизм в Британии» Мосли также характеризует корпоративное государство как величайшую конструктивную концепцию, которая когда-либо была придумана человеческим умом. Он пишет: «Наша политика — это установление корпоративного государства... это... государство, организованное подобно человеческому телу. Каждый член этой организации действует в соответствии с общей целью под руководством и направляющим мозгом фашистского правительства. Все интересы сплетены в непрерывно функционирующий аппарат корпоративного производства. Внутри корпоративной структуры интересы федерации профсоюзов и предпринимателей уже будут представлять собой не генеральные штабы враждующих армий, а совместное управление национальным предприятием. Классовая война уступит место национальному сотрудничеству. Мощь организованного государства обратится против всех, проводящих сепаратную антинациональную политику»²⁶³.

Отметим, что идея организации сословно-корпоративного строя принадлежит отнюдь не фашистам. Как известно, средневековое феодальное общество было сословно-корпоративным и его идеологи обосновывали неравенство сословий «волею божией». В XIX в. идею о корпорации выдвигал Гегель, который рассматривал корпорацию не только как производственное, но и как нравственно-духовное объединение. «Наряду с семьей,— писал Гегель,— корпорация составляет второй, вырастающий на почве гражданского общества нравственный корень государства... Сама по себе взятая корпорация не есть замкнутый цех; она скорее представляет собою сообщество нравственного характера отдельно стоящему промыслу и включение его в высший круг, в котором он приобретает силу и честь»²⁶⁴. Иными словами, корпорация у Гегеля осуществляет функции политической и нравственной организации, связывающей гражданское общество с государством.

Позднее О. Шпенглер рассматривал корпорацию как идеал в современных условиях уже утерянной гармонии личного и общественного. Средневековые корпорации казались ему той величиной, которая ставила личность в связь с общественными интересами, сочетала экономику и политику, право и обязанности.

Очевидно, что фашистские идеологи придали идее корпорации откровенно реакционный смысл. Разумеется, их апелляции к корпоративному принципу отнюдь не выражали их намерения примирить классовые противоречия и конфликты, согласовать, гармонизировать личные и общественные интересы. Фашистский сословный строй в действительности имел своей подлинной целью закрепить существующее социально-классовое неравенство, привязать рабочий класс, широкие народные массы в качестве органического сословия к сословию (классу) капиталистов. В устах фашистов слова «уничтожить классовые противоречия», «превратить внутринародное напряжение в полезную энергию» и т. п., по сути дела, означали призыв к подавлению любого проявления недовольства фашистским режимом, стремление превратить народные массы в безропотный объект эксплуатации, подчинить их интересы и цели интересам и целям фашизма.

Лживость рассуждений фашистов об общем благе, об органической общности всех граждан сословно-корпоративного государства, начиная с фюрера и кончая последним трудящимся, невольно разоблачается самими идеологами фашизма, когда они пытаются обосновать вывод, что лучшие должны господствовать над большинством, что расовые особенности наилучшим образом выражены-де у высших классов.

Демагогическими рассуждениями о классовом мире в корпоративном государстве прикрывалась политика насильственного разгрома независимых организаций рабочего класса, всех трудящихся, интеллигенции. Профсоюзы были запрещены. Взамен в Италии были созданы фашистские синдикаты, в Германии – фашистский «рабочий фронт», куда входили работники физического и умственного труда, предприниматели и рабочие, «классовый мир» в которых поддерживался мощным полицейским аппаратом.

Фашисты ликвидировали тарифные договоры, право свободного передвижения рабочих, фактически ввели принудительный труд. В Германии в 1938 г. около 1 млн человек было обязано в принудительном порядке работать на военных предприятиях, на строительстве западного защитного вала и т. д. Была до 60 часов удлинена рабочая неделя, усилена интенсификация труда, что вело, естественно, к росту числа несчастных случаев на производстве и т. п.

Фашисты ликвидировали важнейшие социальные завоевания трудящихся, прежде всего, их право на стачки и забастовки.

Итальянская Хартия труда, опубликованная в 1927 г., откровенно защищала господствующее положение капиталиста в фашистском государстве: так как частная организация производства является функцией национального значения, то организатор предприятия отвечает перед государством за ход производства, несет перед ним ответственность за управление предприятием.

Германский Кодекс труда, вступивший в силу 1 мая 1934 г., являл собой ту же картину. Он заморозил заработную плату рабочих на самом низком уровне, отменил все коллективные договоры, регулировавшие раньше отношения между предпринимателями и рабочими, и предоставил предпринимателю, называемому отныне «вождем предприятия», абсолютную власть над рабочими, которые именовались теперь его «дружиной».

В период господства фашизма система государственного контроля и регулирования экономики достигла небывалого размаха. Ввиду стремления фашизма к автаркии для осуществления планов вооружения и военного хозяйства, охватывающего всю экономику, была создана централизованная система, которая насильственными методами подчинила все ресурсы экономики преступным, реваншистским целям. Монополисты получали все больше и больше прямых государственных полномочий.

15 июня 1933 г. Гитлер созвал Генеральный совет по германской экономике. В него вошли Крупп, Тиссен, Фёглер, Бош, Сименс, Шрёдер и другие крупнейшие монополисты, а также Лей (фюрер «трудового фронта»). Перед этим советом была поставлена задача – осуществить жесткую организацию всей экономики страны в целях подготовки к войне. Изданный в 1934 г. закон «О подготовке органической структуры германской экономики» практически превратил организации предпринимателей в часть фашистского государственного аппарата, предоставил им права и полномочия в таких областях, как снабжение сырьем, размещение военных заказов, получение кредитов, ценообразование и т. п.

Объединение аппарата власти фашистского государства с крупнейшими монополиями проявлялось в самых различных сферах. Представители монополий, выступая в качестве руководителей предприятий, располагая неограниченными правами на предприя-

тиях, занимали и все более ответственные государственные должности. С декабря 1937 г. около 400 ведущих представителей монополий Германии были произведены в ранги фюреров экономики. Кроме того, в каждом округе страны национал-социалистическим правительством назначался особый «доверенный труда», являвшийся своего рода диктатором во всех вопросах, касающихся заработной платы и условий труда. О характере этих доверенных лиц можно судить по тому, что «доверенным труда» для Рурской области был Крупп²⁶⁵.

Построенное на принципах фюрерства фашистское тоталитарное государство являло собой страшную систему духовного и физического подавления народа, всех демократически настроенных граждан. Фашисты создали специфическую систему тотального контроля за всеми сферами жизни людей. Детей они поголовно зачисляли в соответствующие фашистские организации. В Италии, например, дети до 8 лет – зачислялись в детскую организацию «Сын Волчицы»; от 8 до 11 лет – в организацию «Балилла»; от 11 до 13 лет – «Балилла-мушкетеры» (они упражнялись с игрушечными ружьями); от 13 до 15 лет – «Авангардисты»; подростки от 15 до 17 лет – «Авангардисты-мушкетеры» (им давали уже боевое оружие); от 17 до 21 года – «Молодые фашисты»; в 21 год молодые итальянцы вступали в фашистскую партию. Все это позволяло фашистам установить тотальный контроль за поведением и мышлением итальянцев, осуществлять тотальное манипулирование людьми. Все, начиная с 6-летних детей, давали клятву служить фашизму до последней капли крови. Воспитание шло в духе лозунга: «Верить – повиноваться – сражаться». Кроме того, подобный конвейер обеспечивал большой механический рост численности фашистской партии.

В целях подавления любых попыток сопротивления фашисты создали разветвленную систему устрашения людей. Главным «производителем страха» были внесудебные преследования: аресты, ссылки, концентрационные лагеря. Причем факты репрессий отнюдь не скрывались. Напротив, насаждение атмосферы страха рассматривалось фашистами как важный метод подчинения, подавления людей. Гитлер и другие фашистские заправилы открыто говорили о том, какие цели преследует фашистское тоталитарное государство: того, кто не желает изменить свой образ

мышления, надо согнуть; искоренение марксизма до последнего; смертная казнь за измену стране и народу; ликвидация раковой опухоли демократии; строжайшее авторитарное руководство государством.

Для подавления инакомыслящих, для организации террора фашисты создали специальные вооруженные отряды. Гитлер цинично признавал, что штурмовые отряды, СА, СС, тайная полиция (гестапо) и т. п. создавались, прежде всего, для борьбы против рабочего класса, против демократической интеллигенции, против коммунистов, социалистов и марксистов.

Фашистам нужны были эти отряды потому, что, как заявлял Гитлер, «самую высокую идею можно задушить, убив ее носителя ударом дубинки по голове». То, в чем мы нуждались, продолжал Гитлер, была не сотня и не две отважных конспираторов, а сотни тысяч фанатичных борцов, одержимых нашими идеалами. Мы должны заставить марксизм понять, что национал-социализм – будущий хозяин улицы и что в один прекрасный день он станет хозяином государства.

Численность специальных вооруженных формирований фашистов постоянно возрастала. Так, если в 1940 г. войска СС насчитывали 100 тыс., то к концу войны их было уже около 580 тыс. человек. Подобные военизированные отряды фашистов создавались и в других странах: в Италии это были легионы чернорубашечников, в Румынии – «железнодорожники», в Венгрии – «скрещенные стрелы», в Финляндии – шуцкорветы, в Болгарии – легионеры, в Японии – специальные офицерские подразделения²⁶⁶. Создание «неофициальных» военизированных отрядов – новое явление в политике правящих классов. До мировой войны 1914 г. правящие классы опирались на официальные государственные репрессивные структуры: государственный бюрократический аппарат, полицию, жандармерию, армию. Теперь они организуют свои боевые отряды, численность которых в целом ряде стран превосходит размеры регулярной армии. Задача этих отрядов помимо поддержания внутренней реакции в «мирное время» заключается в военное время в том: а) чтобы быть постоянным надежным резервом для подавления революционных движений, возникающих во время войны или к концу ее; б) чтобы гнать массы штыками на войну в случае

мобилизации; в) чтобы быть готовыми кадрами для современных армий на случай агрессивной, империалистической войны²⁶⁷.

Еще до прихода к власти фашисты развернули широкий кровавый террор против прогрессивных, демократически настроенных людей. Избиения, расправы, убийства – все эти средства были для фашистов моральными и законными. Придя к власти, они сделали насилие и террор средством государственной политики. Только в ночь с 27 на 28 февраля 1933 г. после поджога рейхстага фашисты арестовали по всей стране более 10 тыс. антифашистов. Через 4 месяца число арестованных достигло 70 тыс., а к лету 1935 г. – около 320 тыс. человек.

Уже в 1933 г. фашисты создали концентрационные лагеря, которые использовали в целях «превентивного заключения» политических противников фашизма. Как свидетельствует западногерманский историк Г. Вайзенборн, в 1939 г., к началу второй мировой войны, число антифашистов, репрессированных фашистами, уже достигло 1 млн человек²⁶⁸.

Фашистское тоталитарное государство было не только преступной репрессивной машиной, оно было и абсолютно аморальным. Дурной пример шел сверху и заражал всю фашистскую иерархию. Прелюбодеяние, фактическое многоженство гитлеровских функционеров, продажность, сексуальная извращенность и другие аморальные действия были в порядке вещей и не подлежали никакому наказанию при условии рабски слепой преданности Гитлеру.

Аморализм гитлеровцы пытались обосновать даже юридически. Так, нацисты намеревались создать новое законодательство о браке. По поручению Гимmlера и Бормана был разработан специальный порядок ходатайств и отбора, который имел своей целью обеспечить возможность «вступления в прочные брачные отношения не только с одной женщиной, но и еще с одной». Право вступления во второй брак предполагалось предоставлять сначала «как высокую награду героям войны, кавалерам золотого «германского креста», а также «рыцарского креста». Позднее можно будет распространить это право на кавалеров «железного креста» первой степени, а также на тех, кто имеет серебряный или золотой знак участника «рукопашных боев», потому что, как любил говорить Гитлер, «лучшему воину достается самая красивая женщина... Если немецкий мужчина-солдат готов безоговорочно умирать, то

он должен тогда иметь и свободу безоговорочно любить. Борьба и любовь ведь всегда были связаны друг с другом».

Руководство СС обдумывало также возможность рационального использования половой потенции. Брак, в котором свыше пяти лет не было детей, государство должно расторгнуть, а, кроме того, «все незамужние и замужние женщины, если у них нет четверых детей, обязаны до достижения возраста в тридцать пять лет, произвести с безупречными в расовом отношении немецкими мужчинами четверых детей. Являются ли эти мужчины женатыми или нет, не играет при этом никакой роли. Каждая семья, уже имеющая четверых детей, должна отпускать мужа для этой акции»²⁶⁹.

В сущности, в строго научном смысле слова государство в фашистских странах не существовало. Как метко замечает С. Хаффнер, на заключительном этапе существования «третьего рейха» его «конституционный порядок был больше похож на банду, чем на государство, а Гитлер был больше боссом гангстеров, нежели главой государства или правительства»²⁷⁰.

Подрыв конституционных основ буржуазной демократии, установление тотального контроля за всеми сферами жизни граждан, жестокое террористическое подавление инакомыслящих и т. п.— типичная черта фашизма. И не только германского и итальянского. Любого. Испанские правые консервативные силы после победы Народного фронта в 1936 г., напуганные успехом левых, тотчас же лишились веры в эффективность институтов буржуазной демократии и обратились к фашистской «диалектике кулаков и пистолетов»²⁷¹. Во имя «родины» и «чувства справедливости», которые были «попраны» победой левых, фашисты развязали гражданскую войну, в ходе которой погибло около 1 млн человек; не менее 500 тыс. испанцев были вынуждены покинуть родину, спасаясь от мести фашистов. После своей кровавой победы франкисты обрушили на реальных и потенциальных противников фашизма жесточайшие репрессии. Были запрещены все поддерживавшие республику политические партии, такие как Коммунистическая партия Испании, Испанская социалистическая рабочая партия, другие республиканские партии, ведущие профсоюзные организации. Около 2 млн испанцев прошли в первые послевоенные годы через тюрьмы и лагеря.

Терроризм, возведенный франкистами на уровень государственной политики, сопровождался (так же как в Германии и Италии) принудительным втискиванием общества «в прокрустово ложе корпоративной организации, подчиненной произволу и деспотизму главарей, назначаемых свыше и поддерживаемых полицейской машиной диктатуры».

В Испании вся полнота политической, законодательной, исполнительной, судебной и военной власти на всех этапах существования фашистской диктатуры находилась в руках «каудильо» Франко. Он располагал ничем не ограниченными полномочиями в определении норм и направлений деятельности правительства, в утверждении декретов и законов, в назначении военных и гражданских чиновников, депутатов кортесов и муниципалитетов. Франко был главой государства, главнокомандующим вооруженными силами и каудильо единственной политической партии – фашистской испанской фаланги, а после ее распада – так называемого Национального движения, объединившего всех сторонников режима²⁷².

Подобные черты были присущи фашистским, профашистским режимам не только в Европе, но и в странах других континентов. В Японии тоталитаризм проявлялся в культе императора, армии и самурайства. Все и все должны были подчиняться императорскому государству. Наиболее решительным и преданным инструментом его величества объявлялась армия. Жоржи Амаду в своей книге «Военный китель, академический мундир, ночная рубашка» вспоминает Бразилию 40-х годов XX в., в которой «под тоталитарной конституцией «Нового государства», в условиях военного положения как следствия побед держав «оси», жесточайшие репрессии достигли небывалого размаха». «Идиллия с нацистской Германией, – пишет Ж. Амаду, – определяла правительственную политику: строжайшая цензура, пресловутый «закон о безопасности» с его трибуналами, никаких гражданских прав, вообще никаких прав, никакой свободы, безграничный произвол полиции. В тюрьмах, исправительных колониях, подвалах полицейских управлений – политические заключенные, пытки»²⁷³.

В конечном счете, как это очевидно, тоталитаризм, отказ от демократии, политическое и духовное подавление народа, как и сам фашизм, – порождение государственно-монополистического

капитализма. Тоталитаризм – это, прежде всего, коренная черта фашизма.

Некоторые исследователи сужают понятие и содержание тоталитаризма; на первый план выдвигают его трактовку как лишь антипода либеральной демократии и на этой основе уподобляют фашизм и социализм, которые выступают как два варианта тоталитаризма, в равной мере враждебные демократии, свободе и т. п. И поскольку фашизм, во всяком случае классический, разгромлен, постольку объективно в качестве главного врага демократии сегодня выступают именно социализм и коммунизм. Отсюда неизбежно вытекает вывод: в современных условиях антитоталитаризм – это, прежде всего, борьба с коммунизмом, это антикоммунизм.

В наиболее систематизированном виде концепция тоталитаризма была разработана в 50-х годах XX столетия К. Фридрихом, Х. Арндт, В. Рёнке, А. Майером и другими западными теоретиками. Они наделяли тоталитаризм следующими основными чертами: господство одной партии, одной идеологии, монополия государства на средства массовой информации, на производство вооружения и владение оружием, наличие террористической тайной полиции, централизованное управление экономикой и т. д. и т. п.²⁷⁴ Можно согласиться с подобным перечнем основных черт тоталитаризма, но в любом случае встает вопрос: кто заинтересован в тоталитарном политическом строе, кому выгодно установление подобного строя, кто реально стоит у власти в тоталитарном государстве?

Во всяком случае очевидно, что тоталитаризм – тенденция государственно-монополистического капитализма. В эпоху монополистического капитализма процесс производства, процесс организации и функционирования производительных сил приобретает все более ярко выраженный общественный характер. Наряду с этим обостряются классовые противоречия. В этих условиях правящие классы стремятся расширить функции государства, бросают открытый вызов демократическим институтам, парламенту и т. д., причем даже в странах, традиционно считающихся парламентскими. Тем не менее, примечательно, что хотя кризис либерально-демократического государства захватил в той или иной мере почти всю послевоенную Европу, переход к новой государст-

венности, откровенно отрицающей старые демократические принципы правления, произошел лишь в наиболее слабых звеньях либерально-демократической системы. Фашизм, тоталитаризм восторжествовали в тех странах, в которых отсутствовали сколько-нибудь прочные демократические традиции и устойчивые формы демократического правления, в которых господствующую роль играла завоевательная идеология.

Подобный характер государства Т. Манн образно выразил в формуле: «Генерал доктор фон Государство».

Послевоенному периоду развития капиталистических стран также присущи тоталитаристские тенденции. Возьмем, к примеру, бывшую ФРГ. Казалось бы, сокрушено страшное тоталитарное государство. Однако, уже в 1950 г. правительство Аденауэра принимает антидемократическое решение об увольнении с государственной службы всех коммунистов, а также других прогрессивных деятелей. Через год оно объявило Коммунистическую партию и ряд других прогрессивных организаций ФРГ «враждебными конституции». В 1951 г. против КПП начался судебный процесс, который в 1956 г. закончился ее запрещением. Затем политические деятели ХДС/ХСС сформулировали «чрезвычайные законы», введение которых, в сущности, означало бы ликвидацию любых буржуазно-демократических свобод и установление диктатуры правящего класса.

Данные тенденции в 50-е годы XX в. были весьма сильны и в других капиталистических странах, например, в США. Маккартизм, нападки на «инакомыслящих», Ку-клукс-клан и откровенно профашистские группировки – все это типичные черты политической жизни США тех лет.

В 70-е годы антидемократические тенденции к тоталитаризму в западных странах отнюдь не были приостановлены. В тогдашней ФРГ (в 1972 г.) федеральное правительство и правительства земель приняли постановление «О врагах конституции», в соответствии с которым «экстремисты» изгонялись и не принимались более на государственную службу. В 1973 г. были приняты пресловутые «запреты на профессии», подтверждающие отказ принимать на работу в государственные учреждения, а также органы народного образования, школы и т. п. вышеупомянутых «экстремистов». Да и в других капиталистических странах антидемократически на-

строенные правые, сторонники закручивания гаек во внутренней политике и сегодня отнюдь не ушли со сцены. Больше того, в новой международной обстановке, обусловленной крахом СССР, они видят шанс укрепления своей власти.

Все это подтверждает, что при анализе тоталитаризма важно вскрыть социальный характер власти и господства, выяснить, что и кто стоит за словами «тоталитаризм» и «антитоталитаризм».

Формальная и тем более фактическая несостоятельность отождествления фашизма и социализма вытекает уже из того, что фашизм обосновывал, оправдывал, призывал к тоталитаризму. Напротив, основоположники марксистского социализма всегда отвергали, всегда критиковали тоталитаризм. Да, К. Маркс, многие марксисты критиковали либеральную демократию, но – слева, не за то, что она есть, а за то, что она недостаточна, формальна; они считали, что политическая эмансипация не гарантирует социальную эмансипацию. Сегодня мы видим, что акцент критики на формальный характер буржуазной демократии был чрезмерным; это обстоятельство помешало многим марксистам понять, что без формальной демократии или, тем более, в противовес ей не добиться и подлинного социального освобождения людей, что без полной демократии нет и социализма.

Бесспорно, черты тоталитаризма были присущи Советскому государству и государственному устройству других стран «реального социализма». Но, разумеется, прежде всего – Советскому государству. Незрелость гражданского общества, культ личности Сталина, нарушение законности и т. п. – все это оставило негативный отпечаток на облике нашего общества. Общественной жизни мешали нетерпимость к инакомыслию, стремление «не высовываться», мыслить по шаблону. Высшие законодательные органы по существу были лишены подлинного контроля над законодательным процессом. Советы зачастую вынуждены были лишь одобрять решения партийных органов. Профсоюзы также превратились лишь в «довесок» государства и партии. Во всяком случае, те черты, которыми наделяют тоталитарное общество Х. Арендт, К. Фридрих и др., формально были присущи и советскому строю.

И все ж, нацизм и большевизм, советский социалистический строй и нацистский режим – антиподы. Нацизм обосновывал и

проповедовал бесчеловечную идеологию о превосходстве арийской расы над всеми остальными народами, прежде всего славянскими и еврейским. Нацисты насаждали культ насилия и войны. Они нравственно развращали людей, разжигали в них худшие черты, прежде всего жестокость, презрение по отношению к представителям других народов. Советские идеалы – построение справедливого общества для всех и каждого, свобода и равенство, солидарность и братство всех людей и народов, честный труд на общественное благо. Созидая новое общество, советские люди в массе своей интеллектуально и нравственно росли.

Именно поэтому, по нашему мнению, важно раскрывать истинный смысл рассуждений о тоталитаризме. В противном случае за модным термином можно не увидеть или сознательно скрыть подлинные причины утверждения террористических диктатур, подлинные социальные силы, заинтересованные в ликвидации демократии, в установлении режима тоталитарного господства над своей страной, над своим народом. И не только над ними, но и над другими странами и народами.

Глава 5. ЛОЖЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ДЕМАГОГИЯ ФАШИЗМА

Откровенно расистские, шовинистические, агрессивные устремления фашистов, установление ими антинародной, антидемократической, террористической диктатуры соединялись с самой беззастенчивой социальной демагогией и ложью. Фашистские лидеры хорошо усвоили уроки Н.Макиавелли, который в свое время заявлял: «Управлять — это значит заставить поверить». Они взяли этот принцип на вооружение.

Именно поэтому в системе фашистского господства, наряду с открытым насилием и физическим порабощением, наряду с тюрьмами, концлагерями и виселицами, столь большое внимание уделялось пропаганде, идеологической обработке масс, духовному манипулированию их сознанием и поведением.

О том, сколь важное значение фашистская Германия уделяла пропаганде, свидетельствуют следующие факты: за годы гитлеровского правления в этой стране было произведено свыше 2 тыс. фильмов, опубликованы тысячи романов и сотни антологий стихов, организованы сотни художественных выставок, созданы тысячи памятников, скульптур и т. п. Все это было призвано служить прославлению фашистского режима, воспеванию его мощи и силы, в конечном счете одурманиванию людей, порабощению человеческого мышления.

«Фашизм — ложь, изрекаемая бандитами». Эти слова Э. Хемингуэя абсолютно точно выражают суть и смысл фашистской пропаганды. Разрабатывая приемы своей пропагандистской деятельности, фашисты предпочитали апеллировать не к рациональным аргументам, а стремились больше воздействовать на чувства, эмоции, психологию людей. Искусство пропаганды, вещали фашистские заправилы, состоит в том, чтобы постоянно повторять одни и те же стереотипы, одни и те же понятия. Причем следует обращаться не к разуму, апеллировать не к пониманию, а к спонтанно вырастающим из прошлого «инстинктивным биологическим ценностям»; тем самым у человека неизбежно порождаются соответствующие «биологические эмоции». Во всяком случае, по мнению фашистов, поскольку человек — биологическое существо, постольку и чувства в нем господствуют

над разумом. Человек, прежде всего, слушает голос своей крови, доверяет своему инстинкту. Поэтому главное в пропаганде – воздействовать на чувства, эмоции, инстинкты людей, твердили фашистские идеологи.

Гитлер подчеркивал: «Пора покончить с мнением, будто толпу можно удовлетворить с помощью рационалистических мировоззренческих построений. Познание – это неустойчивая платформа для масс. Стабильное чувство – ненависть. Его гораздо труднее поколебать, чем оценку, основанную на научном познании... широкие массы проникнуты женским началом: им понятно лишь категорическое «да» или «нет»... Массе нужен человек с кирасирскими сапогами, который говорит: этот путь правилен!..»²⁷⁵.

Весь этот антиинтеллектуальный бред фашистских заправил получил свое «научное» обоснование в трудах фашистских «теоретиков». Так, Э.Крик, в разъясняя суть и приемы фашистской пропаганды, отмечает в книге «Национал-политическое воспитание»: «Опираясь на революционный инстинкт, национал-социалистическая агитация пользуется преимущественно не интеллектуальными доказательствами и аргументами, но воздействует на изначальную силу ритма, которая обитает на границе между всем рациональным и иррациональным, а также пользуется всем тем, что родственно ритму, и излучает его стимулирующее воздействие. Сюда относится скандирование хором и вообще все искусство господства над массовыми собраниями – искусство возбуждать массы и руководить ими. Опираясь на тот же самый инстинкт, национал-социализм гораздо охотнее пользуется символом и его всепроникающей наглядностью, чем рациональным понятием; свастика, формы приветствия, Третья империя – всему этому свойственна непосредственная движущая сила всего символического, родственная силам, идущим откуда-то из недр земных. Все это называют романтическим, примитивным, хаотическим – и здесь есть своя правда, но этим еще ничего не доказывается и ничего не опровергается: ведь здесь раскрывается нечто движущее, иррациональное, элементарное, откуда в конечном счете проистекает сила формирующего историю фатально-бесповоротного движения.

И без этой силы народ должен был бы умереть, а история – прекратить свой ход; поскольку же она существует, в народе и

истории осуществляется новое бытие и новое становление. Этот процесс и носит название революции»²⁷⁶.

Итальянские фашисты также утверждали примат чувств над разумом. Именно в этой связи они выступали против интеллигенции. «Мы остерегаемся, – говорил Фариначчи, один из идеологов фашизма в Италии, – большой эрудиции и интеллектуально развитых людей. Мы уверены, что на эрудиции и интеллекте далеко не уедешь, так как побеждают идеи живые, ясные и доходящие до сердца. Поэтому естественно, что многие так называемые интеллектуалы – враги режима...»²⁷⁷

В целях духовного оупления масс, эффективного и эффектного воздействия на массовую психологию фашисты большое внимание уделяли организации всякого рода массовых сборищ: маршей, манифестаций, собраний, зрелищ, игр и т. п.

Фашисты рассчитывали иметь здесь двойной эффект: во-первых, человек должен был чувствовать себя в этой «величественной» массе «ничтожным маленьким червем», и, во-вторых, он должен был видеть в этой массе символ силы, мощи движения, к которому он принадлежал, что давало ему возможность чувствовать себя самым сильным, сопричастным к «великому», могучему «народному духу», к великому «народному сообществу».

Особое значение придавал Гитлер проведению массовых мероприятий в вечернее и ночное время. Он полагал, что в таком случае легче и лучше всего подавить волю масс: «По утрам и даже в течение дня человеческая воля гораздо сильнее сопротивляется попыткам подчинить ее другой воле и чужим мнениям. Между тем вечером люди легче поддаются воздействию, которое оказывает на них более сильная воля. В самом деле, каждый митинг – это борьба двух противоположных сил. Ораторский дар, которым обладает более сильная, апостольская натура, в это время дня может гораздо легче захватить волю других людей, испытывающих естественный спад своих способностей к сопротивлению, чем это удалось бы сделать в другое время с людьми, еще сохраняющими полный контроль над энергией своего разума и воли».

И вот как организовывались, вот как выглядели эти гитлеровские, эти нацистские ночные сборища: «Ночь. Колоссальный стадион едва освещен светом нескольких прожекторов, позволяющим угадать присутствие плотных неподвижных рядов батальонов СА

в коричневой форме. Между рядами высвобождено незаполненное пространство, образующее нечто вроде проспекта, ведущего от входа на стадион, к трибуне, по нему пройдет фюрер. Ровно в восемь он появляется в сопровождении своего штаба и проходит на место, бурно приветствуемый толпой. В тот же миг, когда он проходит по стадиону, по окружности стен вспыхивает тысяча прожекторов, направленных вертикально в небо. Они будут сиять всю ночь, пока длится действие, они обозначают священное место национальной мистерии... До и после выступления Гитлера, на которое доселе безмолвная толпа отвечает движением выброшенных вперед рук и приветственными возгласами, звучат «Германия превыше всего» и «Хорст Вессель». Конечно, это было эффектное зрелище, производившее сильное впечатление»²⁷⁸.

Сильное впечатление производила и следующая психологическая подготовка выступлений Гитлера: на фоне вагнеровской музыки – медленный, грозный барабанный бой, тяжелый кованный солдатский шаг и зловещее бряцание оружием, то нарастающее, то удаляющееся. Все это было рассчитано на то, чтобы встревожить, запугать миллионы людей во всем мире, ожидавших у приемников выступления Гитлера: они должны были представить себе огромную военную машину, готовую в любую минуту обрушиться на них.

Гитлер, конечно, обладал большой способностью воздействовать на людей. Он был виртуозным демагогом, способным увлечь за собой массы. Он явил собой новый тип народного трибуна, который умеет играть на клавиатуре эмоций публики. Ему удалось обворожить массы именно потому, что он презирал их. В его речах не было даже намёка на рациональность. Он апеллировал не к разуму индивидов, а к темным инстинктам и мистическим настроениям толпы, сея ненависть и пожиная ненависть. Его риторика была примитивной, но как раз вследствие этого чрезвычайно действенной. Он был гениальным актёром и, несомненно, обладал природным магнетизмом. Его тирады всегда были похожи одна на другую, но он умел произносить их так убедительно, как это не мог бы сделать никто другой.

Этот человек говорил то, что думали многие, и недвусмысленно давал понять: никто не помешает ему в достижение его целей, приди он к власти. Германия должна разорвать путы Версальского

договора и вновь стать великой, сильной и экономически здоровой державой. Гитлер предсказывал лучшее будущее. Все остальные политики продемонстрировали свою несостоятельность... (Оскар Ференбах. Крах и возрождение Германии. 2001).

Многих, отмечает также и Э. Фромм, покоряла, подавляла его непоколебимая уверенность в своих идеях. Дело усугублялось еще и тем, что многим людям не присущи критическое мышление и воображение. Им нужна определенность. В условиях же Германии 20-х гг., в обстановке социальной и политической неопределенности, таких людей было много. Они с надеждой обращали свои взоры к фанатику, знавшему ответы на те трудные вопросы, которые волновали их, и готовы были объявить его «спасителем».

Гитлер, продолжает Э. Фромм, обладал еще одним важным для демагога даром: простотой слога. Он никогда не утруждал слушателей тонкостями интеллектуальных или моральных суждений. Он брал факты, подтверждавшие его тезис, грубо лепил их одни к другому и получал текст вполне убедительный, по крайней мере, для людей, не отягощенных критической способностью разума. Кроме того, он был блестящим актером и умел, например, очень точно передавать мимику и интонацию самых различных типажей. Он в совершенстве владел голосом и свободно вносил в свою речь модуляции, необходимые для достижения нужного эффекта.

Обращаясь к студентам, он бывал спокойным и рассудительным. Одна манера речи предназначалась у него для общения с грубоватыми старыми мюнхенскими друзьями, другая – для разговора с немецким принцем, третья – для бесед с генералами. Он мог устроить гневную сцену, желая сломить неуступчивость чехословацких или польских министров, а, принимая Чемберлена, мог быть предупредительным и дружелюбным хозяином.

Апеллируя к чувствам, психологии масс, противопоставляя слепую веру логике разума, логике аргументов, фашисты «разрабатывали» априорные, весьма упрощенные и вместе с тем чрезвычайно мистифицированные постулаты пропаганды. Пропагандистские лозунги фашистов были просты и ясны во всем, что касается определения «врагов», якобы повинных в тех или иных неудачах немецкого бюргера, и неясны, запутаны во всем, что касается

вскрытия сущности реальных общественных отношений и самой идеологии фашизма.

Причем фашистам не доставляло большого труда найти объекты для подстрекательства вражды. Поражение кайзеровской Германии в первой мировой войне, Октябрьская социалистическая революция в России, буржуазно-демократическая революция 1918 г. в Германии, Версальский договор, острая экономическая и политическая нестабильность, неуверенность в завтрашнем дне в Германии и т. п. породили в среде широких мелкобуржуазных масс растерянность и панику, новые приступы враждебности к демократическим, революционным силам, страх перед социалистической революцией, жажду реванша и ненависть к чужеземцам – «поработителям», смешанную с завистью к удержавшимся на поверхности крупным капиталистам, новые волны национализма, шовинизма, антисемитизма.

В этих условиях фашистам удалось довольно легко одурманить массы антикоммунистическими и расистскими «мифами», навязать им стереотипы: «мы» и «они» – «враги».

«Враги» – это те, кто разбогател на войне, – американцы, англичане и французы, немецкие владельцы банков и универсальных магазинов, а также левые (они, согласно фашистской легенде, «вонзили нож в спину побеждавшей германской армии»), особенно коммунисты («они хотят лишить нас остатков собственности и положения самостоятельных хозяев»), и, конечно, русские (они хотят привести на Рейн казаков) и другие славянские народы, представители «низших рас» (они занимают исконные немецкие земли, оттесняют наше жизненное пространство) и, наконец, евреи (они ворочают ростовщическим капиталом, объединены в единый всемирный заговор и паразитируют на теле немецкого народа)²⁷⁹.

Поверхностность представлений, скрывающихся за подобными ложными стереотипами, позволяет выдавать второстепенное в явлении за главное, малозначительное – за существенное, создавать неверное впечатление о знакомом, известном, но не изученном глубоко, предмете, факте.

Эксплуататорские классы с давних времен пользуются этим приемом. Заведя страну в тупик, правители, будь то рабовладельцы, феодалы или буржуа, всегда искали спасения в грабительских

войнах, чуждых народным массам авантюрах, в разжигании расовых и националистических страстей. Врагами данного народа объявлялись другие народы или трудящиеся классы собственной страны. Чтобы вызвать к ним резко враждебные чувства, выдвигался какой-то в сущности своей лживый лозунг, который при многократном повторении становился стереотипным образом.

Гитлеровские идеологи хорошо усвоили подобные приемы идеологического одурманивания масс. Так, в мелкобуржуазной массе легко нашел свой отзвук навязанный фашистской пропагандой образ «коммунистической опасности». Та двойственность социального положения этих слоев, о которой неоднократно предупреждали основоположники марксизма и которая объясняется положением мелкого буржуа как потенциального капиталиста, позволила нацистским заправилам апеллировать к этому классовому «подсознанию» бюргерства. Боязнь лишиться частной собственности, пусть маленькой, ничтожной, но «моей», страх перед необходимостью подчинить свой индивидуализм коммунистическим нормам коллективизма и т. д. и т. п. — все это помешало миллионам представителей мелкобуржуазных слоев разглядеть подлинное лицо фашизма.

Примером безграничной лжи и цинизма является чудовищная антикоммунистическая провокация немецких фашистов с поджогом рейхстага. С целью «разоблачить» коммунистов, запугать мелкобуржуазного обывателя якобы существующей угрозой «коммунистического заговора» и одновременно оправдать террор и преследования демократов в Германии фашисты организовали поджог рейхстага. Гитлеровцы хотели, возложив вину за эту провокацию на коммунистов, разгромить коммунистическую партию Германии и другие массовые организации рабочего класса. В международном плане, в кругах империалистической реакции, разгромив КПГ, они желали прослыть «спасителями» Германии от «гражданской войны», «угрозы коммунизма» и тем самым заручиться дальнейшей поддержкой империалистических сил Англии, Франции и других стран.

Прибыв к зданию рейхстага спустя несколько минут после начала пожара, Гитлер тотчас же заявил: «Это перст божий; теперь никто не воспрепятствует нам уничтожить коммунистов железным кулаком». Сразу же начались репрессии. Уже в ночь поджога

рейхстага фашистским правительством были запрещены все коммунистические органы печати, было арестовано свыше 10 тыс. коммунистов и других антифашистов. К лету 1935 г. гитлеровцами было убито свыше 4 тыс. антифашистов и около 318 тыс. арестовано. Позднее Раушнинг расскажет, как в действительности обстояло дело с поджогом рейхстага. Так, в своей книге «Беседы с Гитлером» он пишет: «Геринг рассказывал детали поджога рейхстага. Тогда в партии тайна этого пожара строго соблюдалась. Я сам не думал иначе, что это дело коммунистов или, по крайней мере, людей, связанных с ними. Только теперь из разговора, я узнал, что поджог рейхстага был совершен исключительно национал-социалистическим руководством. Откровенность, с которой в этом кругу сообщались подробности этого акта, была потрясающей. Радостный смех, циничные шутки – такова была реакция этих заговорщиков. Геринг красочно рассказывал, как его «мальчики» проникли в рейхстаг по подземному ходу из его, Геринга, дворца, что они имели в своем распоряжении всего несколько минут и чуть не были обнаружены полицией. Геринг только пожалел, что не весь «сарай» сгорел. В спешке «работу» не успели довести до конца. Геринг, который был в ударе, закончил свой рассказ словами: «Я не имею совести! Мою совесть зовут Адольф Гитлер!»²⁸⁰.

Цинизм, прямой обман, подтасовка фактов и т. п. были характерными приемами фашистской пропаганды как внутри страны, так и вовне ее. Так, говоря о внешнеполитических задачах, Гитлер в тесном кругу своих подручных откровенно раскрывал свои цели: «Мне придется играть в мяч с капитализмом и сдерживать версальские державы при помощи призрака большевизма, заставляя их верить, что Германия – последний оплот против красного потопа. Для нас это единственный способ пережить критический период, разделаться с Версалем и снова вооружиться».

Нацисты, готовясь к войне, демонстративно выступали с многочисленными «миролюбивыми» заявлениями. Чехословакию Гитлер и Геринг неоднократно публично заверяли «честным словом», что никаких агрессивных намерений против нее Германия не имеет. Однако уже через несколько месяцев после этих «честных слов» гитлеровские полчища вероломно ринулись на мирное население Чехословакии. Полякам Гитлер клялся, что Германия оставила мысль о войне с Польшей не только на десятилетия,

но и навсегда. Бельгию и Голландию фашистское правительство Германии торжественно заверило в том, что признает неприкосновенность и нейтралитет этих государств. Дании оно обещало никогда против нее не прибегать к войне или к другим насильственным действиям. Известно, что вскоре эти страны были оккупированы ордами Гитлера и поработены.

С подобными «миролюбивыми» заявлениями Гитлер обращался много раз и публично и к Франции, и к Англии, заверяя их, что Германия не имеет к ним никаких претензий, что германский народ не преследует никаких военных целей ни против Англии, ни против Франции.

Даже в адрес СССР, народы которого были объявлены «смертельными врагами» Германии еще в «Майн Кампф», Гитлер делал неоднократные «миролюбивые реверансы». В то же время на совещаниях Гитлера с верхушкой «третьего рейха» и вермахта откровенно планировалась агрессивная война против СССР, война на уничтожение.

Чтобы преступный режим не был распознан, чтобы не были распознаны кровавые жестокости, насилие, террор и убийства «окончательного урегулирования», фашисты, разумеется, всячески приукрашивали фасад своего преступного государства, свою бесчеловечную идеологию. Они понимали, что «нормальный» бюргер только в том случае будет способен издеваться и убивать людей, если удастся усыпить его совесть, выдавая ему патриотические или идеологические лицензии на убийство. Поэтому в области внутренней политики фашистская пропаганда начинала с того, что призывала своих «сограждан», особенно молодежь, «посвятить себя делу спасения чести родины». Фашисты демонстративно объявляли молодежь «революционной надеждой», характеризовали свое движение как движение молодежи, призванное «омолодить нацию», «спасти» ее свободу и т. п. «Нация», «родина» — вот та идея, которую фашисты давали молодежи, многим другим людям, искавшим после катастрофы первой мировой войны, после крушения старых иллюзий какую-то новую духовную опору. За таким «бессмертным» и «непреходящим» символом, как нация, родина, народное сообщество, конечно, стоило сражаться и нести жертвы.

Это, осуществлявшееся в течение многих лет морально-политическое отравление, прямо или косвенно отразилось на всех слоях немецкого общества. Самые широкие массы немецкого народа были захвачены шовинистическими, националистическими лозунгами.

Важно подчеркнуть, что такое отравление немецкого народа осуществлялось сознательно, целеустремленно еще задолго до Гитлера. Вся система воспитания в кайзеровской Германии была пронизана милитаристским и верноподданническим духом.

В 1914 г., в первые дни первой мировой войны, учителя получили приказ любыми средствами возбудить интерес учеников к событиям на фронте. Обычный учебный план был сокращен, военная подготовка увеличена. В гимназиях было прекращено изучение английского и французского языков, литературы и искусства. Утверждалось, что немецкая литература прошлого и настоящего располагает достаточными ценностями для воспитания учеников в немецком духе и что немецкое искусство достаточно богато, чтобы отказаться от иностранных влияний.

После поражения Германии в первой мировой войне правящие классы активно стремились завлечь молодежь в создаваемые ими многочисленные реакционные организации, такие, как добровольческих корпус черного рейхсвера, «Стальной шлем» и др. В этих организациях молодежи прививали враждебность к демократическим концепциям, приверженность ко всякого рода политической мистике, к принципу авторитаризма и фюрерства, навязывали ей идеи полного растворения отдельного индивидуума в «целостности», воспитывали ее в духе солдатской дисциплины и милитаризма и т. д.

Понятно, что молодежь, зараженная подобными идеями, не могла противостоять национал-социализму. Напротив, нацисты весьма успешно направляли националистические устремления молодежи, ее романтизм, культ природы, склонность к иррационализму и мифологии и т. п. в свою идеологическую и политическую систему, а Гитлера сумели изобразить в качестве долгожданного мессии, спасителя. Не случайно поэтому, что более 50% членов Всеобщего германского студенческого союза солидаризировались с политическими взглядами фашистов и приветствовали их победу. Значительную часть молодежи увлекла псевдореволюционная

демагогия национал-социализма, его националистическая фразеология, апелляция к мифологии, спекуляции на чувстве товарищества, призыв к героическим деяниям и т. п.

Спекулируя на таких высоких ценностях, как нация, государство, долг, порядок, авторитет и т. п., фашисты грубо мистифицировали их содержание. В противовес подлинно научной концепции, рассматривающей нацию как сложное социальное образование, состоящее из социальных классов и слоев, из разнообразных конкретных элементов социального, экономического, политического и нравственного порядка, фашисты, как было показано выше, оценивали нацию как некий абсолюте, как живой организм. Нация, национальное, национальная культура, национальный язык, национальные традиции – все это фальсифицировалось и в искаженном виде было использовано фашистами в целях духовного одурманивания людей.

Фашисты, обращаясь к истории своей нации, своего народа, делали акцент прежде всего на реставрацию прошлого, апеллируя к «тайным силам» жизни и природы, к «крови и почве».

С позиций новой веры – мифа крови Гитлер решительно отвергал христианство. По его мнению, «будь то Ветхий Завет или Новый, нет никакой разницы: все то же самое, старое еврейское надувательство... Нельзя быть одновременно немцем и христианином. Надо выбрать одно. Нам нужны свободные люди, которые чувствуют и знают, что Бог находится в них самих... Наши крестьяне не забыли их истинную религию... Крестьянину нужно сказать о том, что разрушила церковь: все тайное знание природы – божественное, бесформенное, демоническое... Мы скинем внешний покров христианства и обнаружим религию, свойственную нашей расе... с помощью крестьян мы сможем уничтожить христианство, потому что в них, детях земли, есть подлинная религия, коренящаяся в природе и крови».

Ему вторил А. Розенберг: «Соединив веру и кровь, мы отстаиваем божественную природу человека, его целостность. Нордическая кровь и есть та материя, которая должна заменить и преодолеть все старые таинства», в том числе и христианство, которое не содержит ничего, кроме пустых обрядов. Религия крови – единственная истина, ибо базируется на очевидных фактах жизни;

только в ней отражается правда человеческого существования. В христианстве же – ничего подобного нет.

Большое внимание фашисты уделяли также мистической псевдоромантической символике. Так, эмблема итальянских фашистов: пучок прутьев с секирой – призвана была вызвать у итальянцев тоску о былом величии Рима и тем самым порождать империалистические устремления. Ярмо и пять стрел фаланги – возрожденная эмблема католических королей, обещающая возрождение золотого века «испанского духа». Нацисты перераспределили цвета имперской Германии до 1918 г. (черно-бело-красный) и сделали своим знаменем такой символ: белый круг на красном фоне с черной свастикой в центре.

Примечательно, что свастика, этот главный символ нацизма, как доказал французский исследователь Р. Алло, по своему происхождению непосредственно восходит не к восточной мифологии, как на это часто указывали, а связана с немецкой же геральдикой. Этот символ имеет прямое отношение к расистским легендам и гербу Гогенцоллернов (он уже использовался тайными расистскими обществами и балтийскими военными корпорациями) и выражает собой призыв к объединению монархистских и расистских кругов с гитлеризмом. Причем, если В. Рейх соотносит свастику с сексуальными инстинктами, то Р. Алло раскрывает символику свастики в связи с исторической традицией. «Изображение четырех кос, вращающихся вокруг единого центра», символизирует «смерть скошенного колоса и его возрождение к жизни в германском религиозном сообществе»; «...этот типично жертвенный цикл подчеркивает угрожающий смысл свастики» для «врагов арийской расы», отброшенных этим неумолимым движением, магическим вращением во «внешнюю тьму»²⁸¹. Как видно, вся эта символика была отнюдь не случайна: все это было одним из способов искажения действительности, создания мира иллюзий, мнимого «согласия между народом и нацией во имя высших целей». В.И. Ленин писал о символах, что против них вообще ничего иметь нельзя. «Но «против всякой символики» надо сказать, что она иногда является «удобным средством обойтись без того, чтобы охватить, указать, оправдать определения понятий»...»²⁸².

Один из исследователей идеологии фашизма Ф. Хауг, вскрывая цель нацистской мистификации, мифологизации истории и культуры, пишет: «Миф готовит людей к тому, чтобы насильственно разрушить существующее и создать новый режим, который не нуждается в том, чтобы его точно определяли, ибо миф вырастает из воззрений группы только как направление, как движение. Миф есть стремление, он не может толковаться рационалистически, действенность мифа вырастает из его внутренней сути»²⁸³.

Вся эта мистификация, идеализация, романтизация национальных традиций, национальной культуры, языка и т. п. служила фашистам обоснованием для нападков на все прогрессивное и демократическое в национальной культуре, на все «чужеродное», «привнесенное извне», на тех или других «врагов» национальной культуры и т. п. Гитлеровцы демагогически выступали с требованием очистить немецкую культуру, немецкий язык. Наш язык, писала «Фолькише Беобахтер», — это звук нашей души, звук нашей крови. Нужно снова обеспечить немецкому народу приток нордической крови.

Во имя «очищения» культуры фашисты убивали коммунистов, преследовали демократов. Они буквально предали огню произведения великих гуманистических писателей как прошлого, так и настоящего. Причем, сопровождалась эта беспримерная акция безудержной националистической и социальной демагогией. Сожжение книг осуществлялось ими под следующими лживыми лозунгами и выкриками:

1. Долой классовую борьбу и материализм. За народную общность и идеалистический образ жизни. Я предаю огню статьи Маркса и Каутского.

2. Против декадентства и морального расизма. За воспитание, дисциплину и нравственность в семье и государстве. Я предаю огню статьи Генриха Манна, Эрнста Глаезера и Эриха Кестнера.

3. Против беспринципности и политической измены. За верность народу и государству. Я предаю огню книги Ф. Ферстера.

4. Против разрушающей душу переоценки психических мотивов. За благородство человеческой души. Я предаю огню статьи З. Фрейда.

5. Против искажения нашей истории, за возвращение достоинства и чести нашему прошлому. Я предаю огню статьи Эмиля Людвиг и Вернера Хегемана.

6. Против чуждого народу журнализма демократическо-еврейской чеканки, за ответственное сотрудничество в деле национального строительства. Я предаю огню статьи Теодора Вольфа и Г. Бернхарда.

7. Против литературной измены солдатам мировой войны. За воспитание народа в духе правды. Я предаю огню статьи Эриха Марии Ремарка.

8. Против загрязнения немецкого языка, за возвращение бесценной сокровищницы нашего народа. Я предаю огню статьи Альфреда Керра.

9. Против нахальства и заносчивости. За уважение к неистребимому духу немецкого народа. Бери, огонь, также статьи Тухольского и Осецкого.

Примечательно, что в прошлом в Германии уже сжигались книги. Это было сделано в октябре 1817 г. немецкими студентами в Эйзенахе. И это было сделано после великих войн против Наполеона, когда немцы были охвачены воодушевляющей мечтой о немецком единстве. Студенты желали в данном случае символически повторить жест М. Лютера, бросившего в огонь папскую буллу. В свое время в символическом акте сожжения книг Г. Гейне увидел угрозу: там, где сжигают книги, в конце концов будут жечь и людей. Предостережение поэта, как показала история, было обоснованно. Нацисты сжигали книги, и это было предостережением и угрозой «противнику». Не случайно, когда состоялось сожжение книг, это грандиозное «культурное обновление», как охарактеризовал его Геббельс, уже имелись первые концентрационные лагеря, а за ними уже вырисовывался и угрожающий облик газовых камер и печей крематорий. Во всяком случае уже в те годы фашисты изгнали из страны или бросили в концентрационные лагеря свыше 5 тыс. ученых, писателей и художников.

Под флагом «очищения» немецкой культуры фашистские идеологи фальсифицировали культурное наследие немецкого народа. Например, таких великих поэтов прошлого, как Шиллер, Гёрдерлин и др., они изображали своими предшественниками, провозвестниками национал-социализма. А Г. Гейне, который беспощадно критиковал все темное, реакционное, мракобесное в Германии, был заклеен «чужаком», его произведения были

исключены из программ университетов и вообще всех культурно-просветительных учреждений, причем его знаменитая песня о Лорелее была объявлена народной, автор которой... неизвестен.

Чтобы воздействовать на массы, на трудящихся, нацисты поощряли литературу и искусство, в которых демагогически героизировался мир труда, широко использовали мелодии старых народных песен, а также мелодии рабочих песен и маршей.

Спекулируя на таких высоких нравственных ценностях, как готовность нести жертвы во имя нации, государства, чувство чести, самопожертвование и т. д., фашисты воспевали смерть во имя расы, нации, фюрера. Если в буржуазно-либеральной культуре человечества смерть обычно рассматривалась как абсолютная неценность, более того, моральная ценность в том и заключалась, чтобы «снять», преодолеть смерть, то фашизм эту неценность превратил в главную ценность. В фашистской Германии вся система воспитания, вся пропаганда была средством умственного и морального уродования людей²⁸⁴. Всё и вся были военизированы: школы, университеты, науки.

Фашистский мракобес Е. Банзе даже изобрел «новую психологию», задача которой – изучение «народной души с целью ее военного применения». Дело идет о том, пишет Банзе, «чтобы оказывать психологическое воздействие на собственный народ, дабы держать его в военной готовности, а также на народ враждебной нации с целью расслабить его психологию, вызвать пацифизм, сломить волю к сопротивлению». Надо, подчеркивал Банзе, «поставить понятие войны в центре всего воспитания молодежи и народного образования.

Для германского ребенка важнее дать основные вопросы военной техники и раскрыть оборонительные позиции Франции, чем изучать условия жизни саламандр или аграрный вопрос в Древнем Риме»²⁸⁵.

Повсюду и всегда молодежи внушали чувство расового превосходства, жестокости и человеконенавистничества.

«Если весь мир будет лежать в развалинах, – к черту, нам на это наплевать,

Мы все равно будем маршировать дальше,

Потому, что сегодня нам принадлежит Германия,

Завтра – весь мир», – так пелось в фашистской песне.

Посредством ночных факельных шествий, псевдорелигиозных торжественных ритуалов, оглушающих военных маршей, развевающихся громадных флагов со свастикой и т. п. методов обработки, почти безотказно действующих на воображения человека толпы, демагогии, псевдогероической риторики, социального манипулирования и т. п. создавался совершенно новый тип «цивилизации», призванный прийти на смену «иудео-христианскому ярму». Надо сказать, что переход этот проходил в Германии чрезвычайно быстро. У «простых людей» буквально на глазах исчезало разъедающее их жизни беспокойство, они с гордостью ощущали себя участниками великих дел и свершений. Ведомые тонким психологом и знатоком оккультных мистерий – Гитлером, они переставали чувствовать себя заброшенными, покинутыми, никому не нужными человеческими песчинками и обретали радостное чувство единения с чем-то высшим и вечным. Великий вождь указал миллионам немцев путь, дал им новую надежду и новый горизонт, обоснованно писал В. Пруссаков.

С. Хаффнер, очевидец тогдашних событий, также отмечал: «Это было – иначе его не назовешь – широко распространившееся ощущение спасения... Всем казалось, что спало злое заклятие. Казалось, заявляет о себе что-то действительно новое – господство народа без партий, во главе с фюрером, который сделает Германию единой внутри и способной вести уверенную внешнюю политику».

Даже в еврейских кругах – несмотря на уже начавшиеся притеснения евреев (бойкоты магазинов, увольнения с государственной службы и т.п.) многие с воодушевлением встречали «национальную революцию». Например, историк Ойген Розеншток-Хюсси выступил с докладом, в котором объяснял, что национал-социалистическая революция является попыткой немцев осуществить мечту великого романтика Гельдерлина. Феликс Якоби летом 1933 года начал свою лекцию о Горации с таких слов: «Как еврей я нахожусь в трудном положении. Но как историк я научился не смотреть на исторические события с приватной точки зрения. Я голосовал за Адольфа Гитлера с 1927 года и счастлив, что в год национального возрождения мне представилась возможность прочитать лекцию о поэте Августе. Ибо Август – единственная фигура в мировой истории, которую можно сравнить с Адольфом Гитлером».

Гитлеру, нацистам удалось обмануть и повести за собой немецкий народ.

И если после аншлюса Австрии и оккупации Чехословакии Гитлер еще был «недоволен» собственным народом, поскольку он в тот момент «не проявил» должного шовинистического, милитаристского духа, то в начале второй мировой войны он уже мог быть «доволен». Немецкий народ был «готов» к агрессивной, захватнической войне. Немецкие солдаты жестоко опустошали цветущие страны, которые желали только одного – мира. Как отмечал Г. Манн в начале войны Германии против СССР, немецкие солдаты «убивают в своем неистовстве лучших людей, они забыли цену человеческой жизни, свою собственную они отдают бесполезно и зря. Их героизм стоит немногого, ибо при Гитлере человеческая жизнь ни во что не ставится... Рабочие и крестьяне Советского Союза сражаются и умирают за свободу своей родины, они хотят жить по своим собственным законам. Немецкие солдаты беспрестанно убивают и гибнут потому, что так приказал фюрер. Германия никуда не посылала их, она не нуждается в их никчемном героизме. Германии не принесет счастья ни их победа, ни их гибель...»²⁸⁶.

Итальянские фашисты в своей системе духовной обработки масс также делали упор на такие «высшие и святые ценности», как нация и государство, также провозглашали готовность сражаться и умереть во имя нации высшей нравственной нормой итальянца. Фашисты пытались возродить блеск римских легионов (орлы, фации, мускулистые статуи военных монументов). Играя на национальных чувствах итальянцев, фашисты назвали созданную ими массовую организацию молодежи, – «Опера национале Балилла» – в честь генуэзского мальчика Балилла, который 5 декабря 1846 г. бросил камень в австрийских солдат, что послужило поводом для восстания против чужеземцев. Называя так свою молодежную организацию, фашисты стремились нажить (и наживали) капитал на героических событиях национального прошлого Италии.

Спекулируя на таких высоких принципах, как национальное достоинство, долг, верность, авторитет и т. п., итальянские фашисты стремились к одному – привить массам «солдатские доблести», подготовить их к агрессивным, захватническим войнам.

Фашисты в Британии также начинали с призывов к молодежи «посвятить себя делу спасения чести нации», также доказывали,

что фашизм – это олицетворение принципов долга, порядка, авторитета, государства, нации и т. п. Так же как и германские и итальянские фашисты, они звали молодежь бороться и жить ради этих высоких принципов. Взамен фашизм предлагал молодым людям форму, возможность подчиняться дисциплине и право требовать дисциплины, возможность командовать другими и высокую честь обрести вблизи «святая святых» – фюрера.

Могло ли все это привлечь молодежь к фашизму? Конечно. Ибо оказывается, что разрешение всех трудных проблем весьма простое: надо любить, почитать и слушаться Гитлера, Муссолини, Мосли, надо быть сильными, надо действовать, действовать, чтобы «возродить» «новую», «единую», «мужественную», «сильную» Германию, Италию, Англию! Как пишет Ф. Мэллали, в практику фашистов не случайно входило провоцирование инцидентов. Если на каком-либо собрании по окончании доклада кто-нибудь в зале вставал, чтобы сделать замечание или задать не угодный фашистам вопрос, на него немедленно налетала группа «распорядителей», которая избивала его на глазах у публики и вышвыривала из зала. Делалось это с целью показать присутствующим мужественность и беспощадный характер фашистского движения. Это вам не словесные бои. Это – действие.²⁸⁷

Фашизм, фашистское государство, продолжает далее Мэллали, – это деловое предприятие. Оно не пытается примирить противоречия ни в отдельном человеке, ни в государстве. «Если вы с кем-нибудь не согласны, отдать приказ – дело более скорое, чем вступать в споры. Спор – это не деловое разрешение вопроса. Примирением могут заниматься женщины; в новом, насквозь мужественном движении ему не место». Именно так, подчеркивает Мэллали, фашизм пробуждал к жизни самые дикарские инстинкты как в отдельных людях, так и в масштабах целого государства. И фашистам удалось создать своего рода «единство»: единство каннибалов, исполняющих военную пляску²⁸⁸.

Почему фашистам удалось пробудить в человеке, и столь быстро, все примитивное, глупое, низкое, недоразвитое? Как удалось им превратить ординарного бюргера в преступника, в убийцу? Ответ опять-таки нужно искать в психологии мелкой буржуазии, на которую фашизм опирался как на свою массовую социальную базу. П. Алатри в своей книге, посвященной анализу фашизма в Италии,

воспроизводит очень точную характеристику мировосприятия мелкой буржуазии, данную Луиджи Сальваторелли: «Сущность мировоззрения мелкой буржуазии, получившей гуманитарное воспитание, исчерпывается одним-единственным словом – риторика... она владеет так называемой общей культурой, которую можно было бы назвать «безграмотностью грамотных». Она, эта общая культура, заключается в весьма поверхностных историко-литературных познаниях.

Все их обучение сводится к массе общих, абстрактных сведений, предназначенных для механического запоминания без какого бы то ни было критического осмысления и без всякой связи с историческим процессом и повседневной действительностью. Поэтому у мелкой буржуазии, воспитанной в таком духе, наблюдается тенденция к догматизму, к легковерию в *ipse dixit* (в авторитеты), стремление заменить живое дело и глубокую мысль одними словами да позой, слепая вера в раз и навсегда установленные и неоспоримые истины». В итоге мелкий буржуа «выдумывает некий фантастический абстрактный идеальный мир и игнорирует действительные ценности современного мира; когда же он сталкивается с этим миром без прикрас, он чувствует к нему какую-то смесь морализующего и неумного отвращения и безграничной зависти. Капиталист для него – акула эксплуатации, а квалифицированный рабочий – выскочка, который не заслуженно пользуется большим вниманием, чем он сам. Этому миру, который он считает чисто материалистическим, мелкий буржуа противопоставляет свой идеальный мир; экономической реальности производящих и борющихся классов он противопоставляет миф об абстрактной и трансцендентной нации, думая таким путем утвердить – вопреки ненавистным ему производительным классам – свое нравственное превосходство.

Исходя из своего аполитичного морализма, он считает преступниками, предателями и врагами отечества всех тех, кто не признает этого самого отечества в той безжизненной и бесформенной кукле, какую он прижимает к груди»²⁸⁹.

Фашисты хорошо усвоили эти особенности мелкобуржуазной психологии, успешно использовали их в своем обращении с «массой». Отсюда и вытекала их апелляция прежде всего к чувствам, нежели к знаниям, разжигание фанатизма, подстегивание

истерии и т. п. Отсюда прямой обман и подтасовка фактов, стремление отучить человека мыслить самостоятельно стали основными приемами фашистской пропаганды.

Мерило качества пропаганды – успех, – подчеркивал Геббельс. «Главное убедить людей. Если пропаганда определенного сорта подходит в этом смысле для данного круга слушателей – значит, ее можно считать хорошей; если же нет – я считаю ее плохой!»

«Пусть сколько угодно говорят о том, что наша пропаганда – крикливая, грязная, что она нарушает все приличия – плевать! В данном случае все это не так уж важно. Важно, чтобы она вела к успеху – вот и все!»

Важным звеном подобной пропаганды, духовного оболванивания масс была безудержная социальная демагогия, которая была характерна для фашистов. Они весьма искусно играли на надеждах и опасениях, на настроениях и страданиях нуждающихся масс. Причем порой в узком кругу даже выставляли свой цинизм напоказ. Как вспоминает О. Штрассер, Геббельс, например, перед каждым докладом или выступлением интересовался у организаторов, что за публика будет в зале, чтобы поставить соответствующую «пластинку»: национальную, социальную или сентиментальную. Подобные пропагандистские приемы были присущи и Гитлеру. «Гитлер входит в зал. Нюхает воздух. Минуту он блуждает, ощупью ищет свой путь, зондирует почву. И вдруг он раздражается: «Личность уже не имеет большого значения... Германия была попорана. Немцы должны быть объединены, и интересы каждого из них должны быть подчинены общим интересам»²⁹⁰. На другой день он выступает не перед разорившимися лавочниками, а перед крупными промышленниками и говорит прямо противоположное: «Усилия отдельных личностей возрождают нацию. Только усилия личностей имеют значение. Масса слепа и глупа»²⁹¹.

Для фашистской идеологии и пропаганды с самого начала были характерны бездоказательность посылок, несовместимость отдельных частей учения, беспринципная смена лозунгов. «Нелепая программа, – отмечал западногерманский исследователь В. Хофер, – позволила национал-социалистам выступать одновременно и в антикапиталистическом, и в антипролетарском облачении, изображать себя в качестве реставраторской и революционной силы, провозглашать себя националистами и в то же время социалистами.

В результате партия сумела приобрести себе сторонников во всех социальных слоях немецкого народа»²⁹². На эту сторону нацистской идеологии указывал и Герман Раушнинг: «Для национал-социалистов чем противоречивее и иррациональнее учение, тем лучше, тем эффективнее оно. Национал-социалистическое руководство полностью отдавало себе отчет в том, что его сторонники воспринимают какую-либо одну сторону учения, что масса никогда не в состоянии охватить его в целом»²⁹³.

Не случайно и «Майн кампф» Гитлера была в такой степени неясной и противоречивой, что удовлетворяла «вкусы» самых разных прослоек общества. Например, нацисты, мнившие себя аристократами, могли увидеть в ней восхваление аристократии, нацисты из рабочих видели в этой книге совсем другое – преклонение Гитлера перед «солью общества – людьми труда». Немецкие националисты проникались идеей национальной исключительности, итальянские фашисты цитировали строки, посвященные интернациональной общности фашизма, солидные буржуа с удовлетворением отмечали похвалы фюрера в адрес «созидательного капитализма».

Обращаясь ко всем слоям немецкого общества, фашисты обещали трудящимся все привилегии социализма, а всем мелкобуржуазным и буржуазным слоям – сохранение частной собственности. Они обещали рабочим право на труд, крестьянам – землю, женщинам – охрану материнства, молодежи – образование, а всем вместе – «национальную немецкую политику».

В целях манипуляции сознанием трудящихся фашисты включили в свою программу наряду с шовинистическими лозунгами и пункты мнимо антикапиталистические, например требование экспроприировать нетрудовые доходы, уничтожить «процентное рабство», конфисковать военные прибыли, передать концерны государству. Предлагалось обобществить универсальные магазины и разделить их между мелкими торговцами. В программу фашистов в демагогических целях было включено обещание провести аграрную реформу, безвозмездно экспроприировать помещичьи земли, отменить земельную ренту, запретить земельные спекуляции и т. д., и т. п.

Вместе с тем Гитлер постоянно одергивал тех фашистов, которые принимали слишком «революционный» и необузданно

«антикапиталистический» вид. После мюнхенского «пивного путча» Гитлер, в сущности, уже полностью приспособил свою программу и свою политику к потребностям наиболее реакционных сил буржуазии. В 1930 г. в руки противников нацистов попало письмо окружного руководства фашистской партии в Дрездене, адресованное одному веймарскому капиталисту: «Не смущайтесь текстом наших плакатов. Там, конечно, имеются лозунги вроде «долой капитализм» и т. д. Но они несомненно необходимы, ибо вы должны знать, что только под «германским национальным» или «национальным» флагом мы никогда не достигнем своей цели, у нас не будет будущего. Мы должны говорить языком недовольных социалистических рабочих... так как иначе они не будут считать нас своими. Мы не выступаем с откровенной программой по дипломатическим соображениям»²⁹⁴.

Разумеется, в целях расширения социальной базы, установления контроля над массами фашисты работали среди рабочих, проводили определенные мероприятия, которые могли отвечать сиюминутным интересам отдельных слоев трудящихся. Так, в 1933 г. немецкие фашисты создали организацию «Сила через радость». По замыслу Р. Лея, руководителя «Германского рабочего фронта», эта организация должна была «нести рабочим радость и наслаждения», приобщить их к «культурному наследию немецкой нации», «примирить» классы на пользу «немецкому обществу» и т. д. Участие в этой организации давало рабочим некоторые выгоды: льготные туристские путевки во время отпуска, содействие нуждающимся семьям, льготные билеты в театры и кино, возможность заниматься спортом и т. д. Но в конечном счете «Сила через радость» была инструментом социального контроля, духовного манипулирования трудящимися. Средства, на которые она функционировала и проводила свои мероприятия, были средствами самих рабочих, они изымались из их заработной платы и сбережений.

Одним из ключевых слов, которым особенно назойливо манипулировала фашистская пропаганда, было слово «труд». Труд, всеобщность труда были главными лозунгами фашистов, фашистской пропаганды, успех которой во многом покоился на постепенном выходе из экономического кризиса и «рассасывании» массовой безработицы. На фоне продолжающегося кризиса в других европейских странах это в Германии имело сильный психоло-

гический эффект. И неважно было, что выход из экономического кризиса наметился еще до прихода фашистов к власти, а безработица была ликвидирована в результате подготовки к агрессивным войнам. Цель была достигнута: рабочий класс был введен в заблуждение. Многие вчерашние безработные не понимали, что после страшного экономического кризиса наступил лишь кажущийся расцвет германской экономики, обусловленный подготовкой к войне. Они не понимали, что вместо «работы и хлеба» фашизм несет им войну, что они будут принесены в жертву войне исключительно ради интересов германских монополистов.

Фашисты весьма умело, весьма искусно обманывали трудящихся. В Германии нацисты в демагогических целях наводняли города красными афишами, эмблемами, знаменами. Испанские фалангисты, учитывая значимость в Испании анархистских течений, наряду с красным сделали своим цветом и черный. Когда нацисты пришли к власти, они «перехватили» у рабочих партий празднование 1 Мая. Известен спор между Розенбергом и Геббельсом; Розенберг требовал отказаться от празднования 1 Мая, поскольку это был праздник международной солидарности трудящихся, и предлагал ввести взамен новый праздник — 20 апреля — день рождения фюрера. Геббельс возразил. Следует, — сказал он, — отмечать и день рождения фюрера, и сохранить 1 Мая как День труда, «отняв» этот праздник у коммунистов и социал-демократов. Победила точка зрения Геббельса. 1 Мая 1933 г. был введен День труда как праздник, символизирующий единство и сплоченность всех немцев вокруг идеи национального труда. Примечателен первый плакат, который выпустили нацисты ко Дню труда. Он символизировал единство рабочих, крестьян и интеллигенции; причем в центре сверху был портрет Гете, как бы олицетворявший благородные духовные устремления режима.

Фашисты демагогически объявили труд священным делом, «доказывали», что в фашистской Германии все являются «трудящимися»: и рабочие, и капиталисты, и фашистские фюреры. И, к сожалению, несмотря на то, что фашистское «приятие» социализма сводилось к фальсификации социализма, к ожесточенной борьбе против подлинного социализма, демагогии фашистов верили многие. Фашистам удавалось создавать иллюзию общности, романтики, перспективы, надежды. В книге немецкой писательницы К. Вольф

«От первого лица» рассказывается об одной женщине, которая, вспоминая нацистское время, говорила: «Видите ли, ребенком в нацистской Германии я все-таки часто бывала счастлива. О чем ни вспомнишь: о походе, о спортивном празднике, о семейном торжестве – все это, конечно, разыгрывалось на определенном фоне, и, как ни странно, лучшие воспоминания осенены нацистским флагом... Я тогда замечательно проводила время, нам было весело ходить в походы и заниматься спортом, но при этом всегда был флаг со свастикой...»

Итальянские фашисты, так же как и гитлеровцы, широко использовали социальную демагогию. Они выдвигали в высшей степени радикальные лозунги: обещали освободить и оздоровить национальную жизнь, обвиняли рабочие партии в «классовом эгоизме» и провозглашали себя выразителями интересов всей нации. Особое внимание фашисты уделяли работе с «ардита» – бывшими фронтовиками. П. Тольятти в свое время считал одной из самых серьезных ошибок социалистической партии именно то, что в первые послевоенные годы она не поняла положения бывших фронтовиков. Но фашисты, Муссолини это поняли и с помощью искусной демагогии сумели привлечь многих из них на свою сторону.

Вместе с тем, как указывает Тольятти, фашисты умело оказывали влияние на рабочих. Чем, например, занимаются секции дополаворо (в точном переводе – «после работы»), организованные фашистами? «Они развивают деятельность в различных направлениях. Участвуя в ней, рабочие получают и некоторые выгоды. Им предоставляют различные льготы, скидки на билеты в театры и кино, возможность приобретения в определенных магазинах продовольственных товаров и одежды по сниженным ценам, оказывается помощь в организации туристских экскурсий. Здесь же следует сказать и о некоторых формах социального обслуживания. В отдельных случаях организации дополаворо выполняют функции касс взаимопомощи, оказывая, например, материальное содействие нуждающимся семьям тружеников, получивших увечья и т. д.»²⁹⁵, – отмечал Тольятти.

За всем этим, конечно, скрывалось полное равнодушие, пренебрежение коренными интересами трудящихся: рабочих и крестьян. Со всей очевидностью это обнаруживается в циничных словах

Муссолини: «К счастью итальянский народ еще не привык есть несколько раз в день. Его уровень жизни настолько низок, что он меньше ощущает нужду и лишения»²⁹⁶.

Демагогическими обещаниями социальных благ были наполнены программы фашистских партий и организаций и в других странах. Так, гитлеровский «вассал» Антонеску в целях обмана и успокоения народных масс демагогически заявлял, что будут приняты меры по «подъему благосостояния крестьянства», осуществлены социальные реформы «в пользу рабочего класса», увеличена заработная плата служащим, развернута борьба за уменьшение детской смертности, повышена роль школы и церкви и т. д. Он обещал развернуть борьбу с коррупцией, создать комиссию по проверке собственности членов королевской камарильи, уменьшить расходы на содержание государственного аппарата и королевского двора, ликвидировать все, что вызывало недовольство и возмущение трудящихся. «Железнодорожные» главари уверяли, что ставят своей целью «возвысить румынский народ» и «устранить социальную несправедливость». Они демагогически твердили, что благодаря их усилиям «скоро придет время, когда каждый будет иметь свое место в жизни в соответствии с его верой и духовными запросами»²⁹⁷.

Фюрер британских фашистов Мосли в своей пропагандистской деятельности, в сущности, слепо копировал своих германских и итальянских «собратьев». Взяв себе за образец нацистского фюрера, Мосли издал весьма простую программу («Десять принципов фашизма»), в которой всем было обещано все. Рабочим он обещал работу, мелким предпринимателям – защиту от рабочих-большевиков, капиталистам – более высокие и более устойчивые прибыли, профсоюзам – свободу от эксплуатации их капиталистами, помещикам – экономическую безопасность, мелким фермерам – увеличение земельных наделов и гарантированные цены; аристократическим семействам (многие из которых были тесно связаны с БСФ) он обещал гарантировать уважение к их традиционным привилегиям; стране в целом он обещал избавление от гнилого либерализма. Помимо всего этого он всем без исключения обещал действие. Был выброшен также лозунг «Англия превыше всего!»

Фашизм, как выше было уже подчеркнуто, апеллировал и к социалистическим лозунгам, чтобы под прикрытием демагогических лозунгов о немецком «социализме», об «уничтожении классов» и т. п. укрепить строй эксплуатации, не допустить подлинно социалистических социальных преобразований.

И разумеется, всю фашистскую пропаганду пропитывало умеренное прославление личности фюрера. Фюрер был нужен империалистическим кругам как некий идол, кумир, который сплачивал бы вокруг себя и подчинял бы себе широкие массы одуряченных и одурманенных обывателей. Навязывание массам фанатичного преклонения перед Гитлером помогало германскому империализму утвердить свое господство над немецким народом, мобилизовать его для осуществления агрессивных, захватнических войн.

Фашистская пропаганда внушала обывателям: Гитлер сделал невозможное возможным. Он научил немцев чувствовать себя немцами. Он сделал это на благо Германии и всей европейской цивилизации. Если Европа не стала сегодня рабыней большевизма, нужно благодарить двух людей: Бенито Муссолини и Адольфа Гитлера. Фашистская пропаганда использовала даже такой факт, что Гитлер когда-то пытался стать художником; она систематически создавала образ Гитлера как чрезвычайно художественной личности. При этом подчеркивались три основные идеи: 1) Гитлер – художник, он – архитектор национал-социалистического государства; 2) это государство нужно рассматривать как произведение искусства; оно имеет структуру, организацию, гармонию и единство художественного произведения; 3) Гитлер любит искусство, и он первый среди тех, кто создает искусство.

Фашистская пропаганда назойливо изображала Гитлера как человека огромной культуры, обладающего мощной творческой волей. Поэтому-де эра Гитлера обеспечивает Германии не только физическую мощь, но и ее духовную власть. Фашистская газета «Фолькише Беобахтер» ставила Гитлера рядом с Бахом и Бетховеном, твердила, что Гитлер вновь обратил немцев к подлинному искусству, что фюрер и культурное творчество всегда вместе, в настоящем и в будущем, что нет в рейхе ни одного художника, который не сделал бы своим внутренним убеждением волю и дух фюрера в политике и культуре, что немецкий художник благодарен своему фюреру за его сердечное участие и т. д. и т. п.

Безмерное «очаровывание» немцев личностью Гитлера осуществлялось фашистской пропагандой с целью добиться безусловного, слепого, основанного на фанатичной вере послушания и повиновения фюреру, олицетворявшему режим. Фашистская пропаганда наделяла Гитлера сверхъестественной способностью совершить чудо, постоянно внушала немцам, что он «отмечен» печатью судьбы, рока, провидения и т. п. Даже накануне 1945 г., когда фашистская Германия стояла уже на пороге своего сокрушительного разгрома, ее пропаганда продолжала твердить эти безумные идеи. Например, журнал «Райх» от 31 декабря 1944 г. писал: «Фюрер – тот утес, о который разбиваются штормовые волны целого океана ярости, которую они (враги) разожгли... За ним как стена стоит его народ.

Народ взирает на фюрера глазами, полными веры, даже тогда, когда не видит его. Он доверяет фюреру так, как только вообще можно доверять человеку. Он – немецкое чудо. Все остальное, что у нас есть, вполне объяснимо, оно имеет свои основания и причины; и только он один – нечто необъяснимое, тайна и миф нашего народа. Он – в каждом из нас.

Нация ощущает его как свою добрую совесть... Здесь действует высшее провидение. Он совершенно лишен всяких претензий... но никакая сила на земле не может помешать ему выполнить свою миссию. Настанет день и великое страдание, которое сегодня легло тяжелым бременем на весь мир, найдет свое внезапное разрешение в том порыве, который он вдохнет в человечество. Он – преобразователь человечества»²⁹⁸.

Конечно, это был безумный бред фашистов. Но этот бред был «точно рассчитан». П. Датт в своей книге «Фашизм и социалистическая революция» совершенно справедливо писал: «...когда слышишь особенно дикие разглагольствования какого-нибудь Гитлера или Геббельса о крови, радости кинжала, германском человеке и девственном лесе, то вся эта бессмыслица может трезвому человеку показаться лишенной всякой логики или просто безумной. Но в действительности все это так же рационально и рассчитано с точки зрения нынешних интересов капитализма... В этом безумии есть свой метод, ибо капитализм уже не может рассчитывать на какую-либо разумную защиту... на какой бы то ни было идеал, чтобы привлечь массы. Поэтому он может пытаться

спасти только на волне обскурантизма, выставляя в качестве идеалов фантастические символы и размалеванные суррогаты, чтобы прикрыть реальность ненавистного всем денежного мешка. Фашизм представляет собой этот процесс, доведенный до высшей степени технического совершенства»²⁹⁹.

Фашисты знали, что делали, они угадали смутные порывы и безотчетные чаяния мелкобуржуазных масс. Взамен всех прежних дискредитированных и обесцененных политических идей они дали этим массам идола, который знал, что делать, в которого нужно было только верить. Этого было достаточно, чтобы пришло «спасение».

Фашистские вожаки, заведя Германию в тупик, поставив страну на грань катастрофы, и сами надеялись на чудо, на чудесное спасение. Когда скончался президент США Ф.Д. Рузвельт, Геббельс поспешил с этой вестью к Гитлеру: «Мой фюрер, поздравляю вас; Рузвельт мертв! Судьба убрала с вашего пути величайшего врага! Бог нас не забыл! Чудо свершилось! Это похоже на смерть русской царицы во время семилетней войны! Не зря предсказывали звезды, что во второй половине апреля нас ждет полная перемена событий! Сегодня пятница, 13 апреля, и этот день стал поворотным в истории!»

Разумеется, это были тщетные надежды.

Конечно же, абсолютно несостоятельны попытки буржуазных идеологов, буржуазных пропагандистов обнаружить в фашистских главарях некие демонические, трансцендентные силы, которые якобы и объясняют их власть над людьми, над народом. Бесспорно, фашизм нашел в Гитлере и Муссолини персональное выражение. Оба, будучи выходцами из мелкобуржуазной среды, обладали чутьем масс, политической интуицией, огромным личным честолюбием, организаторскими способностями; оба были беззастенчивыми демагогами, «артистами действия», умевшими возбуждать и себя, и толпу. Но главное – это поддержка крупного капитала. Именно империалистические круги привели к власти этих и других авантюристов, создали вокруг них миф «демонических личностей», способных-де «спасти нацию».

Как отмечает П.Ю. Рахшмир, наличие предпосылок фашизма неотделимо от предпосылок появления соответствующего типа лидера³⁰⁰. Случайно ли, что вожаками фашизма как на подбор

оказались – и оказываются – типы феноменальных подонков: люди без следа совести и морали, хотя бы буржуазной, полуманьяки, полуобразованные (хотя отнюдь не тупые), с садистским уклоном, нередко с уголовным прошлым? – ставит вопрос видный советский публицист, исследователь фашизма и неофашизма Э. Генри. И дает четкий ответ: «Нельзя переходить к фашистской или военно-авторитарной диктатуре не создавая новый тип государственного деятеля: тип политика-преступника. Фашиствующей буржуазии... нужны политики... с легкостью, без колебаний, даже с каким-то сладострастием идущие на геноцид – уничтожение целых народов. Политики, для которых руководство государством неотделимо от непрерывного массового террора, от небывалой системы Варфоломеевских ночей, провокаций и фальсификаций, от криминализации всего административного аппарата. Политики, убивающие культуру, испуганно, с пеной у рта ненавидящие интеллигенцию, стремящиеся превратить мыслителей в роботов...»³⁰¹.

К. Бахман в своей книге также подчеркивает преступный характер личности фашистских вожаков. В частности, он пишет: «Гитлер был несомненно крупным политическим преступником. Но он трудился не за свой страх и риск, а на благо немецкого империализма. Буржуазия выдвинула немного гениальных умов с тех пор, как находится в исторически уходящей фазе своего развития. К первым Гитлер не имеет никакого отношения. Но он и не дурак. Дурак во главе германского фашизма вряд ли был в состоянии вынудить мир предпринять такие усилия, которые потребовались для разгрома фашистского режима с 1941 и до 1945 г.» Далее К. Бахман раскрывает те черты, те свойства личности Гитлера, которые сделали его «наиболее пригодным», чтобы встать во главе германского империализма, стремящегося к мировому господству. Гитлер, «глубочайшим образом враждебный людям, лишенный какого бы то ни было гуманизма... был готов на любое политическое преступление таких масштабов, каких до тех пор не знала история». Эти свойства, – совершенно обоснованно констатирует К. Бахман, – «отражали безграничное моральное разложение класса, которому он служил, – немецкой монополистической буржуазии»³⁰².

Примечательны также наблюдения американского посла в Германии в 30-е годы XX в. У. Додда, который писал в своем днев-

нике, что фашистские главари – это невежественные и тупые фанатики, преступники без чести и совести, готовые прибегнуть к самым бесчеловечным методам, и т. д. и т. п.³⁰³.

Итак, уроки истории учат, что фашистам удалось одурманить широкие массы народа своей человеконенавистнической идеологией, причем, в сущности, еще даже до того, как они расправились с рабочим движением путем жестокого, кровавого террора. Почему это произошло? Как удалось фашистам внедрить свои бредовые идеи в сознание масс? Причин этого, конечно было немало. И одна из них – недооценка антифашистскими силами необходимости целеустремленной идеологической борьбы с фашизмом.

Заражению «идеологическими отбросами» капитализма способствовали, во-первых, определенные объективные факторы: связь фашистской идеологии с многовековыми предрассудками – националистическими, частнособственническими и другими, которые веками культивировались эксплуататорскими классами; во-вторых, то обстоятельство, что фашисты установили тоталитарный режим, ликвидировали демократические институты, запретили деятельность всех партий, кроме собственной. Армия, полиция, профсоюзы, молодежные и спортивные организации, наука, литература и искусство – все было поставлено под их полный и безраздельный контроль. Фашисты создали мощные государственные органы идеологической обработки масс, министерство пропаганды (которым в Германии руководил Геббельс), соответствующие отделы в министерстве иностранных дел и в вооруженных силах. Фашисты повсюду и всегда в целях завоевания масс спекулировали их антикапиталистическими настроениями, порожденными кризисом капитализма, который вызвал небывалое обнищание и разорение широких мелкобуржуазных слоев.

Фашисты весьма искусно воздействовали на чувства, эмоции, психологию обнищавших и отчаявшихся масс мелкой буржуазии. Если, например, коммунисты на собраниях рабочих, ремесленников или мелких сельских хозяев всегда открыто и откровенно говорили, что социальной справедливости при капитализме им не добиться, что коммунисты не могут обещать сиюминутного результата на пути ее достижения, что у трудящихся есть лишь один путь добиться социальной справедливости – разрушить

капиталистический общественный строй – и т. д. и т. п., то фашисты говорили «просто» и «ясно»: если Гитлер завтра придет к власти, то послезавтра все будет по-иному, все будет хорошо, все будет в порядке. В первом случае надо было думать и принять нелегкое решение бороться и нести жертвы в этой борьбе, во втором надо было просто поверить.

Благоприятные условия для подобной демагогии создавало и то обстоятельство, что гитлеровцы пришли к власти в такое время, когда мировой экономический кризис, начавшийся в 1929 г., уже шел к концу. Как справедливо подчеркивает немецкий историк К. Госсвайлер, это обстоятельство было для фашизма исключительно важным, так как «преодоление кризиса он смог отнести на свой счет. К тому же вследствие подготовки Германии к войне через несколько лет массовая безработица уступила место нехватке рабочей силы. Тот факт, что спустя три года примерно 6 млн безработных снова получили работу, имел большое значение для изменения настроения масс в пользу фашизма»³⁰⁴.

Не понимали, куда ведет фашизм страну, и многие итальянцы. После падения фашистской диктатуры Муссолини правительство маршала Бадольо спустя несколько дней после своего прихода к власти опубликовало цифры, рисующие экономическое и финансовое положение итальянского государства. Эти цифры дают картину банкротства, не имеющего прецедента в истории современных государств. Внутренний государственный долг достиг 460 млрд. лир. Сюда надо добавить находящиеся в обращении бумажные деньги в сумме до 100 млрд. и полное исчезновение государственного золотого запаса. Следует еще также добавить несколько миллиардов лир государственных обязательств, погашение которых отсрочено и разделено на 30 лет. Все это дает фактическую цифру в 1000 млрд., и это в стране, общенациональный доход которой едва превышает 100 млрд. лир в год! Фашизм в буквальном смысле слова сожрал богатства страны³⁰⁵.

Но все это было потом, а пока фашистам за счет государственного регулирования, за счет военных заказов удавалось обозначать видимость конъюнктуры, видимость экономического подъема.

Все это создавало благоприятную обстановку для фашистской демагогии, для разжигания инстинктов мелкого собственника, для «антикапиталистической» фразеологии фашистов, для обмана

масс лживыми «теориями» специфического «национального социализма» и т. д.

Вполне понятно, что фашизм держался не одной только социальной демагогией и мифотворчеством. Никакая фашистская демагогия, никакой обман не смогли бы оказать длительное воздействие на людей, подчинить их себе, если бы фашизм не сумел дать определенных материальных выгод довольно широким прослойками немецкого общества, если бы он, по выражению немецкого философа В. Хайзе, «к святости имени гражданина не прибавлял гешефт буржуа». Об этом же писал И. Бехер, вынося приговор гитлеровско-фашистской идеологии: «Специфическая действенность была достигнута нацистской идеологией благодаря тому, что она сулила материальные преимущества и временами действительно предоставляла их для широких слоев... Наживались сотни тысяч маленьких людей, участвовавших в бизнесе вооружения, в строительстве казарм, в поставке оружия и обмундирования. Сотни тысяч людей получали прибыли, участвуя в уничтожении свободных народов. Нацистская идеология имела особый успех в той своей части, где она была идеологическим оправданием коррупции, корыстолюбия, безудержного делячества, где именем нации она идеологически освящала эгоистические инстинкты наживы и ограбления»³⁰⁶.

Ценой эксплуатации и грабежа оккупированных территорий фашисты получали возможность подкармливать обывателей, заражая одновременно их головы шовинистическим угаром, жаждой новой наживы и грабежа³⁰⁷. Г. Бёлль в своем романе «Бильярд в половине десятого» рассказывает, как в одной из местных германских газет времен второй мировой войны рисовалось «недалекое будущее немцев»: «...1958 год, двадцатилетний унтер-офицер Моргнер стал тридцатипятилетним крестьянином Моргнером, он поселился на берегу Волги; его рабочий день кончился. Моргнер наслаждается заслуженным отдыхом, покуривая свою трубочку, на руках у него один из его белокурых малышей. Моргнер задумчиво смотрит на свою жену, которая как раз в этот момент доит последнюю корову. Немецкое молоко на берегу Волги...»³⁰⁸.

Подобная «перспектива» также служила морально-психологической подготовке к грабительской войне. Фашистскую солдатню гнала вперед и фанатичная вера в удачу, которая укреплялась

легкими победами фашистского вермахта в первые годы развязанной фашизмом второй мировой войны.

В условиях жестоких репрессий, тотального запугивания и подавления значительная часть трудящихся также была духовно подавлена и, как писал В. Ульбрихт, потеряла правильную классовую ориентировку. Многие из рабочих разучились понимать взаимную связь политических явлений. Дух национализма и шовинизма проник и в ряды рабочего класса. Настроение, утвердившееся в тот период в Германии, очень выразительно отразил в своих воспоминаниях бывший офицер вермахта, после войны ставший известным деятелем антифашистского движения Отто Рюле. «Для нас, немцев, — пишет он в своих мемуарах, — тогда все шло неожиданно хорошо. После торжественной музыки Листа по радио передавали официальные сообщения о взятии Кракова, Сандомира, Перемышля, Белостока. Сотни тысяч польских военнопленных, сотни захваченных или уничтоженных пушек, танков, самолетов, капитуляция гарнизона Вестерплатте в Данциге, захват порта Гдыня и, наконец, крепости Модлин и Варшавы. За какие-нибудь три недели поход на Польшу победоносно завершился. Сердца многих немцев забились чаще. И все это при нескольких тысячах погибших с нашей стороны!

В октябре в армии снова разрешили танцевальные вечера. Жизнь почти вошла в нормальное русло. С теми пайками можно было жить».

В августе 1941 года в одном из лагерей для немецких военнопленных побывала комиссия Коминтерна. 90% пленных, полностью оставаясь в плену фашистской пропаганды, утверждали, что в «третьем рейхе» осуществлен немецкий социализм, что на заводах и фабриках наведен порядок. Большинство пленных категорически заявляли, что Германия нуждается в «жизненном пространстве» и что поэтому Европе нужен «новый порядок». Этим они обосновали разбойничьи походы против других народов. «Потрясающим было то, — отмечал В. Ульбрихт, — что среди солдат находились молодые металлисты из семей социал-демократов. Однако отцы этих солдат ничего не предприняли, чтобы дать понять сыновьям, что несет с собой господство агрессивных сил германского монополистического капитала и ложь о «немецком социализме». В 1942 году В. Пик посетил лагерь военнопленных под Москвой. И здесь многие

из тех, с кем он говорил, продолжали повторять нацистские бредни о «спасении Германии от большевизма», «германской расе господ» и о «жизненном пространстве». В. Пик говорил в этой связи: «Вот каков теперь внутренний мир наших соотечественников! Становится жутко. Нам придется еще немало поработать, чтобы снова сделать их разумно мыслящими людьми».

Да, фашистам удалось одурманить, ослепить ядом национализма, ядом шовинизма и расизма, ненавистью к другим народам широкие народные массы своих стран. Э. Юнгер в своем дневнике воспроизвел разговор немецких обывателей в парикмахерской, – подчеркиваем, – обывателей, не эсэсовцев, не гестаповцев, – простых обывателей – о русских пленных, присылаемых из лагеря на работу: «Сволочи они все. Отнимают пищу у собак». Читать это, слышать об этом просто жутко.

Однако фашисты, оболванив обывателей, отнюдь не смогли воспитать ни патриотов, ни героев. Они твердили своим солдатам, что они люди «крепкого кулака», дают подлинное «звучание немецкой истории», что их души сделаны «из того же теста», что и «великие души вечной немецкой национальности», они героизировали их смерть, внушали гибнущим за неправо дело людям, что они сражаются и умирают за «Великую Германию», за ее расу, дух, культуру.

Все это было ложью³⁰⁹. У фашистов «не было и не могло быть ни героев, ни подвигов, ни славы», ибо война, которую они вели, «была грязной войной, бесчестьем для немецкого народа. Гитлеровская агрессия порождала убийц по долгу службы, палачей по воспитанию и призванию. А у палачей и убийц нет дружбы и товарищества, их отношения друг к другу напоминали повадки хищных зверей. И сама их смерть была подобна смерти затравленного хищника»³¹⁰.

И. Видер в книге «Катастрофа на Волге» пишет, что утверждения о «героизме» и «преданности» немецких солдат фатерланду – «дешевка». «Если уж говорить о беспримерном героизме и верности долгу, «не имеющих себе равных» в истории, то можно назвать ту доблестную советскую 62-ю армию, которая осенью 1942 г. в огненном аду Сталинграда долгие месяцы упорно обороняла два небольших плацдарма на волжском берегу; храбро сражаясь и выстояв под яростным напором превосходящих немецких сил,

она создала предпосылки для победоносного завершения этой военной борьбы»³¹¹, – писал И. Видер.

Э. Юнгер, исходя из предположения, что тенденция к уничтожению якобы является следствием общенигилистических устремлений эпохи, демонизирует нацистских палачей. Они выходят на кровавую охоту, как тигры. Им присущи ярко выраженная сатанинская воля, холодная радость от гибели людей и даже всего человечества. Их тянет к преступлениям, к убийствам и издевательствам над людьми, даже если это угрожает им самим.

В сущности все нацистские палачи – банальны (Х. Арендт). Среди них нет «злодеев» в общепринятом смысле слова, все они – мещане, обыватели. Для них – все, что они делали, было обычной работой, которую надо добросовестно выполнять. Гиммлер упал в обморок во время массовой расправы – расстрела мирных жителей под Минском. Многие из них просто не сознавали, что совершают преступления, для них все это было работой, выполнением приказа, долгом и т. п. Р. Гесс, комендант страшного концентрационного лагеря Освенцим, где были убиты миллионы людей, «оказывается», был хорошим семьянином, любил музыку и т. п. Эйхман, убивший 6 млн евреев, также не испытал никаких угрызений совести, как, вероятно, не испытал и какого-то злодейского удовлетворения; он просто делал свою работу, добросовестно, в соответствии с приказом. «Банальность зла» – так назвала Ханна Арендт этот страшный феномен. И все-таки – нет! Нацисты – не только банальны, Это – преступники, создавшие преступное государство. К. Ясперс подчеркивает, что нацистское государство следует безоговорочно квалифицировать как преступное.

Преступным государством является такое, которое в принципе не создает и не признает правопорядок. То, что называется правом и что подобная государственная власть рождает в потоке законов, представляет для нее средство для усмирения и покорения народа (не нечто такое, что она сама уважает). Власть хочет с помощью силы изменить людей и подчинить себе человечество. Свой принцип нацистское государство подтверждает уничтожением народов, которые, как оно решило, не имеют права существовать.

Нацистская власть – преступное государство, потому что совершала преступления против человечества. Она совершала преступления и против человечности. Подобное преступление

– все злодеяния, которые называются военными преступлениями, совершенными по отношению к противнику. История знает множество таких преступлений (пример тому – расправа Наполеона над пленными в Египте). Нацисты и в преступлениях против человечности «превзошли» всех; сознательно, целенаправленно и беспощадно расправлялись с пленными военнослужащими, партизанами, мирными жителями.

Массовые убийства по приказу властей – новый вид преступления, не имеющий до сих пор прецедента в истории, «приоритет» в совершении которого принадлежит нацистам. Это преступление и предполагает новый тип государства – преступное государство. Преступное государство совершает преступления против всех народов; эти преступления выражаются в претензии на то, чтобы решать, какие группы людей, на земле могут жить, какие – нет, в претворении этой претензии в жизнь путем уничтожения народов. Сегодня эти массовые убийства называют геноцидом.

С таким государством, политическими деятелями, творящими подобное, человечество не может сосуществовать. Поэтому нельзя считать извиняющим обстоятельство, что кто-то действовал согласно приказу государства. Если человек участвовал в преступлениях государства; он также преступник. Поэтому по отношению к нацистским преступникам не может быть признан никакой «срок давности». Когда и где бы нацистский преступник не был задержан, он должен быть сурово наказан. Покончить с нацистским прошлым, просто предав его забвению, перевернув страницу истории, – нельзя. Нацизм – не заблуждение или наваждение, это преступная утрата человечности. Полностью завершить нацистское прошлое можно только путем изменения убеждений, а значит и характера человека.

К. Ясперс напоминает о шутке, которая бытовала в 1933 году. Существуют три качества: интеллигентность, порядочность и принадлежность к национал-социализму. Человек может обладать только двумя из них. Если человек интеллигентный и порядочный, тогда он не национал-социалист. Если человек интеллигентный и является национал-социалистом, он непорядочный. Если порядочный человек принадлежит к нацистской партии, он не только не интеллигентный, но просто слабоумный.

Это не просто шутка, отмечает К. Ясперс; здесь затрагивается вопрос совести. Если я не объявляю людей слабоумными, то не вправе видеть в их нечистой совести и так называемой вере смягчающее обстоятельство. Никакая вера не заслуживает снисхождения, если она превращается в преступные действия.

В. Пруссаков находит, что фашистским заправилам был присущ некий романтизированный облик людей не от мира сего. Он пишет, что многие нацисты «считали, что люди (за исключение евреев) находятся в магических отношениях со Вселенной, но они об этом забыли. Будущая мутация человеческой расы создаст существо, сознающее эти отношения, — человеко-богов. Эта мутация уже дает себя знать в некоторых мессианских душах, ощущающих свою связь с очень отдаленным прошлым и вспоминающих о днях, когда великаны оказывали влияние на движение звезд. Нацисты... хотели изменить жизнь. Они подготавливали приход Высшего Неизвестного. У них было магическое понимание мира и человека. Они пожертвовали всем ради этого понимания и принесли в жертвы миллионы человеческих жизней... Они ненавидели иудео-христианскую цивилизацию, как бы она ни называлась, — буржуазная или пролетарская, презирали ее слащавый гуманизм и безграничный материализм. Они должны были победить, потому что были носителями огня, который их враги — капиталисты и коммунисты, уже давно погасили в себе заботами о комфорте и чувственных удовольствиях. Они должны были стать господами на тысячелетие, ибо на их стороне — великие жрецы и демиурги... Но они оказались побежденными, раздавленными и уничтоженными. И кто же одержал верх — обычные люди, у которых не было никакого священного огня, а лишь примитивные верования и ничтожные цели на уровне бреющего полета. Представьте, как они — наследники св. Грааля, чувствовали себя в Нюрнберге, когда их называли преступниками и бешеными собаками, а затем отправляли на виселицу!»³¹².

Я думаю, что в подавляющем большинстве нацистские палачи в Нюрнберге не испытывали никакого другого чувства, кроме чувства страха, страха перед возмездием за их преступления.

Фашисты не оставили после себя ни героев, ни мучеников. В Германии после военного разгрома фашизма, в сущности, не было никакого массового сопротивления, никто не ушел в подполье,

чтобы сражаться с оккупационными войсками. Как пишет Кароль Малцужинский в книге «Преступники не хотят признать своей вины», «весь гитлеровский фанатизм испарился за одну ночь, белой дубинки военного полицейского с лихвой хватило для поддержания порядка. Они были фанатиками, когда были сильны. Смелы, когда побеждали. Беспощадны и жестоки по отношению к побежденным и завоеванным. По отношению к победителям они стали вежливы, порой даже услужливы. Самые крупные диверсионные акции... сводились к выведению на стенах цифры «88» – две восьмерки должны были означать восьмую по порядку букву немецкого алфавита, «Н. Н.» – «Heil Hitler»³¹³.

То же самое было в Италии. До 25 июля 1943 года (до дня отстранения Муссолини от власти) в фашистской партии насчитывалось около 5 млн человек. Тем не менее не нашлось ни одного фашиста, который бы выступил в защиту режима, когда страна узнала о государственном перевороте, о свержении Муссолини.

Пример омерзительной трусости, ренегатства, двоедушия и подлости показали сами главы фашистского режима, когда они оказались на скамье подсудимых. Никто из них не сохранил верности идеологии, которой так фанатично поклонялся прежде. «Ни один из них, даже Геринг, не пытался со скамьи подсудимых в полной мере оправдать и защитить систему, которую представлял, государство, в управлении которым принимал участие, идею, во имя которой человечество ввергли во вторую мировую войну. Ни один из них...не постарался защитить деспотичные принципы и теории о расе господ, которые были священным догматом в «третьем рейхе». Ни один из них не отстаивал и не развивал тезис о том, что единственное благо – это благо германского народа, а все остальное должно быть подчинено ему, что единственный закон-закон, установленный фюрером, только он один обязателен для его подданных. А ведь это были лозунги и принципы не тайной шайки заговорщиков; они открыто и публично в течение многих лет провозглашались, лежали в основе «национального воспитания» в гитлеровском государстве. Но только для тех пор, пока за ними была сила и победы». (Малцужинский К. «Преступники не хотят признавать своей вины»).

Все это говорит о ничтожестве, бесчеловечности и преступности, как самих этих людей, так и о ничтожестве, бесчеловечности и преступности их идеологии и политики. Фашисты несли людям разрушение, жестокость, духовное опустошение. Они добивались превращения своего и других народов в игрушку в руках империалистических сил. Вся их идеология, вся их пропаганда, вся их демагогия играли подрывную роль, были направлены на то, чтобы отучить народные массы от «привычки думать», анализировать, понимать то, что происходит в действительности. Все их разглагольствования служили тому, чтобы расшатать в умах людей понятия добра и зла, морали и аморальности и превратить немца, итальянца и т.д. в безжалостного завоевателя, в простой винтик бездушной машины, поработавшей и уничтожающей людей.

Такие идеология и политика, такое государство не могли не погибнуть.

Человечество впервые столкнулось с преступлениями такого рода и масштаба. Изверги, захватившие государство, превратили его в орудие своих бесчеловечных преступлений. Нюрнбергский Трибунал предъявил фашистским главарям полный и справедливый счет от имени всего свободолюбивого человечества. Впервые в истории в лице подсудимых были преданы суду учреждения и организации, ими созданные (СС, СД и гестапо), человеконенавистнические «теории» ставшие основой идеологии и политики фашистских преступников.

Фальсификаторы истории лживо твердят, что на Нюрнбергском процессе победители судили побежденных. И это так: победители судили побежденных. «К сожалению, — говорил главный обвинитель от США Р.Х. Джексон, — характер этих злодеяний таков, что как обвинения, так и приговор должны осуществляться странами-победительницами над побежденными врагами... Огромный размах агрессивных действий, проводившийся этими людьми, привел к тому, что в мире осталось всего несколько подлинно нейтральных государств. Либо победители судят побежденных, либо мы должны представить побежденным самим судить себя. После первой мировой войны мы убедились в бесполезности последнего варианта!» (Нюрнбергский процесс в 7 т. М., т. 1, с. 280).

Глава 6. БОРЬБА ЗА ЕДИНСТВО АНТИФАШИСТСКИХ СИЛ

Коммунисты-организаторы, самые последовательные борцы против фашизма.

Спротивление фашизму никогда не прекращалось. Более того, оно росло и крепло, несмотря на страшный, кровавый террор как в самих фашистских странах, так и в странах, ими захваченных и оккупированных. В борьбе с фашизмом объединились люди самых различных национальностей. Так, например, в составе Народно-освободительной армии Югославии действовало 63 особых интернациональных и национальных формирования, укомплектованных гражданами многих государств. В рядах польских борцов Сопротивления сражались представители 34 национальностей. Среди участников Словацкого национального восстания находились борцы более 20 национальностей. Массовый характер приняло сопротивление иностранных граждан фашистским захватчикам во Франции, Италии и др. странах. В освободительной борьбе народов Европы участвовало не менее 40 тысяч советских граждан, а многие зарубежные антифашисты (поляки, чехи, словаки, венгры, югославы, французы, немцы и др.) стали бойцами советских партизанских отрядов. (См.: История второй мировой войны 1939–1945. М. 1982, т. 12, стр. 82 – 83).

В авангарде антифашистской борьбы, её организаторами и вдохновителями были коммунисты, коммунистические партии. В то время как большинство буржуазных политических партий подчинялись фашистской диктатуре либо пассивно выжидали, коммунисты не склонили своей головы перед фашистскими извергами, а самоотверженно и до конца выполняли свой патриотический и интернациональный долг.

Многие и многие тысячи коммунистов в разных странах Европы пали смертью героев в патриотической борьбе за спасение и освобождение своих народов. Так, во Франции 75 тысяч коммунистов отдали свою жизнь за то, чтобы освободить французский народ от фашистского ига; коммунистическая партия Югославии потеряла 50 тысяч своих членов, которые погибли, мужественно сражаясь против фашистской агрессии; 25 тысяч коммунистов Чехословакии погибли в боях против фашизма, 60 тысяч прошли через нацистские концлагеря. Из 300 тысяч членов Коммунистической партии

Германии 145 тысяч были брошены нацистами в тюрьмы, где многие из них были жестоко убиты. Огромные жертвы понесли коммунистические партии Италии, Греции, Болгарии, Румынии, Бельгии, Австрии и др. государств. (См.: Антифашистское движение Сопротивления. М., 1962).

Патриотическая, интернационалистская борьба коммунистов против фашистской тирании принесла им огромный политический и моральный авторитет в широких массах народа. И несмотря на то, что многие коммунистические партии в годы борьбы с фашизмом потеряли значительную часть своего довоенного численного состава, ряды большинства коммунистических партий к концу второй мировой войны не только не уменьшились, а выросли за счет новых самоотверженных борцов против фашизма, за идеалы свободы и демократии, за идеалы коммунизма.

В этой связи абсолютно несостоятельными, а, точнее, бессовестно лживыми и клеветническими являются попытки буржуазных историков и политиков исказить роль коммунистических партий, коммунистов в антифашистской борьбе. Многие буржуазные авторы либо умышленно замалчивают героическую деятельность коммунистических партий в годы господства фашизма, либо умалчивают и принижают роль коммунистов в антифашистской борьбе. Антикоммунисты опускаются до такой низкой клеветы, что (в духе гитлеровцев) приписывают коммунистическим партиям «не национальный» характер, даже обвиняют коммунистов в «государственной измене», а их организации Сопротивления объявляют «центрами шпионажа» в пользу СССР и т.д. и т.п.

Вместе с тем буржуазные идеологи всячески превозносят буржуазные организации, различные эмигрантские правительства, идеализируют некоторых буржуазных деятелей, выдают их за «истинных патриотов», за подлинно антифашистских борцов.

Между тем, многие буржуазные партии и их лидеры позорно провалились. Лишь некоторые буржуазные политические деятели и отдельные группы из старых буржуазных партий примкнули к движению Сопротивления.

Во всяком случае совершенно несостоятельны доказательства буржуазных авторов, будто в Германии не коммунисты, а прежде всего буржуазная интеллигенция была вдохновителем и решающей силой сопротивления Гитлеру.

Отнюдь нет. Обратимся к Германии, обратимся к фактам.

Как отмечает Р. Лионель, большинство преподавателей и профессоров университетов и других высших учебных заведений Веймарской республики были чрезвычайно враждебны к демократическим идеалам. Когда нацисты пришли к власти, университетская профессура их, в сущности, поддержала. Только 20% профессоров и преподавателей вузов было отстранено гитлеровцами от работы. Г. Манн в 1935 г. совершенно определенно указал на активную роль профессуры в пропаганде нацистского режима.

Огромную роль в легитимации фашистского режима сыграл также и другой отряд немецкой интеллигенции – учительский корпус. Большинство учителей «третьего рейха» были активными фашистами. Даже те, кто не был членом нацистской партии, тем не менее сочувственно относились к фашизму и были рады пробуждению «национальной гордости». Активными приверженцами нацизма были и другие деятели культуры Германии. Они читали Гёте или Рильке, играли Баха или Шуберта и вместе с тем без содрогания и угрызения совести прославляли фашистский «порядок», расизм и агрессивные войны.

В конечном счете многие образованные немцы сознательно или бессознательно, из страха перед насилием, боязни потерять материальное благополучие и социальный статус и т. п. оказывались активными или пассивными соучастниками фашистского режима. Некоторые из них полагали, что фашизм можно пережить и остаться чистым, уйдя «во внутреннюю эмиграцию». Даже страшное, сокрушительное поражение ничему не научило бюргеров. Л. Франк в книге «Ученики Иисуса» показал некоего профессора Габарлейна, вещавшего в трактире: «Человечество на веки вечные в неоплатном долгу перед Германией. Достаточно того, что мы подарили миру Бетховена. Силы германского народа неисчерпаемы... Германия воспрянет. Уже сегодня можно сказать с уверенностью, что, если бы наша стратегия не шла на поводу у какого-то австрийского дилетантишки, Германия выиграла бы войну». Л. Франк устами редактора левой социал-демократической газеты присовокупил: «А ведь он даже не нацист и никогда им не был. В частной жизни это добропорядочный человек. Так можно последнюю надежду потерять». После войны многие немцы уклонялись давать четкие ответы на беспощадные политические вопросы. Сведения о фа-

пистских зверствах побуждали многих к рассуждениям такого рода: самое важное теперь подвергнуть себя очищающему огню своей совести. Многие искали оправдания в добрых поступках, которые совершили они или их родственники в страшные годы фашизма. Во всяком случае в послевоенной Германии трудно было найти человека откровенно, защищавшего нацистские режим и идеологию.

К. Ясперс в книге «Вопрос вины» справедливо пишет: «Многие интеллектуалы, которые в 1933 году присоединились к новой власти, стремились обеспечить себе решающее влияние и публично выступали с заявлениями мировоззренческого характера в ее поддержку, а позднее, когда их лично оттеснили в сторону, перешли в лагерь недовольных... теперь испытывают такое чувство, будто они пострадали при нацистах и потому призваны участвовать в том, что будет дальше. Они сами считают себя антифашистами. Все эти годы существовала особая идеология таких интеллектуальных нацистов: мол, в том, что касалось духовных вопросов, они говорили объективную правду — они сохраняли традицию немецкого духа — они предотвращали разрушение — в отдельных случаях они способствовали прогрессивному развитию... Тот, кто, будучи уже зрелым человеком, в 1933 году имел внутреннюю убежденность (в правильности дела Гитлера), коренившуюся не только в политическом заблуждении, но и в особом, усиленном национал-социализмом, ощущении вот-бытия, не очистится иначе как в результате особой переплавки, которая, возможно, должна проникнуть глубже, чем все другие чувства».

Должна пробудиться совесть, чувство ответственности за свои слова и поступки. И не только. Гражданское чувство ответственности, вины и за все содеянное нацистами от имени немцев, от имени Германии. Только чувство моральной вины за все происходившее в годы нацизма позволит немцам духовно очиститься и духовно возродиться.

Конечно, никто не может обвинять в фашистских преступлениях весь германский народ. Фашисты пришли к власти вовсе не потому, что за них проголосовало большинство народа. Они пришли к власти в результате зловещего союза крупнейших промышленников и финансистов, агрессивных милитаристских кругов и всех других реакционеров. Если бы германский народ

добровольно принял Гитлера и нацистскую программу, фашистам не понадобились бы штурмовые отряды, концентрационные лагеря и гестапо, которые были созданы для борьбы с антифашистскими силами сразу после того, как государственная власть перешла в руки гитлеровцев.

Как бы ни были трудны условия в Германии, в продолжение всей эпохи жестокого фашистского террора, кровавой расправы с антифашистами сопротивление фашизму жило, борьба с ним продолжалась. «Полмиллиона немецких антифашистов, которые погибли в лагерях смерти или в течение многих лет томились в них, тысячи коммунистов, социал-демократов и противников войны, расстрелянных в «третьем рейхе», гильотинированных в Плетцензее, замученных в казематах гестапо, казненные вожди рабочего класса Эрнст Тельман, Джонни Шеер, Эдгард Андрэ – все они доказали, что и в самые черные часы фашистской ночи, когда погасли огни в оккупированной Европе, даже Гитлер не был в силах задуть немецкую демократию, пробивавшую себе путь к свободе», – пишет М. Подковицкий. «Им не дано было спасти Германию, они могли лишь умирать ради Германии; счастье сопутствовало не им, а Гитлеру, – сказала известная немецкая писательница Р. Хух, когда в 1953 г. вышел в свет сборник писем павших немецких антифашистов. – Но смерть их была не напрасной. Если сегодня мы вспоминаем тех, кто отдал жизнь в борьбе против национал-социализма, мы всего лишь платим долг благодарности. Вспоминая, что принесли они в жертву, мы и сами чувствуем себя легче, ибо можем подняться над нашими собственными несчастьями».

Да, именно коммунисты, передовые рабочие были носителями революционных традиций антифашистской борьбы. Как писал Р.Роллан, «сила убеждения проверяется готовностью к жертвам. Коммунизм выдержал испытания кровью. Под топором Гитлера и его палачей коммунизм породил столько мучеников и героев, сколько никогда не породила ни одна идея» (Роллан Р. Собр. Соч. в 14 т. М., 1958, т. 13, с. 460).

Разумеется, борьба с фашизмом была бы более успешной, если бы антифашистские силы были едины, если бы прежде всего коммунисты и социал-демократы выступали единым фронтом. Это единство в сущности так и не было достигнуто. Кто

виноват? Виноваты и коммунисты, и социал-демократы. И те, и другие совершили ошибки, как теоретические, так и в сфере практических действий.

Одной из характерных ошибок коммунистов в оценке фашизма было подведение под одну крышу различных форм буржуазных государств: от либеральных государств дофашистского периода до фашистских тоталитарных государств. В известной мере подобная ошибка была объяснима. Широкие слои общественности, народные массы европейских стран были после первой мировой войны преисполнены скептицизма в отношении буржуазной демократии. Этот скептицизм разделяли и коммунисты.

Так, отмечал В. Пик, «в Германии коммунисты довольно долго считали, что... правительство Брюнинга является уже правительством фашистской диктатуры». Конечно, это правительство было реакционным и немало сделало, чтобы расчистить дорогу фашизму, но само фашистским не было. С вышеназванной ошибкой была связана и другая. Как отмечал П. Тольятти, ее суть заключалась в «постоянном и прямолинейном утверждении», что «на смену фашистскому деспотизму может прийти лишь режим, который является выражением власти рабочего класса и народа, почти априори исключая возможность демократического строя, который бы продлил срок существования капиталистической системы».

Подобные ошибки были весьма характерны для итальянских коммунистов. Их лидер А. Бордига был убежден, что фашизм — это орудие всей буржуазии, что фашизм может иметь различные формы, в том числе либеральные и демократические. Он полагал вместе с тем, что фашизм — не что иное, как проявление слабости буржуазии, ее последняя отчаянная попытка удержаться у власти, что наступление фашизма должно лишь упростить борьбу (в соответствии с формулой «чем хуже, тем лучше») за пролетарскую диктатуру и установление Советской власти в Италии. Все это привело коммунистов на сектантские позиции. На своем II съезде (март 1922 г.), т. е. накануне прихода фашистов к власти, они снова заявили, что ни видят никакой разницы между буржуазной демократией и фашизмом, что все это формы диктатуры буржуазии и поэтому тактика партии должна оставаться постоянной вне зависимости от изменения обстановки, что никакие соглашения с партиями и группами, не разделяющими программных положений

коммунистов, не допускаются, что борьба за диктатуру пролетариата и установление Советской власти в Италии – непосредственная цель революционной борьбы.

Такие установки, конечно же, мешали организации пролетариата, всех народных масс на борьбу против фашизма, в защиту демократии и мира. Однако в определенной степени эти сектантские ошибки коммунистов, подчеркиваем еще раз, были объяснимы. Дело в том, что в своих поисках антитезы фашизму реформисты из Итальянской социалистической партии, как правило, апеллировали к абстрактным идеалам свободы и парламентаризма. В сущности, реформисты противопоставляли фашизму не более как буржуазный либерализм дофашистского периода. Но это был тот самый либерализм, который в своем стремлении предотвратить социалистическую революцию попустительствовал фашизму в борьбе против революционного пролетариата и содействовал таким образом его приходу к власти. Поэтому бороться против фашизма с идейных позиций этого либерализма было исторически несостоятельно, это было фактическим возвратом к вчерашнему дню. К тому же социалисты, во всяком случае первоначально, не осознавали реальной угрозы фашизма, считали его кратковременной опасностью, которую следует «переждать». Поэтому они, в сущности, не поддержали инициативы коммунистов, которые не раз обращались к социалистам с предложением о совместной борьбе с фашизмом. Больше того, они, по сути, тормозили революционную борьбу трудящихся. Подтверждение тому реальные факты.

Так, в 1919 – 1920 гг. в Италии волна революционных выступлений достигла своего высшего подъема. На выборах в ноябре 1919 г. социалисты оказались сильнейшей партией, они получили 156 мандатов из 508, в то время как Муссолини со своими фашистами не получил ни одного. В результате муниципальных выборов в 1920 г. социалисты завоевали 2 тыс. с лишним муниципалитетов, т. е. одну треть общего их количества. Рабочие держали в своих руках почти все фабрики Италии. На фабриках действовали рабочие советы и была создана вооруженная охрана. Правительство и предприниматели фактически оказались бессильными. И тем не менее социалистическая революция не наступила. Не было решительного революционного руководства. Революционная ак-

тивность рабочих исчерпала себя в неорганизованных боях, лишенных общей стратегической цели.

Реформистские лидеры социалистической партии предпочли компромисс; они выдвинули сомнительный лозунг: «Революция не делается, она приходит!». Отказавшись от решительных действий, реформисты заключили с предпринимателями соглашение, согласно которому рабочие должны были очистить фабрики, получив за это компенсацию в виде увеличения заработной платы на 20% и обещания установить рабочий «контроль» в промышленности.

Рабочие освободили фабрики, и с этого момента (сентябрь 1920 г.) революционное движение стало спадать. Как отмечает П. Датт, «то, чего не могли добиться ни предприниматели, ни правительство, ни полиция, ни вооруженные силы, было проведено реформистским руководством: рабочие были удалены с фабрик, и капиталисты получили обратно свои предприятия».

Победа пролетарской революции не состоялась, хотя в ее возможности не сомневались даже буржуазные теоретики и политики. Либеральный историк Сальвемини писал в этой связи: «Если бы руководители Всеобщей конфедерации труда и социалистической партии хотели нанести решительный удар, то они имели для этого все возможности... Банкиры, крупные промышленники и землевладельцы ожидали социалистической революции, подобно овцам, ожидающим своего заклания... В сентябре 1920 года итальянский народ мог совершить сколько угодно коммунистических революций». В том же духе писала влиятельная газета «Corriera della sera»: «Революция не произошла не потому, что ей кто-либо преградил путь, а потому, что Всеобщая конфедерация труда ее не хотела».

Реформисты оказались не в состоянии и противостоять фашистскому перевороту. Не поняв подлинного лица фашизма, итальянская социалистическая партия заняла выжидательную позицию, более того, в 1921 г. ИСП и ВКТ даже заключили пакт умиротворения с фашистами. Рассматривая фашизм лишь как фракцию буржуазии, борющейся за власть, лидеры социалистов и профсоюзов не поняли всей опасности фашистского переворота. Э. Хемингуэй, оценивая близорукую позицию реформистов, разобщенность антифашистских сил в Италии, совершенно справедливо отмечал: «Муссолини, самый хитрый оппортунист нашей эпохи, сумел подняться на

той волне разочарования, которая была вызвана анекдотической неспособностью итальянских радикалов к сотрудничеству».

В.И. Ленин, пристально наблюдавший за событиями в Италии, резко осудил позиции реформистов: «Может быть, нам окажут большие услуги, например, фашисты в Италии, тем, что разъяснят итальянцам, что они недостаточно просвещены и что их страна еще не гарантирована от черной сотни. Может быть это будет очень полезно» (т. 45, с. 293).

В полной мере подобные оценки можно отнести и к немецкой социал-демократии. Накануне первой мировой войны СДПГ широкообещательно декларировала: если возникнет угроза войны все трудящиеся и их парламентские представители обязуются предпринять все самые действенные меры, чтобы помешать началу войны. Но если война все-таки начнется, они обязаны бороться за её быстрое окончание и всеми силами использовать вызванный войной кризис к восстанию народа, чтобы ускорить уничтожение капиталистического классового господства.

Однако еще до начала войны, в 1913 году, при голосовании в рейхстаге за кредиты на увеличение армии депутаты-социал-демократы, представлявшие самую сильную фракцию рейхстага, дали свое согласие на это. Следующий шаг предательства социал-демократические лидеры совершили 4 августа 1914 года, проголосовав после начала первой мировой войны за предоставление буржуазно-юнкерскому правительству военных кредитов. Германские профсоюзы, руководимые реформистами, также выступили в поддержку всех мероприятий правительства по военной мобилизации страны.

В контексте данной деятельности реформистов вполне понятен смысл знаменитой реплике Вильгельма II: «Я не знаю никаких партий, я знаю только немцев». И позднее реформистские лидеры социал-демократии помешали рабочему классу Германии идти революционным путем. В 1918г. в обстановке, вызванной военной катастрофой, в Германии вспыхнула революция. Однако она потерпела поражение, снова из-за предательства верхушки социал-демократии. Более того, такие правые вожди социал-демократии, как Эберт и Носке, пошли на прямой союз с контрреволюционными силами и развернули жестокие, кровавые репрессии против рабочих. Жертвами контрреволюции пали

15 тысяч лучших представителей немецких трудящихся, в том числе Роза Люксембург и Карл Либкнехт. Примечательна оценка уроков ноябрьской революции и позиции правых лидеров социал-демократии, данная В. Брандтом, подлинным антифашистом, выдающимся руководителем СДПГ в 60 – 70-е гг. XX века. В статье «Уроки революции, закончившейся поражением» он пишет, что Эберт и его друзья получив в свои руки политическую власть, не только не выступили против монополий и кайзеровской военщины, но, напротив пошли на союз с ними, и «все более попадали под влияние тех ценностей и норм поведения, которые преобладали в кайзеровской Германии». Ноябрьская революция дала СДПГ «неповторимый шанс», но она им не воспользовалась. «Сейчас не вызывает сомнения тот факт, – подчеркивает В. Брандт, – что если бы социал-демократия была в силах завершить демократическую революцию в Германии, то есть дать солидную демократическую основу Веймарской республике, то Гитлер не смог бы захватить власть».

Вожди правой социал-демократии в 20 – 30-е года давали совершенно неверное, фальшивое толкование как внутреннего развития капиталистических стран, так и международного развития. Они заявляли, что «передовые капиталистические государства» якобы уже «не стремятся к овладению новыми территориями в Европе», что эти страны находят более выгодным переход к «ультраимпериализму», т.е. к «интернациональному картелированию финансового капитала всех стран». Начавшийся мировой экономический кризис 1928 – 1932 гг. они поспешили объявить «случайным» и в тоже время утверждали, что при «ухудшающейся конъюнктуре» невозможно, нецелесообразно «вести наступление на капитал». Более того, базируясь на концепции «организованного капитализма», реформистские лидеры (К. Каутский, Р. Гильфердинг и др.) доказывали, что в Германии якобы уже достигнута политическая демократия, существует равноправие классов, что теперь задача заключается только в том, чтобы осуществить хозяйственную демократию, т.е. добиться равноправия рабочих и предпринимателей на заводах, и социализм будет построен.

Внедрить в жизнь хозяйственную демократию, по мнению реформистов, должно было государство, будто бы стоящее над односторонними интересами отдельных классов, выражающее общую

волю народа в целом. Не боевая классовая борьба рабочего класса, всех трудящихся, а сотрудничество классов – вот, по мнению оппортунистов, главное средство борьбы за социализм.

Руководствуясь такими концепциями, реформисты не могли понять и не поняли подлинного лица фашизма, не смогли раскрыть его конкретную связь с крупным капиталом.

Одни из них расценивали фашизм только как бонапартизм, лабирующий между классами, другие объявляли его мелкобуржуазным движением и по своему социальному составу, и по характеру.

Не понимая классовой сути фашизма, реформисты недооценивали и опасность фашизма. Они полагали, что фашизм может иметь успех только в таких «мелкобуржуазно-отсталых странах, как Италия», но никак не в Германии, не в других «развитых», «демократических» странах Запада, которые имеют-де полный иммунитет к фашистской угрозе. В сочетании с антикоммунизмом подобные ошибочные оценки и привели лидеров социал-демократии к выводу, будто оградить «демократию» от фашистов можно только путем «конституционной» защиты буржуазно-демократического строя, без массовой борьбы трудящихся и уж тем более без объединения с коммунистами.

Во всяком случае, лидеры СДПГ, исключая возможность совместных действий с коммунистами, пытались помешать приходу Гитлера к власти путем поддержки «меньшего зла» – создания без участия социал-демократов реакционного буржуазного правительства. Как «меньшее зло» на президентских выборах 1932 г. они поддерживали кумира юнкеров и милитаристов Гинденбурга. Они изображали Гинденбурга чуть ли не «прогрессивным» деятелем. Обманывая себя и трудящихся, лидеры СДПГ утверждали, будто Гинденбург принадлежит к той части буржуазии, которая ведет «жесточайшую (!) борьбу против открытого и грубого фашизма». Выдвинув лозунг «Выбирайте Гинденбурга – бейте Гитлера!», реформистское руководство СДПГ с головой выдало массы фашизму. Гинденбург, став президентом, спустя короткое время назначил Гитлера канцлером. Даже, когда летом 1932 г. реакционные правящие круги в нарушение конституции отстранили от власти социал-демократическое правительство Пруссии, руководители СДПГ не приняли действенных мер для его защиты, не обратились

к массам, не использовали силу профсоюзов, своих вооруженных отрядов, а все свои надежды возложили на имперский суд и предстоящие выборы. А между тем, массы немецких социал-демократов, массы рабочих, особенно когда Гитлер пришел к власти, ждали призыва вступить в борьбу с фашистами.

Сил для противодействия фашизму было достаточно, если бы коммунисты и социал-демократы выступили объединенным фронтом, тем более что исторический опыт показал, что, когда коммунисты и социал-демократы выступали вместе, они добивались успеха. Так, в 1920 г. коммунисты вместе с социал-демократами и беспартийными рабочими организовали мощную всеобщую забастовку против капповского путча, в 1922 г. – внушительные выступления протеста против убийства Эрцбергера и Ратенау, летом 1923 г. объединенные силы рабочих организаций успешно провели первый в Германии антифашистский день.

Однако лидеры германской социал-демократии постоянно отклоняли неоднократные предложения коммунистов о создании в национальном масштабе единого фронта борьбы против фашизма. А ведь накануне прихода Гитлера к власти на выборах в рейхстаг, в ноябре 1932 г., общее число голосов, поданных за социал-демократов и коммунистов, достигло 13 241 тыс. против 11 729 тыс. голосов, поданных за фашистов. Именно то, что по сравнению с предыдущими выборами количество голосов, поданных за нацистов, уменьшилось на два миллиона и само существование нацистской партии оказалось под угрозой, и послужило толчком к тому, чтобы господствующий класс поставил у власти Гитлера. Лидеры же реформистов, как германские, так и из II Интернационала, поражение фашистов на ноябрьских выборах 1932 г. близоруко оценили как конец фашистской опасности. Так, руководящий орган II Интернационала «Рабочая газета» писал: «Одно сейчас ясно: Германия не стала фашистской». Лейборист Ласки по случаю поражения фашистов на выборах в Германии также заявил: «Я считаю, что гитлеровское движение уже прошло свой кульминационный пункт и вряд ли оно долго сможет сохранить видимость той мощи, которой оно обладало несколько месяцев назад. Гитлер или кто-либо из его сторонников могут войти в кабинет Папена, но в этом случае их быстро оттеснят силы правых... Прошли те дни, когда они представляли собой

серьезную угрозу... От всего его движения остались лишь угрозы, которые он не осмеливается осуществить... Он оказался лидером, лишенным прочной основы».

Подобная оценка политической ситуации в Германии была опасным заблуждением. Коммунисты решительно предостерегали против иллюзии, будто уже удалось уничтожить фашистскую опасность. Они снова и снова предлагали лидерам социал-демократии объединить усилия в борьбе с фашистской опасностью. Однако реформисты с упорным постоянством отклоняли все предложения коммунистов о совместной борьбе с фашистами. Они отклонили подобное предложение коммунистов в июле 1932 г., сделанное после того, как правительство Папена неконституционным путем отстранило социал-демократическое правительство Брауна-Зевеинга в Пруссии; они отклонили предложение коммунистов совместно бороться против фашистов в январе 1933 г., после того как Гинденбург назначил Гитлера канцлером; они отклонили предложение коммунистов о сотрудничестве в марте 1933 г. – после поджога рейхстага и начала разгула в стране открытого фашистского террора.

Лидеры социал-демократии не только отказывались сотрудничать с коммунистами в борьбе против фашизма, но и запятнали себя позорным подхалимством перед Гитлером. Социал-демократические руководители немецких профсоюзов выразили свою готовность сотрудничать с нацистами. Они заявляли, что нацистская «революция» – это-де триумфальное продолжение идей Ноябрьской революции 1918 г. и что их – профсоюзов и нацистов – общим врагом является коммунизм. 17 мая 1933 г. все депутаты рейхстага от социал-демократической партии, после того как депутаты-коммунисты были лишены свои мандатов и брошены в тюрьмы, голосовали за резолюцию о поддержке правительства Гитлера.

Председатель СДПГ О. Вельс договорился до того, что на заседании рейхстага 21 марта 1933 г. объявил фашистов представителями... рабочего класса, а Гитлера подлинно народным вождем. Несколько позднее Вельс заявил о выходе из состава Исполкома Рабочего Социалистического Интернационала в знак протеста против того, что последний распространяет «сказки о зверствах Гитлера». Подобное низкопоклонство не спасло реформистов.

Лейнарты и гроссманы, — заявлял Лей, «фюрер» нацистского Трудового фронта, в связи с раболепными выступлениями социал-демократических профсоюзных лидеров, — могут твердить о своей верности Гитлеру, но их место — за решеткой. 22 июня 1933 г. вслед за Коммунистической партией Гитлер распустил и социал-демократическую партию Германии; многие ее деятели были брошены в тюрьмы и концентрационные лагеря.

Очевидно, трусость, позорное раболепие немецких лидеров социал-демократии перед Гитлером и нацистами привели к столь же губительным последствиям для рабочего класса и всех трудящихся, как и предательство ими Ноябрьской революции 1918 г. Секретарь Рабочего Социалистического Интернационала (РСИ) Адлер отмечал тогда, что все попытки приспособления в Германии, безумная тактика профсоюзов, которая выдала врагу крепости рабочего класса в возможно более сохранном состоянии, безумная тактика одной части парламентской фракции, которая, вместо того, чтобы разоблачить Гитлера, прикрыла его, еще больше усилили замешательство в рабочем классе, еще больше подорвали его доверие к партийным вождям.

В конце концов некоторые лидеры германской социал-демократии осознали всю пагубность своей политики относительно империализма и фашизма. В январе 1934 г., спустя год после прихода Гитлера к власти, находившееся тогда уже в эмиграции, в Праге, правление Германской социал-демократической партии опубликовало Манифест, в котором говорилось: став в дни Ноябрьской революции во главе государственной власти, социал-демократия «с самого начала разделила ее с буржуазными партиями, со старой бюрократией, даже с реорганизованным военным аппаратом. То, что она взяла в свои руки старый государственный военный аппарат почти без изменения, было той тяжелой исторической ошибкой, которую совершило дезорганизованное во время войны (первой мировой. — *Б. Б.*) германское рабочее движение....

Лидеры германской социал-демократии вынуждены были признать, что и в борьбе с фашизмом они придерживались несостоятельной тактики «пассивного сопротивления». «Мы делали мало. Если мы оказывали некоторое сопротивление, то оно не было централизованным и организованным», — подвел итоги деятельности СДПГ в те годы один из её лидеров К. Зеверинг. Основная масса

наших сторонников, вспоминал также другой лидер германской социал-демократии – П. Лёбе, ожидала и требовала активной борьбы, однако руководители были убеждены, что борьба бесполезна. После прихода Гитлера к власти в 1933 г. некоторые видные германские социал-демократы признали необходимость единства рабочего класса, необходимость революционной борьбы с фашизмом. Они поняли, что разногласия в рабочем движении «гасятся» самим противником, что причины раскола становятся ничтожными, что борьба за свержение диктатуры не может вестись иначе, как революционным путем. Однако официальное руководство СДПГ по-прежнему отвергало сотрудничество с коммунистами. Гильфердинг, в частности, твердил, что единый фронт с коммунистами не только не ослабит, но якобы усилит фашизм. По его мнению, целью должен быть не единый фронт, а ликвидация коммунистических партий в Западной и Центральной Европе. В начале 1936 г. пражское правление СДПГ издало циркуляр, требующий от социал-демократических организаций отклонять любую связь с коммунистами, не заключать соглашений и договоров с коммунистическими организациями и их представителями.

Не только германские, но и австрийские, финские, венгерские, французские, итальянские и другие социал-демократы и социалисты не оказали должного отпора фашизму, а нередко заигрывали с ним. Так, СДП Австрии была влиятельной партией в стране, располагала даже собственными вооруженными силами, однако не оказала серьезного сопротивления фашистам. «...Мы тогда испугались борьбы», – признал видный лидер австрийских социалистов О. Бауэр.

Французские правые социалисты доходили до откровенного угодничества перед фашистами. А. Тома, лидер французский социалистов, выступая в качестве председателя Международного бюро труда в 1928 г. на съезде итальянских фашистских профсоюзов, заявлял, что фашистская Италия является «передовым борцом за справедливость по отношению ко всем рабочим», что у Муссолини «есть лишь одна единственная страсть: обеспечить рабочих работой, поднять их благосостояние, их моральное и духовное состояние», что опыт фашистов «может быть полезным и для других стран». Более того, позднее выяснилось, что, в частности, лидеры социал-демократической партии Венгрии в 1921 г.

официально подписали секретное соглашение с фашистской диктатурой Хорти, по которому они в обмен на легализацию их партии соглашались сотрудничать и поддерживать «мадьярскую точку зрения» и сообщать полиции сведения о деятельности объявленной вне закона Коммунистической партии Венгрии. Можно привести и другие факты предательства социал-демократических лидеров. Так, после гитлеровского вторжения в Бельгию выяснилось, что председатель Бельгийской рабочей партии Г. Де Ман являлся агентом нацистов.

Именно антикоммунизм социал-демократических лидеров в первую очередь сорвал объединение народных масс в борьбе против фашизма, именно антикоммунизм сделал социал-демократов неспособными понять подлинную природу, сущность, лицо фашизма.

Коммунистический Интернационал, хотя и допустил немало ошибок, со всей серьезностью относился к проблеме фашизма. В 1923 г. ИККИ на своем расширенном пленуме специально рассмотрел вопрос о фашизме. Пленум принял резолюцию, в которой следующим образом охарактеризовал фашизм и его социальную базу: «Фашизм — ...упадочное явление, выражение прогрессирующего развала капиталистического хозяйства и распада буржуазного государства. Его глубочайшие корни лежат в том обстоятельстве, что империалистическая война, ускоренный и усиленный ею развал капиталистического хозяйства разрушили, вопреки лелеянным надеждам, прежние житейские условия и обеспеченность существования широких слоев мелкой и средней буржуазии, мелкого крестьянина, интеллигенции. Разочарования и смутные ожидания некоторой части этих социальных слоев на коренное улучшение общественного строя при содействии реформистского социализма, измена революции со стороны реформистских партийных и профсоюзных вождей... заставили этого рода «сочувствующих» пролетариату разочароваться в самом социализме и его освободительной, обновляющей общество силе. Слабоволие и боязнь борьбы, с которыми подавляющее большинство пролетариата всех стран — за исключением Советской России — терпит это предательство и усердствует под скорпионами капитализма для собственного закабаления и эксплуатации, — отняли у пришедшей было в состояние брожения как мелкой и средней

буржуазии, так и «интеллигенции» веру в рабочий класс как в могучего носителя коренного переустройства общества; к ним примкнули и пролетарские элементы, активно настроенные, активности требующие, не удовлетворенные поведением ни одной из политических партий». Эти силы, в той или иной степени, явились социальной базой фашизма. Далее, «к фашизму примыкают разочарованные и деклассированные, оторвавшиеся от почвы представители всех социальных слоев, в частности, бывшее офицерство, лишившееся профессии и заработка со времени окончания войны. В особенности это относится к побежденным центральным государствам...». И поскольку старый, якобы «аполитичный» аппарат буржуазно-государственного насилия обеспечивает ее (крупную буржуазию) недостаточно, она начинает из представителей выше названных социальных групп и слоев создавать свои особые классовые боевые отряды для борьбы против пролетариата.

Спустя некоторое время – в резолюциях V конгрессе Коммунистического Интернационала – было дано более полное объяснение сущности фашизма, подчеркивавшее его связь с устремлениями крупной буржуазии: «Фашизм представляет из себя боевое оружие крупной буржуазии в борьбе с пролетариатом, который она не в силах сломить путем законных государственных мер; он – внезаконное средство борьбы, которым она пользуется для установления и укрепления своей диктатуры».

На V конгрессе Коммунистического Интернационала были подвергнуты критике ошибочные суждения А. Бордига о классовой сущности фашизма. Выступая на конгрессе, он вновь поставил знак равенства между режимом буржуазной демократии и режимом открытой террористической фашистской диктатуры. Он утверждал, что фашизм является естественной стадией развития капиталистического строя, что развитие фашизма в рамках капитализма «непреодолимо» и что можно только «сделать менее тяжелыми и печальными последствия фашистского насилия». Более того, Бордига проводил безоговорочную параллель между фашизмом и социал-демократией, характеризовал их как две стороны одной медали, одного и того же инструмента – диктатуры крупной буржуазии. Вместо того, чтобы призвать коммунистов, рабочий класс к борьбе прежде всего с фашизмом, Бордига считал

необходимым сосредоточить направление главного удара в первую очередь против социалистов. Г. Лукач, много сделавший для мобилизации масс, интеллигенции на борьбу с фашизмом, наряду с этим также ошибочно утверждал, что все течения буржуазной политики в Германии, включая и социал-демократию, вылились в широкий поток фашистского движения, что все буржуазные «противники» национал-социализма в последнем, решающем вопросе, в вопросе об отношениях буржуазии и пролетариата в период кризиса капиталистической системы, находятся с ним на одной почве, на почве фашизма, что отделяют их от него только «фракционные различия, тактические разногласия».

Лукач в то время не понял значения буржуазно-демократического антифашизма как альтернативы фашизму. Он справедливо возлагал на социал-демократию ответственность за то, что она отрезала социал-демократические массы от революционного движения, удерживала массы от острой классовой борьбы, что она недооценивала опасность фашистской угрозы и т. п., однако сам в духе теории о социал-фашизме необоснованно обвинил социал-демократию в том, что она якобы была лишь одним из «крыльев» фашизма.

Вместе с тем, несмотря на справедливую критику этих неверных суждений, ряд положений в документах Коммунистического Интернационала в известной степени выражал подобные же ошибки. Прежде всего это относится к определению социал-демократии как лишь левого фланга буржуазии, к трактовке лозунга рабоче-крестьянского правительства, к оговоркам по поводу тактики единого пролетарского фронта и т. д. В документах V Конгресса Интернационала утверждалось, что тактику единого пролетарского фронта нельзя рассматривать как «нечто большее» нежели революционный метод агитации и мобилизации масс; недооценивалась борьба в защиту буржуазной демократии; безоговорочно отвергалась идея создания буржуазно-демократической коалиции; лозунг рабоче-крестьянского правительства рассматривался как средство агитации за непосредственное установление пролетарской диктатуры и т. п.

В 1928 году на своем VI конгрессе Коминтерн вновь обращается к анализу фашизма, углубляет, уточняет объяснение происхождения и сущности фашизма. В документах, принятых Конгрессом, под-

черкивалось, что фашизм – это специфическая форма буржуазной империалистической реакции, что он наступает при определенных исторических условиях, каковыми являются неустойчивость капиталистических отношений, наличие значительных деклассированных социальных элементов, обнищание широких слоев городской мелкой буржуазии и интеллигенции, недовольство деревенской мелкой буржуазии, наконец постоянная угроза массовых выступлений пролетариата.

Чтобы обеспечить себе большую устойчивость власти, буржуазия все более стремится переходить от парламентской системы к независимому от межпартийных отношений и комбинаций фашистскому методу. «Этот метод есть метод непосредственной диктатуры, идеологически прикрываемой «общенациональной идеей» и представительством «профессий» (а по существу, разнообразных групп господствующих классов), метод использования недовольства мелкобуржуазных, интеллигентских и прочих масс путем своеобразной социальной демагогии (антисемитизм, частичные вылазки против ростовщического капитала, возмущение парламентской «говорильней») и коррупции в виде создания сплоченной и спланируемой иерархии фашистских дружин, партийного аппарата и чиновничества; при этом фашизм стремится проникнуть и в рабочую среду, вербуя наиболее отсталых рабочих, используя их недовольство, пассивность социал-демократии и т.д. Главной задачей фашизма является разгром революционного рабочего авангарда, т.е. коммунистических слоев пролетариата и их кадрового состава. Комбинация социальной демагогии, коррупции и активного белого террора наряду с крайней империалистической агрессивностью в сфере внешней политики является характерными чертами фашизма.

Используя в особо критические для буржуазии периоды антикапиталистическую фразеологию, фашизм, упрочившись у руля государственной власти, все более обнаруживает себя как террористическая диктатура крупного капитала, теряя по дороге свои антикапиталистические побрякушки» (Коммунистический Интернационал в документах 1919 – 1932 гг.).

В резолюции о международном положении, принятой VI конгрессом Коминтерна, еще раз специально подчеркивалось: «характерная черта фашизма заключается в том, что в связи с пот-

рясением капиталистического хозяйственного порядка и вследствие особых объективных и субъективных обстоятельств буржуазия использует, — дабы преградить путь развитию революции, — недовольство мелкой и средней буржуазии и даже некоторых слоев деклассированного пролетариата с целью создания реакционного массового движения. Фашизм прибегает к методам прямого насилия, чтобы сломить силу рабочих организаций и организаций крестьянской бедноты и приступить к захвату власти. Очутившись у власти, фашизм стремится установить политическое и организационное единство всех господствующих классов капиталистического общества (банки, крупная промышленность, аграрии) и осуществляет их безраздельно открытую и последовательную диктатуру. Он предоставляет в распоряжение господствующих классов вооруженные силы, специально вымуштрованные на предмет гражданской войны, и осуществляет новый тип государства, открыто опирающегося на насилие, принуждение и коррумпирование не только мелкобуржуазных слоев, но и некоторых элементов рабочего класса».

Однако в документы VI конгресса Коммунистического Интернационала были включены и некоторые спорные положения. В частности, таким был лозунг VI конгресса «класс против класса», поскольку он вводил революционные массы в заблуждение, толкал их на сектантские позиции, мешал или во всяком случае затруднял создание единого антифашистского фронта. Ошибочным было и употребление термина «социал — фашизм». Этот термин использовался, чтобы провести параллель с термином «социалшовинизм», которым В.И. Ленин характеризовал поведение лидеров социал-демократии во время первой мировой войны, отождествляя его с буржуазным шовинизмом.

В 30-е годы, как уже было показано, в некоторых странах определенные круги руководства социал-демократии даже пытались заигрывать с фашизмом и уж во всяком случае стремились парализовать активность трудящихся масс в борьбе против фашистской угрозы.

Конечно, в новой исторической обстановке, особенно когда социал-демократы были отстранены от участия в правительстве и оказались в оппозиции, применение термина «социал-фашизм» было ошибкой. За социал-демократическими лидерами шли

довольно широкие народные массы, и подобные обвинения, конечно же, мешали единству трудящихся в антифашистской борьбе. Однако важно учитывать, что, несмотря на эти ошибки, именно коммунисты первыми распознали опасность фашизма и настойчиво призывали к антифашистскому единству действий.

Особенно большой вклад в анализ классовой природы фашизма, в разработку стратегии и тактики борьбы с ним внес VII конгресс Коммунистического Интернационала (июль–август 1935 г.). Конгресс отверг определение фашизма, данное социал-демократическими лидерами, с точки зрения которых, фашизм есть либо форма государственной власти, стоящая над обоими классами – пролетариатом и буржуазией, либо восстание мелкой буржуазии и т. п. Опровергая социал-демократические установки по вопросу о классовой сущности фашизма, Г. Димитров в своем докладе VII конгрессу Коминтерна подчеркнул: «Фашизм – это не форма государственной власти, которая будто бы «стоит над обоими классами – пролетариатом и буржуазией», как утверждал, например, О. Бауэр. Это не «восставшая мелкая буржуазия, которая захватила государственную машину», как заявляет английский социалист Брейлсфорд. Нет! Фашизм – это не надклассовая власть и не власть мелкой буржуазии или люмпен-пролетариата над финансовым капиталом. Фашизм – это власть самого финансового капитала. Это организация террористической расправы с рабочим классом и революционной частью крестьянства и интеллигенции. Фашизм во внешней политике – это шовинизм самой грубейшей формы, культивирующий зоологическую ненависть против других народов».

Конгресс в своей резолюции подтвердил этот вывод Г. Димитрова: фашизм есть открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала. Фашизм – это не обыкновенная замена одного буржуазного правительства другим, а смена одной государственной формы классового господства буржуазии, буржуазной демократии, другой его формой – открытой террористической диктатурой. В этой связи конгресс отверг также установки, отождествляющие фашистскую диктатуру и буржуазную демократию.

Конгресс сделал принципиально новый и важный вывод о том, что «сейчас трудящимся массам в ряде капиталистических стран приходится выбирать конкретно на сегодняшний день не между пролетарской диктатурой и буржуазной демократией, а между буржуазной демократией и фашизмом», отвергающим любые формы демократии. Вместе с тем конгресс подчеркнул, что борьба против фашизма должна разворачиваться отнюдь не в духе классово-нейтральной борьбы за демократические права, но должна быть направлена против такой основы или сердцевины современного капитализма, как финансовый капитал.

Конгресс указывал также на то, что фашизм – это отнюдь не германский либо итальянский феномен. Устремленность к фашизму в той или иной форме присуща крупной буржуазии всех капиталистических стран, не способной в условиях упадка, кризиса капитализма противостоять рабочему движению, ограничиваясь рамками легальности, соблюдая нормы буржуазной демократии. Она повсюду создает «белую гвардию», пытаясь с помощью террора и кровавых расправ сохранить и упрочить свое положение.

Да, в ряде стран фашизм одержал победу, антифашисты проиграли битву. Но почему? Конгресс глубоко проанализировал причины, обусловившие победу фашистов. Во-первых, фашизм был порожден союзом крупных финансистов, промышленников, земельных собственников, государственной и правительственной бюрократии, церковной иерархии и т.д. Уже в результате этого союза создалось неравное соотношение сил между фашистами и антифашистами. Во-вторых (и это главное), рабочий класс вследствие политики классового сотрудничества с буржуазией, проводимой вождами социал-демократии, оказался расколотым, политически и организационно разоруженным. Далее, в результате того, что социал-демократия проводила, по сути дела, антикрестьянскую политику, пролетариат оказался изолированным от своего естественного союзника. Фашизму же, напротив, удалось увлечь за собой массы крестьянства.

Коммунисты самокритично подвергли анализу и собственные ошибки. Серьезной ошибкой было то, что коммунисты (как и многие другие прогрессивные и демократические деятели) в первый момент недооценили опасность фашизма, полагали, что в развитых странах, таких, например, как Германия, с

организованным рабочим движением фашисты не смогут взять власть и что стихийно пришедшие к ним мелкобуржуазные массы так же быстро повернутся к ним спиной; они считали, что фашистские идеи настолько реакционны, настолько примитивны, что будто бы и не смогут оказать сколько-нибудь значительного влияния на широкие народные массы.

Существенной ошибкой было также то, что многие коммунисты не учитывали в полной мере в своей практической деятельности важное значение национального вопроса. Это в большей степени относится к коммунистам Германии. Конечно, они понимали остроту национального вопроса в Германии после Версаля. КПП решительно выступала против Версальского договора. Она, безусловно, правильно выступала также против националистического, шовинистического одурманивания немцев, которое могло привести немецкий народ лишь к новой катастрофе.

Коммунисты Германии, подчеркивая, что им глубоко присуще чувство национальной гордости, совершенно справедливо связывали борьбу за национальные интересы немецкого народа с борьбой за социальные требования трудящихся. Однако в условиях разнузданной националистической, шовинистической истерии, развязанной реакцией и фашистами, Коммунистическая партия Германии, особенно ее низовые организации, запоздала с практической разработкой программы национального и социального освобождения. Как отмечал на VII Конгрессе Коммунистического Интернационала Г. Димитров, «наши товарищи в Германии долго недоучитывали ущемленное национальное чувство и возмущение масс против Версаля, пренебрежительно относились к колебаниям крестьянства и мелкой буржуазии...».

Одним из серьезных недостатков в деятельности немецких коммунистов было также их слабое влияние на крупных промышленных предприятиях. Это было обусловлено тем, что в Германии осенью 1932 года лишь 11% членов КПП работало на производстве. Большинство же коммунистов были безработными. На VII конгрессе Коминтерна было отмечено также, что коммунисты не учли в должной мере опасного воздействия фашизма, фашистских идей на молодежь. Э. Тельман в 1932 году справедливо отмечал, что «после 1910 года выросло около десяти-двенадцати миллионов молодых людей, целое послевоенное поколение. Эта молодежь не

участвовала ни в войне, ни в революции... Это поколение было экономически подорвано раньше, чем оно вступило в жизнь... Надо признать, что национал-социализму удалось одурманить некоторую часть этой молодежи... Мы должны знать, что фашизм при помощи псевдотоварищества, военизированной организации трудовой помощи, военной дисциплины т.д. втягивает эту молодежь в борьбу против пролетариата, мобилизует её для империалистической войны».

На VII Конгрессе Коминтерна Г. Димитров по этому поводу сказал следующее: «Говоря о молодежи, мы должны открыто заявить»: мы пренебрегали нашей задачей вовлечения масс трудящейся молодежи в борьбу против наступления капитала, против фашизма и угрозы войны. Мы не обращали должного внимания на революционное воспитание молодежи. Все это весьма ловко использовал фашизм, который увлек большую часть молодежи на антипролетарский путь».

Все это объясняет в значительной степени, почему в те годы не удалось остановить фашизм. Конгресс Коминтерна подчеркнул, что даже в условиях победы фашистского режима в той или иной стране борьба с ним отнюдь не бесперспективна. Рабочий класс может свергнуть фашизм, если будет вести борьбу против него, если осуществит единство и путем своевременного развертывания боевых акций не даст возможности фашизму укрепиться, если при правильном революционном руководстве рабочий класс сумеет объединить вокруг себя широкие слои трудящихся города и деревни, интеллигенцию и молодежь.

Считая важнейшей задачей борьбы против фашизма создание широкого Народного антифашистского фронта, XII Конгресс обратился ко всем организациям рабочего класса, ко всем трудящимся с призывом объединить все силы на борьбу против главного врага человечества и культуры, демократии и свободы, против фашизма.

Коммунистический Интернационал, коммунисты старались всемерно облегчить создание единого антифашистского фронта. «Трудно найти в послевоенной политической истории другой такой момент, как настоящий, когда интересы рабочего класса, крестьянства, мелкой буржуазии и интеллигенции, когда интересы малых народов, зависимых и колониальных стран, когда интересы

культуры и науки, интересы мира и демократии так совпали бы и шли в общем потоке против злейшего врага человечества – фашизма, – подчеркивал Г. Димитров. – Это вполне реальная основа для создания единого фронта рабочего класса и народов всех стран против фашистского варварства и поджигателей империалистической войны».

Руководствуясь идеями и решениями Коминтерна, Центральный Комитет КПГ обратился ко всем представителям немецкой оппозиции с призывом объединиться: «Давайте протянем друг другу руки. Давайте заключим союз против общего врага – Гитлера. Социалисты, коммунисты, демократы, люди всех вероисповеданий, давайте действовать совместно, помогать друг другу. Положим конец всяческой разобщенности, которая только на руку Гитлеру. Объединимся в широкий немецкий Народный фронт. Только он может привести и приведет наш немецкий народ к свержению Гитлера».

В 30-х годах многие представители демократической, прогрессивной интеллигенции так же взволнованно и страстно призывали к единству в борьбе против фашистского варварства. Так, Клаус Манн, сын Томаса Манна, решительно поддержал идею объединения всех антифашистских сил, призвав отбросить все антикоммунистические предрассудки: «Я не коммунист и никогда не был им; также не могу назвать себя марксистом... Но демократия, которая с самого начала отказывает коммунистам в праве на власть и которая намерена вновь загнать их в оппозицию, вряд ли может называться демократией. Мне известны возражения некоторых социал-демократов против сотрудничества с компартией, знакомы мне и сомнения католиков... Но в сумме эти аргументы все же несравнимо слабее нашего решающего контраргумента: без объединения антифашистских сил невозможно добиться падения Гитлера, без этого объединения немецкому народу надеяться не на что... Сложившаяся обстановка настоятельно требует активных действий, а не перебранки по поводу устаревших недоразумений».

Разумеется, и в среде социал-демократии происходило расслоение. Большинство социал-демократов несомненно стояло за свержение фашистского режима, выступало за создание единого фронта. Ряд видных функционеров СДПГ заняли честную и прин-

ципиальную позицию. Среди них Рудольф Брейтшейд, Отто Гротеволь, Фриц Эберт, Отто Бухвиц и др. Однако, несмотря на это, правые социал-демократические круги во главе с эмиграционным правлением упорствовали в своем отказе от сотрудничества. Они оставались пассивными наблюдателями событий внутри страны и за границей, избегали брать на себя историческую ответственность и, в сущности, стояли в стороне от активной, последовательной антифашистской борьбы.

О том, что победа фашизма отнюдь не была неизбежна, о том, что коммунисты и социал-демократы могли успешно совместно бороться против фашизма, свидетельствуют события, например, во Франции.

Тридцатые годы XX в. во Франции (как и в Германии) характеризовались агрессивным наступлением фашизма. 6 февраля 1934 г. во Франции была предпринята попытка фашистского путча. Фашисты не смогли захватить власть, однако к власти пришло реакционное правительство, в составе которого оказались Петэн и Лаваль. «Но это была пиррова победа, — подчеркивал М. Торез. — Что-то новое рождалось в огне пожаров, зажженных фашистскими бандами. Это новое не было диктатурой Петэна или де ля Рока, это было единство действий пролетариата, это был Народный фронт».

В 1936 г. на VIII съезде ФКП М. Торез от имени французских коммунистов, обращаясь к трудовому народу, призвал к активной антифашистской солидарности все классы и слои общества, заявив, что коммунисты с чувством признания и уважения обращаются к «крестьянам, пролетариям и интеллигентам, умножившим мощь и славу нашей родины».

С особым вниманием и тактом коммунисты Франции обращались к деятелям культуры Франции. Они подчеркивали, что, будучи интернационалистами, глубоко чтят и заслуженно гордятся великим прошлым своей родины, своими великими предками — борцами 1793 г., участниками февральских и июньских битв 1848 г., героями Парижской Коммуны. Гордятся и считают себя законными наследниками революционной мысли энциклопедистов XVIII века, философского материализма Дидро, Гельвеция, Гольбаха, всей великой культуры Франции. Деятели культуры горячо откликнулись на призыв коммунистов к совместной ан-

тифашистской борьбе. Р. Роллан, во время первой мировой войны эмигрировавший в Швейцарию и ждавший там конца кровавой бури, теперь настойчиво обращается с воззваниями ко всем, кому дороги свобода, сокровища культуры всего человечества, человеческое достоинство. Он заменяет лозунг «над схваткой» требованием сплоченности, единства действий, призывом ко всем, в ком живы человеческие чувства, отказаться жить для одного искусства, спуститься на реальную арену борьбы, занять свое место на линии фронта антифашистской борьбы. При этом он подчеркивал, что главный бастион антифашизма – это социалистический Советский Союз, и заявлял, что взоры потомков, штурмовавших Бастилию, устремлены сегодня к Москве.

Давая ретроспективную оценку событий 30 – 40-х годов во Франции и политики ФКП в те годы, Жак Дюкло отмечал, что «проблема заключалась в следующем. Выдвигать ли дилемму: фашизм или коммунизм – или же, исходя из конкретно-исторических условий, поставить перед массами другую дилемму: фашизм или демократия? Наше предложение о создании Народного фронта, в котором сочетались бы отдельные задачи социальной борьбы с задачами антифашистской борьбы, нашло широкий отклик... Мы неразрывно соединили красное знамя социализма с трехцветным знаменем Великой Французской революции, а «Интернационал» – с Марсельезой... Эта политика имела такой огромный успех, что весной 1936 года Народный фронт одержал победу...».

К сожалению, Народный фронт не смог закрепить свою победу и воспрепятствовать возвращению к власти правых. По вине правых летом 1940 г. Франция оказалась неспособной отразить вторжение гитлеровской Германии. Страну охватила паника, которой воспользовались предатели французского народа Петэн и Лаваль.

Однако широкие массы французского народа скоро преодолели свое смятение. Они откликнулись на призыв коммунистов, с которым к французам обратились М. Торез и Ж. Дюкло

10 июля 1940 г.: Никогда такой великий народ, как и наш, не будет народом рабов. Генерал де Голль, находившийся в Лондоне, также призвал французский народ к борьбе: наша Родина в смертельной опасности. Будем бороться, чтобы ее спасти. Да здравствует Франция! Соппротивление гитлеровским оккупантам и коллаборационистам приняло массовый характер. Сблизились и стали

сотрудничать такие общественные слои, которые в довоенное время были разделены экономическими и политическими противоречиями. Общественные потрясения с особой интенсивностью повлияли на мелкую буржуазию. Мелкая буржуазия стала массовой базой и резервом французских франтиреров и партизан.

В немалой степени именно поэтому группы Сопротивления совершенно необъяснимо для гитлеровских оккупантов исчезали в «людской чаше», пользовались повсеместно помощью и поддержкой. Массовые аресты заложников, пытки и физическое уничтожение захваченных партизан, а затем и заложников в высшей степени усилили возмущение и решимость широких слоев французского народа.

Героически противостоял фашистам испанский народ. Весной 1936 г в Испании на выборах победил Народный фронт, в который входили коммунисты, социалисты, другие левые партии, левореспубликанская партия и всеобщий рабочий союз. В ответ на это реакционные силы предприняли военный путч, который, однако, не удался. Широкие народные массы поддержали правительство Народного фронта. Милиция сорвала в то время планы военной клики развязать гражданскую войну. Однако спустя некоторое время наиболее привилегированные воинские части, возглавляемые генералом Франко, при поддержке фашистской Италии и Германии подняли антиреспубликанский, фашистский мятеж. В целом войска Франко, гитлеровский авиационный легион «Кондор» и итальянский экспедиционный корпус имели свыше 300 тыс. солдат. К сожалению, единство Народного фронта в Испании не было прочным. Оно не опиралось на единство рабочего класса. К тому же баскские националисты и анархисты, тоже принадлежавшие к республиканскому лагерю, вообще не участвовали в Народном фронте.

Все это обуславливало большие трудности в организации сопротивления фашистам. На помощь испанским антифашистам пришли патриоты и интернационалисты из 53 стран. Общее число добровольцев-интернационалистов достигло 35 тыс. человек. Около 20 тыс. интернационалистов пали на полях сражений либо были замучены фашистами. Советский Союз – единственный, кто помогал республиканцам оружием. В Испании находились около 800 военных советников из СССР.

Участниками антифашистской борьбы в Испании были Малиновский, Мерецков, Батов, Родимцев, Воронов и другие, ставшие в годы войны с германским фашизмом выдающимися полководцами; командиры интернациональных бригад, такие, как генерал Лукач (Венгрия), немецкий генерал Гомец, австрийский генерал Клебер, военные комиссары Луиджи Лонго, Франц Далем, Ганц Баймлер, Генрих Рау, Эрнст Бланк; такие коммунисты, как Артур Беккер и многие, многие другие.

В самих Германии и Италии, где фашисты захватили власть, сопротивление не угасало, оно росло и крепло. Тысячи немцев отнюдь не приняли фашизм как рок, как судьбу. Они боролись, и эта борьба возвышала их нравственно. Годы борьбы против Гитлера в нравственном отношении были благотворной эпохой. Т. Манн писал: «Я не мог бы жить, не мог бы работать, я бы задохся, если бы хоть изредка, как говорят старики, «не изливал душу», если бы время от времени не выражал прямо и недвусмысленно своего отвращения ко всем гнусным речам и гнусным делам, которые наводняли Германию».

Немцы-патриоты, немцы-антифашисты звали к решительной борьбе с фашизмом. В когорту активных борцов против фашизма входили выдающиеся деятели культуры. Это Вилли Бредель, Бертольд Брехт, Эрнст Буш, Елена Вайгель, Пауль Вестхайм, Людвиг Ренн, Ганс Мархвица, Анна Зегерс, Арнольд Цвейг, Бодь Узе, А. Эйнштейн, Курт Штерн, Рудольф Леонхард, Ганс Альтманн и многие, многие другие. Именно антифашисты были подлинными патриотами Германии. Они сражались с фашизмом за освобождение, за возрождение Германии, за спасение национального достоинства немцев.

В 1942 г. И. Бехер, выступая по Московскому радио, сказал: «Будущее Германии окутано мраком. Преступления, творимые Гитлером, заставляют каждого немца стыдиться того, что он немец. Только наша уверенность в том, что тысячи и тысячи немцев воспринимают этот позор также остро, как и мы, только уверенность, что настанет день, когда наш народ рассчитается с виновными в этих преступлениях, запятнавшими позором всю немецкую нацию, дает нам силы с верой смотреть в будущее...».

Немцы-патриоты, немцы-антифашисты – военнопленные и политические эмигранты образовали в июле 1943 г. в СССР На-

циональный комитет «Свободная Германия»; затем движение «Свободная Германия» и в самой Германии объединило многих антифашистов из всех слоев населения.

Безусловно, в фашистской Германии было и сопротивление «сверху». Однако, оно базировалось на шатком союзе групп, характеризовавшихся личными и деловыми антагонизмами, которых объединяло только их враждебное отношение к фашистскому режиму. Представители консервативно-национальной элиты во главе с Карлом Герделером и отставным начальником генерального штаба Людвигом Беком в силу своих авторитарно-государственных амбиций рассматривали себя как продолжение антидемократической оппозиции веймарских времен; не имея реальных представлений о фатальных последствиях гитлеровской политики, они по-прежнему претендовали на руководящую роль «Великой Германии» в Европе и т. д. и т. п.

Среди участников сопротивления не нашлось ни одного государственного деятеля веймарского периода, который бы оставил свое имя в истории Сопротивления. Не было и представителей предпринимателей; они «застопорились» в традиционном немецком альянсе интересов промышленников и политической власти; неслучайно многие из них оказались на скамье для обвиняемых на нюрнбергских процессах против промышленников.

Х. Аренд отмечает, что те, кто готовил покушение на Гитлера в июле 1944 года, в своих заявлениях и переписке ни слова не говорили о массовых убийствах на Востоке. О Гитлере они говорили: «дилетант», «демон», «воплощение зла», но никто не назвал его «убийцей». Они заплатили своей жизнью, но их поступок был рожден не кризисом совести или знанием того, на какие муки были обречены другие. Их подтолкнула к этому поступку исключительно убежденность в грядущем поражении и крахе Германии.

Х. Аренд цитирует писателя Фридриха Рек-Маллечевена (убитого в Дахау), который писал: «Теперь, когда банкротство уже невозможно скрыть, они предали этот разрушающийся дом, чтобы создать себе политическое алиби – это были те же люди, которые перед этим предали все и всех на своем пути к власти».

Лишь группа молодых офицеров, в которую входили фон Штауфенберг, фон Тресков, Ольбрихт и др. твердо и последовательно

держала курс на свержение Гитлера, на сближение с левыми, на достижение договоренности с Советским Союзом.

В Сопротивлении участвовали и видные церковные деятели. Конечно, было немало тех, кто служил нацистам, обосновывал и оправдывал их преступления. Но многие священнослужители боролись против Гитлера, попадали в концентрационные лагеря, тюрьмы, шли на гильотину и виселицы. В историю антифашистского Сопротивления навсегда вошли имена пасторов К. Нимёллера и Д. Бонхёффера. Д. Бонхёффер, аристократ, протестантский теолог, настойчиво призывал Церковь, верующих к борьбе.

«Церковь, борющаяся только за свое самосохранение (как будто оно и есть самоцель), не в состоянии быть носительницей исцеляющего и спасительного слова для людей и мира. Именно потому все прежние слова утратили свою силу и умолкли, и наше христианское бытие сегодня проявляется лишь в двух вещах: в молитве и в делах праведности среди людей. Все мышление, все слова и все организационные принципы христианской жизни должны заново родиться из этой молитвы, из этих дел... Не наше дело предсказывать день – а такой день настанет, – когда люди снова будут призваны проповедовать слово Бога так, что под его воздействием изменится и обновится мир», – писал Д. Бонхёффер.

В мире зла, – продолжал он, – устоит и победит не тот, чья последняя инстанция – рассудок, чистота этических принципов, совесть, свобода и порядочность, но тот, кто готов всем этим пожертвовать, тот, кому присуща ответственность, кто призывается к делу с послушанием и ответственностью (опираясь только на связь с Богом).

Слабость «разумных» и поражение их обусловлены тем, что они убеждены, будто толикой разума способны вправить вывихнутый сустав. Близорукие, они хотят отдать справедливость всем сторонам и, ничего не достигнув, гибнут между молотом и наковальной противоборствующих сил.

Точно также несостоятельна и позиция «этического фанатизма». Его приверженцы чистоту принципов мнят достаточной, чтобы противопоставить ее силе ада. Но подобно быку они поражают красную тряпицу вместо человека, размахивающего ею; тем самым они бессмысленно расточают силы и гибнут.

Человек с совестью в одиночку противится давлению ситуации. Но масштабы конфликтов раздирают его. Зло, рядясь в благопристойные одеяния, постепенно лишает совесть человека уверенности, вселяет в нее робость, пока в конце концов человек не начинает обманывать свою совесть. Человек, единственная опора которого совесть, не в состоянии понять, что злая совесть может быть полезнее и сильнее, чем совесть обманутая.

Безоговорочная верность долгу, – считает Д. Бонхёффер, – также опасна. Человек долга в конечном итоге будет вынужден выполнить свой долг и по отношению к черту. Долг обязывает приказ воспринимать как нечто абсолютно достоверное; ответственность же за приказ несет тот, кто отдал его, а не исполнитель. Человек, ограниченный рамками долга, никогда не отважится совершить поступок на свой страх и риск, а ведь только такой поступок может преодолеть зло, – подчеркивает Д. Бонхёффер.

Свобода! Свобода – великая цель. Но тот, кто, пользуясь своей свободой в мире, попытается не ударить в грязь лицом, кто необходимое дело ставит выше незапятнанности своей совести и репутации, кто готов принести бесплодный принцип в жертву плодотворному компромиссу или бесполезную мудрость середины продуктивному радикализму, тот должен остерегаться, как бы свобода не сыграла с ним злую шутку. Он дает согласие на дурное, чтобы предупредить худшее, и не в состоянии понять, что худшее, чего он хочет избежать, может быть и лучшим. Здесь корень многих трагедий.

Приватная порядочность, по мнению Д. Бонхёффера, также – сомнительное убежище. Человек вынужден замолчать и закрыть глаза на несправедливость, творящуюся вокруг него. Он не совершает ответственных поступков, репутация его остается незапятнанной, но дается это ценой самообмана. Чтобы он не делал, ему не будет покоя от мысли о том, чего он не сделал. Он либо погибнет от этого беспокойства, либо сделается лицемернее всякого фарисея.

Лишь люди с чувством ответственности прежде всего устоят и победят зло, – подчеркивал Д. Бонхёффер. Движимый чувством ответственности за судьбу немцев, Германии, Д. Бонхёффер вступил в борьбу с фашизмом, отдав этой борьбе свою жизнь.

События 20 июля 1944 г., начавшиеся покушением на Гитлера, совершенным полковником Штауфенбергом, безусловно, «высветили» кризис фашистского режима. Ведь выяснилось, что в заговоре участвовали фельдмаршалы и генералы, командующие фронтами и армиями. Реакция фашистских заправил была быстрой и жестокой. Около 7 тысяч человек было арестовано, более 160 казнено. Однако в любом случае эти события были симптомом агонии преступной власти гитлеровцев.

В Италии широкие слои народа, вопреки фашистской демагогии и пропаганде, отнюдь не были профашистскими. Более того, между фашизмом и народными массами, особенно в 1942 – 1943 гг., образовалась глубокая пропасть. Вот как описывает Р. Батталья реакцию народа на известие об отставке Муссолини: «Известие застигло народ врасплох, и люди реагировали на него как на неожиданное освобождение от страшного кошмара. Во времена фашистского режима людей неоднократно сгоняли при помощи повесток на площади для инсценировок «искреннего» одобрения мероприятий фашистского правительства. Теперь, впервые после двадцати лет, во всех больших и малых городах Италии происходили действительно искренние, стихийные манифестации, выражавшие радость по поводу падения фашизма. Народная радость была столь велика, столь неудержима, что люди забывали о трагедии, которую переживала Италия, об угрожающей фразе в обращении короля – «война продолжается», забывая даже о том, можно ли теперь давать выход своему гневу и чувству мести. С яростью срывали со стен домов эмблемы фашистской тирании, громили помещения фашистских организаций, но не трогали виновников. Неожиданно дарованная свобода настолько опьяняла, что первые часы, последовавшие за событиями 25 июля, прошли как во сне, словно порыв сильного ветра унес прочь все воспоминания прошлого».

И в Италии решающую роль в организации сопротивления и освобождения страны от фашизма сыграли коммунисты. Первой важнейшей предпосылкой для развития антифашистского сопротивления была борьба А. Грамши и П. Тольятти против сектантского руководства А. Бордиги, за превращение КПИ (в период с 1921 по 1943 г. ИКП носила название Коммунистическая партия Италии) в партию «нового типа», тесно связанную с массами. В 1926 г. у

руководства партии итальянских коммунистов встал А. Грамши. Он охарактеризовал фашизм как «генеральный штаб крупных собственников и банкиров». Исходя из этой оценки, партия начала применять правильную тактику борьбы с фашистским режимом, нацеленную на объединение всех антифашистских сил. Для обоснования этой тактики А. Грамши обратил особое внимание на структуру государства и общества в Италии, которая сложилась в процессе общего для большинства европейских стран исторического развития. «На Западе между государством и гражданским обществом были более или менее упорядоченные взаимоотношения, и если государство начинало шататься, тотчас же выступала наружу прочная структура гражданского общества. Государство было лишь передовой траншеей, позади которой была прочная цепь крепостей и казематов».

Что всем этим хотел сказать А. Грамши? Он желал подчеркнуть, что в Италии борьба за социализм не может быть успешной без завоевания рабочим классом прочных позиций и влияния в сфере гражданского общества. В конечном счете это упирается в вопрос о соотношении борьбы за социализм и демократию, ибо только на этом пути можно завоевать гегемонию пролетариата в сфере гражданского общества.

Эти установки Грамши были направлены как против реформистов, односторонне апеллировавших к либерализму и парламентаризму, так и против позиции сектантов, с их противопоставлением фашизму лозунга борьбы за Советскую власть. Грамши подчеркивал, что подлинный антифашизм должен найти себе идейную опору в концепции новой демократии, в которой общедемократические и социалистические задачи будут связаны между собой и с массовой борьбой трудящихся. Подобная тактика коммунистов послужила решающим фактором развертывания движения Сопротивления, его перерастания в годы второй мировой войны в антифашистскую демократическую революцию.

История полностью подтвердила правоту слов А. Грамши, брошенных им в лицо фашистским судьям: «Вы приведете Италию к гибели, мы, коммунисты, её спасем!».

Компартия Италии в июне 1940 года после вступления Италии во вторую мировую войну выступила с Декларацией, в которой характеризовала войну как катастрофу для итальянского народа и

указала, что итальянский народ не хочет быть «ни рабом итальянской фашистской буржуазии, ни вассалом иностранного империализма, ни тюремщиком и угнетателем других народ». Компартия Италии выдвинула требование прекратить военные действия, заключить мир, освободить всех заключенных и ссыльных, восстановить все свободы, арестовать и предать суду фашистских главарей.

В Декларации подчеркивалось, что «в Италии существует сила, способная объединить весь народ в один прочный сплоченный союз и повести его на борьбу против фашистской диктатуры, против империалистической войны, за свободу. Сила эта – могучая четырех миллионная армия промышленных рабочих... громадные массы сельскохозяйственных рабочих, гнущих спину на крупных землевладельцев. Эта сила – наш героический рабочий класс».

Коммунисты начали вооруженную борьбу за освобождение Италии от фашизма. Из 256 тысяч партизан 153 тысячи состояли в 575 бригадах имени Гарибальди, созданных Итальянской коммунистической партией. Из 70930 погибших в борьбе с фашизмом 42558 человек потеряли отряды руководимые коммунистами.

Огромных жертв стоила человечеству победа над фашизмом. Самые тяжелые жертвы понес советский народ, самый решающий вклад в разгром фашизма внес СССР. Стойкость Советского Союза помогала народом поработанных фашизмом стран держаться и продолжать борьбу, придавала им уверенность и силу.

Глава 7. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА СОВЕТСКОГО НАРОДА (1941 – 1945 гг.)

Война СССР с фашистской Германией не была обычной войной между двумя государствами, между двумя армиями. Она была Великой Отечественной войной советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Целью этой всенародной войны против фашистских угнетателей было не только освобождение нашей Родины, но и помощь всем народам Европы, их освобождение от ярма фашизма. Именно поэтому борьба советского народа против фашизма была свидетельством высшей справедливости, проявлением высшего гуманизма.

Фашистская Германия и ее фашистские сателлиты обрушились на нашу страну на рассвете 22 июня 1941 года на всем протяжении наших границ от Балтийского до Черного моря. Удар был страшный. У врага в момент нападения было около 5,5 миллионов солдат, 4500 танков, 47 тысяч орудий и минометов, 5000 самолетов, 190 кораблей. У нацистов был огромный запас военной техники. В 11 оккупированных странах ими было захвачено военной техники на 150 дивизий. Части Красной Армии насчитывали около 2,6 миллиона бойцов, до 1500 танков, около 37 тысяч орудий и минометов, 1300 самолетов.

Гитлер, Верховное военное командование фашистской Германии рассчитывало сокрушить СССР посредством блицкрига, войны, внезапной, краткосрочной, молниеносной, оглушающей и уничтожающей противника как ураганный порыв. Это удалось фашистам в Западной Европе. Польша была разгромлена за три недели, Бельгия была оккупирована за 18 дней, Франция капитулировала на 44 день войны. Для захвата таких стран, как Дания и Голландия гитлеровской Германии потребовалось всего несколько дней.

Военные успехи на Западе укрепили в гитлеровцах надежду, что и с Советским Союзом они справятся быстро, в течение 3 месяцев; план «Барбаросса», принятый в декабре 1940 г., был рассчитан на то, чтобы к середине августа взять Москву, и до 1 октября с СССР «покончить».

Красная Армия понесла тяжелейшие поражения. В первые же часы, в первые же дни войны были уничтожены сотни

самолетов и танков, десятки тысяч красноармейцев попали в плен. Уже за первые три недели немцы смогли дойти до Смоленска, Киева и Ленинграда. Гитлеровцы ликовали, считали войну уже выигранной.

Почему так случилось? Советские военачальники не имели опыта крупномасштабных военных операций. Участие советских добровольцев в войне против фашистов в Испании, боевые действия против японцев на озере Хасан и реке Халкин-Гол, даже советско-финская война не идут ни в какое сравнение с теми военными действиями, которые осуществляли нацисты в Европе. Многие советские военачальники находились в плену представлений о гражданской войне 1918 – 1920 г.г. Количество и качество военной техники к началу войны уступали количеству и качеству немецкой военной техники. К этому времени у нас было еще мало современных танков и самолетов. Не хватало пушек, минометов, автоматического оружия. Не были в должной мере оборудованы рубежи обороны, как на новой, так и на старой границах (на новой – не успели, на старой – преждевременно демонтировали). Опоздали с мобилизацией. Руководство страны, Сталин переоценили значение советско-германского договора и опасались, что мобилизация, приведение наших войск в боевую готовность может дать повод Германии для войны. И разумеется, следует учитывать наступательный порыв врага, смявшего армии почти всех стран Европы. А также тот факт, что удар был все-таки относительно внезапным. «Мы знали, что такое фашизм; мы пели: «Если завтра война»; и все же июньское воскресное утро потрясло нас своей трагической неожиданностью», – писал И. Эренбург. Только глупцы могут говорить, что наше государство не было подготовлено к отпору. Но как не готовься, у нападающего всегда преимущество. Человек может знать, что в городе завелись бандиты, он может запастись хорошим револьвером, он может обладать зорким глазом и крепкими нервами, но он не может жить одним ожиданием нападения: ведь это – мирный человек, он работает, он – врач, или инженер, или токарь; он идет на работу или с работы, он думает о книгах или о детях; и вот в эту минуту раздается выстрел. Так начались страшные дни 1941 года...

Одно дело воевать, когда ты три года готовишься к наступлению... на нас обрушились лучшие бронечасты Германии...».

Примечателен на этот счет разговор И.В. Сталина и У. Черчилля.

И.В. Сталин спросил У. Черчилля, что он имел в виду, когда заявил в парламенте, что предупредил его о готовящемся германском нападении? – Да, ответил Черчилль, я говорил это, имея в виду телеграмму, которую я отправил вам в апреле 1941 года.

И.В. Сталин пожал плечами: «Я помню ее. Мне не нужно было никаких предупреждений. Я знал, что война начнется, но я думал, что мне удастся выиграть еще месяцев шесть или около этого». 5 мая 1941 г. на приеме в честь выпускников военных академий он дал всем понять, что война с Германией неизбежна. Выступая на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) в конце мая 1941 г., Сталин со всей определенностью заявил: «Обстановка обостряется с каждым днем, и очень похоже, что мы можем подвергнуться внезапному нападению со стороны фашистской Германии. От таких авантюристов, как гитлеровская клика все можно ожидать, тем более, что нам известно, что нападение фашистской Германии на Советский Союз готовится при прямой поддержке монополистов США и Англии. Англо-американская агентура делает в Германии все, чтобы как можно скорее бросить Германию на Советский Союз. Англо-американские империалисты рассматривают фашистскую Германию как ударную силу в борьбе против Советского Союза и демократического движения во всем мире. В этом мы убедились, когда еще анализировали политику англо-французских правящих кругов, направленную на срыв предложений о разоружении, внесенных Советским правительством в Лигу Наций, на отказ прекратить подлую провокационную политику так называемого «невмешательства», возродившую германскую агрессию. Достаточно вспомнить, что накануне заключения нами договора с Германией о ненападении бывший британский премьер Чемберлен, со свойственным правящим кругам Англии лицемерием, делал все от него зависящее, чтобы подставить нашу страну под удар фашистской Германии.

Во время переговоров в Москве между тремя делегатами: английской, французской и советской – об организации коллективного отпора агрессии со стороны фашистской Германии выяснилось, что английская и французская делегация умышленно затягивают переговоры и не имеют поручений от своих правительств заключать

какие бы то ни было военные соглашения о совместных действиях с Советским Союзом в случае агрессии со стороны Германии. В то же время мы узнали, что английское правительство наряду с переговорами с нами ведет одновременно тайные переговоры с Гитлером, предлагает немцам за нашей спиной заключить пакт о ненападении и разделить между Германией и Англией территорию Советского Союза и Китая. Суть этой политики понять несложно. Стравить в военном конфликте Германию и Советский Союз, чтобы самим стоять в стороне и, как это свойственно англичанам, загребать жар чужими руками. Они надеются, что после взаимного истребления Германией и Советским Союзом друг друга, сохранив свои вооруженные силы, станут безраздельно и спокойно господствовать в мире. Убьют двух зайцев: ликвидируют Советский Союз и устранят с мировой арены своего конкурента в борьбе за мировое господство в лице фашистской Германии». (И. Сталин. Соч. т. 15, с. 20 – 21).

В то же время Сталин отклонил предложения военных о нанесении превентивного удара по Германии. «И правильно сделал. В противном случае наша страна предстала бы в глазах Германии и Запада агрессором, подчеркивал маршал А.В. Василевский. Вопреки утверждениям предателей типа Резунов агрессором была Германия. В ходе заседаний Международного военного трибунала на вопрос: Вы располагали какими-нибудь данными о том, что Советский Союз предпринимает какие-либо шаги к подготовке нападения на Германию? Иодль ответил: Нет, таких данных не имелось. Посол Германии в СССР Шуленберг также заявлял, что не наблюдал ничего такого, что говорило бы о военных приготовлениях Советского Союза против Германии.

Руководитель германской прессы и радиовещания Г. Фриче признал на Нюрнбергском процессе, что он «организовал широкую кампанию антисоветской пропаганды, пытаясь убедить общественность, что в этой войне повинна не Германия, а Советский Союз... Никаких оснований к тому, чтобы обвинять СССР в подготовке нападения на Германию, у нас не было». (Нюрнбергский процесс, т. 5, с. 569).

В приговоре Международного Суда четко констатировалось: «22 июня 1941 года без объявления войны Германия вторглась на советскую территорию в соответствии с заранее подготовленными

планами. Доказательства, представленные Трибуналу, подтверждают, что Германия имела тщательно разработанные планы сокрушить СССР как политическую и военную силу, чтобы расчистить путь для экспансии Германии на Восток в соответствии с ее стремлениями... Планы экономической эксплуатации СССР, массового угона населения, убийства комиссаров и политических руководителей являются частью тщательно разработанного плана, выполнение которого началось 22 июня без какого-либо предупреждения и без тени законного оправдания. Это была явная агрессия». (Там же, т. 6, с. 358, 359).

Советские воины, несмотря на тяжелые поражения, оказывали врагу ожесточенное сопротивление. Небольшой гарнизон Брестской крепости почти на месяц приковал к себе большие силы немцев, нанеся им большой урон. Имена героев Брестской крепости Е.М. Фомина, П.М. Гаврилова, В.В. Шабловского, А.М. Кижеватова, С.М. Матевосяна, С.С. Скрипкина, А.А. Костякова и многих, многих других навечно останутся в нашей памяти, в памяти народов Советского Союза, в памяти народа России.

К.К. Шириня, доктор исторических наук, профессор, рассказывает о политруке, старшем лейтенанте Новокщенове, который сам мужественно воевал и учил бойцов мужеству. Страх живет в каждом человеке, но его нужно и должно преодолевать. Научитесь презирать смерть, говорил он, обращаясь к бойцам в июне-июле 1941 г. Ибо жизнь всего народа выше жизни отдельной личности. Только презирая смерть, можно подняться к подлинному мужеству и героизму. Развивая эту тему, он говорил, что все великие русские писатели... учили презирать смерть. Разве Пушкин своей дуэлью и своими творениями, вспомним «Капитанскую дочку», не давал нам именно такой пример? А Гоголь с его Тарасом Бульбой? А Лев Толстой в «Севастопольских рассказах» и особенно в романе «Война и мир» разве не призывает нас стоять выше смерти? А В. Маяковский, а Николай Островский? Пускай мне будет смерть, а стране победа – вот как мы должны думать в этой войне. Эти рассуждения, вспоминает К.К. Шириня, мы воспринимали в тот момент почти как откровение, как некую духовную волну, укрепляющую нашу стойкость. Сам облик старшего лейтенанта Новокщенова, его лицо воспринималось совсем по-другому: в них

чувствовалась воля и решимость, в темных глазах – ум и глубина. (Наши ветераны. М., 2010, с. 40).

Мощное сопротивление фашисты встретили в районе Смоленска. Здесь Красная Армия задержала продвижение врага до конца августа – начала сентября. В тяжелых условиях красноармейцы не раз наносили по фашистам мощные контрудары. Под Оршей впервые было использовано наше новое грозное оружие – установки реактивных минометов («катюши»). В ожесточенных боях за Ельню родилась советская гвардия; здесь ряд подразделений Красной Армии, особо отличившихся в боях с немецко-фашистскими захватчиками, был преобразован в гвардейские.

На Юге части Красной Армии вели тяжелые бои за Киев, Севастополь, Одессу. И все-таки враг наступал, захватывая наши территории.

3 июля 1941 года по радио выступил Сталин. Почему не 22 июня? Почему в первый день войны с заявлением Советского правительства выступил В.М. Молотов, заместитель Председателя Совнаркома СССР, Нарком иностранных дел, а не Сталин? В.М. Молотов объяснял это так: «...Нужно, чтобы была более ясная картина... Он, как автомат, сразу не мог на все ответить, это невозможно. Человек ведь. Но не только человек – это не совсем точно. Он и человек, и политик. Как политик он должен был выждать, и кое-что посмотреть, ведь у него манера выступлений была очень четкая, а сразу сориентироваться, дать четкий ответ в то время было невозможно. Он сказал, что подождет несколько дней и выступит, когда прояснится положение на фронтах». (см. В.В. Суходеев. Залог великой победы – мудрость и воля И.В. Сталина. М., 2014, с. 12).

Выступление И.В. Сталина 3 июля 1941 г. было кратким, отрезвляюще честным, взволнованно мобилизующим. «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К Вам обращаюсь я, друзья мои!». Так Сталин еще никогда не обращался к народу. Сталин сказал, что немецким фашистам удалось захватить Литву, значительная часть Латвии, Западную часть Белоруссии, часть Западной Украины. Германские самолеты бомбили Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь. «Над нашей Родиной нависла серьезная опасность».

Вместе с тем И.В. Сталин подчеркивал: «Неужели немецко-фашистские войска в самом деле являются непобедимыми, как об

этом трубят неустанно фашистские хвастливые пропагандисты? – Конечно, нет! История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало... То же самое нужно сказать о нынешней немецко-фашистской армии Гитлера. Эта армия не встречала еще серьезного сопротивления на континенте Европы. Только на нашей территории встретила она серьезное сопротивление...».

Объясняя причины советских неудач, И.В. Сталин заявлял: «Дело в том, что войска Германии, как страны, ведущей войну, были уже целиком отобилизованы, и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отобилизоваться и продвинуться к границам. Немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что фашистская Германия неожиданно и вероломно нарушила пакт о ненападении, заключенный в 1939 году между ней и СССР».

И.В. Сталин в то же время считал нужным привести аргументы в оправдание этого пакта.

«Могут спросить: как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского правительства ошибка? Конечно, нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году? Могло ли Советское правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп?»

И.В. Сталин вскрыл цели напавших на Советский Союз фашистских агрессоров: «Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель...захват нашего хлеба и нашей нефти...Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры...народов Советского Союза...их превращение в рабов немецких князей и баронов...».

И.В. Сталин призвал советских людей, советских воинов к суровой, беспощадной борьбе с врагом: «Необходимо...чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам,

чтобы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на нашу Отечественную освободительную войну против фашистских поработителей...Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага...

Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села...

Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное пополнение ее рядов, обеспечить ее снабжение всем необходимым, организовать быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым. Мы должны... обеспечить усиленную работу всех предприятий, производить больше винтовок, пулеметов, орудий, патронов, снарядов, самолетов...

При вынужденном отходе частей Красной Армии нужно угонять весь подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять врагу ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывоза его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться...

В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды...создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной или телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу...»

И.В. Сталин подчеркивал: это не обычная война между двумя армиями. Это война всего советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Целью этой всенародной Отечественной войны является не только ликвидация опасности, нависшей над Советским Союзом, но и помощь всем народам Европы, стонущим под германским игом. В этой войне Советский Союз будет иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, включая германский народ, поработенный его законами. Борьба со-

ветского народа за свободу своего отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за свою независимость и демократические свободы.

И.В. Сталин заявил о признательности советского народа правительствам Великобритании и США за выражение ими готовности оказать помощь СССР.

В заключение И.В. Сталин ясно и твердо высказал уверенность в нашей победе над фашистским врагом: «Товарищи! Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом. Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом. Поднимутся миллионные массы нашего народа. Трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к созданию многотысячного народного ополчения на поддержку Красной Армии. В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою Родину – в нашей Отечественной войне с германским фашизмом...

Все наши силы – на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота!

Все силы народа – на разгром врага!

Вперед, за нашу победу!».

Речь И.В. Сталина оказала огромное воздействие на советский народ. Он четко сформулировал программу всенародной борьбы с врагом. Призвал советских людей к мужеству, национальному достоинству. Он вселил надежду, уверенность в победе. Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!

Видный английский журналист А. Верт в своей книге «Россия в войне 1941 – 1945 гг.» о речи Сталина 3 июля 1941 года пишет так: «Это было поразительное выступление. Причем наиболее сильное впечатление произвели вступительные слова: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!». Это было нечто новое. Никогда еще Сталин так не говорил. Но эти слова вполне подходили для атмосферы тех дней.

Эта речь, обращенная к встревоженным, а нередко испуганным и растерявшимся людям, оказала очень большое воздействие.

Своим сравнительно коротким выступлением по радио Сталин не только создал надежду на победу, если не уверенность в ней, но и сформулировал в скупых, выразительных словах целую программу поведения всей нации в военное время. Он также апеллировал к национальной гордости, к патриотическим чувствам народа. Это был великий призыв взять себя в руки и быть готовым к тяжелым жертвам». И далее А. Верт (ссылаясь на писателя Виктора Некрасова) подчеркивает: народ чутьем осознал, что это человек со стальными нервами, который в самый тяжелый для страны момент не потерял голову. Для армии Сталин сделался – больше, чем в прошлом, – кем-то вроде отца. И солдаты действительно шли в бой с кличем: «За Родину, за Сталина!».

После свержения советской власти бессовестные политики и их литературно – журналистское окружение много говорили и писали о растерянности, испуге Сталина в начале войны.

Сталин, конечно же, был потрясён. Он, конечно же, не думал, не ждал, что Красная Армия потерпит столь тяжёлые поражения. Тем не менее, никакого чувства растерянности, паники он не испытал и не спрятался на даче. И 21 и 22 июня 1941 года в своём кремлёвском кабинете он проводил непрерывные заседания с политическими и военными деятелями страны. До 28 июня 1941 года эти заседания проводились им ежедневно: 22 июня в кабинете Сталина были:

- 1.т. Молотов вход в 5-45 м. выход 12-05м.
- 2.т. Берия вход в 5-45 м. выход 9-05м.
- 3.т. Тимошенко вход в 5-45 м. выход 8-30м.
- 4.т. Мехлис вход в 5-45 м. выход 8-30м.
- 5.т. Жуков вход в 5-45 м. выход 8-30м.
- 6.т. Маленков вход в 7-30 м. выход 9-20м.
- 7.т. Микоян вход в 7-55 м. выход 9-30м.
- 8.т. Каганович Л.М. вход в 8-30 м. выход 9-35м.
- 9.т. Ворошилов вход в 8-00 м. выход 10-15м.
- 10.т. Вышинский вход в 7-30 м. выход 10-40м.
- 11.т. И.Т. Кузнецов вход в 8-15 м. выход 8-30м.
- 12.т. Димитров вход в 8-40 м. выход 10-40м.
- 13.т. Мануйльский вход в 8-40 м. выход 10-40м.
- 14.т. Кузнецов вход в 9-40 м. выход 10-20м.
- 15.т. Микоян вход в 9-50 м. выход 10-30м.

- 16.т. Молотов вход в 12-25 м. выход 16-45м.
- 17.т. Ворошилов вход в 10-40 м. выход 12-05м.
- 18.т. Берия вход в 11-30 м. выход 12-00м.
- 19.т. Маленков вход в 11-30 м. выход 12-00м.
- 20.т. Ворошилов вход в 12-30 м. выход 16-45м.
- 21.т. Микоян вход в 12-30 м. выход 14-30м.
- 22.т. Вышинский вход в 13-05 м. выход 15-25м.
- 23.т. Шапошников вход в 13-15 м. выход 16-00м.
- 24.т. Тимошенко вход в 14-00 м. выход 16-00м.
- 25.т. Жуков вход в 14-00 м. выход 16-00 м.
- 26.т. Ватутин вход в 14-00 м. выход 16-00 м.
- 27.т. Кузнецов вход в 15-20 м. выход 15-45м.
- 28.т. Кулик вход в 15-30 м. выход 16-00 м.
- 29.т. Берия вход в 16-25 м. выход 16-45м.

28 июня 1941 года к Сталину были вызваны:

- 1.т. Молотов вход в 19-35 м. выход 00-50м.
- 2.т. Маленков вход в 19-35 м. выход 23-10м.
- 3.т. Буденный вход в 19-35 м. выход 19-50м.
- 4.т. Меркулов вход в 19-45 м. выход 20-05м.
- 5.т. Булганин вход в 20-15 м. выход 20-20м.
- 6.т. Жигарев вход в 20-20 м. выход 22-10м.
- 7.т. Петров вход в 20-20 м. выход 22-10м.
- 8.т. Булганин вход в 20-40 м. выход 20-45м.
- 9.т. Тимошенко вход в 21-30 м. выход 23-10м.
- 10.т. Жуков вход в 21-30 м. выход 23-10м.
- 11.т. Голиков вход в 21-30 м. выход 22-55м.
- 12.т. Кузнецов вход в 21-50 м. выход 23-10м.
- 13.т. Кабанов вход в 22-00 м. выход 22-10м.
- 14.т. Стефановский вход в 22-00 м. выход 22-10м.
- 15.т. Супрун вход в 22-00 м. выход 22-10 м.
- 16.т. Берия вход в 22-40 м. выход 00-50м.
- 17.т. Устинов вход в 22-55 м. выход 23-10м.
- 18.т. Яковлев из ГАУНКО вход в 22-55 м. выход 23-10м.
- 19.т. Щербаков вход в 22-10 м. выход 23-30м.
- 20.т. Микоян вход в 23-30 м. выход 00-50м.
- 21.т. Меркулов вход в 24-00 м. выход 00-15м.

(Из журнала посетителей кремлёвского кабинета Сталина. Журнал «Национальные интересы», № 3 (38), 2005)

Сталин руководил страной. Именно из кабинета Сталина в 12-05 22 июня В.М. Молотов отправился на центральный телеграф и спустя 10 минут выступил по радио с обращением к Советскому народу.

И вот что говорит и пишет о Сталине Г.К. Жуков, который, вероятно, лучше знал его, нежели нынешние наши политики: «...С назначением И.В. Сталина Председателем Государственного Комитета Обороны, Верховным Главнокомандующим и наркомом обороны в Генштабе, центральных управлениях Наркомата обороны, Госплана СССР и в других органах правительства и народного хозяйства сразу же почувствовалась его твердая рука. Каждый член ГКО получил конкретное задание и строго отвечал за выполнение планов народного хозяйства... В войсках заметно поднялась воинская дисциплина».

Г.К. Жуков подчеркивает: «И.В. Сталин и до войны много занимался вопросами вооружения и боевой техники... Надо отдать ему должное, он неплохо разобрался в качествах основных видов вооружения...

И.В. Сталин владел основными принципами организации фронтовых операций и операций групп фронтов и руководил ими со знанием дела, хорошо разобрался в больших стратегических вопросах.

Эти способности Сталина, как Верховного Главнокомандующего, особенно раскрывались начиная со Сталинградской битвы....

В руководстве вооруженной борьбой в целом И.В. Сталину помогали его природный ум, опыт политического руководства, богатая интуиция, широкая осведомленность. Он умел найти главное звено в стратегической обстановке и, ухватившись за него, оказать противодействие врагу, провести ту или иную наступательную операцию. Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим». Ум и талант Сталина, продолжал Г.К. Жуков, позволили ему овладеть оперативным искусством настолько, что он, вызывая к себе командующих фронтами и разговаривая с ними на темы, связанные с проведением операций, проявлял себя как человек, разбирающийся в этом не хуже, а порой лучше своих

подчиненных. При этом в ряде случаев он находил и подсказывал интересные оперативные решения». (там же, с. 359).

А.М. Василевский также указывал на ведущую и руководящую роль в деятельности ставки на протяжении всей войны И.В. Сталина. Сталин «обладал огромным умом, жизненной силой воли и поразительной памятью, умел отлично разбираться в самой сложной военной обстановке. Неправильны утверждения, что он не переносил советов других и игнорировал их. От нас, военачальников, работавших во время войны под его непосредственным руководством, от командующих фронтами он всегда требовал оценки происходящих на фронте событий и предложений по ним и строго взыскивая с каждого из нас при малейших нарушениях этих требований...

Верховный Главнокомандующий изо дня в день очень внимательно и серьезно следя за ходом фронтовых событий и, опираясь на свою постоянную и непосредственную связь с командующими войсками фронтов, представителями Ставки, с Генеральным штабом и центральным аппаратом Наркомата обороны, своевременно и, как правило, очень разумно реагировал на все серьезные изменения во фронтовой обстановке, очень умело и правильно используя при этом все ценное из вносимых ему предложений. Правда и то, что в своих требованиях к подчиненным он был настойчив и до жестокости строг». (А.М. Василевский. Дело всей жизни. Кн. 1. М., 1988, с. 201 – 202).

По-моему глубокому убеждению, продолжал А.М. Василевский, И.В. Сталин являлся самой сильной и колоритной фигурой стратегического командования. Он успешно осуществлял руководство фронтами, всеми усилиями страны и был способен оказывать значительное влияние на руководящих политических военных деятелей союзных стран на войне.

У. Черчилль, в частности, так отзывался о реакции Сталина на готовящуюся англичанами и американцами в 1942 г. операции «Торч» (Факел) по вторжению в Северную Африку: «Он сразу же перечислил все доводы в ее пользу. Это замечательное заявление произвело на меня глубокое впечатление. Очень немногие из живущих людей могли бы в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он все оценил молниеносно».

А. Гарриман, посол США в СССР, после первой же встречи с И.В. Сталиным сделал такой вывод: «У него глубокие знания, фантастическая способность вникать в детали, живость ума и поразительно тонкое понимание человеческого характера... Я нашел, что он лучше информирован, чем Рузвельт, более реалистичен, чем Черчилль, и в определенном смысле наиболее эффективный из военных лидеров».

После смерти Сталина Черчилль, выступая в палате лордов 21 декабря 1959 г. в день 80-летия И.В. Сталина, сказал: Большим счастьем для России было то, что в годы тяжелейших испытаний страну возглавлял гений и непоколебимый полководец Сталин. Он был самой выдающейся личностью, импонирующей нашему изменчивому и жестокому времени... Сталин был человеком необычайной энергии и несгибаемой силы воли, резким, жестоким, беспощадным в беседе, которому даже я, воспитанный здесь, в Британском парламенте не мог ничего противопоставить. Сталин обладал прежде всего большим чувством юмора и сарказма и способностью точно воспринимать мысли. Эта сила настолько была велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей государств, всех времен и народов.

Сталин произвел на нас величайшее впечатление. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники, логически осмысленной мудростью. Он был непобедимым мастером находить в трудные моменты пути выхода из самого безвыходного положения. Кроме того, Сталин в самые критические моменты, а также в моменты торжества был одинаково сдержан и никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал своим же врагом. Сталин ... принял Россию с сохой и оставил ее с атомным вооружением». (Великая Отечественная война. Энциклопедия. М., 1985, с. 72 – 73).

Стойкая оборона городов Могилева, Смоленска, Киева, Одессы, Севастополя, Ленинграда и других срывала нацистские планы «блицкрига». До августа 1941 года гитлеровцы считали, что все идет по плану, что русские в сущности уже разгромлены и война выиграна. Но под Смоленском продвижение немецких войск было остановлено почти на месяц. Уже в августе 1941 года начальник генерального штаба вермахта генерал Гальдер вынужден был

признать: «...Войска измотаны. То, что мы сейчас предпринимаем, является последней и в то же время сомнительной попыткой предотвратить переход к позиционной войне...Общая обстановка показывает все очевиднее и яснее, что колосс Россия ... недооценен нами. Это утверждение распространяется на все хозяйственные и организационные стороны, на средства сообщения и, в особенности, на чисто военные моменты» (Ф. Гальдер Военный дневник). Страшная военная машина нацистов пробуксовывала. 71 день продолжалась оборона Киева, 73 дня войны Красной Армии защищали Одессу. В течение 8 месяцев отражал атаки гитлеровцев окруженный Севастополь.

Конечно, ни Гитлер, ни гитлеровские генералы пока еще не сомневались в исходе похода на Восток. «Русские никогда уже не поднимутся». Смоленск, наконец, был взят. Дорога на Москву открылась. Операция «Тайфун» предусматривала взятие и уничтожение советской столицы. «Капитуляция Москвы не должна быть принята». Только уничтожение. Ни один немецкий солдат не должен вступать в такие города, как Москва, Ленинград и Киев. «Кто захочет покинуть город через наши линии, должен быть огнем отогнан обратно. Следует поэтому оставлять небольшие промежутки без заграждений, через которые выходящее из города население будет направляться во внутренние области России. Эти города, как и все другие, надлежит перед их занятием обессилить артиллерийским огнем и артиллерийским наступлением, а их население обращать в бегство... Хаос в России будет тем больше, управление и подчинение нами занятых восточных областей станет тем легче, чем дальше население русских советских городов убежит во внутреннюю Россию».

Будучи уверенным, что Москва вот – вот падет, – Гитлер потребовал от военного командования расширить сферу наступательных операций; на севере он настаивал на захвате Ленинграда, на юге – он требовал захвата Донецкого бассейна, Крыма и затем нефтяных месторождений на Кавказе.

Главнокомандующий войсками генерал Браухич продолжал рассматривать в качестве главной задачи войны, прежде всего – взятие Москвы. Взять Москву, подчеркивал он, – значит захватить главный политический, промышленный и военный центр Советского Союза.

Гитлер настоял на своей точке зрения. Центральная группа войск должна была пока воздержаться от активных наступательных операций. Северная группа войск, усиленная за счет центральной группы войск, получила приказ взять Ленинград. Южная группа войск начала мощное наступление на Киев. Возникла серьезная угроза окружения советских войск, защищавших Киев. Жуков предложил Сталину оставить Киев и отступить за Днепр, чтобы не допустить разгрома войск. Сталин возмутился: сдать Киев – мать городов русских!? В результате войска Красной Армии были окружены и свыше 500 тысяч бойцов и командиров погибли или были пленены в ходе ожесточенного сражения, продолжавшегося почти месяц. На Севере немецко-фашистские войска вышли к Ленинграду, окружили город, но взять его им не удалось. Теперь Гитлер решил снова атаковать Москву. Ни разу в ходе мировой войны, ни до, ни после битвы под Москвой гитлеровцы не сосредотачивали столько сил на одном направлении: 1,8 млн человек, 1700 танков, свыше 14 тыс. штурмовых орудий и минометов, 1390 самолетов, что составляло почти половину всех солдат, находящихся на Восточном фронте, 75% всех танков, а также почти 50% всей авиации. Советские войска включали 1,25 млн человек, 900 танков, 7600 орудий и минометов, 677 самолетов. 2 октября части центральной группы немецких армий под командованием фон Бока заняли Орел, затем Калинин, достигли Тулы и подошли к Москве на расстояние 60 – 70 километров, почти окружив город. Советское правительство, дипломатический корпус, многие промышленные предприятия были эвакуированы в Куйбышев (ныне Самара).

Положение Советского Союза, Красной Армии было угрожающим. Почти все авторитетные западные военные специалисты считали, что Красная Армия не выдержит и вскоре потерпит поражение. У. Черчилль вспоминает, что многие в США сочли президента Ф.Д. Рузвельта очень смелым человеком, когда он в сентябре 1941 года заявил, что русские удержат фронт и что Москва немцами не будет взята. У. Черчилль также, вопреки мнению своих военных советников, считал, что советские войска и советское руководство не утратят воли к сопротивлению. Даже если советским армиям придется отойти к уральским горам, Россия, заявлял он, все еще

будет представлять огромную, а если она будет стойко продолжать войну, то, в конечном счете, и решающую силу.

Во всяком случае, в ходе войны У. Черчилль пришел к твердому выводу, который, он был уверен, подтвердит и история: именно сопротивление русских сломало хребет германских армий и роковым образом подорвало жизненную энергию германской нации.

Как отмечает Д. Боффа в своей книге «История Советского Союза», в СССР в первые дни, первые месяцы войны были проявления паники, страха, растерянности. Однако важно, подчеркивает Д. Боффа, «что господствующей была не эта реакция. Напротив, вскоре верх взяло упорное стремление к сопротивлению, острая потребность верить, что враг не одержит победы. Потери были трагическими, но, и это отметил такой проницательный наблюдатель, как Тольятти, они не превратились в общенациональное поражение, потому что отсутствовала как раз самая характерная черта всякого поражения, а именно ощущение поражения».

Население, народные массы горячо откликнулись на призыв Сталина, руководства страны встать на защиту Отечества. Началось формирование народного ополчения. Число бойцов-добровольцев, записавшихся в ополчение, составило не менее двух миллионов человек. Сотни тысяч граждан, преимущественно женщин, рыли окопы и строили заградительные сооружения.

Драматическим проявлением мужества и воли советских людей выстоять и победить врага является перебазирование промышленных предприятий из западных областей в восточные. В течение второй половины 1941 года было переброшено в тыл свыше 2,5 тысяч промышленных предприятий и более 10 млн человек. Эти предприятия на новых местах вводились в строй за 1-2 месяца. Работа начиналась еще до сооружения корпусов заводов и цехов, под открытым небом, в дождь, грязь, снег и холод, днем и ночью. Главный лозунг трудящихся был: «Все для фронта, все для победы!»

Нарком А.И. Шахурин, отвечавший за авиационную промышленность, вспоминал, что 85% всей отрасли, то есть более 100 предприятий, пришлось в самые сжатые сроки эвакуировать за тысячи километров на восток. А ведь «только один крупный авиационный завод – это 25 – 30 тысяч работающих, а с членами их семей 50-60 тысяч человек. Кроме того, от 5 до 10 тысяч единиц оборудования,

под которые нужно не менее 150 – 200 тысяч кв. м. производственной площади, и хотя бы 200 тысяч кв. м. жилья». Однако «все оборудование этих крупнейших заводов, все заделы, материальные склады и документация были подготовлены, сняты и отправлены в течение 10 дней. Небывалый в истории трудовой подвиг!»

Поистине эвакуация промышленных предприятий из районов, которым угрожал враг, по своему стратегическому значению не уступает величайшим битвам Великой Отечественной войны, подчеркивал Г.К. Жуков. И это справедливое суждение. Ведь на территории СССР, оккупированной врагом к ноябрю 1941 года, находилось до войны около 40 процентов всего населения страны, производилось 63% всей довоенной добычи угля, 68% всей выплавки чугуна, 58% всей выплавки стали, 60% всего производства алюминия. На этой территории производилось 38% валовой продукции зерна, 84% производства сахара, находилось 38% всей численности крупного рогатого скота и 60% всего поголовья свиней. Длина железнодорожного пути на этой территории составляла 41% протяженности всех железнодорожных путей СССР.

Положение Советского Союза, Красной Армии, Москвы было тяжелым, но советские люди стойко и упорно сопротивлялись. Население Москвы, красноармейцы с суровой решимостью готовились защищать свой город, столицу великой страны.

И. Эренбург в те дни выступил с яркой статьей «Мы выстоим». Большая беда стряслась над миром ... каждому народу, каждому честному человеку суждено в этой войне потерять уют, добро, покой. Мы многое потеряли, мы сохранили надежду. Россия теперь в солдатской шинеле, она трясется на грузовиках, громыкает на телегах, спит в блиндажах и теплушках. Погиб Днепрогэс, взорваны прекрасные заводы, мосты, плотины. Вражеские бомбы зажгли древний Новгород, они терзают изумительные дворцы Ленинграда. Они ранят нежное тело красавицы Москвы. Миллионы людей остались без крова. Ради права свободно дышать мы отказались от самого дорогого, каждый из нас и все мы, народ. Москва теперь превратилась в военный лагерь. Она может защищаться как крепость ... я видел защитников Москвы. Они хорошо дерутся...

Горе нашего народа обратится на врага. Я ничего не хочу приукрашивать. Русский никогда не отличался методичностью немцев. Но в эти грозные часы люди, порой бесшабашные, сжимаются, твердеют. Наши железнодорожники оказали себя героями. Под бомбами они вывозили из городов заводы и склады. За Волгой и на Урале уже работают эвакуированные цеха. Ночью устанавливают машины. Рабочие зачастую спят в морозных теплушках и, отогревшись у костра, начинают работать. В авиашколах учатся юноши и через несколько месяцев они заменят погибших товарищей. В глубоком тылу формируется новая мощная армия. Народ понял, что эта война – надолго, что впереди годы испытаний. Народ помрачнел, но не поддался ... Теперь все поняли, что дело идет о судьбе России – быть Россией – или не быть ... Нельзя оккупировать Россию. Этого не было и не будет. Россия – особая страна ... Неудачи нас не обескураживают. Издавна русские учились на неудачах. Издавна русские закалялись в бедствиях ... Мы выстоим, отобьемся. Тому порукой история России. Тому порукой и защита Москвы. Мы выстоим...».

Статья эта была опубликована 28 октября 1941 года, в труднейшие и опаснейшие для нашей родины дни.

Наши военные, наши полководцы были уверены в победе. Враг захватил огромные территории нашей страны, стоит у Москвы, блокировал Ленинград, а генерал – лейтенант К.К. Рокоссовский (будущий маршал Советского союза) заявляет: «Гитлеровская армия может одержать много побед. Но она никогда не выиграет войну ... В ней отсутствует идея войны. В ней есть страстное желание наживы. Это, я бы сказал, коммерческая армия ... Немецкое командование никогда не победит окончательно, потому что оно строит планы на использовании слабых сторон противника. И только. Это губительно для армии. Это атрофирует ценные свойства армии. Я поставил задачу своим людям, я сказал им: «немцы предложили нам такую систему войны. Они врзаются танковыми массами, слабо подкрепленными пехотой, в наши расположения, они окружают нас. Примем их систему и скажем себе – если мы в тылу у них, то не мы окружены, а они окружены. И я бью немцев и буду бить. Они проиграют войну. Это бесспорно. Они проиграют войну нам. Вопрос во времени. Только» (Из беседы с К.К. Рокоссовским писателя Константина Финна).

А ведь, повторим еще раз, многие на Западе в эти дни, в эти месяцы уже списывали Красную Армию со счетов. Нет, советские люди не собирались сдаваться.

Примечательно признание немецкого генерала Гюнтера Блюментрита, воевавшего в 1941 году под Москвой: «Когда мы вплотную подошли к Москве, настроение наших командиров и войск вдруг резко изменилось. С удивлением и разочарованием мы обнаружили в октябре и начале ноября, что разгромленные русские вовсе не перестали существовать как военная сила. В течение последних недель сопротивление противника усилилось, и напряжение боев с каждым днем возрастало.... Из остатков потрепанных в тяжелых боях армий, а также свежих частей и соединений Русское командование сформировало новые сильные армии. В армию были призваны московские рабочие.... Сталин со своим небольшим штабом остался в столице, которую он твердо решил не сдавать. Все это было для нас полной неожиданностью. Мы не верили, что обстановка могла так сильно измениться после наших решающих побед, когда столица, казалось, почти была в наших руках... Воспоминание о Великой армии Наполеона преследовало нас, как привидение... Все больше становилось совпадений с событиями 1812 г.... Теперь политическим руководителям Германии важно было понять, что дни блицкрига канули в прошлое. Нам противостояла армия, по своим боевым качествам намного превосходившая все другие армии, с которыми нам когда-либо приходилось встречаться на поле боя... Часто спрашивают: смогли ли бы немцы выиграть эту войну, если бы им удалось захватить Москву?.. Я лично считаю, что, если бы даже мы овладели Москвой, все равно война была бы далека от благополучного завершения. Россия настолько обширна, а русское правительство обладало такой решимостью, что война, принимая новые формы, продолжалась бы на бескрайних просторах страны». (см. В.В. Суходеев. Залог великой победы – мудрость и воля И.В. Сталина, с. 141).

19 октября 1941 года в Москве было введено осадное положение. Сталин оставался в Москве, и для всех это было свидетельством того, что Москва будет стоять насмерть.

6 ноября 1941 года в Москве было проведено торжественное заседание Московского совета депутатов трудящихся с партийными

и общественными организациями города Москвы, на котором с докладом «24 годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции» – выступил Сталин. Страна снова услышала его взволнованный и мужественный голос. Сталин отметил, что 24 годовщину Великой Октябрьской социалистической революции советские люди отмечают в обстановке ожесточенной войны с немецкими империалистами. Война создала опасную угрозу для нашей страны. Надо понять, осознать эту опасность и перестроить всю нашу работу на военный лад.

Враг захватил большую часть нашей территории, навис черной тучей над Ленинградом, угрожает Москве. Немецко-фашистские захватчики грабят страну, разрушают созданные трудом рабочих, крестьян и интеллигенции города и сёла. Гитлеровские орды убивают и насилуют мирных жителей нашей страны, не щадя женщин, детей, стариков.

Бойцы нашей армии и флота, защищая честь и свободу нашей Родины, мужественно отбивают атаки озверелого врага, давая образцы отваги и героизма. Провалились сумасбродные планы немецко-фашистских захватчиков в полтора-два месяца «покончить» с Советским Союзом и дойти в этот короткий срок до Урала.

Чем объяснить, что «молниеносная война», удавшаяся на Западе, не удалась и провалилась на Востоке? На что рассчитывали немецко-фашистские стратеги?

Они рассчитывали прежде всего на то, что удастся создать всеобщую коалицию против СССР, вовлечь Великобританию и США в эту коалицию, предварительно запугав правящие круги этих стран призраком революции... Фашисты знали, что их политика игры в противоречия между классами отдельных государств и между этими государствами и Советской страной уже дала свои результаты во Франции, правители которой, с перепугу положили под ноги Гитлера свою Родину, отказавшись от сопротивления. (Сталин так трактовал перелет подручного Гитлера Р. Гесса в Англию: он был направлен нацистами в Англию, чтобы убедить английских политиков примкнуть к походу против СССР).

Гитлеровцы жестоко просчитались. Великобритания и США стали союзниками СССР в борьбе против гитлеровской Германии. В сентябре 1941 года в Лондоне 10 государств приняли

Атлантическую хартии; это был важный шаг на пути создания и укрепления антифашистской коалиции.

Нацисты рассчитывали, во-вторых, на непрочность советского строя, непрочность советского тыла... И опять жестоко просчитались. Неудачи Красной Армии не только не ослабили, а наоборот, еще больше укрепили как союз рабочих и крестьян, так и дружбу народов СССР. Более того, – они превратили семью народов СССР в единый, нерушимый лагерь, самоотверженно поддерживающий свою Красную Армию, свой Красный Флот. Сталин подчеркнул, что решающий фактор прочности, сплоченности советского государства – советский социалистический строй!

Немцы жестоко просчитались, недооценив наши силы, силы нашей армии. Моральное состояние нашей армии намного выше немецкой, ибо наши бойцы защищают свою Родину от чужеземных захватчиков и верят в правоту своего дела, тогда как немецкая армия ведет захватническую войну и грабит чужую страну, не имея возможности поверить хотя бы на минуту в правоту своего гнусного дела.

Защита своего Отечества порождает в Красной Армии героев, цементирующих, сплачивающих ее. В огне Отечественной войны куются новые советские бойцы и командиры, которые завтра превратятся в грозу для немецко-фашистских захватчиков.

Говоря о причинах неудач Красной Армии, И.В. Сталин в качестве одной из самых важных причин назвал отсутствие второго фронта в Европе против немецко-фашистских войск. Обстановка теперь такова, что наша страна ведет освободительную войну одна, без чьей-либо военной помощи, против соединенных сил немцев, финнов, румын, итальянцев, венгерцев. Немцам не приходится дробить силы. Они имеют возможность бросить все свои войска и войска своих союзников в Европе против нашей страны.

Вместе с тем, подчеркнул Сталин: не может быть сомнения, что в скором времени второй фронт в Европе появится, и это существенно облегчит положение нашей армии в ущерб немецкой.

Друга причина временных неудач нашей армии состоит в недостатке у нас танков и авиации. Наши самолеты и танки по качеству уже превосходят немецкие, но их пока еще у нас меньше, чем у немцев. Чтобы свести к нулю превосходство фашистов в военной технике, нам нужно в несколько раз увеличить

производство танков и самолетов, а также резко увеличить производство противотанковых ружей и орудий, гранат и минометов.

В этом теперь задача. И мы должны ее выполнить, во что бы то ни стало!

И.В. Сталин разоблачил преступную суть нацизма. Кто такие «национал-социалисты»?

Немецких захватчиков у нас обычно называют фашистами. Гитлеровцы упорно продолжают называть себя «национал-социалистами»... Возможно ли это? Что может быть общего между социализмом и гитлеровскими озверелыми захватчиками, грабящими и угнетающими народы Европы?.. На самом деле гитлеровцы являются теперь... империалистами. Партия гитлеровцев есть партия империалистов, притом наиболее хищнических и разбойничьих империалистов среди всех империалистов мира... Гитлеровцы являются заклятыми врагами социализма, злейшими реакционерами и черносотенцами, лишившими рабочий класс и народы Европы элементарных демократических свобод... Гитлеровская партия есть партия врагов демократических свобод, партия средневековой реакции и черносотенных погромов... И если эти оголтелые империалисты и злейшие реакционеры все еще продолжают рядиться в тогу «националистов» и «социалистов», то это они делают для того, чтобы обмануть народ, одурачить простаков и прикрыть флагом «национализма» и «социализма» свою разбойничью империалистическую сущность. Вороны, рядящиеся в павлиньи перья...

Но как бы вороны не рядились в павлиньи перья, они не перестают быть воронами. Нацисты, какими бы словами ни прикрывались, — это преступники, потерявшие человеческий облик и павшие до уровня диких зверей.

И эти люди, лишенные совести и чести, люди с моралью животных, имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!

Немецкие захватчики хотят иметь истребительную войну с народами СССР. Что же, если немцы хотят иметь истребительную войну, они ее получат.

Отныне наша задача, задача народов СССР, задача бойцов, командиров и политработников нашей армии и нашего флота, провозгласил Сталин, будет состоять в том, чтобы истребить всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей Родины в качестве ее оккупантов.

Никакой пощады немецким оккупантам! Смерть фашистским оккупантам!

Сталин подчеркнул, что разгром и гибель захватчиков, потерявших человеческий облик, павших до уровня диких зверей, – неминуемы. Но неминуемая гибель гитлеровцев определяется не только моральными факторами.

Сталин указал еще на три основных фактора, сила которых растет изо дня в день и которые приведут в недалеком будущем к неизбежному разгрому гитлеровского разбойничьего империализма. Это, во-первых, непрочность европейского тыла империалистической Германии, непрочность «нового порядка» в Европе. Немецкие захватчики поработили народы европейского континента от Франции до Советской Прибалтики, от Норвегии, Дании, Бельгии, Голландии и Советской Беларуси до Балкан и Советской Украины, лишили их элементарных демократических свобод, лишили их права распоряжаться своей судьбой, отняли у них хлеб, мясо, сырье, превратили их в своих рабов, распяли на кресте поляков, чехов, сербов и решили, что, добившись господства в Европе, они могут теперь строить на этой основе мировое господство Германии.

Сталин заявил, что гитлеровский «новый порядок» – это вулкан, готовый взорваться в любой момент. Порабощенные народы Европы будут бороться, будут восставать против гитлеровской тирании. И никто не может и не должен сомневаться в том, что СССР, Великобритания и США окажут полную поддержку народам Европы в их освободительной борьбе против гитлеровской тирании.

Сталин высмеял пропагандистские трюки нацистов уверяющих, что Гитлер действует как Наполеон и что он во всем походит на Наполеона. Но, во-первых, не следовало бы забывать при этом о судьбе Наполеона. А во-вторых, Гитлер походит на Наполеона не больше, чем котенок на льва. Сталин указал также на непрочность германского тыла гитлеровских захватчиков. Германский тыл немецких войск также представляет вулкан, готовый взорваться.

Германский народ не может не повернуться против ненужной и разорительной войны (В этом Сталин ошибся, поскольку Геббельсу, гестапо и СС удалось обеспечить прочность тыла до самого конца, до военного краха нацистской Германии).

Третий фактор, предопределяющий неминуемую гибель фашизма, – коалиция СССР, Великобритании и Соединенных Штатов Америки. Коалиция – это уже реальное дело, которое растет и будет расти во благо нашему общему освободительному делу.

Сталин выразил уверенность, что все честные люди в мире должны поддержать освободительную, справедливую войну, которую ведут СССР и его союзники. Наша цель состоит в том, чтобы освободить наши территории и наши народы от немецко-фашистского ига. Наша цель состоит также в том, чтобы помочь поработенным народам Европы сбросить гнет гитлеровской тирании и потом помочь вполне свободно устроиться на своей земле так, как они хотят.

Но, чтобы осуществить эти цели, следует истребить всех фашистских оккупантов до единого... Для этого необходимо, чтобы наша армия и наш флот имели активную поддержку со стороны всей нашей страны, чтобы наши рабочие и служащие, мужчины и женщины, работали на предприятиях, не покладая рук, и давали бы фронту все больше и больше танков, противотанковых ружей и орудий, самолетов, пушек, минометов, пулеметов, винтовок, боеприпасов, чтобы наши колхозники, мужчины и женщины, работали на своих полях, не покладая рук, и давали бы фронту и стране все больше и больше хлеба, мяса, сырья для промышленности, чтобы вся наша страна и народы СССР организовались в единый боевой лагерь, ведущий вместе с нашей армией и флотом великую освободительную войну за честь и свободу нашей Родины...

Свое выступление Сталин закончил словами: «Наше дело правое, – победа будет за нами!» – ставшими могучим мобилиующим призывом, великим лозунгом бойцов Красной Армии, всех советских людей.

6 и 7 ноября 1941 года – великие дни нашего народа. После Торжественного собрания депутатов Моссовета 6 ноября, на другой день – 7 ноября – состоялся военный парад на Красной площади. С суровой торжественностью, спокойно и гордо перед Мавзолеем

Ленина прошли бойцы Красной Армии; сразу же после Парада они по заснеженной Москве ушли на ее окраины, на фронт, на передовые позиции защиты любимого города.

На параде Красной Армии с трибуны Мавзолея Ленина Сталин вновь обратился к красноармейцам и краснофлотцам, к рабочим и колхозникам, к работникам интеллигентного труда, ко всем нашим братьям и сестрам, временно попавших под иго немецких разбойников, к нашим славным партизанам. Сталин поздравил советских людей с 24-ой годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции. Эту дату отмечаем мы в тяжелых условиях: враг у ворот Ленинграда и Москвы.

Но бывали дни, когда наша страна находилась в еще более тяжелом положении. Вспомните 1918 год, когда мы праздновали первую годовщину Октябрьской революции. Три четверти нашей страны находились тогда в руках иностранных интервентов. Украина, Кавказ, Средняя Азия, Урал, Сибирь, Дальний Восток были временно потеряны нами. У нас не было союзников, у нас не было Красной Армии... не хватало хлеба, вооружения, обмундирования. 14 государств наседали тогда на нашу страну. Но мы не унывали, не падали духом... Мы разбили интервентов, вернули все потерянные территории и добились победы.

Теперь наше положение куда лучше, чем 23 года назад. Наша страна во много раз богаче теперь и промышленностью, и продовольствием, и сырьем, чем 23 года назад. У нас есть теперь союзники... Мы имеем теперь сочувствие и поддержку всех народов Европы, попавших под иго гитлеровской тирании. Мы имеем теперь замечательную армию и замечательный флот, грудью отстаивающие свободу и независимость нашей Родины. Вся наша страна, все народы нашей страны подпирают нашу армию, наш флот, помогая им разбить захватнические орды немецких фашистов.

Разве можно сомневаться в том, что мы можем и должны победить немецких захватчиков? Враг не так силен, как изображают его некоторые перепуганные интеллигентики. Не так страшен черт, как его малюют.

Сталин преувеличивал тяжелое положение Германии. Захватчики напрягают последние силы... Еще несколько месяцев, еще полгода, может быть годик, – и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений.

Обращаясь к бойцам Красной армии и Флота, к партизанам и партизанкам, И.В. Сталин подчеркнул: «На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойны этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина! Под знаменем Ленина – вперед к победе!»

Совесткие войска стойко и упорно сопротивлялись, обретая при этом опыт и мастерство. Защитники Москвы героически сражались за каждый оборонительный рубеж. В районе Волоколамского шоссе у железнодорожного разъезда Дубосеково 28 воинов из дивизии генерала И.В. Панфилова отразили атаку 50 вражеских танков и автоматчиков. Слова их политрука В.Г. Клочкова: «Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва» – прозвучали как клятва всех защитников Москвы.

В разгар битвы под Москвой в СССР приехал А. Иден, министр иностранных дел Великобритании, удостовериться, выстоит ли Советский Союз под натиском фашистской Германии. Примечателен разговор с А. Иденом И.В. Сталина, который заявил, что для нашей страны важное значение имеет признание Англией советских границ 1941 года в послевоенном мирном договоре. Иден сказал, к чему торопиться, когда немцы стоят под Москвой и до Берлина далеко. Сталин твердо, уверенно ответил: ничего, русские уже были дважды в Берлине, будут и в третий раз!

К концу ноября 1941 года наступление гитлеровцев на Москву захлебнулось. 5 – 6 декабря советские войска перешли в контрнаступление. В результате этого контрнаступления Красной Армии были освобождены города Калинин, Елец, Калуга. Немцы были отброшены от Москвы на 100 и более километров. Они потеряли около 1 миллиона солдат и десятки тысяч боевой техники. В январе 1942 года контрнаступление под Москвой переросло в общее наступление Красной Армии, в ходе которого Московская и Тульская области, десятки городов и сотни сел были освобождены от фашистских захватчиков. Как отмечает А. Верт, освобождая свои

города и села, советские солдаты воочию убеждались, что представляет... собой «новый порядок». Повсюду фашисты разрушали все, что могли.... В городах и деревнях стояли виселицы. Всюду они грабили, разбойничали, убивали. После битвы под Москвой ненависть к немцам выросла, подчеркивает А. Верт.

М. Шолохов в очерке «Наука ненависти» пишет, что в войне с фашистами наши бойцы и командиры учились по-настоящему воевать и по-настоящему ненавидеть врага и любить Родину. Герой очерка лейтенант Герасимов говорит: На таком оселке, как война, все чувства отлично оттачиваются. Тяжко я ненавижу фашистов за все, что они причинили моей родине и мне лично, и в то же время всем сердцем люблю свой народ и не хочу, чтобы ему пришлось страдать под фашистским игом. Вот это и заставляет меня, да и всех нас, драться с таким ожесточением. Именно эти два чувства, воплощенные в действие, и приведут к нам победу. И если любовь к родине хранится у нас в сердцах и будет храниться до тех пор, пока эти сердца бьются, то ненависть всегда мы носим на кончиках штыков.

Победа советских войск под Москвой имела огромное военно-политическое значение. Впервые в ходе второй мировой войны фашистские войска потерпели сокрушительное поражение. Миф о непобедимости вермахта был развеян. «Блицкриг» полностью провалился. Победа под Москвой укрепила дух нашего народа, вселила уверенность в победе. Эта победа положила начало коренного перелома в Великой Отечественной войне. Поражение немцев под Москвой послужило предостережением японским правящим кругам, ждавших падения Москвы, чтобы напасть на СССР. Теперь они уже не решились на это. Наша победа под Москвой всколыхнула поработанные народы Европы. В оккупированных фашистами странах более широко развернулось движение Сопротивления.

Руководители союзных стран дали высокую оценку победы советской армии под Москвой. Президент США Ф. Рузвельт писал в те дни И.В. Сталину: «Я хочу еще раз сообщить Вам о всеобщем подлинном энтузиазме в Соединенных Штатах по поводу успехов Ваших армий в защите Вашей великой нации». У. Черчилль, отмечая огромное значение битвы под Москвой, подчеркивал: «В настоящий момент фактом первостепенной важности является провал планов Гитлера в войне против России...

Вместо предполагаемой быстрой и легкой победы ему пришлось сейчас столкнуться с потрясением зимнего поражения». Генерал Макартур, в послевоенные годы командовавший американскими оккупационными войсками в Японии, писал в 1942 году: В своей жизни я участвовал в ряде войн, другие наблюдал, детально изучал компании выдающихся военачальников прошло. Но нигде я не видел такого эффективного сопротивления сильнейшим ударам до того времени победоносного противника, сопротивления, за которым последовало контрнаступление, отбрасывающее противника назад, к его собственной территории. Размах и блеск этого усилия делают его величайшим военным достижением во всей истории». (П.А. Жилин. О войне и военной истории. М. 1984)

Но фашистская Германия продолжала быть сильным и жестоким врагом. Фашисты блокировали Ленинград. Они не смогли его взять; воины Красной Армии и жители Ленинграда превратили город в неприступную крепость. Фашисты, окружив Ленинград, рассчитывали, что ленинградцы не выдержат; голод, холод, обстрелы сделают свое дело... Ленинград, ленинградцы выстояли. А. Адамович и Д. Гранин написали «Блокадную книгу», в которой рассказали о мужестве, стойкости ленинградцев: мужчин и женщин, стариков и детей.

В 80 – 90 гг. XX века ряд наших политиканов и ангажированных журналистов назойливо твердили: войну встретили паникой, трусостью, растерянностью. Повторяем, признаем: было и это. И в Ленинграде были допущены серьезные ошибки.

«Были и просчеты в завозе и хранении продовольствия, эвакуации населения на том первом этапе, когда имела место растерянность, непонимание масштабов происходящего, того, как и куда разворачиваются события. Даже великий положительный фактор, сыгравший огромную роль в стойкой защите Ленинграда, – страстная привязанность ленинградцев к своему городу, патриотизм – обернулся пагубными последствиями. Не уехали из города, не эвакуировались те, кто мог, кто должен был уехать не только в своих интересах, но и в интересах активных защитников города – пишут А. Адамович и Д. Гранин.

Достаточно напомнить, что смертельное кольцо блокады замкнулось и вокруг 400 тысяч детей. Остались матери, бабушки, а с ними дети...

«Летом и осенью сорок первого не было достаточной настойчивости, твердости, последовательности в эвакуации населения, что пришло позже, в условиях несравненно более трудных, зимой, когда пришлось вывозить (и даже выводить пешком на сотни километров!) около миллиона женщин, детей, ослабленных голодом людей, в морозы, и все под теми же бомбежками и обстрелами». Авторы «Блокадной книги» записали свой разговор с заместителем председателя Ленгорисполкома, заведующим отделом торговли Иваном Андреевичем Андреенко; «надо сказать, и это не новость, что у нас до войны не была разработана система нормированного снабжения продовольственными и промышленными товарами на случай войны. У нас было разработано, как бороться с зажигалками, с пожарами и т. д., а как тут – нет... Я еще хочу сказать про одно тяжелое обстоятельство. Оно заключается в том, что в блокированном городе осталось 2 миллиона 544 тысячи человек и плюс еще в пригородных районах Ленинграда в кольце блокады 38 тысяч. Причем стариков много, детей более 400 тысяч, иждивенцев больше 700 тысяч. И вот в первую эвакуацию, которая у нас началась 29 июня (Ленинградский Совет принял решение), мы фактически эвакуировали 636 тысяч. Причем даже разговор такой был, что обстановка накалилась, а ленинградцы не бегут, никто не бежит, никто не уезжает. Из районов поступали такие сообщения в Ленинградский Совет, что... население настроено никуда не уезжать и защищать свой город Ленинград. Видите, с одной стороны, хорошо, а с другой стороны, плохо, потому что нам нужно было не 636 тысяч вывозить, а в полтора-два раза больше, а может быть и в три раза больше. Тогда бы мы не терпели бы такого положения, как терпим, – ведь осталось 2 миллиона 544 тысячи.

Вот потом, когда было специальное постановление Государственного Комитета Обороны об эвакуации народа по Ладогe и приехал Алексей Николаевич Косыгин, в один конец стали завозить продовольствие, а в обратный людей вывозили. И надо сказать, что... с января сорок второго года по октябрь сорок второго включительно всего эвакуировано 961 тысяча 79 человек. Осталось около 700 тысяч к сорок третьему году», – вспоминал И.А. Андреенко.

В блокадные дни ленинградцы-рабочие получали лишь 250 граммов хлеба, представители других групп населения – только 125 граммов.

Ленинградцы жили в голоде, холоде, под вражеским обстрелом. Они умирали. И в то же время жили большой духовной жизнью. «Казалось, хлеб, прежде всего хлеб, ну еще вода и тепло!.. Ничего другого. Так ведь нет! В иссушенном организме душа, страдающая и униженная голодом, тоже искала себе пищи. Жизнь духа продолжалась. Человек порой, сам себе удивлялся, своей восприимчивости к слову, музыке, театру. Стихи стали нужны.

Стихи, песни, которые помогали верить, что не бесполезны и не тщетны его муки беспредельные. И еще многое нужно, просто необходимо было ленинградцу. Живой голос брата по судьбе – осажденного Севастополя. И уверенность, что Москва устоит и отбросит танки Гудериана. И обязательно – больше, чем даже хлеб, вода, тепло! – необходима была надежда, свет победы в конце ледяного тоннеля... По этому тоннелю люди и двигались, Зажав в себе все, что могло казаться лишним, не главным», – пишут А. Адамович и Д. Гранин.

Павел Филиппович Губчевский, работник Эрмитажа, вспоминает, продолжают авторы «Блокадной книги»: «Эрмитаж вывез миллион сто семнадцать тысяч предметов. Но фрески остались, например, фрески Анджелико, Джулио Романо, роспись лоджии Рафаэля. Остались и рамы (благодаря этому Эрмитаж восстановил свою экспозицию через восемнадцать дней после возвращения картин из эвакуации).

И по этим пустым глазницам – рамам я провел несколько экскурсий. – По пустым рамам? – Это было в конце апреля сорок второго года. В Ленинград привезли из Сибири молодых бойцов на курсы младших лейтенантов. Они помогли перетащить нам в сухое помещение великолепную ценную мебель, которая оказалась под водой. Я поблагодарил ребят, а потом повел их по Эрмитажу, по пустым рамам. «Это была самая удивительная экскурсия в моей жизни. И пустые рамы, оказывается, впечатляют».

«Эти рамы – от Пуссена, Рембрандта, Куранаха, от голландцев, французов, итальянцев – были для Губчевского обозначением существующих картин. Он неотделимо чувствовал внутри рам полотна во всех подробностях, оттенках света, красок – фигуры,

лица, складки одежды, отдельные мазки. Отсутствие картин для него сейчас делало их еще нагляднее. Сила воображения, острота памяти, внутреннего зрения возрастали, возмещая пустоту. Он искупал отсутствие картин словами, жестами, интонацией, всеми средствами своей фантазии, языка, знаний. Сосредоточенно, пристально люди разглядывали пространство, заключенное в раму. Слово превращалось в линию, цвет, мазок, появлялась игра теней и воздуха... В этой блокадной жизни слово воссоздавало картины, возвращало их, заставляло играть всеми красками, причем с такой яркостью, с такой изобразительной силой, что они навсегда врезались в память. Никогда после Павлу Филипповичу Губчевскому не удавалось проводить экскурсии, где люди столько бы увидели и почувствовали»

В условиях Ленинграда выжить, просто выжить, уже было подвигом. Но ленинградцы жили, писали книги и стихи, сочиняли прекрасную музыку, проводили научные исследования. Г.А. Князев и его сотрудники работали над многотомной «Историей Академии наук СССР». В Эрмитаже в одном из залов при температуре минус 12 градусов состоялись торжественные собрания, посвященные 800-летию великого азербайджанского поэта Низами и великого узбекского поэта Навои.

Д. Шостакович написал героическую Седьмую симфонию, посвятив ее родному городу, нашей грядущей победе над ненавистным врагом. Ее исполнение в осажденном городе голодными измученными музыкантами еще раз продемонстрировало всему миру стойкость ленинградцев, их волю к победе.

Писатель А.Н. Толстой так оценил значение седьмой симфонии Д. Шостаковича: «Седьмая симфония возникла из совести русского народа, принявшего без колебания смертный бой с черными силами. Написанная в Ленинграде, она выросла до размеров большого мирового искусства, понятного на всех широтах и меридианах, потому что она рассказывает правду о человеке в небывалую годину его бедствий и испытаний. Симфония прозрачна в своей огромной сложности, она и сурова, и по-мужски лирична, и вся летит в будущее, раскрывающееся за рубежом победы человека над зверем... Гитлеру не удалось взять Ленинград и Москву... Красная Армия создала грозную симфонию мировой победы. Шостакович прильнул ухом к сердцу Родины и сыграл песнь торжества».

О. Берггольц, слушавшая Седьмую симфонию в осажденном врагом Ленинграде так описывает свои переживания: Первые звуки чисты и отрадны. Их слушаешь жадно и удивленно – так вот мы когда-то жили, до войны, как мы счастливы-то были, как свободны, сколько простора и тишины было вокруг. Эту мудрую, сладостную музыку мира хочется слушать без конца. Но внезапно и очень тихо раздаётся сухое потрескивание, сухая дробь барабана – шёпот барабана. Сухая дробь барабана громче. Война. Барабаны уже гремят. Короткая, монотонная и тревожная музыкальная фраза овладевает всем оркестром и становится страшной. Музыка бушует неистово.... Яростно гремит оркестр – всё в той же монотонной фразе звенят фанфары и неудержимо несут душу навстречу смертельному бою... И уже нечем дышать от грома и рёва оркестра, вдруг всё обрывается, и в величественный реквием переходит тема войны. Одинокий фагот, покрывая бушующий оркестр, поднимает ввысь свой низкий, трагический голос. И потом поёт один, один в наступившей тишине...

«Я не знаю, как охарактеризовать эту музыку, – говорит сам композитор, – может быть, в ней слёзы матери или даже чувство, когда скорбь так велика, что слёз уже не остаётся»...Горе не убило в нас жизни. Вторая и третья части – это прозрачная, радостная музыка, полная упоения жизнью и преклонения перед природой. И это тоже о нас, о людях, научившихся по-новому любить и ценить жизнь.... В четвёртой части тема войны, взволнованно и вызывающе повторённая, отважно переходит в тему грядущей победы, и музыка свободно бушует опять, и немислимой силы достигает её торжественное, грозное, почти жестокое ликование, физически сотрясающее своды здания.

Мы победим немцев.

Мы обязательно победим их!

(29 марта 1942 года Седьмая Симфония была исполнена и в Москве).

Сама Ольга Берггольц писала прекрасные, мужественные стихи, полные любви к Ленинграду и Родине, зовущие ее сынов и дочерей к самоотверженной борьбе с врагом.

Мы предчувствовали полыханье

Этого трагического дня,

Он пришел. Вот жизнь моя, дыханье,

Родина! Возьми их у меня!

* * *

Я люблю тебя любовью новой,
Горькой, всепрощающей, живой,
Родина моя в венце терновом,
С темной радугой над головой.
Он настал, наш час, и что он значат -
Только нам с тобою знать дано.
Я люблю тебя – я не могу иначе,
Я и ты – по-прежнему одно.

* * *

Я говорю с тобой под свист снарядов,
Угрюмым заревом озарена.
Я говорю с тобой из Ленинграда,
Страна моя, печальная страна...
Кронштадтский злой, неукротимый ветер
В мое лицо закинутое бьет.
В бомбоубежищах уснули дети,
Ночная стража встала у ворот.
Над Ленинградом – смертная угроза...
Бессонны ночи, тяжек день любой.
Но мы забыли, что такое слезы,
Что называлось страхом и мольбой.
Я говорю: нас, граждан Ленинграда,
Не поколеблет грохот канонад,
И если завтра будут баррикады, –
Мы не покинем наших баррикад.
И женщины с бойцами встанут рядом,
И дети нам патроны поднесут,
И надо всеми нами зацветут
Старинные знамена Петрограда.
Руками сжав обугленное сердце
Такое обещание даю
Я, горожанка, мать красноармейца,
Погибшего под Стрельнею в бою:
Мы будем драться с беззаветной силой,
Мы одолеем бешеных зверей,
Мы победим, клянусь тебе, Россия,

От имени российских матерей.

К мужеству и стойкости, к победе над ненавистным врагом призывала ленинградцев, всех советских людей Анна Ахматова.

Мы знаем, что нынче лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, -
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово!
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки.

Февраль 1942 года.

Ленинградцы мужественно защищали свой город. И поразительно: в тяжелейших условиях, под огнем, в голоде и холоде выпускали для Красной Армии танки, пушки, снаряды. Подсчитано, что за неполных шесть военных месяцев 1941 года рабочий Ленинград сдал Красной Армии и Флоту 713 танков, 480 бронемашин, 58 бронепоездов, 2405 полковых и 648 противотанковых пушек, около 10 тысяч минометов, изготовил свыше 3 миллионов снарядов и мин, более 80 тысяч реактивных снарядов, авиабомб. Кроме того, на Кировском заводе, на заводе «Металлист» и других было отремонтировано около 500 танков и более 300 орудий. Адмиралтейский, Балтийский и другие заводы перевооружили, отремонтировали 186 кораблей. И примечательно, что значительная часть изготовленной в Ленинграде важной оборонной продукции в октябре-декабре 1941 года отправлялась нашим войскам в Москву.

И все это, и все это в тех условиях, в таких условиях, подчеркивают А. Адамович и Д. Гранин.

Наряду с мужчинами – рабочими и бойцами Красной Армии беспримерное мужество и стойкость духа показывали женщины Ленинграда. «Перед нашими женщинами, мы, солдаты, офицеры, мужчины, должны снять шапки, поклониться, – говорит генерал Лагуткин в беседе с авторами «Блокадной книги».

Ведь это они сбрасывали зажигательные бомбы с крыш домов, со зданий, тушили пожары, откапывали заваленных, помогали голодным, умирающим, хоронили мертвых, спасая город от эпидемий... После прорыва блокады, вернее после снятия ее, наши части – подчеркиваю, все те же девушки – по заданию командования Ленфронта помогали частям фронта громить противника. В тяжелых зимних условиях, часто на заминированной территории, наши полки, двигаясь за наступающими частями, восстанавливали железные дороги на главнейших направлениях. Они восстановили двести два километра железных дорог, пятнадцать железнодорожных мостов и семнадцать мостов деревянных. Они разминировали много площади, для того чтобы наши войска прошли. Когда я был на одном из направлений и по этим дорогам, которые восстанавливали наши бойцы, двигались эшелоны войск, то из вагонов солдаты и офицеры так кричали «ура», так они приветствовали со слезами на глазах этих замечательных бойцов – девушек, благодарили! Дальше. Нельзя списать со счетов и такие мероприятия, как разминирование пригородов Ленинграда. Вот взять Пулковские высоты, Пушкин, Колпино, Петродворец и много, много других. Ведь там были миллионы мин и снарядов! Кто их разминировал? Большинство из них разминировали солдаты МПВО... Девушки. Они обезвредили на большой территории более семи миллионов взрывоопасных предметов. Что это? Разве это не героизм? Разве это можно забыть? (Ведь многие подрывались, до 18 %)».

Лишь в конце 1941 года, когда удалось начать завозить в Ленинград продовольствие по Ладоге, по ледовой «дороге жизни», когда этот завоз перестал превышать расход, продовольственное положение ленинградцев чуть-чуть улучшилось; Военный Совет Ленинградского фронта принял решение: с 25 декабря сорок первого года рабочим прибавить 100 граммов хлеба, т.е. вместо 250 г выдавать 350 г, а остальным группам населения прибавить 75 г, т. е. вместо 125 г выдавать 200 г. Конечно, это было мало, очень мало, но люди, ленинградцы, никогда и не терявшие надежды, почувствовали, реально ощутили: отстоим Ленинград, одолеем, победим фашистов.

«Невозможно подсчитать и учесть вклад в победу ленинградцев. Всех ленинградцев, всех, кто просто жил и старался не дать

смерти в блокадном городе; всех – стариков, детей женщин», – пишут А. Адамович и Д. Гранин.

Поэт Сергей Наровчатов, воевавший в Синявинских болотах, однажды сказал нам; отмечают авторы «Блокадной книги»: «А ведь мы не смогли бы столько держаться там, голодные и обесиленные, если бы рядом не было живого города, огромного и живого Ленинграда! Просто лес, просто болото так защищать невозможно было бы».

Ленинградцы, не дающиеся голоду, отчаянию, были необходимой частью Ленинградского фронта. И не только Ленинградского.

«Москва держится, Ленинград не сдается!» – как это важно было слышать, знать в лесах Белоруссии. Не задним числом, а именно оттуда, из военного времени, память одного из авторов извлекает чувства и факты, подтверждающие, как много значило для белорусских подпольщиков и партизан то, что Ленинград держится. Для нас важно было, что Ленинград не просто стоял несокрушимо, а то, что он как бы обесценивал силы и самоуверенность врага. Мы тогда не знали, не могли знать, какой ценой, какими усилиями это дается. Важно было, что он держался – после того, как мы собственными глазами видели ошеломительное начало немецкого марша на Восток. Ленинград остановил этот марш и указал на предел немецкой силы. Он был очерчен, этот предел, разгромом немецкой армии под Москвой. Город на Неве демонстрировал бессилье врага, оно тянулось годами, это кошмарное для Гитлера бессилье сделать хотя бы шаг вперед». Это снова слова А. Адамовича и Д. Гранина. Точные, верные слова.

Примечательно, отмечают авторы «Блокадной книги», когда рушился под тяжестью своих кровавых преступлений несостоявшийся «Тысячелетний рейх» и фашистскому Берлину непосредственно стали угрожать окружение, штурм, Гитлер, гитлеровцы вдруг вспомнили про Ленинград.

В циркуляре Гимmlера Ленинград приводился как пример поведения жителей города, обороны города, создания неприступной крепости. Циркуляр завершался фразой: «Ненависть населения создала важнейшую движущую силу обороны».

«Как издевались фашисты над Ленинградом: город «выжрет сам себя», какие злорадно – садистские листовки сбрасывали они на головы ленинградцев: «Съешьте бобы – готовьте гробы!»,

«Чечевицу съедите – Ленинград сдадите!», «с каким «научным» хладнокровием старались фашисты удушить, истребить, стереть с лица земли Ленинград. Не получилось. Теперь приходилось «научно» (с учетом ленинградского опыта) спасать собственную столицу.

Да только ни там, ни здесь их каннибальская «наука», их самые предусмотрительные приказы не могли решить задачу, привести их к победе. Нужно было что-то большее, чем блудливый страх перед расплатой, за жизнь свою страх. Нужно было что-то такое, что сильнее любых приказов, всех мук голода. Что сильнее и страха и смерти. Именно то, чем держались Ленинградцы, что питало волю и героизм советских людей под Москвой, и в Севастополе, и в Сталинграде, и в партизанских краях и республиках, – великая, высокая человеческая правота и оправданность борьбы до последнего дыхания». («Блокадная книга»).

В послевоенные годы в западной литературе (а накануне краха Советской власти и после краха и в нашей публицистике) можно было встретить немало рассуждений на тему: нужны ли были такие муки безмерные, страдания и жертвы подобные? Оправданы ли они военными и прочими выигрышами? Человечно ли это по отношению к своему населению? Вот Париж объявили же открытым городом... И другие столицы, капитулировав, уцелели. А потом фашизму сломали хребет, он все равно был побежден – в свой срок... Авторы «Блокадной книги» о подобных рассуждениях отзываются так: «Как же это цинично и неблагодарно! Если бы они честно хотя бы собственную логику доводили до конца: а не потому ли сегодня человечество наслаждается красотами и богатствами архитектурными, историческими ценностями Парижа и Праги, Афин и Будапешта да и многими иными сокровищами культуры, и не потому ли существует наша европейская цивилизация с ее университетами, библиотеками, галереями, и не наступило бездонное безвременье «тысячелетнего рейха», что кто-то жалел себя меньше, чем другие, кто-то свои города, свои столицы и не столицы защищал до последнего в смертном бою, спасая завтрашний день всех людей?.. И Париж для французов да и для человечества спасен был здесь – в пылающем Сталинграде, в Ленинграде, день и ночь обстреливаемом, спасен был под Москвой...

Когда европейские столицы объявляли очередной открытый город, была, оставалась тайная надежда: у Гитлера впереди еще Советский Союз. И Париж это знал. А вот Москва, Ленинград, Сталинград знали, что они, может быть, последняя надежда планеты...».

Союзники СССР высоко оценили подвиг Ленинграда. Президент США Ф.Д.Рузвельт подписал 17 мая 1944 года Грамоту Ленинграду: От имени народа Соединенных Штатов Америки я вручаю эту грамоту городу Ленинграду в память о его доблестных воинах и его верных мужчинах, женщинах и детях, которые, будучи изолированными захватчиком от остальной части своего народа и, несмотря на постоянные бомбардировки и несказанные страдания от холода, голода и болезней, успешно защищали свой любимый город в течение критического периода с 8 сентября 1941 года по 18 января 1943 года и символизировали этим неустрашимый дух народов Союза Советских Социалистических Республик и всех народов мира, сопротивляющихся силам агрессии.

В начале 1942 года немцы терпели неудачи, несли тяжелые потери, но еще отнюдь не утратили стратегической инициативы, способности широкомасштабно наступать. В апреле – мае 1942 года, Гитлер, сместивший Браухича с поста главнокомандующего и взявший верховное командование вермахтом в свои руки, приказал начать наступление на Южном направлении. Цель наступления – прорыв на Кавказ. Ради этой цели – взять Сталинград и уничтожить его как политический символ, как центр производства вооружений и транспортный узел. В качестве подготовки к этим основным операциям ставилась задача овладеть Севастополем и Крымом в целом. Советское командование, угадав замысел врага, решило его опередить: Красная Армия начала наступление на Харьков. Однако оно было неудачным, стоило слишком больших жертв, хотя продвижение немецких войск все-таки было приостановлено.

Однако, спустя некоторое время, в июле 1942 года, после 250 дней героической обороны советские войска вынуждены были оставить Севастополь, а затем и Крым. В июле же немцы захватили Ростов-на-Дону, форсировали Дон и вышли к Сталинграду.

Положение советской страны вновь обострилось. В руках врага была советская территория, на которой до войны проживало 45%

всего населения, производилось 33% всей валовой продукции промышленности и находилось 47% посевных площадей. К тому же, угроза Москве еще не была снята, Ленинград по-прежнему был блокирован. 28 июля 1942 года Народный Комиссар обороны Союза ССР Сталин издал приказ № 227. Приказ был жесткий, суровый. Хватит отступать. Отступление без приказа командования – преступление.

Каждый командир, красноармеец и политработник должны понять, что наши средства не безграничны. Территория Советского государства – это не пустыня, а люди – рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил враг, – это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо, если не прекратим отступление, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

Из этого следует, что пора кончать отступление. Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв. Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы нам это ни стоило.

Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев – это значит обеспечить за нами победу... Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно явиться требование – ни шагу назад без приказа высшего командования...

Сталинградская битва не имеет себе равных, ни по напряженности и продолжительности борьбы, ни по результатам. Она продолжалась 6 месяцев (с 17 июля 1942 года по 2 февраля 1943 года). Охватила территорию свыше 100 тыс. кв. км, ширина фронта достигла 800 км. С обеих сторон участвовало более 2 млн человек, 2100 танков, 26 тыс. орудий и минометов, 2500 самолетов.

И хотя к августу – сентябрю фашисты захватили большую часть Сталинграда, его защитники сражались героически: «За Волгой для нас земли нет». На 13 сентября 1942 г. максимальное расстояние, отделяющее немцев от Волги, было не более 10 километров, а сам город, вытянувшись вдоль реки на 40 – 50 километров, имел максимальную ширину около 5 километров. Чтобы захватить Сталинград, врагу надо было пройти не более 10 километров. Но этого фашисты сделать не смогли. Упомянувшийся выше Д. Боффа, специалист по советской истории, так описывает бои в Сталинграде: «Хотя Сталинград и называли «советским Верденом», его оборона почти не имеет аналогий. Бои шли и днем и ночью... Были дни, когда один и тот же участок обороны выдерживал до 12 атак... Сражались за каждую улицу, за каждый дом, потом внутри каждого дома за каждый этаж, каждую квартиру, каждый подвал. Любая стена или сооружение превращались в укрепленные пункты. Заводы были превращены в груды битого кирпича и искореженного железа, но и среди руин шло сражение за каждый метр пространства. Самыми предпочтительными видами оружия были минометы, гранаты, пулеметы, автоматы, а также штыки и ножи. На относительно спокойных участках действовали снайперы. Оставшиеся в городе жители участвовали в боях наравне с солдатами...

Обе стороны несли большие потери. Для немцев, однако, они оборачивались еще непрерывным и усиливающимся моральным износом войск. Сталинград теперь стал «адам» для их солдат и офицеров, терявших здесь последние остатки боевого духа. День

ото дня возрастал, напротив, пыл уцелевших защитников города, воодушевленных надеждой на близкий перелом в ходе борьбы и гордостью за совершаемый ими подвиг».

Да, в 1942 году наша страна, наша армия были уже другими, нежели в 1941 году. Народное хозяйство было перестроено на военный лад. Вооружения производилось уже гораздо больше, чем в 1941 году. Полководцы и бойцы научились воевать. Если в 1941 году командиры боялись окружения и потому постоянно попадали в «котлы», то в 1942 году они уже сами успешно проводили операции по окружению врага. 19 – 20 ноября 1942 года советские войска, начав мощное контрнаступление, окружили и заперли в огромном котле между Волгой и Доном отборные части вермахта, еще недавно – 2 года назад – победоносно шагавшие по Европе, в том числе и 6-ю армию, пытавшуюся захватить Сталинград. К началу февраля 1943 года враг был полностью разгромлен. Около 150 тысяч немецких солдат и офицеров было убито. 2 февраля 1943 года захватчики капитулировали. Свыше 90 тысяч солдат и офицеров вермахта было взято в плен. Среди пленных было 24 генерала, а также командующий 6-й армией генерал-фельдмаршал Паулюс (в 1940 г. поставивший свою подпись под планом «Барбаросса», планом, намечавшим разгром СССР в кратчайшие сроки). В целом в ходе Сталинградской битвы была ликвидирована мощная группировка гитлеровских войск в составе 330 тысяч солдат и офицеров.

Победа под Сталинградом показала всему миру, что фашистская военная машина существенно надломилась. Германия вступила в полосу кризиса.

В Сталинграде были разгромлены лучшие войска фашистской Германии, выдохся их наступательный порыв. Надломлен моральный дух не только солдат и офицеров, но и населения Германии. Впервые в ходе второй мировой войны в Германии был объявлен общенациональный траур. Что бы выбраться из кризиса фашисты объявили о тотальной войне, в которой должны принять участие все до единого мужчины и женщины. Наступил кризис и в отношениях Германии с ее союзниками. Япония и Турция окончательно отказались вступать в войну против СССР. А ведь у японцев в дни Сталинградской битвы на Дальнем Востоке было 46 сухопутных и 24 авиационных дивизий. Были деморализованы

и союзники Германии, участвующие в войне против СССР. Итальянцы потеряли под Сталинградом более 100 тыс., румыны 250 тыс., венгры 70 тыс. солдат и офицеров.

Сталинградская победа Красной Армии всколыхнула Европу, зажгла надежду, подняла на борьбу с фашизмом сотни тысяч новых борцов. Президент США Ф. Рузвельт направил Сталинграду грамоту в которой подчеркивал, что храбрость, сила духа и самоотверженность доблестных защитников города остановили волну нацистского нашествия, что их славная победа стала поворотным пунктом войны Союзных Наций против сил агрессии. У. Черчилль также с восхищением говорил о нашей Сталинградской победе. Наступление советских войск, начавшееся от Сталинграда, представляет собой главную причину поражений Гитлера.

В истории второй мировой войны трудно найти событие, более известное и более популярное в широких массах народа, чем Сталинградская битва. В честь Сталинградской победы написано много книг, создано фильмов, воздвигнуто монументов. В одной только Франции 30 городских площадей и улиц носят почетное название «Сталинградские». (А у нас? Есть ли хоть одна улица, названная Сталинградской?)

Советские вооруженные силы теперь прочно захватили стратегическую инициативу в свои руки. Началось изгнание оккупантов с советской земли.

Немцы отчаянно сопротивлялись. К лету 1943 года фашистская Германия попыталась вновь отвоевать стратегическую инициативу. Она сосредоточила на советско-германском фронте огромные силы; даже имела на 42 дивизии больше, чем к началу войны против СССР.

В соответствии с операцией «Цитадель» фашисты планировали ударом со стороны Белгорода и Орла окружить и уничтожить советские войска на Курской дуге. Они имели в полосе от Курска до Таганрога около 1 млн солдат и офицеров, около 2700 танков и штурмовых орудий, более 2000 самолетов, свыше 17 тысяч орудий и минометов. Здесь гитлеровцы планировали использовать новые тяжелые танки «тигр», «пантера» и самоходные орудия «Фердинанд», считавшиеся непробиваемыми. Здесь они надеялись взять реванш за Сталинград. Но, как писал А.Толстой, их бешеный натиск оказался подобен удару кулаком в каменную

стену. Советское командование разгадало замысел врага и противопоставило фашистам на направлении их главного удара крупные силы Красной Армии.

В составе советских войск к началу Курской битвы имелось 1300 тыс. человек, более 19 тыс. орудий и минометов, 3,4 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок, 2 тыс. самолетов.

Кроме того, был стратегический резерв Ставки, в который входили 5 общевойсковых, танковых и воздушная армии. Общее руководство советскими войсками осуществляли Маршалы Советского Союза. Г.К. Жуков и А.М. Василевский.

И хотя советские войска обладали превосходством в силах и средствах, Ставка Верховного Командования приняла решение временно перейти к преднамеренной обороне, чтобы оборонительными средствами измотать, обескровить наступающие гитлеровские войска и в результате создать благоприятные условия для перехода советских войск в контрнаступление.

Причем, когда до наступления немцем остались считанные часы, когда их войска изготовились для атаки, по их позициям был нанесен мощный артиллерийский контрудар. Немцы понесли большие потери, значительная часть вражеской артиллерии была подавлена, их наступление задержалось на 3 – 4 часа.

Бойцы, командиры и полководцы Красной Армии с самого начала были уверены в победном исходе Курской битвы. Вот как описывает свое настроение и настроение своих однополчан в те дни Николай Григорьевич Кобец, воин-связист: «К концу 1943 года настроение многих моих однополчан заметно улучшилось, просветлели лица, появилось больше уверенности в победе над фашистами. Этому способствовал ряд обстоятельств. Стояла сухая, теплая, солнечная погода, а это совсем не то, что зимой мерзнуть в окопах или осенью под холодным дождем месить грязь. Исчезли проблемы с оружием: у нас были автоматы ППП с дисками, к тому же нас прилично обмундировали: вместо износившегося обмундирования выдали новое, а главное – истоптанную и рваную обувь заменили новыми кирзовыми сапогами. Для пехоты удобная и надежная обувь – великое дело. Стали лучше кормить, разумеется, деликатесов не было, но концентратов горохового супа-пюре и пшенной каши было в достатке, да вместо сухарей стали давать свежий хлеб, перепали иногда мясные и рыбные консервы

(банка на двоих), а иногда, во время боя, сто «наркомовских» граммов... Но главным было то, что нас подкрепили артиллерией, солидной танковой группой, активно нам стала помогать батарея «катюш», что очень впечатляло... Наконец, важным было и то, что в небе кончилось господство немецкой авиации, появились наши штурмовики и истребители, фашисты не могли уже безнаказанно обстреливать из самолетов и бомбить наши позиции. Мы почувствовали силу нашей армии». (50 огненных дней. Воспоминания ветеранов-участников сражения на Курской дуге. М., 2003 г.).

Да, в 1943 году Красная Армия превосходила немецкую не только силой духа, но и воинским мастерством и вооружением. В 1943 году на фронт поступило около 35 тысяч самолетов, почти на 10 тысяч больше, чем произвела самолетов Германия, 24 тысячи танков и самоходно-артиллерийских установок, немецкая промышленность произвела в 1942 и в 1943 годах только 18200 боевых машин.

4 июля 1943 года немецко-фашистские захватчики начали наступление. На отдельных участках они сумели продвинуться до 35 километров; большего достичь не смогли.

12 июля под Прохоровкой произошло небывалое в истории танковое сражение; в нем с обеих сторон участвовало около 1200 танков. В тяжелых боях враг был измотан и обескровлен. 15 июля советские войска перешли в наступление. 5 августа они освободили города Орел и Белгород. В честь освобождения Орла и Белгорода в Москве впервые прогремел победный артиллерийский салют. В ходе Курской битвы было разгромлено 30 лучших дивизий врага. Он потерял более 500 тысяч солдат и офицеров, свыше 1000 танков, 3 тысячи орудий, более тысячи самолетов. В битве на Курской дуге получил боевое крещение сформированный в СССР чехословацкий батальон под командованием Людвиг Свободы. Как отмечал Гелен, операция «Цитадель» была последней попыткой немцев предпринять наступательные действия в ходе русской кампании. Эта попытка провалилась. Военное счастье в России окончательно отвернулось от нас. Немецкие войска вынуждены были перейти к обороне и не смогли более взять инициативу в свои руки.

После Курской битвы наступил коренной перелом в войне. Началось общее наступление Советских войск. 23 августа был ос-

вобожден Харьков. К осени советские воины вышли к Днепру, форсировали его и 6 ноября 1943 года освободили Киев.

Сталин, оценивая Курскую битву, на Торжественном Собрании, посвященном 26-ой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, 6 ноября 1943 года, сказал, как всегда, кратко, ясно, четко: «Если битва под Сталинградом предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила ее перед катастрофой...».

Разгром главной группировки немецких войск в районе Курска подготовил почву для последовательных широких наступательных операций советских войск как с целью изгнания врага с нашей территории, так затем и с территорий Польши, Болгарии, Чехословакии, Венгрии, других стран и окончательного разгрома фашистской Германии.

Советские люди сражались с фашизмом с глубоким и возвышенным чувством любви к своей Родине. Более 100 лет назад великий русский писатель Л. Толстой в осажденном англо-французами Севастополе, говоря о силе духа, стойкости и несгибаемости его защитников, подчеркивал: «Главное, отрадное убеждение, которое вы вынесли – это убеждение в невозможности... поколебать, где бы то ни было, силу русского народа, – и эту невозможность видели вы... в глазах, речах, приемах, в том, что называют духом защитников Севастополя. То, что они делают, делают они так просто, так малонапряженно и усиленно, что вы убеждены, они еще могут сделать во сто раз больше... они все могут сделать. Вы понимаете, что чувство, которое заставляет работать их, не есть чувство мелочности, тщеславия, забывчивости, но какое-нибудь другое чувство, более властное... И эта причина есть чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого – любовь к Родине». Родина! Что такое Родина? Это, – писал А.Толстой, – «весь народ... Это прошлое народа, настоящее и будущее. Это его своеобразная культура, его язык, его характер». А. Толстой, так же, как и Л. Толстой, считал, что русскому человеку присуще глубокое и сильное, ничем не колеблемое чувство родины.

Великое чувство родины слилось в советском человеке с великой приверженностью к ее социалистическому строю, подчеркивал И. Эренбург. Патриотизм, органично соединенный с верностью

социалистическим идеалам помогли советским людям выстоять и победить. «Наши эвакуированные заводы расположились на пустырях; женщины заменили мужей и у станка и в поле. Три года мы воевали в Европе одни.... Никогда ни одно государство не подвергалось такому испытанию, как молодая Советская Республика. Враг захватил нашу житницу, нашу кочегарку; Враг дошел до Кавказа. Треть населения попала под сапог захватчика. Как мы выстояли в такой беде? Наивно объяснять все ошибками германского командования: ведь то же самое командование казалось безошибочным во Фландрии и в Греции. Мы выстояли, потому что наши люди оказались душевно крепче и выше захватчиков, а не будь Октября, не было бы и этих людей. Если спросят, где истоки нашей победы, мы скажем: не только у Сталинграда или у Москвы – дальше – на площади Зимнего дворца, где революция встретилась с Россией», – отмечал И. Эренбург.

В этой связи в глазах всех честных, порядочных людей абсолютно безнравственными, бессовестными выглядят нападки плутодемократов, пришедших к власти после краха Советской власти, на Красную Армию, на советских воинов. Они де совершали свои подвиги под дулами винтовок и автоматов заградительных отрядов. Да, заградотряды были; они были созданы в соответствии с приказом И.В. Сталина № 227 от 26 июля 1942 года, то есть в тяжелейший период Великой Отечественной войны. Заградотряды, 3 – 5 в пределах армии по 200 человек в каждом, должны были пресекать панику и беспорядочный отход частей неустойчивых дивизий и тем самым «помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной». Трудно представить, чтобы в случае массовой паники такие заградотряды (3 – 5 в пределах армии по 200 человек в каждом), могли остановить беспорядочное бегство. И как отмечают ученые – авторы работы «Статистическое исследование – Россия и СССР в войнах XX века» (2001 год, «Олма-Пресс»), ими не было найдено ни одного свидетельства о применении заградотрядами огня против отступающих советских войск. В октябре 1944 года заградотряды были расформированы.

И уж тем боле, наши воины совершили свои подвиги не под дулами автоматов заградотрядов. Например, подвиг, подобный подвигу А. Матросова, совершили 470 наших воинов и до и после заградотрядов. Советские воины совершили 595 воздушных, 155

танковых, 615 морских таранов, 506 экипажей повторили подвиг капитана Н. Гастелло, направившего свой пылающий бомбардировщик на скопление гитлеровцев, 1200 подорвали себя и солдат врага гранатами или вызвали на себя огонь артиллерийских батарей. 26 воинов повторили подвиг А. Маресьева. Более 100 советских граждан повторили подвиг И. Сусанина.

Советские люди, наши воины в Великой Отечественной войне шли на подвиги, жертвуя своей жизнью, движимые чувством великой любви к своей социалистической Родине – Советскому Союзу. Наш выдающийся разведчик, действовавший в самом фашистском логове, Николай Кузнецов заявлял: «Я люблю жизнь, я еще очень молод. Но потому, что Отчизна, которую я люблю как свою родную мать, требует от меня пожертвовать жизнью во имя освобождения ее от немецких оккупантов, я сделаю это. Пусть знает весь мир, на что способен русский патриот и большевик. Пусть запомнят фашистские главари, что покорить наш народ невозможно, также как и погасить Солнце». (Лукин А.А., Гладков Т.К. Николай Кузнецов. М., 1977, с. 143).

Замечательный мыслитель и непоколебимый патриот А.А. Зиновьев вспоминал: «И когда потом политрук говорил, что для выполнения задания нужны добровольцы, два шага вперед делали все. Хотя в строю могло не быть вообще ни одного коммуниста!» (А.А. Зиновьев. Смерти я не боялся/Я мечтаю о новом человеке. М., 2007, с. 186).

Советскому человеку была чужда и органически отвратительна война. Но против фашизма он дрался с беспощадным ожесточением и ненавистью. В самые трудные дни советские люди, движимые любовью к родине и святой ненавистью к врагу, проявляли беззаветную стойкость, огромное нравственное превосходство над врагом. И даже в страшные дни чувство мести не было советчиком воинов. В своем приказе 23 февраля 1942 года Сталин, заявив, что целью Красной армии является изгнание с нашей земли немецко-фашистских захватчиков, в то же время подчеркивал, что Красная армия уничтожает захватчиков не ввиду их немецкого происхождения, не из-за ненависти ко всему немецкому... Это клевета на Красную армию. Красная армия уничтожает оккупантов ввиду того, что они хотят поработить нашу родину. Очень вероятно, что война за освобождение советской земли приведет к изгнанию или

уничтожению клики Гитлера. Мы приветствовали бы подобный исход. Но было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, германским государством. Опыт истории говорит, что Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское — остается.

Советские люди, Советское правительство решительно отклонили проекты У. Черчилля, который предлагал расчленить Германию и превратить ее в сельскохозяйственную страну. «Было бы неправильно, — заявляло Советское правительство, — ... взять установку на уничтожение Германии как государства или на ее аграризацию с уничтожением ее основных промышленных пунктов. Надо смотреть не назад, а вперед, и нужно заботиться о том, как сделать, чтобы Германия стала демократическим и миролюбивым государством с развитым сельским хозяйством, промышленностью и внешней торговлей, но лишенным возможности вновь возродиться как агрессивная сила». Да, когда Красная Армия вступила на территорию Германии факты личной мести имели место. Однако руководство страны предписало командующим войсками немедленно и жестко покончить с любыми бесчинствами, кем бы они не совершались. Вместе с тем, нельзя ставить знак равенства между агрессором и теми, кто разгромил агрессора. Если гитлеровцы освобождали военнослужащих вермахта от всякой ответственности за совершаемые ими преступления, как по отношению к советским военнослужащим, так и по отношению к мирному населению, то советское командование указывало на необходимость гуманного отношения как к гражданскому населению, так и к военнопленным.

В апреле 1945 г. в «Правде» была опубликована статья начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова «Тов. Эренбург упрощает», в которой писатель был подвернут критике за изображение немцев как «единой шайки». Если немецкому солдату было приказано уничтожить в себе жалость и сострадание, и убивать всякого русского, не останавливаясь, если даже перед ним старик или женщина, девочка или мальчик, то советские войны, напротив, в массе своей демонстрировали примеры сострадания по отношению к мирному населению.

Так, санинструктор С.А. Кунцевич вспоминает: Я думала, когда мы войдем в Германию, то у меня ни к кому пощады не

будет. Сколько ненависти скопилось в груди! Почему я должна не трогать его дом, если он мой сжег? Почему? Хотелось увидеть их жен, матерей, родивших таких сыновей. Как они будут смотреть нам в глаза?.. Пришли в какой-то поселок, дети – голодные, несчастные. И я, которая клялась, что всех их ненавижу, я собирала у своих солдат все, что у них есть, что осталось от пайка, любой кусочек сахара, и отдавала немецким детям. Конечно, я не забыла, я помнила обо всем, но смотреть спокойно в голодные детские глаза я не могла...». (Великая Отечественная война 1941 – 1945. Олма-Пресса, 2005, с. 362). В 1945 г. Красная Армия из своих ресурсов передала страдающему населению Вены, Праги, Будапешта, Белграда около 1 млн тонн продовольствия.

Честные люди во всем мире понимают, признают, что именно Советская Армия сломала хребет фашизму. Именно на просторах Восточного фронта вермахт лишился своих жизненных сил. Именно здесь были перемолоты его лучшие дивизии. Именно в России навсегда похоронены гитлеровские планы завоевания мира и порабощения народов.

За четыре года Великой Отечественной войны Красная Армия провела 51 стратегическую операцию, более 250 фронтовых и около 1000 армейских операций, из них почти две трети – наступательных. Советскими вооруженными силами было разгромлено 607 немецких дивизий и 100 дивизий ее союзников, почти в 3,5 раза больше, чем на других фронтах. На советском фронте немцы потеряли 10 млн (более 73%) убитыми, ранеными и пленными из 13,6 млн общих потерь. Советские воины уничтожили свыше 70 тыс. (более 75%) самолетов, около 50 тыс. (до 75%) танков и штурмовых орудий, 167 тыс. (74%) артиллерийских орудий, более 2,5 тыс. боевых кораблей и вспомогательных судов. (М.А. Гареев. Полководцы победы и их военное наследие. С. 29).

Разумеется, советские люди всегда признавали и сегодня русский народ признает большой вклад в победу над фашизмом западных союзников. И все же, не обижая их, мы должны сказать: СССР в одиночку выстоял перед мощнейшим натиском могущественной военной машины нацизма.

Да, мы помним и благодарны руководителям Великобритании и США, сделавших после нападения фашистской Германии на СССР заявления в поддержку советской страны. Уже вечером 22 июня,

меньше чем через сутки после начала гитлеровского вторжения в Советский Союз, по радио выступил премьер-министр Англии У. Черчилль. Он признал, что прежде был противником большевиков. «За последние 25 лет не было более последовательного противника коммунизма, нежели я. Я не возьму назад ни одного слова, сказанного против коммунизма». Но «я вижу русских солдат, стоящих на пороге своей родной земли... Я вижу их охраняющими свои дома, где их матери и жены молятся — да, ибо бывают времена, когда молятся все, — о безопасности своих близких... Я вижу десятки тысяч русских деревень, где средства существования с таким трудом вырываются у земли, но где существуют исконные человеческие радости, где смеются девушки и играют дети. Я вижу, как на все это надвигается гнусная нацистская военная машина... Я вижу также серую вымуштрованную послушанием массу свирепой гуннской солдатни, надвигающейся подобно тучам ползущей саранчи. Я вижу в небе германские бомбардировщики и истребители с еще незажившими рубцами от ран, нанесенных им англичанами, радующиеся тому, что они нашли, как им кажется, более легкую и верную добычу...».

У. Черчилль твердо заявил, что Англия никогда не пойдет на сделку с Гитлером, что она окажет всемерную поддержку СССР.

Разумеется, Советское руководство ожидало, что Англия немедленно откроет второй фронт в Европе, высадив свои войска в Нормандии во Франции. У. Черчилль заявил, что пока у Англии нет достаточных средств для проведения операции по высадке своих войск во Франции. В сентябре 1941 года, когда немцы вели уже наступление на Москву, И.В. Сталин вновь и очень остро поставил вопрос перед правительствами США и Великобритании об открытии второго фронта. В начале 1942 года была достигнута, наконец, договоренность, что США и Англия примут неотложные меры, чтобы открыть второй фронт в Европе в 1942 году. Однако, спустя некоторое время англичане высадились в северной Африке на побережье французских колоний. Правда, во время личной встречи со Сталиным в августе 1942 года (в самый разгар Сталинградской битвы) У. Черчилль заявил, что высадка англо-американских войск в Европе будет осуществлена в 1943 году.

Естественно, задержка с открытием второго фронта позволяла Германии сосредоточить свои основные силы именно на советско-

германском фронте. Они были огромны и к началу 1942 года численность войск Германии и ее сателлитов на советско-германском фронте составляла 266 дивизий, из них 193 дивизии были немецкие. В то же время против англичан в Северной Африке действовало только 4 немецких и 11 итальянских дивизий. Но и в 1943 году второй фронт также не был открыт. У. Черчилль и Ф.Д. Рузвельт приняли решение отложить англо-американское вторжение в Западную Европу на весну 1944 года.

Разумеется, это вызвало вполне обоснованное недовольство советских руководителей. Сталин в письме к Рузвельту высказывался об этих решениях Англии и США весьма остро: «...открытие второго фронта в Западной Европе, уже отложенное с 1942 года на 1943 год, вновь откладывается, на этот раз на весну 1944 года.

Это Ваше решение создает исключительные трудности для Советского Союза, уже два года ведущего войну с главными силами Германии и ее сателлитов с крайним напряжением всех своих сил, и предоставляет советскую армию, сражающуюся не только за свою страну, но и за своих союзников своими собственными силами, почти в единоборстве с еще очень сильным и опасным врагом».

Конечно, англичане и американцы сражались; вели упорные бои в Северной Африке, Юго-Восточной Азии, на Тихом океане. Они уже начали подвергать Германию интенсивным бомбардировкам. Посылали в Советский Союз военную технику и военные материалы. За годы войны СССР получил по ленд-лизу из США и Англии 9600 защитных орудий, 11576 танков и самоходных орудий, 18753 самолета. Однако, за это же время в Советском Союзе было произведено 489900 орудий, 102500 танков и самоходных артиллерийских установок, 136800 самолетов. Президент США Ф.Д. Рузвельт признавал в 1944 году: Советский Союз использует вооружение, сделанное на своих собственных заводах.

В течение почти трех лет СССР в одиночку выдержал натиск фашистской Германии и ее сателлитов. Советский народ расплачивался миллионами человеческих жизней, огромными материальными потерями. По сравнению с чудовищными жертвами Советского Союза жертвы союзников были ничтожно малы. (Французские потери составляли 600 тыс., английские – 375 тыс., американские – около 300 тыс. человек).

Затягивание с открытием второго фронта в Европе рождало и у советских руководителей, и у советских людей, вынужденных жертвовать всем ради победы над врагом, подозрение, что западные державы рассчитывают на то, что СССР и Германия в смертельной схватке обескровят друг друга и в таком случае после войны Англии и США легче будет диктовать им свою волю. Подозрение было не беспочвенным; еще в начале войны сенатор Гарри Трумэн (в будущем, в конце второй мировой войны, ставший президентом США) цинично и подло заявил: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывает будет Россия, то нам следует помогать Германии, и таким образом, пусть они убивают друг друга как можно больше».

М.А. Шолохов в 1943 году в Письме к американским друзьям мягко, деликатно, вместе с тем, вполне ясно упрекал американцев: «Мы очень ценим вашу дружескую, бескорыстную помощь. Мы знаем и ценим меру ваших усилий, трудностей, которые связаны с производством и особенно с доставкой ваших грузов в нашу страну... Нет человека у нас, который не ощущал бы вашей дружеской поддержки».

Но я хочу обратиться к вам очень прямо, так, как нас научила говорить война. Наша страна, наш народ изранены войной. Схватка еще лишь разгорается. И мы хотим видеть наших друзей бок о бок с нами в бою. Мы зовем вас в бой. Мы предлагаем вам не просто дружбу наших народов, а дружбу солдат».

Эти призывы находили отклик в массах населения Англии и США, которые понимали, что русские несут большие жертвы, что русские наносят большой урон фашистскому врагу, что вклад русских в приближение общей победы гораздо больший, чем вклад союзников.

Примечательно, что между политическими и военными руководителями Англии и США в то время шли довольно острые споры относительно войны с Германией.

Если американцы были готовы воевать в Европе, то есть вступить на землю Нормандии, а оттуда двинуться на Париж, затем перейти Рейн и вторгнуться в нацистскую Германию, то англичане, У. Черчилль, в частности, смотрели на дело иначе. У. Черчилль считал, что высадиться в Нормандии, значит попытаться сразу схватить быка за рога, а это трудно; гораздо лучше нацелиться

на уязвимые места зверя, разить его в мягкое подбрюшье. Вместо того чтобы объектом своих действий прямо назвать Германию и, пройдя через Францию, достигнуть ее, по мнению англичан, надо было двинуться через Италию и Балканы в придунайские страны Европы. То есть нужно было продвинуться вперед по итальянскому полуострову, помимо того, сделать высадку в Греции и Югославии, добиться вступления в войну Турции, а затем войти в Австрию, в Чехию, в Венгрию. Разумеется, этот стратегический план соответствовал политике Лондона, который стремился установить преобладание Англии на Средиземном море и прежде всего, боялся, как бы вместо немцев там не оказались русские.

В июле 1943 года англо-американские войска высадились в Сицилии, а спустя месяц – в августе – на Аппенинском полуострове. Второй фронт (фронт во Франции) все еще не был открыт. По-прежнему на советско-германском фронте действовало 70% общего числа немецких войск. Кроме того, на территории СССР находились также 38 дивизий и 18 бригад сателлитов Германии.

В Италии против англо-американских войск действовали 19 дивизий, или менее 6% сухопутных войск Германии. Во Франции, Голландии, Бельгии и Норвегии немцы держали 64 дивизии, или 20% сухопутных войск.

На советско-германском фронте Красная Армия продолжала перемалывать главные силы вермахта. К концу 1943 года советские войска освободили такие крупные города, как Ставрополь, Краснодар, Ростов-на-Дону, Великие Луки, Смоленск, Орел, Брянск, Гомель, Курск, Харьков, Киев, Запорожье, Ворошиловград и др. В январе 1944 года части Красной Армии, разбив группу немецких армий «Север», очистили от врага Новгород и окончательно освободили от фашистской блокады, продолжавшейся 900 дней, героический Ленинград. В феврале 1944 года Красная Армия провела блестящую Корсунь-Шевченковскую операцию по окружению и уничтожению большой немецкой группировки (своего рода малый Сталинград), в результате которой была освобождена Правобережная Украина. В апреле-мае 1944 года от врага был полностью очищен Крым.

6 июня 1944 года английские и американские войска высадились в Нормандии. Второй фронт был открыт. К началу июля 1944 г. в

Нормандии было уже около 1 миллиона американских, английских и канадских солдат.

Фашистская Германия, обремененная тягчайшими преступлениями, продолжала ожесточенно сопротивляться. Разумеется, прежде всего, на Востоке. Однако ничто уже не могло остановить наступательный порыв советских войск. В июне-июле была проведена операция «Багратион» – мощное наступление в Белоруссии. Наступление разворачивалось в тех местах, где в начале войны Красная Армия пережила тяжелые, трагические неудачи. Теперь роли переменялись. В районе Минска немцы оказались в кольце и потерпели сокрушительное поражение. 3 июля

1944 г. Минск был освобожден. Десятки тысяч солдат и офицеров врага попали в плен; 65 тысяч пленных немцев прошли по Москве (в которую они 3 года назад надеялись войти как победители) под конвоем красноармейцев. И наш народ снова продемонстрировал свое мужество, выдержку и милосердие. «Народ мой, писал Леонид Леонов, и в запальчивости не переходит границ разума и не теряет сердца. В русской литературе не сыскать слова брани или скалозубства против вражеского воина, плененного в бою. Мы знаем, что такое военнопленный. Мы не жжем пленных, не уродуем их: мы не немцы. Ни заслуженного плевка, ни камня не полетело в сторону врагов, переправляемых с вокзала на вокзал, хотя вдовы, сироты и матери замученных ими стояли на тротуарах, во всю длину шествия».

Красная Армия продолжала победоносно идти вперед, громя врага. Главное – скорее очистить родную землю от оккупантов. Сталин даже дал указание военным: «Не надо его (противника) больше окружать на нашей территории. Надо его вышибать. Гнать надо, скорее освобождать землю, весной надо будет сеять, нужен будет хлеб. Надо уменьшить возможность разрушений, пусть уходит. Создайте ему такую обстановку, чтобы скорее уходил. Надо поскорее его выжать с нашей территории. Вот наша задача. А окружение будете проводить потом, на территории противника. (Суходеев В.В., с. 164). К осени 1944 года Красная Армия полностью освободила территорию нашей страны от оккупантов. Продолжая наступление, преодолевая яростное сопротивление фашистов, Красная Армия несла свободу от фашистского ига народам Центральной и Юго-Восточной Европы.

В битве за освобождение Польши погибли свыше 600 тысяч советских солдат и офицеров. К сожалению, польское эмигрантское правительство, обосновавшееся в Лондоне после бегства из разгромленной фашистами Польши, относилось к нашей стране недружелюбно. Созданная в СССР польская армия под командованием генерала Андерса стремилась уйти в Иран под покровительство англичан. Советское правительство дало на это разрешение и поляки ушли в самый разгар Сталинградской битвы; как считает Боффа, «их отбытия напоминало бегство с тонущего корабля». Польские лидеры полагали, продолжает Боффа, что «поступают дальновидно: после ожидаемого поражения СССР у них останутся нетронутыми их вооруженные силы, которые сражаясь вместе с англичанами, победоносно вернутся в Польшу и образуют там ядро самой могущественной армии Восточной Европы. На самом деле, подчеркивает историк, они упустили возможность оказаться на родной земле в момент ее освобождения».

В 1943 г. отношения между Советским правительством и лондонским эмигрантским правительством в сущности были разорваны. В апреле 1943 г. геббельское радио объявило, что в Катыне под Смоленском «еврейскими комиссарами» были расстреляны 10 тыс. польских офицеров. И хотя по всем признакам расстрел польских офицеров ничуть не отличался от множества аналогичных совершенных гитлеровцами преступлений на советской земле, эмигрантское польское правительство сразу же приняло немецкую версию. Советское правительство решительно отмело все клеветнические измышления фашистов. Сталин в письме Черчиллю писал в этой связи: «Враждебная Советскому Союзу клеветническая кампания, начатая немецкими фашистами по поводу ими же убитых польских офицеров в районе Смоленска, на оккупированной германскими войсками территории, была сразу же подхвачена правительством г. Сикорского... Правительство г. Сикорского не только не дало отпора подлой фашистской клевете на СССР, но даже не сочло нужным обратиться к Советскому Правительству с какими-либо вопросами или за разъяснениями по этому поводу.

Гитлеровские власти, совершив чудовищное преступление над польскими офицерами, разыгрывают следственную комедию, в инсценировке которой они использовали некоторые подобранные ими

же самими польские профашистские элементы из оккупированной Польши, где всё находится под пятой Гитлера и где честный поляк не может открыто сказать своего слова». Американские и английские союзники приняли объяснение советской стороны.

В 1990 г. М. Горбачев и А. Яковлев безапелляционно заявили, что именно НКВД совершил убийства польских офицеров. Позиция этих людей понятна: Горбачев и Яковлев – яростные антисоветчики. Между тем, нет никаких документов, указывающих на участие органов НКВД в расстреле поляков, нет никаких свидетелей или участников этого преступления.

В самой Польше польские патриоты героически сражались с немецко-фашистскими оккупантами. В апреле 1943 г. вспыхнуло восстание польских евреев в Варшавском гетто, оно длилось 6 недель и было жестоко подавлено фашистами лишь с помощью танков, самолетов и артиллерии.

1 августа 1944 г. в Варшаве вспыхнуло новое антифашистское восстание. Оно было начато по призыву польского эмигрантского правительства, которое ставило перед собой цель – взять власть в Польше до ее освобождения Красной Армией. Руководитель восстания Бен-Кюмаровский говорил: чем дальше находится русская армия, тем лучше для нас. Восставшие патриоты мужественно держались до начала октября 1944 г. Но силы были неравны. Фашисты беспощадно подавили восстание. Более 200 тыс. повстанцев погибло (в целом за годы оккупации фашистами было убито в Польше 6 миллионов польских граждан, в том числе 2,7 миллиона еврейского происхождения). С военной точки зрения восстание в Варшаве было несвоевременным. Советские войска вышли к рубежам Вислы, но встретили сильное сопротивление немцев. Они нуждались в пополнении личного состава, вооружения, налаживания коммуникаций. В августе советские воины не смогли прорваться к Варшаве, но делали все возможное, чтобы помочь восставшим: сбрасывали оружие, боеприпасы, продовольствие, медикаменты.

Советские правительство осудило действия польского эмигрантского правительства. Рано или поздно, но правда о кучке преступников, затеявших ради захвата власти варшавскую авантюру, станет всем известна. Эти люди использовали доверчивость варшавян, бросив почти безоружных людей под немецкие пушки, танки

и авиацию, создалось впечатление, когда каждый новый день использовался не поляками для дела освобождения Варшавы, а гитлеровцами, бесчеловечно истреблявшими жителей Варшавы, заявил

И.В. Сталин. Он подчеркнул, что спустя очень короткое время Красная Армия разобьет немцев под Варшавой и освободит Варшаву для поляков. «Это будет лучшая и действительная помощь полякам-антинацистам». Вскоре Варшава была освобождена. В ее освобождении участвовали и польские воины; в 1943 г. в Советском Союзе была сформирована дивизия имени Т. Костюшко, которая к 1944 г. увеличила свои силы до 100 тыс. и была преобразована в 1-ю Польскую Армию. Вместе с советскими бойцами польские воины участвовали также и в героической битве за взятие Берлина.

Победоносное наступление Красной Армии способствовало усилению борьбы поработенных народов против фашистской оккупации. Героически сражались против немецко-фашистского агрессора народы Югославии, начавшие свою борьбу против оккупантов еще в 1940 г. с первых дней фашистского вторжения в их страну.

Антифашистская борьба в Югославии сопровождалась острой гражданской войной. Партизанам пришлось бороться не только против оккупантов, но и с отрядами «четников» полковника Михайловича, которые видели в коммунистах главного врага и ради их уничтожения шли на сговор с оккупантами. Созданная в ходе партизанской борьбы национально-освободительная армия Югославии под руководством И.Б. Тито превратилась в мощную военную силу и совместно с советскими воинами освободила Югославию. С горячим чувством благодарности встречали воинов Красной Армии жители Болгарии и Румынии. В Албании под воодушевляющим воздействием советских побед созданные коммунистами повстанческие отряды самостоятельно освободили Тирану, столицу страны.

В январе 1945 года Красная Армия в результате одной из самых грандиозных наступательных операций второй мировой войны, вошедшей в историю под названием Висло-Одерской, вышла к Одеру; 3 февраля Одер был форсирован – впереди был Берлин.

На Западе англо-американские войска в это время также продвигались к границам Германии. Немцы отступали, но неожиданно в середине декабря 1944 года в Арденнах предприняли

наступление и остановили англо-американские дивизии. Немцы рассчитывали в данном случае заставить противника усомниться в возможности полной победы, побудить его отказаться от требования безоговорочной капитуляции. Черчилль обратился к Сталину с просьбой о срочной помощи. Помощь была оказана; Красная Армия на 1200 километровом фронте от Восточной Пруссии до Карпат начала наступление раньше намеченного срока. Немцы вынуждены были в срочном порядке оголять Западный фронт и перебрасывать войска на Восточный фронт.

Англо-американцы снова двинулись вперед. Теперь нацисты изменили свою линию поведения; они с возможным ожесточением дрались на Востоке, на Западе же сопротивление угасло. Они, страшась возмездия за преступления на территории СССР, прекращали сопротивление на Западе, предпочитая сдаться англо-американским войскам. Многие нацистские вожаки верили, надеялись, что вот-вот должен произойти раскол между союзниками по антигитлеровской коалиции, что англичане и американцы вместе с немцами выступят против большевиков.

Ведь неслучайно возликовал Геббельс, когда узнал о смерти президента США Ф.Д. Рузвельта. Конечно, расчеты на раскол союзников были абсурдны. Народные массы антигитлеровской коалиции не допустили бы такой измены делу антифашистской борьбы. Тем не менее, среди нацистов подобные надежды имели место. Некоторые из них, поскольку раскола антифашистской коалиции не произошло, считали даже, что Запад предал Германию, нанес ей удар в спину. Так, В. Пихт в статье «Немецкий солдат», опубликованной в книге «Итоги второй мировой войны», изображает нацистскую агрессию против СССР как великую общечеловеческую миссию немецкого солдата. «Выступая против большевизма плечом к плечу с вооруженными силами Финляндии, Италии, Венгрии, Румынии, а также вместе со словацкими и хорватскими частями и добровольцами из Испании, Швеции, Дании и даже из Франции, Бельгии, Голландии и Норвегии, то есть с представителями тех стран, с которыми он только что воевал, немецкий солдат мог чувствовать себя защитником Европы. Но при выполнении этой задачи, которая казалась ему исторической миссией, оправданной всем ходом истории, он попал в безвыходное

положение. В то время как немец был убежден, что защищает дело Запада, Запад нанес ему удар в спину.

До самого горького конца нас не покидала надежда, что Запад, наконец, поймет и признает, что мы защищаем Германию и, следовательно, всю Европу. Такая надежда, по-видимому, и побуждала немецких солдат продолжать борьбу на Востоке даже тогда, когда война была уже проиграна».

Расчеты нацистов, повторяем, не оправдались. Авиация союзников яростно бомбила Германию, а их сухопутные войска, разгромив немецкие войска во Франции и Бельгии, успешно продвигались к Эльбе, к согласованному рубежу встречи с Красной Армией. 25 апреля 1945 года встреча состоялась в районе города Торгау в центре Германии.

Столица фашистской Германии Берлин был взят советскими войсками. Операция по взятию Берлина продолжалась с 16 апреля по 2 мая 1945 года. Рейхстаг после тяжелых, кровопролитных боев был взят; советские воины М.А. Егоров и М.В. Кантария водрузили над ним Знамя Победы. Гитлер покончил жизнь самоубийством. Фашистская Германия безоговорочно капитулировала.

Вслед за Гитлером покончили самоубийством Геббельс, а также после ареста и Гиммлер.

По приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге одиннадцать руководителей Третьего Рейха были приговорены к повешенью: Риббентроп, министр иностранных дел; Ханс Франк, генерал-губернатор оккупированной Польши; Вильгельм Фрик, протектор Богемии и Моравии; Альфред Йодль, начальник штаба оперативного руководства верховного командования вермахта; Эрнст Кальтенбруннер, начальник главного управления безопасности, ближайший помощник Гиммлера; Вильгельм Кейтель, начальник Генерального штаба вермахта; Альфред Розенберг, заместитель Гитлера по вопросам «духовной и идеологической» подготовки членов нацистской партии, имперский министр по делам оккупированных восточных территорий; Фриц Заукель, директор программы принудительных работ для военнопленных и заключённых; Артур Зейсс-Инкварт, имперский уполномоченный по оккупированным Нидерландам; Юлиус Штрейхер, издатель и главный директор газеты фашистских штурмовиков «Штюрмер»; и, конечно, Герман Геринг, рейхсмаршал, главнокомандующий

(военно-воздушными силами) и второй человек после Гитлера в нацистской иерархии. (Геринг ускользнул от петли, приняв в ночь перед казнью цианистый калий).

Обращаясь к советскому народу 9 мая 1945 года, И.В. Сталин сказал: «Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом.

Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимы лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, – не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией.

Отныне над Европой будет развеяться великое знамя свободы народов и мира между народами».

Сталин воздал должное советскому народу, простым советским людям, вынесшим на своих плечах тяжелейший, горький груз войны. 25 июня 1945 года на приеме в Кремле в честь участников Парада Победы Сталин заявил: «Не думайте, что я скажу что-нибудь необычайное. У меня самый простой, обыкновенный тост. Я хотел бы выпить за здоровье людей, у которых чинов мало и звание незавидное. За людей, которых считают винтиками государственного механизма, но без которых все мы – маршалы и командующие фронтами и армиями, говоря грубо, ни черта не стоим. Какой-нибудь «винтик» разладился – и кончено. Я поднимаю тост за людей простых, обычных, скромных, за «винтики», которые держат в состоянии активности наш великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела. Их очень много, имя им легион, потому что это десятки миллионов людей... Это – скромные люди. Никто о них ничего не пишет, звания у них нет, чинов мало, но это – люди, которые держат нас, как основание держит вершину. Я пью за здоровье этих людей, наших уважаемых товарищей».

Сталин с горячей благодарностью говорил также о беспримерных трудовых подвигах советских женщин, и нашей славной молодежи, вынесших на своих плечах в эти тяжелые военные

годы основную тяжесть труда на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах.

9 февраля 1946 г., выступая перед москвичами, Сталин вновь подчеркнул, что война с фашистской Германией была для нашей страны «самой жестокой и тяжелой из всех войн, когда-либо пережитых в истории нашей Родины. Но война была не только проклятием. Она была вместе с тем великой школой испытания и проверки всех сил народа. Война обнажила все факты и события в тылу и на фронте, она безжалостно сорвала все покровы и прикрытия, скрывавшие действительное лицо государств, правительств, партий, и выставила их на сцену без маски, без прикрас, со всеми их недостатками и достоинствами. Война устроила нечто вроде экзамена нашему советскому строю, нашему государству, нашему правительству, нашей коммунистической партии и подвела итоги их работы.

Война СССР с фашистской Германией не была обычной войной; она была не только войной между двумя армиями, она была Великой Отечественной войной всего советского народа против немецко-фашистских захватчиков.

В первые же месяцы войны в боевой строй защитников родины влилось около 2 миллионов добровольцев. Всего за годы войны добровольно ушли на фронт 4 миллиона советских граждан. В первых рядах защитников социалистической Отчизны были коммунисты. Коммунистическая партия поистине была сражающейся партией. С 1 июля 1941 по конец 1945 года кандидатами в члены партии стали 5,3 миллиона человек, а ее членами – 3,6 миллиона. Три миллиона членов и кандидатов в члены партии отдали свою жизнь за родину. Авторитет ВКП (б) был столь велик, что, несмотря на большие потери коммунистов на фронте, численный состав партии увеличился за годы войны на 1,7 миллионов человек и к концу войны достиг более 5,5 миллионов человек. За годы войны в армии находилось также 10 млн комсомольцев.

ЦК ВКП (б) создал весьма эффективную систему партийного подполья для руководства и организации борьбы советских людей в тылу врага. В разные годы войны в оккупированных гитлеровцами районах РСФСР, Белоруссии, Украины, Латвии, Литвы, Эстонии, Молдавии и Карелии, действовали: нелегальный ЦК КП (б) Украины, ЦК КП (б) Белоруссии, 90 подпольных обкомов, свыше

620 укомов, райкомов, горкомов партий, сотни партийных организаций, которые объединяли в своих рядах более 140 тыс. коммунистов. Под их руководством действовало комсомольское подполье, поднимавшее молодежь на борьбу с захватчиками.

На оккупированной врагом территории развернулось также широкое партизанское движение. В нем участвовало 1,5 миллиона партизан, объединенных в более чем 6 тысяч партизанских отрядов.

Партизаны уже с конца 1941 года создавали целые освобожденные от врага «партизанские края». К лету 1943 года свыше 200 тыс. кв. км. в тылу врага находились под контролем партизан. Это составляло территорию, равную Англии, Дании и Бельгии, вместе взятых. В партизанских краях были восстановлены органы Советской власти, действовали партийные комитеты, работали школы, больницы. Из партизанских краев осуществлялись знаменитые партизанские рейды по оккупированным врагом районам.

Так, отряды под командованием С.А. Ковпака за 26 месяцев борьбы в тылу фашистов прошли с боями 10 тысяч километров через территорию 18 областей Украины, Белоруссии и РСФСР, оккупированных фашистами, разгромили гарнизоны противника в 39 населенных пунктах, истребили тысячи гитлеровцев и их пособников, пустили под откос 62 железнодорожных эшелона, взорвали 256 мостов, уничтожили 96 складов, 500 автомашин, 20 танков и бронемашин.

Подобные походы совершали партизаны также под командованием Сабурова, Федорова, Вершигоры и других прославленных партизанских командиров.

Действия партизан нередко носили по своему размаху и результатам важное оперативно-стратегическое значение и учитывались при разработке крупных наступательных операций Красной Армии, подчеркивает маршал Советского Союза А.В. Василевский.

Так, например, летом и осенью 1943 г., когда советские войска начали общее стратегическое наступление, развивали контрнаступление под Курском, форсировали Днепр и освобождали Правобережную Украину, партизаны осуществили две крупнейшие в истории освободительных войн операции – «Рельсовая война» и «Концерт», в которых участвовало: в первой – около 100 тыс., во второй

– более 120 тыс. бойцов, а также десятки тысяч партизанских помощников из населения.

На огромной территории (1000 километров по фронту, 750 километров в глубину) партизанские отряды, каждый на закрепленном за ним участке, разрушали железнодорожное полотно, путевое хозяйство, водонапорные башни, железнодорожные мосты. Пускали под откос эшелоны, уничтожали связь. Подобные масштабные операции проводились и в 1944 году.

За годы Отечественной войны партизаны уничтожили и вывели из строя сотни тысяч гитлеровских солдат и офицеров, произвели более 20 тыс. крушений вражеских эшелонов, подорвали 58 бронепоездов, вывели из строя 10 тыс. паровозов и 110 тыс. вагонов, взорвали 12 тыс. мостов на железных и шоссежных дорогах, уничтожили более 50 тыс. автомашин.

Уже с лета 1942 г. против советских партизан гитлеровцам пришлось использовать 15 полевых дивизий, 10 охранных дивизий, 27 полицейских полков, 144 полицейских батальона, то есть около 10 процентов сухопутных сил, находившихся на фронте. (Советская военная энциклопедия. Т. 6, с. 232).

Фашистская агрессивная война еще больше закалила дружбу народов СССР, рожденную и скрепленную мирным трудом в своей социалистической Отчизне. Все расчеты фашистов на раздоры и вражду советских народов между собой потерпели позорный крах. Все народы СССР грудью встали на защиту своей многонациональной Родины. Великая Дружба народов СССР ярко проявилась уже в первые дни войны. Среди легендарных защитников Брестской крепости насмерть стояли воины более 30 национальностей – русские и белорусы, украинцы и грузины, казахи и армяне, молдаване и узбеки, азербайджанцы, татары, башкиры, буряты, мордвины и другие. Все они защищали, не щадя жизни, этот клочок советской земли, как родной дом. Г.Д. Комков в своей книге «На идеологическом фронте Великой Отечественной...» воспроизводит письмо фронтовикам-казахам, которое послали им их соотечественники: «Воин – казах под Сталинградом, равно как воин – русский, украинец, белорус, узбек, таджик, туркмен, азербайджанец, грузин, обороняет свой очаг, свою семью свою родную советскую землю... Он не допустит, чтобы его мать, его отец, его жена, его дети стали рабами немецких баронов. Плох

тот казах, кто всей силой души и крови не любит Родины своей. Плох тот казах, кто пятится перед фашистскими танками, движущимися к Сталинграду. Плох тот казах, кто не жаждет пролить немецкой, фашистской крови на донских полях, под Сталинградом. Плох тот казах, кто думает, что Сталинград лишь один из русских городов на берегу Волги. Нет! Сталинград – это сжатая в стальной кулак рука советского народа, которая бьет и перемалывает фашистские дивизии».

Морально-политическое единство советского народа явилось одним из важнейших, решающих факторов нашей победы над фашистским врагом. Подтвердились слова В.И. Ленина: «Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть – власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда».

За проявленное мужество и отвагу в боях за Родину высокого звания Героя Советского Союза в период войны были удостоены 8166 русских, 2069 украинцев, 309 белорусов, 161 татарин, 108 евреев, 96 казахов, 90 грузин, 90 армян, 69 узбеков, 61 мордвин, 44 чуваша, 43 азербайджанца, 39 башкир, 32 осетина, 18 туркмен, 15 литовцев, 14 таджиков, 13 латышей, 12 киргизов, 9 эстонцев, а также представители многих других национальностей. Понеся страшные потери, проявив мужество и стойкость, героический советский народ выстоял и сокрушил фашизм. В полном и точном смысле этого слова спас человечество от фашистского порабощения, спас от фашистского варварства человеческую цивилизацию и культуру.

Возвращаясь в речи на встрече с избирателями 9 февраля 1946 года к теме Великой Отечественной войны, И.В. Сталин снова высоко оценил нашу Красную Армию. «Война показала, что Красная Армия является первоклассной армией нашего времени, имеющей вполне современное вооружение, опытнейший командный состав и высокие морально-боевые качества». Советские военачальники, в конечном счете, превзошли немецких в военном искусстве, в мастерстве проведения военных операций. Враг вынужден был это признать. Вот запись в дневнике Геббельса в дни, когда советские войска были уже на подступах к Берлину: «Маршалы и генералы

в среднем чрезвычайно молодые, почти ни одного старше 50 лет. За плечами у них богатая политико-революционная деятельность, все они убежденные коммунисты, весьма энергичные люди, и по лицам их видно, что вырезаны они из хорошего народного дерева... Коротче говоря, приходишь к досадному убеждению, что командная верхушка Советского Союза сформирована из класса получше, чем наша собственная... Я рассказал Фюреру... о советских маршалах и генералах и добавил: у меня такое впечатление, что с таким подбором кадров мы конкурировать не можем. Фюрер полностью со мной согласился».

И ясно, должно быть ясно всем, что в формировании, в воспитании такой армии, такого ее командного состава, – огромная заслуга Сталина (см. Энциклопедия. Эпоха Сталина).

Но примечательно, что американский военный историк М. Льюнинг в своей книге «Сто величайших полководцев мира всех времен» (М., 1998 г.), назвал среди этих полководцев только 4 русских. В книге названы 17 американских, 19 английских, 12 французских, 9 немецких полководцев. В списке Льюнинга есть Гитлер, но нет Сталина. Нет и Черчилля, Рузвельта и Де Голля. Нет Кутузова. Суворов на 50-м, Жуков на 70-м, Конев на 54-м месте. (См. также М.А. Гареев. Полководцы победы и их военное наследие. М., 2003). Вот такова объективность, честность американского «исследователя»!

Стойкость Советского Союза помогала народам поработанных фашизмом стран держаться и продолжать борьбу, придавала им уверенность и силу. Выдающийся антифашист, великий патриот Чехословакии Юлиус Фучик заявил перед фашистским судом: «Да, я помогал Советскому Союзу, помогал Красной Армии. И это лучшее, что я сделал за сорок лет своей жизни.... Сегодня вы зачитаете мне приговор. Я знаю, он гласит – смерть человеку! Но мой приговор вам вынесен уже давно: смерть фашизму! Жизнь – человеку! Будущее – коммунизму!».

И.В. Сталин, Советский Союз после победы над фашизмом были готовы и рассчитывали на возможность длительного сотрудничества с Англией и США. Отнюдь не случайно в разгар войны с фашизмом в мае 1943 года Коминтерн был распущен. Обосновывая этот шаг, И.В. Сталин говорил: «Роспуск Коммунистического Интернационала правилен, так как:

а) он разоблачает ложь гитлеровцев о том, что «Москва» якобы намерена вмешиваться в жизнь других государств и большевизировать их. Этой лжи ныне кладется конец;

б) он разоблачает клевету противников коммунизма в рабочем движении о том, что коммунистические партии различных стран действуют якобы не в интересах своего народа, а по приказу извне. Этой клевете отныне также кладется конец;

в) он облегчает работу патриотов свободлюбивых стран по объединению прогрессивных сил своей страны, независимо от их партийности и религиозных убеждений, в единый национально-освободительный лагерь, — для развертывания борьбы против фашизма;

е) он облегчает работу патриотов всех стран по объединению всех свободлюбивых народов в единый международный лагерь для борьбы против угрозы мирового господства гитлеризма, расчищая тем самым путь для организации в будущем содружества народов на основе их равноправия».

Это решение действительно сыграло свою роль. После войны многие люди верили, что союз антифашистских стран будет продолжаться, будет укрепляться, независимо от того, являются ли они социалистическими или капиталистическими. Главное — борьба против последствий фашизма, против реакции, за демократию и мир.

СССР выполнял все свои обязательства перед союзниками. В августе 1945 г. он вступил в войну с Японией и нанес японским вооруженным силам сокрушительный удар, разгромив в кратчайшие сроки Квантунскую армию и освободив Маньчжурию, Северо-Восточный Китай, северную часть Кореи, Южный Сахалин, Курильские острова. По мнению самих американцев, если бы не вступление СССР в войну, война с Японией продолжалась бы и после атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки еще два года! Во всяком случае японцы готовились в ответ на атомные бомбардировки применить бактериологическое оружие. (М.А. Гареев. Полководцы победы, с. 45).

Глава 8. ФАШИЗМ ПОСЛЕ 1945 ГОДА

Надеждам на прочный мир, на долголетнее сотрудничество СССР, США и Англии, социалистических и капиталистических стран не суждено было сбыться. На Западе были сильны стремления разрушить союз. Именно Г. Трумен и У. Черчилль (а отнюдь не И.В. Сталин, как утверждают сегодня некоторые западные и российские политики, историки и публицисты) вступили на «тропу войны», во всяком случае, начали «холодную войну», которая, естественно, вызвала острую тревогу И.В. Сталина и СССР, поскольку США обладали монополией на атомное оружие, а СССР после войны с фашизмом находился в тяжелейшем состоянии, ибо за победу он заплатил более 27 миллионами жизней советских людей и значительной частью полностью разрушенной территории. США, другие капиталистические страны встали на позицию политики «отбрасывания коммунизма», гонки вооружений, экономического и политического давления на СССР, на страны, после войны вставшие на путь социализма.

В 1947 году США провозгласили так называемую «доктрину Трумэна», а Совет национальной безопасности принял в 1948 г. директиву «Цели США в войне против России», предусматривающую нанесение ядерных ударов по городам и важнейшим промышленным центрам СССР. В апреле 1949 года западными странами под руководством США был создан Северо-атлантический блок (НАТО), нацеленный против Советского Союза.

СССР принял вызов и создал собственное атомное и водородное оружие. Социалистические страны сплотились в один «осажденный лагерь».

Все это уже в конце 40-х годов XX века резко обострило обстановку. Конфронтация СССР и США, НАТО и Варшавского пакта подпитывала и возрождение фашистских или неофашистских тенденций.

§1. Послевоенное лицо фашизма

В ФРГ, например, еще в 80-е гг. XX века активно действовало свыше 150 неофашистских, неонацистских организаций и групп³¹⁴. Среди них по свидетельству западногерманских исследователей

Ю. Поморина и Р. Юнге³¹⁵, прежде всего, выделялись в 80-е годы следующие:

«Акция Одер/ Нейсе (Акон)». Основана в 1962 г. Задача: бороться за пересмотр границы Польши и ГДР по линии Одер-Нейсе;

«Общество действий за национальную Европу (АНЕ)». Основано в 1977 г. в Нюрнберге. Призывала к объединению всех «национальных» и «конструктивных» сил Европы к борьбе против коммунистов и других «деструктивных» элементов и партий;

«Трудовое сообщество резервистов, солдат и союзов традиций (АРСТ)». Демагогически выступило против «коллективной вины» немецкого народа за преступления гитлеровского режима;

«Рабочий кружок союзов, верных народу (АФФ)». Основан в 1965 г. бывшим фюрером СА и нацистом Г. Бойме. Обвинил демократические силы за проведение «восточной политики» в «национальной измене», в «распродаже немецких земель» и т. п.;

«Союз изгнанных» (БФ). Объединил около 2 млн членов. Под лозунгом «права на родину» требовал отторжения польских и чешских земель;

«Союз молодежи, верной Родине». Основан в 1960 г. с целью поддержания традиций гитлеровской молодежи;

«Инициатива немецких граждан». Эта организация основана в 1972 г. Ее задачи: отрицание преступлений нацистов, стремление обелить магнатов крупной индустрии, приведших Гитлера к власти, дискредитация демократии; прикрываясь демагогическим требованием разрушить «террор секса», требует «восстановления дисциплины и порядка»;

«Немецкая молодежь Востока – немецкая молодежь в Европе». Провозглашаемая этой организацией цель – возрождение «Великой Германии», воспитание молодежи в духе реванша;

«Фронт немецкого народа» (ДФ). Основан в 1977 г. Главной задачей немцев объявлял борьбу против большевизма;

«Союз немецкого народа» (ДФФ). Основан в 1971 г. Принципы его «программы действий»: Германия для немцев, иностранных рабочих – вон; преступники, коммунисты, анархисты должны быть ликвидированы. Утверждение об убийстве гитлеровцами 6 млн евреев объявил «грязной ложью» и вообще пытался очистить фашизм от всех его преступлений. В 1977 году этот союз был запрещен за пропаганду антисемитизма;

«Общество восточно-немецких собственников». Основано в 1970 г. Главный лозунг – восстановление немецкого рейха;

«Общество взаимопомощи бывших солдат СС». Было основано в 1951 г. вопреки тому, что международный Нюрнбергский военный трибунал в 1946 г. осудил СС как преступную организацию и запретил ее воссоздание в какой-либо форме, а также создание организаций ее последователей. Образование подобных союзов и организаций запрещено также и Основным законом ФРГ. Главная задача этого общества: «спасти» честь вооруженных сил СС, доказать, что они не совершали «никаких» преступлений. Их отличие от всех других солдат вермахта – «только» в том, что они свой долг выполняли с чувством большей ответственности, героизма и самопожертвования;

«Боевой Союз немецких солдат» (КДС) – Основан в 1975 г. Программа Союза: борьба за восстановление немецкого рейха, наказание борцов Сопротивления как изменников народа, разоблачение «лжи» о массовых преступлениях нацистов в Освенциме. Председатель этого Союза Эрвин Шенборн откровенно заявлял: «мы были национал-социалистами, мы остались национал-социалистами»;

Национал-демократическая партия Германии (НДП). Основана в 1964 г. Оправдывает преступления нацистского режима, требует восстановления «Великогерманского рейха». В конце 60-х – начале 70-х годов НДП была одной из самых влиятельных неонацистских организаций в Западной Германии.

В ФРГ в 80-е годы действовала неонацистская организация, название которой даже полностью повторяет название гитлеровской партии – национал-социалистическая немецкая рабочая партия; центр этой партии – за границей, в США. Она требовала отмены запрета НСДАП в Германии, исповедует расизм, призывает «не голосовать за еврейские партии».

В Австрии неонацистский лагерь также в 80-е гг. насчитывал множество организаций и групп (около пятидесяти), Здесь и «Новые правые», и «Сообщество действий по вопросам политики», «Австрийский солдатский союз» и «Национал-демократическая партия» (НДП). Последняя – самая крупная. НДП Австрии безоговорочно стоит на позициях пангерманизма. «Германия, пробудись!», «Мы принадлежим к Германии!» – таковы ло-

зунги этой неонацистской партии, отказывающей Австрии в национальной самостоятельности. И это в то время, когда в Государственном договоре, в статье 4, записано, что Австрия не допустит существования, возрождения и деятельности любых организаций, ставящих своей целью политический или экономический союз с Германией, и пангерманскую пропаганду в пользу союза с Германией. И это после того (подчеркнем также и этот факт), как фашисты, поработив Австрию, в течение 7 лет истребили более 500 тыс. австрийцев. Огромная цифра для такой маленькой страны, все население которой составляет 7 млн человек!

Немало фашистов и в Италии. Поражает, как мало итальянским фашистам понадобилось времени, чтобы после сокрушительного краха в 1945 г. вновь появиться на арене политической жизни. Уже в 1947 г. в Италии была основана неонацистская партия под названием «Итальянское социальное движение». Ее лидер Альмиранте, начавший свою карьеру еще при Муссолини, не раз открыто заявлял: «Слово «фашист» написано у меня на лбу». Итальянские фашисты с откровенным цинизмом снова апеллируют к имени Муссолини, воспевают его как национального вождя и т. д.

Об опасности фашизма, реальной опасности, говорят следующие факты: семилетняя диктатура фашистских «черных полковников» в Греции в 1967 – 1974 гг., фашистские по сути диктатуры в ряде стран Латинской Америки, особенно режим Пиночета, установленный в Чили в 1973 г., попытки фашистских переворотов в Испании в 1981 г. и т. д. и т. п.

Об опасности фашизма свидетельствуют неонацистские организации не только в бывших «фашистских» странах, но и в тех, которые традиционно объявляли себя оплотом «демократии» и «антифашизма». Неонацисты действуют в Англии («Британское движение», «Национальный фронт»), в США («Белое арийское сопротивление», «Американский Фронт», «Национальный альянс», «Христианская идентичность», «Молодые американцы за свободу», группа «Ведерменов») и т. д. Во Франции о кровавом лице фашизма свидетельствует, например, преступная деятельность оасовцев в 1961 – 1963 гг.; да и сейчас во Франции действует немало праворадикальных, по сути неонацистских организаций («Национальный фронт», «Партия новых сил» и т.п.).

Даже в Израиле, большинство населения которого – евреи, подвергшиеся в годы второй мировой войны страшному фашистскому геноциду, имеются люди и определенные организации, провозглашающие идеи и лозунги, весьма напоминающие нацистские: создание «Великого Израиля» от Нила до Евфрата, аннексия всех оккупированных Израилем арабских земель, «арабы – в арабские страны, евреи – на Сион!» и т.д. и т.п. Между тем все прогрессивные мыслители еврейского происхождения, начиная с Б. Спинозы, всегда решительно отвергали исторические мифы о «земле обетованной», безоговорочно отказались от сионистского «этноцентризма», от утверждений об «исключительности избранного народа». В конце 60-х годов XX в. Международное сообщество резко осудило сионизм.

По поводу политической и духовной ситуации того времени в Израиле примечательны суждения И. Лейбовича, израильского гражданина, философа и естествоиспытателя. Ему было за 90 лет, но он решительно выступил против колониалистской политики Израиля, против угнетения и эксплуатации двухмиллионного населения Палестины. И. Лейбович считал, что режим оккупации оказывает деградирующее воздействие на политическую систему израильского государства, ведет к ее коррумпированию и фашизации. Он утверждает, что в Израиле со времени «победоносных» войн против арабов укрепляется фашизоидный, «еврейско-нацистский» менталитет. Нет, конечно, заявлял он, государство Израиль еще не фашистское государство. Но это «еще», подчеркивал он, означает, что существует очевидная опасность, что он может стать фашистским государством. И признаки фашизации, вновь отмечает И. Лейбович, выражаются в том, что Израиль подавляет двухмиллионный палестинский народ, лишил его каких-либо гражданских и политических прав. Вследствие этого Израиль стал врагом для всего арабского народа, потерял симпатии всего мира.

И. Лейбович утверждает, что национализм, шовинизм привели немецкий народ к «озверению» и в конечном счете к катастрофе и гибели. То же самое ожидает и Израиль, если в будущем израильский народ пойдет по пути национализма и насилия.

Как очевидно, в послевоенные 50 – 60-е годы XX века фашизм вышел за пределы стран, являющихся цитаделями империализма, его организации возникли в странах бывшей колониальной и по-

луколонииальной периферии. Причем, здесь фашизм выступал в новой роли зависимого пособника, сателлита империалистических держав, использующих его как одного из основных ударных орудий в борьбе против сил национального освобождения и социального прогресса. Именно такую роль зависимого пособника, сателлита империалистических держав сыграли диктатура «черных полковников» в Греции, фашистские диктатуры в Парагвае, Гватемале, фашистский режим Пиночета в Чили и т. д. и т. п.

Конечно, зависимые от внешних империалистических сил фашистские режимы отличаются рядом особенностей. Опираясь на внешнюю поддержку они проявляют большую независимость от социальных сил внутри страны. Их связь с правящим классом собственной страны более опосредствована, чем обычно: его интересы играют в определении политической линии порой даже меньшую роль, чем интересы зарубежных империалистических покровителей. Зависимый фашизм может прийти к власти, не опираясь на уже существующее политическое движение, имеющее массовую базу и т.д. и т.п.

Так, в ряде стран Латинской Америки, в которых в то или иное время утверждался зависимый фашистский режим, отсутствовал национальный монополистический капитал; для них был характерен низкий уровень экономического и культурного развития, узкая социальная база фашистских движений, в качестве главной политической силы фашизма здесь выступали наиболее реакционные круги военщины.

Как отмечалось на международном симпозиуме в 1973 г., в настоящее время «далеко не такими же, как 40 – 50 лет назад, являются конкретные проявления фашизма. В чем-то изменились и «традиционный фашизм», и пережившие бури второй мировой войны фашистские режимы... Возникли имеющие новые черты тиранические и военно-фашизоидные режимы, в том числе в странах «третьего мира». Поэтому нужен учет, обобщение новых фактов, знание особенностей национальной специфики развития неофашизма в отдельных странах и районах»³¹⁶.

Однако при всех особенностях содержание и социальная роль фашистских режимов принципиально не изменились.

В конечном счете при всех различиях все фашисты – и старые, и новые – во всех странах преследуют одни и те же цели. Ими

движет ненависть к демократии и социализму. Все они неистовые националисты, зачастую и расисты; во многих странах они преследуют агрессивные внешнеполитические цели. Для всех них – основное средство достижения своих планов есть демагогия и террор: демагогия и террор в период борьбы за власть, демагогия и террористическая диктатура, когда они приходят к власти.

Поэтому, когда сегодня речь идет о фашизме, в сущности, нет большого смысла употреблять перед словом фашизм частицу «нео», ибо она отнюдь не привносит какое-то новое содержание в это понятие. Она свидетельствует не о каком-то качественно новом фашизме, а говорит лишь о том, что в данном случае речь идет не только и не столько о фашизме 20 – 30 – 40-х годов. В любом случае, в любой стране, в любое время фашизм выполняет одну и ту же задачу, одну и ту же цель – пресечение в результате государственных переворотов демократических и революционных процессов, предотвращение революционных выступлений рабочего класса, обеспечение террористическими средствами господства наиболее реакционных кругов национального либо интернационального монополистического капитала.

Именно крайне реакционные империалистические силы: финансовый и промышленный капитал, милитаристы, представители реакционной государственной бюрократии – в кризисных для себя ситуациях стремятся фашистскими методами обеспечить свое господство; именно они стоят за спиной фашистов, держат их в резерве, подготавливают и финансируют фашистские организации и движения.

В первых главах мы уже показали, кто взрастил фашизм, в частности в Германии³¹⁷, кто обеспечил приход фашистов к власти, кто, в сущности, олицетворял фашистское господство в этой стране. Это – германские монополисты, финансовые и промышленные короли, военщина. И весьма примечательно, что сегодня многие из тех же самых финансовых и промышленных группировок Германии, которые подготовили и развязали первую мировую войну, взрастили фашизм и ввергли мир в катастрофу второй мировой войны, сохранили свою силу, свое влияние в бывшей ФРГ.

Западногерманский публицист Б. Энгельман в своей книге «Рейх распался, олигархия жива» (1977), прослеживая происхождение

крупнейших состояний в Германии, установил, что старые капиталистические династии сумели сохранить свое богатство, свое влияние и власть, несмотря на две проигранные мировые войны, на распад двух империй (кайзеровской и фашистской), особенно же, несмотря на «тотальный крах» гитлеровского режима, которые они взрастили и активно поддерживали. Энгельман дает список 526 имен, история состояний которых уходит в далекое прошлое. На протяжении веков они олицетворяли земельную, промышленную и финансовую олигархию в Германии. И теперь они – основное ядро финансовой и политической элиты. И теперь им принадлежит подавляющее большинство земель, заводов и фабрик, судоверфей, универсальных магазинов, отелей и ресторанов, транспортных предприятий. По меньшей мере 75% семей, которые являются единственными хозяевами или главными акционерами крупнейших, по обороту компаний, еще до 1914 г. принадлежали к имперской финансовой и политической элите³¹⁸. Только фирмы наследников шестнадцати богатых прусских промышленных семей времен до 1918 г. имели в 1970 г. в бывшей ФРГ суммарный оборот не менее чем в 57,5 млрд. марок, т. е. почти половину бюджетных средств, которые в 1971 г. имело в своего распоряжении правительство страны³¹⁹.

Это колоссальное средоточие экономической мощи. Причем западногерманские монополисты уже в 70-е годы заняли более сильные экономические позиции, чем их постоянные исторические соперники – капиталисты Англии и Франции. Экономическое могущество предопределяет, естественно, и политическое превосходство.

И примечательно, что опять-таки, как и накануне второй мировой войны, именно международные, и прежде всего американские, монополии помогли западногерманским концернам быстро восстановить утраченную после военного разгрома Германии силу и влияние. Джордж Уилер, работавший после войны начальником отдела Американской военной администрации в Германии, разъясняет, какие виды имел на Германию Уолл-стрит: «1. Восстановление монополистического капитала под контролем Уолл-стрита; спасение старых капиталовложений и использование всех возможностей: для новых инвестиций. 2. Создание антисоветского военного плацдарма. 3. Создание зоны напряжения для ведения холодной войны»³²⁰.

Ориентированная именно на эти цели, политика западных держав помогла германским монополиям вновь восстановить свои позиции, свое влияние и силу.

Разумеется, не следует ставить знак равенства между рейхом кайзера Вильгельма, режимом гитлеровского фашизма, политической системой ФРГ 60 – 70-х гг. XX в. и, тем более, современной Германии. Современная Германия, очевидно, одно из самых благополучных и самых либерально-демократических западноевропейских государств. Но путь Германии к правовому государству отнюдь был не гладок. Западные оккупационные власти распустили все антифашистские органы, которые были созданы в апреле – мае 1945 г., препятствовали объединению коммунистов и социал-демократов, в 1946 г. удалили коммунистов из всех органов управления, отказались от традиции политики антигитлеровской коалиции и начали «холодную войну» против СССР. Все это, в конечном счете, неизбежно вело к тому, что на ключевых позициях в политической жизни Западной Германии закреплялись самые откровенные антикоммунисты. Уже в 50-х годах правительство К. Аденауэра уволило и запретило в дальнейшем принимать на государственную службу коммунистов, членов демократической федерации молодежи, союза лиц, преследовавшихся при нацизме; в то же время на основе закона № 131 от 11 мая 1951 г. оно открыло двери для поступления на государственную службу 150 тыс. бывших фашистских чиновников, которые после разгрома фашизма были отстранены от своих постов.

Одновременно реакционеры вели борьбу против антифашистов, против тех, кто внес важный вклад в свержение фашистской диктатуры. В ход шла самая низкопробная демагогия и бессовестная клевета. Образчиком «борьбы» с антифашистами может служить кампания нападок на Т. Манна. «Выступления Томаса Манна – это обвинение против Германии. И это обвинение, которое по своей резкости, тяжести, ужасности превосходило все, что когда бы то ни было с момента катастрофы было сказано на эту тему, исходило из уст человека, который обязан Германии всем: своей культурой, своим образованием, своим языком и отнюдь не в последнюю очередь своими успехами, своим богатством и своим положением в мире (?!). Мысль о том, что такой человек претендует на право быть в США представителем немецкой культуры, т. е. именно той

культуры, на которую он так злобно нападает (!), наполняет наше сердце болью»³²¹. Политическая и духовная атмосфера, складывавшаяся в то время в Западной Германии, была для многих антифашистов сигналом предостережения. Поэтому так и не вернулись на родину ни Томас Манн, ни Генрих Манн; то же относится и ко многим другим писателям-антифашистам: Герману Гессу, Лиону Фейхтвангеру, Эриху Марии Ремарку, Герману Броху, Оскару Мариа Графу, Нелли Закс и многим другим.

Характеризуя положение в ФРГ во времена Аденауэра, писатель Г. Грасс писал, что Германия в эти годы походила на затаившегося рецидивиста, готовящегося взяться за старое. Ханна Аренд, касаясь ситуации в послевоенной Германии, с горечью отмечала: «одно дело выкуривать преступников и убийц из их нор, и совсем другое – видеть, что они отнюдь не собираются прятаться, видеть, что те, кто процветал при гитлеровском режиме, снова занимают важные государственные и общественные посты. По правде говоря, если бы администрация Аденауэра была слишком чувствительной к тем, чье прошлое запятнано сотрудничеством с нацистами, этой администрации попросту бы не существовало. Ибо действительность прямо противоречит заверениям Аденауэра в том, что лишь «относительно малый процент немцев» числится среди членов нацистской партии и что большинство населения по мере возможности старалось помочь своим согражданам – евреям».

Самое страшное, самое ужасное то, считает Э. Ремарк, что после разгрома мещанам – фашистам не стало стыдно, они затаились. Летом 1953 г. Э. Ремарк впервые после войны прилетел в Германию. У него не возникло чувство сострадания к соотечественникам. Совершенно чужие люди. Зомби, но сторожкие, трусливые, подлые.

К. Ясперс, резкий критик антидемократических тенденций в развитии бывшей ФРГ, в своей книге «Куда движется ФРГ?» подчеркивал, что значительную опасность для государства представляет то, что в основе современной политической жизни лежит ложь, поскольку предается забвению фактическое историческое происхождение государственной системы. Дезинформация пронизывает жизнь людей и представляет собой, по существу, «яд для государства», ее существо следует резюмировать так: немцы, собственно, никогда не были национал-социалистами. Они стали

жертвой необъяснимой роковой случайности. Террор, возможно, изменил их образ мышления. Но, в действительности, они всегда оставались порядочными, правдолюбивыми и миролюбивыми; такими они были прежде, такими они являются и сейчас. К. Ясперс убежден, что раскрытие этой лжи – предпосылка любого плодотворного развития в будущем.

Философ с возмущением констатирует: в Германии 60 гг. XX века продолжает находиться на государственной службе немало старых нацистов. Они после краха нацизма проклинали Гитлера, утверждали, что никогда не были настоящими нацистами. В 1945 году американцы шутили: во всей Германии невозможно найти ни одного нациста. Настолько притихли они в 1945 году!

В свое оправдание «бывшие» говорят, что они были обмануты и заблуждались. Скромными и осторожными они были еще и в 1948 году! Но с тех пор эти граждане со все большей самоуверенностью проявляют себя в экономике и политике Федеративной республики. К. Ясперс подчеркивает: новое государство не может нормально развиваться, тем более, процветать, если не исключает возможность политического, нравственного и духовного участия нацистов в жизни нового государства.

Необходимо обязательно осознать прошлое, из которого мы вышли. Почему стал возможен 1933 год? Это был отнюдь не результат какого-то естественного процесса, не мнимая историческая необходимость, но дело рук самих немцев.

К. Ясперс решительно выступал против избрания Кизингера, бывшего национал-социалиста, канцлером ФРГ: «Это уж слишком». С точки зрения К. Ясперса, членство этого человека в нацистской партии – не заблуждение, но свидетельство морального упадка.

Философ предостерегал, что ФРГ в 50 – 60 гг. XX в. встала на путь, в конце которого не будет ни демократии, ни свободного гражданина. «В чем заключаются изменения в структуре Федеративной Республики? – писал Ясперс. – Мне кажется, в переходе от демократии к олигархии партий, от олигархии партий к диктатуре»³²². Он отмечал, что правящие круги ФРГ сознательно мешают процессу формирования политической воли народа, не информируют его, не приучают его мыслить.

У нас есть парламентская форма правления. Однако она скорее затуманивает демократическое сознание, мешает формированию чувства гражданской ответственности; она отнюдь не делает нас гражданами, носителями государства. Во всяком случае нравственно-политическая задача, стоявшая перед немцами в 1945 г.: создать новое, демократическое, государство, — не выполнена. Эта задача, заявлял К. Ясперс, остается в повестке дня и поныне³²³.

В этой связи К. Ясперс решительно разоблачал планы чрезвычайного законодательства, которые лелеяли империалистические круги бывшей ФРГ. С помощью чрезвычайного законодательства, подчеркивает он, «может быть создан инструмент, посредством которого в роковой момент одним-единственным актом будет установлена диктатура, ликвидирована конституция, возникнет необратимое состояние отсутствия политической свободы»³²⁴.

(В сущности, в ФРГ в 70-е — начале 80-х гг. XX в. уже существовала целая система чрезвычайного законодательства. Так, на основе указа о «радикалах», «запрета на профессии» и т. п. правящие круги подвергали гонениям всех тех, кто имел прогрессивные политические убеждения, кто активно выступал за демократические права, за мир, против гонки вооружений. Человек, подвергшийся «запрету на профессии», практически лишался возможности работать, поскольку был заклеен как «ненадежный элемент», как лицо, «враждебное конституции». В ФРГ в начале 80-х годов было около 5 тыс. жертв «запрета на профессии». Более 2 млн человек было подвергнуто специальной проверке охранкой).

Касаясь вопроса, по какой причине в Германии существует тенденция к абсолютизации власти, К. Ясперс отмечает, что со времен сословного государства у немецкого народа сохраняется привычка уважать правительство как таковое, т. е. каким бы оно ни было. «Верноподданность» по отношению к власти — источник многих трагедий в истории этой страны. Для верноподданных все находящиеся у власти лица окружены ореолом. Благодаря занимаемым ими постам, как бы безумно властители себя не вели, они «словно святые»... Верноподданные, довольны своим бытием, пока получают свою долю благосостояния; не сознают ответственности за политику. Правда, в тех случаях, когда не следует бояться последствий, верноподданные ворчат, но остаются послушными, уважительными

и ничего не предпринимают против подлости властей. Однако примиряясь вначале с едва заметными оковами, люди, в конце концов, оказываются в застенках, из которых нет выхода.

Отсутствие убеждений, отказ от личной ответственности и нежелание власть имущих, чтобы она у граждан была, атмосфера послушания неотвратимо прокладывают в стране путь сначала к авторитарному господству, затем – к диктатуре, подчеркивает К. Ясперс.

Главное, что необходимо сегодня, – утверждение в политическом сознании немецкого народа стремления, воли к свободе, подчеркивает философ. Пока у него нет окрыленности в стремлении к свободе. Многие немцы мирятся с нарушением основных прав, не понимая их смысла, как условия своего человеческого достоинства и гражданской чести.

К. Ясперс отклоняет распространенный среди некоторых политиков тезис, будто народ должен «созреть», прежде чем ему можно предоставить политическую свободу. Ждать нет никакого смысла. Люди должны проявляться сегодня, иначе они никогда этого не сделают. Естественного процесса созревания народа не существует; только в результате свободных политических акций, организуемых отдельными группами и лицами, общество начинает понимать то, что именно для него важно. Оно созревает для демократии в процессе собственной политической активности.

Более того, для демократии главное – это именно вопрос о народе. Он должен знать государственные институты и непосредственно пользоваться ими; последние, в свою очередь, должны быть такими, чтобы давать ему максимально широкое поле деятельности. Внутренняя политика важна в той мере, в какой она служит народу, так, чтобы каждый человек стал «понимающим и знающим» и чтобы он активно и мужественно участвовал в определении судьбы страны. Но для того, чтобы политика была живым ответственным делом, необходимо максимально расширять гласность, которая гарантирует максимум правды и достоверности. Граждане в том случае могут участвовать в решении политических проблем, если их честно информируют и они, участвуя в публичных дискуссиях, тренируют силу личной рассудительности. Демократия снизу – это реальная основа подлинно демократического общества.

В своей книге К. Ясперс решительно выступает против любых проявлений национализма.

В XIX веке и в начале XX века имел место экспансивный национализм, который стремился подчинить себе другие народы как якобы «неполноценные», имел намерение ликвидировать национальные меньшинства на своей территории. Сейчас стал почти универсальным национализм, стремящийся укрепить государство на основе «одной нации» и сохраняющий экспансивный характер в результате того, что хочет вобрать в себя всех принадлежащих к данной нации людей. Он препятствует тому, чтобы сообщество людей было основано на политической идее свободного, справедливого, демократического государства, которое объединяет людей как таковых, и которое может принять к себе как граждан представителей многих наций, языков и религий. Национализм означает огромную враждебную силу, где бы и в чем ни проявлялся. Он делает невозможным мир и внутреннюю свободу. Следует относиться к любому народу с уважением и симпатией, — заявляет К. Ясперс. Но национализм находится в союзе с дьяволом. Это со всей очевидностью подтвердил опыт нацизма. Поэтому сегодня национализм нельзя рассматривать как некое заблуждение, по-прежнему он — союзник дьявола.

ФРГ, если она хочет жить, идти вперед и развиваться, должна, по мысли К. Ясперса, во-первых, искоренить ложь из политического сознания немецкого народа, должна покончить с любыми проявлениями националистическо-реваншистских настроений, принять и признать — как свершившийся факт — результаты развязанной гитлеровской Германией войны — установление новых границ. Победенному насильнику приходится вкушать плоды своих насильственных действий. Кто сам уничтожает право, тот не может выдвигать правые притязания, ссылаясь на прошлое. Поскольку милостью победителя ему сохранена жизнь и победитель не ответил на его Освенцим новым Освенцимом, он должен строить свое бытие на том, что есть.

Да, страны антигитлеровской коалиции на фашистский Освенцим своим Освенцимом не ответили. Но... применение фосфорных бомб против мирного населения англо-американцами это тоже — бесчеловечно. Итальянский писатель Малапарте в книге «Шкура» так описывает ужасы подобной бомбардировки Гамбурга: Тысячи

и тысячи несчастных, покрытых горящим фосфором, надеясь потушить пламя, бросались в каналы, в бассейны общественных парков, закапывали себя в землю в траншеях... Фосфор страшная штука, он пристаёт к коже и горит от соприкосновения с воздухом. Едва несчастный выставлял из воды или земли руку, как она вспыхивала горящим факелом. Гамбург стал похож на преисподнюю. Там и сям из земли выглядывали тысячи словно отрубленных голов. Головы вращали глазами, открывали рты, что-то говорили. Самыми храбрыми и терпеливыми оказывались дети, они не плакали, а лишь поводили вокруг ясными глазами, наблюдая кошмарное зрелище, и улыбались близким с чудесной детской рассудительностью, прощающей взрослым их бессилие и жалеющих тех, кто не может им помочь... Едва ночь опускалась на землю, вокруг, словно шорох ветра по траве, возникал ропот, и тысячи голов обращали в небо свой горящий страхом взор.

Бомбежка Дрездена также была страшной, не менее страшной, чем атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки. Тем более, что все это было уже совершенно не нужно для победы над фашизмом.

Бесспорно, это была месть, но не Освенцим.

К. Ясперс в работе – «Вопрос вины», опубликованной вскоре после разгрома фашизма, остро поставил вопрос о моральной и метафизической вине: «За поступки, которые я совершаю как отдельная личность, я несу моральную ответственность... Высшей инстанцией, вменяющий мне эти действия в моральном плане, является совесть и люди, находящиеся со мной в коммуникации (мои друзья, близкие, все, кто интересуется моей душой). И наконец, есть метафизическая вина, которая делает каждого ответственным за все несправие в мире, в особенности за преступления, совершенные в его время с его ведома. Если я не сделал все, что мог, чтобы уничтожить эти преступления, значит, я их соучастник. Даже то, что я живу в то время, когда это происходит, есть уже моя вина. (К. Jaspers. Die Schuldfrage. Zuerich, 1946. S. 10).

Какими будут люди, какими будут граждане, будет ли им присуще чувство моральной и метафизической ответственности – в решающей степени определяется воспитанием в семье и в школе, а также самовоспитанием. Судьба народа зависит от того, каковы

его учителя, в какой мере он уважает своих учителей, в какой атмосфере проходит повседневная жизнь. Перед учителями всех ступеней – от учителей народных школ до преподавателей университетов – стоит задача приведения передаваемых знаний в порядок и определенную систему, с тем чтобы они давали духовную пищу, формировали интеллектуальный и нравственный облик людей, подчеркивает К. Ясперс.

Именно поэтому необходимым фактором воспитания граждан, по мнению К. Ясперса, является история. Именно она помогает народу ориентироваться в вопросах собственного происхождения, жизни других наций и всего человечества, помогает понять увиденное, познанное и сделанное людьми³²⁵.

Однако при этом следует отделять существенное от несущественного. Важно уметь правильно оценивать факты. В нацизме виноват не один Гитлер, или не столько Гитлер, сколько немцы, которые пошли за ним. Следует иметь в виду, что повторение безумств прошлого возможно. Поэтому уже в детях необходимо воспитывать способность к политическому мышлению. Их нужно знакомить с государственными проблемами, с положением в государстве и обществе.

При этом политическое воспитание должно быть непрерывным и в максимальной степени связано с практической политической жизнью.

К. Ясперс большое внимание уделяет проблемам армии. В наше время, отмечает он, человек – гражданское лицо или солдат – живет совершенно в новой обстановке. Технический век, атомные бомбы и ракеты изменили мир. Современный солдат – технический специалист. Но идея этого солдата как нравственной фигуры неясна³²⁶.

Сегодня, подчеркивает философ, все мыслящие люди убеждены: в атомный век война не должна считаться неизбежной. Поэтому в бундесвере следует решительно пресекать реваншистские настроения и устремления. Генерал, который бы заявил: «Мы возвратим свои границы на Востоке – будь то мирным путем или путем войны», должен быть немедленно уволен. Нельзя рассматривать народ как орудие в руках военных, неправильно внушать ему милитаристский дух.

Солдаты – граждане в военной форме. Повиновение имеет пределы. Офицеры и их подчиненные вне службы равны (это – тем и другим – важно осознать). Если люди обретают самосознание, только участвуя в отдаче приказов, свобода уничтожается. Нужно помнить, что военные в нацистские времена были соучастниками гитлеровских преступлений. Они были трусами по натуре и не могут служить примером и не имеют никакого права быть носителями традиций. Необходимы новые образцы и передовые традиции.

Армия и военные не должны использоваться против населения. Революционные движения и преобразования необходимы для сохранения свободы. Чтобы ликвидировать бунты, достаточно полиции. Использование бундесвера против народа или против движений в его среде, которые полиция не может или не хочет подавить силой, означает конец свободы.

Солдаты, которые проникнуты духом свободы и демократии, должны отказаться повиноваться, если их попытаются использовать против своих же соотечественников. Контроль над бундесвером, генералами и офицерами – самая серьезная задача парламента, свободолюбивых политиков и народа.

Важные мысли высказывает К. Ясперс и о международной ситуации. Человечество существует пятьсот тысяч лет, а может быть и больше. Но история же насчитывает всего лишь шесть тысяч лет высокоинтеллектуальных творений и непрерывной традиции. Однако сегодня перспектива будущего представляется в виде картины, закрытой покрывалом.

Современная история не внушает К. Ясперсу оптимизма. Она демонстрирует скорее образцы неразумного, случайного и абсолютных неудач. В текущее время нет «ничего прочного». Однако наше стремление воплощать в своей жизни на земле идею невообразимых возможностей, искреннее желание, чтобы мир существовал, подсказывают: человечество не должно уничтожить себя. Высокий уровень развития военной техники принуждает к миру. В конечном счете, мир должен быть естественным состоянием человечества.

Тот, кто сегодня занимается проблемами внешней политики, должен действовать в этом направлении, иначе он может быть соучастником бездумных деяний, ведущих к гибели. В наше время, в отличие от прошлого, следует стремиться к миру без всяких

оговорок. Война приведет к полному разрушению и поэтому она становится абсолютно бессмысленной. Интересы каждого народа, каждого государства сегодня неотделимы от интересов всего человечества, ибо угроза его существованию означает угрозу и для отдельных народов.

Вместе с тем К. Ясперс решительно отвергает идею всемирного государства и всемирного парламента: это неизбежно привело бы к диктатуре и тоталитарным формам правления. Возможная и желательная цель заключается, по его мнению, в создании сети «множества договоров», которая соединила бы человечество в одно целое на основе повсеместного мирного сотрудничества.

Обосновывая эту «возможную и желательную цель», К. Ясперс доказывает, что свобода утверждается, прежде всего, в пределах каждого государства. За политическую свободу несут ответственность все граждане. Ее условиями являются убежденность и развитие надежности в нравственно-политическом отношении. Она не терпит насилия, существование которого неизбежно приводит к злу. Особенно нетерпима насильственная революция сверху, подобно той, которую осуществили нацисты в 1933 году. Однако революция снизу, без насилия, в форме политической забастовки, массовых протестов, отказа большинства избирателей участвовать в выборах, путем непосредственных легальных акций народа, — такая революция законна, она является предпосылкой свободы государства и его граждан. Ее главенствующая цель — изменение образа мышления людей, воспитание в них свободолюбия, чувства ответственности за свободу, признание такого же права на свободу у других людей и народов. Когда граждане добиваются свободы для себя и своей страны, политическая ответственность за свободу возбуждает в них мужество непреклонно идти по пути свободы и мира, взаимопонимания и сотрудничества.

Вместе с тем, чтобы предотвратить установление тотальной диктатуры типа фашистской, по мнению К. Ясперса, можно и должно использовать все средства, любые инструменты, в том числе даже и гражданскую войну. Народ который в случае попытки «власть имущих» установить диктатуру, не предпочтет гражданскую войну подавлению свободы, не может считаться свободолюбивым и свободным народом.

Сегодня, в начале XXI века, суровые предостережения К. Ясперса относительно тенденций социального и политического развития ФРГ, высказанные им в середине 60-х годов XX века, для данной страны утратили остроту и актуальность, с какой они звучали в прошлый период. Пришедшие к власти в 80-е гг. XX в. социал-демократы во главе с В. Брандтом, выдающимся антифашистом, остановили процесс скатывания ФРГ к антидемократическим формам правления. Большинство немцев, принадлежащих к современным поколениям, извлекли уроки из страшного прошлого: думая о сегодняшних и будущих днях Германии, они жаждут мира и, конечно же, стремятся жить в условиях свободы и демократии. Тем не менее, предостерегающий голос К. Ясперса явственно слышен и сегодня. Его предостережения актуальны: и для немцев, и для других народов, в том числе для россиян.

Опасные тенденции в послевоенное время можно было наблюдать и в развитии США, народ которых внес важный вклад в победу над фашизмом. Только за 1946 – 1975 гг. правящие круги США 215 раз прямо или косвенно прибегали к использованию своих вооруженных сил и угрожали другим странам военным вмешательством. 19 раз на повестку дня ставился вопрос о применении ядерного оружия, в том числе и против СССР.

Мы создали общество, – отмечал видный американский политический деятель У. Фулбрайт, – главным занятием которого является насилие... На протяжении вот уже многих лет мы или воюем, или немедленно готовы начать войну в любом районе мира. Война и военные стали неотъемлемой частью нашего быта, а насилие – самым важным продуктом в нашей стране. Не случайно в свое время даже президент США Д. Эйзенхауэр в своем прощальном послании конгрессу отмечал, что страна должна остерегаться установления в высших правительственных органах неоправданного влияния военно-промышленного комплекса, что существует и будет существовать потенциальная опасность пагубного усиления неправильно используемой власти, что нельзя допустить сочетания колоссальных вооруженных сил и крупной военной промышленности, которая может поставить под угрозу свободы и демократические процессы.

Развитие милитаризма и формирование военно-промышленного комплекса весьма тесно и опасно связано с угрозой фашизма. Аме-

риканский исследователь фашизма Б. Гросс, оценивая развитие США в 70-е годы, отмечал: «Новый деспотизм медленно охватывает всю Америку. Безликие олигархи сидят на командных постах в правительственно-корпоративном комплексе... Они заставляют других страдать от последствий, вызванных их алчностью... Эти последствия включают вмешательство в международные дела путем экономических манипуляций, тайных операций или прямых военных вторжений». (Все это мы видим и сегодня).

Б. Гросс предостерегает, что путь, которым может придти к власти фашизм в Америке, будет иной, чем тот, каким шли к власти нацисты в Германии, или же тот, какой нарисовал в 1935 г. Л. Синклер в своем романе «Это не может случиться у нас». В этом произведении ярый расист, антисемит, демагог, размахивающий американским флагом и пользующийся поддержкой армии, побеждает в 1935 г. на президентских выборах. Став президентом, он начинает создавать американизированный вариант нацистской Германии. Само название книги Синклера – «Это не может случиться у нас» – фактически предостерегало: это может случиться.

Вопреки Л. Синклеру Б. Гросс считает, что в США будет другой фашизм: фашизм «современный», фашизм «с улыбкой», «дружественный фашизм» и т. п. Может случиться, что, борясь за власть, стремясь получить достаточно широкую социальную базу, фашисты прибегнут к изощренной манипуляции общественным мнением, к «улыбкам» и т. п., чтобы показать фашизм «таким же американским, как Мэдисон-авеню, кредитные карточки и яблочный пирог». Это возможно, и это важно учитывать, чтобы не позволить фашистам замаскировать свою сущность демагогическими, манипуляторскими ухищрениями.

Б. Гросс абсолютно прав, когда считает, что главный источник деспотизма нового типа коренится «не в неистовстве крайне правых – невежд, ку-клукс-клана или явно нефашистских партий, и не в безумстве левых экстремистов. Хотя и те и другие, играя тактическую роль, могут ускорить или подтолкнуть наступление деспотизма»³²⁷. Новый порядок, подчеркивает он, возникнет скорее как следствие мощных тенденций в самом истеблишменте. Новый порядок возникнет скорее как следствие скрытой логики глобализации и роста транснациональных капиталистических

монополий, как следствие поиска ими решений в условиях нарастающего кризиса.

Это правомерный вывод. Транснациональные монополии и корпорации активно сотрудничают в борьбе против профсоюзов, против левых, против всех прогрессивных сил, плетут интриги и организуют заговоры против левых режимов в любых странах. Можно возразить Б. Гроссу в одном: не стоит все же переоценивать «улыбки» и «дружелюбие» фашизма. Фашизм, конечно, может прийти к власти и в результате «демократических выборов», может прибегнуть и к косметической маскировке, и к другим хитрым манипуляциям. Но, тем не менее, цели, которых он добивается, не могут быть достигнуты «с улыбкой» и в «бархатных перчатках». Фашизм неизбежно обнаруживает свое кровавое, преступное лицо.

Монополисты, финансовые и промышленные короли, реакционная государственная бюрократия, военщина, находящиеся у власти, в современных условиях, конечно, идеологически действуют более замаскированно, прикрито. Они назойливо призывают сегодня к защите «общечеловеческих ценностей», «мира», «демократии», «прав человека»; свои антидемократические и агрессивные цели демагогически прикрывают «борьбой» против «международных террористов», против «стран-изгоев» и т.д. и т.п. Но в действительности империалистические силы, господствующие в США и НАТО, преследуют цели сохранения мирового господства, обеспечения грабежа других народов ради собственной наживы и процветания так называемого «золотого миллиарда», проводят политику международного государственного терроризма, бомбят страны и народы, убивают мирных жителей, лишают миллионы людей лекарств, обрекают их на голод.

Фашизм обнаружит, обнаруживает свое преступное лицо не только потому, что его цели и средства бесчеловечны, но и потому, что фашизм ищет себе опору среди самых реакционных социальных слоев. Обыватели – источник сытого эгоизма и жестокости – вот самая массовая социальная опора фашизма. Г. Бастиан, генерал бундесвера, активно участвовавший в антивоенном движении, с большой тревогой указывал на опасную политическую и духовную ситуацию в Западной Германии именно в этой связи. Касаясь вопроса об ответственности немецкого народа за преступления на-

цизма в годы второй мировой войны, он отмечает, что большинство немцев старшего поколения, ослепленных фанатичной верой в Гитлера и безоговорочно повиновавшихся ему, лишь чисто случайно не стали «убийцами в форме», и это отнюдь не их собственная заслуга. К тому же, пишет Г. Бастиан, многие явления послевоенной политической жизни Германии заставляют усомниться в том, что «осознание преступлений гитлеровского режима стало достоянием всего населения страны». Равнодушие тех, кто хочет жить только настоящим и забыть прошлое, маниакальный антикоммунизм нефашистских элементов также не способствуют осознанию ошибок и заблуждений отцов.

Истоки немецкой трагедии коренятся в том, что и в 30-е гг. XX в. немцы не пожелали стать «совершеннолетними»; они не захотели свободы и получили национал-социализм, считает Т. Адорно. И предостерегает: национал-социализм отнюдь не умер, не принадлежит прошлому. Его возвращение возможно и при демократии. Во-первых, потому что он – следствие склонности к варварству, присущей вообще человеку. И во-вторых (и это главное), у многих немцев спящее сознание. Многие из них плохо знают историю; не знают, кто такие Бисмарк и Вильгельм II, после А. Гитлера старались как можно скорее забыть, что такое фашизм. И поскольку фашистские преступления бросали тень на всех немцев, пытались их замолчать или, по крайней мере, преуменьшить; вели споры о числе жертв холокоста: не шесть, а только пять миллионов евреев было погублено в газовых камерах. И вообще незачем-де обременять память этим помрачением ума.

Подобное состояние сознания Т. Адорно квалифицирует как симптом упадка личности, ослабления ее ответственности и совести.

Собственно национал-социализм – это отражение глубокого упадка личности. Он апеллировал и возбуждал коллективный нарциссизм, безмерное национальное тщеславие. Он обеспечивал идентификацию индивида с целым, отдельного немца со всем немецким народом. Слабое Я, полагает Т. Адорно, всегда нуждается в некоей эрзаидентификации с коллективом. Вместе с тем, поскольку массовому человеку присущи серость, садистски-авторитарная серость, насилие и деструктивность, постольку его легко было мобилизовать против чужаков, врагов, «низших»

народов. Чтобы избежать повторения Освенцима, нужно измениться человеку. По Т. Адорно, мало изменить социально-духовный климат, апеллировать к абсолютным духовным ценностям, важно выявить и затормозить механизмы в психике самого человека, ведущие и допускающие такие поступки, как убийство людей. Это невозможно без образования и воспитания, особенно без рефлексии и саморефлексии.

Только саморефлексия может пробудить совесть, ответственность индивида за свои поступки, поступки других людей, общества в целом, объединить, сплотить сообщество совместной ответственностью составляющих его личностей.

Гражданское общество, правовое государство, демократия требуют ответственных людей, отвергающих бессмысленное существование, противостоящих стадному чувству, манипулированию их сознанием, отказывающихся от участия в аморальных действиях.

Рефлексия и саморефлексия, воспитание саморефлексии связаны со способностью человека воспринимать опыт истории, опыт повседневной жизни, на этой основе творчески думать о будущем.

Между тем, средства массовой информации в ФРГ и других западных странах замалчивают преступления «третьего рейха». Более того, растет поток «извинительной литературы», в которой умышленно акцентируется внимание на страданиях самих немцев в ходе и в результате проигранной войны³²⁸.

Политика замалчивания фашистских преступлений дает свои плоды. Многие школьники и даже студенты демонстрируют поразительное незнание о времени фашизма.

Американский политолог А. Герцгорин в статье «Лакировка истории» пишет, что власти лакируют, преуменьшают преступления нацистов. «Поэтому и получают, что в Британии 45 процентов взрослого населения никогда не слышали об Аушвице, а среди «молодёжи» – до 35 лет и вовсе 60%». Опрос был проведён Би-би-си, подготовивший сериал, посвященный 60-й годовщине освобождения этой крупнейшей в истории человечества фашистской «фабрики смерти». Проведи такой опрос в любой другой стране, результат был бы тот же, подчёркивает политолог...

Мемориал в Освенциме исчезает на глазах. Здесь нет уже ни одной надписи, ни одной мемориальной доски. Полностью разрушена железная дорога. Лакировка идет полным ходом. Ясно, что это кому-то нужно.

Финансовые группы, военно-промышленный комплекс, даже при сохранении традиционных форм осуществления власти, придают важное значение неонацистским силам. Наличие неонацистских или других правоэкстремистских организаций предоставляет правящим верхам возможность выступать в качестве умеренной, «центристской» силы, некоего «барьера», ограждающего общество от нажима экстремистов. Это как бы оправдывает выдвигание лозунга «равной» опасности справа и слева, дает удобный повод для применения силы как средства упрочения власти, тем более что обычно эта сила используется для подавления левых³²⁹.

Конечно, современный фашизм и в политическом, и в идеологическом плане выступает более гибко, чем фашизм 30 – 40-х годов XX в. Неонацисты сегодня, насколько это возможно, пытаются скрыть свое подлинное лицо, нередко отрицают преемственную связь с фашизмом³³⁰. Стремясь установить «сильный режим», они одновременно твердят об «уважении» парламентских институтов, апеллируют к их «оздоровлению» и т. д. и т. п., более того, они обвиняют в стремлении к диктатуре... социалистов³³¹. Мечтая обеспечить духовное воздействие на массы, они модернизируют обанкротившуюся фашистскую идеологию. И хотя неонацисты – ярые антикоммунисты и шовинисты, расисты и враги прогресса, эти черты их идеологии в современных условиях приобретают новые специфические характеристики и новые формы проявления.

Сегодня империалистические силы любой страны уже не могут претендовать на господство над другими нациями с позиций открытого обоснования своей национальной «миссии». Они могут иметь еще какие-либо иллюзии в отношении своих возможностей только с учетом всеобщих империалистических интересов. Космополитизм нужен сегодня империалистам для взаимной безопасности, для совместной борьбы против идей демократии и во имя совместного угнетения «своих» народов. Тенденция к прорыву национальных ограничений, заключенная, в конечном счете, в характере современных производительных сил, осуществляется

империализмом в виде глобалистского, космополитического объединения монополий против народов. Поэтому и неофашисты назойливо апеллируют сегодня к защите «единства запада», «сохранения западных культурных ценностей», призывают все «конструктивные» силы Запада объединиться в борьбе против всех «деструктивных» партий и организаций и т. д. и т. п. Однако это касается прежде всего внешнеполитической сферы.

Для мобилизации же населения внутри собственной страны национализм по-прежнему служит эффективным средством. Конечно, в наши дни не так часто, как во времена Гитлера, говорят о «народном сообществе», об «арийской расе», о «крови и судьбе», «крови и земле» и т. п., однако лозунги в духе Вильгельма II: «Я не знаю никаких партий, я знаю только немцев» и Геббельса: «Один народ, одно государство, один фюрер», лозунги, подобные демагогическому призыву Й. Штрауса: «Мы все в одной лодке», являются ключевыми в националистической пропаганде неофашистов. Германские неофашисты, как и во времена Гитлера, спекулируют на «идее отечества», на идее «исключительности» своей немецкой «нации». Разумеется, не случайно (и не только по традиции) идеологи неофашизма прибегают к этим паролям, демагогически апеллируя к национальному чувству. Это в решающей степени объясняется тем, что идея нации, идея отечества никогда не были чуждыми или враждебными для народных масс. Они соответствуют объективному процессу формирования нации, которая в своей основе имеет реально существующую общность. Нация при капитализме в известной мере расколота на антагонистические классы, но, тем не менее, по отношению к другим нациям она противостоит как некое относительное единство. Используя это, правящие круги пытаются идею нации противопоставить идее интернационализма, идее класса, классовой борьбы. И действительно, идея нации в известной мере формируется легче в связи с такими внешне очевидными чертами, как общность языка, культуры, территории, в то время как познание классовой общности требует более глубокого проникновения в сущность социальных явлений. Исходя из этого, неофашистские теоретики стремятся классовую борьбу подчинить «национальному интересу», сделать последний интегрирующей основой включения всех слоев в сферу «государственного интереса» и т. п. В этой связи неонацисты из

НДП Германии демагогически критикуют «империализм» США, ЕС, НАТО, транснациональных корпораций и т.п.; это внешние враги. Внутренние же враги «народа» – мигранты и «иностранное население», разрушающие культуру «немецкой нации».

Они назойливо твердят о социальной справедливости и национальной солидарности; о том, что безработица, низкая зарплата, плохие условия труда – результат кризиса капитализма. Даже проводят кампании против капитализма и глобализма, на практике же, отрицая классовую борьбу трудящихся, стремятся перевести ее в русло борьбы с мигрантами.

Неуверенность в завтрашнем дне, чувство бессилия, страх анонимии, вызванные экономическим кризисом, безусловно, создают базу для правых, для неонацистов. Ведь неонацисты обещают социальную защищенность, единение, солидарность.

До 90-х гг. XX в. во многих странах у власти были социал-демократы. Но они не смогли защитить трудящихся, ставших жертвами глобализации, не смогли противостоять политике неолиберализма (в духе тетчеризма, рейганизма), более того, зачастую, молча, ее поддерживали. Все это отталкивало от социалистов и социал-демократов трудящихся, открывало пространство для правых, в том числе и правых радикалов, стремящихся усилению эксплуатации трудящихся использовать против «ненациональных» элементов.

Вместе с тем, наряду с националистическими лозунгами нефашисты весьма часто вполне откровенно выражают свои расистские взгляды. Ни радикальные утопии, ни философские учения о человеке не могут определять политику, «доказывают» теоретики неонацизма. Поскольку человек является частью биологической системы и принадлежит к определенной расе, поскольку решающую роль в истории и политике якобы играют расовые и племенные различия. Так, один из «видных» теоретиков неонацизма Эрнст-Густав Анрих «доказывал», что человеческий род «произрос... не как один совершенно одинаковый вид и одно сообщество, а как подвиды и подсообщества в великих, отделенных друг от друга пространствах, как расы с различными телесными и духовными задатками, стилем самовыражения и распространением»³³². В «Политическом лексиконе НДП» откровенно записано: «Никто не имеет права равнодушно относиться к расовому принципу, он является ключом к мировой истории, и только потому история

часто так запутана, что ее писали люди, которые не разбирались в расовом вопросе... Язык и религия не делают расы, ее делает кровь»³³³.

Трудно поверить, что после заката эры нацизма могут иметь распространение расистские взгляды.

П. Шютт, прогрессивный германский писатель, пишет, что «начало восьмидесятых годов» XX века в ФРГ «отмечено такой враждебностью к иностранцам, ненавистью к «чужакам», таким расизмом, каких не было с расистских времен». Правые и неонацисты ведут разнузданную кампанию против иностранцев, особенно «гастарбайтеров» – иностранных рабочих. В 1980 г. в Бонне была основана организация «Боннская гражданская инициатива по защите от наплыва азиатов и прочего чужеземного засилья», в Штутгарте – «Гражданская инициатива по прекращению иммиграции», в Вангеле, оплоте ХДС, – «Лига против иностранных бесчинств».

Расистская пропаганда приносит свои плоды. Как показывают результаты опроса, проведенного правительственными учреждениями в начале 80-х годов, 18% западногерманских граждан заявили, что видят в иностранцах и «гастарбайтерах» «смертельную опасность для нашего народа». П. Шютт справедливо подчеркивал: «Тот, кто относится к другим как к чужакам, в конечном счете, переносит свои предрассудки на всех встречаемых»; во всех, в том числе и себе подобных, он видит врагов³³⁴. Такой озлобленный и вместе с тем всего боящийся обыватель, скорее всего, идет к фашистам.

Но примечательно, что расистские убеждения присущи не только приверженцам оголтелых, человеконенавистнических неонацистских группировок, а даже многим представителям научных кругов. В этом кроется их наибольшая опасность. Во всяком случае, как отмечает С. Чавкин, в США и сегодня существует немало теорий, в которых при решении, например, проблем преступности наблюдается тенденция обойти социальные корни насилия (неустойчивое состояние экономики, безработицу и т. д.) и сосредоточить внимание на «патологии» (генетической или какой-либо иной) преступника. Увеличение числа черных и лиц латиноамериканского происхождения среди американских заключенных некоторые теоретики объясняют, в частности, наследственными пороками различных этнических групп. При этом даже не пред-

принимается попытка как-то скрыть откровенный расизм, проглядывающий сквозь подобные высказывания. Так, ученый-биофизик Р.А. Макконнел заявил: примерно от 10 до 30% населения США не обладают достаточными генетическими способностями, чтобы самоокупать себя или вносить больший вклад в экономическое развитие современного индустриального общества. По его мнению, в этом и кроется главная причина нынешних социальных недугов³³⁵.

Совершенно ясно, что главная цель сторонников генетического детерминизма заключается в том, чтобы снять ответственность с существующих социально-политических отношений и институтов. Их усилия сконцентрированы главным образом на том, чтобы возложить всю ответственность за антисоциальное поведение на «генетически ущербных индивидов» с якобы нарушенной ответственностью, в то время как истинные причины такого поведения следует искать, прежде всего, в невыносимых условиях жизни, в нищете и безработице. Возрождение генетического детерминизма, безусловно, представляет собой шаг назад к социал-дарвинизму, к периоду, когда социал-дарвинисты доказывали, что мир, в сущности, устроен по принципу: выживает сильнейший.

Английский ученый, лауреат Нобелевской премии П.Б. Медоуэр, разоблачая расистские теории английской элиты, справедливо писал, что утверждения, будто наследственные свойства человека (его генетический код) всецело предопределяют его способности, дальнейшую судьбу, горести и радости, лежат в основе расизма, фашизма и всех других теорий, пытающихся, как сказал в свое время французский философ Кюндорсе, «сделать из природы соучастника в преступлении политического неравенства»³³⁶.

Некоторые реакционные ученые, опираясь на достижения современной генетики, по существу, стремятся установить контроль над разумом и поведением человека в целях принудить его подчиниться тому, кто обладает властью. Так, ученый-бихевиорист Д. Макконен заявлял: «Наступил момент, когда... стало возможным... осуществить очень быстрый и чрезвычайно эффективный вид позитивного «промывания мозгов», что позволит добиться радикального изменения поведения человека и его личности... Мы должны перестроить наше общество так, чтобы с самого дня рождения нас учили хотеть только то, чего хочет от нас общество.

Теперь мы уже имеет техническую возможность сделать это... Никто не является хозяином своей личности... То, каким вы стали, от вас совершенно не зависело, поэтому нет никаких оснований считать, что вы должны иметь право отказаться от возможности стать новой личностью, если ваша прежняя была антиобщественной... Современные психологи-бихевиористы являются создателями и инженерами Прекрасного нового Мира»³³⁷.

Выступая 3 августа 1977 г. на слушаниях в сенате, адмирал С. Тэрнер, бывший в то время директором ЦРУ, признался, что его ведомство проводило и проводит опыты по «промыванию мозгов» бесчисленного множества американцев без их ведома и согласия. Одни из них были заключенными, другие – пациентами психиатрических больниц, третьи – пациентами онкологических лечебниц. Но среди них было и неизвестное число лиц, не находившихся в лечебных учреждениях, которые, ничего при этом не подозревая, выполняли роль подопытных кроликов. Подобная явно противозаконная деятельность ЦРУ осуществлялась при участии, по меньшей мере, 185 ученых и около 80 учреждений: тюрем, фармацевтических компаний, больниц и 44 медицинских колледжей и университетов.

Как видно, списывать в архив истории расистские теории нацистов, а также «медицинские эксперименты» нацистских врачей рано. Расизм еще живет, реакционные силы по-прежнему цепляются за него.

Наряду с националистическими, расистскими концепциями современные фашисты, как и их покровители, исповедуют тоталитаризм, беспрекословное подчинение части целому, индивида государству. Так, один из видных деятелей ХДС Э. Альбрехт провозглашает следующие «основы философии государства»: сильное государство не должно быть связано никаким правом или законом; как законодатель и творец права оно может не придерживаться закона, если этого потребуют «чрезвычайные обстоятельства»³³⁸. Ясно, что такое «понимание» государства ставит исполнительную власть над законодательной и тем самым служит оправданием тоталитарной диктатуры.

При этом неонацистский идеолог – Барник, проповедуя приоритет целого, восхваляет немецкий милитаризм именно за то, что его «этической основой» является сведение на нет личных качеств

и особенностей индивида, его нивелирование и растворение в «целом». Для немца, заявляет Барник, «военная служба есть нечто вроде земного искупления, освобождения от персональной обособленности, возвращения к себе домой, в первоначальность».

Неонацистам с их псевдотеоретическими изысканиями на руку тот факт, что социал-дарвинизм все еще не стал достоянием истории. Антрополог Р. Ардри, последователь К. Лоренца, который обосновал тезис о врожденной агрессивности человека, «развил» своего «учителя», выдвинув положение о другом мистически обусловленном инстинкте человека – инстинкте обладания территорией. Созвучие этого «научного открытия» с фашистской теорией «жизненного пространства» самоочевидно. Это, в сущности, прямое оправдание с позиций биологии территориальных захватов и политики неокOLONIALИЗМА. Характерное для нацистов прославление агрессии и жестокости «нордического» «сверхчеловека» теперь заменено более «спокойным» (но не менее опасным) выводом о вечно агрессивных основах человеческой природы³³⁹.

Фашистское принижение личности имеет другой своей стороной принижение народа в целом. Совершенно в духе гитлеровского принципа «фюрерства» неофашисты с презрением относятся к народным массам, противопоставляют им элиту во главе с сильным человеком. Бывший гитлеровец, ставший после войны «специалистом» по проблемам послевоенной истории, Г. Груберт объявляет основой национальной жизни беспрекословное подчинение масс «руководящему Я». При этом, ссылаясь на предысторию и историю «арийских» народов, он утверждает, что подлинно выдающимися руководителями «германского сообщества» издревле всегда были военачальники.

Демагогия и ложь, большая ложь, как и прежде, – основные принципы пропаганды современных фашистов. Они цинично прославляют Гитлера и других фашистских фюреров, издадут книги и «документы», оправдывающие фашизм и восхваляющие вермахт. Последыши нацизма нагло клеветуют на антифашистов, на солдат стран антигитлеровской коалиции, даже на свои жертвы. Они бесстыдно твердят, что в концентрационных лагерях никогда (!?) не было газовых камер, что лагерь уничтожения в Дахау был создан не немцами, а по приказу американцев уже после поражения Германии (с целью «имитировать» зверства гитлеровцев); что нельзя

забывать «благотворного воздействия концентрационных лагерей, которые многих демократов и социалистов превратили в «порядочных людей»; что никакого Холокоста не было, что сами евреи вели «кампанию ненависти» и поэтому карательные акции против них были оправданны, и т. д.³⁴⁰

Неонацисты лживо изображают гитлеровский рейх как оплот национальных чаяний немцев, как воплощение «единства духовных и политических интересов немецкого народа»; они назойливо твердят, что вермахт представлял собой действительно «народную армию без каких-либо классовых противоречий между офицерами и рядовым составом» и т. д.

Апеллируя к «подвигам» вермахта, реабилитируя гитлеровский рейх, неофашисты требуют «национального возрождения». Манипулируя националистическими лозунгами «Право на родину», «Право на границы 1937 года», жонглируя словами «свобода», «отечество», «порабощенная часть Германии», «сообщество немецкого народа» и т. д. и т. п., профашистские круги бывшей ФРГ исподволь разжигали реваншистские настроения, чтобы подвести немцев к мысли о необходимости бороться за «попранные национальные права и достоинство».

Ни в чем не уступают своим германским собратьям и итальянские неофашисты. Исходным пунктом их политической и идеологической платформы по-прежнему служат антикоммунизм и национализм. Спекулируя на страхе собственника перед угрозой социальных потрясений, стимулируемого действиями всякого рода экстремистских группировок, неофашисты выставляют себя наиболее последовательными защитниками «порядка». Лозунг «Родина, семья, порядок» бесконечно повторяется фашистскими ораторами. Во внешнеполитическом плане итальянские неофашисты воспевают военные доблести Италии времен Б. Муссолини, разжигают реваншистские притязания к своим соседям.

В социальной области неофашисты апеллируют к корпоративизму, рассматривая корпоративную систему как панацею от классовой борьбы и средство для упорядочения и подъема экономической жизни. Они нередко с яростью обрушиваются на парламентскую демократию, отвергают всеобщее избирательное право, провозглашают неравенство вечным законом жизни человеческого общества. Как видно, и идеология итальянских

неофашистов представляет собой смесь старых, хотя и несколько замаскированных «идей», взятых из идеологического арсенала «классического фашизма», и положений некоторых современных крайне реакционных концепций³⁴¹.

В таком же духе действуют и рассуждают профашистские элементы в других странах. Во Франции, например, фашистские по смыслу идеи распространяют так называемые «новые правые» (Ален де Бенуа, Луи Повель, М. Понятовский и др.). Они требуют предать забвению свободолобивые идеалы Французской революции 1789 г., Парижской Коммуны, порочат идеи марксизма и коммунизма. Их идеал – это «традиционное общество» языческих, варварских племен кельтов и германцев эпохи до римского завоевания. Они призывают к иерархии, к естественному отбору между людьми и между нациями. Они считают, что твердая, авторитарная власть придает форму и порядок хаосу мира. Они ратуют за «органическую» концепцию общества, где оппозиция между классами преодолена и становится столь же немислимой, как война органов внутри тела. Идеалом органичности они считают по сути феодальный принцип деления общества на духовенство, знать и третье сословие. Они твердят о ведущей роли индоевропейской расы, насаждают культ сверхчеловека, героя. Новая аристократия будет конструироваться наряду с евгеническим методом селекции путем специального воспитания в особых «монастырях». Каста «достойных людей» будет господствовать над классом рабов и т. д. и т. п.³⁴². В то же время «новые правые» стремятся создать интеллектуальный фасад для фашистских идей; обличают капитализм, либерализм, общество потребления, защищают «третий мир», «органическую демократию», поддерживают экологизм и феминизм и т. п. А. Бенуа, в частности, маскируя свои расистские идеи, выступает за культурную однородность, за несмешиваемость различных этнокультурных групп.

Бывший лидер «Национального фронта» – партии французских неофашистов Ле Пен (в настоящее время «Национальный фронт» возглавляет его дочь) постоянно апеллировал к национализму и шовинизму. «Франции и Европе угрожает смертельная опасность оказаться под пятой народов арабского мира», «французы – прежде всего, цветные – вон из страны», «два миллиона иммигрантов – это два миллиона безработных» – назойливо твердил этот политик.

У своих французских предшественников Р. Барреса и Ш. Мораса, а также гитлеровских идеологов он заимствовал мистику крови, рода, почвы, родины, нации и т. п., противопоставляя их космополитизму коммунизма, социализма, интернационализма. По Ле Пену, иммиграция – опасное оружие «чужаков», она приводит к биологическому, идеологическому и культурному смешению рас, в конечном счете, это может закончиться исчезновением французского народа как этноса. Надо сделать всё, использовать все средства, чтобы спасти Францию, всю белую расу, призывает он.

В социально-экономической сфере Ле Пен демагогически выступает за «народный капитализм», основанный на распределении акций между отцами семейства.

В сущности в идеологии Ле Пена есть все: апология частной собственности и коммунитарный идеал, лозунг «третьего пути» между либерализмом и коммунизмом, антиэтатистские лозунги и одновременно авторитарные идеи, атлантизм и ярко выраженный национализм и т. д. и т. п. Вместе с тем для всей демагогической риторики Ле Пена характерен примитивный антикоммунизм, идея «коммунистического заговора». Сейчас, напомним, его идеологическую и политическую линию продолжает его дочь Мария Ле Пен.

Конечно, сегодня неонацистские организации малочисленны, но они тесно сотрудничают между собой. Активно распространяют свои «идеи» через Интернет. Опасно то, что они сегодня используют тактику энтризма, проникновения в левые организации, добиваясь их раскола, разложения. Как и классические фашисты, они стремятся перехватить у левых идеи, лозунги и символику, маскируя тем самым свои подлинные идеи и цели (используют красные флаги социалистов, черные – анархистов, носят палестинские платки, портреты Че Гевары и Чавеса, берут на вооружение призыв кубинских революционеров: «Patria o muerte», апеллируют даже к облику и достижениям ГДР).

В конечном счете, за всеми демагогическими построениями неонацистских идеологов скрываются неуважение к другим народам и нациям, грубый антиинтеллектуализм, антидемократизм, апологетика насилия т. п. Цивилизованный мир, достойный этого названия, должен с презрением и отвращением отбросить подобные бесчеловечные «идеи», рождающиеся в самых темных и грязных

душах и оправдывающие самую жестокую, самую отвратительную тиранию. Годы фашистского господства, годы страданий миллионов людей показали, что в черной душе фашистов нет места чести, уважению человеческого достоинства, миролюбию, состраданию и укорам совести. Фашисты доказали, что фашизм и мир, фашизм и свобода, фашизм и достоинство личности так же несовместимы, как ночь и день.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понятно, что 2015 год – не 1933 год. Честные демократически настроенные люди решительно выступают против фашизма. И все же...

В мире продолжают действовать факторы, способствующие возникновению фашизма.

Социально-экономическая ситуация и политический климат в ряде стран способствуют возрождению преступной идеологии. Миллионы юношей и девушек, не начав по-настоящему жить, становятся отверженными. Куда они идут? Где и в чем конкретно ищут защиты? К сожалению, отнюдь не всегда вступают на путь борьбы с империализмом, не всегда входят в демократические и прогрессивные организации. Немало молодых людей идет к правым экстремистам, ядром которых, в сущности, и являются всякого рода фашиствующие элементы. Молодых людей привлекает воспеваемая ими романтика решительных действий, культ силы, прославление героической, военизированной жизни, противопоставляемой бесцветному, тусклому существованию в условиях «общества потребления» и т. д. и т. п. К неофашистам идет также немало лиц, принадлежащих к средним и низшим социальным слоям, стремящихся к улучшению материального положения, стабильному и прочному положению в обществе.

Именно поэтому все честные люди должны быть бдительными. Они должны помнить, что фашизм принес человечеству. Они должны помнить, что «фашизм – это философия уничтожения и разрушения личности, это зловещее подчинение разума инстинктам, это «сила выше права», взгляд на свободно мыслящего человека как на взбесившееся животное, достойное кнута и смерти, это педантично рассчитанное убийство миллионов людей, насилие над мыслью, над любовью, над молодостью, это жарко дымящиеся трубы крематориев в концлагерях, выстрелы в затылок, это презрительное отрицание совести, сентиментальности, мешающей нажать спусковой крючок автомата, нацеленного в ясные глаза ребенка». (см. Венок славы. Т. 1. М., 1983, с. 14). Память о страшных злодеяниях фашистов необходимо не только ради справедливости и благоговейного уважения к безвинным жертвам фашизма,

к героям, которые погибли в борьбе с фашистской чумой. Это нужно для живых, для будущего.

Чтобы идти вперед, конечно, следует думать о будущем. Но оно коренится в прошлом, и это означает, что прошлое время не должно зарастать травой забвения. Об этом очень остро говорит немецкая писательница К. Вольф¹, поскольку ее особенно волнует проблема воспитания молодого поколения.

Школа не учит молодежь по-настоящему пытливому, эмоциональному отношению к прошлому. В учебниках как будто все есть, даже карта концентрационных лагерей. Но, подчеркивает К. Вольф, она сама видела, как в Бухенвальде подростки тринадцати-четырнадцати лет, шагая по бывшему плацу, что-то жуют и включают электронную аппаратуру. Что-то в них еще не разбудили; я говорю не о чувстве вины, но о сочувствии, сострадании. Карта концлагерей в учебниках имеется, однако эмоций эта карта вызывает не больше, чем все прочие карты в этом же учебнике.

Да, мне в самом деле хотелось бы осложнить забвение, продолжает К. Вольф. Многие, к сожалению, к этому относятся неодобрительно; дескать, не успеет давняя история наконец порастить травой, как непременно явится какой-то верблюд и всю эту траву подчистую поглотит. Но моя задача в том и состоит, подчеркивает К. Вольф, чтобы показать: Я есть верблюд, который сжирает траву, которой поросла давняя история, причем сжирает намеренно. Я к этому стремлюсь, я этого хочу. Но необходимо превозмочь чисто рациональную передачу знаний и опыта. Дело в том, что осознание ошибки пережить легче, нежели стыд, и вообще настоящие знания приобрести не столь трудно, как настоящие чувства. Знания без эмоций и эмоции без знаний порождают странно однобоких людей, которых мы и видим вокруг.

Смысл исторической памяти – в извлечении уроков из пережитого, в стремлении к тому, чтобы сделать невозможными катастрофы, обрушивавшиеся на человечество в течение многих столетий², особенно катастрофу, к которой привело фашистское варварство. Ч. Айтматов очень справедливо написал однажды: «Человек без памяти прошлого, поставленный перед необходимостью заново определить свое место в мире, человек, лишенный исторического опыта своего народа и других народов, оказывается вне

исторической перспективы и способен жить только сегодняшним днем»³.

Перспектива свободного, демократического развития стран мирового сообщества требует бдительности и ответственных действий от всех: от граждан, прежде всего, а также от политиков. Свободное и демократическое устройство общества – судьба людей, если они хотят жить достойно. Ее альтернатива – тоталитарное государство, в котором нет граждан, не существует свободных людей, есть только повелители и подданные. Возлагая на себя ответственность за государственные дела, поступая как граждане, люди, то есть, все мы, обеспечим движение государства к подлинной демократии, к свободе, справедливости и солидарности; только так, на таком пути возможно обеспечить утверждение государства как действительно нравственно-правового дела и не допустить никаких антидемократических срывов.

Между тем, США, претендующие на статус самой демократической страны мира и стремящиеся навязать свои представления о демократии другим странам и народам, особенно после террористической атаки на них 11 сентября 2002 года, открыто перешли к антидемократическим мерам общенационального полицейского надзора (проверки, обыски, тотальная регистрация и контроль, подслушивание и т.п.). Соответственно Америка усилила и усиливает меры военно-полицейского характера во всем мире; при этом назойливо обвиняет Россию в чрезмерной концентрации государственной власти и даже в переходе к тоталитарным формам правления.

Как пишет известный американский политолог Стивен Ф. Коэн в статье «Новая «холодная война» (См. журнал «Национальные интересы», М. № 1(36), 2005), американские ястребы усиливают нападки на Россию. Обозреватель «Нью-Йорк таймс» Кристофер утверждает, что Путин «ведет Россию к фашизму», подчёркивая, в тоже время что «в любом случае фашистская Россия намного лучшая штука, чем Россия коммунистическая». Более того, клеветуют на Россию, на Президента РФ Путина В.В. не только продажные журналисты, но и высокопоставленные государственные деятели; в частности Хилари Клинтон и английский принц Чарльз, также подло сравнившие Путина с Гитлером. С. Коэн по этому поводу обоснованно замечает: Оставляя в стороне более важные

вопросы, я невольно вспоминаю о множестве евреев, спасшихся из фашистских лагерей смерти в Восточной Европе только потому, что они были освобождены оттуда «коммунистическими солдатами». К сожалению, продолжает С. Коэн, к таким гиперболам в своих комментариях способны не только американские журналисты; модный британский историк Нейл Фергюсон также предостерёг читателей лондонской газеты «Дейли телеграф», что Путин, возможно, превращается в Гитлера, в вполне сформированного русского фюрера», представляющего «равную угрозу остальному миру». Выслушивая эти обвинения в адрес России и Путина, продолжает С. Коэн, думающие граждане России вправе задаваться вопросом: почему Вашингтон поддерживал в 90-е годы XX века Ельцина, одного из самых презренных фигурантов в посткоммунистической России, по-фашистски расстрелявшего из танков избранный народом парламент, проводившего мошеннические выборы, организовавшего незаконный олигархический грабёж государственной собственности, беспардонно лгавшего народу? За дымовой завесой лживых обвинений в адрес России правящие круги США стараются прикрыть свои профашистские цели. Рупор американских ястребов З. Бжезинский в своих геополитических расчётах особое место уделяет Украине. «Украина, новое важнейшее пространство на европейской шахматной доске, является, с геополитической точки зрения, центром его масс. Потеряв Украину, Россия перестаёт быть евразийской империей. Если же Москва восстановит свой контроль над Украиной, с её 52-миллионным населением и значительными ресурсами, а также выходом к Чёрному морю, она автоматически вновь получит ресурс, необходимый для того, чтобы стать мощной имперской державой, раскинувшейся на территории, как Европы, так и Азии. Поэтому центр американской геополитической поддержки должен «прийтись на Азербайджан, Узбекистан и Украину – все эти три государства чрезвычайно важны в геополитическом отношении. Фактор Киева ещё более усиливает аргументацию в пользу того, что Украина – страна, имеющая исключительное значение, по крайней мере, в том, что касается эволюции самой России в будущем», подчеркивает З. Бжезинский. В свете этих высказываний З. Бжезинского совершенно ясно, что именно правящие круги США организовали фашистско-бандеровский переворот в Киеве, в Украине, именно они финансируют

нынешнюю киевскую хунту, именно они подталкивают ее к вооруженной борьбе против той части украинского народа, который не желает подчиняться преступной власти бандеровских предателей Украины. Поразительно, насколько дезориентировано, искажено, фальсифицировано сознание молодых людей в Западной Украине. Бандиты Бандера и Мельник, дивизия СС «Галиция», сформированная Гитлером из украинских «самостийников», – каратели, подло расправителя с мирным населением и партизанами, нынешними властями властями Украины героизируются, Бандера и Мельник объявляются народными героями. И многие обманутые молодые люди это принимают и встают под националистически-шовинистические, в сущности, фашистские знамена.

Почему США так важно, так необходимо ослабить влияние России в Европе? «Держава, господствующая в Евразии, контролирует два из трёх наиболее развитых и экономически производительных регионов мир. Контроль над Евразией также предполагает подчинение себе Африки и оказание влияния на Западное полушарие и Океанию, составляющие геополитическую периферию центрального континента планеты; в Евразии живёт около 75 процентов мирового населения, и здесь также сконцентрирована большая часть физического мирового богатства как воплощенного в промышленности, так и в виде ресурсов, скрытых под землёй. На Евразию приходится около 60 процентов совокупного мирового валового национального продукта и примерно три четверти разведанных запасов энергоносителей; также в Евразии сосредоточена большая часть наиболее значимых и политически активных государств мира. В Евразии расположены государства, занимающие следующие шесть – вслед за Соединенными Штатами – мест в мире по масштабам экономики и размерам военного бюджета. Евразия – континент всех ядерных держав мира, (кроме одной, из тех, что признают наличие у себя ядерного оружия). Два самых крупных в мире государства по численности населения, претендующие на мировую гегемонию и глобальные масштабы своего влияния, расположены в Евразии. И все страны, потенциально могущие конкурировать с Америкой на политической и экономической арене, также расположены в Евразии».

Стремясь к гегемонии на мировой арене, США, «естественно», желают «устранить» прежде всего Россию, как всемирную ев-

разийскую державу, как своего главного конкурента на евразийском континенте. Однако у правящих кругов США короткая память; они забывают, чем оканчиваются попытки установления мирового господства, чем оканчиваются попытки «устранить» Россию.

Как отмечает американский психолог Р. Мэй, американцам свойственна некая «невинность», стремление «избавиться от зла путём его запрета». Разъясняя этот свой вывод, Р. Мэй в книге «Сила и невинность» пишет, что у американской нации не сложились подлинного чувства трагедии, которое «помогало бы нам испытывать сочувствие к врагу и, тем самым могло бы смягчить нашу жестокость». Стоит только почитать отчёты тех, кто пилотировал бомбардировщики над Индокитаем («Я не думаю о находящихся внизу женщинах и детях, – говорили летчики. – Я думаю о том, что у меня есть задание и испытываю удовлетворение, если его хорошо выполняю»), чтобы найти подтверждение того, что мы отгораживаемся от творящегося в мире зла... Две мировые войны не пробудили в американцах «ни ощущения греха, ни того обострённого чувства зла, которое почти что инстинктивно присуще народам Старого Света». Не ощущая собственной сопричастности, американцы тем самым лишены элемента милосердия, которое, вполне вероятно, является неотъемлемым условием гуманности», пишет Р. Мэй.

Для многих американцев ключевые вопросы политической и экономической жизни страны просто не важны, продолжает Р. Мэй, главное – собственное спокойствие, в лучшем случае – собственное нравственное совершенствование, «победа которого не требует насилия и перед которым насилие бессильно».

Подобная «невинность», псевдоневинность по сути тормозит развитие сознания, поскольку в нём отсутствует диалектическое движение между добром и злом, которое и порождает сознание, отсутствует история как летопись побед и поражений человека, его добродетелей и грехов, множество иных проявлений человека, способствующих к расширению и углублению сознания.

Невинность – это попытка избавиться от ответственности, это возврат к положению, предшествовавшему зарождению сознания, ибо вина, ответственность, подчёркивает Р. Мэй, есть лишь другая сторона нравственного сознания, которое мы «вкусили от древа познания».

Чувство ответственности сегодня как никогда прежде необходимо американцам, подчёркивает Р. Мэй, ибо «в нашей стране уже заметны ростки ползучего фашизма: обращение молодёжи против отцов, антиинтеллектуализм, рост насилия в сочетании со свойственным массам чувством бессилия, стремление бюрократии принимать решения, основываясь на соображениях технической эффективности, когда в приспособленчестве тонет всё человеческое». Вместе с тем, все то, что сказал Р. Мэй о «невинности» американцев в полной мере относится и к западноевропейцам.

Конечно, у демократии в США и Западной Европе сильные корни и традиции, что позволяет надеяться, что фашистские и профашистские поползновения в конечном счете не будут иметь успеха. Но бдительность необходима. Необходима она и в России. У нас в России на арене политической жизни сегодня также немало наглых, бессовестных и бездарных людей. В то же время в обществе царит несправедливость: миллионы бедных, десяткам тысяч молодых людей недоступно современное образование, они обречены на безработицу. Несправедливость, господствующая в обществе, отсутствие перспективы, невежество толкает многих молодых людей на путь экстремизма и насилия, в объятия фашиствующих политиканов-преступников. В стране сегодня проявляется то, что никогда не было возможным в советское время: некоторые молодые люди апеллируют к фашистским идеям и лозунгам, заимствуют фашистскую символику: приветствия и свастику. Это в стране, сыны и дочери которой, положив на алтарь победы над фашизмом огромные жертвы, проявив великое мужество и героизм, сокрушили фашизм, защитили свободу и независимость России и спасали человечество! И это ведь были прадеды и деды современной молодежи России, в том числе и тех молодых людей, которые сегодня «вдохновляются» фашизмом!

Россия справится со всеми трудностями пойдет вперед, если будет последовательно и неуклонно стоять на позиции демократизации общества и создания условий для социального творчества самих граждан. Граждане имеют право и – главное – должны уметь защищать свою свободу, политические и социальные права. Их требования к власти должны быть направлены на то, чтобы в стране создавались и развивались демократические институты и процедуры, утверждалось гражданское общество, уважались права и

свободы человека и гражданина, Конституция и законы. Граждане должны, что особенно важно, добиваться, чтобы правовой строй не был сведен лишь к поддержанию «благопристойности» внешних отношений между людьми. Политическая эмансипация необходима, но необходимо гарантировать социальную защищенность человека. Общество, претендующее быть справедливым, должно отвергнуть принцип: всякий за себя и для себя. Оно должно быть социальным, соединять, сплачивать людей, упрочивать их солидарность. Но что это значит? Это значит, что государство, общество должны гарантировать своим гражданам право на, труд, на образование и здравоохранение, на различные формы социальной поддержки, то есть на достойную жизнь.

Во всяком случае, государство тогда развивается стабильно и поступательно, тогда оно устойчиво и прочно, когда народные массы признают его своим государством, когда они готовы в любой ситуации защищать свое государство.

В то же время граждане, обладающие высокой политической культурой, чувством чести и достоинства, желающие жить в условиях народовластия и демократии и готовые защищать их, безусловно, могут противодействовать злоупотреблениям властей, могут не допустить установления деспотических, т.е. фактически фашистских режимов, могут свергнуть, победить несправедную власть.

В текущем 2015 году мы, русские, россияне отмечаем 70-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Вместе с нами отмечают день Победы над фашизмом все братские народы, входившие в состав СССР, ныне предательски, преступно подло разьединенные. День победы над фашизмом празднуют и главные наши союзники – народы США, Великобритании и Франции, народы других 54 стран, к 1945 году входивших в антифашистскую коалицию.

Фашистская Германия во время второй мировой войны не смогла привлечь на свою сторону ни одну нацию. Ни один народ не стал ее союзником. На ее стороне были лишь фашистские и профашистские правители ряда стран, коллаборанты-предатели – и всё. Народы презирали фашистскую Германию и объединялись в борьбе против фашизма.

Советский народ уважает своих союзников, внесших значительный вклад в достижение общей победы над фашизмом. Мы благодарны воинам национальных формирований, созданных на территории СССР (в них было свыше 500 тысяч человек), которые вместе с Красной Армией сражались против общего врага. Наши сердца полны чувства благодарности антифашистам, помогавшим Советской Армии победить, боровшимся против фашистских варваров.

Тысячи патриотов-антифашистов отдали свои жизни ради победы над фашизмом. Выдающийся антифашист, великий патриот Чехословакии Юлиус Фучик гордо заявил фашистским палачам: «Да, я помогал Советскому Союзу, помогал Красной армии. И это лучшее, что я сделал за сорок лет своей жизни... Сегодня вы зачитаете мне приговор. Я знаю, он гласит – смерть человеку! Но мой приговор вам вынесен уже давно: смерть фашизму! Жизнь – человеку!..»⁴.

Мы гордимся тем, что именно наш, советский народ и его доблестная Красная Армия нанесли решающее поражение фашизму. У. Черчилль в связи с 27 годовщиной Красной Армии писал И. В. Сталину: «Красная Армия празднует свою двадцать седьмую годовщину с триумфом, который вызвал безграничное восхищение ее союзников и который решил участь германского милитаризма. Будущие поколения признают свой долг перед Красной Армией также безоговорочно, как это делаем мы, дожившие до того, чтобы быть свидетелями этих великолепных побед».

Трудным был путь к победе. Огромные жертвы принес Советский Союз, советский народ на алтарь победы: миллионы жизней своих лучших сынов и дочерей.

В чем же коренился источник силы советского народа, позволивший ему выиграть жесточайшую войну в истории, несмотря на огромное превосходство фашистского агрессора и тяжелые наши поражения в первые дни, первые месяцы войны? В социализме, в социалистической общественной системе, в таких ее качествах, как общественная собственность на средства производства, планирование развития экономики и всех других сфер социальной жизни. Именно плановая система позволила в кратчайшие сроки изменить характер кооперационных связей между десятками тысяч предприятий, мобилизовать и сконцентрировать все ресурсы

прежде всего для военной промышленности. Только благодаря исключительным свойствам планового хозяйства, СССР удалось превзойти экономически более мощную Германию (опиравшуюся, кроме того, на ресурсы союзных и покоренных стран Европы) по размерам военного производства. Советский Союз, выпуская в год стали в 3 раза и добывая угля в 5 раз меньше, чем Германия и ее сателлиты, выпускал оружия, боевой техники, боеприпасов в 2-3 раза больше.

В расчете на каждую тысячу тонн выплавленной стали советская промышленность производила в пять раз больше танков и артиллерийских орудий, на тысячу выпущенных металлорежущих станков – в 8 раз больше самолетов, чем германская промышленность.

Только плановая система позволила в первые тяжелейшие военные месяцы успешно осуществить эвакуацию промышленных предприятий из западных в далекие восточные области. Эпопея с эвакуацией советской промышленности на Восток вообще не имеет себе равных в мировой истории. Без проведения эвакуации было бы невозможно обеспечить военно-техническое превосходство над Германией, достигнутое в ходе войны. Всего в ходе эвакуации на Восток было перебазировано 1523 предприятия, из них более 1360 крупных предприятий (главным образом военных или связанных с производством продукции военного назначения). Вместе с предприятиями было эвакуировано примерно 30 – 40 % их персонала. Всего на Восток уехали в те месяцы около 10 млн советских людей...

В напряженной обстановке предвоенных лет Советское государство целенаправленно готовило своих граждан к защите Родины. Именно в этот период воспитывались и закалялись физически и духовно будущие герои Брестской крепости, сражений за Москву и Сталинград. Общеобразовательные школы, другие учебные заведения и общественные организации воспитывали у детей и молодежи высокое чувство любви к Родине. Было действительно создано истинное братство всех народов страны.

Все это создало тот запас прочности, который позволил советскому государству выдержать страшный первый удар немецко-фашистских войск, а затем захватить стратегическую инициативу в свои руки и перейти в контрнаступление. Г.К. Жуков,

характеризуя предвоенные годы, так писал о них: «Хочется сказать доброе слово о времени предвоенном. Оно отличалось неповторимым, своеобразным подъемом настроения, оптимизмом, какой-то одухотворенностью и в то же время деловитостью, скромностью и простотой в общении людей. Хорошо, очень хорошо мы начинали жить! Страна, народ были готовы дать отпор агрессору или агрессорам, будь это фашистская Германия или коалиция империалистических держав».

Сегодня СССР не существует. Героическая и трагическая история СССР завершена, история современной России, других стран Советского Союза продолжается. И мы верим, что Россия, бывшая стовым хребтом СССР, никогда не погибнет и возродится, вновь станет по-настоящему великой. Порукой тому – ее тысячелетняя история, вековые традиции; нравы, идеалы российского народа; победы русского народа над врагами в прошлом, над фашистскими извергами – в XX веке.

В свое время, выступая на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года, И.В. Сталин подчеркнул, что считает русский народ наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза. Русский народ заслужил в Великой Отечественной войне общее признание, как руководящая сила Советского Союза среди всех народов нашей страны. У него ясный ум, стойкий характер и терпение. Он в моменты самого отчаянного положения в 1941 – 1942 годах, когда советская армия отступала, покидала родные нам села и города, не впал в отчаяние, не потерял доверие к Правительству страны и пошел на тяжелые жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. Это доверие народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, – над фашизмом.

Советский, русский народ, понесший самые тяжелые потери, внесший решающий вклад в разгром фашизма, именно поэтому знает цену фашизму, цену войне лучше, чем какой-либо другой народ. Именно поэтому русский народ всегда и всюду будет противостоять фашизму, любым его проявлениям. Наш народ с презрением отвергает клеветническую «формулу» продажных журналистов и политиканов: «красно-коричневые». «Красные» и «коричневые» всегда были непримиримыми врагами. Да,

красные совершали ошибки в борьбе с фашизмом. Но именно они были для фашистов главным врагом, красных в первую очередь преследовали и убивали фашисты, красные несли самые большие жертвы и именно они внесли решающий вклад в победу над фашизмом.

Мелкие и подлые политиканы в Европейском союзе и США бесстыдно ставят на одну доску фашизм и коммунизм. Они не хотят вспомнить, что выдающиеся политические деятели в Европе всегда высоко оценивали и оценивают вклад коммунистического Советского Союза, коммунистов в разгром фашизма.

Так, Президент Чешской Республики В. Клаус решительно подчеркивает: «Победа над нацистской Германией была Великой и действительно исторической победой». К сожалению, продолжает он, сегодня «исчезает понятие освобождения и начинает преобладать акцент на послевоенном периоде истории. Окончание Второй мировой войны рассматривается как начало новой тоталитарной эпохи, которая вскоре наступила в нашей части Европы на четыре долгих десятилетия. Я убежден, что подобная оценка этого исторического события, которое, вне всяких сомнений, означало освобождение от нацизма и окончание немецкой оккупации, а также, собственно, и всей Второй мировой войны, не должна возобладать... Мы не имеем права смотреть на прошлое с иной позицией, нежели с позиции исторической. Мы не имеем права забывать об очередности фактов, причинно-следственной связи. Мы не можем якобы «гуманистически нейтрально» анализировать трагические события войны и периоды непосредственно после нее, то есть с точки зрения некоей «симметрии страданий». Люди, которые сегодня выступают с подобными идеями, постоянно требуют от нас делать все новые и новые некие «жесты примирений», которые, однако, фактически уравнивают между собой палачей и жертв, а иногда даже и меняют их местами».

Годы борьбы с фашизмом, послевоенные 70 лет многому научили народы. Несмотря на демагогию и ложь правителей они способны распознать, откуда исходит опасность фашизма, где ее источник, кто составляет социальную базу фашизма. Все большее число людей понимает, что именно реакционные правящие круги, финансовая, промышленная и государственно-бюрократическая элита в целях обеспечения своего господства готова отбросить

конституционные и демократические права и создать, в сущности, полицейское, фашистское государство. Именно финансовая, промышленная и государственно-бюрократическая элита, чтобы отстоять свое господство, привилегии и богатства, стремится к милитаризации, готова развязать международные войны.

Широкие народные массы все более убеждаются, что только сплоченные, согласованные и решительные действия миролюбивых народов и демократических сил в каждой стране против диктаторских устремлений реакционных правящих кругов могут обеспечить мир, демократию, достойную жизнь людей в XXI веке, в который вступило человечество, дальнейший социальный прогресс, утверждение высоких принципов гуманизма и справедливости, свободу и счастье всех и каждого Человека.

Что касается нашей Родины – России, то она, выдержавшая страшный напор фашизма, победившая фашизма, спасшая человечество от фашистского порабощения и варварства, будет жить и непоколебимо идти вперед, пока живо и развивается само человечество. Она в своей истории стойко стояла перед всеми угрозами, выстоит и сейчас, потому что героизм и самопожертвование во имя Родины – коренная черта русского характера, русского человека.

Придет время и народы мира осознают великую историческую роль России – противостоять мракобесию, всем формам угнетения и подавления человека, защищать высокие духовные ценности, быть центром «всепримирения» людей, человечества в целом.

Литература

Введение

¹ У. Черчилль Мускулы мира. – М., 2005. С. 425.

Глава 1

² Bracher K.-D. Die Auflösung der Weimarer Republik. – Stuttgart, 1955. S. 334; см. также: Bracher K.-D., Funke M., Jacobsen H. A. (Hrsg.). Nationalsozialistische Diktatur 1933 – 1945. – Köln, 1960. S. 154.

³ Kühnl R. Der deutsche Faschismus in Quellen und Dokumenten. – Köln, 1975. S. 6, 7.

⁴ Rauschnig H. Die Zeit des Delirismus. – Zürich, 1947.

⁵ Weiss J. The Fascist Tradition Radical Rightwing Extremism in Modern Europe. – N. Y., 1967. P. X.

⁶ Meinecke F. Die deutsche Katastrophe. – Wiesbaden, 1946; Windisch A. Führer und Verführte. – Seebruck am Chiemsee, 1946; Croce B. Scritti e discorsi politici. – Bari, 1963. Vol. I.

⁷ Цит. по: Одуев С.Ф. Критика философии фашизма. – В кн.: Проблемы борьбы с идеологией фашизма и неофашизма. – М., 1975. С. 66, 67

⁸ Там же.

⁹ Цит. по: Кин Ц.И. Италия на рубеже веков. – М., 1980. С. 107.

¹⁰ Meinecke F. Die deutsche Katastrophe. S. 115 – 129.

¹¹ Fest J. Das Gesicht des Dritten Reiches. – München, 1963. S. 113.

¹² Toynbee A. Experience. – L., 1969. P. 227.

¹³ Цит. по: Schellenberg W. Memoiren. – Köln, 1956. S. 99.

¹⁴ Roepke W. Die deutsche Frage. – Stuttgart, 1948. S. 17.

¹⁵ Freud Z. Civilization and Its Discontent. – L., 1955. Vol. XXI. S. 115.

¹⁶ Reich W. Die sexuelle Revolution. – Fr. am M., 1966.

¹⁷ Reich W. Massenpsychologie des Faschismus. – Berlin, 1974. S. 11, 15 – 16.

¹⁸ Fromm E. The heart of Man. – L., 1964; Marcuse H. Der eindimensionale Mensch. – Fr. am M., 1967. S. 96.

¹⁹ См.: Замковой В.И., Семейко Л.С. Проблема войны и мира в современной идеологической борьбе. – М., 1978. С. 23.

²⁰ Baldwin H. The Crucial Years 1939 – 1941; The World at War. – N. Y., 1976. S. 3.

²¹ Schwarz E. Weltbild und Weltgeschichte. – Stuttgart, 1946. S. 216, 240 – 246.

²² Nolte E. Der Faschismus in seiner Epoche. – München, 1963.

²³ Fourastie J. Le grand espoir du XX siècle. Progrès technique – Progrès économique – Progrès sociale. – P., 1952.

²⁴ Arendt H. Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. – Fr./M., 1955; Ritter G. Europa und die deutsche Frage. – München, 1948.

²⁵ Franz-Willing G. Die Hitlerbewegung. Der Ursprung 1912 – 1922. – Hamburg; Berlin, 1962. S. 5 – 6.

²⁶ Reichmann E. Die Flucht in dem Hass. Ursachen der deutschen Judenkatastrophe. – Fr. am M., 220 – 221. Реакционные идеологи, по сути, оправдывают установление фашистских диктатур как средство укротить, нейтрализовать агрессивные, «разрушительные инстинкты» масс (см., например: Vallenilla I. Cesarismo Democratico. – Caracas, 1952. P. 151).

²⁷ Mumford L. Faith for Living. – L., 1941. P. 118.

²⁸ Цит. по: Пруссаков В. Окультный мессия и его рейх. – Нью-Йорк; Москва, 1991. С. 138 – 139.

²⁹ Мельников Д., Черная Л. Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер. – М., 1981.

³⁰ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М. С. 367.

³¹ Бахман К. Кем был Гитлер в действительности? – М., 1981. С. 23.

³² Там же. С. 186

³³ В свое время В.И. Ленин предупреждал о том, что монополистическая буржуазия «из страха перед растущим и крепнущим пролетариатом поддерживает все отсталое, отмирающее, средневековое. Отживающая буржуазия соединяется со всеми отжившими и отживающими силами... готова на все дикости, зверства и преступления, чтобы отстоять гибнущее капиталистическое рабство».

Фашизм – это и есть та самая темная, самая реакционная, самая преступная сила, с помощью которой буржуазия пытается «отстоять гибнущее капиталистическое рабство». Фашизм есть самая жестокая, террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических элементов империалистической буржуазии. Фашизм ставит своей целью подавить рабочий класс, крестьянство, прогрессивную интеллигенцию и предотвратить социалистическую революцию.

Фашизм – это специфический вид буржуазной контрреволюции, буржуазной диктатуры, возникший в определенных исторических условиях. Важно иметь в виду, что отнюдь не всякая буржуазная контрреволюция является фашизмом. Многие буржуазные противники фашизма допускают ошибку, когда сводят фашизм лишь к «диктатуре» и насилию. Однако контрреволюционная диктатура может существовать

в различных видах, отнюдь еще не представляя собой фашизма. Фашизм как особый вид контрреволюции возник в период общего кризиса капитализма, как реакция на Октябрьскую социалистическую революцию в России. Ранние, эмбриональные, если так можно сказать, формы фашизма можно увидеть в контрреволюционном терроре в Германии, Венгрии и Финляндии 1918 – 1919 гг.

³⁴ Термин «фашизм» впервые был применен именно в Италии. Он происходит от названия сицилийских «крестьянских союзов» («фаши сичилиани»), существовавших на этом острове на рубеже XIX и XX вв. (См.: Пезенти А. Университеты жизни. – М., 1977. С. 2).

³⁵ См.: Филатов Г. С. Фашизм, неофашизм и антифашистская борьба в Италии. – М., 1984.

³⁶ Димитров Г. Избранные произведения. Т. 2. С. 66.

³⁷ Галкин А.А. Социология неофашизма. – М., 1971. С. 65.

³⁸ Филатов Г.С. Крах итальянского фашизма. – М., 1973. С. 5 – 6.

³⁹ Хаффнер С. Самоубийство Германской империи. – М., 1972. С. 135.

Глава 2

⁴⁰ Там же. Т. 21. С. 84.

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 351 – 352. «В Германии, – писал Ф. Энгельс, – мещанство – это плод потерпевшей поражение революции, результат прерванного и обращенного вспять развития; благодаря Тридцатилетней войне и последовавшему за ней периоду оно приобрело свои особые, резко выраженные характерные черты: трусость, ограниченность, беспомощность и неспособность к какой бы то ни было инициативе, между тем как почти все другие крупные народы переживали как раз в это время быстрый подъем».

⁴² См. подробнее: Кучинский Ю. Очерки истории германского империализма. – М., 1952; см. также: Леви Г. Германские монополии. – М., 1936.

⁴³ «Шесть крупнейших берлинских банков, – отмечал В. И. Ленин в книге «Империализм, как высшая стадия капитализма», – были представлены через своих директоров в 344 промышленных обществах и через своих членов правления еще в 407, итого в 751 обществе... Среди этих торгово-промышленных обществ мы встречаем самые разнообразные отрасли промышленности: и страховое дело, и пути сообщения, и рестораны, и театры, и художественную промышленность и пр. С другой

стороны, в наблюдательных советах тех же шести банков были (в 1910 г.) 51 крупнейших промышленников, в том числе директор фирмы Крупш... и т.д. и т.п.». Германия убедительно подтверждала вывод В.И. Ленина о «личной унии» банков с крупнейшими предприятиями промышленности и торговли, о слиянии «тех и других посредством владения акциями, посредством вступления директоров банков в члены наблюдательных советов (или правлений) торгово-промышленных предприятий и обратно».

⁴⁴ Характеризуя «пруссский» путь развития сельского хозяйства, В.И. Ленин писал: «...крепостническое помещичье хозяйство медленно перерастает в буржуазное, юнкерское, осуждая крестьян на десятилетия самой мучительной экспроприации и кабалы, при выделении небольшого меньшинства «гроссбауэров» («крупных крестьян»)» Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 216.

⁴⁵ См.: Кучинский Ю. Очерки истории германского империализма. Гл. III.

⁴⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 82.

⁴⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 457. Как подчеркивал Ф. Энгельс, итальянская либеральная буржуазия, придя к власти в период борьбы за национальную независимость, не смогла и не захотела довести свою победу до конца. Она не уничтожила остатки феодализма и не реорганизовала национальное производство на современный буржуазный лад. Не способная обеспечить стране относительные и временные преимущества капиталистического строя, буржуазия взвалила на нее все трудности, все тяготы этого строя.

⁴⁸ Тольятти П. Лекции о фашизме. – М., 1974. С. 181.

⁴⁹ Цит. по: Манчестер У. Оружие Круппа. – М., 1971, С. 211.

⁵⁰ Цит. по: Германская история. – М., 1970, Т. 1. С. 436.

⁵¹ См.: Кучинский Ю. Очерки истории германского империализма. Т. 1. С. 144.

⁵² См.: Германский империализм и милитаризм. – М., 1965; см. также: История фашизма в Западной Европе. – М., 1978. С. 161.

⁵³ Shirer W. The Rise and Fall of the Third Reich. – L., 1973.

⁵⁴ Бахман К. Кем был Гитлер в действительности? С. 57.

⁵⁵ Mower A.E. Germany Puts the Clock Back. – L., 1933.

⁵⁶ Бахман К. Кем был Гитлер в действительности? С. 85.

⁵⁷ Цит. по: Бланк А.С. Из истории раннего фашизма в Германии. Организация, идеология, методы. – М., 1978. С. 52.

⁵⁸ Цит. по: Бахман К. Кем был Гитлер в действительности? С. 71.

- ⁵⁹ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin. 1966. Bd. 5. S. 10.
- ⁶⁰ Mowrer A.E. Germany puts the clock back. – L., 1933.
- ⁶¹ См.: Норден А. Фальсификаторы. – М., 1959. С. 125.
- ⁶² Цит. по: Бахман К. Кем был Гитлер в действительности? С. 83.
- ⁶³ Там же. С. 69.
- ⁶⁴ Там же. С.68.
- ⁶⁵ Nolte E. Die Krise des liberalen System und faschistische Bewegung. – Muenchen, 1968. S. 126.
- ⁶⁶ Примечательно, что во времена нацистов Боннский университет решил, что Крупп не просто военный герой. Ученые мужи пришли к выводу, что снаряды и пушки Круппа способствовали прогрессу человечества, а посему они присвоили Круппу степень почетного доктора философии (см.: Манчестер У. Оружие Круппа. С. 209).
- ⁶⁷ См.: Боркин Дж. Преступление и наказание «ИГ Фарбениндустри». – М., 1982. С. 116.
- ⁶⁸ См.: Пик В. Избранные произведения. – М., 1956. С. 207; Петрушов А. Аграрные отношения в Германии. – М., 1945.
- ⁶⁹ Пик В. Избранные произведения. С. 119.
- ⁷⁰ См.: Грамши А. Избранные произведения. Т. 1. С. 159.
- ⁷¹ Цит. по: Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской компартии. – М., 1953. С. 92.
- ⁷² Mowrer A.E. Immortal Italy. P. 361; См.: также Палм-Датт Р. Фашизм и социалистическая революция. – М., 1935. С. 89, 90.
- ⁷³ Цит. по: Лопухов Б. Р. Фашизм и рабочее движение в Италии. 1919 – 1929. – М., 1968. С. 43.
- ⁷⁴ См. Лопухов Б.Р. Фашизм и рабочее движение в Италии. 1919 – 1920. – М., 1968. С. 255, 256. Крупнейшими капиталистическими магнатами, владельцами огромного недвижимого имущества становились и фашистские вожак (см.: Тольятти П. Избранные статьи и речи. Т. 1. С. 217).
- ⁷⁵ Манцокки Б. Очерки экономической политики Италии. – М., 1962. С. 24.
- ⁷⁶ Schacht H. Abrechnung mit Hitler. – Hamburg, 1948. S. 7 – 9.
- ⁷⁷ Руге В. Гинденбург. Портрет германского милитариста. – М., 1981. С. 16,17.
- ⁷⁸ Людвиг Э. Последний Гогенцоллерн (Вильгельм II). – Л., 1929. С. 103.
- ⁷⁹ Bernhardt F. Von. Unsere Zukunft; Ein Mahnwort an das deutsche Volk. – Stuttgart, 1912. S. 130.

⁸⁰ Руге В. Гинденбург. Портрет германского милитариста. – М., 1981. С. 39.

⁸¹ Liebknecht K. Militarismus und Antimilitarismus. – Ausgewählte Reden. – В., 1952. S. 46.

⁸² О внешней политике германского империализма: Хальгартен Г. Империализм до конца 1914 года. – М., 1961.

⁸³ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – М., 1969. С. 313, 314.

⁸⁴ Там же. С. 360.

⁸⁵ См.: Руге В. Гинденбург... С. 377.

⁸⁶ Цит. по: Бахман К. Кем был Гитлер в действительности? С. 38; см. также: Der Nuernberger Prozess. Berlin, 1957. Bd. 2. S. 168, 169.

⁸⁷ Fest J. Hitler. Eine Biographie. – Fr. am M., 1973. S. 831.

⁸⁸ См.: Ибаррури Д. Единственный путь. – М., 1962.

⁸⁹ Было время, когда Б. Муссолини возглавлял левое крыло Итальянской социалистической партии, точнее крайне левое.

⁹⁰ См.: Тольятти П. Лекции о фашизме. С. 168 – 190.

⁹¹ Лопухов Б.Р. Фашизм и рабочее движение в Италии. 1919 – 1929. См. его же. Послевоенный кризис и фашистская диктатура в Италии (1919 – 1929 гг.). – В кн.: История фашизма в Западной Европе. – М., 1978. С. 248.

⁹² Тарле Е. Наполеон. – М, 1957. С. 248.

⁹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 257, 256.

⁹⁴ Тольятти П. Лекции о фашизме. С. 9.

⁹⁵ Ульбрихт В. К истории новейшего времени. – М., 1957. С. 37.

⁹⁶ Тольятти П. Избранные статьи и речи, Т. 1. С. 275.

⁹⁷ Цит. по: Подковинский М. В окружении Гитлера. – М., 1981. С. 86.

⁹⁸ См.: Германский империализм и милитаризм. – М., 1965. С. 2; см. также: История второй мировой войны, 1939 – 1945. – М., 1973. Т. 1. С. 20.

⁹⁹ Цит. по: Бахман К. Кем был Гитлер в действительности? С. 76.

¹⁰⁰ Левит И.Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. – Кишнев, 1981. С. 205.

¹⁰¹ Цит. по: Бахман К. Кем был Гитлер в действительности? С. 134.

¹⁰² У. Черчилль. Мускулы мира. – М., 2005. С. 47.

¹⁰³ Боркин Дж. Преступление и наказание «ИГ Фарбениндустри». – М., 1982. С. 141.

¹⁰⁴ Антифашистское движение Сопротивления. – М., 1962. С. 336.

¹⁰⁵ Мэллалли Ф. Фашизм в Англии. – М., 1947. С. 84.

¹⁰⁶ См. там же. С. 113.

¹⁰⁷ См. там же. С. 71.

¹⁰⁸ Т. Манн отмечал, что сопротивление Гитлеру запоздало еще и потому, что не только лидеры, но и «общественность» Запада не сразу поняли опасность фашизма. Именно по этой причине, – продолжал он, – у нас, немцев внутренней и внешней эмиграции, в Европе долгое время не было моральной опоры.

¹⁰⁹ См.: Норден А. Так делаются войны. – М., 1972. По итальянским данным, в испанской войне на стороне Франко участвовало около 150 тыс. солдат Муссолини. О масштабах участия Германии можно судить по тому факту, что гитлеровцы, которые никогда не публиковали сведений о численности направленных в Испанию солдат, наградили 25 тыс. солдат и офицеров всех родов войск особой медалью за заслуги в войне против испанского народа.

¹¹⁰ Далем Ф. Накануне второй мировой войны. 1938 г. – август 1939 г. Воспоминания. – М., 1982. Т. 1. С. 211.

¹¹¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – М., 1974. Т. 1. С. 178. Примечательно, что в то время, когда стало очевидным как интенсивно готовится немецкий вермахт к войне, нападением на Бельгию, Францию, Нидерланды, Люксембург, западные державы, ослепленные ненавистью к СССР, вынашивали планы бомбардировки нефтяных районов Северного Кавказа с территорий Ирака и Сирии.

¹¹² Цит. по: История второй мировой войны. 1939 – 1945. – М., 1982. Т. 12. С. 19.

¹¹³ См.: De Gaulle. Mémoires de guerre. – Paris., 1954. Vol. 1 P. 66, 67.

¹¹⁴ Торез М. Избранные произведения. – М, 1959. Т. 1 (1939 – 1944 годы). С. 552.

¹¹⁵ Дюкло Ж. Избранные произведения. – М., 1959. Т. 11. С. 547.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ См.: Боффа Джузеппе. История Советского Союза. – М., 1990.

¹¹⁸ Фест И. Гитлер. С. 153.

¹¹⁹ Aron R. Histoire de Vichy 1940 – 1944. P. 511.

¹²⁰ Bracher K.-D., Funke M., Jakobson H.-A. (Hrsg.). National-Sozialistische Diktatur. 1933 – 1945. – Köln, 1960. S. 154.

¹²¹ См.: История второй мировой войны. Т.1. С. 56.

¹²² Neurohr. Der Mythos vom Dritten Reich. – Stuttgart, 1957. S. 38.

¹²³ Манн Г. Соч. – М., 1957. Т. 3. С. 58, 59.

¹²⁴ Бонхёффер Д. Сопротивление и покорность. – М., 1994. С. 31.

- ¹²⁵ Черный О. Немецкая трагедия. – М., 1971. С. 3 – 4.
- ¹²⁶ Вольф Ф. Искусство – оружие. – М., 1967. С. 365, 366.
- ¹²⁷ См.: М. Хайдеггер / К. Ясперс. Переписка. С. 347, 348.
- ¹²⁸ Абуш А. Ложный путь одной нации. С. 250, 251.
- ¹²⁹ См.: XIII Пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. – М., 1934; Палм Датт Р. Фашизм и социалистическая революция. – М., 1935.
- ¹³⁰ Цит. по: Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. – М., 1953. С. 125.
- ¹³¹ Мэллалли Ф. Фашизм в Англии. – М., 1947. С. 43, 44.
- ¹³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 148.
- ¹³³ Арисменди Р. VII конгресс Коминтерна и фашизм в Латинской Америке. – М, 1977. С. 48.

Глава 3

- ¹³⁴ Цит. по: Richard L. Deutscher Faschismus und Kultur. – Berlin, 1982. S. 37.
- ¹³⁵ Вайнштейн О.А. Леопольд фон Ранке и современная буржуазная историография. – В кн.: Критика новейшей буржуазной историографии. – М.; Л., 1961. С. 130.
- ¹³⁶ См.: Германская история. Т. I. С. 397.
- ¹³⁷ Цит. по: Richard L. Deutscher Faschismus und Kultur. S. 36.
- ¹³⁸ Гарин Э. Хроника итальянской философии XX в. – М., 1964. С. 324.
- ¹³⁹ Там же. С. 286 и далее; Кин. Ц.И. Итальянские светотени. – М., 1975.
- ¹⁴⁰ Цит. по: Кин Ц. И. Италия на рубеже веков. С. 123.
- ¹⁴¹ См.: Манифест итальянского футуризма. – М., 1914. С. 1.
- ¹⁴² Лопухов Б.Р. Фашизм и рабочее движение в Италии. 1919 – 1929 гг. – М., 1968.
- ¹⁴³ Там же.
- ¹⁴⁴ Кузнецов В.Н. Французская буржуазная философия XX в. – М., 1970. С. 79.
- ¹⁴⁵ Цит. по: Кин Ц.И. Итальянские светотени. С. 247.
- ¹⁴⁶ См.: Манн Т. Собр. соч. – М., 1964. Т. 10. С. 372.
- ¹⁴⁷ Adorno Th. Negative Dialektik. – Fr. am M., 1996. S. 357.
- ¹⁴⁸ Цит. по: Richard L. Deutscher Faschismus und Kultur. S. 157.
- ¹⁴⁹ См.: Пруссаков В. Окультурный мессия и его рейх. – Нью-Йорк; Москва, 1991. С. 167.

- ¹⁵⁰ Тольятти П. Лекции о фашизме... С. 17, 18.
- ¹⁵¹ Позднее соотечественник Гобино де Ляпуж видоизменил «теорию» Гобино, отождествив «северную» расу с буржуазией.
- ¹⁵² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 546.
- ¹⁵³ Термин «геополитика» был введен в обращение шведско-немецким юристом Рудольфом Челленом, который хотел тем самым подчеркнуть связь между географическим пространством и политикой государства.
- ¹⁵⁴ Bäumlér A. Nietzsche – der Philosoph und Politiker. – Leipzig, 1931. S. 16.
- ¹⁵⁵ Одуев С.Ф. Тропами Заратустры. – М., 1971. С. 200.
- ¹⁵⁶ Богомолов А.С. Немецкая буржуазная философия после 1865 года. – М., 1969. С. 115.
- ¹⁵⁷ См.: Ницше Ф. Полн. собр. соч. – М., 1912. Т. 7. С. 235.
- ¹⁵⁸ Там же. Т. 2. С. 258.
- ¹⁵⁹ Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 38.
- ¹⁶⁰ Шпенглер О. Пруссачество и социализм. – Пг., 1922. С. 23.
- ¹⁶¹ См.: Галкин А. Германский фашизм. – М., 1967. С. 312 – 316.
- ¹⁶² Spengler O. Der Mensch und die Technik. – München. 1932. S. 78.
- ¹⁶³ «Вживание, наблюдение, сравнение, непосредственная внутренняя уверенность, точная чувственная фантазия... таковы средства исторического исследования вообще», – утверждает О. Шпенглер (см.: Закат Европы. – М.; Пг., 1923. Т. I. С. 25.
- ¹⁶⁴ Spengler O. Politische Schriften. – München. 1933.
- ¹⁶⁵ Лебон Г. Психологические законы эволюции народов. – СПб., 1906. С. 10.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 27.
- ¹⁶⁷ Лебон Г. Психология социализма. – СПб., 1908. С. 384.
- ¹⁶⁸ Лебон Г. Психология народов и масс. – СПб., 1896. С. 207, 250.
- ¹⁶⁹ Там же. С. 238.
- ¹⁷⁰ Лебон Г. Психология народов и масс. С. 157, 190.
- ¹⁷¹ Там же. С. 157.
- ¹⁷² См.: Лебон Г. Психологические законы эволюции народов. С. 36.
- ¹⁷³ Следует отметить, что хотя реакционный политический смысл теорий Парето и Моски бесспорен, тем не менее сами Парето и Моска не выдавали свидетельства элитарности фашистским законам.
- ¹⁷⁴ См.: Джемс У. Прагматизм. – СПб., 1910.
- ¹⁷⁵ См.: Лопухов Б.Р. История фашистского режима в Италии. – М., 1977. С. 36.
- ¹⁷⁶ См.: Гарин Э. Хроника итальянской философии XX в. С. 286.

- ¹⁷⁷ Moeller van den Bruck A. Das Dritte Reich. – Hamburg, 1932. S. 241.
- ¹⁷⁸ Цит. по: Галкин А. Социология неофашизма. С. 82.
- ¹⁷⁹ Правда, сам Юнгер от прямого сотрудничества с гитлеровцами уклонился.
- ¹⁸⁰ Junger E. Der Arbeiter, Herrschaft und Gestalt. – Berlin, 1932.
- ¹⁸¹ Junger E. Der Friede. – Hamburg, 1945.
- ¹⁸² Димитров Г. Избранные произведения. Т. 2. С. 123.
- ¹⁸³ Fichte I. Beitrag zur Berichtigung der Urteile des Publikums über die französische Revolution. Sämtliche Werke, Abt. III, B. I, II. 2. Kap. IV. S. 183.
- ¹⁸⁴ Fichte I. Reden an die deutsche Nation. – Berlin, 1912. S. 234.
- ¹⁸⁵ Kant I. Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung? Werke, Bd. IV, 1913. S. 169.
- ¹⁸⁶ Кант И. Соч. – М., 1940. Т. II. С. 242.
- ¹⁸⁷ Kant I. Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht. Werke, Aufl., Cassirer, Bd. IV, 1933. S. 162, 163.
- ¹⁸⁸ См.: Гейне Г. К истории религии и философии в Германии. – М., 1958. Т. 6. С. 96 – 101.
- ¹⁸⁹ Гегель. Философия истории. Сочинения. – М.; Л., 1935. Т. VIII. С. 65.
- ¹⁹⁰ Гегель. Философия истории. Сочинения. – М.; Л., 1935. Т. VII. С. 270.
- ¹⁹¹ Там же. С. 270 – 273.
- ¹⁹² Гегель. Философия права. – Сочинения. Т. VIII. – М., С. 72.
- ¹⁹³ Kroner F. Von Kant bis Hegel. Bd. II. S. 271.
- ¹⁹⁴ Гегель. Соч. Т. 1. Ч. 1. Логика. – М.; Л., 1929. С. 16.
- ¹⁹⁵ Эккерман И. П. Разговоры с Гете. – Л., 1934. С. 815.
- ¹⁹⁶ Лукач Г. Борьба гуманизма и варварства. – Ташкент, 1943. С. 20.
- ¹⁹⁷ Цит. по: Фишер К. История новой философии. – СПб., 1905. Т. III.
- ¹⁹⁸ См., напр., о фальшивке по поводу «Завещания Петра I»; Павленко Н. Петр Первый. – М., 1975. С. 374, 375.
- ¹⁹⁹ Цит. по: Лопухов Б. Р. Антонио Грамши. – М., 1963. С. 272.
- ²⁰⁰ Там же.
- ²⁰¹ Цит. по: Гарин Э. Хроника итальянской философии XX в. С. 49.
- ²⁰² Croce B. Conversazioni critiche, seria I. – Bari, 1950. P. 305.
- ²⁰³ Цит. по: Аббате М. Философия Бенедетто Кроче и кризис итальянского общества. – М., 1959. С. 202.
- ²⁰⁴ Croce B. Pagine sparse. – Napoli, 1943. Vol II. P. 397, 398.

²⁰⁵ См.: Асмус В. Фашистская фальсификация классической философии. – М., 1942. С. 4.

Глава 4

²⁰⁶ См.: Германская история. – М., 1970. Т. 2. С. 233. Этим принципом был антимарксизм. Антимарксизм был основной служебной целью фашистской идеологии; борьба с марксизмом, нейтрализация влияния марксистских идей на трудящиеся массы была главной социальной функцией, обусловившей возникновение идеологии фашизма. Гитлер вещал в 1933 г.: «14 – 15 лет тому назад я заявил немецкой нации, что вижу свою историческую задачу в том, чтобы уничтожить марксизм. С тех пор я постоянно повторяю сказанное. Это не пустые слова, а священная клятва, которую я буду выполнять до тех пор, пока не испущу дух».

²⁰⁷ Leske M. Zur Stellung und Demagogie der Naziphilosophie im «Dritten Reich» // Deutsche Zeitschrift für Philosophie, 1983. Nr. 11. S. 1293 – 1303.

²⁰⁸ Цит. по: Лопухов Б.Р. Фашизм и рабочее движение в Италии. С. 250.

²⁰⁹ Тольятти П. Лекции о фашизме. С. 16, 17.

²¹⁰ См.: Одуев С.Ф. Критика философии фашизма. – В кн.: Проблемы борьбы с идеологией фашизма и неофашизма. С. 68.

²¹¹ Цит. по: Гарин Э. Хроника итальянской философии XX в. С. 154.

²¹² См. там же.

²¹³ См. там же. С. 291.

²¹⁴ Цит. по: Гарин Э. Хроника итальянской философии XX в. С. 152.

²¹⁵ Там же. С. 151.

²¹⁶ Der Nationalsozialismus. Dokumente 1933 – 1945. Hrsg. v. W. Hofer. – Fr. am M., 1957. S. 10 – 15.

²¹⁷ Rosenberg A. Mythos der 20. Jahrhunderts. – München, 1941. S. 480.

²¹⁸ Там же. С. 694, 695.

²¹⁹ См.: Бланк А.С. Старый и новый фашизм. С. 101 – 102.

²²⁰ Koch E. Im Kopf ein Paradies. Auf dem Weg zu einem sanften Faschismus. – München, 1984.

²²¹ Цит. по: Чавкин С. Похитители разума. – М., 1981. С. 19.

²²² Бурдерон Р. Фашизм: идеология и практика. – М., 1983. С. 63, 64.

²²³ Там же. С. 65.

²²⁴ Цит. по: Rauschnig H. Die Revolution des Nihilismus. – N. Y., 1938. S. 78.

²²⁵ Цит. по: Хаффнер С. Самоубийство Германской империи. С. 75.

- ²²⁶ Там же. С. 288.
- ²²⁷ Ёсисигэ К. Современная философия. Заметки о «духе Ямато». – М., 1974.
- ²²⁸ Разумовский И. О «философии» японского фашизма. Под знаменем марксизма. 1937. № 6. С. 182.
- ²²⁹ Лебедев Н. И. Крах фашизма в Румынии. – М., 1983. С. 27, 28.
- ²³⁰ Ludendorf E. Der totale Krieg. – München, 1935. S. 9 – 10.
- ²³¹ Цит. по: Ерусалимский А. Германский империализм. – М., 1964. С. 352.
- ²³² Цит. по: Палачи Европы. Портреты и памфлеты. – М., 1945. С. 55, 59 – 60.
- ²³³ Rauschnig H. Hitler Speaks. – N. Y., 1944. P. 225.
- ²³⁴ Цит. по: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. – М., 1961. Т. 7. С. 331, 343.
- ²³⁵ Hennig R. Geopolitik. – Leipzig, 1928. S. 202.
См. также: Ratzel F. Politische Geographie. – München, 1923.
- ²³⁶ Цит. по: Далем Ф. Накануне второй мировой войны. – М., 1982. Т. 2. С. 14.
- ²³⁷ Цит. по: Левит И. Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. С. 206.
- ²³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 546; Т. 4. С. 472; 475 – 476.
- ²³⁹ Из протокола записи совещания Гитлера с руководителями фашистского рейха о целях войны против Советского Союза 16 июня 1941 г. – В кн.: Безымянский Л. А. Германские генералы – с Гитлером и без него. – М., 1964. С. 214, 215.
- ²⁴⁰ Цит. по: Бахман К. Кем был Гитлер в действительности? С. 121.
- ²⁴¹ Там же. С. 123, 141.
- ²⁴² Боркин Дж. Преступление и наказание «ИГ Фарбениндустри». С. 167.
- ²⁴³ Там же. С. 172.
- ²⁴⁴ Sator K. Großkapital im Faschismus. – Fr. am M., 1978. S. 67.
- ²⁴⁵ Манчестер У. Оружие Крупна. С. 399.
- ²⁴⁶ Фест И. Гитлер. С. 242.
- ²⁴⁷ Цит. по: Нюрнбергский процесс... Т. 5. С. 119.
- ²⁴⁸ Там же. Т. 3. С. 114.
- ²⁴⁹ Цит. по: Овчинникова Л.В. Крах Веймарской республики в буржуазной историографии ФРГ. М., 1983. С. 111.
- ²⁵⁰ Гегель. Философия права. – М.; Л., 1934. С. 263, 264.
- ²⁵¹ Торо Генри Давид. Уолден, или Жизнь в лесу. – М., 1962. С. 206.
- ²⁵² Цит. по: Лопухов Б. Р. История фашистского режима. С. 111.

- ²⁵³ Political and Social Doctrine of Fascism. – L., 1933.
- ²⁵⁴ Цит. по: Датт П. Фашизм и социалистическая революция. – М., 1935. С. 65.
- ²⁵⁵ Цит. по: Лопухов Б.Р. Фашизм и рабочее движение в Италии. С. 169.
- ²⁵⁶ Примечательно, что фашисты, оскорбляя представительные учреждения и буржуазно-демократические свободы, тем не менее, весьма широко использовали их в борьбе за власть. Мы «идем в рейхстаг, – говорил Геббельс в 1928 г., – чтобы в арсенале демократии вооружиться ее собственным оружием. Мы становимся депутатами, чтобы парализовать веймарский дух с его же помощью. Если демократия настолько глупа, что предоставляет нам для этой медвежьей услуги бесплатные билеты и дотации, то это ее дело. Для нас хорош любой легальный способ, чтобы круто повернуть нынешнее положение... Мы приходим как враги! Мы приходим так, как волк врывается в овечье стадо».
- ²⁵⁷ Цит. по: Галкин А. Германский фашизм. – М., С. 346.
- ²⁵⁸ Рышка Ф. Организация фашистского государства. – В книге: Фашизм и антидемократические режимы в Европе. – М., 1981. С. 26.
- ²⁵⁹ Тольятти П. Лекции о фашизме. С. 46, 78, 79.
- ²⁶⁰ Цит. по: Лопухов Б.Р. История фашистского режима в Италии. С. 37.
- ²⁶¹ Там же. С. 77.
- ²⁶² Цит. по: Лопухов Б.Р. История фашистского режима в Италии. С. 79.
- ²⁶³ Цит. по: Датт П. Фашизм и социалистическая революция. С. 173.
- ²⁶⁴ Гегель. Соч. – М.; Л. 1934. Т. VII. С. 260, 261.
- ²⁶⁵ Schumann H.-G. Nationalsozialismus und Gewerkschaftsbewegung. – Hannover, 1958.
- ²⁶⁶ См.: История второй мировой войны. Т. 12. С. 124.
- ²⁶⁷ Против войны. Вопрос о войне на VIII Пленуме Исполкома Коминтерна. – М.; Л., 1928. С. 80, 81.
- ²⁶⁸ Weisenborn C. Der lautlose Aufstand. – Hamburg, 1953. S. 14
- ²⁶⁹ См.: Фест И. Гитлер. С. 297.
- ²⁷⁰ Хаффнер С. Самоубийство Германской империи. С. 82.
- ²⁷¹ Гибсон Я. Гранада 1936 г. Убийство Фредерико Гарсиа Лорки. – М., 1983. С. 70.
- ²⁷² Там же. С. 10.
- ²⁷³ Амаду Ж. Военный китель, академический мундир, ночная рубашка. – «Иностранная литература», 1982. № 8.

²⁷⁴ Friedrich C.J. Totalitare Diktatur. – Stuttgart, 1957; Arendt H. Elemente und Versprunge totaler Herrschaft. – Fr. am M., 1960; Rörpke W. Die deutsche Frage. – Zurich, 1945.

Глава 5

- ²⁷⁵ Hindels J. Hitler war kein Zufall. – Wien; Zurich, 1962. S. 97.
- ²⁷⁶ Kriek E. Nationalpolitische Erziehung. – Leipzig, 1933. S. 38.
- ²⁷⁷ Цит. по: Лопухов Б. Р. История фашистского режима в Италии. С. 207.
- ²⁷⁸ Бурдерон Р. Фашизм: идеология и практика. – М., 1983. С. 127.
- ²⁷⁹ Бланк А.С. Старый и новый фашизм. С. 79.
- ²⁸⁰ Rauschning G. Gespräche mit Hitler. – Zürich, 1940. S. 76.
- ²⁸¹ См.: Бурдерон Р. Фашизм: идеология и практика. С. 130.
- ²⁸² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 108.
- ²⁸³ Haug F. Faschismus und Ideologie. – Köln, 1977. S. 155.
- ²⁸⁴ Вольф Ф. Искусство – оружие. – М., 1967.
- ²⁸⁵ Banse E. Geographie und Wehrwille. – Breslau, 1934. S. 250, 286.
- ²⁸⁶ Манн Г. Соч. В 8-ми т. – М., 1958. Т. 8. С. 666.
- ²⁸⁷ Мэллалли Ф. Фашизм в Англии. С. 49.
- ²⁸⁸ там же. С. 46.
- ²⁸⁹ Алатри П. Происхождение фашизма. С. 29.
- ²⁹⁰ Strasser O. Hitler and I. – Boston, 1940. P. 65.
- ²⁹¹ Там же. P. 66.
- ²⁹² Hofer W. Die Diktatur Hitlers bis zum Beginn des zweiten Weltkrieges. – Konstanz, O. J. S. 14.
- ²⁹³ Rauschning H. Die Revolution der Nihilismus. S. 78.
- ²⁹⁴ Цит. по: Mowrer A.E. Germany Puts the Clock Back. – L., 1933. P. 150.
- ²⁹⁵ Тольятти П. Лекции о фашизме. С. 133.
- ²⁹⁶ Цит. по: Датт П. Фашизм и социалистическая революция. С. 179.
- ²⁹⁷ Лебедев Н.И. Крах фашизма в Румынии. – М., 1983. С. 27.
- ²⁹⁸ Хайзе В. В плену иллюзий. Критика буржуазной философии в Германии. – М., 1968. С. 357.
- ²⁹⁹ Датт П. Фашизм и социалистическая революция. С. 49.
- ³⁰⁰ См.: Рахшмир П.Ю. Происхождение фашизма. – М, 1981. С. 97.
- ³⁰¹ Генри Э. Заметки по истории современности. – М., 1970. С. 150.
- ³⁰² Бахман К. Кем был Гитлер в действительности? С. 179, 182 – 183.
- ³⁰³ См.: Дневник посла Додда 1933 – 1938. – М., 1961.

- ³⁰⁴ Faschismus: Entstehung und Verhinderung. – Fr. am M., 1978. S. 36.
- ³⁰⁵ См.: Эрколи М. Италия в войне против гитлеровской Германии. – М., 1944. С. 5.
- ³⁰⁶ Цит. по: Хайзе В. В плену иллюзий. С. 417.
- ³⁰⁷ См.: Варга Е. Изменения в экономике капитализма в итоге второй мировой войны. – М., 1946. С. 62, 82; см. также: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 – 1945 гг. – М., 1963. Т. 1. С. 371 – 373.
- ³⁰⁸ Бёльль Г. Бильярд в половине десятого. – М., 1961. С. 153.
- ³⁰⁹ В 1943 г. Геббельс на совещании редакторов газет и радио цинично заявлял: «Наша пресса не может считаться с фактическим политическим и военным положением. Она должна считаться с образом мышления немецкого народа... По отношению к такому народу государственное руководство не может вести открытой политики, кожа немецкого народа чрезвычайно тонка и чувствительна. Как только ее начинают раздражать, все раны открываются. Поэтому государственное руководство и руководство прессой о многом умалчивают и начинают обсуждать жгучие проблемы только тогда, когда их нельзя больше не обсуждать» (цит. по: Комков Г.Д. Идеино-политическая работа КПСС в 1941 – 1945 гг. – М., 1965. С. 280).
- ³¹⁰ Салов В.И. Современная западногерманская буржуазная историография. – М, 1968. С. 36.
- ³¹¹ Видер И. Катастрофа на Волге. – М., 1965. С. 216.
- ³¹² Пруссаков В. Оккультный мессия и его рейх. С. 198.
- ³¹³ Малцужинский К. Преступники не хотят признать своей вины. – М., 1979. С. 72, 73.
- ³¹⁴ См.: Бланк А.С., Болдырев Г.Н., Рудой Г.Я. Новые попытки реабилитации германского фашизма в ФРГ // Новая и новейшая история, 1983. № 6. С. 66.
- ³¹⁵ Pomorin J., Junge R.; также: Richard L. Deutscher Faschismus und Kultur. – Berlin, 1982.
- ³¹⁶ См.: Проблемы мира и социализма. № 4.1973. С. 30.
- ³¹⁷ Мы постоянно обращаемся к примеру Германии, потому что германский фашизм оставил далеко позади все преступления других фашистских режимов.
- ³¹⁸ Энгельман Б. Рейх распался, олигархия жива. С. 128.
- ³¹⁹ Там же. С. 55.
- ³²⁰ Уилер Д. Американская политика в Германии. – М., 1960. С. 47.
- ³²¹ Gesellschaftspolitische Kommentare. – Bonn, 1966. Nr. 13/14. S. 162.

- ³²² Ясперс К. Куда движется ФРГ? – М., 1969. С. 27.
- ³²³ Там же. С. 66, 68.
- ³²⁴ Там же. С. 51.
- ³²⁵ Там же. С. 88.
- ³²⁶ Там же. С. 90.
- ³²⁷ Cross B. Friendly Fascism. – N. Y., 1980. P. 38, 56, 203.
- ³²⁸ Artzt H. Mörder in Uniform. – München, 1979. S. 4 – 5, 11 – 18.
- ³²⁹ Галкин А. А. Социология неофашизма. – М., 1971.
- ³³⁰ Филатов М.Н., Рябов А.И. Фашизм 80-х. – Алма-Ата, 1983.
- ³³¹ В частности, неонацисты в бывшей ФРГ в период, когда у власти стояли социал-демократические правительства В. Брандта и Г. Шмидта, назойливо твердили: «Сегодня у нас нет демократии, мы живем в условиях диктатуры СДПГ».
- ³³² Deutsche Nachrichten. – Hannover. 1966, Juni 24. S. 4, 5.
- ³³³ Politisches Lexikon der NDP.
- ³³⁴ См.: Иностранная литература. 1983. № 3. С. 208.
- ³³⁵ См.: Чавкин С. Похитители разума. С. 20 – 21.
- ³³⁶ Medawar P.B. Unnatural Science. – New York Review of Books. 1977. February 3.
- ³³⁷ Чавкин С. Похитители разума. С. 27.
- ³³⁸ Albrecht E. Staat – Idee und Wirklichkeit. – Stuttgart, 1976.
- ³³⁹ См.: Расы и общество. – М., 1982. С. 152. Также: Филатов М. Н., Рябов А. И. Фашизм 80-х. С. 30, 31.
- ³⁴⁰ См.: Бланк А.С. Адвокаты фашизма. – М., 1974.
- ³⁴¹ Критика идеологии неофашизма. – М., 1976. С. 254 – 256.
- ³⁴² См.: Маньковская Н.Б. К критике философско-эстетических взглядов «новых философов» и «новых правых». – Вопросы философии. 1984. № 4. С. 138 – 146.

Заключение

- ¹ Вольф К. От первого лица. – М., 1990. С. 299.
- ² Мельников Д., Черная Л. Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер. – М, 1981.
- ³ Айтматов Ч. Буранный полустанок. – М., 1981. С. 2.
- ⁴ Фучик Ю. Избранное. – М., 1983. Кн. 2. С. 409.

М.В. Виниченко

Город-герой Севастополь

ПРЕДИСЛОВИЕ

Работа над изучением опыта обороны и освобождения Крыма и Севастополя началась еще в конце XX – начале XXI века. Сначала исследовались проблемы обороны Севастополя в Крымской войне¹. Затем поиск расширился до середины XX века, Великой Отечественной войны. Определенную сложность представлял поиск достоверных материалов по боевым эпизодам, позволяющим с различных сторон взглянуть на героическое и трагическое прошлое Крымской твердыни. Большую помощь в сборе архивных материалов, фотодокументов оказало руководство Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя – А.А. Рудометов, С.В. Костюченко, лично И.Ю. Агишева, другие сотрудники музея. Кроме того, сотрудничество с коллективом Музейного историко-мемориального комплекса «35-я береговая батарея» В.И. Володиным, Т.И. Уманской, Е.В. Ярошевич, Т.М. Щербаковой позволило выявить некоторые детали обороны Севастополя и эвакуации с полуострова советских войск в июле 1942 года. Хочется выразить благодарность также Д.М. Воробьеву, И.Г. Беликовой за полезную информацию и фотоматериалы.

Проведенные научные конференции, круглые столы на крымской земле позволили более глубоко понять обстановку, ход и исход вооруженной борьбы, сильные и слабые стороны обороны, роль и место руководства, рядовых бойцов, партизан, местного населения в обороне Севастополя. Представленная работа лишь частично отражает события давно минувших дней. Но результаты проведенного исследования еще раз подтверждают величие подвига Севастополя.

ВВЕДЕНИЕ

В годы Великой Отечественной войны судьба Советского Союза решалась как на главных участках фронта, в крупных битвах и сражениях, описанных довольно подробно, так и на

второстепенных направлениях. В каждом боевом столкновении, в каждом вооруженном, физическом и моральном сопротивлении советского человека агрессорам, как фашистам Германии, так и нацистам всех мастей решался ход и исход войны. Все это в совокупности помогло одолеть сильнейшую в мире немецкую «военную машину» и ее сателлитов.

Случилось так, что Севастополь не находился на главных стратегических направлениях войны, где сталкивались самые крупные группировки противоборствующих сторон. Но он по традиции стал той российской, советской твердыней, которая показала всему миру силу, стойкость, героизм советского народа, объединившего в своих рядах все народы и народности, населявшие Советский Союз. Севастополь по традиции стал символом нравственной чистоты и национальной гордости. В борьбе за город-герой многие наши соотечественники – люди с оружием защищавшими Родину, трудившиеся в тылу, простые граждане – погибли, получили ранения и увечья, но не сдались врагу. Красноармеец Володя Хрущев, разведчик 54-го стрелкового полка 25-й стрелковой дивизии Приморской армии 27 апреля 1942 года писал своим родителям:

«Если я погибну за Родину, то не надо лить горьких слез – лучше смерть, чем рабство! Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!!»².

Были и пленные, но в большинстве своем – вынужденно попавшие в плен и там продолжавшие бороться с фашистами. Это сложный и противоречивый аспект обороны и освобождения Севастополя. Но он несколько не снизил цены борьбы и победы севастопольцев над ненавистным врагом. Наоборот, была показана воля к сопротивлению врагу в любых условиях, не прекращавшаяся ни на минуту. Это поднимало на более высокий уровень завоеванный в предшествующих войнах международный авторитет

Севастополя, дань и уважение стойкости и мужеству защитникам города. До сих пор севастопольские экскурсоводы с гордостью говорят о победах своих предков над фашистами туристам из Германии, ветеранам Второй мировой войны, воевавшим против СССР, в Крыму. И те вынужденно и с уважением отзываются о своих победителях. Этот имидж России явление не приходящее. Он вечен. Его необходимо постоянно поддерживать, достойно и трепетно нести в будущее.

ПОДГОТОВКА ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ К ОТРАЖЕНИЮ ВТОРЖЕНИЯ ПРОТИВНИКА

Инженерное оборудование театра военных действий в Крыму было поручено командованию инженерного отдела. Он, опираясь на инженерные войска, привлек с помощью руководства обороны Крыма различные силы и средства для подготовки оборонительного плацдарма перед Севастополем. Этот плацдарм состоял из трех оборонительных рубежей³.

Передовой рубеж обороны имел протяженность около 40 км и глубину 1,5 – 2 км. Он проходил на удалении 16 – 17 км от Севастополя по восточным скатам высот 386.6, 440.8, высоты с итальянским кладбищем, через Ниж. Чоргунь и высоты 287.4 и 269.0, Мекензия, высоты 319.6, 209.9, 190.1, 158.7, 132.3, Аранчи, отметку 57.0. Недостатком выбора этого рубежа было то, что при ведении обороны на нем противник оказывался в более выгодных условиях, так как подступы были выше – располагались на господствующих высотах. Удаление рубежа на сравнительно небольшое расстояние позволяло противнику вести прицельный огонь дальнобойной артиллерией по окрестностям города, в том числе и аэродромам.

Помимо недостатков, передовой рубеж имел и ряд преимуществ.

Во-первых, на большом протяжении он был покрыт густым лесом, срывавшим оборонительные порядки наших войск и важные объекты в глубине обороны. Кроме того, этот рубеж перекрывал наиболее важные направления, по которым противник мог выйти к Севастополю: Ялтинской шоссе, долины рек Черной, Бельбека, Качи и долину Кара-Коби.

Передовой рубеж состоял из отдельных опорных пунктов – Чоргуньского, Черкез-Керменского, Дуванкойского и Аранчинского.

Что плохо – он не представлял собой сплошной оборонительной линии. В каждом опорном пункте было оборудовано небольшое количество дотов и дзотов. Всего – 11 артиллерийских и 50 пулеметных дотов. Танкоопасные направления прикрывались 45-мм и 130-мм морскими пушками из расчета не менее четырех орудий на направление. Каждый опорный пункт имел до 10 противотанковых пушек. Артиллерийские огневые точки эшелонировались в глубину на 3 км. Кроме того, перед Дуванкойским и Аранчинским опорными пунктами были подготовлены огневые завесы, пред-

ставлявшие собой трубопроводы диаметром 2 – 3 дюйма, уложенные поперек танкоопасного направления в железобетонном лотке. Для приведения их в действие горючая жидкость выпускалась специальными командами из труб и поджигалась при помощи бутылок с горючей смесью. Считалось, что огневой вал, прикрытый противотанковыми орудиями, надежно прикроет танкоопасное направление.

В промежутках между огневыми точками оборудовались окопы стрелковых подразделений. Для повышения надежности прикрытия основных объектов и важных направлений перед рубежом было установлено противотанковых надолб 1700 пог. м, противотанковых мин – 8726 шт., противопехотных мин – 850 шт., фугасов – 29.

Недостатком инженерного оборудования местности было то, что стрелковые окопы опорных пунктов не были связаны между собой ходами сообщения. Артиллерия и минометы располагались открыто, окопы для них не создавались.

Главный рубеж обороны включал в себя часть высот (212.1, Федюхины высоты, Инкерманские высоты и высоты по северному берегу Бельбека), которые обеспечивали достаточно надежное прикрытие наиболее выгодных для противника направлений – долины рек Черной и Бельбека, а также Ялтинское шоссе. Он имел протяженность около 30 км и глубину 1,5 – 3 км. К 1 ноября 1941 г. на главном оборонительном рубеже было подготовлено 3 командных пункта, 6 артиллерийских дотов и 32 пулеметных дзота.

Несмотря на название, главный рубеж по своим оборонительным свойствам не являлся таковым в полном смысле этого слова.

Во-первых, командные высоты, господствующие над оборонительным рубежом, при подходе противника, находились в его руках и позволяли эффективно вести огонь по нашей обороне. Во-вторых, рубеж не имел сплошной оборонительной линии. В ряде мест он был лишь обозначен, не имея долговременных оборонительных сооружений.

Рубеж прикрытия эвакуации имел длину 27 км, глубину 1 – 5 км и проходил от одного до другого берега Черного моря, огибая Севастополь. Правый фланг шел в 2 км восточнее бывшего Георгиевского монастыря по восточным скатам высот 244.1, Сапун-Горы, через Инкерман, высоту 104.5 и по южному берегу реки Бельбек.

Этот рубеж также не имел сплошной оборонительной линии. Усилия сосредоточивались на участке Инкерман, Балка Графская, высота 104.5 и далее до берега моря, где была оборудована сильная система долговременных сооружений, прикрытая противотанковым рвом и проволочными заграждениями.

Несмотря на то, что рубеж прикрытия эвакуации господствовал над подступами, он имел слабые маскировочные свойства. Местность была открытая и позволяла противнику прицельно вести огонь артиллерии и наносить удары авиацией по находящимся там войскам. Кроме того, его протяженность не намного отличалась от главного рубежа, и требовала большого количества войск для прикрытия эвакуации, что было проблематично выделить в условиях отхода, погрузки на суда и жесткой борьбы за город. Такая протяженность, с одной стороны давала возможность в ходе боя определять наиболее удобные участки эвакуации войск. С другой стороны, усложняла управление войсками, обеспечение организованного отхода главных сил и погрузки на суда, в самолеты войск в составе подразделений, частей, соединений.

Этот рубеж, как и два других, не был оборудован средствами полевой фортификации.

Основу системы огневого поражения противника Севастопольского оборонительного района составили морские стационарные батареи (БС), расположенные севернее и южнее Севастополя. К лету 1941 года их насчитывалось девять. Они представляли существенную угрозу как морским, так и сухопутным объектам противника. Калибр орудий на некоторых батареях достигал 305 мм. Прежде всего, это относилось к 30-й и 35-й башенным батареям.

Помимо стационарных батарей, в распоряжении командования был отдельный подвижный артиллерийский дивизион трехбатарейного состава по три орудия в каждой батарее. Общее число орудий береговой артиллерии, непосредственно оборонявших Севастополь, равнялось 45 ед.

Для прикрытия города с воздуха и затруднения действий авиации противника использовались аэростаты 1-го отдельного воздухоплавательного дивизиона ВМФ. В состав дивизиона входило 27 аэростатов, отряд плавсредств (5 специально оборудованных рейдовых катеров и два резиновых катера); несколько аэростатов наблюдения; школа младших воздухоплавательных специалистов.

Немецкие летчики опасались столкновения с тросами аэростата. Помимо помехи, такое столкновение могло привести к взрыву самолета, так как к верхнему концу троса прикреплялись мины воздушного заграждения. Мина представляла собой зенитный снаряд с инерционным взрывателем, тормозным парашютом и устройством для автоматического отделения аэростата от троса.

При столкновении самолета с тросом аэростат отделялся, а мина на открывшемся парашюте подтягивалась на тросе и взрывалась. Таким образом, столкновение самолета с тросом аэростата было равносильно попаданию зенитного снаряда⁴.

Хорошим подспорьем для обороняющихся была развитая подземная инфраструктура Крыма. В районе Севастополя находился ряд штолен, каменоломен и тоннелей. Они использовались командованием и населением города для укрытия от авиационных и артиллерийских ударов противника. Там располагались защищенные командные пункты флота, Приморской армии и береговой обороны, госпиталя, склады, подземные арсеналы, различные предприятия, спецкомбинаты № 1 и 2, выпускавшие продукцию для фронта. В наиболее крупных штольнях прятали самолеты. В ходе обороны структура подземелья постоянно развивалась.

Самым слабым звеном в обороне армии было управление. Ввиду полного отсутствия полевых средств связи, управление армии строилось на максимальном использовании постоянных линий связи и стационарных радиостанций. Кроме того, организовывалась «летучая почта» из местных самокатчиков-комсомольцев. Учитывая тот факт, что германские войска предпринимали все меры по уничтожению постоянных линий связи, то управление войсками в условиях высокоманевренных действий при помощи стационарных радиостанций организовать было проблематично. Наибольшую устойчивость показывало управление в Севастопольском оборонительном районе, где располагалось три независимых друг от друга узла связи, один из которых находился в подземном помещении в скале⁵.

В Севастополе информацию о ходе боевых действий в Крыму получали нерегулярно и отрывками. Командир 35-й башенной батареи капитан А.Я. Лещенко отмечал: «Оперативных сводок мы не получали и были в полном неведении о том, что делается на Крымском фронте. Отсутствие информации от вышестоящих штабов было болезнью не только в первом отдельном артдивизионе

береговой обороны... О событиях на Перекопе и Чонгаре я узнавал от своих матросов, работающих на заготовке овощей в Северной части Крыма»⁶.

НАЧАЛО ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЬ

Развивая наступление на Севастополь, противник стремился упредить отход войск Приморской армии и с ходу овладеть городом.

Из показаний пленных и трофейных документов было установлено, что Гитлер приказал взять Севастополь к 1 ноября 1941 года. Для этого у германских и румынских соединений и частей было необходимое превосходство в подвижности, надежном и устойчивом управлении, в созданной крупной группировке артиллерии (до тринадцати дивизионов артиллерии) и мощной поддержки с воздуха (до 700 самолетов). Однако с ходу к намеченному сроку взять Севастополь противнику не удалось.

К 1 ноября германские войска смогли занять Бахчисарай и стали продвигаться к Севастополю. Береговая артиллерия препятствовала развитию наступления противника, наносила удары по скоплениям его войск, обеспечивая выдвижение и занятия обороны Севастопольским гарнизоном⁷. Огневая поддержка была необходима севастопольским соединениям и частям, общая численность которых к этому времени достигала 20 660 человек. На вооружении гарнизона находилось 262 ручных, 276 станковых, 12 крупнокалиберных пулеметов, 72 миномета и 63 орудия различных калибров. Для обеспечения боевых действий сухопутных войск была выделена 3-я особая авиационная группа в составе около 100 самолетов⁸.

В течение 3 и 4 ноября части Севастопольского гарнизона занимали передовой рубеж обороны. Уже вечером 3 ноября передовые германские части атаковали подразделения местного стрелкового полка, находившиеся в боевом охранении в районе Кача. На следующий день противник начал наступление на Дуванкой, где оборонялся 3-й батальон 3-го полка морской пехоты.

В это время в тылу врага активизировали свои действия некоторые партизанские отряды. Севастопольский и Сакский партизанские отряды вели бои с превосходящими силами противника вблизи сел Уппа (Родное), Узень-Баш (Хворостянка) и Кучки с задачей не допустить подхода корпусных резервов к переднему краю в районе Чоргунь (Черноречье).

Для создания прочной и надежной обороны командующий войсками Крыма 4 ноября 1941 года приказал создать Севастопольский оборонительный район в составе Приморской армии, береговой обороны, главной морской базы Черноморского флота (Севастопольский гарнизон) и всех морских и сухопутных частей, а также ВВС Черноморского флота, находившегося в Севастополе.

На следующий день к Севастопольскому оборонительному району подошли главные силы 54-го немецкого армейского корпуса и на центральном участке передовой оборонительной полосы развернулись ожесточенные бои. Наиболее мощному огневому воздействию и атакам противника подвергся Черкез-Керменский опорный пункт.

Несмотря на ожесточенное сопротивление, противнику 6 ноября удалось овладеть Черкез-Кермен.

Утром 7 ноября 1941 года два батальона немцев при поддержке артиллерии и минометов перешли в наступление на Мекензия и к 14.50 вытеснили наши части из этого населенного пункта. Но дальше продвинуться не смогли. Для наращивания усилий противник перебросил на автотранспорте в этот район еще два пехотных батальона. Однако морские пехотинцы отразили эти атаки. Большие потери немцам в этот день нанесла 35-я башенная батарея под командованием старшего лейтенанта А.Я. Лещенко.

Сначала было уничтожено около 30 автомашин и бронетранспортеров, много пехоты, а затем артиллерийская батарея противника⁹. Прочно удерживали свои позиции войска в долине Кара-Кюбя. На следующий день, подтянув резервы, противник снова предпринимал попытки прорваться к городу. Наши позиции подвергались ударам артиллерии и авиации, пехота противника искала наиболее уязвимые места в нашей обороне. 9 ноября разгорелись ожесточенные бои в долине Кара-Кюбя и в районе Верх. Чоргунь.

Одновременно германская авиация непрерывно бомбила Севастополь. Однако ни на одном участке фронта противнику не удалось достигнуть успеха.

Несмотря на отчаянные попытки, дальше противник продвинуться не смог. Войска Севастопольского гарнизона при мощной поддержке береговой и корабельной артиллерии, ударов авиации отразили все попытки противника прорваться к городу, обеспечив возможность выхода и сосредоточения разрозненных частей Приморской армии. Существенную помощь обороняющимся войскам

оказали батареи береговой обороны. Эффективно вели огонь башенные батареи БС-19, БС-35, БС-30. Особенно отличилась 30-я башенная батарея майора Г.А. Александра¹⁰. Противник эффективно уничтожался как на дальних подступах, так и в районе Севасто-поля. Немецкое командование для нейтрализации этого мощного огневого средства обороны высылало специальные группы, в задачу которых входило захват командира батареи и подрыв командного пункта¹¹.

Авиация Черноморского флота наносила ощутимые удары по скоплению войск противника в районах сосредоточения.

В это время подразделения и части, штабы Приморской армии пробивались к Севастополю¹². К 9 ноября к городу вышла основная часть отходивших войск. Ряд соединений частично или полностью потеряли боеспособность. Так, например, 2-я кавалерийская дивизия подошла к Севастополю в составе лишь 320 человек и без артиллерии. 421-я стрелковая, 2-я и 42-я кавалерийские дивизии ввиду малочисленности личного состава сразу же были расформированы. Общая численность Приморской армии к этому времени не превышала 8000 человек с небольшим количеством оружия. Одновременно к Севастополю отошла 7-я бригада морской пехоты под командованием полковника Е.И. Жидилова, батальоны которой с боями пробивались вдоль южного берега Крыма.

В течение нескольких дней была проведена реорганизация войск и их перегруппировка. Всего в составе Приморской армии на 10 ноября с частями боевого обеспечения и тыла насчитывалось 31 500 человек, 108 орудий, 232 миномета и 10 танков, а всего в Севастопольском гарнизоне – 260 орудий разных калибров и 323 миномета¹³. Это увеличило оборонительные возможности Севастопольского оборонительного района.

К 11 ноября 1941 года Севастопольский оборонительный район разбили на четыре сектора. Силы и средства распределялись неравномерно, массируясь на наиболее опасных направлениях. Первый сектор обороняли 383-й стрелковый полк и 40-я (2-я) кавалерийская дивизия; второй сектор – 172-я стрелковая дивизия и 31-й стрелковый полк 25-й Чапаевской стрелковой дивизии доукомплектованный батальоном авиазенитной обороны (АЗО); третий сектор – 25-я Чапаевская стрелковая дивизия, 3-й полк морской пехоты, 54-й и 287-й стрелковые полки; четвертый сектор возглавлял командир 95-й стрелковой дивизии. В его состав

входили: 18-й батальон морской пехоты (27 ноября переформирован в 241-й стрелковый полк), 8-я бригада морской пехоты, местный стрелковый полк, 161-й полк, сформированный из частей 95-й стрелковой дивизии, и 90-й стрелковый полк двухбатальонного состава, сформированный из мелких подразделений Приморской армии. Каждый сектор возглавлял комендант, которым являлся командир дивизии.

Боеспособность полков и дивизий была различной, так как они формировались на основе подразделений разных родов войск и ведомств. Так, например, 383-й стрелковый полк имел в своем составе 1-й батальон, сформированный на основе школы НКВД, 2-й батальон – из 7-го запасного артиллерийского полка; 3-й батальон из объединенной школы береговой обороны, роты ПВО и других подразделений. 1-й Севастопольский стрелковый полк 172-й стрелковой дивизии был сформирован из 1-го Перекопского отряда (1-й батальон), батальона Дунайской речной флотилии (2-й батальон) и оружейной школы (3-й батальон)¹⁴.

Стрелковые дивизии располагались в два эшелона, имея во втором эшелоне по одному стрелковому полку. В каждом секторе из состава обороняющих его войск создавался резерв. 1330-й стрелковый полк и два корпусных артиллерийских полка составили резерв командующего Приморской армией.

В среднем на стрелковую дивизию приходилась полоса обороны шириной до 10 км по фронту. Вся артиллерия, в том числе и береговая, была распределена по секторам обороны в количестве 35 – 40 орудий в каждом секторе. Наибольшая плотность артиллерии была в первом (4 орудия на 1 км фронта) и втором (3,7 орудий на 1 км фронта) секторах. Первый сектор поддерживался двенадцатью мощными (калибр 152-305-мм) орудиями береговых батарей Б-19, Б-18 и Б-35. С учетом минометов плотность повышалась до 15 орудий на 1 км фронта. При маневре огнем артиллерийская плотность доводилась на отдельных направлениях до 60 орудий на 1 км фронта. Управление внутри сектора было централизовано¹⁵.

Артиллерия Севастопольского оборонительного района, включая береговую и зенитную, была приспособлена для стрельбы по наземным целям. Полевая артиллерия выдвигалась к переднему краю обороны для стрельбы прямой наводкой. Корабельная артиллерия использовалась главным образом для контрбатарейной борьбы. Береговая артиллерия, особенно башенных батарей, могла

вести эффективно огонь на большие дальности по скоплениям и важным объектам противника. Она через начальника артиллерии береговой обороны оперативно подчинялась начальнику артиллерии оборонительного района. Корабельная артиллерия подчинялась командующему флотом, но выполняла задачи в интересах сухопутных войск по указанию и заявкам начальника артиллерии оборонительного района.

На участке железной дороги Севастополь-Балаклава действовал один бронепоезд «Железняков» — командир капитан-лейтенант М. Харченко.

Защитникам Севастополя была оказана различного рода поддержка. Большие надежды возлагались на Черноморский флот. Однако уже в это время ставилась задача на эвакуацию из Севастополя и Керчи на Кавказ всего ценного, но не нужного для обороны. Руководство обороной Севастополя возлагалось на командующего Черноморским флотом Ф.С. Октябрьского (Иванова)¹⁶.

7 ноября 1941 года в день Октябрьской социалистической революции и проведения парада в Москве на Красной площади Ставкой ВГК была издана директива, в которой указывалось: «Севастополь не сдавать ни в коем случае». Во всех подразделениях были проведены митинги и беседы об ответственной задаче по защите Севастополя, которая ассоциировалась с именем И.В. Сталина.

Не достигнув цели — захват Севастополя с ходу — противник решил рассекающими ударами разорвать фронт Севастопольского оборонительного района в районе второго сектора, окружить его и уничтожить, открыв себе путь к городу. Для нанесения главного удара была выделена 72-я германская пехотная дивизия, усиленная танками (до 100 танков). Вспомогательный удар наносился частями 50-й дивизии и 118-го отдельного моторизованного отряда в направлении Черкез-Кермен, долина Кара-Кюбя.

Первое наступление противника (11 — 21 ноября 1941 г.) началось атакой пехотного батальона при поддержке танков в районе Варнутки. Несмотря на ожесточенное сопротивление и поддержку действий пехоты огнем крейсеров «Червона Украина» и «Красный Крым», наши войска были вынуждены отойти. Подтянув свежие силы, с утра 13 ноября германское командование возобновило наступление вдоль Ялтинского шоссе и горной дороги от Кучук-Мускомьи на Кадыровку. К исходу дня противнику удалось вклиниться в нашу оборону и 40-я дивизия фактически оказалось почти окру-

женной. Одновременно ударам подвергся второй сектор обороны. На правом фланге два батальона немцев при мощной поддержке артиллерии пытались прорваться в долину Кара-Кюбя.

Для затруднения действий противника на подступах к Севастополю, партизаны нанесли удар по германским войскам в тылу. На Ялтинской дороге в начале ущелья реки Куру-Узень (Сухая речка) из засад было уничтожено восемь грузовых автомашин, несколько мотоциклов и подвод с военным имуществом. При этом были убиты более 30 немецких солдат и захвачено оружие. Диверсионные группы Севастопольского и Балаклавского отрядов взорвали мосты около сел Биюк-Мускомья (Широкое), Скели (Родниковое), Адым-Чокрак (Истоки) и так называемый Варнутский мост на реке Куру-Узень¹⁷.

14 ноября наши войска контратаковали противника. Подразделения 383-го и 514-го стрелковых полков, ломая упорное сопротивление немцев, овладели высотами первого сектора – 386.6, 482.2 и 440.8. В третьем секторе 54-й стрелковый и 2-й Перекопский полки пытались вернуть участок местности в районе Мекензи. 35-я башенная батарея метким огнем поддержала их действия и уничтожила до 200 гитлеровских солдат и офицеров, а также пять танков противника на дороге на Черкез-Кермен¹⁸.

Нанеся противнику большие потери, войска третьего сектора вернулись в исходное положение. Артиллеристы 30-й башенной батареи, как и многие другие защитники Севастополя, поклялись: «Умрем, но не отступим»¹⁹.

15 ноября противник смог в первом секторе существенно потеснить наши войска и овладел лесничеством и высотой 508.1, прорвав передовой рубеж обороны. Нависла угроза прорыва всей обороны.

Командование Севастопольского оборонительного района своевременно предприняло необходимые меры для закрытия бреши в обороне. К участку прорыва были переброшены из общего резерва 1330-й стрелковый полк, а также на машинах два батальона 161-го стрелкового полка из резерва четвертого сектора. Противник был остановлен.

На следующий день (16 ноября) немецкие войска возобновили наступление вдоль долины Кара-Кюбя. За три дня боев им удалось немного продвинуться вперед и овладеть высотой 269.0. На южном направлении противник с утра 18 ноября успешно атаковал Камаров и к исходу дня овладел им. Однако 514-й стрелковый полк контратакой 21 ноября выбил немцев из Комаров.

Оценивая обстановку как критическую, командир Главной базы Черноморского флота контр-адмирал Г.В. Жуков в донесении №1528 от 19 ноября 1941 года докладывал, что «...в случае продолжения атак противника в том же темпе гарнизон Севастополя продержится не более трех дней. Потери наших войск за два дня боев только ранеными составляют 3000. Большие потери в материальной части и вооружении, большинство тяжелых батарей береговой обороны подавлено. Резервы и пополнения израсходованы. Снарядов наиболее нужных калибров – 107-мм корпусных, 122-мм гаубичных, 82-мм мин нет. Остальной боезапас на исходе. На 20 декабря с целью усиления частей, действующих на фронте, вводился в бой личный состав кораблей, береговых батарей, зенитной артиллерии, аэродромной службы и др.»²⁰. Тем не менее, выстояли.

К концу первого наступления на Севастополь высшее руководство во главе со И.В. Сталиным пришло к выводу, что Г.И. Левченко не способен руководить сухопутной обороной. Директивой Ставки ВГК № 004973 от 19 ноября 1941 года (04 ч. 40 мин) упразднялась должность командующего войсками Крыма. Вице-адмирал Г.И. Левченко был освобожден от исполнения этой должности с возвращением к прямым обязанностям – заместителя наркома Военно-Морского Флота. Командующим 51-й Отдельной армией назначался генерал-лейтенант П.И. Батов, начальником штаба – генерал-майор Г.Д. Шишенин. 51-й Отдельной армии в составе 106-й, 156-й, 157-й, 271-й, 276-й, 302-й и 320-й стрелковых дивизий, 12-й стрелковой бригады, батальона 2-го Краснодарского пехотного училища, запасного стрелкового полка СКВО с дивизионом артиллерии ставилась задача оборонять побережье Азовского и Черного морей. Основной задачей армии было не допустить форсирования противником на плавучих средствах и по льду Керченского пролива и высадки им десантов на Азовском и Черноморском побережьях, сосредоточив главные усилия на Таманском полуострове. Азовская военная флотилия в оперативном отношении подчинялась командующему 51-й Отдельной армии. Особое внимание обращалось на принятие срочных мер по восстановлению боеспособности дивизий, понесших большие потери.

Командующий Севастопольским оборонительным районом вице-адмирал Ф.С. Октябрьский с 22 часов 19 ноября 1941 года

подчинялся непосредственно Ставке Верховного Главнокомандования. Заместителем Ф.С. Октябрьского по руководству сухопутными войсками, оборонявшими Севастополь назначался генерал-майор И.Е. Петров²¹.

В целом, советские войска успешно отбивали атаки противника. Этому способствовал ряд мероприятий, проведенных командованием Севастопольского оборонительного района²². Во-первых, действия пехоты активно поддерживалось артиллерией и авиацией. За период первого наступления противника наша авиация совершила свыше 200 самолетовылетов. Огнем артиллерии были прикрыты стыки частей и секторов. Бронепоезд «Железняк» был вписан в единую систему огня. Во-вторых, для затруднения ведения боя противником ночью были использованы прожектора из расчета по взводу 150-см прожекторов на дивизию. В стрелковых частях использовались 40-см пехотные прожекторы. В-третьих, активизировалась разведка, поставляя необходимые сведения для нашего командования. В-четвертых, интенсивно проводилось инженерное оборудование оборонительных позиций. Широко привлекалось местное население для работ по укреплению рубежей.

Кроме того, население города работало в госпиталях, на предприятиях. За период первого наступления противника в городе было убито 273 человека местного населения, ранено 636 человек и разрушено 296 зданий²³.

Населению в Севастополе было очень трудно. Вот что писал в своем письме родным заместитель командира 7-й бригады морской пехоты Черноморского Флота интендант 2-го ранга П.М. Будяков: «Я только думаю о том, что как хорошо, что Вы убрались из этого ада. Жителей осталось очень мало, да и те живут в щелях, и оттуда не выходят. Размещаюсь я в скалах довольно надежных, но приходится бывать на передовых. Как тебе, наверное, пизвестно – мы в Крыму остались одни в Севастополе, остальное ведь занято немцами. Получается вторая Одесса, пожалуй, даже хуже. Выход один: биться до последней капли крови. Такая задача стоит перед нами, да и другого ничего не придумаешь»²⁴.

Неся большие потери от наших войск, к концу первого наступления на Севастополь противник вынужден был бросать в бой специальные и тыловые подразделения. Численность в его ротах достигала 30 – 40 человек, некоторые дивизии потеряли до 60% личного состава. Это вынудило командование противника перейти

к обороне, чтобы восстановить боеспособность своих войск. С других участков фронта были переброшены соединения и части (например, 1-я и 4-я румынские горно-стрелковые бригады, 24-я немецкая пехотная дивизия). Для контрбатареинной борьбы с нашими береговыми батареями было подвезено несколько дивизионов сверхтяжелой 350-мм артиллерии.

Командование Севастопольского оборонительного района тоже получило в качестве пополнения 388-ю стрелковую дивизию, а также маршевые роты. Они были доставлены в Севастополь кораблями Черноморского флота, которые тоже участвовали в огневых налетах по противнику. Формировались новые артиллерийские батареи, строились доты, дзоты, землянки, оборудовались окопы и ходы сообщения. Усиливалась противотанковая оборона. Разведчики активизировали свои действия, захватывая пленных, трофейное оружие, обеспечивая командование важной информацией. Так, 1 декабря 1941 года разведывательная рота ворвалась в расположение противника, уничтожила до взвода немцев и захватила противотанковое орудие. 9 декабря разведывательный взвод в здании школы Черкез-Кермен уничтожил 18 и ранил 20 солдат противника, захватил пленных, оружие и боеприпасы.

Партизаны, несмотря на все сложности, в этот период наносили удары по коммуникациям и личному составу в тылу противника. Особенно активно действовал Севастопольский отряд. Боевые группы П.А. Атаманова-Петросова, Ф.Т. Верзулова, А.В. Керемеджити, К.Т. Пидворко, М.Ф. Томенко, М.Ф. Якунина и саперы сержанта Б.Е. Иванова, приданные отряду штабом Приморской армии, ежедневно нападали на коммуникации противника²⁵.

Почувствовав на себе мощь нашей береговой артиллерии, противник начал ежедневно обстреливать город и, прежде всего, артиллерийские батареи, выпуская до 500 – 800 снарядов в день.

Второй штурм фашистами готовился более тщательно. К концу ноября планировалось покончить с Севастополем. Однако штурм был отложен с 27 ноября на более поздний срок. Одной из главных причин его переноса генерал-полковник Э. фон Манштейн считал плохую погоду. «...Но здесь-то нам и помешала русская зима, причем двояким образом, что было особенно плохо. В Крыму начались непрерывные дожди, которые в кратчайший срок вывели из строя все дороги без твердого покрытия... Таким образом, с началом дождей армия практически теряла возможность обеспечивать

свое снабжение автогужевым транспортом, во всяком случае, на участке от материка до Симферополя. К 17 ноября уже вышло из строя по техническим причинам 50% нашего транспорта... На материке же, на севере, уже свирепствовал лютый мороз, который вывел из строя четыре паровоза из пяти, имевшихся тогда в нашем распоряжении южнее Днепра»²⁶. С опозданием на три недели противник начал наступление.

ВТОРОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ВРАГА НА СЕВАСТОПОЛЬ

Главный удар в период второго наступления на Севастополь (17 декабря 1941 г. – 1 января 1942 г.) немцы наносили из района Дуванкой через долину реки Бельбек, Камышлы на северо-восточную оконечность Северной бухты на фронте Мекензия, гора Азиз-Оба. Вспомогательный удар противник наносил в направлении Верхний Чоргунь – Инкерман вдоль долины реки Черной. В результате планировалось рассечь и окружить центральную группировку наших войск, что облегчало выполнение главной задачи – захват Севастополя. Германским и румынским войскам была поставлена задача на четвертый день (21 декабря) захватить Севастополь.

На рассвете 17 декабря после сильной артиллерийской подготовки немцы перешли в наступление на всем фронте. Там, где противник наносил главный удар, разгорелись ожесточенные бои.

Ярко и подробно описаны события этих дней в работе А.В. Неменко «Севастополь. Огненные рубежи»: «Особенно упорный бой разгорелся в районе горы Азис-Оба, где оборонялись подразделения 2-го и 3-го батальонов 8-й бригады морской пехоты. Несмотря на превосходство противника в силах, бойцы стойко оборонялись, неоднократно переходя в контратаки и отбрасывая гитлеровцев. Политрук В.Н. Загальский трижды поднимал за собой краснофлотцев в контратаку. На помощь подоспела рота 5-го батальона, и позиции были удержаны... Части 22-й Нижнесаксонской пехотной дивизии немцев нанесли удар в стык 2-го (командир капитан Е. И. Леонов, военком старший политрук И.И. Шульженко) и 3-го (командир майор С. Н. Бутаков, военком – старший политрук Г.Г. Кривун) батальонов бригады. Несмотря на сопротивление морских пехотинцев, между батальонами стал образовываться разрыв. Командир бригады направил на опасный участок 5-й батальон (командир лейтенант Н.С. Паняшкин, военком политрук

И.И. Малыгин) с задачей восстановить положение. Противник не выдержал штыковой атаки моряков и отступил. В бою пал смертью героя политрук И.И. Малыгин, находившийся в первых рядах атакующих...

...В траншеях 5-й роты (командир младший лейтенант П.С. Богачев, политрук Н.З. Комликов) завязался рукопашный бой, в котором погибли почти все бойцы роты. Особенно отличился комсорг полка младший политрук Н.И. Голубничий, заколовший штыком шесть фашистов. Будучи раненным, он не покинул поля боя и продолжал сражаться²⁷.

Противник наращивал усилия. 287-й стрелковый полк и 2-й Перекопский полк морской пехоты, понеся большие потери, стали отходить. Отход их подразделений прикрывала пулеметная рота, состоявшая из моряков Электромеханической школы под командованием М. Садовникова. Идя на верную смерть, они дали друг другу клятву: «Над нашим родным городом, над главной базой, над всеми нами нависла смертельная опасность. Враг рвется в наш любимый город Севастополь. Мы клянемся Родине: не отступить назад ни на шаг; ни при каких условиях не сдаваться в плен; драться с врагом по-черноморски, до последней капли крови; быть храбрым и мужественным до конца».

8-я бригада морской пехоты, понеся тяжелые потери от огня противника, под ударами пехотного полка и танков, была вынуждена отойти на свою тыловую позицию западнее горы Азиз-Оба. В результате 241-й стрелковый полк капитана Н.А. Дьякончука оказался практически окружен. Создалась угроза и для других частей третьего сектора обороны. Для восстановления положения и не допущения дальнейшего продвижения противника из резерва третьего сектора были выдвинуты 7-я бригада морской пехоты, а из общего резерва 40-я кавалерийская дивизия и 773-й стрелковый полк. Кроме того, из общего резерва был выдвинут 778-й стрелковый полк для занятия оборонительной позиции по западному берегу Камышловского оврага. Была активизирована деятельность авиации. За день она сделала 115 самолетовылетов²⁸. Тем не менее, противнику за два дня боев (18, 19 декабря) удалось полностью окружить 241-й стрелковый полк, который продолжал прочно удерживать оборону.

Одновременно противник продолжил наступление в направлении высоты 133.3. Выдвигавшийся сюда наш резерв всту-

пил с немцами во встречный бой. 773-й стрелковый полк и 40-я кавалерийская дивизия при поддержке авиации (73 самолетовылета) остановили продвижение противника. Однако это стоило обеим сторонам больших потерь. В районе Мекензии немцы смогли немного продвинуться, но также были остановлены. Дождавшись темноты, командир 241-го стрелкового полка капитан Н.А. Дьякончук с боем вывел свою часть из окружения и получил задачу оборонять позиции Бельбекской долины. Все усилия противника прорваться через 241-й стрелковый полк по долине реки Бельбек были напрасны.

Успешно действовал 90-й стрелковый полк, который отразил атаку усиленного румынского батальона, нанеся серьезные потери противнику (5 танков, около 200 человек). После этого командир 5-й румынской бригады отказался от дальнейших попыток прорваться к Севастополю в течение всего второго наступления.

Сильным ударам подверглись подразделения 2-го полка морской пехоты, оборонявшие позиции в районе высоты 253.7 в направлении высоты с итальянским кладбищем. Наиболее ожесточенные бои шли в районе Нижний и Верхний Чоргунь. Высоты по три раза переходили из рук в руки. Однако победу, хотя и временную, одержали морские пехотинцы. 20 декабря 2-й полк морской пехоты совместно с подразделениями 514-го стрелкового полка контратакой выбили противника с высоты с итальянским кладбищем. В этот день наша авиация наносила удары по скоплению войск противника, произведя за день 143 самолетовылета.

Более тяжелая обстановка сложилась севернее долины реки Бельбек. 8-я бригада морской пехоты была подвергнута мощному огневому воздействию и под ударами превосходящих сил противника стала отходить и смогла закрепиться в 1 км от ранее занимаемых позиций.

Успешно действовала 365-я зенитная батарея под командованием младшего лейтенанта Н.А. Воробьева²⁹. Она располагалась на высоте 60.0 и, прикрывая наземные войска от ударов авиации противника, в тяжелые моменты боя поддерживала пехоту и кавалерию. Пленные немецкие солдаты показывали, что на позиции батареи, которая в сводках германского командования фигурировала как форт «Сталин», они шли без шинелей с обещанием получить их после взятия форта. На смерть они шли подогретые шнапсом и ложились один за другим на чужой промерзшей земле³⁰.

Учитывая тяжелое положение защитников Севастополя, Ставка Верховного Главнокомандования дала указания по усилению обороняющегося гарнизона одной стрелковой дивизией или двумя стрелковыми бригадами, а также приказала направить не менее 3000 человек маршевого пополнения³¹. В результате в Севастополь в кратчайшие сроки были переброшены 345-я стрелковая дивизия и 79-я бригада морской пехоты. Для повышения эффективности управления и четкости взаимодействия Севастопольский оборонительный район был подчинен командующему Закавказским фронтом генерал-лейтенанту Д.Т. Козлову. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Ф.С. Октябрьскому было приказано немедленно прибыть в Севастополь для личного руководства обороной.

Давление немцев возрастало. 21 декабря противник силами трех полков, поддержанных танками, авиацией и артиллерией нанес удар по 778-ю стрелковому полку, который понес большие потери, был вынужден отойти на рубеж северо-западных скатов высоты 192.0. 241-й стрелковый полк стойко оборонял свои позиции и не отошел ни на шаг.

Мощный удар пришелся по 40-й кавалерийской дивизии. Зенитчики Н.А. Воробьева, получив задачу от командира дивизии, которую они прикрывали, перенесли огонь по скоплению противника. 365-я зенитная батарея открыла интенсивный огонь по указанным целям, и атака германских войск захлебнулась.

В этот день крейсера «Красный Крым», «Лидер», «Харьков» и эскадренный миноносец «Бодрый» своим огнем поддержали действия сухопутных войск. Было уничтожено несколько артиллерийских батарей, танки, бронетранспортеры и живая сила противника.

При отражении атаки танков и пехоты противника 22 декабря 1941 года погиб командир 40-й кавалерийской дивизии полковник Ф.Ф. Кудюров. Он несколько раз сам водил в атаку бойцов своей дивизии, а когда немцы окружили командный пункт, Ф.Ф. Кудюров занял место у пулемета и сражался до последнего.

Наибольшего успеха противник добился южнее долины реки Бельбек в направлении кордона Мекензи № 1. 778-й стрелковый полк, неся большие потери, стал отходить в южном направлении.

Нависла реальная угроза прорыва обороны наших войск. 241-й полк снова оказался в окружении, но продолжал прочно

удерживать занимаемые позиции. Вовремя введенный резерв – 79-я бригада морской пехоты – принципиально изменил ситуацию.

Внезапная контратака застала немцев врасплох. Морская пехота отбросила противника и к концу 22 декабря вновь овладела высотой 192.0. Воспользовавшись моментом, 241-й стрелковый полк капитана Н.А. Дьякончука стремительным ударом прорывал кольцо, вырвался из окружения и снова занял оборону в долине реки Бельбек.

Усилилось давление противника 21 декабря и вдоль долины реки Черной. Несмотря на существенное превосходство противника в силах и средствах, подразделения 2-го полка морской пехоты в течение дня сдерживали натиск немцев. Однако с рассветом 22 декабря немцы ввели в бой полк второго эшелона 170-й пехотной дивизии и вынудили наши войска отойти севернее Верх. Чоргунь на запад на 200 – 300 м. Это стоило противнику больших потерь – до 50% личного состава.

В результате ожесточенных боев противник, действовавший против первого, второго и правого фланга третьего секторов был настолько обескровлен, что 22 декабря 1941 года вынужден был отказаться от наступления и перейти к обороне. Попытка 24 декабря улучшить свое положение к югу от высоты 269.0 окончилась неудачей. 31-й стрелковый полк отразил атаку противника, нанеся ему потери до 70 человек.

С 23 по 28 декабря противник пытался захватить 30-ю башенную батарею. Когда немецкие танки находились в 100 м от командного пункта батареи, капитан Г.А. Александр вызвал огонь на себя. В результате противник был уничтожен, а батарея отбита у противника.

Последние атаки второго штурма противник предпринял 31 декабря 1941 года. В журнале боевых действий командир 365-й зенитной батареи Н.А. Воробьев записал: «Наступил рассвет 31 декабря – последнего дня 1941 года. Фашистское зверье предприняло самую отчаянную попытку прорваться к Севастополю. Часов в 7 утра, когда уже достаточно рассвело, мы увидели, что немцы готовятся к атаке. За другим склоном высоты (60.0), невидимой для нас, слышался многоголосый шум. Там сосредоточивался батальон пехоты. В 8 часов началась артиллерийская подготовка. Ураганный огонь обрушился на нашу позицию, он продолжался более 40 минут... К полудню начался сильный снегопад, который

разделил сражающихся. Третья и последняя в этот день атака не принесла немцам никакого успеха. Каков же был итог этого боевого дня. При огромном численном и техническом превосходстве фашисты за три атаки потеряли три танка и около 500 человек только убитыми.

Между тем, как наши потери составили 8 убитых и 13 раненых. На другой день, на поле боя только у самой батареи, были подобраны трофеи, в числе которых оказалось 112 винтовок, 6 пулеметов, 4 миномета, 10 тыс. патронов и других вооружений»³².

Отчаянно защищали город и зенитчики 366-й зенитно-артиллерийской батареи. За последние 2 недели декабря 1941 года потери батареи составили 8 человек убитыми. В строю осталось 42 зенитчика, из них 13 раненых. Потери противника на направлении 366-й батареи (по немецким данным) составили убитыми 26 офицеров, 395 солдат, ранеными – 68 офицеров, 1683 солдата и 118 пропавших без вести. Румыны потеряли 31 убитыми и 133 ранеными³³.

Не достигнув успеха на этом участке, командир 54-го армейского корпуса генерал Хенсен был вынужден отвести свои войска за линию Бельбекская долина – Камышловское ущелье – Мекензия.

Таким образом, наши войска в ходе второго наступления противника в целом смогли удержать свои позиции. На направлении главного удара немцам удалось оттеснить части четвертого сектора на рубеж прикрытия эвакуации. Однако уже в январе наши войска контратакой отбили часть позиций на главном рубеже обороны и закрепились там. Части третьего сектора отошли на главный рубеж, на котором вели боевые действия войска первого сектора.

Части второго сектора обороняли передовой рубеж. Отход войск сузил фронт обороны. Это, с одной стороны, позволяло более эффективно воздействовать на противника огнем артиллерии³⁴. С другой стороны, облегчало противнику вести прицельный огонь по нашим оборонительным позициям и Севастополю. Бои характеризовались высокой напряженностью и ожесточенностью. Возникали кризисные ситуации, которые могли привести к развитию частного успеха в тактический и оперативный. Однако хорошо налаженное управление позволило своевременно перебрасывать резервы на угрожаемое направление и за счет стойкости, героизма и дерзости наших войск удалось остановить противника, а в некоторых местах

отбросить обратно. Попадая в окружение, наши солдаты и офицеры мужественно отражали атаки противника, удерживали позиции и по приказу выходили из окружения.

Советским войскам придавало сил в самые тяжелые моменты боя чувство ответственности за Севастополь, за всю страну. Воинам приходили письма, которые передавались из рук в руки, вызывали гнев к врагу. Одно из таких писем попало на 365-я зенитную батарею лейтенанта Н.А. Воробьева: «Здравствуй дорогой дядя-фронтвик! Я посылаю тебе свой новогодний подарок-платочек, другого подарка у меня нет. Я хочу, чтобы ты его берег, хранил и думал обо мне, потому что я теперь осталась одна. Мой папа погиб на войне, маму немцы расстреляли, дом наш сожгли. Меня соседи привезли в Москву, и я теперь живу у чужой тети, которая будет вместо мамы.

Дорогой дядя-фронтвик. Убей ты всех этих поганых немцев, отомсти за мою маму и за моего папу. Я уже опять хожу в школу, а платочек вышивала сама. С приветом Галя М.»³⁵.

Мощное огневое воздействие противника заставило активнее использовать подземное пространство. К концу декабря 1941 года перевод города под землю был завершен. В это время в Севастополе под землей функционировали арсенал, 2 спецкомбината, госпиталь, кинотеатры, аптеки, школы, другие военные и гражданские учреждения. В краткий срок было построено более 600 убежищ для укрытия от немецких фугасов и артиллерийских снарядов... В пещерах и штольнях Инкермана размещался большой подземный город: цеха заводов, всевозможные мастерские, базы и склады. Своды здесь были от 5 до 20 метров. От потолка до поверхности земли толщина скалы достигала 80 – 100 метров. Здесь делали мины, минометы, гранаты, ремонтировали пушки и танки, делали лопаты для саперов, ножи и другое военное имущество, шили зимнее и летнее обмундирование, обувь, белье. Там же размещался подземный госпиталь на 5000 человек. Вот что описывали очевидцы в своих воспоминаниях: «Перед глазами гигантский зал с цементным полом и высоченным потолком. Яркий электрический свет. Неровности каменных стен создают впечатление необычности, оригинальности, стены покрыты картинами, лозунгами, плакатами. Два огромных операционных зала. Абсолютная чистота, в подземном дворце физиотерапевтический кабинет, зубо врачебный кабинет, перевязочные, душевые установки, водопровод (в пеще-

рах), изоляторы, похожие на комнаты первоклассных гостиниц. В палатах койки, застланные белоснежными простынями, столики, в изголовье цветы, веточки.

По соседству в цехах находились «жилые кварталы». Семье рабочего отводилась площадь от четырех до шести квадратных метров. Этого вполне хватало, чтобы поставить кровать, столик, несколько стульев. Каждая семья воздвигала вокруг своей «квартиры» самодельные стены из простынь, одеял, занавесок, а более расторопные устраивали даже «капитальные» стены из фанеры. Получились вполне уютные комнаты, где можно было хорошо отдохнуть после трудового дня. Проходы между «квартирами» именовались «улицами» или «проспектами», которым присваивали то или иное название... В следующих залах были расположены амбулатория, детские ясли, детский сад, столовая, кино, клуб. Отдельвалось помещение для школы, которую решили открыть после Нового года»³⁶.

Стойкое сопротивление советских войск у Севастополя привело к себе основные силы 11-й армии генерал-полковника Э. фон Манштейна. Это позволило Ставке ВГК, командованию Закавказского фронта предпринять ряд мер по усилению обороны. В директиве Ставки ВГК № 005070 от 22 ноября 1941 года (16 ч. 35 мин.) И.В. Сталин поставил задачу командующему 51-й Отдельной армии оборонять южный берег Азовского моря от Приморско-Ахтырской через Керченский пролив и далее Черноморского побережья до Адлера включительно, имея основной задачей оборонять Таманский полуостров как на суше, так и с моря»³⁷.

ГЕРОИЗМ ЗАЩИТНИКОВ СЕВАСТОПОЛЯ

Поражение на Керченском полуострове существенно ухудшило положение дел в Севастополе. Под Севастополем оставались 72-я, 22-я, 24-я и частично 50-я немецкие пехотные дивизии и 1-я румынская горно-стрелковая бригада. Наступила пауза в боевых действиях и появилась возможность у командования Севастопольского оборонительного района восстановить боеспособность многих частей и подразделений, развить систему оборонительных позиций, рубежей, пополнить запасы боеприпасов, материальных средств. Было вновь создано три рубежа обороны, разделенных на четыре сектора. Они оборудовались средствами

полевой и долговременной фортификации. К 1 июня 1942 г. основной рубеж обороны состоял из 73 артиллерийских, 472 пулеметных дотов и дзотов, 5702 разных окопов, 252 командных и наблюдательных пунктов и др. В качестве пополнения в Севастополь прибыло 34 маршевые роты общей численностью 11 877 человек, 386-я стрелковая дивизия и 9-я бригада морской пехоты. Из прибывшего пополнения и отдельных подразделений Севастопольского гарнизона были сформирована 109-я стрелковая дивизия в составе 546-го, 602-го и 381-го стрелковых полков.

Для обеспечения боевых действий Крымского фронта в его состав включались инженерные, химические, автотранспортные, военно-полевого строительства и другие части и подразделения³⁸.

Черноморский флот, помимо огневой поддержки сухопутных сил, выполнял задачи по эвакуации раненых, мирного населения и некоторого имущества из Севастополя. В город доставлялось все необходимое для обеспечения ведения обороны³⁹.

Настроение у защитников было боевое и непреклонная воля к победе. Военком артиллерийского дивизиона 79-й морской стрелковой бригады Приморской армии 14 марта 1942 года писал своей жене: «Ты знай и помни, что я защищаю Родину-мать, бью и уничтожаю фашистскую гадину, чтобы люди свободно и радостно жили на свете и если что со мной случится, знай, что для меня Родина, партия большевиков дороже моей жизни»⁴⁰.

Одновременно нужно было проявлять активность по восстановлению утраченных позиций, не давать возможности противнику оттягивать дополнительные силы в район Керчи. В рамках этой задачи с января по апрель 1942 г. советские войска провели ряд частных операций по расширению плацдарма и захвата более выгодных рубежей. Поддерживая сухопутные войска, авиация за январь-март сделала 2570 самолетовылетов. Защитники Севастополя психологически готовились до последнего патрона, дыхания защищать город. Капитан Г.А. Александер в своем последнем письме писал: «Во имя Родины я готов отдать свою жизнь, но отдать не просто так. Пусть прежде лягут мертвыми груды озверелых фашистов, их танков, пушек и машин...»⁴¹. Эти строки выражали общий настрой севастопольцев.

Существенную помощь оказала береговая и корабельная артиллерия. Развернулась «снайперская война», в результате которой было уничтожено до трех тысяч немцев и румын.

Восстановила после взрыва вторую башню 35-я башенная батарея. Проверку ее готовности 3 апреля 1942 года осуществили командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф.С. Октябрьский и комендант береговой обороны генерал-майор П.А. Моргунов. Первую стрельбу провел лично П.А. Моргунов, бывший командир этой батареи. В результате был уничтожен немецкий штаб, расположенный в центральном доме совхоза «Красная звезда» в долине реки Момошай⁴².

После захвата Керчи, немецкое командование сосредоточило свои усилия на Севастополе. Здесь была создана крупная группировка, включавшая 22-ю, 132-ю, 50-ю, 72-ю, 24-ю, 170-ю, 28-ю немецкие и 18-ю румынскую пехотные дивизии, 1-ю румынскую горно-стрелковую бригаду и 22-ю танковую дивизию. Гитлеровцы сосредоточили под Севастополем около 204000 солдат и офицеров, 670 орудий калибра от 75 до 420 мм, 655 противотанковых пушек, 720 минометов, 450 танков и 600 самолетов⁴³.

Это позволило противнику добиться почти двукратного превосходства в личном составе, более чем десятикратного в танках. Общая численность войск Севастопольского оборонительного района достигала 106000 человек, 38 танков и 606 орудий.

Сосредоточив на аэродромах Крыма до 1060 самолетов, немцы добились подавляющего превосходства (на аэродромах Севастополя находилось около 60 исправных самолетов) и смогли практически полностью блокировать Севастополь с воздуха. Для обеспечения морской блокады германское командование создало специальную группу в составе 150 самолетов, 20 торпедных катеров и нескольких подводных лодок. Все это существенно затруднило обороняющимся войскам получать помощь от командования фронта с «Большой земли».

Существенную опасность для нашей обороны представляли артиллерия и авиация противника. Осложняло дело то, что оборонительные рубежи были очень близко расположены друг от друга и противник мог в наступлении использовать артиллерию на всю глубину нашей обороны и маневрировать огнем, не меняя огневых позиций.

Особое место в огневом поражении занимала тяжелая артиллерия и артиллерия большой мощности противника. Для борьбы с нашими башенными батареями, а также другими важными объектами, в Крым были доставлены и развернуты пушечные

батареи калибром 150 – 190 мм, три железнодорожные установки «Бруно» калибром 280 мм, несколько батарей осадных мортир и гаубиц калибром 305 и 420 мм и две самоходные гаубичные артиллерийские системы большой мощности – «Тор» и «Один» типа «Карл» калибром 615 мм. Кроме того, в распоряжении командующего 11-й армией генерал-полковника Э. фон Манштейна находилась 800-мм пушка «Дора»⁴⁴.

Третье наступление немецких и румынских войск проходило с 20 мая по 4 июля 1942 года. Германское командование назвало операцию по взятию крепости Севастополь «Лов осетра».

Наступление условно делится на три этапа: первый этап – бои за ст. Мекензиевы горы и Камары (7 – 15 июня); второй этап – бои за Северную бухту (16 – 23 июня); третий этап – бои за Инкерман и на Херсонесском полуострове (24 июня – 3 июля). Противник решил нанести два рассекающих концентрических удара, разбить фронт обороны на три изолированных участка, окружить и уничтожить наши войска по частям. Главный удар наносился из района Камышлы, Бельбека в общем направлении на северо-восточную оконечность Северной бухты, вспомогательный – вдоль Ялтинского шоссе.

Заблаговременная подготовка противника к наступлению началась 20 мая интенсивными ударами артиллерией и авиацией. 27 мая был произведен массированный налет на Севастополь. 2 июня началась непосредственная огневая подготовка наступления. Основные усилия авиации и артиллерии сосредоточивались на направлениях ударов противника. За пять дней противник сделал более 9000 самолетовылетов. На наши войска, позиции и город было сброшено около 46 000 бомб крупного калибра, выпущено более 126 000 тяжелых артиллерийских снарядов, в том числе большой и особой мощности. К 1 июня город был практически разрушен.

5 июня был произведен первый выстрел 800 мм пушки «Дора» семитонным снарядом по полковому складу 95-й стрелковой дивизии (севернее ст. Мекензиевы горы). Всего в период с 5 по 26 июня по целям, установленным штабом артиллерийского командования 11-й армии, орудием «Дора» бронбойными снарядами было произведено 53 выстрела. Особенность этих снарядов заключалась в том, что они, попадая в грунт, пробивали наклонный канал диаметром 1 – 1,3 м., проникали на глубину 18 – 32 м., где и взрывались⁴⁵.

Наибольший интерес для немецких дальнебойных орудий (минометов) большой мощности представляли наши береговые башенные батареи В-30 и В-35, штольни Сухарной балки, так как необходимо было уничтожить личный состав, вооружение, боеприпасы, укрытые под землей. Только 5 июня по 30-й башенной батарее было выпущено 22 снаряда. От разрывов люди в потернях теряли сознание. Но именно под земелье спасало людей и вооружение артиллеристов.

Непосредственно перед наступлением утром 7 июня 1942 г. был произведен двухчасовой массированный огневой удар по нашим войскам.

Утром в 5.00 7 июня пехота и танки противника в сопровождении огневого вала перешли в наступление по всему фронту армии. На правом фланге обороны наши войска смогли отразить атаки 28-й легкой пехотной дивизии и частей 72-й пехотной дивизии противника. Не смог противник продвинуться и на участке Верхний Чоргунь – Мекензия. Однако на направлении главного удара 54-й армейский корпус при поддержке 200 танков и авиации 8-го воздушного корпуса на участке 79-й курсантской бригады и 172-й стрелковой дивизии смог овладеть первой полосой, занять высоты 59.7 и 57.8. К исходу 8 июня немецкие войска вышли к ст. Мекензиевы горы. Бои стали приобретать все более ожесточенный характер. Противник потерял более 5000 человек, но продолжал наступление. Наши войска стояли насмерть. Несмотря на окружение, 2-я рота 514-го стрелкового полка в течение дня стойко обороняла свои позиции в районе Бельбек.

Для наращивания усилий противник на третий день ввел в бой 22-ю Нижнесаксонскую пехотную дивизию, что позволило ему за два дня боев продвинуться к ст. Мекензиевы горы. Для восстановления положения 172-я стрелковая дивизия предприняла контратаку.

Однако немецкие войска успели закрепиться на захваченном рубеже и встретили атакующих сильным огнем. В результате 172-я стрелковая дивизия понесла серьезные потери (до 70%) личного состава и фактически потеряла боеспособность. Были убиты все командиры, комиссары и начальники штабов полков, штаб дивизии во главе с командованием выбыл из строя. Через сутки раненый командир дивизии полковник И.А. Ласкин собрал из остатков дивизии сводный батальон и ввел его снова в бой.

Вместо 172-й стрелковой дивизии из армейского резерва была введена в сражение 345-я стрелковая дивизия, а на усиление 95-й стрелковой дивизии были переброшены два батальона 7-й бригады морской пехоты. 22-я, 50-я и 132-я пехотные дивизии противника также понесли тяжелые потери, и немецкое командование было вынуждено приостановить наступление на этом направлении⁴⁶.

В документах вермахта от 12 июня 1942 года отмечалось: «...Продолжаются тяжелые бои под Севастополем. Несколько наступлений выдвинутых вперед сил, поддержанных танками, с севера в направлении Севастопольской бухты отброшены. ...На восточном участке фронта кольцо окружения выдерживает сильный натиск врага (защитников Севастополя. – Ред.). Здесь взяты только незначительные территории»⁴⁷.

Наша авиация наносила удары по наступающим войскам и колоннам, выдвигающимся к переднему краю для вступления в бой. Особенно эффективно советские штурмовики наносили удары по немецким и румынским колоннам, двигавшимся по горам для усиления группировки, штурмующей Севастополь. Однако и сами несли потери от огня зенитных орудий, располагавшихся на высотах.

Наращивая усилия вдоль Ялтинского шоссе на Сапун гору, и нанося удар на Инкерман со ст. Мекензиевы горы, противник стремился рассечь оборону наших войск, отрезать части, обороняющие рубеж Верхний Чоргунь, Мекензия. Генерал-майор И.Е. Петров для недопущения прорыва противника на этом участке фронта произвел перегруппировку и выдвинул на угрожаемое направление 7-ю бригаду морской пехоты и 138-ю стрелковую бригаду. Их действия огнем поддерживали крейсер «Молотов» и эсминец «Бдительный». Попытка противника ввести в бой свежие силы – полки 46-й пехотной дивизии – и выйти в район Северной бухты в течение 14 и 15 июня успеха ему не принесла.

Наметился некоторый успех немецких войск 16 июня на южном направлении. Введя резерв, противник смог овладеть совхозом «Благодать» и высотой 156.0. Однако в дальнейшем 16 и 17 июня немецкие и румынские войска в наступлении успеха не имели.

Поиск уязвимых мест в нашей обороне продолжился. 18 июня германские войска начали атаки в направлении высоты 56.0, Федюнинские высоты. Контратака 138-й стрелковой бригады успеха не принесла. Сказалась малочисленность контратакующих и недо-

статок боеприпасов, особенно артиллерийских снарядов. 19 июня немецкое командование ввело в бой свежие силы (полки 46, 97 и 125-й пехотных дивизий), что позволило к концу дня достигнуть балки Голландия. В результате была блокирована 30-я башенная батарея береговой обороны майора Г.А. Александра, которая продолжала вести огонь по противнику. Когда закончились боеприпасы, артиллеристы продолжали сопротивление. Немцы бросали в подземные сооружения батареи дымовые гранаты, бочки с горючей жидкостью и поджигали их, пускали в подземный командный пункт отравляющие вещества. Первый этаж батареи выгорел. Но подземный гарнизон держался. Одновременно командир батареи готовил личный состав к прорыву из окружения, и уничтожалась материальная часть, чтобы она не досталась немцам. Для незаметного выхода из потерны, расширялся водосток. В ночь на 26 июня Г.А. Александр предпринял попытку вырваться из окружения. Только, когда артиллеристы повредили материальную часть и орудия и покинули подземную часть, противник смог ворваться на батарею.

На других участках наши войска крепко держали оборону. Однако обстановка осложнялась. В донесении Военного совета Черноморского флота в Ставку Верховного Главнокомандования отмечалось: «...мы также понесли большие потери, которые исчисляются 22 000 – 23 000 человек. Враг понес потери самое малое в три-четыре раза больше наших... Враг, уничтожая наши подразделения в окопах бомбоударами, а затем прикрываясь танками, захватывает территорию... Из всей обстановки видно, что на кромке северной части Северной бухты остатки прижатых наших войск долго не продержатся, они будут истреблены авиацией... нам нужно немедленно: 10 000 маршевого пополнения; вывести раненых, которых на сегодня 12 000, некуда их класть, не хватает медсостава и медимущества; усилить зенитной артиллерией, дать хотя бы 25 самолетов ЯК-1 и 10 ИЛ-2; немедленно поставить на линию Кавказ-Севастополь 20 обещанных самолетов «Дуглас» с ночными экипажами, так как подавать маршевое пополнение, все снабжение и вывозить раненных можно теперь только самолетами-ночниками и подводными лодками»⁴⁸.

Обстановка в худшую сторону для наших войск изменилась 21 июня, когда противник, введя в бой до двух пехотных дивизий, овладел Федюхиными высотами. 386-я стрелковая дивизия, 7-я

и 8-я бригады морской пехоты были отведены. Остальные части удерживали свои позиции. 21 июня командующий Севастопольским оборонительным районом вице-адмирал Ф.С. Октябрьский так охарактеризовал сложившуюся обстановку: «Истощены полностью 172-я и 95-я стрелковые дивизии, 79-я курсантская бригада, 2-й Перекопский полк... Понесли свыше 60% потерь 345-я и 388-я стрелковые дивизии. Сохранили свою боеспособность 25-я и 386-я стрелковые дивизии, 138-я стрелковая бригада и 8-я бригада морской пехоты, частично еще сохраняют боеспособность 109-я стрелковая дивизия, 7-я и 9-я бригада морской пехоты. Большие потери в личном составе и материальной части привели к резкому уменьшению плотности боевых порядков и вводу в бой всех резервов. Прибывающее маршевое пополнение не покрывает в боях даже 10%, а поступающий боезапас восполняет не более одной трети фактического расхода. Положение исключительно напряженное...»⁴⁹.

С утра 22 июня 1942 года противник усилил давление и к вечеру занял высоту 74.0. Это поставило 25-ю стрелковую дивизию под угрозу окружения, и командование приняло решение отвести ее. В ночь с 22 на 23 июня нами была оставлена северная сторона Северной бухты.

Кольцо окружения начало сужаться. 23 июня противник силами 50-й, 24-й и 132-й пехотных дивизий при поддержке танков возобновил наступление на Инкерман, а 170-я дивизия нанесла удар в направлении Новые Шули, Дергачи. В ходе напряженных боев наши войска отошли и оставили Цыганскую балку. В дальнейшем, под ударами противника 8-я бригада морской пехоты и 25-я стрелковая дивизия, с тяжелыми боями отходили на Инкерман. Сказывались большие потери, существенное превосходство противника в силах и средствах, особенно в авиации и танках, а также нехватка боеприпасов.

Утром 28 июня противник перешел в наступления по всему фронту, не давая нашему командованию маневрировать резервами. В это же время под прикрытием дымовой завесы в условиях сильной запыленности и высокой концентрации дыма при поддержке огня артиллерии и ударов авиации на катерах и лодках был высажен десант противника из балки Сухарная в район балка Георгиевская – балка Сушильная. Неудача постигла немецкий десант, высаживаемый в районе мыса Фиолент и выдвигающийся из Ялты.

50-я немецкая пехотная дивизия, овладев Инкерманом, стала подтягивать свои части к Советской балке, рассчитывая через нее стремительно достигнуть Севастополя. Немецкие войска, не встречая сопротивления, переправились через речку Черную, все больше и больше накапливаясь под прикрытием отвесных скал. Окружающая местность действительно была благоприятной: если бы даже с вершины скал советские войска открыли огонь, то гитлеровцы были бы в мертвой, безопасной для них зоне. У входа в Советскую балку скопилось много танков, артиллерии, живой силы противника. Немецкое командование сделало паузу, решив перед наступлением накормить горячей пищей солдат. Интенданты стали разворачивать кухни. Все это хорошо видели начальник объекта Советской балки техник-интендант 2 ранга Саенко, представитель особого отдела старший политрук Зудин, техник-лейтенант Полей, матросы отделения лабораторной роты, пожарной команды и взвода охраны. В штольнях Советской балки хранилось около 500 вагонов боезапаса, все штольни были подготовлены к взрыву электрическим способом... Выбрав момент, Саенко нажал на кнопку подрывной машинки... Под глыбами железобетона оказались сотни фашистов, не менее десятка танков, несколько орудий⁵⁰.

29 июня 1942 г. стал решающим в обороне Севастополя. Разгорелись ожесточенные бои за Сапун-гору и в районе Дергачи. Понесся тяжелые потери, 8-я бригада морской пехоты и 386-я стрелковая дивизия (более 85% потерь в личном составе) не смогли удержать занимаемые позиции. На Сапун-горе наши войска стояли до последнего. Когда кончились патроны и снаряды, севастопольцы бросились в рукопашную. В неравном бою они пали смертью храбрых, но с позиций не ушли.

За этот день противник захватил все командные высоты вокруг Севастополя и получил возможность вести прицельный огонь из всех видов оружия по городу и обороняющимся войскам. В дивизиях Приморской армии оставалось по 300 – 400 человек. Снаряды отсутствовали. Артиллерийские орудия стали отводить в тыл, надеясь получить снаряды. Пехота осталась неприкрытая никакими видами огня, надеясь только на себя. Но сдаваться никто не собирался. Бои стали перемещаться в пределы города.

Утром 1 июля части армии вели бои на рубеже мыс Фиолент, высота 119.1, истоки бухты Стрелецкая, прикрывая эвакуацию

войск, которая проводилась в соответствии с решением Ставки Верховного Главнокомандования. На надводных кораблях подойти к городу было невозможно из-за малых глубин у Нового порта. Поэтому ночью садились сначала в катера, а с них перебирались на суда. Эвакуировано было около 3000 человек. Командный состав и раненые эвакуировались на самолетах и подводных лодках⁵¹.

30 июня 1942 года Военный совет Черноморского флота, командующий Черноморского флота вице-адмирал Ф.С. Октябрьский и член Военного совета дивизионный комиссар Н.М. Кулаков, командование Приморской армии, командование береговой обороны и командование 1-го гвардейского отдельного артиллерийского дивизиона береговой обороны, в сопровождении охраны - группы особого назначения «017», прибыли на 35-ю башенную батарею капитана А.Я. Лещенко. Вечером командующий Черноморского флота вице-адмирал Ф.С. Октябрьский и член Военного Совета дивизионный комиссар Н.М. Кулаков сначала попытались на машине добраться до бухты и произвести посадку на подводную лодку. Однако это им не удалось. Там было большое скопление солдат Приморской армии и матросов морской пехоты. Тогда командир 3-й особой авиагруппы полковник Г.Г. Дзюба, Б.К. Мельник, А.Я. Побыванец, пройдя по подземной галерее – потерне, выдвинулись на аэродром.

В дальнейшем Военный совет Черноморского флота на самолете старшего лейтенанта М.С. Скрыльникова из Севастополя вылетел в Краснодар. Командующий флотом, отдавая последний приказ, сказал: «Держитесь стойко, воюйте храбро, Родина вас не забудет». Командующий Приморской армией генерал-майор И.Е. Петров убыл из Севастополя на подводной лодке «Щ-209». Командование береговой обороны также 30 июня было переправлено на «большую землю»⁵².

Всего в ночь на 1 июля на 13 самолетах «Дуглас» 3-й особой авиагруппы было вывезено 222 человека командного состава, 49 раненых и 2490 кг ценных грузов. Командовал эвакуацией полковой комиссар Б.Е. Михайлов⁵³.

Остатки Приморской армии 1 и 2 июля 1942 года были сведены в отряды, которые под командованием генерал-майора П.Г. Новикова, сдерживая атаки противника, уничтожали материальную часть. Некоторые из них смогли вырваться из окружения. Кто-то погиб, оказывая сопротивление. Однако довольно большая часть войск прикрытия была прижата к берегу и попала в плен⁵⁴.

По данным оперативного и разведывательного отделов 30-го армейского немецкого корпуса, в ночь с 3 июля на 4 июля 1942 года на мысе Херсонес было взято в плен 33623 воина. Медицинский персонал был пленен вместе с ранеными. Тяжелораненых гитлеровцы расстреливали на месте⁵⁵. Наши последние данные несколько отличаются – в плену оказалось 95 тыс. человек, 45 тыс. погибли. Общие потери защитников Севастополя с 30 октября 1941 года по 7 июля 1942 года составили 200 тыс. человек, в том числе более 156 тыс. безвозвратные⁵⁶.

До конца держалась 35-я башенная батарея капитана А.Я. Лещенко. Когда немцы подошли к батарее, личный состав, сведенные в отряды остатки Приморской армии отчаянно отбивали атаки противника на подступах. Однако силы были неравными. Батарея, не имея фугасных и бронебойных снарядов, открыла огонь по танкам практически. Прямое попадание полутонного снаряда разнесло один из немецких танков на части. По пехоте вели огонь картечью. В бинокль было видно, что «немцы одеты в пилюльки, трусы и сапоги... и они сильно пьяны». Мощный огонь, постоянные атаки позволили противнику вплотную подойти к батарее. Капитан А.Я. Лещенко был вынужден выполнить приказ командования по подрыву 35-й башенной батареи. Контуженный, он с остатками батареи, с 32 матросами, старшинами и офицерами, в ночь на 2 июля убыл на катере на «большую землю»⁵⁷.

К утру 4 июля сопротивление главным образом прекратилось. Героическая оборона Севастополя закончилась. Однако в некоторых местах советские воины держались, прятались под скалами до середины июля.

Вопрос о потерях, количестве советских воинов и гражданского населения, попавших в плен, носит спорный характер. Это определяется рядом как объективных, так и субъективных факторов. К ним относятся: во-первых, фрагментарность ведения учета личного состава и потерь в конце июня – начале июля 1942 г. и уничтожения части документов СОР перед эвакуацией; во-вторых, имеющиеся, в том числе архивные данные, данные зарубежных источников, разнятся; в-третьих, проблематично точно определить, сколько советских воинов погибло в море, покидая Севастополь в начале июля вплавь, на подручных средствах, сколько было расстреляно фашистами и подавлено гусеницами их танков, сколько командиров и политработников, представителей еврейской нацио-

нальности покончили жизнь самоубийством во избежание плена; в-четвертых, недостаточная изученность немецких документов.

Тем не менее, исследования И.Ю. Агишевой, Л.М. Смутьской и др. со ссылками на архивы, другие источники позволяют утверждать, что к числу пленных следует отнести 47 225 без учета погибших с 1 по 12 июля 1942 г. Из них 10 670 чел. – пропавших без вести⁵⁸.

Вызывает вопрос моральная сторона принятого решения об эвакуации командного состава. Существуют различные мнения и подходы. В то время, когда подчиненные им соединения и части отбивали атаки противника до последнего патрона и, не имея возможности к сопротивлению, попадали в плен, высшее руководство по команде сверху покидало их. Стоило ли сохранять этот высший командный состав? Видимо была такая целесообразность. Новых готовых командующих взять было неоткуда. К тому же большинство генералов и старших офицеров испытывало угрызение совести.

Основными чертами защитников Севастополя были честь, верность долгу, ненависть к врагу, и главное – вера в победу. За счет этого долгое время немецко-фашистские войска не могли овладеть нашей твердыней на Черном море. Достоиным подражания может служить поступок врача 35-й башенной батареи Е.В. Казанского. Когда последние защитники производили посадку в катер, командир батареи предложил Е.В. Казанскому эвакуироваться вместе со всеми. Евгений Владимирович с возмущением заявил: «Что вы мне предлагаете, на кого я должен бросить около 300 раненых, кто им будет оказывать помощь, кто их несчастных защитит от гитлеровцев? Я врач, моя обязанность оказывать помощь раненым, они остаются, и я должен быть с ними»⁵⁹.

Оборонительная операция советских войск в Крыму дает поучительный опыт в организации и ведении обороны совместными усилиями различных родов войск, специальных войск, видов вооруженных сил. Взаимодействие осуществлялось в интересах Приморской армии, однако руководил обороной Крыма и Севастополя командующий Черноморским флотом, что было не совсем целесообразно.

Нецелесообразное распределение сил и средств в начале обороны Крыма привело к тому, что противник нередко имел превосходство там, где решалась судьба боя, операции. Огневое поражение противника осуществлялось комплексно, что повышало его

эффективность. Особое место занимает огонь береговых башенных батарей, активно использовавших подземное пространство для укрытия личного состава и вооружения. В условиях массированного огня артиллерии и полного господства авиации противника, укрытие войск, оружия, боеприпасов, материальных ценностей, заводов, мирного населения, госпиталей под землей существенно повышало их живучесть. Отрицательно на исход боев, операции повлияли перебои со снабжением артиллерийскими боеприпасами, их малый запас в артиллерийских частях и подразделениях.

Оборона Севастополя отличалась высокой активностью. За все время блокады города войсками Севастопольского оборонительного района было произведено более 400 контратак силами от батальона до дивизии с целью возвращения захваченным противником позиций⁶⁰.

Особое место в обороне Крыма занимает управление войсками. Плохо организованное в начале операции генерал-полковником Ф.И. Кузнецовым, оно привело к прорыву противником Перекопских позиций и неорганизованному отходу наших войск в сторону Керчи и Севастополя. В это время не показал высоких организаторских способностей и генерал-лейтенант П.И. Батов, оказавшись в Севастополе в то время, когда основная часть его 51-й Отдельной армии отошла в сторону Керчи. Наряду с этим, в ходе обороны Севастополя генерал-майор И.Е. Петров умело управлял войсками Приморской армии, что позволило в сложных условиях в течение восьми месяцев отбивать атаки превосходящих сил противника. Однако некоторые считали, что лучше бы эвакуацией командовал контр-адмирал Г.В. Жуков, который мастерски справился с такой же задачей при уходе Приморской армии из Одессы, не оставив там ни одного бойца. Он тогда не нарушил основной принцип – выход из боя и отход командир соединения, части, подразделения должен осуществлять с вверенными ему подчиненными и эвакуироваться вместе с ними, а не как было в Севастополе.

Нецелесообразным была передача всей полноты власти в организации и ведении сухопутной обороны военно-морскому командованию. Делегирование полномочий командующим войсками армий для решения проблем на сухопутном театре военных действий было недостаточным. Высокие морально-боевые качества показал практически весь личный состав. Стойкость и героизм,

готовность к самопожертвованию, вера в победу, неуступчивость и ярость в борьбе за правое дело — свободу и независимость — вот что стало фундаментом длительного сопротивления при обороне Севастополя.

ОСВОБОЖДЕНИЕ СЕВАСТОПОЛЯ

Освобождение Севастополя проходило в рамках Крымской наступательной операции. Гитлер, несмотря на советы генералитета эвакуировать оттуда войска, приказал защищать Крым до последней возможности. Действительно, окруженная группировка немецко-румынских войск, основу которой составляли войска 17-й немецкой армии, шансов на успех практически не имела. Тем не менее, за время нахождения в Крыму, оккупанты смогли хорошо подготовить оборонительные позиции, особенно в инженерном отношении. Это существенно затрудняло действия советских войск. В дело вмешалась погода. Дороги были размыты, проходимость техники существенно снизилась.

В наступательной операции особое место занимал Черноморский флот. В соответствии с общим планом операции командующий Черноморским флотом для блокады Крыма распределил силы и средства следующим образом: торпедные катера должны были действовать на ближних морских подходах к Севастополю, подводные лодки — на подходах к портам противника на западном побережье, авиация флота — по морским и воздушным коммуникациям врага, связывающим Крым с портами Румынии⁶¹.

Развивая наступление в Крыму, советские войска 15 — 16 апреля с различных сторон вышли на подступы к Севастополю. Однако с ходу прорвать внешний обвод бывшего Севастопольского оборонительного района не удалось. Слишком хорошо подготовился враг к обороне.

Началась подготовка к штурму. Главный удар наносился из района Балаклавы соединениями и частями левого фланга 51-й и центра Приморской армий 4-го Украинского фронта. Вспомогательный удар наносился для отвлечения внимания и сил противника на два дня раньше общего наступления в полосе 2-й гвардейской армии. Дважды советские войска пытались прорвать оборону противника (19 и 23-го апреля 1944 г.), но безуспешно.

Войска 2-й гвардейской армии стали готовиться к очередному штурму и одновременно проводили частные атаки на позиции

фашистов. 28 апреля 24-я гвардейская стрелковая дивизия попыталась прорвать штурмовыми группами оборону врага. Однако встреченная шквальным огнем, вынуждена была отступить⁶².

Немецко-фашистское командование понимало, что дни удержания ими Севастополя сочтены и что-то нужно делать. Гитлер пошел по пути усиления командования. Он сменил командующего 17-й армией – генерала Э. Енеке, который реально оценивал ситуацию и не верил в успех обороны. На его место был назначен генерал пехоты Альмендингер, обратившийся к войскам с воззванием: «Я получил приказ защищать каждую пядь сева-стопольского плацдарма. Его значение вы понимаете. Ни одно имя в России не произносится с большим благоговением, чем Севастополь...»⁶³.

Действительно, вера в правое дело, святость выполняемой освободительной миссии придало силы советским войнам. Наступление началось одновременно на различных участках. Первой 5 мая 1944 г. в сражение вступила 2-я гвардейская армия. Удар был настолько силен, что противник принял его за главный. Главные силы после мощного огневого удара и поддержке всей авиации фронта перешли в генеральное наступление. Севастопольский укрепленный район, обороняемый фашистами, был прорван на участке 9 км. С ходу были взяты ключевые позиции в обороне Севастополя: Сапун-гора, Мекензиевы горы. 2-й гвардейской армии удалось с боями выйти к Северной бухте. Ее форсирование началось с ходу на подручных средствах. Плацдарм был захвачен. Первыми в 18 ч. 30 мин. достигли южного берега воины 2 батальона 336 стрелкового полка майора Н.И. Мамонтова. Они высадились в районе Морского госпиталя⁶⁴. С выходом в центральную часть города войска 2-й гвардейской армии продолжали решительное наступление вдоль берега моря и Херсонесского шоссе к бухте Стрелецкой⁶⁵.

9 мая – стал днем освобождения Севастополя – ударами по сходящимся направлениям советские войска овладели российской твердыней. Остатки немецкой 17-й армии были загнаны на мыс Херсонес и частично уничтожены, частично пленены.

Потери 17-й немецкой армии составили более 100 тыс. человек, в том числе около 30 тыс. пленными. Почти вся ее военная техника была оставлена в Крыму⁶⁶.

В ходе Крымской операции советские войска и силы флота потеряли 17 754 человека убитыми и 67 065 человек ранеными⁶⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во время героической обороны весь мир восхищался стойкости и мужеству защитников Севастополя. ТАСС освещало отклики международных средств массовой информации. В Англии агентство Рейтер отмечало, что можно лишь преклоняться перед невиданной стойкостью и хладнокровием советских войск, оборонявших Севастополь и жителей города. Несмотря на то, что немцы обрушивают на город и на позиции его защитников дождь бомб и снарядов, нет никаких признаков ослабления духа моряков и красноармейцев. Иранская газета «Мардом» писала: «Защитники Севастополя честно и храбро выполняют приказ своего вождя. Они ежедневно сотнями уничтожают немецких оккупантов...». Сами гитлеровцы вынуждены были признать высокие морально-боевые качества севастопольцев. Газета «Берлинер Берзенцайтунг» писала, что «так тяжело германским войскам нигде не приходилось...»⁶⁸.

Советское руководство высоко оценило подвиг и героизм защитников Севастополя. Была учреждена медаль «За оборону Севастополя», которой были награждены все участники обороны, а городу присвоено почетное звание города-героя.

В настоящее время наследники славных побед при обороне и освобождении Севастополя гордятся своими героическими предками. Настоящие севастопольцы остаются верны традициям и сегодня. В сложный 2014 год они смогли противостоять националистическим нападкам и отстоять Великую Победу. Это послужило хорошей основой для объединения всего российского народа против попыток Запада подавить волю к сопротивлению, противодействию экономическому порабощению. Севастополь, как и в прежние времена, помог поднять имидж России на международной арене, в глазах россиян.

Литература:

1. Агишева И.Ю., Смутьская Л.М. / По материалам ЦГАВО Украины. Ф. КМ 7 – 8. Оп. 2. Д. 418. ЛЛ. 155 – 157; Фонды НМГООС, НВ-5643, НА НМГООС, Ф. 2, ОП. 2, Д. 114, Т.2, Л.117; Д. 234, Л. 205; Отд. ЦВМА. Ф. 10. Д. 1950. Л. 117 – 122; ЦАМО, Ф. 109, Д. 2337, Лл. 40 – 43, Архив Вооруженных Сил Германии, г. Потсдам, д. WF 03/32094, ЛЛ. 060, 200; Д. WF 03/32095, ЛЛ. 226, 235, 254.

2. Александр Т.Г. Слово о командире 30-й береговой батареи // Москва – Крым: Историко-публицистический альманах. – М.: Москва – Крым, 2000.

3. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. – М., 2010. С. 178;

4. Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. 1998.

5. Великая Отечественная война Советского Союза 1941 – 1945. – М.: Воениздат, 1970.

6. Кириллов А.В., Саксонов О.В., Агеев Н.В., Макушкин С.А., Мельничук А.В., Виниченко М.В. и др. Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов. В 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. – М.: Кучково поле, 2012.

7. Гребенюк С.В., Абатуров В.В., Азяский Н.Ф., Аптрейкин С.Н., Борщов А.Д., Вагин В.И., Васильев Н.М., Виниченко М.В., Гареев М.А., Зимонин В.П., Ионов В.В., Кириллов А.В., Климов А.А., Князьков А.С., Кривонос О.К. Куманев Г.А., Лавренов С.Я., Маковский В.Б., Малахов Г.А., Марценюк Ю.А., и др. Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов. В 12 т. Т. 4. Освобождение территории СССР 1944 год. – М.: Кучково поле, 2012.

8. Воробьев В. Ф. Оборона Севастополя в 1941 – 1942 годах. – М.: ВАФ им. Фрунзе, 1956.

9. Доскато О. Аэростаты в севастопольском небе. Город-герой Севастополь. Неизвестные страницы?, 2004.

10. Евсеев А. К. Осажденный Севастополь. – Л.: Советский писатель, 1959.

11. Запорожко А.П. По следам подвига. – Севастополь, 2006.

12. Запорожко А.П. Результативность поисковой работы на позициях 365-й зенитно-артиллерийской батареи. Вестник Национального музея героической обороны и освобождения

Севастополя. Выпуск 4. – Симферополь: Фирма «Салта» ЛТД, 2012.

13. Иванов В. Б. Тайны Севастополя. Кн. 2. Тайны подземные. – Севастополь: КИЦ Севастополь, 2005.

14. Агишева И.Ю. История боевого пути и участие в Крымской наступательной операции 1944 г. соединений 2-й гв. Армии, награжденной орденами за освобождение Севастополя (24 гв., 126, 347 стрелковые дивизии) // Вестник Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя. Выпуск 2. – Симферополь, 2011.

15. Крым в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945. Сборник материалов / Сост. Кондранов И.П., Степанова А.А. – М.: – Изд. «Таврия» Симферополь, 1973.

16. Лещенко А., Лещенко В. Выверено жизнью и смертью... История башенной батареи № 35 Черноморского флота // Лещенко В. Лещенко А. – К.: Полипринт, 2011.

17. Мешкова Э. Рыцари долга. Город-герой Севастополь. Известные страницы, 2004.

18. Максимов С.Н. Оборона Севастополя в 1941 – 1942. – М.: Воениздат, 1959.

19. Манштейн Э. Утерянные победы / Перев. с немец. – Р/Д: Феникс, 1999.

20. Мельничук Е.Б. Подготовка партизанского движения в Крыму. – Севастополь, 2006.

21. Мельничук Е.Б., Стогний Д.Ю., Ефимов А.В. Германское «сверхоружие» под Севастополем. Хроника 1942 г. // Москва – Крым: Историко-публицистический альманах. – М.: ФРЭГС «Москва-Крым», 2000.

22. Неменко А.В. Севастополь. Огненные рубежи и др. http://samlib.ru/n/nemenko_a_w/sev4.shtml.

23. Михаил В. Виниченко. Оборона Севастополя. 1854 – 1855. Наземно-подземное противостояние / Сер. Фонд военного искусства. – М., 2007. 48 с.

24. Операции Советских Вооруженных Сил в период отражения нападения фашистской Германии на СССР. Военно-исторический очерк. Т. 1 (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.). – М.: Воениздат, 1958.

25. Отчет по обороне Севастополя (ноябрь 1941 г. – июль 1942 г.). Т. 1. С. 362.

26. Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. 2001.

27. Сергиенко В.Е. Воины в белых халатах в боях за Севастополь. Город-герой Севастополь. Неизвестные страницы. – Севастополь, 2004.

28. Стрельбицкий. К. Транспортная деятельность самолетов московской авиагруппы особого назначения по снабжению и эвакуации осажденного Севастополя // Military Крым. № 7. 2007. С. 47 – 49.

29. ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 100 Л. 293.

30. ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 3763. Д. 93. Л.101, 102.

31. ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 100 Л. 293

32. ЦАМО РФ. Ф. 126 СД. Оп. 1. Д. 40. Л. 30.

33. КТВ ОКВ. 1942. Bd. 2. Teliband 1. Boon, 1963.

34. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8.

Ссылки:

¹ Оборона Севастополя. 1854 – 1855. Наземно-подземное противостояние. Михаил В. Виниченко. М. Виниченко. – М., 2007. Сер. «Фонд военного искусства». 48 с.

² Фонды НМГООС, А-18190. Вестник Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя. Выпуск 4. – Симферополь: Фирма «Салта» ЛТД, 2012. С. 101.

³ См.: Оборона Севастополя. Оперативно-тактический очерк. – М.: Воениздат, 1943. С. 7 – 10.

⁴ Доскато О. Аэростаты в севастопольском небе. Город-герой Севастополь. Неизвестные страницы. 2004. С. 94, 95.

⁵ ЦВМА. Ф. 2. Д. 36773. – Л. 69 – 71.

⁶ Лещенко А., Лещенко В. Выверено жизнью и смертью... История башенной батареи № 35 Черноморского флота // Лещенко В. Лещенко А. – К.: Полипринт, 2011. С. 101.

⁷ Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов. Кириллов А.В., Саксонов О.В., Агеев Н.В., Макушкин С.А., Мельничук А.В., Виниченко М.В. и др. В 12-и томах. Том 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. – М.: Кучково поле, 2012. С. 196.

⁸ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в период отражения нападения фашисткой Германии на СССР. Военно-исторический очерк. Том 1 (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.). – М.: Воениздат, 1958. С. 320 – 321; Воробьев В.Ф. Оборона Севастополя в 1941 – 1942 годах. – М.: ВАФ им. Фрунзе, 1956. С. 12.

⁹ Лещенко А., Лещенко В. Выверено жизнью и смертью... История башенной батареи №35 Черноморского флота // Лещенко В. Лещенко А. – К.: Полипринт, 2011. С. 114, 116.

¹⁰ Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов. Кириллов А.В., Саксонов О.В., Агеев Н.В., Макушкин С.А., Мельничук А.В., Виниченко М.В. и др. В 12-и томах. Том 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. – М.: Кучково поле, 2012. С. 196.

¹¹ Александр Т.Г. Слово о командире 30-й береговой батареи // Москва – Крым: Историко-публицистический альманах. – М.: ФРЭГС «Москва-Крым», 2000. С. 260.

¹² Оперативная сводка № 07 к 18.00 9.11.41. Штаб Севастопольского оборонительного района.

¹³ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в период отражения нападения фашисткой Германии на СССР // Военно-исторический очерк. Том 1 (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.). – М.: Воениздат, 1958. – С.

322.; Воробьев В.Ф. Оборона Севастополя в 1941 – 1942 годах. – М.: ВАФ им. Фрунзе, 1956. – С. 13.

¹⁴ Оборона Севастополя. Оперативно-тактический очерк. – М.: Воениздат, 1943. С. 17.

¹⁵ См.: Воробьев В.Ф. Оборона Севастополя в 1941 – 1942 годах. – М.: ВАФ им. Фрунзе, 1956. С. 13.

¹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 233. Л. 24.

¹⁷ Мельничук Е.Б. Подготовка партизанского движения в Крыму. – Севастополь, 2006. С. 101.

¹⁸ Лещенко А., Лещенко В. Выверено жизнью и смертью... История башенной батареи № 35 Черноморского флота // Лещенко В. Лещенко А. – К.: Полипринт, 2011. С. 119, 121.

¹⁹ Красный черноморец. 14 ноября 1941 г.

²⁰ ЦВМА. Ф. 72. Д. 800. Л. 65, 66.

²¹ ЦАМО РФ. Ф.148а. Оп. 3763. Д. 96. Л. 89 – 91.

²² Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов. Кириллов А.В., Саксонов О.В., Агеев Н.В., Макушкин С.А., Мельничук А.В., Виниченко М.В. и др. В 12-и томах. Том 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. – М.: Кучково поле, 2012. С. 199.

²³ Оборона Севастополя. Оперативно-тактический очерк. – М.: Воениздат, 1943. С. 22.

²⁴ Фонды НМГООС, А-31045, Вестник Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя. Выпуск 4. – Симферополь: Фирма «Салта» ЛТД, 2012. – С. 102, 103.

²⁵ Мельничук Е.Б. Подготовка партизанского движения в Крыму. – Севастополь, 2006. С. 101.

²⁶ Манштейн Э. Утерянные победы / Перев. с немец. – Ростов/Д.: Феникс, 1999. С. 243.

²⁷ См.: Неменко А.В. Севастополь. Огненные рубежи и др.

http://samlib.ru/n/nemenko_a_w/sev4.shtml

²⁸ Оборона Севастополя. Оперативно-тактический очерк. – М.: Воениздат, 1943. С. 31.

²⁹ 14 июня 1942 года лейтенанту Н.А. Воробьеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

³⁰ Решением Севастопольского городского совета № 645 от 14 декабря 2000 года безымянной высоте с отметкой 60.0 в районе памятника 365-й батареи (Нахимовского района) присвоено название «Высота героев».

³¹ Телеграммы Ставки Верховного Главнокомандования от 20 декабря 1941 года № 005898

- ³² Запорожко А.П. По следам подвига. – Севастополь, 2006. С. 29.
- ³³ Запорожко А.П. Результативность поисковой работы на позициях 365-й зенитно-артиллерийской батареи // Вестник Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя. Выпуск 4. – Симферополь: Фирма «Салта» ЛТД, 2012. – С. 88.
- ³⁴ Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов. Кириллов А.В., Саксонов О.В., Агеев Н.В., Макушкин С.А., Мельничук А.В., Виниченко М.В. и др. В 12-и томах. Том 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. – М.: Кучково поле, 2012. С. 203.
- ³⁵ Запорожко А.П. По следам подвига. – Севастополь, 2006. С. 30.
- ³⁶ Иванов В.Б. Тайны Севастополя. Кн. 2. Тайны подземные. – Севастополь: КИЦ Севастополь, 2005. С. 42, 43.
- ³⁷ ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 3763. Д. 93. Л. 101, 102.
- ³⁸ ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 100 Л. 293.
- ³⁹ См.: Оборона Севастополя. Оперативно-тактический очерк. – М.: Воениздат, 1943. С. 42, 43.
- ⁴⁰ Фонды НМГООС, А-30873, Вестник Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя. Выпуск 4. – Симферополь: Фирма «Салта» ЛТД, 2012. С. 103.
- ⁴¹ Александр Т.Г. Слово о командире 30-й береговой батареи // Москва – Крым: Историко-публицистический альманах. – М.: ФРЭГС «Москва-Крым», 2000. С. 263.
- ⁴² Лещенко А., Лещенко В. Выверено жизнью и смертью... История башенной батареи № 35 Черноморского флота // Лещенко В. Лещенко А. – К.: Полипринт, 2011. С. 159 – 160.
- ⁴³ Великая Отечественная война Советского Союза 1941 – 1945. – М.: Воениздат, 1970. С. 160.
- ⁴⁴ Мельничук Е.Б., Стогний Д.Ю., Ефимов А.В. Германское «сверхоружие» под Севастополем. Хроника 1942 г. // Москва – Крым: Историко-публицистический альманах. – М.: ФРЭГС «Москва-Крым», 2000. С. 272
- ⁴⁵ Мельничук Е.Б., Стогний Д.Ю., Ефимов А.В. Германское «сверхоружие» под Севастополем. Хроника 1942 г. // Москва-Крым: Историко-публицистический альманах. – М.: ФРЭГС «Москва-Крым», 2000. С. 281, 285.
- ⁴⁶ См.: Воробьев В.Ф. Оборона Севастополя в 1941 – 1942 годах. – М.: ВАФ им. Фрунзе, 1956. С. 27.
- ⁴⁷ КТВ ОКВ. 1942. Bd. 2, Teliband 1. – Boon, 1963. S. 419.
- ⁴⁸ Отчет по обороне Севастополя (ноябрь 1941 г. – июль 1942 г.). Т. 1. С. 350, 351.
- ⁴⁹ Там же. С. 362.

⁵⁰ Иванов В.Б. Тайны Севастополя. Кн. 2 Тайны подземные. – Севастополь: КИЦ Севастополь, 2005. С. 43, 44.

⁵¹ Евсеев А.К. Осажденный Севастополь. – Л.: Советский писатель, 1959. С. 226 – 228.

⁵² См. Лещенко А., Лещенко В. Выверено жизнью и смертью... История башенной батареи № 35 Черноморского флота // Лещенко В. Лещенко А. – К.: Полипринт, 2011. С. 21, 191, 192, 208.

⁵³ Мешкова Э. Рыцари долга. Город-герой Севастополь. Неизвестные страницы. – 2004. С. 13.

⁵⁴ Кириллов А.В., Саксонов О.В., Агеев Н.В., Макушкин С.А., Мельничук А.В., Виниченко М.В. и др. Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов. В 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. – М.: Кучково поле, 2012. С. 214.

⁵⁵ Сергиенко В.Е. Воины в белых халатах в боях за Севастополь. Город-герой Севастополь. Неизвестные страницы. – 2004. С. 77.

⁵⁶ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. – М., 2010. С. 178; Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 335.

⁵⁷ Сергиенко В.Е. Воины в белых халатах в боях за Севастополь. Город-герой Севастополь. Неизвестные страницы. – 2004. С. 199.

⁵⁸ Агишева И. Ю., Смутьская Л. М. – по материалам ЦГАВО Украины. Ф. КМ 7-8. Оп. 2. Д. 418. ЛЛ. 155 – 157; Фонды НМГООС, НВ-5643, НА НМГООС, Ф. 2, ОП.2, Д. 114, Т. 2, Л. 117; Д. 234, Л. 205; Отд. ЦВМА. Ф. 10. Д. 1950. Л. 117 – 122; ЦАМО, Ф. 109, Д. 2337, Лл. 40 – 43, Архив Вооруженных Сил Германии, г. Потсдам, д. WF 03/32094, ЛЛ. 060, 200; Д. WF 03/32095, ЛЛ. 226,235,254, Г. И. Ванеев и др.

⁵⁹ Сергиенко В.Е. Воины в белых халатах в боях за Севастополь. Город-герой Севастополь. Неизвестные страницы. – 2004. С. 212.

⁶⁰ Максимов С.Н. Оборона Севастополя в 1941 – 1942. – М.: Воениздат, 1959. С. 121.

⁶¹ Гребенюк С.В., Абатуров В.В., Азяский Н.Ф., Аптрейкин С.Н., Борщов А.Д., Вагин В.И., Васильев Н.М., Виниченко М.В., Гареев М.А., Зимонин В.П., Ионов В.В., Кириллов А.В., Климов А.А., Князьков А.С., Кривонос О.К. Куманев Г.А., Лавренев С.Я., Маковский В.Б., Малахов Г.А., Марценюк Ю.А., и др. Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов. В 12 т. // Т. 4. Освобождение территории СССР 1944 год. – М., 2012. С. 219.

⁶² Агишева И.Ю. История боевого пути и участие в Крымской наступательной операции 1944 г. соединений 2-й гв. Армии, награжденной

орденами за освобождение Севастополя (24-я гв., 126-я, 347-я стрелковые дивизии) // Вестник Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя. Выпуск 2. – Симферополь, 2011. С. 37, 38.

⁶³ Гребенюк С.В., Абатуров В.В., Азяский Н.Ф., Аптрейкин С.Н., Борщов А.Д., Вагин В.И., Васильев Н.М., Виниченко М.В., Гареев М.А., Зимонин В.П., Ионов В.В., Кириллов А.В., Климов А.А., Князьков А.С., Кривонос О.К. Куманев Г.А., Лавренов С.Я., Маковский В.Б., Малахов Г.А., Марценюк Ю.А., и др. Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов. В 12 т. // Т. 4. Освобождение территории СССР 1944 год. – М., 2012. С. 229 – 230.

⁶⁴ ЦАМО РФ, Ф. 126 СД. Оп. 1. Д. 40. Л. 30.

⁶⁵ Агишева И.Ю. История боевого пути и участие в Крымской наступательной операции 1944 г. соединений 2-й гв. Армии, награжденной орденами за освобождение Севастополя (24-я гв., 126-я, 347-я стрелковые дивизии) // Вестник Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя. Выпуск 2. – Симферополь, 2011. С. 107.

⁶⁶ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 490.

⁶⁷ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. – М., 2010. С. 143; Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. С. 294. 1998.

⁶⁸ Крым в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945. Сборник материалов / Сост. Кондранов И.П., Степанова А.А. – М.: «Таврия» Симферополь, 1973. С. 152.

М.В. Виниченко

Симферополь – столица Крыма

ПРЕДИСЛОВИЕ

Крым богат и многообразен, он сложен и интересен во всем. Он многонационален и одновременно един в своем стремлении жить свободно, независимо с той моралью, теми ценностями, с которыми жили наши отцы и деды, что отстаивали они в дни тяжелых испытаний в годы Великой Отечественной войны, других сражениях и борьбе за независимость.

К оценке вклада Крыма в развитие России, Советского Союза, роли и месте народов и народностей, проживающих на территории Крыма, существует много подходов. Один из них – честный рассказ о всех успехах и недостатках. Другой – выпячивание ошибок, замалчивание достижений. Третий – окрашивание всего в черный цвет и т.д. Есть любители фальсифицировать историю. Но наиболее рациональный подход – взвешенная оценка исторических событий без национальной окраски. Большой вклад в исследование истории солнечного полуострова, развитие его культуры, экономики, народов Крыма внесли историки Симферополя, Севастополя, других городов Крыма, России, Украины, Белоруссии, Узбекистана, Казахстана и других братских республик. Среди работ по Крыму есть труды, лишенные тенденциозности и их большинство. В них раскрываются события без излишней эмоциональности, с опорой на исторические факты, полученные путем сбора и обработки большого количества архивных материалов, документов, полученных в ходе поисковой деятельности, сведений от непосредственных участников событий и др. Добросовестные исследователи, а их большинство, стараются взвешенно и корректно оценивать героическое и порой трагическое прошлое Крыма. Только сильные народы в состоянии честно сказать о своих достижениях и ошибках.

Проведенные в последнее время научные конференции, круглые столы на крымской земле позволяют более глубоко понять обстановку, ход и исход вооруженной борьбы в Крыму, и сделать правильные выводы о роли и значении Симферополя, других городов Крыма для современной России. Представленная работа лишь час-

тично отражает героический путь по борьбе за независимость Симферополя, Крыма, но полученные результаты несомненно свидетельствуют и грандиозности свершившихся событий.

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире все более обостряется борьба между государствами, блоками, организациями различного рода за ресурсы. Одним из жарких полей сражения стали природные ресурсы государств, народов. Старые методы силового характера захвата желаемого еще действуют, но все труднее и труднее становится достигать поставленных целей агрессорам. Создаются и обкатываются новые технологии. Среди них захват природных ресурсов через человеческий ресурс – способности, здоровье, культуру человека, а также через идеологический, административный, политический и др. ресурсы, позволяющие влиять на коллектив, организацию, все общество в целом.

Отработана и реализуется технология, при которой различного рода вложения целенаправленно идут в человеческий ресурс (ряда руководителей, политиков, бизнесменов, экстремистских групп и т.д.), чтобы создать необходимую прослойку в захватываемом обществе, которая бы проводила навязываемую политику агрессором. Данная технология срабатывает, если своевременно разделить, перессорить, желательно «замешать на крови» конфликт между народами, проживающими на данной территории, стране.

Собственно, такие попытки делаются и приносят плоды в настоящее время на Украине, других государствах бывшего СССР и дальнего зарубежья. Для того, чтобы не стать заложником чужой игры, не потерять природный, и что не менее важно – человеческий ресурс, необходимо обращаться к своей истории, опыту преодоления тяжелейших испытаний, делать из него поучительные уроки, выводы. Важно уметь четко, грамотно и справедливо оценивать деятельность наших предков, становясь от этого мудрее и сильнее.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ КРЫМА (1941 – 1942 ГГ.)

Крым всегда привлекал внимание своими разносторонними ресурсами, особым стратегическим положением. Оно определялось тем, что Крымский полуостров, вклиниваясь в Черное море, создавал господствующее положение на морских и воздушных коммуникациях между западным и восточным побережьем. Кто владел Крымом, особенно военно-морской базой в Севастополе, тот господствовал на Черном море.

Поэтому гитлеровцы стремились во что бы то ни стало захватить Крым. С овладением Крымским полуостровом немецко-фашистское командование решало ряд своих стратегических, политических, экономических и военных задач. С политической точки зрения овладение Крымом давало возможность противнику усилить влияние на страны черноморского бассейна, с экономической – захватить большие экономические и рекреационные ресурсы Крыма. С собственно военной – прочно прикрыть фланг стратегического фронта своих сухопутных сил; использовать Крым как плацдарм для дальнейшего захвата Кавказа, для переброски своих войск на Таманский полуостров и Кубань; овладеть Севастополем и лишить Черноморский флот его главной военно-морской базы.

Продвигаясь с тяжелыми боями в глубь Советского Союза, германское командование уже в августе 1941 г. в качестве приоритетных задач ставило овладение южной частью страны. 21 августа Гитлером был подписан приказ, который гласил: «Главной задачей до наступления зимы является не взятие Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на Донце и лишение русских возможности получения нефти с Кавказа... Взятие полуострова Крым имеет колоссальное значение для обеспечения поставок нефти из Румынии, поэтому необходимо использовать все имеющиеся средства, в том числе и подвижные соединения, для того, чтобы добиться быстрого форсирования Днепра и продвинуться в направлении Крыма еще до подхода подкреплений противника»¹. Не менее важным для гитлеровцев было лишение советских войск военно-морских баз и самого флота на Черном море.

С началом войны Главное командование Красной армии развернуло Южный фронт (командующий генералармии И.В. Тюленев, член Военного совета армейский комиссар А.И. Запорожец, на-

чальник штаба генерал-майор Г.Д. Шишенин). В состав войск Южного фронта входили 18-я и 9-я армии. В оперативном подчинении командующего войсками Южного фронта находились Одесский военный округ (командующий генерал-лейтенант Н.Е. Чибисов), Дунайская военная флотилия (командующий контр-адмирал Н.О. Абрамов), Одесская военно-морская база (командир контр-адмирал Г.В. Жуков), 9-й стрелковый корпус в Крыму (командир генерал-лейтенант П.И. Батов) и отряды пограничных войск.

Захват черноморского побережья и Крыма возлагался на 11-ю немецкую, 3-ю и 4-ю румынские армии и 8-й венгерский корпус – всего 24 дивизии и 15 бригад при поддержке 450 самолетов². Одними из главных объектов для этой группировки являлись Одесса и Севастополь.

Для захвата Крыма немецко-фашистское командование выделило 11-ю армию с румынским горным корпусом под командованием генерал-полковника Эриха фон Манштейна. В 11-ю армию входили: 30-й армейский корпус генерала Зальмута (22-я, 72-я, 170-я пехотные дивизии); 54-й армейский корпус генерала Ганзена (46-я, 50-я, 73-я пехотные дивизии); 49-й армейский корпус генерала Коблера (1-я и 4-я горнострелковые дивизии); моторизованные дивизии СС «Адольф Гитлер» и «Викинг». Для повышения эффективности огневого поражения командующий 11-й армии мог привлечь до 40 полков артиллерии. Наземные войска поддерживал 4-й авиационный корпус в составе 77-й истребительной эскадры (ME-109 – 150 самолетов); двух бомбардировочных эскадр (Ю-87 – свыше 100 самолетов, «Хейнкель-111» – до 100 самолетов)³.

Указ Президиума Верховного Совета СССР о введении военного положения в ряде республик, краев и областей, в том числе и в Крымской АССР, был подписан сразу с началом войны – 22 июня 1941 года⁴. Особенностью подготовки обороны Крыма было то, что приоритет в определении главных угроз отдавался военно-морскому руководству. Это было, с одной стороны, силой, с другой стороны – слабостью крымской обороны. Сухопутная группировка, инженерное оборудование местности, планы ведения боевых действий на подступах и в самом Крыму строились главным образом из опасности ударов с моря и воздуха, высадки морских и воздушных десантов. Никто в предвоенные годы всерьез не допускал возможности ведения оборонительных действий за Крым из глубины страны. Это было не логично и опасно с политической

точки зрения. С началом войны, а в дальнейшем с подготовкой и ведением обороны Крымского полуострова, главное руководство оставалось в руках командования Черноморского флота. Это существенно сказалось на структуре оборонительных рубежей, их силе и готовности к отражению ударов противника.

Непосредственно к развертыванию оборонительного строительства командование войсками Крыма приступило в соответствии с указаниями Ставки Верховного Главнокомандования от 15 июля 1941 года⁵. В этот же день командующий войсками Крыма генерал-лейтенант П.И. Батов (одновременно 9-го отдельного стрелкового корпуса) и начальник штаба полковник Н.П. Баримов подписали приказ о создании отрядов народного ополчения и назначении его командования. Командующим всеми отрядами народного ополчения Крыма назначался подполковник А.В. Мокроусов⁶.

Учитывая важное стратегическое и военно-политическое положение Крымского полуострова, Ставка ВГК 14 августа 1941 г. приняла решение на базе 9-го стрелкового корпуса сформировать 51-ю Отдельную армию на правах фронта с оперативным подчинением ей Черноморского флота. Однако в выборе командующего Ставка ВГК сделала не совсем удачный выбор. Командующим армией был назначен генерал-полковник Ф.И. Кузнецов. До этого Ф.И. Кузнецов с июля 1940 г. был начальником Академии Генерального штаба РККА, с августа 1940 г. – командующим войсками Прибалтийского военного округа (ПрибВО), который с 22 июня был преобразован в Северо-Западный фронт. Им генерал-полковник Ф.И. Кузнецов прокомандовал всего восемь дней – до 30 июня и за провал начала войны был отстранен от командования. Потери личного состава фронта в некоторых частях доходили до 60%, а боевой техники и орудий до 90%. Видимо не было тогда в достаточном количестве генералов в Красной армии, способных не только грамотно организовать боевые действия, но и эффективно противостоять противнику.

Заместителем командующего 51-й Отдельной армией был назначен генерал-лейтенант П.И. Батов. Членами Военного совета утвердили корпусного комиссара А.С. Николаева и бригадного комиссара Н.В. Малышева, начальником штаба – генерал-майора М.М. Иванова, начальником политотдела – полкового комиссара А.В. Жигунова.

28 августа командующий 51-й Отдельной армией генерал-полковник Ф.И. Кузнецов докладывал Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину План обороны Крыма. Главной задачей командующий армией считал нанесение поражения противнику при подходе к крымским перешейкам, во взаимодействии с Черноморским флотом не допустить прорыва немецко-фашистских войск в Крым. Для решения этой задачи генерал-полковник Ф.И. Кузнецов в своем распоряжении к тому времени имел четыре стрелковые и три кавалерийские дивизии, два полка 4-й Крымской стрелковой дивизии народного ополчения, мототанкетный полк (полтора батальона танкеток), около 5,5 тысячи бойцов местных истребительных батальонов, один бомбардировочный и два истребительных авиаполка, один бронепоезд.

Однако качество данных формирований, желало лучшего. В докладе отмечалось: «...106-я и 156-я стрелковые дивизии организованы и втянуты, но не обстреляны. 271-я и 276-я стрелковые дивизии – вновь сформированные, слабо сколоченные, с 24 орудиями каждая, требующие серьезной закалки и сколачивания. 40-я, 42-я и 48-я кавалерийские дивизии – нового формирования, требующие серьезной закалки. Мототанкетный полк – новая организация, с хорошим составом. 4-я Крымская стрелковая дивизия народного ополчения – новая единица, но может упорно удерживать свои позиции. 1-я, 2-я, 3-я Крымские стрелковые дивизии народного ополчения – в стадии формирования, без вооружения и снаряжения. 9-й стрелковый корпус не имеет корпусной артиллерии, но усиливается морскими 24 орудиями мощных калибров. Бронепоезд слабо вооружен... Армия не имеет инженерных, химических частей и частей связи»⁷.

Действительно, с такими соединениями и частями, вооружением и техникой, запасами боеприпасов и других материальных средств было непросто организовать оборону и на равных вести боевые действия с германскими войсками.

В Плате определялись важные операционные направления: северное, центр полуострова (опасность высадки воздушного десанта), западное, южное и керченский полуостров. Все они являлись направлениями высадки морских десантов с одновременной высадкой крупного воздушного десанта в центре Крыма.

Слабой стороной организации обороны генерал-полковник Ф.И. Кузнецов считал отсутствие войсковой артиллерии крупных

калибров и танков, низкую укомплектованность дивизионной и полковой артиллерии в 271-й и 276-й стрелковых дивизиях (всего 30%), недостаток инженерных средств.

Инженерное оборудование театра военных действий в Крыму было поручено командованию инженерного отдела. Он, опираясь на инженерные войска, привлек с помощью руководства обороны Крыма различные силы и средства для подготовки оборонительного плацдарма перед Севастополем. Этот плацдарм состоял из трех оборонительных рубежей⁸.

Хорошим подспорьем для обороняющихся была развитая подземная инфраструктура Крыма. В районе Севастополя находился ряд штолен, каменоломен и тоннелей. Они использовались командованием и населением города для укрытия от авиационных и артиллерийских ударов противника. Там располагались защищенные командные пункты флота, армии и береговой обороны, госпиталя, склады, подземные арсеналы, различные предприятия, спецкомбинаты № 1 и № 2, выпускавшие продукцию для фронта. В наиболее крупных штольнях прятали самолеты. В ходе обороны структура подземелья постоянно развивалась.

Самым слабым звеном в обороне армии было управление. Ввиду полного отсутствия полевых средств связи, управление армии строилось на максимальном использовании постоянных линий связи и стационарных радиостанций. Кроме того, организовывалась «летучая почта» из местных самокатчиков-комсомольцев. Учитывая тот факт, что германские войска предпринимали все меры по уничтожению постоянных линий связи, то управление войсками в условиях высокоманевренных действий при помощи стационарных радиостанций организовать было проблематично. Наибольшую устойчивость показывало управление в Севастопольском оборонительном районе, где располагалось три независящих друг от друга узла связи, один из которых находился в подземном помещении в скале⁹.

Советское командование пыталось организовать в тылу противника действия партизан и деятельность партийного подполья. Непосредственно этим обком партии занялся в июле 1941 года ввиду реальной опасности оккупации немцами и румынами Крыма. Партийные функционеры совместно с представителями территориальных органов НКВД на добровольных началах подобрали командный и личный состав партизанских отрядов. Места дислокации выбирались в районах, наиболее для этого при-

годных – горно-лесной части Крыма, в пещерах, каменоломнях Керченского полуострова.

Советское партийное руководство считало, что немецко-фашистские войска более двух месяцев в Крыму не продержатся, и все планирование партизанских действий исходило из этого видения. Всего до начала ноября в автономной республике по территориальному признаку планировалось создать 36 партизанских отрядов по 100 – 125 бойцов в каждом. Каждый административный район формировал свой одноименный отряд. По три-четыре отряда должны были сформировать в городах: Симферополе, Севастополе и Керчи. Один отряд планировал создать НКВД Крымской АССР. Формирования объединялись в пять партизанских районов и Керченскую группу отрядов. Для каждого партизанского района были установлены конкретные зоны ответственности, а для отрядов – участки боевого предназначения:

1-й район (начальник А.А. Сацок, комиссар А. Османов) – Старокрымские и Судакские леса;

2-й район (И.Г. Генов, П.З. Фруслов) – Карасубазарские и Зуйские леса;

3-й район (Т.Л. Северский, В.И. Никаноров) – леса Алуштинского государственного заповедника;

4-й район (И.М. Бортников, М. Селимов) – Ялтинские леса и леса Куйбышевского района;

5-й район (В.В. Красников, Н.К. Соболев) – леса Севастопольской зоны и Байдарской долины;

Керченская автономная группа (Н.И. Пахомов, Ломакин) охватывала восточную часть Керченского полуострова – коммуникации и объекты в районах Аджимушкайских, Старокарантиновских, Караларских каменоломен и каменоломен населенного пункта Семь Колодезей. Главный штаб партизанского движения (А.В. Мокроусов, С.В. Мартынов) предполагалось базировать в заповеднике, в боевых порядках 3-го района. Руководить всем народным сопротивлением в Крыму готовился Областной подпольный партийный центр, возглавлявшийся старым большевиком И.А. Козловым¹⁰.

К середине сентября, когда противник вышел к крымским перешейкам, оборонявшая Крым 51-я Отдельная армия в своем составе имела четыре стрелковые дивизии: 276-ю (командир генерал-майор И.С. Савинов), 271-ю (командир полковник М.А. Титов), 106-ю (командир полковник А.Н. Первушин) и 156-ю (командир

генерал-майор П.В. Черняев). Кроме того, в нее входили две кавалерийские дивизии: 40-я (командир полковник Ф.Ф. Кудюров) и 42-я (командир полковник В.В. Глаголев). В глубине Крымского полуострова, в районе Евпатории, располагалась 172-я (командир полковник И.Г. Торопцев), 321-я (командир полковник И.М. Алиев) стрелковые и 48-я кавалерийская (командир генерал-майор Д.И. Аверкин) дивизии. В районе Феодосии формировалась 320-я стрелковая дивизия и части укрепленного района для обороны Ак-Монайского оборонительного рубежа. В Севастополе располагались части морской пехоты, местный стрелковый полк, учебные и специальные подразделения. Из пограничных частей НКВД была сформирована 184-я стрелковая дивизия (командир полковник В.Л. Абрамов).

51-я Отдельная армия имела задачу: «а) не допустить врага на территорию Крымского полуострова с суши, с моря и воздуха; б) удерживать Крымский полуостров в наших руках до последнего бойца; в) действиями Черноморского флота воспретить подход и высадку на Крымский полуостров десантов противника»¹¹.

Немецкие и румынские войска рвались вперед. Хорошая подготовка, комплексное огневое воздействие, устойчивое, надежное управление и организация приносили им успех. 106-я и 156-я стрелковые дивизии не смогли сдержать удары немецко-фашистских войск. 28 сентября они оставили первую позицию у Перекопа и отошли на ишуньские позиции. Это стало предвестником ряду поражений советских войск в Крыму.

Однако противник не смог развить успех на этом направлении. Ввиду проведенных контрударов Южного фронта, немецко-фашистское командование вынуждено было перебросить часть сил для их парирования. Это дало передышку советским войскам в Крыму. В дальнейшем гитлеровцы вернулись к реализации плана по овладению Крымским полуостровом. При этом для прорыва была создана сравнительно небольшая группировка.

18 октября гитлеровцы перешли в наступление на ишуньские позиции. Удар наносился силами трех германских дивизий на узком участке фронта между железной дорогой и берегом Черного моря. Эрих фон Манштейн впоследствии отмечал, что наступление могло вестись только по трем узким проходам, на которые был разделен перешеек. Ширина этих полос допускала сначала введение в бой только трех дивизий (73-й, 46-й и 22-й пд) 54-го армейского корпуса¹².

С советской стороны на ишуньских позициях оборонялись четыре стрелковые дивизии в одноэшелонном построении. Они стойко и мужественно удерживали занимаемые позиции. Однако германское командование «не пожелало упустить победу в последнюю минуту». В результате мощного удара по наиболее уязвиму месту, противнику удалось прорвать ишуньские позиции.

Генерал-полковник Ф.И. Кузнецов пытался восстановить положение проведением неподготовленных контратак. Однако это кроме потерь в личном составе и вооружении ни к чему не приводило.

Управление войсками с его стороны вызывало удивление у командного состава. Маршал Советского Союза Н.И. Крылов, бывший начальник штаба Приморской армии, так оценивал действия руководства соседней армии: «Утром 19-го (окт. 1941) я был в Симферополе. Штаб 51-й армии, где требовалось уточнить полученные по телефону указания, а также оформить заявки на автотранспорт, горючее, боепитание и многое другое, занимал, словно в мирное время или в глубоком тылу, обыкновенное учрежденческое здание в центре, обозначенное, правда, проволочным ограждением вдоль тротуара. При виде этой колючей проволоки на людной улице невольно подумалось: «Что за игра в войну?» Сержант в комендатуре, выписывая мне пропуск, неожиданно предупредил: «Только сейчас, товарищ полковник, в отделах одни дежурные – сегодня воскресенье». Командующий армией, начальник штаба и многие другие командиры находились, надо полагать, поближе к фронту. Но те, кого они оставили в городе, отстоявшем всего на несколько десятков километров от переднего края, оказывается, еще соблюдали выходные дни, о существовании которых мы давно забыли. В штабных коридорах я встретил нашего начальника артиллерии полковника Николая Кирьяковича Рыжи, удивленного не меньше моего здешними порядками. Он пожаловался, что не с кем решить вопрос о боеприпасах. Нужных людей, в конце концов, разыскали. Но чувство недоумения от этих первых симферопольских впечатлений не изглаживалось долго»¹³.

К этому времени в Крым прибыла из Одессы Приморская армия под командованием генерал-майора И.Е. Петрова в составе 25-й, 95-й, 421-й стрелковых и 2-й кавалерийской дивизий. В связи со сжатыми сроками передислокации войск Приморской армии и отсутствием в Черноморском флоте достаточного количества транспортов из Одессы была вывезена лишь минимально необходимая часть ар-

тиллерии, автомобильного и гужевого транспорта, инженерного имущества и средств связи. Из-за отсутствия тяжелых подъемных кранов, которые были уже эвакуированы в порты Кавказа, орудия крупных калибров дивизионной артиллерии были демонтированы и потоплены в пунктах посадки дивизий. Конский состав легких артиллерийских полков дивизий из-за отсутствия транспортов был оставлен в Одессе, в связи с чем материальная часть этих полков по прибытию в Севастополь была выгружена и оставлена на пристани¹⁴.

Всего в Приморской армии вместе с тыловыми частями было около 80 000 человек, 1158 автомашин, 3625 лошадей, 462 орудия и 14 танков¹⁵.

Высшее руководство стремилось повлиять на ход событий в Крыму. В целях повышения эффективности и для объединения действий войск 51-й Отдельной и Приморской армий и Черноморского флота по обороне Крыма по указанию Ставки Верховного Главнокомандования 22 октября 1941 г. было создано командование войсками Крыма. Командующим был назначен вице-адмирал Г.И. Левченко с подчинением ему командования Черноморского флота в оперативном отношении, заместителем по сухопутным войскам генерал-лейтенант П.И. Батов, заместителем командующего Черноморским флотом по обороне главной базы – контр-адмирал Г.В. Жуков¹⁶. Генерал-полковник Ф.И. Кузнецов от командования 51-й Отдельной армии отстранялся и был отозван Ставкой ВГК в свое распоряжение.

Для восстановления положения новым командованием было принято решение о проведении контрудара силами двух армий. Для усиления Приморской армии в ее состав были включены 172-я стрелковая, 40-я и 42-я кавалерийские дивизии, также малочисленные и слабо оснащенные. Таким образом, в нанесении контрудара Приморской армии приняли участие 6 дивизий – 172-я, 95-я и 25-я стрелковые, 2-я, 40-я и 42-я кавалерийские дивизии. Удар наносился в направлении Воронцовка, устье реки Самарчик.

51-я Отдельная армия наносила удар в направлении устья реки Чатырлык. В ударную группировку вошел 9-й стрелковый корпус в составе также шести дивизий – 276-й, 106-й, 271-й, 157-й и 156-й стрелковых и 48-й кавалерийской дивизий со средствами усиления (группа генерала П.И. Батова). Всего в контрударе приня-

ло участие двенадцать дивизий – восемь стрелковых и четыре кавалерийских.

Обе ударные группировки контрудар наносили «в лоб», без должной подготовки. Все делалось впопыхах. Упущенное время и возможности командование пыталось наверстать за счет введения в бой неподготовленных войск в большом количестве.

Приморская армия в 9.00 24 октября 1941 г. начала наступление на фронте Сарач, Воронцовка, Онгар-Найман, сдерживая противника на участке Уржин, севернее Сарач. Наступление не было подготовлено и организовано. Рекогносцировка в дивизиях из-за отсутствия времени не проводилась. Артиллерия в количестве, не превышающем двух дивизионов на дивизию, не была обеспечена боеприпасами, вследствие чего артиллерийская подготовка была ограничена 15-минутным налетом по неразведанным целям противника. Поддержка наступления авиацией была очень слабой¹⁷.

Войска спешно вводились в бой, по мере того как выгружались на степных станциях за Симферополем и форсированным маршем выдвигались на исходные рубежи. На марше вручался командирам и боевой приказ. Задача была наступать, отбить у врага только что оставленную Воронцовку, а затем и Ишунь, восстановить положение, существовавшее неделю назад. Однако на элементарную подготовку наступления времени не давалось. Начальник штаба Приморской армии Н.И. Крылов вспоминал: «Нам говорили: «Быстрее вперед, иначе противник займет через два дня весь Крым». И тут уж не принималось во внимание, что часть артиллерии еще где-то в пути, а для остальной только начали подвозить снаряды, что неясно с авиационной поддержкой – то ли будет, то ли нет¹⁸.

В такой обстановке войска армии несли большие неоправданные потери, выполняя приказ. Героизма и стойкости было недостаточно для победы над хорошо подготовленным, вооруженным, обеспеченным всем необходимым и организованным противником.

Несмотря на неудачи, 25 октября войска Приморской армии под мощным воздействием авиации противника продолжали наступать. Боеспособность германских войск с каждым часом падала. «Наступал момент, когда возник вопрос: может ли сражение за перешейки завершиться успехом, и, если удастся прорваться через перешейки, хватит ли сил, чтобы добиться в бою с усиливающимся противником решительной победы – занять Крым? – вспоминал

командующий 11-й германской армией генерал-полковник Эрих фон Манштейн – 25 октября казалось, что наступательный порыв немецких войск совершенно иссяк. Командир одной из лучших дивизий уже дважды докладывал, что силы его полков на исходе»¹⁹.

Сдерживая наступление советских армий, немецкое командование подготовило мощный контрудар. Сильная танковая группировка, поддерживаемая авиацией и артиллерией, нанесла удар во фланг войскам Приморской армии. Понеся тяжелые потери, 26 октября армия стала отходить к югу от Воронцовки. Ее преследовал 30-й армейский корпус (72-я и 22-я пехотные дивизии) противника. 42-й армейский корпус развивал наступление в направлении Феодосия, Керчь, преследуя также разбитые и разрозненно отходящие силы 51-й Отдельной армии²⁰.

В это время 54-й армейский корпус противника получил задачу стремительным броском выдвинуться в направлении Бахчисарая и с ходу захватить Севастополь. Одной из первых существенный урон противнику на подступах к Севастополю нанесла 30-я башенная батарея под командованием капитана Г.А. Александера (немцы называли ее форт «Максим Горький 1»). 30 октября огнем батареи была уничтожена немецкая техника с мотопехотой на равнине между Эфендикоем и поселком Кача²¹.

Управление войсками в масштабе Крыма было нарушено. Аналогичная неразбериха творилась и в армиях. В 51-й Отдельной армии командование смутно представляло, где находятся подчиненные войска. Отражая удары преследующего противника, и не получая указаний о дальнейших действиях, Военный совет Приморской армии 31 октября собрал на командном пункте 95-й стрелковой дивизии (с. Экибаш) совещание командиров и комиссаров дивизий, начальников штабов дивизий и руководящий состав штаба армии. Учитывая мнение подчиненных, генерал-майор И.Е. Петров принял решение отходить на Севастополь.

Однако организованного отхода не получилось. Противник упрямился. Приморскую армию в выходе к Симферополю. Командующий и штаб армии потеряли управление, и дальнейшие действия напоминали беспорядочное отступление группами по труднопроходимым тропам Крымских гор. Командир 7-й бригады морской пехоты полковник Е.И. Жидилов так охарактеризовал это дви-

жение: «Выбор дальнейшего маршрута теперь не был связан никакими приказами. Мы вольны выбрать его сами...»²².

Только в районе Алупки командование связалось с подчиненными частями и соединения и продолжило движение в сторону Севастополя по Приморскому шоссе.

Проблемы в организации управления возникли и в партизанском движении. Прежде всего, среди руководства. Только комиссар 3-го района секретарь Симферопольского горкома партии В.И. Никаноров своевременно прибыл в базовый район и активно участвовал в создании и подготовке отряда к выполнению возложенных на него задач. Остальные или сильно опоздали или не прибыли вообще. В частности, секретари Судакского, Алуштинского и Ялтинского партийных комитетов – Аблязис Османов, Ахтем Зекирья и Мустафа Селимов – до назначенных районов расположения отрядов не добрались. Более того, комиссар Керченской автономной группы Ломакин и начальник штаба Маничев дезертировали из каменоломен, взяв с собой личное оружие, штабные документы и списки партизан. Областной подпольный партийный центр в конце октября 1941 года, когда необходимо было активизировать борьбу с оккупантами, оказался в Керчи и не имел связи с руководителями партизанских районов²³.

В базовые лагеря Главный штаб, штабы районов и партизанские отряды начали выдвигаться с большим опозданием, недостаточно организовано, нередко без разведки и охранения. Сказывался непрофессиональный подход ряда партийных органов и сотрудников НКВД к организации партизанского движения. Кроме того, в их распоряжении не было специально подготовленных кадров, которые были бы в состоянии эффективно вести подрывную работу в тылу врага. В результате некоторые партизанские отряды столкнулись с войсками противника и вынуждены были пробиваться с боями, неся потери в личном составе. Сакский и Акшеихский партизанские отряды при выдвигании в базовый лагерь потеряли 28 человек убитыми и 12 ранеными.

Впервые две недели оккупации (30.10-15.11.1941 г.) по различным причинам партизанское движение лишилось 12 партизанских отрядов (около 1000 бойцов) с запасами оружия, продовольствия и средств материально-технического обеспечения, что составило 33% от создававшейся группировки. Кроме потери 12 отрядов, столкнувшись с трудностями быта и необычайно суровой условиями

рано наступившей зимы, в первые дни оккупации партизанские формирования самовольно оставили еще более 1000 человек. Такие непредвиденные потери удалось компенсировать за счет 1300 военнослужащих из состава 51-й Отдельной и Приморской армий и Черноморского флота, отставших в ходе боев от своих частей и добровольно присоединившихся к партизанам. Из военнослужащих были созданы три красноармейских отряда. Часть военных стала командирами групп, начальниками штабов, командирами, комиссарами отрядов и районов. Военнослужащие принесли с собой значительное количество дефицитного автоматического оружия и, главное, боевой опыт, приобретенный в ходе обороны Одессы и боев на Крымском перешейке.

При этом не все командиры и бойцы, остатки соединений и частей, изъявляли желание остаться в горах и лесу в составах партизанских отрядов. Несмотря на попытки руководства усилить боевой потенциал своих партизанских отрядов за счет кадровых военных, командиры соединений и частей зачастую искали пути пробиться в Севастополь. Так, были объединены в группы и проведены в город отряд майора А.П. Изугенева совместно с командным составом 434-го артиллерийского полка 156-й стрелковой дивизии (командир – майор Бабушкин, всего собралось около 250 человек). Остатки 294-го стрелкового полка под командой майора Мартыненко прибыли в Севастополь 24 ноября, а группа начальника штаба 184-й стрелковой дивизии более 1500 человек, в том числе около 800 из них – кадровых пограничников²⁴.

Всего около 5000 военнослужащих партизанами были снабжены продовольствием, проводниками и организовано проведены по тылам оккупантов 3-го, 4-го и 5-го районов в осажденный Севастополь²⁵.

Другой проблемой было то, что не все командиры партизанских отрядов принимали в свои ряды отдельных военнослужащих или сводные отряды, оставшиеся от кадровых частей и соединений. Так, штаб 48-й отдельной кавалерийской дивизии и более 200 бойцов, потеряв при невыясненных обстоятельствах своего командира, восемь суток бродили по заснеженному нагорью Карабиялы и Тыркинским лесам. Зуйский и Колайский партизанские отряды принять их на свое иждивение отказались²⁶.

Ввиду слабости руководства, партийно-политической работы сила партизанского движения в начале борьбы с оккупантами была

в сознательности, мужестве и героизме основной массы бойцов и командиров. Это, а также экстренные меры по восстановлению управления, позволили к середине ноября 1941 года Главному штабу партизанского движения Крыма организовать в пяти районах и Керченской автономной группе деятельность 27 партизанских отрядов. Их общая численность достигала 3700 человек, среди которых было 438 командиров и политработников.

Специальными командами, так называемых базировщиков, к 1 – 5 ноября 1941 года было укрыто в особых местах 60-70% необходимого количества продовольствия, средств материально-технического и медицинского обеспечения. Скрытые хранилища базовых лагерей создавались из расчета ведения автономных боевых действий партизанскими формированиями (3600-4500 бойцов) в течение 5-6 месяцев, т.е. до мая 1942 года²⁷.

Нанеся серьезное поражение войскам 51-й Отдельной и Приморской армий, нарушив их управление, противник преследовал отходящие советские соединения, части. 42-й немецкий армейский корпус тремя пехотными дивизиями (73-й, 46-й, 170-й пд) развивал наступление в направлении Феодосия, Керчь.

51-я Отдельная армия, преследуемая противником, главным образом отходила на вторую полосу обороны, подготовленную на Ак-Монайском перешейке, – Ак-Монайские позиции (северо-восточнее Феодосии). 30 октября в командование войсками 51-й армии вступил генерал-лейтенант П.И. Батов. Однако ему не удалось наладить управление войсками армии. К тому же это было не единое вооруженное формирование, а сильно поредевшие соединения и части, точнее их остатки, сведенные в боевые отряды. Их возглавляли наиболее способные и подготовленные командиры и политработники. Направления отступления этих отрядов было разным. Основная часть армии шла на Керчь, другая – через горы на Алушту и Ялту – в Севастополь. Общее руководство войсками армии, двигавшимися в Керчь, осуществлял командир 9-го стрелкового корпуса генерал-майор И.Ф. Дашичев. Генерал-лейтенант П.И. Батов выдвигался в Севастополь.

Офицеры штаба 51-й Отдельной армии из Карасубазара пытались отойти в село Марфовка, где был развернут узел связи пункта управления. Однако немцы упредили их. В результате эта часть штаба армии также стала выдвигаться на Севастополь.

Видя критическое положение войск 51-й и Отдельной Приморской армий, Ставка ВГК для оказания им помощи предложила командующему 56-й армии выделить максимум ВВС для нанесения ударов по соединениям и частям противника в течение трех дней²⁸.

Восстановить управление войсками командование армии пыталось посредством отправки высшего руководства в соединения и части с постановкой задач на месте. Однако это приводило к еще большей путанице. 2 ноября член Военного совета 51-й армии бригадный комиссар Мальшев потребовал от командира 7-й бригады морской пехоты полковника Е.И. Жидилова выставить боевое охранение в районе Бешуя для прикрытия дороги на Алушту и обеспечить отход армии. Выписанное на листке из блокнота распоряжение в штаб тыла о выделении морским пехотинцам горючего и продовольствия выполнено не было. Войска прикрытия в дальнейшем задач не получали и отходили из окружения по лесным тропам. В составе бригады действовал сын бывшего народного комиссара просвещения А.В. Луначарского – корреспондент газеты 7-й бригады морской пехоты «В бой за Родину» – лейтенант А.А. Луначарский²⁹. Многие дети больших руководителей не прятались за спины своих отцов, а честно защищали Родину.

Добравшись до Севастополя, 4 ноября 1941 года генерал-лейтенант П.И. Батов, в соответствии с Директивой Ставки ВГК № 004433 и решением Военного совет войск Крыма, получил задачу возглавить все войска, действующие на Керченском полуострове и создаваемый Керченский оборонительный район³⁰. Военным комиссаром был назначен полковой комиссар П.М. Крушин. В состав войск Керченского оборонительного района вошли отошедшие на Керченский полуостров части и подразделения 51-й Отдельной армии и Керченская военно-морская база.

51-я Отдельная армия, отходя под ударами противника, 3 ноября закрепилась на указанных ей рубежах. Времени на приведение войск в полную боевую готовность и боеспособность практически не было. Осложнялась ситуация тем, что было недостаточно противоздушных и противотанковых средств. Не хватало к ним снарядов, а также транспорта для подвоза материальных средств и боеприпасов³¹.

В 7.00 4 ноября противник попытался с ходу прорвать Ак-Монайские позиции. Германская пехота при поддержке огня ар-

тиллерии, ударов авиации и танков устремилась в атаку. Наши солдаты и офицеры упорно удерживали занимаемые позиции. Были созданы отряды истребителей танков. Противотанковая артиллерия сосредоточила усилия на наиболее танкоопасных направлениях. В результате первую атаку противника удалось отразить.

7 ноября 1941 г. генерал-лейтенант П.И. Батов, полковой комиссар П.М. Крупин на эсминце «Незаможник» прибыли в Керчь. На следующий день туда прибыл первый эшелон управления войск Крыма во главе с командующим вице-адмиралом Г.И. Левченко и членом Военного совета корпусным комиссаром А.С. Николаевым.

Второй удар по Ак-Монайским позициям был нанесен утром 7 ноября. Прорвав оборону наших войск, противник устремился к Керчи. Попытки генерал-лейтенанта П.И. Батова организовать управление и оборону не увенчались успехом. Резерва не было. Он обратился за помощью в Ставку ВГК: «...Нам нужна немедленная помощь в живой силе – одна-две дивизии, чтобы сдержать свежую группировку противника... Положение у нас тяжелое... Усилия частей на пределе... Прошу помочь свежими соединениями и поторопить отгрузку в Керчь снарядов РС, так как бездействуют два дивизиона».

К 10 ноября противник подошел к Керчи. Уполномоченный Ставки Верховного Главнокомандования по Керченскому направлению Маршал Советского Союза Г.И. Кулик без разрешения 12 ноября отдал распоряжение об эвакуации из Керчи в течение двух суток всех войск. И.В. Сталин, Ставка ВГК были возмущены таким поведением доверенного лица. В Приказе № 0041 от 2 марта 1942 г. отмечались низкие морально-боевые качества Г.И. Кулика: «...Кулик, по прибытии 12 ноября 1941 г. в г. Керчь, не только не принял на месте решительных мер против панических настроений командования крымских войск, но своим пораженческим поведением в Керчи только усилил панику и деморализацию в среде командования крымских войск... Кроме того, установлено, Кулик во время пребывания на фронте систематически пьянствовал, вел развратный образ жизни и злоупотреблял званием Маршала Советского Союза и зам. Наркома обороны, занимался самоснабжением и расхищением государственной собственности, растрачивая сотни тысяч рублей на пьянки из средств государства и внося разложение в ряды на-

шего начсостава...Преступление Кулика заключается в том, что он никак не использовал имеющихся возможностей по защите Керчи, Ростова...»³². Г.И. Кулик был разжалован, лишен званий, орденов, но обстановку это изменить уже не могло.

Несмотря на тяжелое положение, Ставка ВГК 14 ноября потребовала во что бы то ни стало удержать Керчь и не дать противнику занять этот район. Для усиления направлялась 302-я стрелковая дивизия³³.

Наиболее ожесточенные бои разгорелись за гору Митридат, с которой можно было вести эффективной огонь по городу и переправам. Первую атаку 170-й немецкой пехотной дивизии удалось отбить силами 825-го стрелкового полка 302-й дивизии и 9-й бригады морской пехоты. Собравшись с силами, противник ударил с трех направлений, и участь Керчи была решена. 51-я Отдельная армия не смогла удержать Керченский полуостров, и к исходу дня 16 ноября эвакуировалась на Таманский полуостров³⁴.

Войска прикрытия, до конца оборонявшие город, к 20 – 25 ноября стали группами уходить вместе с партизанами в Старокарантинские и Аджимушкайские каменоломни. Это был первый опыт создания подземного гарнизона из войск прикрытия отхода главных сил в районе Керчи в годы войны.

Практика назначения командующим войсками Крыма морского военачальника с выделением ему заместителем сухопутного генерала себя в этот период не оправдала.

ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ

Развивая наступление на Севастополь, противник стремился упредить отход войск Приморской армии и с ходу овладеть городом. Из показаний пленных и трофейных документов было установлено, что Гитлер приказал взять Севастополь к 1 ноября 1941 года. Однако с ходу к намеченному сроку взять Севастополь противнику не удалось.

Не достигнув цели – захват Севастополя с ходу – противник решил рассекающими ударами разорвать фронт Севастопольского оборонительного района в районе второго сектора, окружить его и уничтожить, открыв себе путь к городу. Для нанесения главного удара была выделена 72-я германская пехотная дивизия, усиленная танками (до 100 танков). Вспомогательный удар наносился час-

тиями 50-й дивизии и 118-го отдельного моторизованного отряда в направлении Черкез-Кермен, долина Кара-Кюбя.

Первое наступление противника (11 – 21 ноября 1941 г.) началось атакой пехотного батальона при поддержке танков в районе Варнутки. Ожесточенные атаки отбивались защитниками Севастополя на всех участках фронта. Местами противнику удалось продвинуться, но незначительно. Неся большие потери от наших войск, к концу первого наступления на Севастополь противник вынужден был бросать в бой специальные и тыловые подразделения. Но это к успеху не привело.

Партизаны, несмотря на все сложности, в этот период наносили удары по коммуникациям и личному составу в тылу противника. Особенно активно действовал Севастопольский отряд. Боевые группы П.А. Атаманова-Петросова, Ф.Т. Верзулова, А.В. Керемеджити, К.Т. Пидворко, М.Ф. Томенко, М.Ф. Якунина и саперы сержанта Б.Е. Иванова, приданные отряду штабом Приморской армии, ежедневно нападали на коммуникации противника³⁵.

Второе наступление на Севастополь проходило в период с 17 декабря 1941 г. по 1 января 1942 г. Планировалось рассечь и окружить центральную группировку наших войск, что облегчало выполнение главной задачи – захват Севастополя. Германским и румынским войскам была поставлена задача на четвертый день (21 декабря) захватить Севастополь.

В ходе ожесточенных боев советским войскам удалось отстоять черноморскую твердыню. Попадая в окружение, наши солдаты и офицеры мужественно отражали атаки противника, удерживали позиции и по приказу выходили из окружения. Советским войскам придавало сил в самые тяжелые моменты боя чувство ответственности за Севастополь, за всю страну.

Стойкое сопротивление советских войск у Севастополя привлекло к себе основные силы 11-й армии генерал-полковника Э. фон Манштейна. Это позволило Ставке ВГК, командованию Закавказского фронта предпринять ряд мер по усилению обороны.

КЕРЧЕНСКО-ФЕОДОСИЙСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

К концу 1941 года командование Закавказского (с 30 декабря 1941 г. – Кавказского) фронта разработало планирующие документы десантной операции на Керченский полуостров. Замысел ее был представлен в Ставку ВГК еще в ноябре 1941 года. Генерал-лейтенант А.М. Василевский в разговоре с командующим войсками Закавказского фронта генерал-лейтенантом Д.Т. Козловым заострил внимание на том, что Верховный Главнокомандующий считает ее целесообразной. «Она скует силы противника в Крыму и в значительной мере поможет Севастополю».

И.В. Сталин утвердил замысел представленной операции и предложил немедленно приступить к ее подготовке. Одновременно указывалось на необходимость самой тщательной подготовки выброски морских десантов³⁶.

Помимо облегчения положения войск в Севастополе, эта операция рассматривалась как начало освобождения Крыма. Керченско-Феодосийская десантная операция проводилась с 26 декабря 1941 г. по 2 января 1942 г.

Противник, сосредоточив основные силы у Севастополя, на охрану и оборону побережья от Балаклавы до Алушты выделил подразделения 3-го румынского моторизованного полка, от Алушты до Феодосии – части 8-й румынской дивизии. Всего на Керченском полуострове было сосредоточено 25 000 человек, 180 орудий и 118 танков. Их действия поддерживали две группы авиации, входившие в состав 8-го авиационного корпуса общей численностью до 100 самолетов. В районе Феодосии и Керчи у противника кораблей не было.

Учитывая относительно слабую подготовку обороны (система отдельных опорных пунктов из укреплений полевого типа, располагавшиеся вдоль побережья и одним узлом противодесантной обороны с гарнизоном около 2000 человек – город Феодосия), командование Закавказского фронта планировало внезапной высадкой десантов овладеть Керченским полуостровом. Для этого в распоряжении командующего войсками фронта генерал-лейтенанта Д.Т. Козлова (начальник штаба генерал-майор Ф.И. Толбухин) было достаточно сил и средств. К участию в операции привлекались 44-я армия под командованием генерал-майора А.Н. Первушина (224-я, 302-я, 390-я, 396-я стрелковые дивизии, 12-я стрелковая бригада,

83-я бригада морской пехоты) и 51-я армия под командованием генерал-лейтенант В.Н. Львова (157, 236, 345, 404-я стрелковые дивизии, 9-я и 63-я горно-стрелковые дивизии, 74-я бригада морской пехоты). В резерве находились 156-я, 398-я, 400-я стрелковые дивизии, 72-я кавалерийская дивизия, 126-й отдельный танковый батальон. С воздуха действия войск могли прикрывать около 500 самолетов Закавказского фронта и 200 самолетов Черноморского флота.

Черноморский флот и Азовская военная флотилия на период операции подчинялись генерал-лейтенанту Д.Т. Козлову. Черноморский флот (командующий вице-адмирал Ф.С. Октябрьский) насчитывал около 100 надводных кораблей и 50 подводных лодок. Азовская военная флотилия (контр-адмирал С.Г. Горшков) имела до 25 кораблей. Керченская военно-морская база, располагавшаяся в Тамани, насчитывала 26 торпедных и сторожевых кораблей. Вице-адмирал Ф.С. Октябрьский заверил начальника Генерального штаба, что флот выполнит все поставленные задачи по проведению операции. При этом он предлагал для гибкости операции, легкости и быстроты переброски первым броском высаживать не штатные части, а специально сформированные десантные полки. Для десантирования и огневой поддержки привлечь в основном боевые корабли. Всю подготовку операции, посадку войск на боевые корабли, выход произвести из Новороссийска. Главными пунктами высадки предлагалось избрать Феодосию и Керчь, скользящее направление – Судак с выходом к Феодосии и в район Арабата³⁷.

Решение на Керченско-Феодосийскую операцию генерал-лейтенант Д.Т. Козлов доложил И.В. Сталину 13 декабря 1941 г. В соответствии с планом, высадку морского десанта силой двух дивизий и бригады со средствами усиления намечалось произвести на широком 250-километровом фронте, авиадесант в районе Владиславки, вспомогательный десант в районе Арабат, Ак-Моной с задачей овладеть районом Сейджеут, Ак-Моной, Арабат, Владиславка, Насыпной, Султановка и прочно его удерживать до полного разгрома керченской группировки противника и для действия с тыла³⁸. В конечном итоге планировалось окружить и уничтожить группировку противника на Керченском полуострове.

Главный удар на феодосийском направлении наносила 44-я армия. От нее выделялся воздушный десант, предназначенный для захвата Владиславки. Ввиду того, что в составе войск За-

кавказского фронта имелся всего один парашютный батальон и лишь отдельные транспортные самолеты типа ТБ-3 и «Дуглас» (общей численностью не более десяти) генерал-лейтенант Д.Т. Козлов просил предоставить на время операции авиадесантное соединение с достаточным числом транспортной авиации типа «Дуглас». Действия 44-й армии поддерживал Черноморский флот. Другой удар наносила на керченском направлении во взаимодействии с Азовской военной флотилией и Керченской военно-морской базой 51-я армия³⁹.

Директива о подготовке к проведению операции была доведена до войск 13 декабря 1941 года в 24.00 с требованием готовности к началу боевых действий 20 декабря 1941 года⁴⁰. Первоначально на подготовку генерал-лейтенант Д.Т. Козлов планировал выделить 7 – 10 дней. Вице-адмирал Ф.С. Октябрьский, понимая, что в такой сжатый срок невозможно качественно подготовиться, просил выделить 15 дней⁴¹.

Подготовка к проведению операции проводилась в спешке и недостаточно организованно. К началу операции из тыла было перебазировано не более 50% авиационных частей. Отсутствовало необходимое обслуживание и технические средства. Часть кораблей и подводных лодок находились в неисправном состоянии. Более того, транспортных средств для десантирования не было ни в Азовской военной флотилии, ни в Керченской военно-морской базе. Для такой масштабной операции стали собирать подручные и местные плавсредства. Всего было собрано до 300 различных рыбо-ловецких судов, барж, баркасов и шлюпок, которые были слабо приспособлены для высадки десанта и захвату с боем плацдарма, особенно в условиях шторма. Не было доставлено необходимое количество угля для кораблей и горючего для сейнеров. Перегруппировка войск 51-й и 44-й армий производилась не в соответствии с планом и часть войск не успела сосредоточиться в районах погрузки.

Привлечение такого огромного количества сил и средств при слабой организации не могло не сказаться на ходе операции. Несмотря на шторм (27 декабря доходило до 7 – 8 баллов) операция началась 26 декабря 1941 года и сразу стала давать «пробуксовку». Четыре десанта из пяти 51-й армии не смогли высадиться и вернулись обратно. Только 4-й отряд высадился в районе мыса Хрони. Из-за отсутствия морского начальника, на суда Керченской

военно-морской базы смогли посадить только один отряд из трех. Предпринятые 27 и 29 декабря попытки высадить десанты оказались неудачными. 30 декабря, когда несколько утих шторм, фактически началась высадка войск 51-й армии. Наиболее удачно она проводилась в районе Камыш-Бурун, где в период с 26 по 29 декабря из состава 302-й стрелковой дивизии было высажено более 11 200 человек и выгружено 47 орудий, 229 пулеметов, 198 минометов, 12 автомашин, 210 лошадей⁴². При этом авиация не оказала необходимой поддержки десантам.

Все это отрицательно сказалось на ходе проведения операции. Она затягивалась, что ставило под сомнение ее успех.

Войска 44-й армии действовали более успешно. 29 декабря отряд боевых кораблей подошел к Феодосии, и огнем корабельной артиллерии подавил огневые точки противника. В дальнейшем высадка десанта и штурм Феодосии прошли стремительно и закончились утром 30 декабря. Остальные силы 44-й армии предназначались для занятия Ак-Монойского перешейка. Всего в районе Феодосии было высажено 23 000 человек, 34 танка, 109 орудий, 24 миномета, 1550 лошадей, 334 автомашины и тракторов, 734 тонны боеприпасов и 250 тонн других грузов⁴³.

Высадившиеся 157-я, 236-я стрелковые дивизии, 63-я горнострелковая дивизия и 251-й стрелковый полк 9-й горнострелковой дивизии не имели надежной связи с командующим армией генерал-майором А.Н. Первушиным и активных действий не проявляли. Командующий 51-й армии генерал-лейтенант В.Н. Львов также не потребовал от командиров 224-й стрелковой дивизии и 83-й стрелковой бригады немедленно преследовать отходящего противника. Воздушный десант в составе одного парашютного батальона, высаженный вместо Владиславовки в районе Арабата, не смог блокировать отход войск противника. Морской десант в составе одного батальона, направлявшийся на транспортах в район Ак-Моная, был затерт льдами и до района высадки не дошел.

Не имея четкой картины происходящих действий, высадившиеся войска стали преследовать отходящего противника. Однако их действия были медлительными и не решительными. Немецкие и румынские войска организованно оставляли полуостров, прикрывая свой отход арьергардами. Командир 42-го армейского корпуса генерал граф Г. Шпонек, опасаясь окружения, 29 декабря отдал приказ об оставлении Керченского полуострова. Командование 11-

й армии было против, и передало по радию приказ, запрещающий отход. Но граф Г. Шпонек его не получил⁴⁴. За нарушение приказа Гитлера, запрещавшего немецким войскам независимо от обстоятельств, отступать, этот немецкий генерал был снят с должности и предан суду военного трибунала, который в январе 1942 года разжаловал генерала, лишил его всех наград и приговорил к смертной казни, замененную затем годами заключения.

Командование 11-й армии для усиления этого направления выдвинуло две румынские бригады. Достигнув рубежа Киет, Новая Покровка, Изюмовка, Коктебель и подтянув из глубины и от Севастополя дополнительные силы, противник остановился и прочно закрепился на этом рубеже.

Ко 2 января 1942 г. войска Кавказского фронта во взаимодействии с Черноморским флотом, Азовской военной флотилией и Керченской военно-морской базой освободили Керченский полуостров, продвинулись на 100 – 110 км и овладели Керчью и Феодосией⁴⁵.

5 января в Евпатории был высажен еще один десант. Его действия поддержало местное население и партизаны. Создалась угроза расширения плацдарма. Генерал-полковник Э. фон Манштейн направил туда 105-й пехотный полк, а также разведывательный батальон 22-й пехотной дивизии, несколько артиллерийских батарей и 70-й саперный батальон. В тяжелых уличных боях германским войскам под командованием командира 105-го пехотного полка полковника Мюллера удалось разгромить советские боевые отряды и десант⁴⁶.

Несмотря на успех, достигнутый в Керченско-Феодосийской десантной операции, действия командования и войск в ней были малоэффективны. Имея полное превосходство в судах, существенное в авиации, в личном составе, технике и вооружении, наши войска не смогли разгромить отдельные немецкие и румынские части и подразделения. Более того, противник организованно отошел и преградил путь нашим войскам в глубь Крыма. Посадка десантов в суда происходила крайне не организованно. Штаб Закавказского фронта находился в Тбилиси, а его оперативная группа в 100 км от основных пунктов посадки и не могли гибко реагировать на изменения обстановки и оперативно влиять на ход операции. Десантные отряды зачастую не имели связи с командованием и

были предоставлены сами себе. Связь и взаимодействие между ними отсутствовала. Авиация не была перебазирована на ближайшие к району боевых действий аэродромы, что свело на нет превосходство в самолетах, и вынуждало производить десантирование войск и вести боевые действия порой без надежного воздушного прикрытия.

Главными причинами наших неудач Эрих фон Манштейн считал нерешительность войскового командования или не понимание им своих преимуществ в этой обстановке.

Тем не менее, высадка наших войск на Керченском полуострове вынудила отвести германское командование 132-ю и 170-ю пехотные дивизии из-под Севастополя для недопущения развития успеха наших войск, двигавшихся от Керчи. Это несколько облегчило положение соединений и частей Севастопольского оборонительного района.

Действия партизан в ходе борьбы с оккупантами осложнялось одним обстоятельством, к которому они не совсем были готовы. При создании резидентуры, ведении разведки партизаны сталкивались с хорошо отлаженной системой контроля территории оккупационным режимом. Германскому командованию при содействии многочисленных пособников удалось создать плотное кольцо блокады партизанских лесов, а также добиться крайне негативного отношения к партизанам значительной части местного населения прилесных деревень, опоясывавших партизанскую зону от Севастополя до Старого Крыма.

Специфической особенностью антисоветских формирований, которые создавались в Крыму, являлось формирование их «на месте действия» из отрицательно настроенного к советской власти местного населения. Они формировались после захвата степной части Крыма германскими войсками.

Часть из них пополнялось бывшими партизанами, вернее теми, кто планировался для действий в составе партизанских отрядов. 3 ноября, после первых выстрелов в заповеднике самовольно ушел в Ялту отряд Тельмановского района (100 бойцов), предварительно взорвав свои базы. Улузеньский, Капсихорский и Ускуцкий отряды (около 300 бойцов) сформированные из жителей сел Алуштинского района, умышленно не вышли в лес, и в полном составе были переформированы оккупантами в так называемые отряды

местной самообороны «для защиты своих деревень от партизанских бандитов»⁴⁷.

Командование 11-й армии вермахта и органы СД проводили активную вербовку местного населения в состав действующей армии, пополняя ряды ослабленных пехотных полков. Призванных одевали в немецкую форму и ставили на довольствие, как солдат вермахта. Они проходили краткосрочную подготовку группами по 35 человек и зачислялись в батальоны 11-й армии, которые вели боевые действия на таких главных участках, как – сначала перекопский, а затем севастопольский, керченский и «партизанский». В жестокостях и зверствах националисты часто старались превзойти своих хозяев. Коллаборационистские формирования, пытаясь создать вокруг действовавших в горах партизанских отрядов пустыню, выжгли населенные пункты вблизи лесных массивов и истребили их жителей. По обнародованным в советской печати в середине 1980-х гг. данным, в ходе этих операций было убито 86 тыс. мирных жителей Крыма и 47 тыс. военнопленных, а 85 тыс. человек угнано в Германию. Уничтожались главным образом русские, евреи, греки и цыгане⁴⁸.

По-разному вели себя люди разных национальностей. При этом из местного населения с оккупантами сотрудничали представители практически всех национальностей, так же, как и боролись с ними.

В годы войны и в послевоенное время поднимался вопрос о сотрудничестве крымских татар с фашистами. Следует отметить, что далеко не все крымские татары поддерживали оккупационные власти. Определенная часть являлась активными участниками партизанского движения. Так, например, 23 мая 1942 года в Алуштинский заповедник в штаб Третьего партизанского района, располагавшегося в районе г. Роман-Кош, прибыла группа сотрудников госбезопасности. Они выполняли специальное задание заместителя наркома НКВД Крымской АССР Н.Д. Смирнова в Карасубазарском районе. Для обеспечения прохода через линию фронта в сторону Севастополя был выделен командир разведгруппы Севастопольского объединенного отряда – М.Ф. Томенко. В составе агентурных разведчиков оказался местный крымский татарин. После того, как группа была обнаружена и уходила от преследования мимо г. Сандык через Бельбекскую долину, в качестве проводника выступил татарин, который привел группу к своему

дому. Родственники встретили приветливо, накормили, чем смогли, и так как сами испытывали недостаток продуктов, дали партизанам несколько головок сладкого лука и пару килограммов горелой пшеницы, после чего попросили немедленно уходить, опасаясь доноса⁴⁹.

Партизанам вести борьбу на территории Крыма было очень сложно и тяжело. Специально подготовленных кадров практически не было. К июню 1942 года критическим было положение отрядов 3-го и 4-го районов партизан Крыма, располагавшихся в лесах Госзаповедника Бахчисарайского и Куйбышевского административных районов, непосредственно в тылах 30-го и 54-го армейских корпусов. Оставшись без всякой связи с «Большой землей» и понеся значительные потери, они не смогли активно вести боевые действия и обеспечить себя продовольствием. В результате, в течение февраля – мая 1942 года в восьми отрядах районов от голода умерло около 400 партизан. При попытке перейти линию фронта погибло несколько групп – около 30 связников⁵⁰.

Тем не менее, партизаны вели разведку, наносили удары по противнику. За семь месяцев неравной борьбы отряды 3,4 и 5-го районов выдержали 70 боев с оккупантами и местными «добровольцами», пытавшимися разгромить базовые лагеря, уничтожить госпитали и санитарные землянки. При этом потери партизан составили убитыми и пропавшими без вести более 500 человек. Боевые отряды и диверсионные группы произвели более 30 нападений на гарнизоны противника и около 200 выходов на диверсии, в ходе которых на коммуникациях, ведущих к Севастополю, взорвали 20 мостов, уничтожили до 5000 м линий телефонно-телеграфной связи, 300 автомашин и тягачей, 4 прожекторные установки, разгромили 19 обозов. В ходе боев было убито более 4000 немецких и румынских солдат и офицеров, а также 56 пособников оккупантов из местного населения⁵¹.

Германская контрразведка активно действовала на оккупированной территории. Из донесения № 393 от 16 июня 1942 года в штаб 11-й армии стало известно, что противник о наших планах имел довольно много информации. Пленные парашютисты далеко не все отстреливались до последнего патрона и, попав в плен, рассказывали о командовании, организационно-штатной структуре специальных подразделений, местах их дислокации, характере подготовки наших диверсантов-разведчиков. По данным

противника в период с октября 1941 по середину июня 1942 года на территории Крыма было выброшено 328 советских парашютистов, из которых немцам удалось захватить 140 человек. Наиболее удачно была проведена немцами операция по ликвидации разведывательно-диверсионных групп в начале марта 1942 года. Из 145 выброшенных в тыл противнику парашютистов группами по 3 – 5 человек было захвачено 112 человек. «Бросается в глаза, – отмечалось в контрразведывательной сводке от 17.06. 1942 г., – что агентов не особенно подбирают, не обращают внимания на их особые способности, возраст или пол и в большом количестве забрасывают в тыл немецких войск. Посылается до 10 агентов для разведки одного объекта в одном и том же районе. Поэтому часто получается, что хотя бы один агент выполнит задание и возвратится обратно... Используют в качестве агентов в массовом масштабе девушек, которых особо обучают, и нам, немцам, в будущем придется с этим считаться»⁵².

Когда Крым стал родиной немцев, и почему они его считали своим непонятно. При этом сами, нарушая правила войны, применяя химическое оружие, уничтожая мирное население, сокрушались, что советские войска, партизаны воюют не по правилам. По каким интересно правилам должны воевать люди, защищающие свою Родину? Спрашивать у агрессора, захватчика и насильника чего нельзя делать, чтобы быть поработанным?

Наших солдат и матросов удивляло и возмущало то, что гитлеровцы расценивали свои действия, как обыкновенную работу. Убивать советских людей и захватывать чужую территорию – это было искусство, за что их награждали и чем они гордились. Они считали себя сверх нацией и к остальным относились как недочеловекам.

Манштейн жаловался на нецивилизованные действия советских партизан. Сбитый немецкий летчик был недоволен обращением матросов, которые его вытаскивали из воды. Он с гордостью рассказывал, как воевал во Франции, других странах Европы, сколько сбил французских, английских, американских, советских самолетов, за что был награжден двумя железными крестами. Он имел право на «свободный поиск». Это подразумевало охотиться на людей и различные объекты, которые находятся на советской территории. Вторгшись в нашу страну, убивая и грабя, гитлеровцы требовали соблюдения международной конвенции, когда оказывались в плену.

Даже старик от гнева и возмущения не выдержал и ударил палкой сбитого фашистского летчика, который охотился на советских бойцов расположенной рядом части с выкриком: «Это за мою Родину!»⁵³.

Не смогли гитлеровские войска эффективно бороться с крымскими партизанами, скрывавшимися в районе села Перевального в Красных пещерах.

Попытки уничтожить иррегулярное формирование с помощью отравляющих веществ успеха не принесли. В отличие от других 800 пещер Крыма, на некотором удалении от входа в Красные пещеры подземный ход пересекала река. Уходя от преследователей, партизаны под водой преодолевали часть подземного хода, чего не могли сделать газы. Широкая и многоярусная система ходов, общая протяженность которой достигала 20 км, наличие в Красных пещерах подземных озер (в том числе, водопада высотой 26 м.) создавало благоприятные условия для сокрытия и перемещения партизанского отряда⁵⁴.

В марте – апреле 1942 г. командование Крымского фронта спланировало и провело ряд частных операций по улучшению положения. Однако Ставку Верховного Главнокомандования не удовлетворило качество подготовки и результаты этих операций. Заместитель начальника Генерального штаба – начальник Оперативного управления генерал-лейтенант А.М. Василевский, ознакомившись с боевым распоряжением № 0584/оп, 10 марта 1942 г. выразил озабоченность и усомнился в целесообразности боевых задач, отдаваемых командованием 44-й и 51-й армиям. 44-й армии ставилась задача обойти Кой-Асанский узел сопротивления с юга и во взаимодействии с 51-й армией окружить и уничтожить феодосийскую группировку противника. По мнению А.М. Василевского, это могло привести к нанесению силами двух стрелковых дивизий ударов по Кой-Асанскому узлу сопротивления «в лоб». Непосильная задача ставилась и 51-й армии – в первый день наступления выйти в район Исламтерека⁵⁵.

Не беря во внимание качество, противник высоко оценивал активность наших войск. Непрерывные атаки серьезно дестабилизировали обстановку во всем Крыму. Эрих фон Манштейн так описывал эти события: «13 марта противник вновь начал крупное наступление. На этот раз в его первом эшелоне наступали 8 стрелковых дивизий и 2 танковые бригады. Из состава последних в

течение первых трех дней наступления удалось подбить 136 танков. Тем не менее, на ряде участков создавалось критическое положение. О том, насколько упорны были бои, свидетельствует тот факт, что полки 46-й пехотной дивизии, в полосе которой наносился главный удар, в течение первых трех дней отбили от 10 до 22 атак»⁵⁶.

Слабая и неумелая подготовка наступления приводила к потерям и неудачам. Начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников остался недоволен действиями Крымского фронта в ходе наступления во второй половине марта. Он отмечал, что «причинами неуспеха наступления, излишних потерь материальной части и живой силы стали нечеткая организация взаимодействия между родами войск, запаздывания в отдаче боевых приказов, распоряжений, в результате чего наши войска не имели светлого времени на организацию боя и шли в наступления на неразведанного противника, по неизвестной местности. Плохо было организовано управление боем, особенно в звене дивизия-полк-батальон». В анализе прошедшей операции командующему войсками Крымского фронта генерал-лейтенанту Д.Т. Козлову указывалось на недостатки: «Танковые части 51-й армии 26 марта запоздали с выходом с исходных позиций, в результате чего не получилось одновременной атаки, пехота была прижата огнем к земле, и дальше продвигаться не смогла. Мало того, плохая организация взаимодействия привела к тому, что 24 марта 481-й стрелковый полк 320-й стрелковой дивизии, приняв свои возвращающиеся танки за танки противника, начал беспорядочный отход, и только благодаря энергичным действиям командования был остановлен. Приказ на наступление 24 марта 1942 г. в 44-й армии был подписан только в 2.00 этого дня, в дивизии попал к утру наступления, 157-я стрелковая дивизия получила его в 8.15, т.е. через полтора часа после начала наступления. 400-я стрелковая дивизия 51-й армии боевое распоряжение № 0034 о наступлении получила за 25 минут до атаки. Штаб 320-й стрелковой дивизии в течение первого дня боя (24 марта) не имел связи с частями и не мог управлять ими»⁵⁷.

Но и после разбора особых изменений не произошло. Частные наступательные действия Крымского фронта 22 и 24 апреля 1942г. по овладению отдельными опорными пунктами противника, кроме неоправданных потерь, ничего не принесли. Штурмовые отряды 77-й, 236-й и 302-й стрелковых дивизий каждый раз дохо-

дили до проволочных заграждений противника и, будучи не в состоянии преодолеть их, залегали под сильным пулеметным и минометным огнем неподдавленных огневых точек противника. Понеся большие, ничем не оправданные потери (236-я стрелковая дивизия – убитыми 80 человек, ранеными – 124 человека), возвращались в исходное положение. Усилия дивизий не сосредоточивались на важных направлениях, силы расплылись, атаки происходили одновременно. Не было организовано должного артиллерийского наступления, танки и авиация не привлекались для непосредственной поддержки наступающей пехоты, проходы в проволоке для пехоты не проделывались⁵⁸. Все это свидетельствовало о слабой подготовке командования фронта, командиров соединений и частей и войск.

Для повторного захвата Керченского полуострова штаб 11-й армии разработал операцию под названием «Охота на дроф». Для нас это была оборонительная операция войск Крымского фронта на Керченском полуострове (8 – 19 мая 1942 г.), которая прошла неудачно и не позволила отстоять эту часть крымской территории.

Группировка советских войск в мае 1942 года районе Керчи была создана вполне боеспособная, в целом соответствующая отечественным взглядам для ведения не только обороны, но и наступления. В ее состав входили три армии – 44-я (командующий генерал-лейтенант С.И. Черняк), 47-я (командующий генерал-майор К.С. Колганов) и 51-я (командующий генерал-лейтенант В.Н. Львов). Крымский фронт под командованием генерал-лейтенанта Д.Т. Козлова (начальник штаба – генерал-майор П.П. Вечный) имел 296 тыс. человек, свыше 4,6 тыс. орудий и минометов, 213 исправных (всего около 347) танков, 406 исправных самолетов. По данным генерал-полковника Э. фон Манштейна наши войска в составе Крымского фронта имели 17 стрелковых дивизий, 3 стрелковые бригады, кавалерийские дивизии и 4 танковые бригады, то есть в целом 26 крупных соединений. Сухопутные войска взаимодействовали с Черноморским флотом под командованием вице-адмирала Ф.С. Октябрьского. Важным фактором, повлиявшим на систему управления в худшем смысле этого слова, стало наличие представителя Ставки ВГК в лице начальника Главного политического управления Красной армии армейского комиссара 1-го ранга Л.З. Мехлиса⁵⁹.

Противник (11-я немецкая армия) имел 150 тыс. человек, около 2,5 тыс. орудий и минометов, 180 танков и 700 самолетов. По германским данным – пять немецких пехотных дивизий, одну танковую дивизию, две румынские дивизии и одну румынскую кавалерийскую бригаду.

Таким образом, наши войска в обороне превосходили противника в личном составе, артиллерии практически в два раза, в танках (исправных) в 1,2 раза. Уступали в исправных самолетах – в 1,7 раза. Ситуация по теоретическим положениям очень благоприятная не только для обороны, но и отчасти для наступления. Нужна только хорошая противовоздушная оборона.

Генерал-полковник Э. фон Манштейн, зная о таком количестве наших войск, все же решил нанести удар. 8 мая 1942 года немецко-фашистские войска прорвали нашу оборону и вынудили советские войска отступить по прибрежной полосе шириной до 1 км под шквальным огнём. Высадка десанта с моря помогла штурмующим частям противника.

В первые же дни боев командующий Крымским фронтом генерал-лейтенант Д.Т. Козлов потерял управление войсками: они беспорядочно отходили на восток⁶⁰. Ввиду сложности и высокой динамичности развития ситуации командование войсками фронта не сразу разобралось, что происходит, и приказ на отступление войскам довели только 10 мая вечером. Поэтому отход носил стихийный характер, и не все дивизии успели вырваться из окружения.

И.В. Сталин, А.М. Василевский не могли понять, как можно так бездарно руководить боевыми действиями. В директиве Ставки ВГК № 170375 от 11 мая 1942 года отмечалось: «Ввиду того, что Военный совет Крымфронта, в том числе Мехлис, Козлов, потеряли голову, до сего времени не могут связаться с армиями, несмотря на то, что штабы армий отстоят от Турецкого вала не более 20 – 25 км, ввиду того, что Козлов и Мехлис, несмотря на приказ Ставки, не решаются выехать на Турецкий вал и организовать там оборону, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает: главному СКН маршалу Буденному в срочном порядке выехать в район штаба Крымского фронта (г. Керчь), навести порядок в Военном совете фронта, заставить Мехлиса и Козлова прекратить свою работу по формированию в тылу, передав это дело тыловым работникам, заставить их выехать немедленно на Турецкий вал,

принять отходящие войска и материальную часть, привести их в порядок и организовать устойчивую оборону на линии Турецкого вала, разбив оборонительную линию на участки во главе с ответственными командирами»⁶¹.

Командование фронта 11 и 12 мая предприняло попытки организовать оборону на рубеже Турецкого вала, но безуспешно. 13 мая противник прорвал и эти укрепления.

Дальнейшие события носили скоротечный и драматический характер. Направленный Ставкой ВГК в Керчь Маршал Советского Союза С.М. Буденный все-таки принял вынужденное решение об эвакуации советских войск. Она началась 15 мая 1942 года и продолжалась 5 суток. Эвакуацию осуществляли корабли Черноморского флота и Азовской военной флотилии. Организована она была, к сожалению, не как в Одессе. К этому времени фашисты уже взяли гору Митридат и вели прицельный огонь по керченским переправам. Авиация противника непрерывно находилась над проливом, нанося удары по нашим судам. ПВО толком организована не была.

За день до этого командующему 51-й армией была поставлена задача прикрыть отход советских войск и переправу. Войска армии 14 мая смогли зацепиться за второй оборонительный рубеж – берег Азовского моря – поселки Аджимушкой и Колонка. Конечно, в этой обстановке можно было выделить только те части, которые непосредственно уже вели бои в этом районе – 1-й запасной, 95-й пограничный полки и 276-й полк НКВД, части 77-й и 138-й горнострелковых дивизий, а также отступавшие войска, резерв командно-политического состава Крымского фронта. Собственно, они и составили основу сводного отряда по прикрытию переправ фронта. Возглавил его начальник отдела боевой подготовки штаба Крымского фронта полковник П.М. Ягунов. Таким образом, говоря словами военных специалистов, перед отрядом Ягунова стояла оперативная задача – обеспечение организованного отхода, погрузки на морские суда и переброску войск фронта по морю на другой берег залива.

Прикрытие отхода войск в любом бою, операции – это практически обречение на смерть. Все это прекрасно понимают. И тот, кто отдает приказ, и те – кто его получают. Конечно, всегда есть надежда на хороший исход. Но в этих условиях нужно было спасти более чем 100-тысячное войско от преследующего по пятам

противника. У полковника П.М. Ягунова стояла четкая задача – обеспечить переправу и без приказа не отступать.

Пока сводный отряд отбивал первые немецкие атаки, войска трех армий спешно перебрасывались на противоположный кавказский берег. В ход шло все – все морские суда, гражданские и военные, плоты из бочек и досок, бревна и т.д. Люди просто пускались вплавь. Далеко не все добрались до спасительного берега. Гитлеровцы вели прицельный огонь из артиллерийских орудий, расстреливали из самолетов. Тем не менее, около 140 тысяч человек, 157 самолетов, 22 орудия и 29 реактивных установок смогли переправить на Таманский полуостров.

Наши потери оказались значительными. По требованию И.В. Сталина, ему была представлена сводка о потерях Крымского фронта за 12 дней. В ней значилось – 176 566 человек, 347 танков, 3476 орудий и минометов, 400 самолетов. По немецким данным, 11-я полевая армия Э. Манштейна потеряла 7588 человек⁶². В боях погибли многие опытные командиры. Немцы захватили почти всю нашу боевую технику и тяжелое вооружение и впоследствии использовали их против защитников Севастополя.

Помимо военных, из города стремилось вырваться и гражданское население. Часть его стало искать укрытия в городе и его окраинах. Одним из самых надежных мест стали каменоломни. В результате длительной добычи ракушечника в районе Керчи образовалось несколько каменоломен – Багеровские, Вергопольские, Булганакские, Старо-Карантинские и другие. Самыми большими из них были Аджимушкайские. Они состояли главным образом из Центральных и Малых катакомб. Глубина и протяженность подземной системы позволяли разместиться под землей десяткам тысяч людей.

Наиболее прочно вела круговую оборону группа войск у входа в Аджимушкайские каменоломни⁶³. Командовал ей старший лейтенант Н. Белов. Местность вокруг входа в каменоломни была господствующей, что позволяло даже без поддержки артиллерии ротам старшего лейтенанта Белова Н. в течение нескольких дней уверенно отбивать непрерывные немецкие атаки. Эта группа постоянно пополнялась отступающими с фронта подразделениями различных частей, соединений, армий и смело отражала атаки противника. В результате длительной борьбы и беспорядочного отхода в районе Аджимушкайских катакомб собрался крупный

отряд и гражданское население. Полковник Ягунов П.М., находясь в каменоломнях, докладывал командующему фронтом обстановку по прикрытию отхода. В донесении сообщалось, что 15 мая противник силой до двух рот при поддержке 16 танков овладел селом Аджимушкой.

К 20 мая подземный гарнизон был полностью окружен германскими войсками. Кольцо окружения еще было слабым, так как противник сначала не представлял, сколько советских войск находится в катакомбах. Но, начиная с 23 мая 1942 года, немцы начали методично взрывать входы в каменоломни. Подземный гарнизон в районе Аджимушка состоял из двух отдельных центров обороны – в Центральных Аджимушкайских катакомбах и в Малых Аджимушкайских катакомбах. Конечно, в Центральных катакомбах был более крупный и мощный гарнизон. Но более важным отличием было то, что в Малых катакомбах сводный отряд формировался из разрозненных отступающих войск без какого-либо приказа высшего командования подполковником И.М. Шатровым (погиб 1 июня 1942 года). По другим данным – сводный подземный отряд формировал старший лейтенант М.Г. Поважный. В любом случае – образование этого отряда носило стихийный характер. Тем не менее, подполковник И.М. Шатров обращался к командованию фронта за помощью, когда войска армий уже были переправлены на таманский берег.

Ночью 21 мая 1942 г., в перерыве между боями, в штабном помещении Центральных катакомб состоялось совещание командного и политического состава оказавшихся в каменоломнях войск по вопросу дальнейших действий. Большинство из них, прежде всего сам полковник П.М. Ягунов, высказались за подземные действия в противовес попыткам прорыва к берегу, на «Большую землю».

Несмотря на то, что задача командования Крымского фронта по обеспечению отхода и переброски войск на другой берег была выполнена, приказа на отход самому отряду не поступало. Более того, без поддержки извне, войска были обречены на гибель при попытке прорыва к морю. Переправочных средств не было. К тому же не было ни артиллерии, ни танков и самое главное – авиации и ПВО. Выжить и нанести максимальное поражение противнику можно было только находясь под землей и ведя активные боевые действия.

Командование подземного гарнизона, оказывая сопротивление, просило помощи у Генерального штаба. В результате командующему войсками Северо-Кавказского фронта были даны указания об оказании помощи обороняющимся в Аджимушкайских каменоломнях. Учитывая сложное положение подземного гарнизона в условиях применения противником отравляющих веществ, высшее руководство требовало от командования фронта предпринять все меры для налаживания в кратчайшие сроки связи с заблокированными под землей войсками, обеспечить их боеприпасами и продовольствием и по возможности организовать эвакуацию на Таманский полуостров⁶⁴.

С момента принятия решения и утверждения его на совещании, точнее на Военном Совете подземного гарнизона, началась героическая борьба защитников Аджимушкайских катакомб с фашистами.

По подземному гарнизону был издан приказ, в соответствии с которым формировался «Отдельный полк обороны Аджимушкайских каменоломен». После переписи всего личного состава, который был в Центральных катакомбах, оказалось, что здесь находятся солдаты, сержанты и офицеры (командный и политический состав) резерва Крымского фронта, 1-го запасного стрелкового полка, подразделений 77-й и 138-й горнострелковых дивизий, 156-й, 404-й, 398-й стрелковых дивизий, 72-й кавалерийской дивизии, 83-й бригады морской пехоты, части 151-го укрепрайона, 95-го пограничного и 276-го полка НКВД. Кроме того, к подземному гарнизону относился 170-й подвижной полевой госпиталь.

Всего в список полка попало около 12 тысяч человек. В дальнейшем численность гарнизона оценивалась цифрой 15 000 человек (в живых осталось – 130). В Малых Аджимушкайских катакомбах насчитывалось 2011 бойцов и командиров и семь гражданских лиц.

Боевая деятельность подземного гарнизона, начавшаяся с 21 мая, не прекращалась до самого последнего дня – 31 октября 1942 года – около 170 дней обороны. Последняя боевая операция с выходом на поверхность земли была проведена в середине октября. Масштабы боевой деятельности в разное время были различными. Да и задачи каждый раз решались в соответствии со складывающейся обстановкой.

Сначала подразделения подземного гарнизона отбивали попытки немецко-фашистских войск прорваться внутрь Аджимушкайских катакомб. Так как в большинстве случаев это были атаки пехо-

ты, поддерживаемой только на поверхности земли, то они достаточно эффективно без особых потерь отбивались. Иногда в них участвовали танки. В одной из таких атак боец забил ствол танка камнем, в результате чего при выстреле ствол разорвало.

В условиях локализации подземных гарнизонов, активного противодействия противника по пополнению воды и продовольствия, командование смогло не только периодически пополнять необходимые запасы, но и вести боевую, разведывательно-диверсионную деятельность.

Наиболее удачными были действия разведчиков Малых Аджимушкайских катакомб И.И. Чупрахина, Н.И. Самбунова и А. Мухина, которые смогли скрытно покинуть подземелье вслед за последним наземным штурмом немцев. Важным было то, что им удалось сохранить боевое знамя дивизии.

Поняв всю бесперспективность таких методов борьбы с подземным гарнизоном, немецкие и румынские войска перешли на «бесконтактные» вплоть до конца октября 1942 года, когда ими была проведена последняя операция по уничтожению «Советского движения сопротивления в каменоломнях Аджимушкая (Крым)».

К «бесконтактным» относились атаки с применением отравляющих веществ. Первая химическая атака, состоявшаяся 24 мая 1942 года, нанесла серьезный урон защитникам катакомб. Немецкие химики в просверленные отверстия непрерывно нагнетали отравляющие вещества. Кроме того, в подземелье бросались газодымовые пашки. Не ожидавшие таких действий противника солдаты и офицеры, гражданский персонал металась по катакомбам в поисках источников свежего воздуха. Однако практически все они были ядовитыми. Из глубины люди сначала стремились выйти к выходам. Затем, когда понимали, что там нет спасения – возвращались обратно в поисках укрытий. По каменоломням металось несколько тысяч людей – женщин, мужчин, детей в бесилии перед желтым ядовитым дымом.

Несмотря на весь ужас, та часть гарнизона – кадровые военные, у которых были противогазы, сразу же стала оказывать товарищам помощь. Вернее, тем, кто еще был жив. В результате удалось спасти большое количество людей. Конечно, не сравнимое, с числом погибших. Гибло, главным образом, мирное население. В ходе первой газовой атаки в Аджимушкайских катакомбах погибло

несколько тысяч человек. Часть людей, выбравшихся наружу, была расстреляна, другая – взята в плен. После этого командование подземного гарнизона приняло решение – оставшееся гражданское население отправить наружу.

За всю оборону, по архивным данным, не менее 5000 человек стали жертвами газовых атак фашистов⁶⁵.

Контрминная борьба с противником, пытающимся взрывом уничтожить подземную инфраструктуру гарнизона, была организована с того момента, когда немецкие и румынские войска перешли к новой форме своих действий. Убедившись, что через входы (в мае – августе 1942 года) в подземелье не пробиться, противник начал минную борьбу с засевшими в катакомбах советскими подразделениями. Тактика противника была проста – поиск под землей крупных помещений, где проявлялась активная жизнедеятельность, и их уничтожение. В целях недопущения поражения личного состава подобными минными атаками соблюдалась строжайшая звуковая дисциплина. Кроме того, была организована служба прислушивания. Однако противнику иногда удавалось провести удачную минную атаку.

Крупные боевые операции были проведены гарнизоном Центральных Аджимушкайских катакомб в июле 1942 года под командованием полковника П.М. Ягунова. Разведчики и саперы обеспечили выход. Одни сняли вражеские посты охранения, другие разминировали выходы и проделали проходы в колючей проволоке. Боевая группа внезапно напала на батальон противника, охранявший катакомбы. В результате операции был захвачен штаб батальона, взяты в качестве трофеев оружие, боеприпасы, продовольственный склад, подорван склад авиабомб, которые гитлеровцы использовали для разрушения катакомб. К сожалению, эта операция оказалась последней для командира отряда полковника П.М. Ягунова. Изучая трофеи, он взял немецкую гранату нового образца, запал которой внезапно сработал. Командир закрыл грудью разлет осколков и погиб, спасая своих товарищей.

В целом, оборона Аджимушкайских катакомб продемонстрировала высокий моральный дух советских людей, до последнего патрона, дыхания боровшихся за свободу и независимость. Важным условием стойкости подземных гарнизонов была умело организованная и непрерывно проводимая партийно-политическая

работа. Часть слабовольных воинов практически до конца обороны катакомб не проявила трусости и предательства.

Неудачи на Крымском фронте, как это было сказано в специальном приказе Ставки ВГК, во многом объясняются тем, что командование не сумело организовать взаимодействие между армиями и между наземными и воздушными силами... Отдавая приказы, командование не знало действительной обстановки на фронте. Командующий генерал-лейтенант Д.Т. Козлов и член Военного совета дивизионный комиссар Ф.А. Шаманин в критические дни операции вместо конкретного руководства войсками тратили время на многочисленные и бесплодные заседания Военного совета. Большая вина за поражение в Крыму лежит на представителе Ставки ВГК армейском комиссаре 1 ранга Л.З. Мехлисе, который не справился со своими обязанностями⁶⁶. Он грубо вмешивался в функции командующего фронтом, подменял его, ставил войскам задачи без учета конкретной боевой обстановки. За допущенные ошибки Ставка ВГК сняла Л.З. Мехлиса с поста заместителя Наркома обороны и начальника Главного политического управления Красной армии и понизила его в воинском звании. Д.Т. Козлов и Ф.А. Шаманин также были сняты с занимаемых постов и понижены в званиях⁶⁷.

ГЕРОИЗМ ЗАЩИТНИКОВ СЕВАСТОПОЛЯ

Поражение на Керченском полуострове существенно ухудшило положение дел в Севастополе. Наступила пауза в боевых действиях и появилась возможность у командования Севастопольского оборонительного района восстановить боеспособность многих частей и подразделений, развить систему оборонительных позиций, рубежей, пополнить запасы боеприпасов, материальных средств. Было вновь создано три рубежа обороны, разделенных на четыре сектора.

Особое место в огневом поражении занимала тяжелая артиллерия и артиллерия большой мощности противника. Для борьбы с нашими башенными батареями, а также другими важными объектами, в Крым были доставлены и развернуты пушечные батареи калибром 150 – 190 мм, три железнодорожные установки «Бруно» калибром 280 мм, несколько батарей осадных мортир и гаубиц калибром 305 и 420 мм и две самоходные гаубичные артиллерийские системы большой мощности – «Тор» и «Один» типа «Карл» калибром

615 мм. Кроме того, в распоряжении командующего 11-й армией генерал-полковника Э. фон Манштейна находилась 800-мм пушка «Дора»⁶⁸.

Третье наступление немецких и румынских войск проходило с 20 мая по 4 июля 1942 года. Германское командование назвало операцию по взятию крепости Севастополь «Лов осетра».

Оборона Севастополя отличалась высокой активностью. За все время блокады города войсками Севастопольского оборонительного района было произведено более 400 контратак силами от батальона до дивизии с целью возвращения захваченным противником позиций⁶⁹. Однако отстоять Севастополь не удалось.

Весь мир восхищался героизмом защитников Севастополя. ТАСС освещало отклики международных средств массовой информации. Сами гитлеровцы вынуждены были признать высокие морально-боевые качества севастопольцев. Газета «Берлинер Берзенцайтунг» писала, что «так тяжело германским войскам нигде не приходилось...»⁷⁰.

Советское руководство высоко оценило подвиг и героизм защитников Севастополя. Была учреждена медаль «За оборону Севастополя», которой были награждены все участники обороны, а городу присвоено почетное звание города-героя.

ТОРЖЕСТВО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Для освобождения Крыма была спланирована и проведена Крымская наступательная операция. Ставка ВГК требовала начать операцию не позднее 1 марта 1944 г. Однако ненастная погода и сильный шторм на Азовском море задержали перегруппировку войск 4-го Украинского фронта и их переправу через Сиваш, операцию пришлось отложить.

В связи создавшимися условиями пришлось внести изменения в план проведения операции. Уточненный представителями Ставки ВГК замысел Крымской операции состоял в том, чтобы согласованными ударами войск 4-го Украинского фронта из района Перекопа и Сиваша, а Отдельной Приморской армии – с керченского плацдарма в общем направлении на Симферополь-Севастополь расчленить и уничтожить группировку врага, не допустив ее эвакуации из Крыма. Черноморскому флоту предстояло

поддерживать наступление войск на приморских флангах и действовать на коммуникациях противника. Азовской военной флотилии ставилась задача содействовать наступлению Отдельной Приморской армии⁷¹.

Особенностью решения командующего 4-м Украинским фронтом генерала армии Ф.И. Толбухина, являлось в том, что фронтом наносилось два мощных удара по группировке противника. Один из них 51-я армия наносила с сивашского плацдарма, что позволяло ей выйти в тыл вражескому укрепрайону на Перекопском перешейке. Этого противник никак не ожидал, что позволяло достигнуть внезапности наступающим войскам и успешно выполнить поставленную командованием задачу.

Перед началом операции Военный совет фронта обратился к войскам с призывом: «Воины 4-го Украинского фронта! Вы стоите на подступах к солнечному Крыму... Велик и славен путь ваш от стен Сталинграда до Турецкого вала и Крымской земли за Сивашом... Мы бьемся на земле, политой кровью наших отцов и братьев в 1920 году... Тогда молодая Красная армия совершила великий подвиг, который вечно будет гореть в истории. Пусть на наших сталинградских и донбасских знаменах засияет слава освободителей Крыма»⁷².

Выявленная разведчиками система построения обороны противника позволила артиллеристам нанести мощное поражение врагу в ходе подготовки наступления. После этого, 7 апреля 1944 года была проведена разведка боем для уточнения начертания переднего края противника и выявления оставшихся огневых средств.

Утром 8 апреля войска фронта перешли в наступление. Действия пехоты и танков поддерживались огнем артиллерия и авиация. 51-я и 2-я гвардейская армии устремились вперед. Существенные затруднения ощутила 51-я армия на тарханском направлении.

К исходу 9 апреля оборона неприятеля была прорвана. 51-я армия вышла во фланг его перекопской группировки, а 2-я гвардейская армия, прорвав первую оборонительную полосу, освободила Армянск. Враг был вынужден начать поспешный отход на ишуньские позиции⁷³. Но и здесь противник не смог сдержать наступательный порыв советских войск. Он стал быстро откатываться в глубь Крыма. Местами это было похоже на бегство.

Освобождение Джанкоя стало своеобразным сигналом для начала наступления Отдельной Приморской армии, которая при

поддержке 4-й воздушной армии и сил Черноморского флота 11 апреля с ходу овладела городом-крепостью Керчь.

Противник в панике ринулся к Симферополю, Севастополю. По всем направлениям его преследовали наши войска. Командование 17-й армии пыталось остановить бегство, отразив наши атаки на промежуточном рубеже. Такое решения было принято еще 10 апреля на совещании в штабе этой армии с участием командиров и начальников штабов корпусов и дивизий⁷⁴.

Действительно, советский 19-й танковый корпус столкнулся с упорным сопротивлением противника на промежуточном рубеже Симферополь-Саки-Евпатория-Сарабуз-Карасубазар-Феодосия⁷⁵.

Корпус вынужден был остановиться в ожидании подхода стрелковых соединений. В ночь на 13 апреля 1944 года была проведена необходимая перегруппировка сил, а в 7 часов после короткой артиллерийской подготовки части корпуса перешли в наступление на Симферополь. Несмотря на упорное сопротивление врага, оборонявшего город, советские танковые и стрелковые соединения одновременно с нескольких направлений атаковали его и к 11 часам полностью освободили Симферополь⁷⁶.

Советские войска гнали врага к Севастополю, местами окружая и уничтожая. Тем не менее, противнику удалось отвести часть своих войск к Севастопольскому оборонительному району. Однако и здесь ему не удалось спастись. После нескольких попыток (15-16 апреля, 19 и 23 апреля) войска 4-го Украинского фронта 9 мая взяли город-герой Севастополь. 12 мая фашистские войска были полностью разгромлены на последнем для них уголке Крыма – мысе Херсонес.

Крымская стратегическая наступательная операция закончилась великолепной победой советского оружия.

В годы оккупации гитлеровские захватчики нанесли Крыму огромный ущерб: были выведены из строя более 300 промышленных предприятий, почти полностью истреблено поголовье скота, города и курорты разрушены – особенно сильно пострадали Севастополь, Керчь, Феодосия и Евпатория⁷⁷. Крымчане вынуждены были все восстанавливать и делать свой край снова процветающим.

НЕРУШИМАЯ ДРУЖБА НАРОДОВ –
ОСНОВА ПОБЕДЫ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Существенный интерес в этом вопросе представляет борьба за Крым, Севастополь в годы Великой Отечественной войны. Подготовка к обороне Крыма шла по всем направлениям, важнейшим из которых стало укрепление единства народов, населявших всю страну, Крымский полуостров, поддержание возникших и укрепившихся дружественных отношений между людьми разных национальностей. В вооруженных формированиях, в тылу была хорошо налажена политико-воспитательная работа, направленная на сплочение советского народа в борьбе против немецко-румынских захватчиков.

В годы войны особого деления в бытовом отношении людей на нации, народности не происходило, тем более в деле выполнения боевых задач. В вопросах организации обороны, ведения боевых действий на территории Крыма рассматривались только боевые единицы. Во всех журналах, отчетах о боевых действиях, описаниях подготовки и ведения боевых действий практически никогда не встречается упоминание о национальности того или иного командира, командующего, тем более рядового. Если посмотреть командный состав 347-й стрелковой дивизии (март-июнь 1944 года), то можно встретить людей самых разных национальностей, например: командир дивизии генерал-майор Юхимчук А.Х., начальник штаба дивизии полковник Иванов Ф.И., начальник связи дивизии подполковник Вайнберг Ш.М., начальник химической службы дивизии Евстраженко Н.Д., командир 3-го батальона 1175-го стрелкового полка майор Фингерман Ю.Ф., командир 3-го дивизиона 907-го артиллерийского полка капитан Цурукян С.К., командир 21-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона капитан Каюмов Рауф, командир 3-го батальона 1177-го стрелкового полка майор Гилей Н.А., командир 2-го батальона 550-го стрелкового полка 126-й стрелковой дивизии майор Киртадзе М.В., полковой инженер 70-го гвардейского стрелкового полка капитан Загиров Т.З., командир 28-й разведроты 50-го гвардейского артиллерийского полка 24-й гвардейской стрелковой дивизии Бекубазаров Т.К. и др.⁷⁸ При этом следует отметить, что та или иная фамилия не всегда классически соответствовала национальности. В смешанных

браках дети могли быть записаны на одну из национальностей семейной пары.

Вообще, вопросы национального состава, учет, создание и поддержание культуры взаимоотношений находились в ведение политических (партийных) работников, а также кадровых структур (в современном понимании – службы управления персоналом). Кадровые работники занимались учетом личного состава (персонала), его национального состава. Партийно-политические органы также вели учет, но главной задачей их было всячески стирать грани в культурных особенностях наций, народностей, обеспечить их полное взаимопонимание и самое главное – дружбу. Это было непросто сделать, так как в Советском Союзе проживали народы и народности с различными культурными традициями, вероисповеданием, имелся отрицательный исторический опыт их взаимодействия, в том числе иерархического характера.

Но это была мудрая политика, нацеленная на максимальное использование человеческого ресурса в различных условиях. Особенно важно это было в экстремальных условиях войны. Однако не всегда получалось так, как хотелось. И это происходило не в боевых частях, подразделениях или в тылу Красной армии и Военно-Морского Флота.

Межэтнические, межнациональные проблемы возникали главным образом на оккупированных территориях, там, где менялась система управления. К власти приходили, точнее допускались те, кто был лоялен к «новой» власти – немецко-румынских оккупантов. Стала возникать проблема военного коллаборационизма в оккупированных районах Советского Союза, в том числе и в Крыму. По этой проблеме в настоящее время имеется ряд исследований. Среди них: Романько О.В., Мельничук Е.Б., Мальгин А.В. и др. Например, Романько О.В., анализируя фонды Государственного архива в Автономной Республике Крым (до 2014 г.) различных советских партийных, государственных и общественных организаций, различных структур, созданных при оккупационном режиме или так называемых органов местного самоуправления, в частности Органов полиции в оккупированном Крыму, пришел к выводу, что наиболее полная информация о психологическом климате, который сложился на полуострове в годы оккупации, содержится в воспоминаниях и дневниках обычных мирных граждан, партизан и подпольщиков, которые были написаны после 1945 года по

просьбе Крымской комиссии по истории Великой Отечественной войны. Немало места в этих материалах уделено отношению обычных граждан к «новой власти» и полиции, как к одному из ее атрибутов⁷⁹.

Для проведения пропагандистской работы в вооруженных формированиях противника, включая коллаборационистских, выпускались листовки на двух языках: на русском и языке той национальной группы, на которую была нацелена конкретная листовка. При этом подход в листовках отличался к различным группам противника – полицейским угрожало будущими репрессиями, одновременно призывая к патриотизму; легионеров зывали к традициям народов в российской истории.

Возникали проблемы с четким определением людьми своей позиции по отношению к советским властям и новым – оккупационным. Отношение населения к легионерам и «полицаям» было, в принципе, одинаковое. Партизаны же наоборот, относились к первым более снисходительно, зачисляя их (иногда без проверки) в свои отряды. Что же касается чинов полиции, то в документах Крымского штаба партизанского движения нередки упоминания о том, что «компетентные органы» настаивают на более бдительном отношении к этой категории коллаборационистов. Часто такая бдительность приводила к тому, что перебежчиков расстреливали, а некоторые даже убегали обратно к немцам. Причина такой дифференциации кроется в пресловутом национальном вопросе, который заметно обострился в годы войны⁸⁰.

Известен случай создания подпольной организации в коллаборационистском 804-м азербайджанском пехотном батальоне и мятеже, который был подавлен. Часть его бойцов ушли в партизаны.

Другой вопрос – коллаборационизма – крымскотатарские формирования. Здесь сложился некоторый стереотип под влиянием советской идеологии. Как обычно бывает в таких случаях – здесь есть и достоверные материалы, есть и излишняя эмоциональность, есть и перегибы. Но нельзя осуждать весь народ по действиям, порой даже большой группы людей той или иной национальности. Находящиеся в Государственном архиве в Автономной Республике Крым (до 2014 г.) документы «Материалы о поведении крымских татар в период немецко-фашистской оккупации» и «Материалы о предательской деятельности татарских буржуазных националистов» рассказывают зачастую о конкретных эпизодах деятельности людей. Следует отметить, что они были сформированы после ос-

возбуждения Крыма для обоснования депортации крымских татар. Однако ряд из них не вызывает сомнения в подлинности.

Рассматривая этот вопрос с точки зрения человеческого ресурса, эффективности его использования следует отметить, что оккупанты смогли перевести на свою сторону определенную часть советских людей различных национальностей. Они стали сотрудничать с «новыми властями» в различных областях, начиная с идеологической, бизнес-деятельности, заканчивая военными акциями. Так, например, за два месяца 1941 г. было открыто 6 православных храмов; в 1942 г. – 28; в 1943 г. – еще 3. Всего за годы оккупации было открыто 40 православных храмов. Практически в каждом городе Крыма, в каждом селе, где проживали крымские татары, открывались мечети, количество которых исчислялось сотнями... Развивался бизнес⁸¹. По мнению Х.Г. Лашкевича, «...Цивильные татары бросились в частную торговлю, караимы заняли счетные должности, а армяне – административные. Болгары, из-за своей малочисленности и недостаточной пронырливости, заняли менее скромные места: начальников цехов, хлебопекарен, мастерских...».

Как бы там ни было, на оккупированной территории местная администрация смогла эффективно использовать человеческий ресурс, но не объединяя его по национальному признаку, а наоборот разделяя, включая конфессиональный аспект. Одновременно уничтожая всех, кто сопротивлялся, не разделяя какой они нации, народности.

В партизанском движении межнациональных конфликтов практически не было, хотя национальный состав был разнообразен. Наряду с русскими, туда входили и украинцы, крымские татары, белорусы, евреи и др. Деятельность партизан объединялась одной идеей – борьбы с оккупантами. С национальной точки зрения человеческий ресурс использовался логично и оптимально. Не всегда обстановка позволяла максимально эффективно применять потенциал, заложенный в людях. Однако этому объяснением были зачастую объективные факторы.

В целом, в Крыму в годы войны проблема межнациональных, межэтнических отношений носила разносторонний характер. В Действующей армии и Военно-Морском флоте человеческий ресурс многократно усиливался (закон эмергентности системы) за счет дружбы народов, в партизанском движении несколько ослаблялся ввиду сложности взаимодействия с местным населением, которое своеобразно относилось к борьбе с оккупантами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Борьба за Крым продемонстрировала всему миру силу и непреклонную волю к победе всего советского народа, подняла на новый уровень имидж Крыма, Российской Федерации, Советского Союза. Высокая степень свободы присуща практически всем народам, населявшим нашу страну. И ее сломить невозможно. Это первый и, видимо один из самых актуальных на сегодняшний день, уроков. Действительно, в современном мире может выжить только сильный человек, сильная нация, сильная страна, сильная коалиция, объединенная общими ценностями и строго, неукоснительно следуемая им.

Второй урок, который можно извлечь из опыта Великой Отечественной войны современному поколению, это идентичность ситуации, которая сложилась в середине прошлого века и сегодня. Парадокс заключается в том, что при жесткой, авторитарной, существенно регламентированной власти, контролируемой многие аспекты жизни людей, лидеру удается дать россиянам (советскому народу) именно то, чего ему не хватает. Речь идет, в первую очередь, не о материальном, а духовном. Сегодня, как и ранее, россияне почувствовали свободу на цивилизационном уровне. В лице Путина В.В., они смогли ощутить свою силу и независимость от США, Запада. Появилась возможность вершить справедливые дела. Возвращение Крыма со столицей Симферополь в Россию стало сигналом к раскрепощению, отходу от западного давления на нашу философию, на психику российского человека. Засилье (скорее преднамеренное) западной морали, стандарты Запада надоели подавляющему большинству населения страны. Показ Россией свободы принятия решения, подкрепленное силой, возрождает, хотя и фрагментарно, былую философию с лозунгами: независимость, свобода, равенство, сила духа.

Третий урок – единство всех народов страны позволяет отразить любую агрессию, преодолеть любые невзгоды. В единении все народы и народности нашли дополнительные силы, которые смогли одолеть самую мощную военную машину Европы и всего мира. Сегодня это важно помнить и жить по законам наших предков, прошедших тяжелейшие испытания и победивших.

Литература:

1. Агишева И.Ю. История боевого пути и участие в Крымской наступательной операции 1944 г. соединений 2-й гв. армии, награжденной орденами за освобождение Севастополя (24-я гв., 126-я, 347-я стрелковые дивизии) // Вестник Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя. Выпуск 2. – Симферополь, 2011.

2. Александр Т.Г. Слово о командире 30-й береговой батареи // Москва – Крым: Историко-публицистический альманах. – М.: Москва-Крым, 2000.

3. Героическая оборона Севастополя 1941 – 1942 / Ванеев Г.И., Ермаш С.Л., Малаховский Н.Д. и др. – М.: Воениздат, 1969.

4. Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов. В 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны / Кириллов А.В., Саксонов О.В., Агеев Н.В., Макушкин С.А., Мельничук А.В., Виниченко М.В. и др. – М.: Кучково поле, 2012.

5. Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов. В 12 т. Т. 4. Освобождение территории СССР 1944 год / Гребенюк С.В., Виниченко М.В., Гареев М.А. и др. – М.: Кучково поле, 2012.

6. Виниченко М.В. Коварный удар из-под земли. – М.: Воениздат, 2010.

7. Воробьев В. Ф. Оборона Севастополя в 1941 – 1942 годах. – М.: ВАФ им. Фрунзе, 1956.

8. Германские документы о борьбе с крымскими партизанами в 1941 – 1942 гг. / перевод с нем. Г.А. Литвина, подгот. матер. А.В. Ефимова // Москва – Крым: Историко-публицистический альманах. – М.: ФРЭГС «Москва-Крым», 2000.

9. Жидилов Е.И. Мы отстаивали Севастополь. – М.: Воениздат, 1963.

10. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 – 1945. Т. 2. – М.: Воениздат, 1963.

11. Колонтаев К. Сын наркома. – Севастополь, 2006.

12. Крейзер Я. Сиваш – Севастополь // Военно-исторический журнал. 1969. № 5. С. 79.

13. Крылов Н.И. Не померкнет никогда. – М.: Воениздат, 1984

14. Крылов Н.И. Огненный бастион. – М.: Воениздат, 1973.

15. Крым в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945: сборник документов и материалов / Сост. Кондранов И.П., Степанова А. А. – Симферополь: Таврия, 1973.

16. Кужилин С.Ф. К вопросу о воинских формированиях коллаборационистского характера в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) // Актуальные проблемы военной истории и решающий вклад СССР в победу над агрессорами. – М.: ВУ, 2011.

17. Лещенко А., Лещенко В. Выверено жизнью и смертью... История башенной батареи № 35 Черноморского флота. – К.: Полипринт, 2011.

18. Мазунин Н. Мероприятия Ставки Верховного Главнокомандования по организации обороны Севастополя в 1941 – 1942 гг. // Военно-исторический журнал. № 10, 1971. С. 84.

19. Манштейн Э. Утерянные победы / Перев. с немец. – Ростов-н/Д: Феникс, 1999.

20. Мельничук Е.Б. Подготовка партизанского движения в Крыму. – Севастополь, 2006.

21. Мельничук Е.Б. Прорыв у Камышловского моста. – Севастополь, 2006.

22. Мельничук Е.Б. Партизанское движение в Крыму (1941 – 1944 гг.) / Кн. 1. Накануне. – Львов: Гриф Фонд, 2008. С. 70.

23. Мельничук Е.Б., Стогний Д.Ю., Ефимов А.В. Германское «сверхоружие» под Севастополем. Хроника 1942 г. // Москва – Крым: Историко-публицистический альманах. – М.: ФРЭГС «Москва-Крым», 2000.

24. Оборона Севастополя. Оперативно-тактический очерк. – М.: Воениздат, 1943.

25. Одесса в Великой Отечественной войне. Сборник документов и материалов. Т. 1. – Одесса: Одесское областное издательство, 1947.

26. Операции Советских Вооруженных Сил в период отражения нападения фашисткой Германии на СССР. Военно-исторический очерк. Т. 1 (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.). – М.: Воениздат, 1958.

27. Поляков В.Е. Партизанское движение в Крыму 1941 – 1944 гг. – Симферополь: АРИАЛ, 2013.

28. Романько О.В. Фонды Государственного архива в Автономной Республике Крым как источник по проблеме военного коллаборационизма в период Великой Отечественной войны // Вестник Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя. Выпуск 4. – Симферополь: НМГООС, 2012. С. 259 – 261.

29. Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1942 год. Т. 23 (12-2). – ТЕРРА, 1999.

30. ЦВМА. Ф. 2. Д. 36773. Л. 57 – 68.
31. ЦВМА. Ф. 72. Д. 798. Л. 133.
32. ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 91. Л. 43 – 45; Оп. 3408. Д. 105. Л. 336; Оп. 3412. Д. 760. Л. 49, 50.
33. ЦАМО РФ. Ф. 96а. Оп. 1711. Д. 7а. Л. 1; Оп. 2011. Д. 5. Л. 176 – 196.
34. ЦАМО РФ. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 41. Л. 136, 137; Д. 233. Л. 25.
35. ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 90. Л. 91.
36. ЦАМО РФ. Ф. 244. Оп. 2980. Д. 65. Л. 82 – 84.
37. ЦАМО РФ. Ф. 288. Оп. 9900. Д. 4. Л. 54; Оп. 9921. Д. 142. Л. 38.
38. ЦАМО РФ. Ф. 407. Оп. 9852. Д. 1. Л. 104 – 105.

Ссылки:

¹ Героическая оборона Севастополя 1941 – 1942 / Ванев Г.И., Ермаш С.Л., Малаховский Н.Д. и др. – М.: Воениздат, 1969. С. 12 – 13.

² См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 – 1945. Т. 2. М.: Воениздат, 1963. С. 98.

³ Операции Советских Вооруженных Сил в период отражения нападения фашисткой Германии на СССР. Военно-исторический очерк. Т. 1 (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.). – М.: Воениздат, 1958. С. 316.

⁴ Одесса в Великой Отечественной войне. Сборник документов и материалов. Т. 1. – Одесса: Одесское областное издательство, 1947. С. 11.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 91. Л. 43 – 45.

⁶ Крым в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945. Сборник материалов. сост. Кондранов И.П., Степанова А.А. – Симферополь: Таврия, 1973. С. 43; ГААРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2135. Л. 27.

⁷ ЦВМА. Ф. 2. Д. 36773. Л. 57 – 68.

⁸ См.: Оборона Севастополя. Оперативно-тактический очерк. – М.: Воениздат, 1943. С. 7 – 10.

⁹ ЦВМА. Ф. 2. Д. 36773. Л. 69 – 71.

¹⁰ Мельничук Е.Б. Подготовка партизанского движения в Крыму. – Севастополь, 2006. С. 99.

¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 407 Оп. 9852. Д. 1 Л. 104 – 105. Мазунин Н. Мероприятия Ставки Верховного Главнокомандования по организации обороны Севастополя в 1941 – 1942 гг. // Военно-исторический журнал. № 10, 1971. С. 84.

¹² Манштейн Э. Утерянные победы / Перев. с немец. – Ростов-н/Д: Феникс, 1999. С. 231.

¹³ Крьлов Н.И. Огненный бастион. – М.: Воениздат, 1973. С. 14.

¹⁴ Воробьев В.Ф. Оборона Севастополя в 1941 – 1942 годах. – М.: ВАФ им. Фрунзе, 1956. С. 6.

¹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 288. Оп. 9900. Д. 4. Л. 54.

¹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 90. Л. 91.

¹⁷ Воробьев В.Ф. Оборона Севастополя в 1941 – 1942 годах. – М.: ВАФ им. Фрунзе, 1956. С. 7.

¹⁸ Крьлов Н.И. Не померкнет никогда. – М.: Воениздат, 1984. С. 237.

¹⁹ Манштейн Э. Утерянные победы / Перев. с немец. – Ростов-н/Д: Феникс, 1999. С. 232.

²⁰ Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов. В 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны / Кириллов А.В., Саксонов О.В.,

Агеев Н.В., Макушкин С.А., Мельничук А.В., Виниченко М.В. и др. – М.: Кучково поле, 2012. С. 194.

²¹ Александр Т.Г. Слово о командире 30-й береговой батареи / Москва – Крым. Историко-публицистический альманах. – М.: ФРЭГС «Москва-Крым», 2000. С. 258.

²² Жидилов Е.И. Мы отстаивали Севастополь. – М.: Воениздат, 1963. С. 66.

²³ Мельничук Е.Б. Подготовка партизанского движения в Крыму. – Севастополь, 2006. С. 100.

²⁴ Мельничук Е.Б. Партизанское движение в Крыму (1941 – 1944 гг.) / Кн. 1. Накануне. – Львов: Гриф Фонд, 2008. – С. 72, 73.

²⁵ Мельничук Е.Б. Подготовка партизанского движения в Крыму. – Севастополь, 2006. – С. 100.

²⁶ ГААРК. Ф. П-1. Оп. 6. Д. 30. Л. 1 – 2; опубликовано в работе: Мельничук Е.Б. Партизанское движение в Крыму (1941 – 1944 гг.) / Кн. 1. Накануне. – Львов: Гриф Фонд, 2008. С. 70

²⁷ Мельничук Е.Б. Подготовка партизанского движения в Крыму. – Севастополь, 2006. С. 99.

²⁸ ЦАМО РФ. Ф. 96а. Оп. 1711. Д. 7а. Л. 1.

²⁹ Колонтаев К. Сын наркома. – Севастополь, 2006. С. 89.

³⁰ ЦАМО РФ. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 233. Л. 25.

³¹ Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов. В 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны / Кириллов А.В., Саксонов О.В., Агеев Н.В., Макушкин С.А., Мельничук А.В., Виниченко М.В. и др. – М.: Кучково поле, 2012. С. 194.

³² ЦАМО РФ. Ф. 4. Оп. 11. Д. 67. Л. 91 – 93; «Известия ЦК КПСС». 1991. № 8. С. 215 – 216.

³³ ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 16. Л. 93,94.

³⁴ Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов. В 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны / Кириллов А.В., Саксонов О.В., Агеев Н.В., Макушкин С.А., Мельничук А.В., Виниченко М.В. и др. – М.: Кучково поле, 2012. С. 196.

³⁵ Мельничук Е.Б. Подготовка партизанского движения в Крыму. – Севастополь, 2006. С. 101.

³⁶ ЦАМО РФ. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 5. Л. 176 – 196.

³⁷ ЦВМА. Ф. 72. Д. 798. Л. 133.

³⁸ ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 3412. Д. 760. Л. 49, 50.

³⁹ Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1942 год. Т. 23 (12-2). – ТЕРРА, 1999. С. 406.

⁴⁰ ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 3412. Д. 760. Л. 49, 50.

⁴¹ ЦАМО РФ. Ф. 209. Оп. 1185. Д. 1. Л.19, 20; ЦВМА. Ф. 72. Д. 798. Л. 133.

⁴² См.: Операции Советских Вооруженных Сил в период отражения нападения фашисткой Германии на СССР. Военно-исторический очерк. Т. 1 (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.). – М.: Воениздат, 1958. С. 431.

⁴³ Там же. С. 432.

⁴⁴ См.: Манштейн Э. Утерянные победы / Перев. с немец. – Ростов-н/Д: Феникс, 1999. С. 247.

⁴⁵ Директивой Ставки Верховного Главнокомандования № 006144 от 30 декабря 1941 г. Закавказский фронт был преобразован в Кавказский фронт.

⁴⁶ См.: Манштейн Э. Утерянные победы / Перев. с немец. – Ростов-н/Д: Феникс, 1999. С. 254.

⁴⁷ Мельничук Е.Б. Подготовка партизанского движения в Крыму. – Севастополь, 2006. С. 100.

⁴⁸ Кужилин С.Ф. К вопросу о воинских формированиях коллаборационистского характера в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) // Актуальные проблемы военной истории и решающий вклад СССР в победу над агрессорами. – М.: ВУ, 2011. С. 270.

⁴⁹ Мельничук Е.Б. Прорыв у Камышловского моста. – Севастополь, 2006. – С. 37.

⁵⁰ Мельничук Е.Б., Стогний Д.Ю., Ефимов А.В. Германское «сверхоружие» под Севастополем. Хроника 1942 г. // Москва – Крым: Историко-публицистический альманах. – М.: ФРЭГС «Москва-Крым», 2000. С. 278.

⁵¹ Мельничук Е.Б., Стогний Д.Ю., Ефимов А.В. Германское «сверхоружие» под Севастополем. Хроника 1942 г. // Москва – Крым: Историко-публицистический альманах. – М.: ФРЭГС «Москва-Крым», 2000. С. 278, 279.

⁵² Германские документы о борьбе с крымскими партизанами в 1941 – 1942 гг. / перевод с нем. Г.А. Литвина, подгот. матер. А.В. Ефимова // Москва – Крым: Историко-публицистический альманах. – М.: ФРЭГС «Москва-Крым», 2000. – С. 292 – 294, 296 – 297.

⁵³ Лещенко А., Лещенко В. Выверено жизнью и смертью... История башенной батареи № 35 Черноморского флота. – К.: Полипринт, 2011. С. 156.

⁵⁴ Виниченко М.В. Коварный удар из-под земли. – М.: Воениздат, 2010. С. 242.

⁵⁵ ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 105. Л. 336.

⁵⁶ Манштейн Э. Утерянные победы / Перев. с немец. – Ростов-н/Д: Феникс, 1999. С.258.

⁵⁷ ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 99. Л. 66.

⁵⁸ Там же. Л. 151.

⁵⁹ Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов. В 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны / Кириллов А.В., Саксонов О.В., Агеев Н.В., Макушкин С.А., Мельничук А.В., Виниченко М.В. и др. – М.: Кучково поле, 2012. С 207.

⁶⁰ Великая Отечественная война Советского Союза 1941 – 1945. – М.: Воениздат, 1970. С. 158.

⁶¹ ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 41. Л. 136, 137.

⁶² Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов. В 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны / Кириллов А.В., Саксонов О.В., Агеев Н.В., Макушкин С.А., Мельничук А.В., Виниченко М.В. и др. – М.: Кучково поле, 2012. С. 209.

⁶³ Про героизм аджимушкайцев написано немало трудов. К ним следует отнести работы Смирнова С.С., Камбулова Н.И., Князева Г.Н., Проценко И.С.; статьи Арсения Рябикина, Василия Маковецкого в журнале «Вокруг света»; Нины Гарельшевой, Владимира Куковякина, начальника поисковой экспедиции «Аджимушкай» и др. Работали над проблемой Аджимушкай Биршерг В., Щербак С.М., Шайдуров С.С., Казначеев Ф.Ф., Вахрушев М.П., Щербанов В.К., Горбунов О.В. и др. Алёна Дружинина на своем сайте разместила интересную информацию, в том числе, и об Аджимушкайских катакомбах.

⁶⁴ Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1942 год. Т. 23 (12-2). – ТЕРРА, 1999. С. 143.

⁶⁵ Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов. В 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны / Кириллов А.В., Саксонов О.В., Агеев Н.В., Макушкин С.А., Мельничук А.В., Виниченко М.В. и др. – М.: Кучково поле, 2012. – С. 209.

⁶⁶ Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов. В 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны / Кириллов А.В., Саксонов О.В., Агеев Н.В., Макушкин С.А., Мельничук А.В., Виниченко М.В. и др. – М.: Кучково поле, 2012. С. 210.

⁶⁷ Великая Отечественная война Советского Союза 1941 – 1945. – М.: Воениздат, 1970. С. 158.

⁶⁸ Мельничук Е.Б., Стогний Д.Ю., Ефимов А.В. Германское «сверхоружие» по Севастополю. Хроника 1942 г. // Москва – Крым: Историко-публицистический альманах. – М.: ФРЭГС «Москва-Крым», 2000. С. 272

⁶⁹ Максимов С.Н. Оборона Севастополя в 1941 – 1942. – М.: Воениздат, 1959. С. 121.

⁷⁰ Крым в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945: сборник документов и материалов / Сост. Кондранов И.П., Степанова А.А. – Симферополь: Таврия, 1973. С. 152.

⁷¹ Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов. В 12 т. Т. 4. Освобождение территории СССР 1944 год / Гребенюк С.В., Виниченко М.В., Гареев М.А., Кириллов А.В. и др. – Москва, 2012. – С. 217.

⁷² ЦАМО РФ. Ф. 244 Оп. 2980. Д. 65. Л. 82 – 84.

⁷³ Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов. В 12 т. Т. 4. Освобождение территории СССР. 1944 год / Гребенюк С.В., Виниченко М.В., Гареев М.А., Кириллов А.В. и др. – Москва, 2012. С. 222.

⁷⁴ ЦАМО РФ Ф. 288. Оп. 9921. Д. 142. Л. 38.

⁷⁵ Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов. В 12 т. Т. 4. Освобождение территории СССР. 1944 год / Гребенюк С.В., Виниченко М.В., Гареев М.А., Кириллов А.В. и др. – Москва, 2012. С. 225.

⁷⁶ Крейзер Я. Сиваш – Севастополь // Военно-исторический журнал. 1969. № 5. С. 79.

⁷⁷ Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов. В 12 т. Т. 4. Освобождение территории СССР. 1944 год / Гребенюк С.В., Виниченко М.В., Гареев М.А., Кириллов А.В. и др. – Москва, 2012. С. 230.

⁷⁸ Агишева И.Ю. История боевого пути и участие в Крымской наступательной операции 1944 г. соединений 2-й гв. армии, награжденной орденами за освобождение Севастополя (24 гв., 126, 347 стрелковые дивизии) // Вестник Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя. Выпуск 2. – Симферополь: НМГООС, 2011. С. 189 – 199.

⁷⁹ Романько О.В. Фонды Государственного архива в Автономной Республике Крым как источник по проблеме военного коллаборационизма в период Великой Отечественной войны // Вестник Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя. Выпуск 4. – Симферополь: НМГООС, 2012. С. 259 – 260.

⁸⁰ Романько О.В. Фонды Государственного архива в Автономной Республике Крым как источник по проблеме военного коллаборационизма в период Великой Отечественной войны // Вестник Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя. Выпуск 4. – Симферополь: НМГООС, 2012. С. 261.

⁸¹ Поляков В.Е. Партизанское движение в Крыму 1941 – 1944 гг. – Симферополь: АРИАЛ, 2013. С. 112, 115, 125.

И.С. Даниленко

**70 лет после Великой Победы:
возможные и реальные пути
послевоенной истории**

Победа во Второй мировой войне создала принципиально новые, альтернативные условия для дальнейшей истории государств-победителей и всего человечества. Теперь её конкретное движение определил выбор державами-победителями направления и характера их внутренней и внешней политики. К сожалению, он был сделан не в пользу укрепления мира, реально возможного всеобщего ограничения военных приготовлений, запрета на развязывание войн и военных конфликтов. В результате война как национальная, региональная и глобальная угроза не только не была сдана в архив истории, а приобрела тенденцию превращения в абсолютную, геноцидную и суицидную угрозу для народов и человечества. Это следствие, главным образом, политического выбора и его практической реализации в процесс неустойчивого сотрудничества и сложной скрытой и открытой борьбы, которые длятся уже в течение 70 лет.

Пока шла война у Советского Союза, его народов было две альтернативы: победить или потерпеть поражение и отдать свою историческую судьбу в руки европейских фашистов. Такая же участь последовала бы народам других стран. Целью развязавшего войну фашистско-милитаристского альянса во главе с Германией и Японией было мировое господство. В случае разгрома СССР эта цель становилась реально достижимой. Ресурсы и военная мощь агрессоров существенно превысили бы возможности Великобритании и США. Поэтому так быстро после нападения Германии на СССР была создана антигитлеровская коалиция в составе Советского Союза, Великобритании и США. Её целью был разгром агрессоров, возвращение мирового сообщества народов в состояние мира.

Дальнейший ход истории серьёзно зависел от выбора державами-победителями из предоставленных им историей альтернатив. Решающим был выбор ориентации на мир или войну между собой и в отношениях со всеми странами и народами. Великая Отечественная война была составной решающей частью Второй мировой войны. Поэтому содержание и итоги этих войн органически связаны,

их разделение сложно и не во всём возможно. Это относится и к определению их места и роли в мирно-военной истории человечества.

1. МИР И ВОЙНА КАК АЛЬТЕРНАТИВЫ ПОСЛЕВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

История народов, организованных в социумы, всегда, начиная со времен дикости и на всех этапах развития цивилизаций, шла методом периодической смены мира войной, т.е. методом мирно-военного круговорота. Мир – война... Снова мир, но не всегда для всех народов и государств, принимавших участие в войне. Многие государства и народы война вычеркивает из истории. Оставшиеся продолжают историю в мирно-военном алгоритме.

На воображаемом экране общественной истории мы видим, что она идет не по ритмичному, но устойчивому мирно-военному алгоритму. Его природу трудно объяснить, до сих пор наука по данному вопросу не пришла к однозначному, общепринятому суждению. Как грозное, суровое, пугающее и угрожающее благополучию и самой жизни событие война известна всем. На жизнь каждого поколения длительно существующего социума приходится редко одна, а чаще несколько войн. Большая удача для поколения, когда в течение его жизни не было войны. Поэтому с войной знакомы все люди планеты, если не наяву, то по описаниям собственной истории или истории других народов. Но это поверхностное знакомство¹. Как сложную, изменяющуюся и противоречивую реальность войну трудно объяснить даже науке².

Природу и сущность войны вне связи с миром невозможно определить. Они (война и мир) – взаимно переходящие друг в друга формы исторического бытия человеческих социумов (человекиников по А.А. Зиновьеву), их региональных сообществ. В XX веке смена мира войной дополняется периодическим охватом всего мирового сообщества государств и народов. К локальным, региональным войнам добавляются мировые войны. Соответственно, к флуктуации³ мирных и военных состояний отдельных стран (социумов), регионов прибавляется флуктуация мирных и военных состояний всего человечества. Войну в отрыве от мира можно сколь угодно точно описать, но невозможно определить её сущность и глубинную

природу. Соответственно, без целенаправленного исследования связи войны с миром невозможно определить зарождение и развитие предпосылок войны, историю её формирования и развития от зачаточного состояния до готовности разразиться, определить пути и средства противодействия процессам её зарождения, развития и развязывания. Для этого необходим мирно-военный подход к изучению социальной истории⁴.

Устойчивое постоянство войн создает впечатление, что люди – разумные существа – творят свою историю, руководствуясь не разумом и свободной волей, а подчиняются предписанному им алгоритму массового поведения. Особенно сильно такое впечатление при взгляде на послевоенную историю, анализа пережитых народами бедствий и страданий, гибели и разрушений в годы Великой Отечественной и всей Второй мировой войны. Когда шла война, народы надеялись, политики в свою очередь обещали им, что после неё установят долгий и надежный мир. Но этого не случилось. И сегодня важно поставить и дать ответ на ряд вопросов: почему после великой Победы над силами военной агрессии война почти сразу же снова повисла дамокловым мечом над жизнью многих народов? Более того, вскоре после разгрома европейского фашизма японского милитаризма такой меч в виде частотола ракетно-ядерного оружия навис абсолютной угрозой над исторической судьбой всего человечества. Разве не было реальных возможностей пойти по пути укрепления мира? Или такие пути были открыты, но политики не захотели или не смогли их использовать, а народы – заставить политиков действовать в соответствии со своими интересами? Или силы исторической инерции оказались неодолимыми? Вопросов много. Поиск ответов на них целесообразно начать с анализа альтернатив для послевоенной истории народов, которые открыли результаты войны, сравнение этих альтернатив с теми путями, которыми пошла история в действительности и привела человечество через перипетии разных событий к нынешнему мирно-военному состоянию.

Важнейшим итогом войны, открывшим человечеству перспективы мирного развития, был разгром европейского фашизма, возглавляемого гитлеровской Германией, и его азиатского союзника – милитаристской Японии. Эти два государства навязали человечест-

ву, его тогдашнему мировому сообществу государств и народов новую мировую войну, отделенную от Первой мировой войны всего двумя десятилетиями. Именно эти государства в 30-е годы XX века сделали войну культом национально-государственной жизни и избрали её в качестве средства переустройства мира по разработанным ими политико-идеологическим лекалам. По ним не всем народам и государствам предоставлялось место в будущей истории. Конкретно Советский Союз и любая другая форма Российской государственности в планируемом агрессорами послевоенном государственном устройстве мирового сообщества исключалась. Занимаемая им обширная территория Европы и Азии и проживающие на ней народы исключали установление политического господства как в Западном, так и Восточном полушарии планеты. А именно установление такого господства было основой военно-политического союза фашистской Германии и милитаристской Японии. Оба агрессора были уверены в успешной реализации своих притязаний, но действовали с учетом не во всем совпадающих текущих интересов и неизбежных последующих столкновений между собой. В достижениях своих целей у агрессоров была уверенность, основанная на оценке недалекости, национально-государственном эгоизме и антисоветизме политики Западных государств. Только внезапность нападения на СССР, первоначальный успех фашистского блицкрига, вероятность поражения Советского Союза и его последствия для Западных стран заставила их здраво оценить историческую ситуацию и пойти на организацию совместной коалиции.

Война с фашистской Германией и её союзниками закончилась в начале мая 1945 года их полным поражением. В начале сентября этого же года безоговорочно капитулировала Япония. В итоге войны были разгромлены и демонтированы политические и военные системы фашизма в Европе и милитаризма в Азии. В мире уже не было сил, способных развязать любую военную акцию вопреки согласованной антивоенной позиции великих держав-победителей, которую они обещали занимать после войны. Кажется, начинается долгожданная народами планеты эпоха, если не вечного, то длительного и надежного мира, что закончился мирно-военный круговорот общественной истории и начинается надежное, устойчивое только мирное её бытие.

Установление и соблюдение послевоенного Мира политические руководители антифашистской коалиции (в 1943 году они договорились, что она станет и антимилитаристской коалицией) обсуждали в разгар войны на совещании министров иностранных дел, затем глав правительств на Тегеранской встрече в составе Сталина, Рузвельта и Черчилля⁵. Тогда же было принято решение о создании международной организации по поддержанию мира, безопасности и сотрудничества между государствами и народами. Это решение было подтверждено и конкретизировано на Ялтинской конференции в феврале 1945 года, и в этом же году была создана Организация Объединенных Наций. Данное событие следует отнести ко второму, по важности, после разгрома европейского фашизма и японского милитаризма, итогу победного завершения войны.

Перед человечеством действительно открывалась перспектива дальнейшего мирного хода истории. Военная коалиция великих держав-победительниц в лице СССР, США и Великобритании, к которым присоединились Китай и Франция, могла превратиться в коалицию установления и поддержания прочного мира на планете. Победители действительно могли не только установить мир как передышку между войнами, что было характерно для мирно-военного хода всей предшествующей общественной истории, а создать и совершенствовать систему его поддержания и упрочения, превратить мечту народов в реальный проект, в великое совместно организованное историческое дело. На Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа 1945 года) глав правительств трёх великих держав-победителей в составе Сталина, Трумэна, сменивший умершего Рузвельта, и Черчилля, которого с 28 июля сменил Эттли, были рассмотрены проблемы установки оккупационных режимов, разграничение сфер влияния и ответственности, осуждения военных преступников Германии, объявления Японии ультиматума о безоговорочной капитуляции и другие вопросы послевоенного устройства. При этом было заявлено, что правительства и народы великих держав «вместе с другими объединёнными нациями обеспечат создание справедливого и прочного мира».

Советский Союз надеялся на развитие послевоенного сотрудничества с США. Об этом, в частности, ярко свидетельствует Д.

Эйзенхауэр – главнокомандующий экспедиционными силами войск союзников в Западной Европе, а в 1945 году – командующий оккупационными войсками США в Германии. В последующие годы он будет (1950 – 1952) главнокомандующим вооруженными силами НАТО, а 1953 – 1961 годах – президентом США. Во время Потсдамской конференции Сталин пригласил генерала Эйзенхауэра в Москву на спортивный праздник, который предстоял в августе 1945 года. Приглашение было принято, и генерал прибыл в Москву. Во время праздника Сталин пригласил его на трибуну Мавзолея и в разговоре, по свидетельству Эйзенхауэра, сказал: «Имеется много направлений, по которым мы нуждаемся в американской помощи. Наша огромная задача заключается в том, чтобы поднять уровень жизни русского народа, серьезно пострадавшего от войны. Мы должны узнать все о ваших научных достижениях в сельском хозяйстве. Мы должны также воспользоваться вашими специалистами, чтобы они помогли решить наши проблемы в области машиностроения и строительства. Мы знаем, что отстаем в этих вопросах, и знаем, что вы можете помочь нам»⁶.

Устремленность к миру и сотрудничеству с США были характерны для всех политических и военных деятелей СССР, с которыми общался Д. Эйзенхауэр. Ему запомнилось, что в конфиденциальном разговоре с ним Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков говорил: «Если Соединенные штаты и Россия будут стоять вместе, несмотря ни на какие трудности, успех ООН будет наверняка обеспечен. Если мы будем партнерами, то не найдется такой страны на земле, которая осмелилась бы затеять войну, когда мы наложим на неё запрет»⁷. И сам Эйзенхауэр считал в мемуарах, написанных вскоре после войны: «Никакие другие расхождения среди государств не стали бы угрозой всемирному согласию и спокойствию при условии, что между Америкой и Советами будет установлено взаимное доверие»⁸. Но с движением по карьерной лестнице его позиция будет меняться. Без её изменения не было бы и этого движения.

Но переход от войны к миру оказался сложным и трудным делом не только для стран, которые потерпели поражения в войне, но и для стран, которые вышли из неё победителями. Уже в конце войны начали появляться признаки перехода не на новую, а на многовековую логику отношений между государствами и народами,

которая культивировалась политиками Великобритании. Её политика веками задавала мирно-военный алгоритм внешней политике в Европе и на других континентах. Суть этой политики: у государств и их народов нет вечных друзей и врагов, вечными являются только их интересы⁹. В современном мире приверженцы этой формулы определяют политику многих государств.

За этой формально нейтральной, не агрессивной формулой скрывается национально-государственный эгоизм и голый, освобожденный от критериев морали, прагматизм. Друг нужен для борьбы с врагом, а когда последний повержен, бывший друг переходит в разряд потенциальных или реальных врагов, вначале на nive политической и экономической конкуренции, а затем и военной борьбы. Такая флуктуация всегда была характерна для британско-российских и британско-советских отношений. Не случайно она проявилась в конце войны, в апреле 1945 года, в частности, в разработке британской стороной плана войны с Советским Союзом, проведение операций против Красной армии, еще громившей не сложивших оружие фашистские войска¹⁰.

Этот факт нельзя отнести к проработке всех вероятностей, в том числе немислимых, хотя план операции был назван «Немыслимое». Это был один из первых элементов долгосрочной политической стратегии на послевоенное время. Данный факт говорит о том, что к честному долгосрочному мирному сотрудничеству с СССР уже в конце войны был в принципе не расположен один из его союзников по антигитлеровской коалиции. Хотя Великобритания первой заявила о поддержке Советского Союза после внезапного нападения на него фашистской Германии. Политика действовала по принципу циничного прагматизма: «враг моего врага – мой друг на время войны. После войны он становится тем, кем был. Его заслуги в моем спасении после войны не имеют никакого значения».

Позиции всех трех основных участников антифашистской коалиции менялись уже в процессе войны. Они были одни в начале войны, другие – в её разгаре, кульминации и бифуркации военной борьбы, заметно изменившимися в конце войны. Они закончили войну с существенно разными итогами, разными перспективами на будущее и разным представлением о нем правящих кругов и народных масс.

Для США война явилась существенным стимулом развития всех областей жизни страны. За годы войны выросла их экономическая, финансовая, научно-техническая и военная мощь. Они понесли небольшие по сравнению с Советским Союзом потери личного состава вооруженных сил, население страны не подвергалось обстрелу и бомбардировкам, на их территории не было сухопутных и воздушных операций, в которых решалась судьба войны и стороны несли основные людские потери. Существенно вырос финансово-экономический и политический вес страны на мировой арене. Страна заняла первое место по многим показателям производства, занятости и уровню жизни населения. В ходе войны без большой борьбы США взяли в свои руки рычаги руководство мировыми финансами. Война не нанесла заметных деформаций в демографическую структуру народонаселения страны. Из войны США вышли с мощной армией и военно-морским флотом, развитым военно-промышленным комплексом, наконец, с ядерным оружием и испытанием его применения по двум японским городам. Короче говоря, США вышли из войны с ощущением своего могущества, превосходства и претензией на мировое лидерство в расчете на его признание мировым сообществом, в том числе союзниками по войне. По вопросу послевоенного сотрудничества с Советским Союзом среди правящих кругов США не было единства в ходе войны, а по её окончании резко возросло число противников.

Великобритания вышла из войны в числе основных победителей, с традиционными претензиями великой колониальной державы мира, но существенно снизившимся и продолжавшим снижаться влиянием на международную жизнь. Она стремилась его увеличить в Европе за счет обнуления роли Германии, а в мире – за счет особых союзнических отношений с США и усиления влияния на их политику. Но за годы войны большие колонии и другие зависимые территории заметно поднялись в экономическом и общественно-политическом развитии. Они ставили вопрос о полной независимости. Колониальная империя распадалась. Правящие круги болезненно воспринимали этот процесс. Их раздражала антиколониальная позиция Советского Союза. С окончанием войны Англия быстро вернулась к традиционному антироссийскому и антисоветскому курсу, всячески старалась подвинуть на такой курс США, особой активностью в этом отношении отличался У. Черчилль.

В годы Второй мировой войны Великобритания после поражения её экспедиционных войск на континенте в 1940 году была подвергнута блокаде, ударам авиации и крылатых ракет. Германия угрожала перенести военные действия на её острова. Но вторжение вермахта на территорию Англии не состоялось в результате его поворота блицкрига против СССР. Это спасало её от угрозы оккупации. Черчилль сразу после нападения Германии на Советский Союз заявил о его поддержке и готовности к совместным действиям, вплоть до открытия второго фронта в Европе. Но после провала блицкрига занял позицию затягивания открытия второго фронта в Европе. Военные действия велись методом нанесения и отражения авиационно-ракетных ударов, на море и Северной Африке. Военные потери Великобритании в людях оказались вдвое меньшими, чем в Первую мировую войну. Затягивание открытия второго фронта серьёзно повлияло на людские потери Советского Союза. Но разница в людских потерях не учитывалась в послевоенных расчетах союзников за военные поставки.

Советский Союз вынес основную тяжесть сухопутной войны с фашистской Германией и её европейскими союзниками, а так же по разгрому японской квантунской армии на азиатском континенте. Его вклад в общую победу был решающим для общего итога войны. Политический и моральный авторитет СССР за годы войны очень вырос во всем мире, особенно в странах Европы и Азии. Народы большинства стран планеты с большой тревогой за свою судьбу следили за ходом борьбы на советско-германском фронте. Народы и правительства, особенно союзных США и Великобритании, были искренне благодарны Красной армии и советскому народу за невиданное мужество и каждую одержанную победу¹¹. Вооруженные Силы СССР оказались способными не только очистить свою страну от фашистских войск, но освободить от фашистских режимов и оккупации страны Европы, а после вступления Советского Союза в войну против Японии – значительную часть территории Китая и Кореи.

В то же время Советский Союз понес невиданные, многократно большие по сравнению с его союзниками потери в людях, состоянии их здоровья и всех жизненно важных средствах. Были серьёзно деформированы структура и качества народонаселения страны как демографической, трудовой и морально-психологической

общности. Бытовые условия жизни большинства населения оказались на уровне прожиточного минимума и даже ниже его. Но уровень общественно-политического оптимизма, трудовой и общественной активности в результате Победы, одержанной в жестокой судьбоносной войне, был необычайно высоким. Руководство Компартии и государства, опираясь на настроения народных масс, взяли курс на быстрое восстановление страны. И она поднималась из военных руин как сказочная птица Феникс, благодаря жертвенному трудовому подвигу народа, который был продолжением его военного подвига. Советскому Союзу, его народам нужен был длительный и прочный мир, помощь союзников по войне, понесших многократно меньшие потери и сделавших скачок в экономическом развитии, особенно США. С ними предстояло согласовать внешнеполитическую деятельность, решение проблем устройства и налаживания отношений с побежденными и освобожденными странами.

Выяснилось, что бывшие союзники по вопросам устройства мирной жизни имеют разные, трудно согласуемые подходы геополитического и политико-идеологического характера. США считали, что после войны Европа, Восточная и Юго-Восточная Азия должны стать зонами их геополитического влияния и контроля. На это так же претендовала Великобритания, но уступала первенство США в качестве их главного союзника. При этом она считала своей основной задачей исключение усиления геополитического влияния Советского Союза в Европе и Восточной Азии. После смерти президента США Рузвельта, который определял сотрудничество с СССР в годы войны и выступал за его продолжение после победы в интересах укрепления мира и взаимовыгодного сотрудничества. Новая президентская команда Трумэна не стремилась к сотрудничеству и солидаризировалась с позицией консерваторов Великобритании.

В ужесточении позиции США в отношении с СССР по вопросам устройства послевоенного мира значительную, заметно возрастающую роль стала играть их монополия на ядерное оружие. Ещё до его применения в виде сброса первых двух атомных бомб на Хиросиму и Нагасаки это оружие стало важным фактором политики США в формировании послевоенных отношений с СССР.

16 июля в США был успешно осуществлен атомный взрыв, сразу же был конвертирован в дипломатическую позицию США¹².

Советский Союз, естественно, хотел использовать результаты войны для улучшения своего геополитического положения в Европе и на Дальнем Востоке. Для этого у него были веские исторические причины. Во-первых, из Европы только в первой половине XX века на страну обрушивались две разрушительные войны, каждая из которых угрожала её существованию и наносила трудно поправимый и в значительной мере вовсе непоправимый ущерб её историческому развитию. Во-вторых, Япония в этот период неоднократно совершала против России (СССР) вероломную военную агрессию. В 1904 году она с помощью союзной ей тогда Англии и содействии США развязала войну против России, имевшей на Дальнем Востоке военные силы, не рассчитанные на ведение войны. Развязанная война нанесла России серьёзный ущерб, подорвала её международный престиж и подтолкнула революционные выступления внутри страны. В советское время Япония развязала несколько пограничных конфликтов, держала СССР в состоянии военно-политического напряжения. Только нанесенные её войскам в 1939 году поражение в районе Халхин-Гола временно остановило агрессивные вылазки.

Следовательно, стремление СССР улучшить свое геополитическое положение, используя победу в войне, имели веские основания. Союзники в принципе соглашались с ним во время войны¹³. После войны они неоднократно изменяли свою позицию, не соглашаясь и осуждая действия Советского Союза в плане его стремления сделать более безопасными свои геополитические позиции. Геополитические противоречия между бывшими союзниками имели тенденцию усиления и перехода в политическую и военно-политическую конфронтацию. Соответственно и формирующаяся послевоенная система отношений между государствами и народами имела тенденцию движения не в сторону мира, в сторону военно-политической конфронтации.

К геополитическим противоречиям между союзниками по войне добавились политико-идеологические противоречия. Если в годы войны, противоречия между союзниками, связанные с разным общественно-политическим устройством, разными воззрениями на национальное и мировое развитие, частично были сняты, приглушены или отложены, то в условиях перехода к миру, они

начали быстро приобретать актуальность, остроту и влияние на всю систему отношений.

Война сильно повлияла на социально-политическую ситуацию, но в разных странах по-разному. Бедствия и нищета масс во время войны во многих странах вызвали рост и влияние левых партий и общественно-политических движений. Имущие классы, правые политические партии в оккупированных фашистами странах в большинстве пошли на сотрудничество с ними. Так же вели они себя в странах, оккупированных японцами. Поэтому сопротивление агрессорам в большинстве стран возглавили левые силы. Решающий вклад Советского Союза в разгром фашизма, а затем в разгром квантунской армии Японии также способствовал росту влияния левых политических партий и движений в Европе и Азии. В результате в конце войны и первые послевоенные годы коммунистические, социалистические и другие левые политические партии, группы и движения во многих странах стали значительной общественно-политической силой.

Политическое руководство Советского Союза переоценило временный характер подъема левого движения во многих странах и односторонне оценивало факторы своей победы в войне, относя их, главным образом, на счет советского социалистического общественного строя. Оно было уверено в его преимуществах и непобедимости как доказавшего это в условиях мира и войны. Естественно, оно симпатизировало и поддерживало левые общественно-политические движения в других странах, более активно и предметно в странах, в которых оказались советские войска в процессе освобождения от фашистско-милитаристских режимов и оккупации. Делалось это в расчете на создание пояса дружественных соседних стран. В этих целях оказывалось содействие приходу к власти в этих странах левых сил, создание политических режимов, ориентированных на построение социализма. Недостаток средств и общественно-политического согласия требовали их поддержки, затраты больших средств, в которых остро нуждалась разрушенная войной страна. В результате накапливались долгосрочные проблемы, как в Советском Союзе, так и в подопечных странах.

Западные союзники, в свою очередь, активно помогали правым общественно-политическим силам в странах, в освобождении

которых они участвовали и в которых находились их войска. В результате политико-идеологические противоречия между союзниками играли не меньшую роль, чем не совпадение их позиций в подходах к решению геополитических проблем. Но главное, вопрос о направлении общественного развития отодвинул в сторону вопрос об укреплении мира, соблюдении его норм и принципов при выборе любой модели и программы общественного устройства.

Совместную войну вели за возможность жить в мире и самостоятельно решать вопросы устройства своей жизни. Требовались мудрость и политическая воля от руководства великих держав-победителей оставить вопрос о преимуществах общественного строя на решение в условиях мира и сотрудничества. Только длительное мирное время могло выявить достоинства и недостатки общественных систем. Успешность общественной системы еще не дает основание признать её достойной, лучшей, если созданные ею богатства и благополучие основаны на применении военного насилия, прямого и косвенного, в виде угроз его применения. Такими были фашистская Германия и милитаристская Япония. Но совсем недавний урок истории не пошел впрок победителям. Их политику стали определять радикальные защитники своих и ненавистники чужих общественных систем. Началась межгосударственная политико-идеологическая конфронтация.

Правящие круги США считали себя вправе определять мировое развитие. Социалистическую перспективу они в принципе отвергали. На основе достижений после великой депрессии конца 20-х – начала 30-х годов, особенно военных лет в общественном мнении США формируется комплекс мессианских настроений. У страны после войны было на порядок больше социально-экономических и финансовых ресурсов, существенно более высокий средний уровень личного потребления и семейного благосостояния, чем у других государств, особенно относительно истощенного войной Советского Союза. Привлекательность США для других стран и народов была реально-материальной, привлекательность СССР – идеальной, построенной на вере в будущих преимуществах социализма, в том числе в материальных условиях жизни людей.

В побежденных и освобожденных странах союзники по войне стали поддерживать сторонников своих политико-идеологических

позиций и притеснять противников. Политико-идеологической конфронтацией были охвачены многие страны. Победу в большинстве случаев одерживали силы, получавшие внешнюю поддержку. Европа и Дальний Восток раскалывались на два лагеря. Этого могло не произойти, если бы общественно-политический выбор каждой страны уважался США и СССР.

В США изобретались, провозглашались и превращались в политику государства доктрины «сдерживания», «отбрасывания», «передовых рубежей» борьбы с коммунизмом и «освобождения» народов СССР и стран, в которых утвердилось влияние Советского Союза. Одновременно шло сколачивание военно-политического блока и европейских государств, в которых власть была в руках правых. В 1949 году США создают Североатлантический альянс (НАТО), ориентированный против СССР. Он в свою очередь не только поддерживает социалистическое устройство, но и добивается военно-политического сплочения восточно-европейских стран. В 1955 году создается Организация Варшавского Договора. Выбор общественно-политического устройства под влиянием результатов военно-политической борьбы между бывшими союзниками. Военный фактор стал определяющим в мировом общественном развитии.

В итоге не произошло ожидаемого народами поворота истории от традиционной логики мирно-военных отношений к устойчивому миру. Это требовало от государств-победителей согласованной активной политики по упреждению и исключению войн и военных конфликтов между государствами и народами, отказа от политики национально-государственного эгоизма, идеологической зашоренности в пользу более трудного и сложного мирного движения истории. Они на это оказались не способными.

В случившемся стороны обвиняли друг друга. Действительно, историческая вина лежит на всех. Но решающее слова в выборе альтернатив исторического развития в то время принадлежало США по причине их экономической мощи и монополии на ядерное оружие. К ним объективно перешла ведущая роль в выборе перспектив мирового развития в пользу мирного или военного решения национальных и глобальных проблем. На выбор не в пользу мира большое влияние оказали военно-промышленные

монополии, выросшие в годы войны. Их интересы, лоббистская деятельность серьезно влияли на политику США¹⁴.

Советский Союз в этих условиях не проявил гибкости и принял, а в некоторых случаях инициировал, конфронтационный стиль отношений со своими бывшими союзниками. Союзники, в свою очередь, не только не учли его несравнимо больший, решающий вклад в разгром фашизма и существенный вклад в разгром японского милитаризма, но стали всячески осложнять и создавать трудности для послевоенного развития Советского Союза. В результате, бывшие союзники, не успев полностью завершить переход от войны к мирной жизни, повернулись к подготовке новой войны, но, теперь уже на базе тех средств и методов, которые были освоены или только открыты в ходе Второй мировой войны.

Установление и поддержание всеобщего мира как выдвинутая в годы войны великая историческая цель была отодвинута далеко в сторону. Обеспечение мира не стало центральной и главной задачей, во имя решения которой все были готовы пойти на взаимные уступки, отказаться от национально-государственного эгоизма, мессианских политико-идеологических амбиций и различного рода претензий и притязаний. От приверженности миру никто не отказался, но во имя его соблюдения каждый и все вместе занялись подготовкой к войне. Продолжение истории пошло при существенно изменившихся условиях по старому мирно-военному алгоритму. Только война как национальная, региональная и глобальная угроза стала иной. Вторая мировая война очень много сделала для развития средств и методов её ведения, в том числе и с запредельными результатами для существования человечества. К сожалению, эти результаты были взяты политикой государств-победителей в арсенал средств и методов.

Процесс развития человечества воплощается в первоочередном совершенствовании войны как опасности для его существования уже 70 лет после Великой Победы, которая была одержана во имя другой, мирной альтернативы. История этих лет убеждает, что игнорирование альтернативы исключения войны, которую предоставляла эта Победа, является ошибкой, которая ведет человечество в бездну небытия. А на разворот от движения в этом направлении у него остается все меньше исторического времени. Война как национальная и глобальная опасность не просто

осталась, а всё время возрастала, меняла свой облик, временно отступала и снова выходила на первую роль в национальной и мировой истории. Решающая роль в выборе такого опасного варианта развития послевоенной истории был сделан США в союзе с Великобританией и навязан мировому сообществу.

2. ЭВОЛЮЦИЯ ВОЙНЫ КАК НАЦИОНАЛЬНОЙ И ГЛОБАЛЬНОЙ УГРОЗЫ В ТЕЧЕНИЕ ПОСЛЕВОЕННЫХ ЛЕТ

В результате итогом Великой Отечественной войны и всей Второй мировой войны в принципе не изменили мирно-военный ход истории. Победители не использовали созданный ими же шанс создать систему её движения общественной истории по мирному руслу. Возглавляющие США, Великобританию и СССР политики оказались не способными начать решение этой судьбоносной для народов и человечества задачи. Они не смогли отказаться от идей мессианства и господства, осчастливливания народов и всего человечества, навязывания им с позиций своих разных представлений о свободе, демократии, социальном равенстве и других норм и принципов устройства социальной жизни. При этом не учитывалось то, что они должны быть проверены и восприняты народами только в условиях длительного и стабильного мира, а не в условиях общественно-политической, тем более военной конфронтации. Иначе они им могут быть только навязаны. Государства-победители предпочли силовое навязывание своих подходов длительному и сложному согласованию национальных и общечеловеческих интересов.

Результаты войны не были ими использованы для сворачивания причин и поводов подготовки к новым войнам, для табуирования войны во внутренней и внешней политике государств. Проблему неотложности перехода народов к невоенным цивилизациям политика перед ними даже не поставила. Хотя война показала, к каким результатам для народов и человечества ведет её дальнейшее развитие.

За годы войны произошел не сдвиг, а большой скачок в развитии средств и методов ведения военной борьбы, её существенное рас-

ширение как межобщественного противоборства не только за счет применения массы нового, более мощного убойно-разрушительного оружия, но и за счёт средств и методов информационной и организационной борьбы. Политики бывших союзников по войне с фашизмом и милитаризмом оказались не способными и не желающими решать геополитические и политико-идеологические проблемы, одновременно укрепляя мир и взаимовыгодное сотрудничество. В условиях войны в интересах победы над общим врагом они шли на компромиссы, обеспечивали единство действий, а в условиях завоёванного мира не проявили такой же гибкости и настойчивости в его сохранении и укреплении. От политико-идеологической конфронтации государства, не успев разоружиться и перейти на мирную организацию общественной и государственной жизни, под благовидным предлогом переключились на использование результатов развития войны для укрепления национальной военной безопасности¹⁵. Произошло традиционное для мирно-военного хода истории использование результатов завершившейся войны для подготовки новой войны.

Начался невиданно быстрый рост убойно-разрушительного, дезориентирующего, дезорганизующего и деградирующего народы потенциала войны под предлогом создания системы национальной безопасности на принципах устрашения и сдерживания вероятного противника. В политику вводилась ложная посылка: чем больше и страшнее у государства потенциал войны, тем меньшую опасность война для него представляет. При таком подходе в деятельности государств руководящим становится принцип: чем большим истребительно-разрушительным потенциалом войны оно обладает, тем выше его военная безопасность.

В условиях сложившейся после Второй мировой войны ситуации самый большой потенциал войны оказался у США как государства, владеющего монополией на ядерное оружие и обладающего самыми большими финансово-экономическими ресурсами, развитыми информационными и организационными технологиями. При этом США заверяли мировое сообщество, что свой потенциал войны они используют только в оборонительных целях. Но история многократно доказала, что политика использования государствами своей военной мощи переменчива, будучи оборонительной, она в одночасье становится агрессивно-наступательной.

В результате США объективно явились инициаторами быстрого послевоенного роста уровня и масштабов потенциала войны, величины её показателей как угрозы национальной безопасности для других стран. Хотя после войны этому государству никто не мог реально угрожать применением военной силы по причине его географического положения и военно-силового превосходства. Дело в претензии США на мировое лидерство-господство. Практически противостоять этим претензиям мог только СССР. Его действия в большинстве случаев носили ответно-оборонительный характер. Отказавшись от совместной политики укрепления мира и взаимовыгодного сотрудничества с Советским Союзом, США взяли курс на его разрушение, подобно курсу римлян на разрушение Карфагена. Должен быть разрушен – и всё!

События последующих лет говорят о том, что если бы СССР сразу после войны даже отказался от своих геополитических и политико-идеологических претензий, то при курсе США на «демократическое» управление мировым сообществом все равно не устроило бы его существование как великого государства. Их устраивало только раздробление СССР и колониальный статус враждующих между собой его частей. Этот курс проводили администрации всех президентов США, от Г. Трумэна до Буша старшего. Разработчиком этого курса был Аллен Даллес, руководивший политической разведкой США в Европе в годы войны, а после войны – ЦРУ¹⁶.

Все 70 лет, прошедшие после войны состояние мирно-военной погоды на планете, в основном, определяли и продолжают определять США. Только мировому сообществу подъёмы военно-политической напряженности и военные конфликты объявляются агрессивными устремлениями СССР, в настоящее время – Российской Федерации. Но история всех крупных военных и военно-политических событий в течение семи десятилетий свидетельствует о другом. Остановимся только на узловых событиях и процессах.

Отправным событием, оказавшим после 1945 года большое влияние на развитие войны как национальной и глобальной угрозы, было производство и применение ядерного оружия. Монополия США на это оружие делала их не склонными к компромиссам, к совместному равноправному сотрудничеству, мирному решению спорных проблем. США предпочли наращивать

ядерный потенциал и планировать в соответствии с его наличием применение против СССР. По мере роста количества ядерных бомб планировалось соответствующее количество ударов по городам Советского Союза. Сдерживало наличие его Вооруженных Сил в центре Европы, которым группировка американских войск без применения ядерного оружия не могла противостоять. Политики и планировщики войны США против СССР оценивают последствия его ядерной бомбардировки и ответные действия, реакцию народов и приемлемых результатов не находят. Хотя среди американской политической и военной элиты находились и сторонники пойти и на риск ядерной войны.

Советский Союз в этих условиях предпринимал все усилия, чтобы преодолеть монополию США на ядерное оружие, несмотря на послевоенную разруху, бедность и нищету населения. В 1949 г. он стал обладателем ядерного оружия и устремился к достижению паритета с США. Развернулась многолетняя гонка производства и освоения вооруженными силами ядерного оружия, его применения авиацией с переходом на баллистические ракеты. Одновременно шла модернизация традиционных видов оружия. В 1960 году у Советского Союза уже было 300 ядерных зарядов, у США – порядка 6000. Это далеко до паритета, но СССР уже способен причинить неприемлемый ущерб. СССР опережает США в производстве и испытании водородной бомбы. Убойно-разрушительный потенциал войны растет, приближаясь к потенциалу глобального уничтожения всего живого. Ядерные потенциалы выравниваются. США обкладывают СССР по периметру его границ своими военными базами, в том числе и с ядерным оружием.

Приоритет США в постановке на службу войны ядерного оружия, соответственно увеличение её убойно-разрушительного потенциал на несколько порядков очевиден. За это на них лежит груз исторической ответственности. Её нельзя переложить на Советский Союз, даже на счет его не всегда и не во всем оправданных действий в многолетней гонке ядерных вооружений в процессе вынужденных ответных действий. Появление ядерного оружия требовало по-новому ставить вопрос о введения в международные отношения принципа равенства военной безопасности на основе низкого уровня потенциала военной опасности, исключаящим в случае войны большие жертвы и разрушения, тем более геноцид

народонаселения противника. Инициатива была в руках США как монополиста на ядерное оружие, но они воспользовались этой монополией в государственно-эгоистических целях. Они предпочли наращивание потенциала геноцидной войны, требуя от других, прежде всего от Советского Союза, национально-государственного альтруизма. Но позиция военно-силового превосходства не была принята СССР, а США не отказались от этой позиции.

И после того, как СССР начал производство и освоение ядерного оружия, США длительное время сохраняли превосходство и строили систему обеспечения национальной безопасности на принципах гарантированного уничтожения противника, которым считали Советский Союз, и исключение неприемлемого ущерба для себя. Но в 60-х годах эта стратегия оказалась несостоятельной. Она привела к той ситуации, к которой должна была привести. Это показал Карибский кризис 1962 года. США в это время обладают кратным потенциалом геноцидной войны против СССР. Но уже при не поддающимися оценке неприемлемыми для себя последствиями. Убойно-разрушительный потенциал вероятной войны сделал возможным её новый тип – суицидную войну, т.е. войну, ведущую к гибели развязавшего её, а не только его противника.

До Карибского кризиса СССР жил под угрозой геноцидной войны США на основе применения придвинутого к его границам ядерного оружия. Но когда Советский Союз в ответ начал размещать своё ядерное оружие на Кубе, США посчитали это актом агрессии. Это показатель того, что американцы не признавали и не соблюдали принцип равенства военной безопасности. Их устраивал только принцип превосходства безопасности, которое в свою очередь рассматривалось как условие господства в международной политике.

Во время Карибского кризиса возникла ситуация выбора между развязывания суицидной войны и политического компромисса. Тогда у политического руководства США и СССР хватило здравого смысла и политической воли пойти на политический компромисс. Правда, СССР убрал всё ядерное оружие с Кубы, а США – только с территории Турции, оставив это оружие в других близких к СССР странах. Это свидетельство того, что он готов был идти на серьёзные уступки в интересах общей военной безопасности, даже уступая в её уровне.

Была надежда, что страны всё же перейдут к совместному поиску такого пути развития и взаимодействия общественных систем, которые отвечали бы интересам последовательного проведения политики поддержания и укрепления всеобщего мира. Другой разумной альтернативы не было. Но амбиции на мировое превосходство попирали политический разум. В США нашлись влиятельные политические силы, которые заикнулись на борьбе с коммунизмом и руководствовались девизом: «Лучше быть мертвым, чем красным». Именно эти силы организовали в 1963 году убийство президента США Джона Кеннеди за компромисс при решении Карибского кризиса. И в Советском Союзе нашлись хранители революционного радикализма, для которых борьба с капитализмом оставалась «поважнее мира». Поворота в сторону мира не последовало. Совершенствование оружия, увеличение ракетно-ядерной составляющей в структуре вооруженных сил продолжалось. СССР в 70-е годы достигает ракетно-ядерного потенциала с США. Убойно-разрушительный потенциал вероятной войны становится достаточным для многократного взаимного уничтожения.

Развитие традиционной войны, основанной на применении и непрерывном совершенствовании убойно-разрушительного оружия, при применении большого количества оружия массового уничтожения привело войну как средство решения национальных и международных проблем в исторический тупик. Но политического отказа от политически бессмысленной войны не последовало. Принцип равенства безопасности и согласованного его укрепления не устраивал США. Хотя переговоры велись, заключались договоры по ограничению вооружений. В то же время шел поиск возможной победоносной войны с приемлемым ущербом или вовсе без него по двум основным направлениям: во-первых, по пути поиска возможности обнуления ответного ракетно-ядерного удара со стороны СССР за счет превентивного удара и новых средств и методов создания противоракетной обороны, во-вторых, по пути развития нетрадиционных средств и методов ведения военной борьбы, превращение их из вспомогательных в решающие факторы войны.

Оба направления имели одну и ту же конечную цель: сокрушить Советский Союз, вынудить его пойти на капитуляцию. Первое

направление было предназначено, прежде всего, для подрыва экономики СССР чрезмерными ответными расходами на оборону и последующего обострения социальных, национальных и других проблем, наконец, создания критической внутренней общественно-политической напряженности. Второе направление решало такие же задачи, но иными средствами и методами, главным образом, информационными и организационными. Если первое направление представляло внешнее воздействие на СССР, то второе направление воздействовало на его внутреннюю жизнь.

Нетрадиционные (невооруженные) средства в военной борьбе применялись всегда. Но преимущественно в качестве подсобных средств и методов. Хотя еще в древности считали, в частности китайский полководец и мыслитель Сунь Цзы, что предпочтительнее победа в войне, достигнутая без войсковых сражений. Были в истории и редкие случаи, когда войны велись и выигрывались без вооруженной борьбы, но они не считались войнами. Войной считалась борьба на уничтожение и подчинение противник своей воле вооруженными силами. Военная наука формировалась в Европе как наука только о борьбе вооруженных сил, а не наука о войне как общественном явлении. Если в войнах имела место партизанская борьба, то такие войны объявлялись неправильными. Но со временем вооруженная борьба дополняется другими средствами и методами борьбы в целях достижения военной победы. Войны становятся всеохватывающим противоборством, подчиненным её целям. В XX веке войны нередко начинались в расчете на победную борьбу вооруженных сил, а заканчивались на основе побед и поражений в других видах и сферах борьбы.

Общественные науки в XX веке показали, что социум имеет много уязвимых мест и процессов, воздействие на которые опасно для его развития и существования. Эти знания в меньшей мере были поставлены на службу дела мира, в значительно большей степени и в первоочередном порядке на службу делу подготовки и ведения войн. Больше других стран в этом преуспели США, в том числе в изучении под этим углом зрения опыта Второй мировой войны. Была создана особая область в организации науки, предназначенная для изучения Советского Союза, названная «советологией». Советология сыграла важную роль в разработке

средств и методов в ведении США нетрадиционной войны США против СССР.

Это дало возможность для развития и конкретного приложения нетрадиционных методов ведения военной борьбы, целью которой, как и традиционной войны, является уничтожение противника или подчинения его своей воле. По существу мирно-военное развитие истории после Второй мировой войны привело к одновременному существованию трех типов подготовки и ведения войн: классической или традиционной, нетрадиционной и смешанной. При этом в ходе войны стал возможным переход от одного типа войны к другому.

Нетрадиционные средства и методы военной борьбы после окончания войны и перехода к военно-политической конфронтации США и их союзники некоторое время рассматривали как средство подготовки к традиционной войне без применения или с применением ядерного оружия и обеспечение ведения этих вариантов традиционной войны. Но затем они пришли к выводу, что традиционные и нетрадиционные средства ведения военной борьбы могут поменяться местами, что войну против СССР можно выиграть, не прибегая к рискованному варианту применения вооруженных сил, обмена ядерными ударами.

Применение нетрадиционных средств ведения военной борьбы на всех этапах получило название «холодной войны». Однако содержание, функции и роль этой войны были различными в разные периоды послевоенной истории. Советское политическое и военное руководство явно не оценило изменение роли нетрадиционных средств и методов военной борьбы, прежде всего, информационных и организационных, включая подготовку и внедрение в органы власти и общественно-политические движения агентов влияния.

Холодная война теоретически и практически рассматривалась в СССР как проявление политической борьбы, не переходящей в военную борьбу. Её типичная трактовка: «Холодная война», термин, означающий враждебный политический курс, который правительства западных держав стали проводить в отношении СССР и др. социалистических государств по окончании 2-й мировой войны»¹⁷. Советское политическое и военное руководство было сосредоточено на поиске обеспечения военной безопасности СССР методом поддержания военно-политического паритета в тради-

ционном его измерении количеством и качеством вооружений, ядерных зарядов и пусковых ракет, составом вооруженных сил. По такой логике сбалансированное взаимное сокращение ракетно-ядерных и обычных вооружений обеспечивало выход из тупика военно-политической конфронтации. Параллельное развитие военной борьбы в условиях формального мира не учитывалось. Достигнутый в 70-е годы паритет давал надежду на устойчивую безопасность на основе угрозы взаимно уничтожающей (суицидной) войны, на успех переговоров по снижению потенциала этой войны. В середине 70-х годов были заключены внушающие общий оптимизм Хельсинские соглашения.

Но в 80-е годы ситуация серьезно изменилась не в пользу СССР. Советский Союз переживал серьезный социально-экономический кризис, выход из которого требовал всеохватывающих реформ. Запад, прежде всего, США предприняли всё, что было в их силах, чтобы углубить этот кризис. Одновременно усиливается нетрадиционная война. Во время президентства Р. Рейгана (1981 – 1989) США перевели эту войну в режим решительного наступления в расчете, что Советский Союз не ответит традиционной войной. Это была рискованная авантюра президента-актера, которая могла закончиться вселенской катастрофой. Но политическая авантюра, которая могла иметь пагубные вселенские масштабы, подобно театральной постановке трагикомедии на тему интриг, угроз, переговоров и бессодержательных разговоров, обмана, ни на чем не основанного доверия, решающего влияния женского фермента, закончилась успехом для её постановщика. Советское руководство во главе с М.С. Горбачевым, из расчета морально-психологических качеств которого и подобранной им команды конструировалась рейгановская авантюра, оказалось не способным её пресечь. Скорее оно в условиях нетрадиционной войны играло с противником в поддавки. Состав этого руководства не обладал сознанием и чувствами своей ответственности за историческую судьбу великой страны, во главе руководства которой в силу стечения многих обстоятельств оно оказалось. В результате вместо назревшего и объявленного реформирования Советского Союза, он в конце 1991 года был искусственно введен в режим геополитической катастрофы.

Правомерно утверждать, что Советский Союз как геополитическая конструкция социума был разрушен в результате тайного ведения США нетрадиционной войны. Это уже не является секретом. Разработчики секретных операций в администрации президента и спецслужб США даже хвастаются своими заслугами. Но не лишне гражданам этой страны осознать, что разрушая Советский Союз, администрация и спецслужбы США совершали очень рискованную и опасную авантюру. Авантюра удалась, но могла закончиться глобальной катастрофой. Бумеранг злых дел имеет свойство возвращаться туда, откуда его запустили. Это к слову. В данном случае речь о другом. Дивиденды от удачной авантюры порождают соблазн повторения. Такая опасность существует. Но вряд ли любителям авантур снова удастся стать национальными героями как это удалась Рейгану и завершившим его авантюру Бушем-старшим.

Советский Союз – конкретная историческая форма государственной организации России как одной из мировых цивилизаций совместной мирной жизни народов на пространствах Евразии. СССР был создан в результате катастрофических последствий для Российской империи Первой мировой войны, состоявшихся во время этой войны двух революций. Февральская революция 1917 года, совершенная по инициативе российских либералов при содействии их западноевропейских приказчиков, разрушила Российскую империю. В результате второй, Октябрьской революции в России была установлена Советская социалистическая государственность, которая в 1922 году была оформлена в государственную конструкцию с названием Советский Союз. В этой форме Российская государственность существовала неполных 70 лет.

Казалось, что США после разрушения СССР как своего главного противника повернут историческое развитие в сторону мира, начнут демонтаж чудовищного потенциала войны. Все государства, входившие в Организацию Варшавского Договора, созданного в 1955 году в ответ на создание в 1949 году НАТО, а так же все бывшие союзные республики Советского Союза, ставшие независимыми государствами, изъявили готовность признать их лидерство, поддержать политику утверждения прочного мира. Российская Федерация как самая большая союзная республика бывшего СССР и государство-продолжатель пошла на все мыслимые и не мысли-

мые уступки и соглашения с США. Все в расчете на снятие угрозы взаимно уничтожающей войны, на равноправное партнерство в двусторонних отношениях международном сотрудничестве.

Похоже, что элита США не склонна признавать равенства не только в вопросах безопасности, но и в сотрудничестве вообще. Её руководящей идеей является лидерство-господство везде и во всем, гарантированно подкрепленное силовым превосходством. За этой позицией чувствуется вековая философия, согласно которой «человек человеку — волк», народы, соответственно, возглавляемые государствами «волчьи стаи», готовые наброситься друг на друга, особенно в состоянии или предвидении предстоящего голода. Это философия вечной войны, неверия в возможность изменить порочный мирно-военный ход общественной истории. Её изменение начинается с изменения её философии. Сегодня человечество нуждается в том, чтобы вернуть веру в возможность победы над злом войны. В годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945 годов эта вера обеспечила победу над фашизмом и милитаризмом. К сожалению, плоды этой победы не были поставлены на службу миру и обузданию любителей войны всех типов и окрасов.

Сегодня зло войны нависает над народами и всем человечеством в форме традиционных, нетрадиционных и смешанных войн. Изобретение конкретных типов войн в США стало маниакальным занятием. Но не слышно проектов о демонтаже всех типов войн. Интересы национальной и глобальной безопасности именно требуют этих проектов, а не проектов геноцидных, суицидных, классических, нетрадиционных и смешанных войн с эпитетами сетцентрических, гибридных и др.

Семь десятилетий, прошедших после Великой Победы, были годами трудной, сложной, не всегда успешной борьбы за её цели и предоставленные возможности для перевода истории на рельсы прочного мира и взаимовыгодного сотрудничества. И всё же Победа остаётся источником оптимизма и веры в то, что оставленное ей историческое наследие навсегда останется путеводной звездой для человечества. Она — ориентир для государств и народов в борьбе с претендентами на мировое лидерство-господство. Повернутые 70 лет тому назад фашисты и милитаристы так же претендовали на мировое господство. Они навечно останутся у позорного столба истории. Не всем сегодня нравятся и не всем идут впрок

уроки истории. Но только она является великим Учителем. Её нельзя отменить и переделать. Но её пытаются исказить и в таком виде впечатать в сознание и память народов. **Борьба за правду истории является важной частью борьбы за мирное и счастливое будущее.**

Ссылки:

¹ Известный военный историк и военный теоретик, активный участник Первой мировой и других войн генерал-лейтенант, профессор Н.Н. Головин назвал войну «грандиозной незнакомкой».

² Ученый-энциклопедист, герой Первой мировой войны и участник Гражданской войны генерал А.Е. Снесарев (1865 – 1937), анализируя мнения о войне известных людей и собственный военный опыт писал: «...Война – явление сложное, трудно выяснимое, нелегко поддающееся как нравственному, так и научному критериуму». (Снесарев А. / Андрей Снесарев. – М.: ЛомоносовЪ, 2013. С. 36)

³ Флуктуация (от лат. колебание) воны и мира в мировой истории см.: Сорокин П. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / Пер. с англ. – СПб.: РХГИ, 2000. 1056 с.

⁴ Изучение войны с позиций мирно-военного подхода предложено И.С. Даниленко. См.: Даниленко И.С. Проблемы войны, мира и армии в эпоху глобализации. – Военно-философский вестник. 2008. № 1. С. 16 – 22.

Война и общество в XX веке: в 3 кн. /рук. Проекта и сост. О.А. Ржешевский: Ин-т всеобщ. Истории РАН. – М.: Наука. – 2008. Кн. 1: Война и общество накануне и в период Первой мировой войны / науч. рук. В.А. Золотарев. Глава 1. Война и общество: некоторые проблемы теории.

⁵ На Московской конференции трех держав (СССР, Великобритании и США), состоявшейся 19 – 30 октября 1943 года, в декларации от имени четырех держав (с включением Китая) было заявлено: «1. Что их совместные действия, направленные на ведение войны против их соответственных врагов, будут продолжены для организации и поддержания мира и безопасности». После этой конференции последовала встреча глав правительств в Тегеране.

⁶ Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу: Военные мемуары. – М.: Воениздат, 1980. С. 517.

⁷ Там же. С. 523.

⁸ Там же. С. 512 – 513.

⁹ Эта формула в течение веков представляла кредо многих политиков Великобритании. При переходе к миру типичным её приверженцем показал себя У. Черчилль. Об этом свидетельствуют его отношения к СССР: дружественные в ходе войны, не совсем дружественные в конце и враждебные после её окончания.

¹⁰ Из заключения начальников штабов Великобритании о плане войны против СССР (операция «Немыслимое») / Мировые войны XX века. Книга 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. – М.: Наука, 2005. С. 614 – 615.

¹¹ В этом отношении показательна речь президента США Франклина Рузвельта 23 ноября 1942 года: «И сегодня, 23 ноября 1942 года, на русской реке Волга у русского города Сталинграда встретились воины двух фронтов. Это великое событие. В кольцо попали 22 немецкие дивизии – сильные, мощные, страшные... История творится сейчас там... Я прошу вас, дорогие американцы, помогайте этим людям, молитесь за них, за этих людей. Помните, они погибают и за нас с вами». (Комсомольская правда. 21 июня, 2005).

¹² Наличие в США атомного оружия впервые дало о себе знать в позиции и поведении президента США Г. Трумэна на Потсдамской конференции трех держав (СССР, Великобритании и США) 17 июля – 2 августа 1945 года.

¹³ Об этом свидетельствуют записи бесед и переписка Сталина с Рузвельтом и Черчиллем.

¹⁴ Об этом откровенно скажет президент Эйзенхауэр, покидая Белый дом в 1961 году.

¹⁵ В качестве идеологического прикрытия был востребован девиз древних «хочешь мира – готовься к войне».

¹⁶ Аллен Даллес был разработчиком секретной доктрины и спецопераций по сокрушению СССР, его брат Дж.Ф. Даллес был в 1953 – 1959 годах гос. секретарем США и автором доктрин политики «с позиции силы» и «балансирования на грани войны». Он определял политику США в отношениях с Советским Союзом, президент Д. Эйзенхауэр, похоже, только её утверждал.

¹⁷ Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 1461.

Оглавление

ОГЛАВЛЕНИЕ

А.Н. Сергеев.

«Имидж России в контексте исторической правды» –
комплексная образовательно-просветительская программа,
необходимая для патриотического воспитания молодежи 5

И.С. Даниленко.

Великая Победа и современные проблемы войны и мира 7

Б.Н. Бессонов. Советский народ – спаситель человечества.....19

Введение21

Глава 1. Несостоятельность буржуазных трактовок сущности фашизма 27

Глава 2. Фашизм – поражение империалистической стадии
развития капитализма46

§ 1. Фашизм и монополистический капитал.....46

§ 2. Фашизм и Милитаризм.....68

§ 3. Фашизм международная империалистическая буржуазия 82

§ 4. Массовая социальная база фашизма 108

Глава 3. Идейные источники фашистской идеологии..... 120

§ 1. Реакционные идеи империалистической буржуазии –
духовный импульс фашизма..... 120

§ 2. Несостоятельность фашистских претензий на наследие
классической немецкой философии..... 155

Глава 4. Бесчеловечная идеология – преступная политика 175

Обскурантизм фашистской идеологии 175

Расизм, антисемитизм, национализм, шовинизм 179

Фашизм – идеология насилия и агрессивной, захватнической войны	207
Фашистское тоталитарное государство. Принцип фюрерства как воплощение фашистской диктатуры	225
Глава 5. Ложь и социальная демагогия фашистов	246
Глава 6. Борьба за единство антифашистских сил.....	285
Глава 7. Великая Отечественная война Советского народа (1941 – 1945 гг.).....	320
Глава 8. Фашизм после 1945 года	387
§ 1. Послевоенное лицо фашизма.....	387
Заключение	421
М.В. Виниченко. Город-герой Севастополь	451
М.В. Виниченко. Симферополь – столица Крыма	499
И.С. Даниленко. 70 лет после Великой Победы: возможные и реальные пути послевоенной истории.....	557

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОНД
ПОДДЕРЖКИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ПРОЕКТОВ

Библиотечка
Центра развития
социально-гуманитарных проектов

Б.Н. БЕССОНОВ
М.В. ВИНИЧЕНКО
И.С. ДАНИЛЕНКО

ИМИДЖ РОССИИ
В КОНТЕКСТЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ

правдаистории.рф
truthrussia.ru

ISBN 9785913671189

Академия гуманитарных исследований
Издательский дом «Гуманитарий»
E-mail: academyrh@list.ru

Технический редактор Л.О. Осепян
Верстка: А.А. Львова, Е.И. Романова, В.М. Топилина

Формат 60x90/16. Печать цифровая.
Бумага офсетная № 1. Печ.л. 37,0. Тираж 2400. Заказ
Отпечатано в типографии «Ваш полиграфический партнер»
Москва, 127238, Ильменский пр., д. 1, стр. 6.